ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ-ПОЛИТИКИ-ЛИТЕРАТУРЫ.

19029 49 т

т I.

ТРИДЦАТЬ-СЕДЬМОЙ ГОДЪ. — КНИГА 2-я.

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

ФЕВРАЛЬ, 1902.

ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 л., 28.

ИСТОРІЯ, БІОГРАФІЯ, МЕМУАРЫ, ПЕРЕПИСКА, ПУТЕШЕСТВІЯ, ПОЛИТИКА, ФИЛОСОФІЯ, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВО.

КНИГА 2-я. — ФЕВРАЛЬ, 1902.

Стр.

I.—ПОСЛѢДНІЕ ГОДЫ ЖИЗНИ БАЙРОНА. — 1818-1824 гг. — Окончаніе. — **Алексѣя Веселовскаго** 441

II.—ИСПОВѢДНИКИ.—Повѣсть.—X-XVIII.—**П. Д. Боборыкина** 482

III.—ИСПРАВИТЕЛЬНЫЯ ЗАВЕДЕНІЯ ВЪ С.-АМЕРИКАНСКИХЪ ШТАТАХЪ. **А. Гольденвейзера** 552

IV.—ПО МАНЧЖУРІИ. — 1900-1901 г. — Воспоминанія и разсказы.—X-XVIII.— **А. В. Верещагина** 573

V.—ИЗЪ ЖИЗНИ ХАРЬКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА ВЪ НАЧАЛѢ XIX-го ВѢКА.—I-VI.—**Д. И. Багалѣя** 628

VI.—БУДУЩИМЪ БІОГРАФАМЪ Н. В. ГОГОЛЯ. — Замѣтки.—I.—**А. Кочубинскаго** 650

VII.—ЖИЗНЬ ТОМАСА ТРУКА.—Романъ.—Felix Holländer, Der Weg des Thomas Truck.—Часть вторая: I-VIII.—**П—ны С—вой** 676

VIII.—КРЕСТЬЯНСКОЕ ДѢЛО ВЪ ЮГО-ЗАПАДНОМЪ КРАѢ.—1865-68 гг.—III-V. —Окончаніе.—**Ѳ. Ѳ. Воропонова** 733

IX.—СТИХОТВОРЕНІЯ.—I. Дубрава.—II. Русская пѣсня.—**И. П.** 772

X.—ХРОНИКА. — По вопросу о задачахъ губернскаго земства.—II. — Окончаніе.—**Ап. В. Еропкина** 774

XI.—ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Государственная роспись на 1902-й годъ.— Закрытіе совѣщанія, учрежденнаго въ 1897 г. для выясненія нуждъ помѣстнаго дворянства.—Предполагаемое открытіе особаго дворянскаго отдѣла.— Ультра-сословное газетное прожектерство, не отступающее передъ „насиліемъ".—Сфера дворянскихъ ходатайствъ.—Возобновленіе пересмотра узаконеній о крестьянахъ. — Программа изслѣдованія причинъ упадка центральныхъ губерній.—Близкій конецъ работъ по составленію гражданскаго уложенія.—Отдѣленіе Кронштадта отъ петергофскаго уѣзднаго земства . . 801

XII.—ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Рѣчи графа Бюлова въ германскомъ парламентѣ.—Оффиціальный патріотизмъ и внѣшняя политика Германіи.—Внутреннія дѣла въ Пруссіи.—Дѣло Кулемана въ прусской палатѣ депутатовъ. —Парламентскія пренія о польскомъ вопросѣ 821

XIII.—ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ. — „Подъ знаменемъ науки", юбил. сборникъ въ честь Н. И. Стороженка.—Сочиненія И. Ѳ. Горбунова, п. р. и съ предислов. А. Ѳ. Кони.—Отзвуки разсказовъ И. Ѳ. Горбунова, гр. П. Шереметева.—П. А. Кулишъ, В. Шенрока.—**А. П.**—Новое о Пушкинѣ, Ив. Щеглова.—**Е. Л.**—Новыя книги и брошюры. 835

XIV.—НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. — I. Der rote Hahn, v. G. Hauptmann.—II. Lebendige Stunden, v. Arthur Schnitzler.—**З. В.**—III. Positive Ethik, v. G. Ratzenhofer. — **Э. Р.** 846

XV.—ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ. — Значеніе яслей въ голодные годы.— Поучительный опытъ. — Пироговскій съѣздъ врачей. — Судъ надъ тифлисскимъ городскимъ управленіемъ.—Юбилей „Гражданина". — Возобновленіе занятій коммиссіи по преобразованію средней школы.—Э. Д. Нарышкинъ, И. В. Мушкетовъ, Н. И. Цухановъ и А. В. Плетнева † 864

XVI.—ИЗВѢЩЕНІЯ.—Отъ городской Коммиссіи по народному образованію . . . 881

XVII.—БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ. — Отчужденіе недвижимой собственности для государственной или общественной пользы, В. В. Салова. — Кантъ и Гегель въ ихъ ученіяхъ о правѣ и государствѣ, П. Новгородцева.—Стихотворенія, кн. Д. Н. Цертелева.—Руководство къ физическому образованію дѣтей школьнаго возраста, П. Лесгафта. — Путеводитель по Великой Сибирской желѣзной дорогѣ, А. И. Дмитріева-Мамонова. — Учебные годы стараго барчука, Евг. Маркова. — Повѣсти, сказки и разсказы Кота-Мурлыки, т. III.

XVIII.—ОБЪЯВЛЕНІЯ.—I-IV; I-XII стр.

Подписка на годъ, полугодіе и первую четверть 1902 года.
(См. условія подписки на послѣдней страницѣ обертки.)

ПОСЛѢДНІЕ ГОДЫ ЖИЗНИ БАЙРОНА

1818—1824 гг.

Окончаніе *).

Невозможно было надолго сковать духъ свободы, оживлявшій Байрона—при помощи разсудочно навязанной теоріи, чья строгая правильность такъ мало шла къ взволнованному настроенію поэта; послѣ „Сарданапала“ и „Фоскари“ классическія вериги упали, и снова вырвался на волю титаническій, непокорный, мятежный духъ—въ „Каинѣ“, этомъ полнѣйшемъ выразителѣ Байроновскихъ стремленій и думъ въ равеннскій періодъ. Время и мѣсто дѣйствія, библейская обстановка, архаическая форма мистеріи, персоналъ, составленный изъ людей, демоновъ и ангеловъ, фабула, сосредоточенная вокругъ перваго убійства и первой смерти, казалось, не давали простора для провозглашенія принциповъ и требованій новаго человѣчества, хотя бы въ основѣ ихъ и лежали идеи безсмертныя, переживающія вѣка и тысячелѣтія. Мозаическая работа, которую, въ видѣ фундамента для драмы Байрона, подвели подъ нее пытливые комментаторы [1]), указанія

*) См. выше: янв., 80 стр.

[1]) Въ особенности обстоятельны разысканія Альфреда Шафнера (Lord Byron's *Cain* und seine Quellen, v. Albr. Schaffner. Strassburg, 1880), который указалъ, между прочимъ, на точки соприкосновенія съ Гетевскимъ „Фаустомъ“ и „Освобожденнымъ Прометеемъ“ Шелли.

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

на заимствованія и отголоски изъ „Потеряннаго Рая“ Мильтона, изъ „Смерти Авеля“ Гесснера, даже изъ средневѣковой духовной драмы англійской „Mactacio Abel“ [1]), могли бы навести на мысль о томъ, что „Каинъ“—такая же попытка сценической реставраціи Библіи, какъ „Сарданапалъ“—оріентальной исторіи, какъ венеціанскія трагедіи—лѣтописей старой республики; что дѣломъ поэта было вложить жизнь въ завѣщанныя традиціею тѣни дѣйствующихъ лицъ, раскрыть ихъ психологію, мотивировать ихъ разногласія, борьбу, сомнѣнія, разладъ, объяснить кровавую развязку. Знаніе Библіи и живой интересъ къ ней, какъ къ поэтическому памятнику, сопровождавшіе Байрона съ дѣтства во всю жизнь, могли бы оправдать подобный замыселъ.

Онъ и явился у него, какъ несомнѣнно руководилъ и Мильтономъ при созданіи его поэмы. Но, вполнѣ сходясь въ этомъ съ авторомъ „Потеряннаго Рая“, Байронъ слилъ съ сценической иллюстраціей Библіи идеи и мотивы, указанные не легендой, а духомъ времени и запросами освобождающейся личности. Въ его мистеріи нельзя не отдѣлить красотъ художественныхъ отъ мѣткихъ и сильныхъ философскихъ и соціально-политическихъ заявленій. Гёте [2]) одинъ изъ первыхъ оцѣнилъ мастерство изображенія душевнаго міра Каина до появленія Люцифера, проблесковъ раздумья, тревоги, переходящей въ мятежное недовольство и страстное желаніе заступиться за весь родъ людской, несправедливо и навѣки осужденный на страданія,—то мастерство, которое преобразило мелодраматическую фигуру мрачнаго и своекорыстнаго братоубійцы въ друга людей, съ задатками и влеченіями Прометея, но съ роковою участью, которая *случайно*, въ минуту запальчивости, дѣлаетъ его преступникомъ и томитъ его ужасомъ и раскаяніемъ. Онъ сталъ олицетвореніемъ пробудившейся человѣческой мысли, обреченной на вѣчное исканіе истины, свѣта, правды, свободы и на мучительное сознаніе безъисходности зла,—мысли, не удрученной горемъ и не смиряющейся, но, вопреки всему, протестующей и непокорной. Далеко позади Каина остаются люди, составляющіе его первобытную среду, родители, жена, братъ, подчинившіеся, послушные, безличные, обрисованные немногими, но типическими чертами; его мысль унеслась въ даль вѣковъ, къ будущимъ поко-

---

[1]) Сходство любопытное, но трудно объяснимое, такъ какъ въ ту пору собранія англійскихъ мистерій еще не были изданы.

[2]) Въ статьѣ о Байроновскомъ „Каинѣ“ въ „Kunst u. Alterthum“, 1824.

лѣніямъ людей; въ своемъ полетѣ среди міровъ и стихій онъ увидалъ все, что ждетъ въ будущемъ человѣчество, — и не можетъ покорно принять этой участи. Въ его жилахъ кипитъ кровь титана, но подобный титанъ—уже не горделивый богатырь-великанъ, величающійся надъ толпой, а превышающій всѣхъ силою заступникъ и вождь; его горе—не эгоистическое, и приводитъ оно не къ пессимизму, а къ борьбѣ.

Открыть ему глаза, пробудить къ сознательной жизни призванъ Люциферъ. Не легенда только о первыхъ людяхъ, а древній миѳъ о духѣ зла потревожены, чтобы добыть этотъ образъ, одинъ изъ поразительнѣйшихъ въ Байроновской поэзіи. Какъ Каинъ сталъ въ ней символомъ рвущейся изъ оковъ человѣческой мысли и переросъ свой легендарный прототипъ, такъ въ демонѣ не осталось слѣда зловѣщаго искусителя. Это—существо высшее, съ безконечными стремленіями и божественной проницательностью, низвергнутый, но не покорившійся ангелъ, смѣло ставящій передъ лицомъ человѣчества цѣли, которыхъ оно не достигнетъ, если поддастся. Это не духъ отрицанія и сомнѣнія, но виновникъ отважнѣйшихъ подвиговъ разума и воли человѣка, тотъ Сатана, который воспѣтъ былъ впослѣдствіи съ молодою горячностью маститымъ теперь и успокоившимся Кардуччи [1]):

Salute, o Satana,
O ribellione,
O forza vindice
De la ragione!

Такъ нѣкогда Мильтонъ, въ Сатанѣ своего „Потеряннаго Рая", тоже съ немалымъ трудомъ примѣняясь къ правовѣрной легендѣ [2]), олицетворилъ тотъ духъ независимости и самоопредѣленія, который привелъ англійскую жизнь XVII-го вѣка къ величайшему перевороту. Байронъ пошелъ по слѣдамъ Мильтона, но, раздѣливъ призваніе проповѣдниковъ самоопредѣленія между задумчивымъ Каиномъ и пламенно негодующимъ Люциферомъ, онъ смѣлѣе и полнѣе выразилъ, для своего, казалось, погрязшаго въ безличности и рабствѣ вѣка, основную мысль. И поводъ, и силу для того онъ нашелъ во всемъ недавно имъ пережитомъ, — и безъ живого вліянія современности, быть можетъ, ветхая библейская тема не дала бы такихъ свѣжихъ ростковъ. Ея религіоз-

[1]) Levia—Gravia di Giosue Carducci (1861—1867). Bologna, 1888, 155.

[2]) Относительно художественныхъ ея переработокъ сравн. сводъ у Arturo Graf, „Il Diavolo". Milano, 1899, 431—453.

ный колоритъ, мотивъ ослушанія божественной волѣ, борьбы духа тьмы противъ свѣтлаго божества, получили въ подобной окраскѣ оттѣнокъ еретическаго вольнодумства, и тотъ возмущенный, негодующій пріемъ, который встрѣтилъ „Каина“ въ чопорной Англіи тѣхъ временъ,—пріемъ, мѣтко сравненный Брандесомъ съ тѣмъ, что выпалъ въ Германіи на долю „Das Leben Jesu“ Штрауса [1]),—закрѣпилъ надолго толкованіе Байроновской мистеріи въ анти-клерикальномъ духѣ. Но какъ бы тонко и искусно ни разрисовалъ поэтъ тѣхъ узоровъ, которые были необходимы, какъ бытовая рамка, такъ какъ онъ имѣлъ передъ собой библейскій сюжетъ,—ничто не было такъ далеко отъ его цѣлей, какъ намѣреніе написать что-то въ родѣ богословской трагедіи съ вольнолюбивымъ освѣщеніемъ. Его замыселъ былъ шире и вѣковѣчнѣе,—и, потрясенные этой широтой и смѣлостью, склоняли голову въ благоговѣніи люди, искушенные жизнью, сильные талантомъ и мыслью, хотя дотолѣ чуждые подобному радикализму, —такіе вожди современной словесности, какъ Гёте, Вальтеръ Скоттъ и даже тѣ, кто, въ родѣ Джеффри, не могли сладить съ еретической стороной дѣла, и должны были признать, что, по мощи, „Каинъ“ превышаетъ всѣ драматическія произведенія Байрона.

„Было время, когда меня называли Наполеономъ въ царствѣ риѳмъ, — иронически шутилъ впослѣдствіи Байронъ (XI пѣснь „Донъ-Жуана“), коснувшись измѣнчивости людской молвы,— но Жуанъ былъ для меня Москвой, Фальеро былъ Лейпцигомъ, а Каину, кажется, суждено сдѣлаться въ моей судьбѣ вторымъ Mont Saint-Jean“. Но уже сознаніе рѣзкаго диссонанса между его новымъ произведеніемъ и настроеніемъ большинства читателей въ Англіи,—быть можетъ, и во всей Европѣ,—не могло парализовать смѣлости его дальнѣйшихъ заявленій. Да и возможенъ ли былъ бы для него иной выходъ? Запросы, протесты и вызовы „Каина“ были бы тогда ходульной декламаціей, а они написаны были „кровью сердца“; тотъ, кого въ публикѣ уже корили (и продолжаютъ корить) *демонизмомъ*, въ человѣконенавистническомъ смыслѣ этого слова, устами своего Люцифера не даромъ звалъ впередъ, на ту борьбу, въ которой и самъ принималъ такое горячее участіе... Но вотъ весь ядъ вольнопрактикующихъ доносовъ и клеветъ сосредоточился въ открытомъ нападеніи на поэта со стороны его злѣйшаго врага, Соути. Въ задорномъ и гнѣвномъ предисловіи къ хвалебной одѣ въ память короля Георга III,

[1]) Die Hauptströmungen der Literatur des 19 Jahrhunderts. 1876, IV, 478.

клеймя тѣхъ, кто лжеученіями и безнравственностью опозорилъ блаженное правленіе великаго короля, Соути прямо назвалъ Байрона главой сатанинской школы, которая „у Веліала научилась сладострастію, у Молоха—отвратительнымъ картинамъ звѣрствъ и ужасовъ“, которая потрясаетъ общественные устои, подрываетъ основы вѣры, сознательно губитъ своихъ сторонниковъ, заражая ихъ язвой, разъѣдающей ихъ души“; свой извѣтъ Соути предлагалъ особому вниманію законодательства и побуждалъ къ репрессаліямъ. Байронъ не могъ и не умѣлъ молча сносить подобныя обвиненія. Мысль о разладѣ, вызванномъ уже „Каиномъ“, не остановила его, и онъ отвѣчалъ однимъ изъ украшеній своей полемической литературы, „Видѣніемъ Суда“.

Соути самъ подсказалъ ему заглавіе,—потому что такъ именно назвалъ свою полную лести, раболѣпныхъ преувеличеній и преклоненій, и злобной хулы—оду, воспѣвавшую вступленіе умершаго короля въ царство тѣней. Соути казалось, что положеніе его, какъ поэта-лауреата, совсѣмъ забывшаго свои юношескія революціонныя и коммунистическія бредни, прямо обязываетъ его къ такому поступку; но онъ не сдержалъ своего усердія, и непомѣрно переложилъ краски; не побоялся онъ и угрозы, высказанной Байрономъ, едва появилась ода, въ послѣсловіи къ трагедіи о „Фоскари“, и въ газетной замѣткѣ вызвалъ его на объясненіе, почему-то требуя, чтобъ оно было въ стихахъ. Онъ и дождался его, и рядомъ съ Соутіевскимъ „Vision of judgment“ явилось безпощадное, въ конецъ уничтожившее и Соути, и напыщенно раздутую имъ репутацію короля, и заклеймившее прославленный лауреатомъ, прогнившій оффиціальный строй—Байроновское „Видѣніе Суда“. Поэтъ заимствуетъ у своего соперника мысль и форму, но придаетъ имъ такой своеобразный оборотъ, что онѣ служатъ цѣлямъ обличенія и насмѣшки. Ему припомнились переведенныя еще въ серединѣ XVII-го вѣка по-англійски шесть „Видѣній“ или „Сновъ“ испанскаго сатирика Франсиска Кеведо [1]), причудливая смѣсь возвышенныхъ и комическихъ, желчныхъ и забавныхъ, реальныхъ и фантастическихъ картинъ и сценъ,—гдѣ мѣсто дѣйствія то въ аду, то на землѣ, напоминающей собою адъ, то въ обстановкѣ Страшнаго Суда, среди поднимающихся отовсюду мертвецовъ, — гдѣ привычными дѣйствующими лицами являлись клеветникъ, доносчикъ, наглый взя-

---

[1]) „Видѣнія“ (Suenos) Кеведо изданы были въ 1635 г. Черезъ нѣсколько лѣтъ они уже были переведены по-французски (1642) и по-англійски (Роджер. Лестрэнджемъ); Байронъ, кажется, прочелъ ихъ въ перепечаткѣ англійск. перевода 1745 г.

точникъ,—и захотѣлось ему принять псевдонимъ „воскресшаго Кеведо“ (какъ будто изъ числа современныхъ писателей можно было заподозрить въ остроумнѣйшемъ „Quevedo redivivus“ кого-либо, кромѣ Байрона!). Обстановка первыхъ куплетовъ могла бы стать рядомъ съ бойкой картиной, набросанной въ старой русской (вѣроятно, пересаженной съ Запада) повѣсти, переносящей читателя въ сѣни рая, гдѣ привратникъ, Петръ, зорко наблюдаетъ за тѣмъ, чтобы черезъ священный порогъ не переступала ни одна недостойная тѣнь. Но съ какимъ юморомъ набросано здѣсь настроеніе блаженства, скуки и бездѣятельности! Самъ ключарь задремалъ, склонившись надъ связкой райскихъ ключей. Но вотъ къ его уху прикоснулось чье-то крыло, и херувимъ вызываетъ его очнуться и приготовиться къ пріему новаго гостя, только-что умершаго. „Это—Георгъ Третій“,—говоритъ онъ.—„Какой Георгъ, почему третій?“—спрашиваетъ Петръ, которому припомнился почему-то послѣдній его постоялецъ изъ королей, Людовикъ XVI, и узнаетъ, что это весьма обыкновенный англійскій король, никогда не сознававшій, что̀ и почему онъ дѣлалъ, какъ кукла послушный проволокѣ, которая приводила его въ движеніе, и теперь подлежащій суду на общемъ основаніи. Едва произнесена эта бѣглая аттестація, какъ уже къ вратамъ приблизился караванъ тѣней, и среди нихъ—„старый человѣкъ съ старою душой, оба удрученные полнѣйшей слѣпотой“ (Георгъ умеръ слѣпымъ и впалъ въ идіотство). Но вмѣстѣ съ жалкими тѣнями примчался и страшный, гордый, полный ненависти, ихъ проводникъ, сатана, и все вокругъ оцѣпенѣло отъ ужаса; онъ не изъ тѣхъ, что безъ бою уступаютъ свою добычу. На встрѣчу ему изъ горнихъ селеній выступаетъ лучезарный архангелъ Михаилъ, и на „нейтральной почвѣ“, передъ вратами рая, нѣкогда близкіе другъ другу ду́хи вступаютъ въ споръ изъ-за души несчастнаго смертнаго. Сатана говоритъ первый и требуетъ ее себѣ, раскрывая длинный списокъ дѣяній во вредъ, на зло людямъ. „Онъ вѣчно воевалъ съ свободой и вольнодумцами; народы ли, или отдѣльныя лица, свои подданные или чужеземные враги, едва только возглашали: свобода!—какъ видѣли въ Георгѣ Третьемъ перваго своего противника. Онъ лишилъ пять милліоновъ коренныхъ жителей страны права пользоваться вѣротерпимостью“... Петръ, перебивая, клянется—ни за что не пропустить такого человѣка,—впрочемъ, лучше будетъ, если допросить сначала свидѣтелей.

Цѣлыя толпы призраковъ явились на призывъ, наполнивъ гуломъ своихъ разнохарактерныхъ, англійскихъ, ирландскихъ,

французскихъ, голландскихъ рѣчей всю атмосферу. Изъ нихъ выдвигаются впередъ одинъ за другимъ обвинители,—главнѣйшія лица минувшаго царствованія; это—вождь радикаловъ Джонъ Уильксъ; это—Фрэнсисъ, авторъ таинственныхъ „Юніевыхъ Писемъ"; за ними должны показаться: Вашингтонъ, Франклинъ, Горнъ Тукъ,—но, расталкивая всѣхъ и не давая никому говорить, выдвигается впередъ какая-то назойливая фигурка,—пока еще не тѣнь, не призракъ, хотя Люциферъ и вызывается ускорить ея конецъ; это—Соути. Обрадовавшись тому, что у него есть аудиторія, онъ начинаетъ ораторствовать, почти все стихами, и черезъ нѣсколько мгновеній уже приводитъ въ содроганіе слушателей, но его остановить нельзя; вмѣсто защиты короля, онъ все разскажетъ про себя; какъ смолоду былъ вольнодумцемъ и республиканцемъ, какъ сдѣлался потомъ анти-якобинцемъ, выворачивалъ наизнанку свою одежду и готовъ былъ бы вывернуть и свою кожу,—громилъ войны и прославлялъ побѣды,—написалъ „Жизнь" методиста Уэслея, но готовъ написать біографію самого сатаны въ двухъ томахъ in 8⁰, съ примѣчаніями и предисловіемъ. Но чего же лучше: онъ всему сонму прочтетъ сейчасъ свое „Видѣніе",—уже развернута рукопись, послышалась декламація, но полная лжи, лести и подлости ода возмущаетъ и ангеловъ, и ихъ противниковъ. Духи свѣта затыкаютъ уши, складываютъ крылья; бѣсы, оглушенные, проваливаются въ адъ; призраки разлетаются во всѣ стороны, привратникъ связкою ключей сшибаетъ стихотворца съ ногъ; „онъ падаетъ,—какъ его произведенія,—но снова всплываетъ на поверхность, какъ самъ это много разъ дѣлалъ. А что-жъ король? Среди всеобщей суматохи онъ проскользнулъ на небо, и когда тревога, наконецъ, улеглась, онъ уже произносилъ сотый псаломъ Давида...

„Toll! Ganz grob! Himmlisch! Unübertrefflich!"—восклицалъ старикъ Гёте въ восхищеніи, когда ему читали „Видѣніе Суда" [1]),—и врядъ ли найдется изъ поздняго потомства кто-либо способный остаться безучастнымъ къ этой смѣлой, злой, безгранично безцеремонной [2]) и въ то же время неподражаемо забавной сатирѣ, и не повторить восклицаній, вырвавшихся невольно у того, кого обыкновенно считаютъ безстрастнымъ и величавымъ

---

[1]) Показаніе посѣтившаго его въ 1829 г. Генри Крабба Робинзона, автора любопытнаго *дневника* (Diary, reminiscences, etc. 1872), но изъ ненапечатанной еще его части.

[2]) Издатель Байроновскаго „Видѣнія", Дж. Гэнтъ, подвергся судебному преслѣдованію. Такъ какъ печатаніе очень замедлилось, то приговоръ суда состоялся послѣ смерти Байрона.

олимпійцемъ. Возможность появленія такой сатиры подъ перомъ Байрона среди данныхъ условій времени и среды не менѣе поразительна. Карбонаръ и итальянскій агитаторъ не могъ забыть среди космополитической дѣятельности свою страну; достаточно было одной искры, перваго вѣскаго повода, и въ немъ снова сказался дѣятель національный, писатель политическій, хранитель лучшихъ преданій гражданственности. Такъ сильно было охватившее его возбужденіе, что черезъ нѣсколько дней послѣ отсылки „Видѣнія" въ Англію уже готова была новая сатирическая импровизація, не смягченная ни малѣйшею долею комизма, полная „горечи и злости". Могъ ли Байронъ остаться безучастнымъ свидѣтелемъ только-что разыгравшихся въ Ирландіи сценъ раболѣпія и униженія, вызванныхъ пріѣздомъ въ Дублинъ новаго короля, ненавистнаго еще со времени его регентства, и на памяти у всѣхъ опозорившаго жену свою, скончавшуюся всего за десять дней до дублинскихъ торжествъ? Забывъ обо всѣхъ его личныхъ дѣяніяхъ, объ усердно хранимыхъ имъ традиціяхъ англійской нивеллирующей политики относительно ирландцевъ, нарушая завѣты прежнихъ своихъ вождей въ борьбѣ за свободу, и знать, и толпа, и ихъ спутница—печать—предавались ликованіямъ, чествуя въ Георгѣ IV, какъ это говорилось публично, нисшедшее къ людямъ воплощеніе принципа. Сравнивъ эту своеобразную мистику съ древне-индійскими представленіями о сходящихъ къ людямъ и воплощающихся богахъ, Байронъ надписываетъ надъ своимъ стихотвореніемъ: „The irish Avatar", изображаетъ торжественное появленіе въ порабощенной странѣ „мессіи роялизма", переплывшаго, подобно Левіаѳану, морской проливъ и встрѣченнаго „легіономъ поваровъ и арміею рабовъ", и начавшуюся вслѣдъ затѣмъ „пляску въ цѣпяхъ". Народъ, способный такъ унижаться, не родной поэту, но онъ привыкъ цѣнить его вѣковую любовь къ независимости, выставившую столько благороднѣйшихъ ея подвижниковъ, Граттана, Кэррана, Шеридана; блестящая характеристика этихъ народныхъ вождей стоитъ рядомъ съ плачевными сценами изъ жизни обезличеннаго ихъ потомства,—и, какъ въ Италіи онъ ратовалъ за благо чужого ему народа, такъ съ еще большею силой, чѣмъ политическіе поэты самой Ирландіи (напр., его другъ Томасъ Муръ), онъ устремляется въ борьбу, чтобы спасти лучшее достояніе народа ирландскаго [1]). И въ горячности своей онъ ни

[1]) Шелли съ своимъ юношескимъ заступничествомъ за постороннее для него ирландское національное дѣло былъ прямымъ предшественникомъ Байрона.

передъ чѣмъ не останавливается; „Avatar“ могъ появиться въ печати лишь послѣ его смерти, сначала съ большими смягченіями, и лишь въ тридцатыхъ годахъ—въ подлинной редакціи, съ такими неслыханными въ тогдашней Англіи выраженіями, какъ эпитеты короля—„Георгъ презираемый“ (George the despised), или: „Четвертый изъ числа глупцовъ и притѣснителей, носившихъ имя Георга (the Fourth of the fools and oppressors called George)“.

Такъ итальянское національное дѣло встрѣчалось у Байрона съ „злобой дня“ его отечества, растравлявшей старыя раны; такъ отъ мрачныхъ сюжетовъ своихъ историческихъ трагедій переходилъ онъ къ не менѣе тяжелымъ, по своей сущности, сюжетамъ своихъ сатиръ. Равеннское одиночество, вызвавшее давно небывалый приливъ творчества, направляло мысль и фантазію къ печальному, гнѣвному, обличительному. Единственный просвѣтъ—попытка уйти въ совсѣмъ иную область, призвать на помощь лиризмъ, заговорить снова о любви и страсти, окружить вымыселъ картинной обстановкой древнѣйшей легенды, сблизить во имя любви безплотныхъ духовъ и земныхъ женщинъ, —мистерія „Небо и Земля“. Съ виду это такое же вторженіе въ библейскую старину, какъ „Каинъ“; повторенный терминъ—„мистерія“—какъ будто указываетъ на намѣреніе разработывать отнынѣ эту приглянувшуюся форму. Но за библейскими покровами „Каина“ скрыта глубокая, искони волнующая человѣчество идея;—„Небо и Земля“ не знаетъ ея и вмѣсто того изображаетъ первый трепетъ земной любви, первыя грезы о ея безграничной свободѣ, первый мятежъ и отпаденіе свѣтлыхъ духовъ отъ божества ради личнаго счастья. У поэта уже обрисовались два страстно увлеченныхъ женскихъ характера,—дочери Каина,—рядомъ съ ними (какъ наглядное переложеніе текста изъ VI главы „Книги Бытія“) избравшіе ихъ себѣ подругами ангелы,—измученный ревностью, тоской и неудовлетворенностью Іафетъ. Фономъ картины избраны грозныя предвѣстія всемірнаго потопа; слышатся ликующіе хоры „духовъ земли“, съ злорадствомъ ожидающихъ того дня, когда она избавится отъ людей и станетъ снова пустынна и свободна,—вопли первыхъ жертвъ потопа,—и дерзкія рѣчи мятежныхъ небожителей, скрывающихся въ безконечномъ пространствѣ вмѣстѣ съ своими возлюбленными,—но на этомъ обрывается мистерія или, точнѣе, первая ея часть, за которой никогда не послѣдовало продолженія [1]). Попытка найти успокоеніе въ обработкѣ такого нейтраль-

[1]) О частныхъ вопросахъ, связанныхъ съ этой пьесой, сравн. диссертацію Майна, „Byron's *Heaven and Earth*“. Breslau, 1887.

наго сюжета была несвоевременна и потому не развилась, но общей постановкой его и проблесками большихъ красотъ (сколько глубины, напр., въ обрисовкѣ чувства Аны къ Азазіэлю: она не можетъ его пережить, но при мысли, что онъ, безсмертный, будетъ крылами своими осѣнять могилу, гдѣ скрыто бѣдное земное существо, такъ горячо любившее его, какъ самъ онъ обожаетъ Верховнаго Бога,—при этой мысли сама смерть уже не такъ ужасна...) мистерія вызывала не разъ поэтовъ на подражаніе и послужила однимъ изъ источниковъ Лермонтовскаго „Демона“ [1]).

Затрачивать такъ много энергіи на поэтическую и общественную дѣятельность, какъ это дѣлалъ Байронъ въ Равеннѣ, въ особенности къ концу своего пребыванія въ ней, значило жить полной жизнью. Шелли, посѣтившій въ сентябрѣ 1821 г., послѣ долгаго промежутка, своего друга, изумленъ былъ новою перемѣной въ немъ, еще болѣе значительной, чѣмъ тотъ поворотъ отъ грусти и упадка душевныхъ силъ, который такъ порадовалъ его въ послѣдній пріѣздъ его въ Венецію. Всю первую ночь напролетъ проговорили они обо всемъ, что̀ ихъ волновало, влекло или возмущало, что̀ было надумано или только-что окончено. Шелли пораженъ былъ смѣлымъ замысломъ „Каина“, который сильнѣе, чѣмъ когда-либо, сблизилъ Байроновскую поэзію съ тѣми идеалами, которые выше всего чтилъ Шелли. Онъ не приписывалъ своему вліянію этого новаго направленія у Байрона и привѣтствовалъ самостоятельное добываніе имъ истины. Когда до него дошелъ слухъ о томъ, что Т. Муръ, порицавшій „кощунство“ и религіозное свободомысліе „Каина“, не переставая удивляться его художественной силѣ, винитъ Шелли,—онъ просилъ общаго знакомаго, Гор. Смита, увѣрить Мура, что „еслибъ онъ дѣйствительно имѣлъ возможность вліять, онъ, конечно, воспользовался бы этимъ, чтобъ искоренить въ великомъ умѣ Байрона тѣ заблужденія, которыя, несмотря на его проницательность, постоянно даютъ о себѣ знать, словно скрываясь въ засадѣ до дней его болѣзни и отчаянія“. Услышавъ въ чтеніи новыя, ненапечатанныя строфы „Донъ-Жуана“, онъ сказалъ себѣ, что „не можетъ болѣе соперничать съ Байрономъ“; привыкнувъ „съ точностью анатома“ наблюдать за малѣйшими движеніями своей души, онъ въ письмѣ къ женѣ сѣтовалъ на то, что порою „демонъ недовѣрія и самомнѣнія вкрадывается въ его отношенія

---

[1]) Вмѣстѣ съ юношеской поэмой Альфреда де-Виньи „Eloa“.

къ поэту и отравляетъ ихъ свободу" [1]). Но, несмотря ни на какія мимолетныя ощущенія, свиданіе двухъ друзей было въ высшей степени знаменательно и полезно; обаяніе идеалиста снова дѣйствовало, смягчая и облагораживая; невоздержныя, даже прямо пристрастныя и предубѣжденныя сужденія, вырывавшіяся иногда у Байрона въ перепискѣ и, конечно, въ разговорѣ съ близкими, смолкали и уничтожались передъ гуманной терпимостью Шелли, передъ его удивительной способностью отгадывать, уважать и щадить чужой душевный складъ. Такъ, несомнѣнно, Шелли удалось отъучить Байрона отъ непонятно высокомѣрнаго отношенія къ даровитѣйшему, преслѣдуемому критикой, смертельно больному Китсу,—которое, какъ своенравный капризъ, непріятно поражаетъ читателя [2]),—и довести его до состраданія, съ которымъ онъ потомъ встрѣтилъ вѣсть о безвременной кончинѣ Китса.

Начались постоянныя прогулки и поѣздки обоихъ друзей. Какъ прежде на Лидо, они каждый день уѣзжали верхомъ въ Пинету, и много хорошихъ часовъ было проведено вмѣстѣ. Шелли съѣздилъ въ Bagnacavallo, свидѣлся съ Аллегрой, приласкалъ ее. Когда онъ долженъ былъ наконецъ покинуть Равенну, онъ оставилъ послѣ себя впечатлѣніе яркаго солнечнаго луча, необыкновенно живительно блеснувшаго.

Онъ звалъ Байрона за собой въ Пизу. Стараніями его съ женой, говорилъ онъ, уже найденъ тамъ для поэта прекрасный домъ. Этотъ совѣтъ поддержалъ постоянныя настоянія Терезы, не перестававшей звать его въ Пизу и затруднявшейся объяснить себѣ его медлительность,—и съ Равенною пришлось проститься. Крѣпко сжился онъ съ древнимъ, заснувшимъ городомъ, гдѣ такъ много было пережито, передумано и создано. Сжилась и съ нимъ Равенна, не оффиціальная или клерикальная, а демократическая, бѣдная, привыкшая видѣть въ немъ своего друга, благодѣтеля. Разсказы старожиловъ и тайно-полицейскіе рапорты сходятся въ томъ, что въ народной массѣ, среди которой многимъ бѣднякамъ Байронъ постоянно помогалъ, вѣсть о предстоящемъ его отъѣздѣ вызвала такое движеніе, что даже власти были озабочены... Наконецъ отъѣздъ насталъ, и къ ближайшему перевалу черезъ Апеннины направился фантастическій караванъ,—онъ описанъ очевидцемъ и участникомъ, ста-

[1]) Shelley's Letters ed. by R. Garnett, 165.

[2]) Также какъ и возможность, хоть ненадолго, повѣрить сплетнѣ о Шелли, такъ высоко имъ цѣнимомъ, — отъ чего остались печальные слѣды въ перепискѣ (V, 86).

рымъ лондонскимъ знакомцемъ Байрона, поэтомъ Роджерсомъ [1]), встрѣтившимъ его въ Болоньѣ. Во главѣ ѣхалъ Байронъ; „кудри его посѣдѣли, и онъ не напоминалъ болѣе отважнаго юношу, когда-то переплывшаго изъ Сестоса въ Абидосъ [2]), но голосъ былъ сладостенъ, рѣчь лилась потокомъ, и изъ очей сверкала мысль“... А позади виднѣлся цѣлый звѣринецъ—вѣрный другъ Байрона, догъ Моретто, сопровождавшій его впослѣдствіи въ Грецію, другія собаки, кошки, соколъ, подъ охраной стараго венеціанскаго гондольера [3]),—живучій, съ годами все усиливавшійся обычай юности Байрона, искавшаго въ дружбѣ животныхъ возмездія за людскую вражду и фальшивость. Выступили въ походъ передъ восходомъ солнца, и едва взошло оно, „уже поднимались по суровымъ склонамъ Апеннинъ, среди лѣсной чащи, озаренной золотыми лучами“.

Наконецъ вдали показалась Пиза, мимо нея протянулась къ морю лента Арно, въ сторонѣ залегли грудами нѣжные контуры Monti Pisani; миновавъ городскую заставу Porta alle Piagge, всего въ нѣсколькихъ сотняхъ шаговъ отъ нея, караванъ достигъ цѣли, — стараго палаццо Ланфранки, на набережной (теперь—Lung'Arno Mediceo). Строго простой и стройно красивый, воздвигнутый по чертежамъ Микельанджело, онъ свободно пріютилъ у себя всю странствующую свиту Байрона; широкими сѣнями, крестъ-на-крестъ, онъ вводилъ по лѣстницѣ, видавшей нѣкогда блестящіе пріемы, въ анфиладу обширныхъ палатъ, встрѣчая входившаго прежде всего колонной залой съ лѣпнымъ плафономъ, и манилъ потомъ въ цѣлый лабиринтъ всевозможныхъ помѣщеній. Внизу было словно отдѣльное царство—обособленные уголки, какъ будто предназначенные для изолированія, для работы въ сторонѣ отъ всего. Но шума не откуда было ждать. Подъ окнами катились желтоватыя волны Арно, и плескалась, точно въ Венеціи, домовая гондола; по набережной и теперь лишь изрѣдка раздаются днемъ шаги прохожаго,—а по другую сторону дома былъ садъ, да стѣны такихъ же забытыхъ остатковъ прежняго пизанскаго величія... Возбужденная обстановкой

---

[1]) Clayden, „Rogers and his contemporaries“, 1889, I, 320; также „Italy“, Роджерса, строфа: „Болонья“.

[2]) Ли Гонтъ (Recollections, 1828), вскорѣ послѣ того встрѣтившійся съ Байрономъ, нѣсколько дополняетъ это описаніе: онъ очень пополнѣлъ въ Италіи; шея, какъ прежде, была открыта, надъ кудрями красовалась бархатная шляпа, во время поѣздки онъ носилъ синій верховой костюмъ.

[3]) Шелли засталъ въ Равеннѣ этотъ звѣринецъ состоявшимъ изъ „восьми огромныхъ собакъ, пяти кошекъ“ и т. д. Shelley, Letters, 166.

горячей личной жизни и творчества, свободно носившагося надъ земною мелкотой, снова являлась жизнь небольшого, захудалаго, дремлющаго города. Берегъ рѣки съ ея барками и плотами, по вечерамъ оживлявшійся гуляющими кучками, былъ самой шумной частью города; стоило углубиться въ его центръ,—и далекая старина, и безмолвіе надвигались на человѣка. Вотъ Башня Голода, гдѣ изнывалъ Уголино (которому, по преданію, принадлежалъ старый дворецъ, впослѣдствіи перестроенный Ланфранки,—жилище Байрона); вотъ Площадь Рыцарей (Piazza dei Cavalieri) и церковь ихъ капитула; вотъ наконецъ несравненный палладіумъ Пизы—заросшая травой, беззвучная, странная среди новой жизни, площадь, гдѣ высится въ своемъ мраморномъ убранствѣ величавый соборъ, несется къ небу куполъ баптистерія, и навѣки склонилась въ своемъ ожерельѣ изъ безчисленныхъ точеныхъ колонокъ Падающая Башня Campanile. Дальше некуда идти,—путь преграждаетъ старое Campo Santo, городъ мертвыхъ, полный статуй и могильныхъ плитъ, даже со стѣнъ своихъ, нѣмою, но краснорѣчивою живописью стародавнихъ фресокъ говорящій о страшномъ судѣ, о торжествѣ смерти.

Но развѣ вокругъ не раскинулась благословенная природа Тосканы, развѣ Средиземное море, съ ранней молодости Байрона сохранившее для него необыкновенную прелесть, не манило къ себѣ своею близостью, развѣ не сошлись снова вмѣстѣ всѣ близкіе поэту люди, и гоненія и невзгоды не замѣнились терпимыми и приличными житейскими условіями, въ странѣ, наиболѣе выдѣлявшейся изо всей Италіи своей культурностью, чуть не либерализмомъ?

Первые же шаги Байрона въ Пизѣ показали, въ какой степени онъ захотѣлъ воспользоваться преимуществами своей новой обстановки, съ тѣмъ, чтобы не ослабить среди надвигавшейся отовсюду на него археологіи, но усилить свою дѣятельность. Быть можетъ, смягченная свиданіемъ съ своимъ другомъ, Тереза взяла назадъ свой запретъ продолжать „Донъ-Жуана",—только подъ условіемъ не оскорблять цѣломудрія,—и полились снова блестящія импровизаціи. Проектъ основанія журнала, который служилъ бы пропагандѣ карбонарства, также приблизился къ осуществленію, завязаны литературныя сношенія въ Англіи, найденъ второй редакторъ, и вскорѣ собирается уже матеріалъ для перваго выпуска. Въ то же время, несомнѣнно, продолжалось общеніе Байрона съ партіею дѣйствія, болѣе осторожное и скрытое, чѣмъ прежде, не тѣшащее надеждами на скорую побѣду, но разсчитанное на продолжительную, настойчивую и сначала

подземную войну. За пріѣзжимъ зорко слѣдили съ перваго же дня его появленія въ Пизѣ. Несмотря на репутацію бо́льшей культурности, тосканское правительство не отставало отъ своихъ коллегъ въ тайномъ наблюденіи и допускало у себя, кромѣ того, самостоятельную полицейскую работу австрійскихъ агентовъ. Рукописный дневникъ одного изъ нихъ,—изъ котораго выше были уже сдѣланы выдержки, — наглядно изображаетъ безпокойство, причиненное пріѣздомъ Байрона и возросшее, когда затребованныя изъ Равенны свѣдѣнія о немъ раскрыли ужасающія вещи: еще бы! не позволилъ ли онъ себѣ тамъ однажды (подробность, только этимъ источникомъ указанная) вывѣсить съ балкона своего палаццо революціонное трехцвѣтное знамя!

Мраморная доска, украшающая теперь прежнее Байроновское жилище (теперь—palazzo Toscanelli), упоминая о томъ, что поэтъ провелъ въ немъ время отъ осени 1821 года до лѣта 1822-го, съ особеннымъ почетомъ указываетъ, что „здѣсь онъ написалъ шесть пѣсенъ своего *Донъ-Жуана*". И было чѣмъ гордиться: эти пѣсни (VI—XI)—одно изъ главныхъ украшеній поэмы, и вмѣстѣ съ тѣмъ—великая заслуга Байрона передъ культурой и гуманностью. Покинувъ (хоть и не сразу) на время поставленную ему даже ласковымъ судьею въ вину фривольность, онъ перешелъ къ другой, прямо противоположной темѣ, съ такимъ же правомъ входившей въ планъ его произведенія. Въ пересмотрѣ застарѣлыхъ воззрѣній на то, что̀ вполнѣ нравственно, послѣ картинъ узаконеннаго разврата настала очередь для сценъ воинственныхъ, кровопролитныхъ, для грандіозной бойни, массоваго истребленія людей, почитаемаго, покрываемаго славой,—приводящихъ къ протесту противъ войнъ, освященныхъ всеобщимъ сочувствіемъ и, стало быть, по сущности своей вполнѣ *нравственныхъ*. При помощи двухъ, трехъ книжныхъ источниковъ,—„Исторіи Новороссіи" маркиза Кастельно [1]), воспоминаній одесскаго губернатора герцога Ришельё,—справокъ въ старыхъ историческихъ сочиненіяхъ Дмитрія Кантемира и Де-Тота,—и свѣжихъ еще въ памяти самого поэта воспоминаній и впечатлѣній изъ современной Турціи сложилось художественно цѣльное и трагически сильное повѣствованіе, искусно обставленное въ началѣ и въ концѣ легкими, непринужденными, въ Боккаччіевскомъ вкусѣ прежнихъ пѣсенъ, картинками. Засыпающій гаремъ, изумленное пробужденіе Дуду въ объятіяхъ мнимой

---

[1]) Essai sur l'histoire ancienne et moderne de la Nouvelle Russie, par le marquis Gabriel de Castelnau. Paris, 1820.

Жуанны, мщеніе ревнивой султанши, бѣгство несчастныхъ—смѣняются надолго лагерными сценами, боями, ужасами осады Измаила, яростью штурма, жестокостей и грабежа,—а миновали они—читатель переносится, словно въ волшебной сказкѣ, въ Петербургъ, ко двору, и остроуміе, соль, игривость разсказа вступаютъ опять въ свои права.

Звено, соединяющее всѣ эти разнородныя части, легко нашлось. Спасшійся чудомъ въ челнокѣ по Черному морю Донъ-Жуанъ вполнѣ послѣдовательно, какъ вѣчный искатель приключеній, пристаетъ къ русской дѣйствующей арміи; совсѣмъ въ духѣ вѣка, его принимаютъ на службу, какъ принимали всевозможный разноплеменный сбродъ. Въ его способной, на всѣ руки, натурѣ нашлась и храбрость. Онъ дерется какъ левъ, на хорошемъ счету, вездѣ замѣшанъ, все видитъ. Онъ—тотъ мелкій очевидецъ и участникъ событій, который такъ необходимъ бываетъ иногда для историка-романиста (особенно когда ему приходится превращаться въ батальнаго живописца). Незамѣтно, безсознательно разгораются въ немъ боевые инстинкты, и волна опустошенія увлекаетъ его,—но поэтъ отрекся бы отъ героя, такъ легко примирившагося съ жестокимъ своимъ ремесломъ; Жуанъ „въ пылу сраженія, какъ въ пылу любви", увлекается, но кровь, стоны, насиліе поднимаютъ все честное со дна его души; онъ сжалился надъ осиротѣвшей турецкой дѣвочкой, вывелъ ее изъ огня, увезъ потомъ съ собою на сѣверъ [1]); если не его устами, то не въ разрѣзъ съ мыслями, которыя зароились въ его головѣ, Байронъ могъ выступить грознымъ судьею всеобщаго культа войны:

„Let there be light!" said God, and there was light!
„Let there be blood!" says man, and there's a sea!

„Да будетъ *свѣтъ*!"—раздался голосъ Бога,—и былъ свѣтъ. „Пусть прольется *кровь*!"—возглашаетъ человѣкъ,—и она разливается цѣлыми морями". Передъ читателемъ проходитъ галерея главнѣйшихъ, прославленныхъ жрецовъ войны въ XVIII вѣкѣ, и во главѣ ея—живой, сходный съ оригиналомъ, эпическій, гро-

---

[1]) Судьба послала впослѣдствіи Байрону лично повторить почти весь этотъ Донъ-Жуановскій эпизодъ. Одну изъ жертвъ греко-турецкой войны, девятилѣтнюю турчанку Гато, онъ пріютилъ у себя и хотѣлъ отправить ее въ Англію, гдѣ бы она воспитывалась вмѣстѣ съ его дочерью, или же въ Италію. Смерть его помѣшала исполненію этого плана.

тескный, суровый Суворовъ, съ его стихотворными реляціями о побѣдахъ, съ его желѣзной волей и безтрепетностью,—и, въ видѣ контраста, тяжелыя картины разореннаго, измученнаго долгимъ голодомъ города, усѣянаго трупами, среди которыхъ рыщутъ стаи одичавшихъ и алчныхъ псовъ. Нельзя противостоять ни трагизму разсказа, ни тяжкой правдѣ безжалостно нагроможденныхъ сценъ ужаса, ни силѣ и убѣдительности протеста, который для автора былъ выраженіемъ давно накипѣвшаго гнѣва. „Я знаю, что иду на встрѣчу грознымъ препятствіямъ,—говорилъ Байронъ Муру въ примѣчательномъ письмѣ изъ Пизы (8 авг. 1822) [1]), но борьба неизбѣжна; она должна послужить на пользу человѣчеству, какъ бы тяжелъ ни былъ ея исходъ для отдѣльной личности, которая отважилась бы взять ее на себя".

И вслѣдъ за такимъ энергическимъ призывомъ къ человѣчности, тотчасъ послѣ печали и мрака, идетъ полная юмора картина Екатерининскаго Петербурга,—новая страница изъ поучительной исторіи нравственности. „Вольность" разсказчика легко связала осаду Измаила и батальную живопись съ придворнымъ міркомъ на берегахъ Невы. Жуана отправили вѣстникомъ побѣды въ столицу,—этого достаточно, чтобы на сцену хлынула толпа царедворцевъ, фаворитовъ, чтобы всѣ помыслы направились къ состязанію и соперничеству изъ-за милостей и ласки, почитаемому чѣмъ-то вполнѣ нормальнымъ—и, стало быть, нравственнымъ. Свѣжая, юная и экзотическая красота Жуана производитъ эффектъ, и для него настаетъ пора необычайной удачи; она подъ конецъ пресыщаетъ, изнуряетъ его; авторъ не чостѣснится сообщить рецептъ лекарства, которое должно вернуть ему силы,—какъ не пожалѣетъ онъ красокъ для анекдотически прянаго усиленія разсказа (напр. выводя какую-то фрейлину, прозванную по ея профессіи „l'Eprouveuse"),—но долго настаивать на этой темѣ не будетъ,—вѣдь она имѣетъ для него лишь частное значеніе. „Впередъ, впередъ его исторья!"—и въ XII пѣснѣ герой уже въ Англіи, куда его любезно удалили по минованіи его *случая*, такъ какъ оказалась необходимость обмѣна мыслей съ британскимъ правительствомъ по торговлѣ въ Балтійскомъ морѣ, по вывозу сала, лѣса...

Съ небывалой широтой раскидывался сатирическій міровой обзоръ, и Байронъ видѣлъ теперь, съ какою робостью, нерѣшительностью, чуть не враждебностью встрѣчали его близкіе ему прежде люди. Онъ не находилъ теперь издателя. Мэррей, давно

---

[1]) См. послѣдній, VI томъ переписки (Letters, VI, 1091, 101).

уже колебавшійся и шедшій на анонимныя изданія, совсѣмъ отстранился; нападки на „Каина“ снова наложили на поэта ту репутацію отверженнаго, развращеннаго искусителя, которая тяготѣла надъ нимъ въ первое время послѣ изгнанія. Снова отъ него сторонились, какъ отъ прокаженнаго и опаснаго человѣка. Когда въ пересмотрѣ народныхъ кодексовъ морали очередь дошла до Англіи, авторъ очутился наконецъ на близко знакомой ему, родной бытовой почвѣ, и во всю ширь воспользовался своимъ правомъ обличителя!.. Онъ могъ считать себя счастливымъ, что нашелся въ лицѣ брата его лондонскаго радикальнаго знакомца, публициста Ли Гонта, Джона Гонта, предпріимчивый человѣкъ, который не побоялся ожидавшихъ его штрафовъ и судебныхъ приговоровъ, издавая все, что ни присылалъ Байронъ, и взявъ на себя даже печатаніе его журнала.

Необходимость подобнаго органа для пропаганды карбонаризма, правда, тѣмъ временемъ представлялась Байрону не такою настоятельною, какъ въ Равеннѣ, гдѣ его мысль не поддержали. Чѣмъ больше накоплялось разочарованій, тѣмъ непроглядднѣе становилось будущее итальянской революціи. Но Байронъ не отступалъ отъ своего плана, сильно разсчитывалъ на сотрудничество Шелли, и когда тотъ указалъ ему, какъ на необыкновенно пригоднаго соредактора, на Ли Гонта, онъ выписалъ его изъ Англіи, отвелъ ему низъ своего дома въ Пизѣ —и подавилъ въ себѣ неблагопріятное впечатлѣніе встрѣчи съ прежнимъ политическимъ мученикомъ, котораго онъ когда-то демонстративно навѣщалъ въ тюрьмѣ и который обрушился теперь на него съ большимъ семействомъ, массою буйныхъ дѣтей, малъ-мала меньше, умирающею женою, съ уязвленнымъ самолюбіемъ, невѣроятными притязаніями, болѣзненной мнительностью и упадкомъ таланта. Байрону пришлось вскорѣ содержать всю эту орду, но ради дѣла онъ и это выносилъ. Будущему журналу онъ принесъ въ даръ свое „Видѣніе суда“, все еще не напечатанное. Прежній титулъ „Карбонара“ или „Карбонаровъ“ былъ измѣненъ на „Либерала“ (The Liberal), и между Пизой и Лондономъ засновали рукописи и корректуры.

Но недолго пришлось пользоваться удобствами пизанскаго затишья для нормальной, настойчивой работы. Цѣлый рядъ помѣхъ, сначала ничтожныхъ, но докучныхъ и назойливыхъ, вскорѣ роковыхъ и тяжелыхъ, разстроилъ всякое подобіе гармоніи. Первою изъ нихъ было сумбурное, странное, но все-же уголовное „дѣло сержанта Мази“, какъ оно значится въ судебномъ архивѣ Пизы. Возвращавшаяся подъ вечеръ изъ загородной поѣздки кавал-

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

19029

када, съ Байрономъ во главѣ, подверглась столкновенію и оскорбленію со стороны какого-то кавалериста, который у самой заставы delle Piagge затѣялъ съ нею ссору, буянилъ, не пускалъ никого впередъ себя и пытался велѣть арестовать своихъ противниковъ. Байронъ поскакалъ впередъ, чтобы изъ своего дома послать предупредить власти; возвращаясь къ своимъ спутникамъ, онъ опять встрѣтилъ уже отставшаго отъ нихъ, но все бушевавшаго сержанта, съ трудомъ оттолкнулъ его,—зато, едва Мази отъѣхалъ отъ него на нѣсколько шаговъ, какъ чья-то рука нанесла ему тяжкія, казалось, смертельныя раны,—кинжаломъ ли, или изъ духового ружья,—осталось невыясненнымъ. Невозможность вмѣнить Байрону въ вину это „убійство", какъ тогда говорили [1]), была слишкомъ очевидна. Сторонній, поздній наблюдатель не можетъ отдѣлаться отъ мысли, что Мази, быть можетъ, переложивъ усердія, имѣлъ, однако, въ виду замѣшать Байрона въ компрометтирующее происшествіе и сдѣлать его дальнѣйшее пребываніе въ Пизѣ невозможнымъ. Байрону и его близкимъ пришлось подвергнуться допросамъ; нѣкоторые изъ его слугъ (въ томъ числѣ его вѣрный Тита) были изгнаны по подозрѣнію; вмѣшательство англійскаго посланника во Флоренціи, къ которому обратился поэтъ, выгородило его личную невиновность и безопасность, но какъ только начались эти судебныя и полицейскія шиканы, можно было уже предвидѣть, что мирному житью въ Пизѣ будетъ положенъ конецъ. Когда же обоимъ графамъ Гамба было предъявлено предписаніе выѣхать изъ предѣловъ Тосканы, Байрону (котораго при этомъ и имѣли въ виду) оставалось лишь послѣдовать за ними.

Но какъ ничтожны были эти дрязги сравнительно съ тяжкими ударами, которые готовила Байрону судьба! Изъ Баньякавалло пришла сначала вѣсть о болѣзни Аллегры, а вслѣдъ затѣмъ крошка угасла. Терезѣ выпало на долю сообщить о ея смерти отцу,—и онъ, который когда-то, въ Венеціи, увѣрялъ, что не вѣдаетъ никакихъ родительскихъ чувствъ, а потомъ привязался, по своему, къ ребенку, былъ сраженъ, какъ громомъ. Изъ осторожныхъ намековъ Терезы онъ сразу все понялъ; смертельная блѣдность разлилась по его лицу; силы измѣнили, онъ

---

[1]) Мази, отправленный въ госпиталь, выздоровѣлъ, причемъ не безъ фанфаронства отвергъ денежную помощь и заботливость Байрона. Это не помѣшало возникнуть легендѣ, будто Байронъ *убилъ* его. Наиболѣе эксцентричную форму приняла она въ очеркѣ „Una notte di Lord Byron", помѣщенномъ въ венеціанскомъ журналѣ „Dottor Fausto", 1885; противъ него выступилъ R. Cecchini въ брошюрѣ „Pro Byron", Pisa, 1885.

упалъ въ кресло; взглядъ застылъ въ такой неподвижности, что Тереза опасалась уже за разсудокъ своего друга. Лишь на другое утро онъ пришелъ въ себя, и первыя слова были: „она счастливѣе насъ". Безконечная душевная усталость, которую онъ по временамъ испытывалъ, трогательное впечатлѣніе, произведенное на него на болонскомъ Campo Santo мольбами простыхъ людей на могильныхъ своихъ крестахъ о вѣчномъ *покоѣ*, побуждали его находить счастьемъ долю тѣхъ, кому уже въ юности достается этотъ покой и миръ. Не фарисейскимъ истолкованіемъ всякаго горя въ смыслѣ высокаго благодѣянія человѣку, но печальнымъ подъемомъ пессимизма звучатъ эти слова. Сожалѣніе и раскаяніе поднялись со дна души, жалость, что онъ не видалъ въ послѣднее время своей маленькой дочки [1]). Онъ рѣшилъ похоронить ее въ Англіи, выбралъ для этого мѣсто въ церкви того колледжа въ Гарроу, гдѣ когда-то учился, и на кладбищѣ въ глубокой задумчивости проводилъ долгіе часы,— придумалъ надгробную надпись (изъ прор. Самуила): „я приду къ ней, но она никогда не возвратится ко мнѣ", назвалъ ее въ проектѣ надписи *своею дочерью*,—и долженъ былъ перенести новое оскорбленіе, когда мѣстные святоши и фарисеи рѣшительно отвергли подобную эпитафію для *побочной* дочери и надѣлили ее безмолвной гробницей...

Отъ горя о смерти Аллегры Байронъ никогда не могъ оправиться. „Пока она жила, ея существованіе не казалось мнѣ необходимымъ для моего счастья,—но едва умерла она, мнѣ представилось, что я жить больше не могу безъ нея", говорилъ онъ, годъ спустя, лэди Блессингтонъ [2]). Печальный осадокъ разочарованій, вынесенныхъ во время политической агитаціи,—частые приступы меланхоліи, о которыхъ говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ Тереза Гвиччіоли [3]),—былъ теперь превзойденъ еще болѣе глубокимъ потрясеніемъ. Но впереди, вблизи, на разстояніи нѣсколькихъ недѣль, было другое, тяжкое горе.

Когда наступило лѣто, оба поэта выселились на морской берегъ. Байронъ выбралъ романтически красивую возвышенность Монтенеро надъ Ливорно; Шелли поселился на виллѣ Маньи— не въ городкѣ Леричи, какъ обыкновенно говорится въ біографіяхъ, а напротивъ его, въ мѣстечкѣ Санъ-Теренцо, среди обшир-

[1]) Авторъ уже цитированной брошюры объ Аллегрѣ доискался слѣдовъ таинственнаго появленія въ монастырѣ иностранца, прибывшаго инкогнито, и видитъ въ немъ Байрона. La figlia di L. Byron, 27.

[2]) Journal of conversations etc., стр. 72.

[3]) My recollections of L. Byron, 1869, II, 385.

наго парка, подходившаго къ самому морю. Страстный любитель морскихъ поѣздокъ, онъ цѣлые дни проводилъ на водѣ; движеніе и плескъ волнъ, колыхавшихъ его яхту, по его словамъ, служили часто прекраснымъ ритмомъ для зарождавшихся въ эти минуты стиховъ. Одна изъ подобныхъ экскурсій была предпринята въ Пизу, на свиданіе съ Ли Гонтомъ; Шелли съѣздилъ туда и уже возвращался вмѣстѣ съ морякомъ, капитаномъ Вильямсомъ и однимъ англійскимъ мальчикомъ, когда поднялась непогода. Это было въ виду урочища Il Gombo [1]), прекраснаго лѣса пиній, который тянется вглубь страны до Санъ-Россоре. Навсегда останется неразгаданнымъ, что̀ сталось съ пловцами [2]): разбила ли буря ихъ судно, натолкнулось ли оно на другую барку и пошло ко дну, было ли при томъ чье-то злостное намѣреніе напасть и ограбить ѣхавшихъ въ яхтѣ и въ особенности предполагавшагося въ числѣ ихъ Байрона, котораго въ народѣ считали богачомъ [3]). Яхта Шелли „Аріель" не вернулась; тѣла погибшихъ найдены были лишь десять дней спустя, послѣ усиленныхъ поисковъ по всему берегу. Письма Байрона, вслѣдъ за катастрофой, говорятъ о силѣ его горя. Оно не многорѣчиво, но поражаетъ своею неутѣшностью. „Вы всѣ безчеловѣчно ошибались въ сужденіяхъ о Шелли,—пишетъ онъ Мэррею: —это былъ *лучшій* и наименѣе себялюбивый изъ всѣхъ людей, кого я только зналъ. Я не встрѣчалъ человѣка, который въ сравненіи съ нимъ не казался бы жалкимъ животнымъ"... „Еще одного не стало изъ тѣхъ, въ комъ свѣтъ злобно, невѣжественно, жестоко ошибался. *Теперь*, быть можетъ, ему воздадутъ справедливость, но зачѣмъ это ему?"—говоритъ онъ въ письмѣ Т. Муру [4]). Онъ едва владѣлъ собой и во время поисковъ за тѣлами, и передъ тризной, и тогда, когда все окончилось. Очевидцы передаютъ, что въ виду тѣлъ Шелли и Вильямса Байронъ вдругъ воскликнулъ: „я хочу испытать силу волнъ, которыя ихъ погубили", бросился въ воду, и уплылъ вдаль,—настолько далеко, какъ (думали тогда) заѣхалъ Шелли; проплывъ милю, онъ почувствовалъ утомленіе, повернулъ назадъ,—и впо-

---

[1]) Iens Weile. „Pisa", 1893. 54.

[2]) Этому вопросу посвящена книга B. Biagi, изд. по-итальянски, затѣмъ съ дополненіями въ англійскомъ переводѣ: „The last days of P. B. Shelley. New details from unpublished documents". Lond. 1899.

[3]) Такова фантастическая версія, пущенная въ ходъ газетою „Daily Telegraph" 1875 года, и тогда же опровергнутая статьею F. Tribolati въ газетѣ „Nazione" (февраль 1876).

[4]) Letters, VI (1901), 98 и 99.

слѣдствіи, отдавая себѣ отчетъ въ ухудшеніи здоровья, видѣлъ одну изъ причинъ въ этой болѣзненно-фантастической выходкѣ.

Къ любопытной во многихъ отношеніяхъ книгѣ воспоминаній Трелони, одного изъ участниковъ въ погребальной церемоніи, приложенъ рисунокъ, наскоро сдѣланный на мѣстѣ. Берегъ моря близъ Віареджіо; вдоль воды—длинная линія лѣса, за нею—горы; на пескѣ пылаетъ костеръ; спереди стоятъ Байронъ и Трелони, сбоку—два солдата береговой стражи; у лѣса, въ повозкѣ—Ли Гонтъ [1]). Описывая обстановку этой знаменательной минуты, Трелони набрасываетъ въ видѣ фона картины нѣжную голубую пелену моря, теперь успокоившагося и словно чествовавшаго своего пѣвца... Похороны Шелли—конечно, самый эффектный примѣръ кремаціи, когда либо совершенный,—только мысль о *такомъ* способѣ погребенія все-же не зародилась въ умѣ Байрона, и съ смѣлой, „языческой“ *его* идеей приходится въ этомъ случаѣ разстаться. Санитарное состояніе побережья было тогда плохо, карантинный уставъ сталъ строже обыкновеннаго, и пограничная стража объявила, что допуститъ только *сожженіе* тѣлъ. Но, узнавъ объ этомъ, Байронъ съ увлеченіемъ усвоилъ себѣ мысль, которая показалась ему и необычайною, и достойною его друга; она облегчала его дальнѣйшій планъ тризны,—перенесеніе праха въ Римъ, введеніе его въ сонмъ великихъ.

Когда Байронъ возвращался съ Гонтомъ въ экипажѣ въ Пизу, противоположная крайность нервнаго возбужденія овладѣла имъ и заразила его спутника. Они смѣялись, пѣли, кричали“; поѣздка походила на „сцену изъ нѣмецкой баллады“; „неизвѣстно, что подумалъ о насъ возница“,—замѣчаетъ Гонтъ [2]). Но нервы не слушались, равновѣсіе было потеряно, сознаніе обострявшагося одиночества угнетало; ни одна идея, казалось, не въ состояніи была бы привлечь и возродить слишкомъ много испытавшаго человѣка. Снова замелькали (какъ прежде въ подобныя минуты) необычайные проекты,—бросить все въ Старомъ Свѣтѣ и выселиться въ Южную Америку, туда, гдѣ, благодаря Боливару, водворилась свобода, и т. п. Оставаться въ Пизѣ, во всякомъ случаѣ, было немыслимо. Когда же подоспѣлъ и внѣшній поводъ,—когда послѣ междоусобій среди прислуги графовъ Гамба, дошедшихъ до нанесенія ранъ (увѣряли, будто Байрону пришлось кинуться, на встрѣчу боровшимся, съ пистолетомъ въ

---

[1]) Trelawny. „Records of Shelley, Byron and the author“. London, 1875.

[2]) Autobiography, 1850, III, 18.

рукѣ), тосканскія власти прислали семьѣ Гамба приказъ о немедленномъ выѣздѣ не только изъ Пизы, но и изъ государства, —Байронъ послалъ губернатору Ливорно протестъ противъ высылки и вмѣстѣ съ тѣмъ заявленіе, что „и онъ уѣдетъ также съ изгоняемыми, не желая оставаться въ странѣ, гдѣ преслѣдуютъ его друзей и отказываютъ въ убѣжищѣ несчастнымъ“ [1]). Онъ переселился въ Геную, послѣдній этапъ его итальянскихъ кочеваній.

Широко, во всѣ стороны, раскинула по горамъ, охватившимъ ее, словно уступы громаднаго амфитеатра, свои передовые посты Генуя. Это—лѣтніе дворцы ея баловней, ея владыкъ; раскроется ли съ моря ея живописный горизонтъ, извивы ли сухопутной дороги станутъ при каждомъ поворотѣ открывать надъ глубокими долинами орлиныя гнѣзда, господствующія надъ окрестностью,— всюду, на лучшихъ по кругозору точкахъ высятся старыя резиденціи патриціевъ. Внизу кипитъ жизнь. Вѣчный городъ контрастовъ, съ цѣлыми улицами роскошныхъ и художественныхъ зданій, украшенныхъ чудными портиками, статуями, съ дѣловою суматохой народныхъ кварталовъ, полныхъ жужжащей толпы, тѣсно застроенныхъ высочайшими уродливыми, до крайности запущенными домами, съ немолчнымъ оживленіемъ и цѣлыми лѣсами заморскихъ кораблей въ гавани, Генуя—нѣкогда столица Доріевъ и вмѣстѣ съ тѣмъ родина Мадзини, очагъ барской узурпаціи республиканства и исходный центръ самоотверженнаго служенія итальянской свободѣ, теперь рѣшительно склонившаяся ко второй, демократической своей цѣли, не по днямъ, а словно по часамъ ростетъ и вширь и вверхъ, покрыла уже всѣ ближайшіе холмы свѣтлыми, здоровыми, обильными зеленью кварталами новаго типа, подошла ко многимъ, прежде загороднымъ, вилламъ вельможъ и богачей и обложила ихъ своей трезвой простотой. Такова, конечно, черезъ десятокъ, другой лѣтъ будетъ участь одного изъ красивѣйшихъ уголковъ надъ Генуей,—collina d'Albaro (или, по имени прихода, San Francesco d'Albaro), выбраннаго Байрономъ для своего жилья; дома предмѣстья подошли совсѣмъ къ подножію холма, но еще не покрыли его склоновъ сплошными своими рядами. При Байронѣ поселокъ Альбаро былъ отдаленъ отъ города на двѣ мили. Если и теперь съ большой террасы palazzo Brian (прежде—casa Saluzzo) открывается красивый видъ на громады городскихъ

[1]) Раскрытіе ближайшихъ причинъ къ выѣзду Байрона сдѣлано было по оффиціальнымъ документамъ Tribolati въ его статьѣ „Byron a Pisa“, Nuova Antologia 1874, іюль.

зданій, гряду горъ и полосу моря,—то въ старые годы, когда ни одна вилла не загораживала панорамы, когда поля, перелѣски и виноградники покрывали собой непрерывную теперь территорію новаго города, и море „безконечной пеленою“ раскидывалось вдали, эстетическая обстановка Байроновскаго жилища не оставляла желать ничего лучшаго. Она могла бы напоминать поэту его любимую нѣкогда виллу Діодати, еслибъ стѣсненный кругозоръ Женевскаго озера могъ выдержать сравненіе съ просторомъ моря.

Условія жизни въ этомъ красивомъ уединеніи были необыкновенно удачны. Вдоль пролегающей передъ домомъ Байрона большой дороги, ведущей на Riviera di Levante, время отъ времени показывались изъ зелени парковъ или затѣйливыхъ садовъ, со статуями и увитыми лозою ажурными галереями, другія виллы,—на противоположномъ краю Альбаро, за церковью, вилла Негрото,—выше Байроновскаго жилища, на самомъ гребнѣ, легкій, изящный палаццо Бомбрини, прозванный за приволье его „il Paradiso“. Въ первой поселились вдова Шелли и Гонтъ; второй заняла культурная англійская семья, совсѣмъ новые для Байрона люди, съумѣвшіе, однако, во многомъ скрасить послѣдніе мѣсяцы его итальянскаго житья, графъ Блессингтонъ, его умная, блестящая и (судя по недавно воспроизведенному [1]) портрету, кисти извѣстнаго Т. Лоуренса) замѣчательно красивая жена, и признанный „другъ дома“, неразлучный ихъ спутникъ, молодой comte d'Orsay, что-то въ родѣ Байрона въ молодости, такой же увлекающійся и увлекательный, насмѣшливый, неотразимый, „второй Антиной“. Въ Альбаро жилъ (нѣсколько дальше) вѣчный обличитель „тирановъ“, поэтъ-мыслитель Ландоръ [2]). Часто появлялся эксцентрическій, съ фигурой неаполитанскаго бандита, горящими глазами и густою шапкой черныхъ кудрявыхъ волосъ, Трелони, въ вѣчномъ ожиданіи подвиговъ и геройской борьбы, которая избавила бы его отъ постылой житейской прозы. Цѣлая англійская интеллигентная колонія, вполнѣ подъ стать требованіямъ Байрона, образовалась вокругъ него.

Но Байрона это не занимало болѣе; прошло время для оживленнаго, развлекающаго общенія съ людьми, даже для совмѣстной съ ними работы. Единственное, что скрашивало еще жизнь изо дня въ день,—это были встрѣчи съ Блессингтонами. Искус-

[1]) При пятомъ томѣ „Писемъ“, изд. Мэрреемъ, 1901. Это—одно изъ украшеній изящнаго изданія.

[2]) Байронъ не прощалъ ему, дѣйствительно странныхъ при его образѣ мыслей, связей съ Соути; Ландоръ, безъ того нелюдимъ, зналъ это и избѣгалъ Байрона.

ная собесѣдница, графиня умѣла всегда направлять разговоръ на темы художественныя, литературныя, политическія, на неясные для нея вопросы изъ біографіи поэта, даже на самое больное мѣсто,—отношенія его къ женѣ,—запоминала всѣ подробности отвѣтовъ и составила изъ нихъ цѣнную запись своихъ „Разговоровъ съ Байрономъ“ [1]). Въ характерѣ и сужденіяхъ d'Orsay Байронъ узнавалъ близкія ему черты, съ интересомъ читалъ ѣдко-насмѣшливые его очерки англійской жизни [2]), даже ввелъ нѣсколько ихъ отголосковъ въ позднѣйшія главы „Донъ-Жуана“. Иногда вмѣстѣ съ новыми друзьями онъ предпринималъ поѣздки верхомъ; тогда цѣлью ихъ былъ поразившій Байрона своею красотой Нерви, съ роскошью тропической растительности, съ стѣною скалъ, омываемыхъ голубыми волнами. Но все это были случайные просвѣты. Ничто не захватывало, не наполняло жизнь, не брало верхъ надъ ѣдкой грустью. Мысль о журналѣ не была покинута, и первые выпуски уже стали выходить,—но со смертью Шелли какъ будто отлетѣлъ духъ, способный еще вдохновить это изданіе. Редакціонная часть сосредоточилась въ рукахъ Гонта; Байронъ называлъ теперь въ перепискѣ своей „Либерала“ *его* органомъ; видя, *какъ* онъ принимается за дѣло, наблюдая, какъ его мелкая, самомнящая, завистливая натура съ каждымъ днемъ прорывается наружу, какъ уязвляетъ его денежная поддержка, какъ ропщетъ онъ на сдержанное недовольство, испытываемое Байрономъ при видѣ очутившейся на его попеченіи большой семьи, Ли Гонтъ сталъ для него невыносимымъ, совмѣстный съ нимъ трудъ тягостнымъ. Журналъ былъ богато обставленъ новыми произведеніями Байрона (тамъ наконецъ явились „Vision of judgement“, „Heaven and Earth“), давалъ переводы изъ итальянскихъ поэтовъ, очерки Италіи, Шелліевскія переложенія изъ „Фауста“ Гёте, бойкія критическія статьи, нападавшія на старое поколѣніе въ Англіи, этюды о Шекспирѣ и т. д. Но съ перваго же нумера англійская печать яростно ополчилась противъ новаго журнала, рѣшивъ не допустить отверженному поэту стать однимъ изъ руководящихъ публицистовъ; во второмъ выпускѣ пришлось уже протестовать противъ этой нетерпимости,—но журналъ такъ и не пошелъ, остановившись на четвертомъ выпускѣ [3]). Раздраженный и неблагодарный Гонтъ

---

[1]) Ея „Journal of conversations with Lord Byron“ нѣсколько разъ переиздавался; послѣднее изданіе 1894.

[2]) Они остались въ рукописи.

[3]) The Liberal. Verse and prose from the south. London, John Hunt, 1822—изданіе теперь рѣдко находимое. Я пользовался экземпляромъ Британскаго Музея.

не простилъ Байрону этой неудачи и отплатилъ ему впослѣдствіи полной клеветъ и инсинуацій книгой „Воспоминаній“.

Не давала удовлетворенія и творческая работа. Странно видѣть Байрона занятымъ, послѣ могучаго размаха „Донъ-Жуана“, такими драматическими упражненіями, какъ сенсаціонная драма „Вернеръ“,—новѣйшая редакція стараго, еще въ Англіи набросаннаго переложенія мелодраматическаго разсказа миссъ Ли „The German's Tale“,—или неоконченная (два акта и хоръ изъ третьяго) пьеса, составленная изъ обломковъ старой (1803 года) повѣсти Дж. Пикерсгиля и Гётевскаго „Фауста“,—„The Deformed Transformed“. Старые счеты поэта съ судьбой, будто бы надѣлившей его уродствомъ, счеты, давно порѣшенные поклоненіемъ женщинъ и блескомъ общественнаго пріема, опять ожили зачѣмъ-то въ послѣдней драмѣ; изъ дальняго угла памяти возстали попреки матери хромому мальчику за его уродство. Изъ трагедіи Гёте занятъ мотивъ чудеснаго превращенія и введенъ въ число дѣйствующихъ лицъ призракъ, онъ же дьяволъ; личность героя раздвоивается,—красивый и безобразный продолжаютъ жить, устремляются на міровую арену, ведутъ насъ въ Римъ, въ разгаръ схватки лютеранъ съ католиками,—и замолкаютъ, едва намѣтивъ контуры любовной стороны сюжета. Нѣсколько прекрасныхъ хоровъ едва искупаютъ блѣдность замысла, и сужденіе Шелли (знакомаго, правда, лишь съ первымъ наброскомъ, начатымъ въ Пизѣ), смѣло заявившаго, что это—худшее изъ написаннаго Байрономъ (послѣ этихъ словъ поэтъ сжегъ на глазахъ у Шелли свою рукопись), невольно приходитъ на память... Среди работъ подобнаго рода является вдругъ пережитокъ старой лирической манеры юношескихъ поэмъ,—картины моря, жизнь корабельщиковъ и пиратовъ, сцены возстанія и мятежа, пригрезившіяся поэту послѣ чтенія старинной (еще XVIII-го вѣка) флотской реляціи,—поэма „The Island“. Снова—въ послѣдній разъ—поэтъ является увлеченнымъ живописцемъ природы, разукрасивъ ее радужными оттѣнками южнаго, тихоокеанскаго климата; послѣ сценъ злобы и мятежа онъ съ особенною любовью останавливается на придуманной имъ идилліи,—новомъ пересказѣ эпизода Донъ-Жуана и Гаидэ,—и послѣ треволненій, перенесенныхъ нѣжно любящими другъ друга юношей-англичаниномъ и дикаркой, соединяетъ ихъ навсегда на лонѣ природы и патріархальнаго быта какихъ-то острововъ Тонга. Въ его описаніяхъ, въ лирическихъ движеніяхъ героевъ есть прелестныя частности; на всемъ разсказѣ лежитъ особый отпечатокъ, побудившій Nichol'я признать, что въ этой поэмѣ болѣе душев-

наго мира, нежели въ чемъ-либо написанномъ Байрономъ [1]). Но этотъ миръ—лишь временный душевный отдыхъ, мало соотвѣтствовавшій господствовавшему настроенію Байрона въ ту пору. Старанія нѣкоторыхъ изъ новѣйшихъ объяснителей Байрона найти въ „Островѣ" доказательство обрѣтенной имъ наконецъ гармоніи разбиваются о тотъ характерный фактъ, что въ Генуѣ же написанъ былъ—„Бронзовый Вѣкъ"...

Здѣсь-то поэтъ нашъ дѣйствительно въ своей истинной стихіи. Онъ—гнѣвный политическій сатирикъ, обличитель „эпохи конгрессовъ", суровый оцѣнщикъ внутренней и внѣшней политики импер. Александра [2]), заступникъ за права греческаго, испанскаго, польскаго народовъ, бичующій англійскую реакцію и главныхъ виновниковъ ея. Какъ бы ни старался онъ отклониться въ сторону мелодрамы, фантастики, тихо-океанской идилліи, потокъ времени увлекалъ его снова съ собою, и онъ возвращался къ своему призванію.

Съ его собственныхъ словъ одинъ изъ его сотрудниковъ въ греческой экспедиціи, Финлей, передаетъ, что къ концу генуэзскаго житья жажда дѣятельности на народную пользу, не удовлетворяемая болѣе подавленною и едва тлѣвшею итальянскою агитаціею, стала такъ велика и настоятельна, что онъ уже былъ наканунѣ отъѣзда—даже въ Испанію, гдѣ, слышалъ онъ, снова поднималось революціонное движеніе. Задолго до извѣстнаго Бисмарковскаго изреченія онъ въ одной изъ статей „Либерала" формулировалъ руководящій современный политическій принципъ: „Сила выше права" (Might before right), и считалъ своей обязанностью выступать противъ этой торжествующей идеи всюду, гдѣ только представится къ тому возможность.

Въ это-то время передъ нимъ предстали депутаты отъ греческаго народа...

Юношескія симпатіи къ подавленной и страждущей Греціи никогда не ослабѣвали у Байрона. Переписка его то-и-дѣло свидѣтельствовала о живомъ интересѣ, съ которымъ онъ слѣдилъ за проблесками ея возрожденія, за частичными успѣхами возстаній и вспышекъ, предвѣщавшихъ всеобщее движеніе 1822—23 годовъ. Сколько разъ возникала у него мысль устремиться на помощь освобождающемуся народу! Послѣ крушенія итальянской революціи, когда Пьетро Гамба (какъ мы уже знаемъ) рѣшилъ

---

[1]) „Byron" (English men of letters), by John Nichol. 1880, 171.

[2]) Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ нашелъ живыя краски для прославленія отпора Москвы Наполеону и изображенія московскаго пожара 1812: Age of Bronza, строфа V). Онъ называетъ пылающую Москву—„sublimest of Volcanoes".

это лично для себя, съ трудомъ удержанный Байрономъ, возможность подобнаго исхода вполнѣ опредѣлилась. Соприкосновеній съ эллинской партіею дѣйствія было не мало до открытаго перехода на сторону грековъ. Такъ Шелли былъ въ Пизѣ (раньше пріѣзда туда Байрона) очень близокъ съ однимъ изъ выдающихся греческихъ эмигрантовъ, Маврокордато, который оттуда и направился въ отечество, чтобы внести въ революціонное броженіе твердыя основы и цѣли. Живя въ Генуѣ, Байронъ не могъ не слышать о томъ, что филэллинскіе комитеты начинаютъ возникать въ главныхъ городахъ Англіи и остальной Европы [1]), собирая вокругъ себя тѣ свѣжія силы, которыхъ не удалось сломить реакціи, давая имъ въ этомъ альтруистическомъ порывѣ выходъ изъ томительнвго застоя. Онъ не могъ не знать, что англійскіе либералы уже организовывали время отъ времени митинги для выраженій греческихъ симпатій, что на митингахъ вождями бывали такіе единомышленники его, какъ Гобгоузъ. Принятое послѣ такой прелюдіи окончательное рѣшеніе вытекало, стало быть, и изъ многолѣтней, можно сказать, поэтически окрашенной преданности Греціи, и изъ зрѣло обдуманной политической программы, въ которую равноправно входило освобожденіе всѣхъ угнетенныхъ, и изъ того потрясеннаго душевнаго состоянія, которое испытывалъ, послѣ ряда потерь и разочарованій, Байронъ въ Генуѣ, тоскуя о подвигѣ, способномъ всецѣло захватить его. Старанія Эльце [2]), съ которымъ на этотъ разъ расходится новѣйшій нѣмецкій біографъ Байрона, вѣрный указкѣ своего предшественника [3]),—попытки объяснить рѣшеніе, принятое поэтомъ, мелкими эгоистическими цѣлями, желаніемъ обратить на себя вниманіе всего міра и т. д. (увѣрялъ же Эльце, что тѣми же мотивами руководился Байронъ и при основаніи „Либерала", чувствуя охлажденіе публики и желая снова завладѣть ея вниманіемъ), неправдивы, безконечно сухи и черствы, и силятся—хоть и совершенно тщетно—уничтожить тотъ ореолъ, которымъ кончина Байрона въ Греціи окружила память Байрона во мнѣніи всей современной ему Европы, почти безъ различія партій.

Въ началѣ апрѣля 1823 г. два эмиссара постучались въ Альбаро къ Байрону; одинъ былъ англійскій грекофилъ Эдвардъ

---

[1]) Stanhope, „Greece in 1823 and 1844, стр. 29, говоритъ, что въ Москвѣ такой комитетъ существовалъ съ 1817 г., основанный Николаемъ Паксимали. Одинъ изъ членовъ, Анастасій Горголи, пожертвовалъ на дѣло 25.000 руб.

[2]) Karl Elze, „Byron, eine Blographie".

[3]) Richard Ackermann, „Lord Byron". Heidelberg, 1901, 136.

Блэкьеръ, другой — природный эллинъ Андрей Луріоттисъ, посланецъ инсургентовъ къ друзьямъ въ Англію, возвратившійся въ отечество. На пути къ Іоническимъ островамъ они сдѣлали изворотъ въ Геную, заручившись поддержкой Трелони, предваривъ о своемъ пріѣздѣ письмомъ къ Байрону, написаннымъ (по мнѣнію Трелони) съ большою затратой идеалистическаго паѳоса и декламаціи. Усердіе было, однако, излишне. Краткая записка поэта (Letters, VI, 185—6), которая пригласила ихъ въ „villa Saluzzo", прямо говоритъ о томъ, что онъ „не въ состояніи даже выразить, до какой степени сочувствуетъ ихъ національному дѣлу, что только надежда стать свидѣтелемъ освобожденія Италіи могла удержать его отъ желанія содѣйствовать, насколько это возможно для отдѣльной личности", и т. д. Личныя объясненія съ греческими агентами могли только разжечь это желаніе. Байронъ услышалъ подробный разсказъ о положеніи дѣлъ,—о томъ, что подорванное, подкопанное отовсюду и частью свергнутое турецкое владычество—наканунѣ гибели, но страшно въ своихъ предсмертныхъ издыханіяхъ и способно, собираясь по временамъ съ силами, мстить рѣзнею и массовыми истребленіями, что раздоры греческихъ вождей между собой, Ипсиланти съ Маврокордато, послѣдняго съ популярнымъ въ восточной Греціи Одиссеемъ, губятъ дѣло, что успѣшно начатая организаціонная работа „національнаго собранія" въ Эпидаврѣ, установившаго республиканскую форму правленія, съ президентомъ во главѣ, парализуется интригами себялюбцевъ, что народныя силы, всюду готовыя къ дружной борьбѣ, нуждаются для успѣха ея въ возможности сплотиться, вокругъ *одного*, великаго, безкорыстнаго, глубоко всѣми почитаемаго вождя, передъ которымъ смолкнутъ ссоры и народъ объединится. Чье же имя выше и величественнѣе пѣвца свободы, друга Греціи, вызывавшаго ее воспрянуть, когда еще влачила она свое рабство!

И Байрону представилось, что это обращеніе къ нему—воля судьбы, что уклониться онъ не можетъ и не долженъ, что такой выходъ—единственный для него. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, его подхватила и понесла волна энтузіазма въ окружавшей его средѣ. Ничто не могло теперь остановить молодого Гамба, въ бой рвался Трелони, въ греческій комитетъ поспѣшилъ вступить родственникъ Шелли, Медвинъ, незадолго передъ тѣмъ появившійся въ Италіи, и, какъ когда-то Босвелль у Джонсона или впослѣдствіи Экерманнъ у Гёте, подстерегавшій малѣйшія частности разговора великаго человѣка, чтобы ихъ оттиснуть въ книжкѣ [1]); въ

[1]) Помимо способности Медвина къ вымысламъ, лишающей его книгу той до-

Англіи греческимъ дѣломъ бредили такіе близкіе люди, какъ Гобгоузъ или Киннэрдъ. Никого не останавливала мысль о возможности неудачи, воспоминаніе о плачевной участи прежнихъ волонтерскихъ отрядовъ, за два года раньше Байрона являвшихся со всѣхъ концовъ Европы сотрудниковъ греческаго освобожденія,—„выходцевъ изъ Франціи, Германіи, Италіи, Польши, людей всѣхъ возрастовъ и состояній, военныхъ, моряковъ, богатыхъ и бѣдныхъ, хорошихъ и дурныхъ,—иногда очень талантливыхъ и полныхъ добрыми намѣреніями", о которыхъ Байронъ говоритъ въ найденной теперь запискѣ „о положеніи Греціи", составленной незадолго до его смерти [1]). Когда въ Генуѣ появились изнуренные отъ голода, прошедшіе всю Италію пѣшкомъ съ четырьмя лирами въ общей казнѣ нѣмцы изъ разбитаго при Пертѣ легіона графа Нормана, это подѣйствовало на Байрона только вызвавъ состраданіе и заботу объ ихъ дальнѣйшемъ пути, не охладивъ его намѣреній.

Но необходимая для его „греческой экспедиціи", безсрочной, непроглядной, ломка жизни требовала не только ликвидаціи собственности, разрыва съ сложившимися привычками и обычаями, съ Италіею, съ которой онъ такъ сроднился,—нужно было самому совершить ликвидацію личной жизни, семейной связи, счастья. Не разъ возникалъ вопросъ о томъ, *было* ли что порывать въ данную минуту, удержались ли до нея и связи, и счастье. Лицомъ къ лицу стоятъ такія противоположныя мнѣнія, какъ поэтическое возвеличеніе любви Байрона къ Терезѣ Гвиччіоли и самаго ея образа, доведенное до крайняго экстаза въ этюдѣ Энрико Ненчьони [2]), и съ другой стороны полный скептицизмъ Джэфресона, портретъ суетной, себялюбивой интригантки, который даетъ Кьярини [3]), или, казалось бы, авторитетное заявленіе свидѣтеля ранняго періода Байроновской связи, Гоппнера [4]), который утверждалъ, подъ старость, ссылаясь на „лэди Г., которую Байронъ часто видѣлъ въ Генуѣ", и даже на „Madame Guiccioli", что онъ уѣхалъ въ Грецію, чтобъ разойтись съ Терезой, такъ какъ прожилъ съ нею цѣлыхъ четыре года, т.-е., по его же словамъ,

---

стовѣрности, которою отличаются, напр., показанія, Экермана, теперь не подлежитъ сомнѣнію, что Байронъ, предупрежденный Трелони и другими, что Медвинъ какъ будто собираетъ матеріалы для книги, часто забавлялся тѣмъ, что мистифицировалъ его.

[1]) The present State of Greece, помѣч. 26 февраля 1824.

[2]) Enrico Nencioni, „Medaglioni". Roma, 1883.

[3]) Giuseppe Chiarini, Studi e ritrati letterari, 1900. „L. Byron e Teresa Guiccioli", 435—61.

[4]) Athenaeum, 1869, May 22, „Byron at Venice", by R. Belgrave Hoppner.

втрое дольше, чѣмъ онъ въ состояніи былъ прожить съ какою бы то ни было женщиной. Истины нѣтъ ни въ одномъ изъ этихъ крайнихъ мнѣній. Романтической страсти давно не было, но ее смѣнила привязанность, многолѣтняя привычка, дружба, способная на такія уступки, какъ недавняя пріостановка „Донъ-Жуана". Героическій эпилогъ треволненной жизни, греческая экспедиція назрѣла, видѣли мы, изъ глубокихъ и сложныхъ причинъ высшаго порядка; когда Байронъ принялъ свое рѣшеніе, первая его забота (какъ показала теперь переписка) была о томъ, чтобъ склонить, уговорить Терезу дать свое согласіе, отпустить его. Уѣзжалъ онъ вмѣстѣ съ любимымъ ея братомъ,—и снова, какъ въ періодъ итальянскихъ заговоровъ, она была свидѣтельницей того, что̀ предпринимала неукротимая энергія двухъ близкихъ ей людей. Приведенный выше разсказъ итальянца Моранди, которому поручено было, въ случаѣ смерти поэта, возвратить Терезѣ ихъ переписку за время греческаго похода, говоритъ о необыкновенной нѣжности ея тона. Наконецъ, нѣсколько отрывковъ, которые чопорный въ такихъ вопросахъ Томасъ Муръ позволилъ себѣ привести изъ дошедшихъ до него писемъ Байрона къ подругѣ изъ Греціи [1]), показываютъ желаніе дѣлиться вѣстями и въ то же время успокоивать, смягчая краски, ссылаться на хорошіе дни, проведенные вмѣстѣ, мечтать о возвращеніи въ Италію, когда можно будетъ вспоминать о недавно пережитомъ. Прошла, конечно, та пора, когда ему казалось, что онъ жить безъ нея не можетъ, — но все-же правы были тѣ, кто, какъ Гверрацци, любовался подвигомъ человѣка, который „полетѣлъ на освобожденіе страждущаго народа, вырвавшись изъ объятій любимой женщины".

Никогда въ такомъ блескѣ не проявлялась энергія и *дѣловитость* Байрона, какъ съ начала его приготовленій къ отплытію и до послѣдняго сознательнаго его часа. Какъ кипитъ въ его рукахъ дѣло, какъ предусматриваетъ онъ всевозможныя случайности, военныя, продовольственныя, дипломатическія, какъ широко раскидываетъ онъ сношенія и переписку, бойко вербуетъ и подбираетъ себѣ сотрудниковъ и волонтеровъ,—и какъ щедро, обрѣзая себя во всемъ (Тереза, не оставшаяся послѣ него въ Альбаро, уѣхала къ отцу въ Болонью), онъ къ затратѣ своихъ силъ самоотверженно присоединяетъ столь значительную денежную помощь, что по временамъ онъ, единолично, несъ на своихъ плечахъ все

[1]) Moore, Life of Byron, стр. 601. Сравн. также въ письмѣ къ Чарльзу Барри (Letters, VI, 291) 10 дек. 1823 просьбу передать Терезѣ успокоительныя извѣстія о ходѣ дѣлъ.

финансовое бремя войны! Карбонарство было только пробой, намекомъ,—теперь же въ Байронѣ открылись такія надежныя дарованія народнаго дѣятеля и вождя, что у него могла промелькнуть мысль, не было ли главной ошибкой его жизни писательство и истиннымъ призваніемъ—„политика".

Продано было все сколько-нибудь цѣнное въ убранствѣ и обстановкѣ его дома, полученъ весь литературный гонораръ, который можно было получить, взяты авансы подъ обезпеченіе годовой ренты, посланы обычнымъ дѣловымъ агентамъ въ Англію настоянія ускорить продажу послѣдняго родового достоянія, рогдэльскихъ каменноугольныхъ копей. Все обращено было въ деньги,—или же стало деньгами въ ближайшемъ будущемъ, по приказамъ Байрона, посылавшимся изъ его главной квартиры, въ Кефалоніи или подъ Мисолонги. Ничто не останавливало, не охлаждало. Сколько бы неудачъ и разочарованій ни готовила ему судьба, онъ ни на шагъ не отступилъ отъ великодушно начатаго подвига и донесъ до конца свой идеализмъ. Никогда еще исторія человѣчества не вѣдала такой героической роли вдохновеннаго поэта; она знала короля Вольтера, верховнаго заступника за справедливость и гуманность, стража научной свободы, пророка испытующаго разума, но не ожидала, что надъ челомъ „властителя думъ" засвѣтится и ореолъ подвижника народной свободы. Явленіе было такъ необычайно и величаво, что привлекло во всей Европѣ симпатіи даже въ тѣхъ слояхъ и партіяхъ, которые неблагосклонно или равнодушно относились къ поэтическимъ дѣяніямъ Байрона или фарисейски судили его личную жизнь. Когда бригъ „Геркулесъ" отплылъ изъ Генуи (16 іюля 1823 г.) съ Байрономъ, Гамбой, Трелони, въ *послѣднее* путешествіе великаго „пилигрима вѣчности", всѣмъ стало ясно, что настали міровыя событія.

Во все время долгаго плаванія, пока корабль огибалъ итальянскій полуостровъ, направляясь къ Іоническимъ островамъ, Байронъ испытывалъ постоянную смѣну энергіи и упадка, вѣры въ дѣло и скептицизма. Говорятъ, одною изъ книгъ, которыя онъ читалъ въ пути, были „Максимы" Ларошфуко. Отдаваясь влеченію чисто идеальному, онъ вливалъ въ себя отраву крайняго сомнѣнія этого извѣрившагося, все развѣнчивавшаго моралиста... Правда, ему не мало говорили о томъ, что его пріѣзда всѣ страстно ждутъ въ Греціи, что все готово сплотиться вокругъ него; еслибъ вѣрить оптимистамъ, ему предстояло тріумфальное шествіе. Къ нему придутъ закаленные въ бояхъ суліоты, созданный временнымъ національнымъ правительствомъ греческій

флотъ будетъ поддерживать съ моря дѣйствія сухопутныхъ войскъ. Но въ воображеніи вставалъ призракъ междоусобій и раздоровъ между греками, чудилась нестройность инсургентскихъ отрядовъ, возникалъ вопросъ, съумѣетъ ли онъ при неопытности въ военномъ дѣлѣ явиться организаторомъ и стратегомъ. Отступать нельзя, судьба зоветъ впередъ... Мысли роились и сплетались, а тутъ же, рядомъ съ Байрономъ, ихъ старались подстеречь два примкнувшіе въ Ливорно грека,—турецкіе шпіоны.

Раздумье и осторожность проявились въ томъ, что вмѣсто высадки прямо на греческій материкъ, рѣшено было сначала остановиться на одномъ изъ Іоническихъ острововъ и ждать, пока не придетъ отъ національнаго правительства вѣсть о томъ, что все готово и настала пора дѣйствовать. Избрана была Кефалонія. Дологъ былъ путь, слишкомъ девятнадцать дней, но море освѣжило и подняло Байрона, впечатлѣнія далекой юности стали всплывать вереницами, едва онъ вошелъ въ воды Іоническаго архипелага, и когда корабль бросилъ, 4-го августа, якорь въ гавани Аргостоли, на сушу вступилъ бодрый, готовый къ дѣлу человѣкъ, какъ будто не перенесшій въ недавнемъ прошломъ столько потрясеній. Но *дѣла* ему долго пришлось ожидать! Мѣсяцы проходили, и желаннаго призыва не раздавалось... „Мертвые встаютъ—могу ли я предаваться сну?“—восклицалъ Байронъ (сент. 1823) въ стихотворномъ введеніи къ начатому имъ (и теперь впервые напечатанному), но скоро прерванному дневнику. „Во всемъ мірѣ настала борьба противъ тирановъ—могу ли я уклониться отъ нея? Жатва созрѣла—могу ли я промедлить съ работой жнеца? Каждый день раздается трубный звукъ и будитъ отзвукъ въ моемъ сердцѣ“. Но „трубнаго звука“, который призвалъ бы *его* на бой, не слышно было. Вмѣсто того приходили вѣсти о новыхъ раздорахъ между греками, о партійной враждѣ, превращавшейся нерѣдко въ междоусобіе. Лондонскій комитетъ поручилъ Байрону быть его представителемъ передъ народнымъ правительствомъ,—но правительство это было ненаходимо. Онъ велъ оживленную переписку съ главными дѣятелями комитета, въ особенности съ его секретаремъ Джономъ Боурингомъ, энтузіастомъ освобожденія, знатокомъ греческой и русской литературы (употребившимъ время ареста своего въ Булони по распоряженію французскихъ властей, заподозрѣвшихъ въ немъ филэллинскаго агента, для составленія хрестоматіи „Образцовъ русской поэзіи“ [1]), писалъ и греческимъ вождямъ,

[1]) Specimens of russian poets. London, 1821—23.

особенно Маврокордато, взялъ въ свою личную службу отрядъ изъ сорока суліотовъ, и вмѣстѣ съ близкими людьми обсуждалъ и обдумывалъ въ деталяхъ планъ дѣйствій, чтобъ не быть застигнутымъ врасплохъ. Вокругъ него образовалась теперь довольно многочисленная и далеко не бездарная группа международныхъ,—впрочемъ, главнымъ образомъ англійскихъ,—волонтеровъ освобожденія. Гамба, Моранди, молодой докторъ Бруно представляли собой итальянскій элементъ, но въ числѣ соотечественниковъ Байрона рядомъ съ фантастомъ Трелони, который со временемъ покинулъ его, находя, что онъ „недостаточно романтиченъ", и кинулся въ противоположный уголъ Греціи, гдѣ партизански дѣйствовалъ вождь съ громкимъ именемъ Одиссея [1]), явились молодой и талантливый Финлей, впослѣдствіи извѣстный историкъ Греціи, сохранившій въ своемъ капитальномъ трудѣ [2]) память о своихъ отношеніяхъ къ Байрону,—бывшій офицеръ индійскихъ войскъ Стэнгопъ, искренно убѣжденный либералъ стараго типа, ученикъ Бентама (входившаго, на старости лѣтъ, также въ составъ лондонскаго комитета), выше всего ставившій просвѣтительное вліяніе на грековъ и введеніе у нихъ политической прессы и разумной конституціи [3]),—шотландецъ Гамильтонъ Броунъ, сердечно привязавшійся къ Байрону и оставившій любопытныя записки объ этомъ періодѣ его жизни,—врачъ Миллингенъ, также авторъ подобныхъ воспоминаній, особенно цѣнныхъ благодаря его неотлучному присутствію до послѣднихъ минутъ Байрона [4]),—ревностный проповѣдникъ строгаго протестантства, Кэннеди, раздававшій между солдатами библію и нравоучительныя книжки, задавшійся цѣлью спасти великую душу Байрона отъ заблужденій и со временемъ наполнившій цѣлую книгу разсказами о своихъ религіозныхъ бесѣдахъ съ поэтомъ [5]), который, мягко относясь къ нему и щадя его убѣжденную горячность, дѣлалъ иногда видъ, что сдается.

Въ общеніи и бесѣдахъ съ этими товарищами, въ поѣздкахъ по Кефалоніи или экскурсіяхъ на ближайшіе острова (напр. на

---

[1]) О немъ и объ отношеніяхъ къ нему Трелони, который дѣлилъ съ этимъ авантюристомъ всѣ опасности и одно время жилъ въ пещерѣ на Парнассѣ, см. статью F. Sanborn, „Odysseus and Trelawny", Scribner's Magazine 1897, апрѣль.

[2]) History of Greece from its Conquest by the Romans to the present time, 1864, VI.

[3]) Blackwood Magazine, 1834, I, Voyage from Leghorn to Cephalonia and a narrative of a visit in 1823 to the seat of war in Greece.

[4]) Memoirs on the affairs of Greece, 1830.

[5]) Conversations on religion with L. Byron and others, 1830.

прославленную Гомеромъ Итаку) проходило время. Невольный досугъ, повидимому, не скрашенъ былъ литературною работой, и утвержденіе Терезы, будто Байронъ, находясь въ Кефалоніи, написалъ *нѣсколько* пѣсенъ „Донъ-Жуана", не подтверждается ничѣмъ. Найденныя среди его бумагъ въ Мисолонги первыя строфы 17-й пѣсни,—пока еще не обнародованныя въ окончательномъ изданіи Байроновскихъ сочиненій,—единственный осязательный результатъ его работъ надъ поэмой въ послѣдніе мѣсяцы. Вступленіе въ какую-то доселѣ неизвѣстную поэму „Аристоменъ", доставленное редакціи названнаго изданія лэди Дорчестеръ и помѣченное Кефалоніей, 10-го сент. 1823 г. [1]), останавливается на одиннадцатомъ стихѣ. Когда все рѣже писавшій теперь Байрону Муръ передалъ ему съ неожиданнымъ у такого человѣка усердіемъ сплетника непріязненные толки о поэтѣ, устремившемся спасать Грецію и вмѣсто того проводящемъ время въ безпечности, среди нѣжнаго климата и за сочиненіемъ новыхъ сатирическихъ картинокъ „Жуана", Байронъ, отвѣчая съ неудовольствіемъ, отрицалъ *всякое* писательское занятіе въ Кефалоніи. Какъ бы любезно ни относились къ нему англійскія власти (Іоническіе острова были подъ протекторатомъ Англіи), какъ бы тѣсно ни сплочивался вокругъ него кружокъ приверженцевъ, гложущая мысль о праздно уходящемъ времени и о вѣроятности предстоящей неудачи портила хорошія впечатлѣнія неожиданнаго досуга.

Призывъ раздался лишь въ *декабрѣ* 1823 г., и тотчасъ же, по уговору съ агентами греческаго правительства, Байронъ направился въ сторону Мисолонги. Несмотря на всевозможные подходы со стороны различныхъ партій, онъ твердо выдержалъ принятое рѣшеніе помогать *народу*, а не лицамъ, и двинулся въ путь, когда произошло хотя временное соглашеніе между соперниками. Переправа черезъ узкій морской проходъ, отдѣляющій островъ отъ материка, была для него переходомъ черезъ Рубиконъ [2]), и роковое значеніе ея онъ вполнѣ созналъ. Передъ отплытіемъ написалъ онъ Муру, сравнивая свое двойственное положеніе поэта и воина съ ролью тѣхъ предшественниковъ и современниковъ его во всемірной литературѣ, изъ которыхъ многіе поплатились при томъ жизнью, и вспоминая объ испанцѣ

---

[1]) Works, Poetry, IV (1901), 566.

[2]) Онъ употребилъ самъ это сравненіе въ письмѣ къ Киннэрду—(Notes and Queries, 1869, Sept. 25): „Пусть боги пошлютъ намъ удачу,—кончаетъ онъ. Итакъ, en avant или, какъ звучитъ боевой кличъ суліотовъ, Derrah, Derrah!—что въ переводѣ значитъ—впередъ, впередъ"!

Гарсилассо де ла Вега, объ Эвальдѣ Клейстѣ, Теодорѣ Кёрнерѣ, Терсандрѣ и—о „русскомъ соловьѣ“ (russian nightingale) *Жуковскомъ*, съ чьей поэзіей его познакомила антологія Боуринга. Но,—говоритъ онъ подъ конецъ письма,—„я надѣюсь, что дѣло восторжествуетъ“.

Первые шаги въ серьезно начавшейся теперь кампаніи были, однако, необыкновенно неудачны. Греческій корабль, на которомъ находился Гамба, всѣ припасы, присланныя комитетомъ бумаги, много денегъ, былъ окруженъ турецкими фрегатами и взятъ; легкая барка, на которой плылъ Байронъ, только чудомъ избѣжала такой же участи, въ туманѣ ночью наткнувшись на непріятельскія суда, откуда ихъ окликнули, но, не получивъ отвѣта, вѣроятно, приняли ее за „брандеръ“ и дали ей уйти. Уже гавань Драгоместри была въ виду, и въ ней можно было укрыться, но осторожность требовала не сходить на берегъ, и Байронъ съ своими спутниками провелъ пять дней на палубѣ, не раздѣваясь и вынося всякія перемѣны погоды. Показался греческій военный корабль, чтобы принять ихъ, но волненіе было такъ сильно, что барку дважды бросало на камни, и Байронъ доплылъ до берега, неся на своихъ плечахъ греческаго мальчика, котораго обѣщалъ доставить къ роднымъ. Наконецъ совершилось торжественное вступленіе въ Мисолонги. Очевидцы въ одинъ голосъ свидѣтельствуютъ о необыкновенномъ энтузіазмѣ народной встрѣчи и искренности симпатій; Маврокордато съ главарями и старшинами вышли впередъ; греческіе и европейскіе офицеры составляли блестящій штабъ; массы народа, мужчины, женщины, воины, оглашали воздухъ кликами; слышался грохотъ салютовъ изъ пушекъ и ружей. Байронъ, вступившій на берегъ въ красномъ военномъ нарядѣ, имѣлъ вполнѣ здоровый и бодрый видъ, и видимо былъ тронутъ народнымъ восторгомъ [1]).

Прошли первыя свѣтлыя минуты и настала дѣловая суровая дѣйствительность,—и черезъ три недѣли послѣ этихъ торжественныхъ сценъ Байронъ могъ написать свое послѣднее, глубоко печальное стихотвореніе: „Сегодня мнѣ исполнилось тридцать шесть лѣтъ“. Ликовавшая „soldatesca“ при ближайшемъ изученіи оказалась мало дисциплинированной и плохо вооруженной ордой. Единственнымъ надежнымъ отрядомъ казались суліоты, число которыхъ теперь возросло до 500 человѣкъ, взятыхъ Байрономъ на личное иждивеніе. Между туземными войсками и

[1]) Pietro Gamba. A short narrative of L. B.'s last journey to Greece. 1825, 84.

иностранными волонтерами возникали частыя несогласія, кончавшіяся иногда стычками, драками и кровопролитіемъ. Въ одномъ изъ такихъ столкновеній былъ убитъ шведскій офицеръ. Уровень честности также былъ очень низокъ, и случаи воровства нерѣдки,—тогда какъ отсутствіе правдивости, твердости даннаго слова доводило Байрона до гнѣвнаго обобщенія, что „греки—величайшіе изъ лжецовъ, когда-либо существовавшихъ на землѣ со времени изгнанія прародителей изъ рая". Жадность къ деньгамъ и вымогательство ихъ подъ предлогомъ національныхъ нуждъ не замедлили также обнаружиться. Но дѣйствовать, бороться нужно было несмотря ни на что,—не ради этихъ отдѣльныхъ, раздражавшихъ своей мелкотой и ничтожествомъ лицъ, но ради всего народа, виднѣвшагося въ неопредѣленной дали, ради общей свободы. Въ письмахъ Байрона чувствуется скрытое горе, разочарованіе, и въ то же время мужественная рѣшимость все подавить въ себѣ ради дѣла. Положеніе его было въ полномъ смыслѣ слова трагическое. „Чудная Эллада, грезившаяся ему въ мечтахъ,—замѣчаетъ справедливо и мѣтко одинъ изъ новѣйшихъ историковъ греческой революціи [1]),—потускнѣла въ рѣзкомъ сѣромъ освѣщеніи безпощаднаго реализма. Но передъ его глазами была другая Эллада, совсѣмъ людская, жалкая, истекающая кровью отъ многихъ ранъ,—и не могъ онъ, задрапировавшись своей поэтической тогой, пройти брезгливо мимо нея". Напротивъ, онъ усугубилъ свою заботливость и самоотверженіе. Теперь ему лично ничего не нужно, и все, что только онъ можетъ собрать, онъ отдаетъ на народныя нужды. Его расходы дошли наконецъ до ста тысячъ піастровъ. Но и этихъ затратъ стало недостаточно, и онъ повелъ переговоры съ англійскими финансистами о займахъ для Греціи, далъ поручительство свое и сочувствующихъ ему лицъ, и смогъ осуществить *два* займа (одинъ въ 800.000 фунтовъ, другой въ 2 милліона), все время тревожась опасеніемъ, чтобъ эти деньги не были расхищены и присвоены греческими „патріотами".

Находилъ ли онъ настоящую поддержку въ окружавшихъ его сподвижникахъ? По строгой справедливости слѣдуетъ отвѣтить отрицательно. Головорѣзъ Трелони, искренній и въ рѣшительныя минуты неоцѣненный, былъ далеко; Маврокордато, котораго Байронъ сначала очень цѣнилъ, не былъ свободенъ отъ дипломатическаго лукавства; Стэнгопъ заботился теперь объ

---

[1]) The war of greek independence 1821--1833, by W. Alison Phillips. Lond., 1897, 139.

устройствѣ типографіи, объ основаніи греческой [1]) и англійской [2]) газетъ, которыя проводили бы въ народъ просвѣтительныя идеи, и Байронъ, иронизируя надъ доктринерскими пріемами, неприложимыми среди неграмотной массы, хотя сначала и оказалъ денежную поддержку греческой газетѣ, принужденъ былъ остановить ея выходъ послѣ запальчивой статьи, обрушившейся на австрійскую политику и грозившей испортить внѣшнія, пока еще благопріятныя, условія греческой войны; чисто военная молодежь рвалась въ бой, но открытіе дѣйствій все откладывалось по какимъ-то тонкимъ соображеніямъ правительства; войско стояло въ низинѣ, окружающей Мисолонги, болотистой и крайне вредной для здоровья, — „въ сравненіи съ которой,—грустно острилъ онъ,—голландскія болота могутъ показаться чѣмъ-то въ родѣ аравійской пустыни". Объѣзжая позицію во всякую погоду, дыша заражающими испареніями, Байронъ постоянно подвергалъ себя опасности заболѣть и отъ переутомленія, и отъ климатическихъ условій. Но первый и грозный приступъ болѣзни вызванъ былъ нравственнымъ потрясеніемъ. Когда рѣшенъ былъ и объявленъ походъ одной части отряда къ Лепанто для взятія этой крѣпости, тѣлохранители Байрона и надежнѣйшіе, казалось, его воины, суліоты отказались идти „противъ каменныхъ стѣнъ". Это переполнило мѣру, и съ Байрономъ сдѣлался (впервые, говоритъ онъ, во всю его жизнь) сильнѣйшій припадокъ, по признакамъ похожій на эпилепсію. Мало опытный молодой докторъ-итальянецъ хотѣлъ, по обычаю его національной медицины, пустить больному кровь, потомъ замѣнилъ это піявками, которыя вызвали обильнѣйшее кровоизліяніе, едва не вызвавшее синкопъ. Послѣ полноты, замѣтной у Байрона въ началѣ его житья въ Болоньѣ и Равеннѣ, онъ строгимъ режимомъ довелъ себя снова до поразительной худобы; напряженія и терзанія довершили изнуреніе организма, въ которомъ только горѣлъ энтузіазмъ, пылала воля. Убавлять физическія силы было немыслимо,—между тѣмъ въ этомъ варварскомъ пріемѣ и состояло леченіе, какъ въ первый приступъ болѣзни, такъ и въ роковые послѣдніе дни. Оправившись, Байронъ снова принялся за усиленную дѣятельность. Его убѣждали уѣхать, хотя на время, и возстановить здоровье, но онъ „предпочелъ умереть, дѣлая хоть что-нибудь, чѣмъ жить въ праздности". Несмотря на неблагопріятныя условія, онъ не

---

[1]) Ἑλληνικὰ χρονικά; изданіе рѣдкое; въ Британскомъ Музеѣ есть только №№ 1825 г., послѣ смерти Байрона.

[2]) Greek Telegraph; редакторомъ былъ mr. Hodges.

могъ не видѣть, что приноситъ немалую пользу. Распустивъ съ негодованіемъ суліотовъ, онъ своимъ твердымъ и безстрашнымъ поведеніемъ въ рискованныя минуты такъ подѣйствовалъ на остальную массу, что она крѣпче сплочивалась теперь вокругъ него. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ среди нея носителемъ гуманныхъ идей. Тотъ, кто съ такою силой описывалъ ужасы войны въ „Донъ-Жуанѣ", допускалъ обращеніе къ оружію только для защиты народной вольности, и энергически возставалъ противъ жестокостей, обычныхъ въ военное время; когда онъ нашелъ въ Мисолонги турецкихъ плѣнныхъ, взятыхъ давно, забытыхъ и доведенныхъ до крайняго истощенія, онъ отослалъ ихъ турецкому пашѣ при письмѣ, полномъ достоинства и гуманности. „Когда вопросъ касается человѣчности,—говорилъ онъ въ бумагѣ, съ которою направилъ несчастныхъ сначала къ англійскому консулу въ Превезу,—для меня нѣтъ различія между греками и турками". Но выступать въ походъ къ Лепанто все-же было необходимо, и рѣшено было, что Байронъ пойдетъ во главѣ двухтысячнаго отряда. Въ это время неожиданно присланъ былъ отъ Одиссея и другихъ вождей восточной Греціи настойчивый вызовъ Байрону прибыть въ Салону, на съѣздъ представителей *всей* страны, для объединенія дѣйствій и примиренія личныхъ счетовъ. Цѣль была такъ важна, что выступленіе было отсрочено, поѣздка въ Салону рѣшена и задержалась только благодаря бурной непогодѣ.

Ей не суждено было состояться, и Байрону не пришлось выполнить на національномъ конгрессѣ благородной роли апостола примиренія и объединенія. 11 апрѣля онъ снова почувствовалъ крайнюю слабость, на совѣты уѣхать на Занте, перемѣнить воздухъ и обстановку, отвѣчалъ уже согласіемъ, день отъѣзда былъ назначенъ, но жаръ, безсонныя ночи и бредъ явились такими грозными предвѣстіями конца, что тревога овладѣла всѣми близкими. За два дня до смерти онъ еще, пересиливая нездоровье, могъ писать дѣловыя письма, но на слѣдующій день его видъ, его „замогильный" разговоръ такъ потрясли Гамбу, что слезы градомъ полились у него, и онъ въ отчаяніи выбѣжалъ. Снова сдѣлано было кровопусканіе, и больному временно стало лучше, но ночью поднялся бредъ, и сцены войны удручали страдальца. 18-го апрѣля явилось опасеніе воспаленія мозга; предложенное опять (третье) кровопусканіе было отвергнуто Байрономъ, и медики прибѣгли къ аптечнымъ средствамъ. По показанію (безъименнаго) „свидѣтеля послѣднихъ минутъ Байрона",—очевидно, Бруно,—сбереженному сестрою поэта въ

рукописи вмѣстѣ съ другими повѣствованіями о его болѣзни и смерти [1]), которыхъ она потребовала отъ очевидцевъ,—больному дали „спиртной тинктуры хины, отчего у него начались судороги, потомъ стаканъ хинной настойки и нѣсколько капель лауданума съ эѳиромъ; тогда судороги превратились въ летаргическое онѣмѣніе, изъ котораго Байронъ не вышелъ болѣе".

Былъ первый день Пасхи. По греческому обычаю, послѣ полудня праздникъ слѣдовало отмѣтить пушечными и ружейными выстрѣлами и звономъ колоколовъ. Гамба и другіе военачальники распорядились увести войско за городъ, чтобы шумъ и выстрѣлы не безпокоили больного; жители также были извѣщены о тяжкомъ его состояніи. Сначала у одра умирающаго находились только его старый слуга Флетчеръ, эксъ-гондольеръ Тита и докторъ Миллингенъ; потомъ самъ Байронъ потребовалъ къ себѣ артиллериста Парри, которому хотѣлъ передать волю свою,—но ни Флетчеръ, ни Парри не могли уловить ничего опредѣленнаго въ продолжительныхъ и неясныхъ рѣчахъ. Явился наконецъ Гамба,—и всѣ присутствовавшіе запомнили тѣ обрывки фразъ, которые или обращены были сознательно къ нимъ, или прорывались сквозь бредъ [1]). Разсказъ Гамбы, записанный для Августы Ли, всего полнѣе. „Онъ восклицалъ: „Бѣдная Греція, несчастный городъ, несчастная семья моя! Зачѣмъ я раньше не устремился сюда! Теперь поздно". Говоря о Греціи, онъ сказалъ: „Я ей отдалъ мое время, мои деньги, здоровье; что̀ я могу ей еще дать? Теперь отдаю жизнь". Часто повторялъ, что радуется смерти, и только жалѣетъ о томъ, что поздно созналъ это; называлъ по именамъ разныхъ людей, говорилъ о какихъ-то деньгахъ, но трудно было распознать, что̀ онъ имѣлъ въ виду. Онъ назвалъ по имени свою дорогую дочку, сестру, *жену*, Гобгоуза, Киннэрда. „Зачѣмъ я не поѣхалъ въ Англію прежде, чѣмъ прибыть сюда!—воскликнулъ онъ подъ конецъ: — я покидаю то, что̀ было для меня такъ дорого... но я готовъ умереть (Perche non passai in Inghilterra prima di venir qua... io lascio qualche cosa di caro al mondo... per il resto son contento di morire)". Послѣ 6 часовъ 19-го апрѣля 1824 г. онъ не страдалъ болѣе. „Теперь я засну",—

---

[1]) Réponse à examiner sur les derniers moments de lord Byron, par une personne qui vivait avec lui et qui l'assistat dans sa dernière maladie. Рукопись Британскаго Музея (Addition. Manuscr. 31, 037).

[2]) Разсказъ Гамбы, или собственно дневникъ, только-что напечатанъ въ VI т. переписки въ англійскомъ переводѣ. Я пользовался болѣе надежнымъ итальянскимъ оригиналомъ въ Британскомъ Музеѣ.

сказалъ онъ,—и забылся вѣчнымъ сномъ среди разразившейся внезапно оглушительной грозы.

Глубокое горе овладѣло всѣмъ греческимъ лагеремъ. Старые воины плакали навзрыдъ; безъ приказа послышались выстрѣлы въ честь умершаго вождя,—а съ той стороны залива, съ турецкихъ укрѣпленій, гдѣ поняли, *что* означала эта несвоевременная стрѣльба, и обрадовались избавленію отъ опаснаго врага, раздалась привѣтственная канонада. 22 апрѣля, въ церкви св. Николая, избѣгая всякой торжественности, отпѣвали набальзамированный трупъ Байрона [1]); гробъ былъ грубой работы, изъ массивнаго дерева, покровомъ служилъ черный плащъ, на который положены были шлемъ, сабля и лавровый вѣнокъ. Не приняты были во вниманіе настойчивыя просьбы грековъ отвезти тѣло въ Аѳины и похоронить его въ храмѣ Тезея, забыто было грозное заклятіе поэта не отвозить его тѣла на родину, гдѣ не найдутъ покоя его останки, и 25 мая англійскій корабль повезъ гробъ въ Лондонъ. Въ послѣдній разъ Гарольдъ совершилъ то плаваніе по волнамъ океана, которое обезсмертилъ своей юношеской поэмой.

А затѣмъ... затѣмъ началась замогильная расплата за все содѣянное, вольное и невольное,—мало кѣмъ замѣченное пребываніе великаго покойника сначала въ *Докахъ*, подъ Лондономъ, потомъ въ чьей-то квартирѣ въ Great George Street, Westminster, интриги духовенства и свѣтскихъ Тартюфовъ, закрывшихъ ему доступъ въ „Уголокъ поэтовъ" Вестминстерскаго Аббатства, скромная процессія, направившаяся по проселочнымъ дорогамъ къ приходской церкви Ньюстэда, въ бѣдномъ мѣстечкѣ Hucknall-Torkard, тихія похороны [2]).

„Тотъ, кто со славою палъ въ крестовомъ походѣ за свободу и человѣчность, казалось, могъ бы тѣмъ искупить гораздо болѣе мрачные проступки, чѣмъ тѣ преувеличенныя клеветой слабости, которыя приписывались Байрону",—сказалъ Вальтеръ Скоттъ въ своей задушевной характеристикѣ поэта,—и въ отвѣтъ на это заступничество соотечественника, довольно одинокаго въ этомъ случаѣ среди своего племени, послышались съ европей-

[1]) Недавно (Nuova Antologla, 1900, 1 дек.) сообщалось, что въ Мисолонги начата раставрація церкви св. Спиридона (?), гдѣ хранилась урна съ *сердцемъ* Байрона. Разрушенная турками церковь лежала съ тѣхъ поръ въ развалинахъ, подъ которыми погребена была и урна. Теперь употребляютъ всѣ усилія, чтобы открыть ее... Но—Гобгоузъ, одинъ изъ распорядителей похоронъ, говоритъ о гробѣ и о ящикѣ, гдѣ было сердце!

[2]) Въ родныхъ поэту мѣстахъ обстановка перемѣнилась. Изъ Ноттигома вышли на встрѣчу мэръ и корпораціи, присоединился и народъ, такъ что процессія растянулась на 1/4 мили.

скаго континента неисчислимые голоса опечаленныхъ и потрясенныхъ почитателей великаго художника-гражданина. Глубоко опечалился старецъ Гёте и возвеличилъ лучезарное появленіе Байрона на горизонтѣ человѣчества въ фантастическомъ, полубожественномъ образѣ Эвфоріона во второй части „Фауста"; тоскою охвачена была передовая нѣмецкая молодежь, и Гейне совершилъ поэтическую тризну по своемъ могучемъ единомышленникѣ [1]); итальянцы, поляки, французы, русскіе, въ десяткахъ, чуть не въ сотняхъ стихотвореній, некрологовъ, характеристикъ, возгласили ему хвалу. На противоположной сторонѣ не одни турки подъ Мисолонги, но и всѣ, кто вопреки знаменіямъ времени поддерживалъ старый порядокъ, и во главѣ ихъ злой геній Европы, Меттернихъ, ликовали, избавившись отъ опаснѣйшаго врага.

Съ той поры многое измѣнилось и въ литературномъ, и въ политическомъ достояніи человѣчества. Въ недавнемъ прошломъ установилось-было что-то въ родѣ высокомѣрнаго отношенія къ Байроновской поэзіи и созданному ею „байронизму", какъ къ чему-то устарѣлому, пережитому, эксцентрическому. Но если поблекли иныя краски, если ушли въ туманъ формы, образы, картины изъ ранняго періода жизни поэта, если его подражатели размѣняли на мелочь его протестъ и его терзанія, придавъ имъ театральность и вычурность,—никогда не умретъ то истинно великое, что *было* въ Байронѣ, выдающаяся художественная сила, соединенная съ титанической смѣлостью мысли, отважное проявленіе личности и героическій альтруизмъ, идущій на смерть ради общаго дѣла; *истинный* байронизмъ—одинъ изъ лучшихъ завѣтовъ, которые умственно возбужденная пора можетъ передать потомству,—и если современный намъ и все усиливающійся поворотъ снова къ Байрону знаменуетъ собой желаніе припасть къ животворному источнику,—это лучшая посмертная отплата многострадальному великому человѣку.

Алексѣй Веселовскій.

---

[1]) Слѣды великой грусти, вызванной у Гейне смертью Байрона, недавно открыты были и въ искреннемъ письмѣ его къ Христіани. Deutsche Rundschau, 1901, іюнь.

ИСПОВѢДНИКИ

ПОВѢСТЬ.

X *).

— Cher enfant! Какъ я рада тебя видѣть, милый Витя! — такъ привѣтствовала Булашова, заѣхавъ къ нему, на слѣдующій день по пріѣздѣ его въ Петербургъ, кузина его матери—княжна Зинаида Андреевна Рукавицына—Зизи, какъ ее давно звали въ домѣ.

Худенькая, съ сѣдѣющими бѣлокурыми волосиками на лбу, подслѣповатая, вся въ черномъ, въ своихъ манерахъ и слегка картавомъ говорѣ сохранившая что-то дѣвическое,—княжна глядѣла на него поблеклыми свѣтло-голубыми глазами, всегда точно подернутыми какой-то дымкой, съ кротко-мечтательнымъ выраженіемъ.

На столѣ у него, въ маленькой гостиной, уже горѣла лампа.

Онъ усадилъ княжну на диванъ и предложилъ ей чаю. Отъ чая она отказалась. Какъ всегда, она заѣхала „на минутку“ — спѣшила къ тяжело больной пріятельницѣ, куда отправлялась на всю ночь.

Такого же другого добрѣйшаго существа Булашовъ не зналъ во всемъ Петербургѣ. Но ея доброта была пропитана, точно запахомъ мускуса, сокрушеннымъ чувствомъ своей грѣховности и неустаннымъ призывомъ „благодати“.

И когда онъ усадилъ ее рядомъ съ собой и оглядѣлъ ея

---

*) См. выше: янв., стр. 5.

лицо и худенькую, точно восковую фигурку—слова столярнаго мастера Суздальцева припомнились ему особенно живо.

Тотъ уже за тысячу верстъ былъ отъ этой недавней своей „сестры", сохранившей, среди особъ ея ближайшаго кружка, традиціи первоначальнаго благочестія, на иностранный—англійскій—ладъ. У нея и акцентъ былъ точно съ англійской примѣсью, хотя она, въ разговорѣ, употребляла смѣсь русскаго не съ англійскимъ, а съ французскимъ.

— Надолго?—спросила она.

— Поживу.

— А maman, а сестры не вернутся?

— Въ этомъ году не вернутся. Maman часто прихварываетъ.

— Такъ все разсѣялось,—заговорила, вздыхая, княжна.— И мы... дитя мое... какъ овцы безъ пастыря. Изъ прежнихъ держатся почти только женщины. А мужчинъ нѣтъ—изъ общества.

— Зато въ народъ пошло.

— Да, да. Простого званія люди... У нихъ даръ слова. И большая преданность... Я объ этомъ давно думаю... Господа—безъ народа ничего не могутъ. Только то и пойдетъ въ жизнь, что озарило простой людъ.

Княжна глядѣла на него съ особымъ выраженіемъ, держа его за руку.

— Ты сторонишься отъ насъ, Витя. Но я не хочу вѣрить, чтобы ты не жаждалъ той благодати, которая... enfin qui nous purifie et nous ouvre les coeurs! А когда же, какъ не теперь, послѣ кончины твоего отца, возложить на себя сладкую ношу Спасителя?

Булашовъ промолчалъ.

— Прости... я не хочу... enfin, je ne veux pas troubler ta conscience. Но намъ бываетъ горько, что сынъ нашего Сергѣя Васильевича... не съ нами. Какой бы это былъ праздникъ для всѣхъ, кто обязанъ отцу твоему своимъ просвѣтленіемъ!

Глаза княжны дѣлались влажны. Она не выпускала руки Булашова изъ своей.

— Конечно... мы очень счастливы тѣмъ, что благая вѣсть проникаетъ всюду и всѣ объединяются, чтобы составить одно стадо... les humbles prêchent le salut. Ты помнишь... ты былъ, правда, еще очень молодъ... Попытка объединенія всѣхъ ищущихъ единаго пути была задушена... Но и между разными ученіями не могло еще состояться полнаго соглашенія... А теперь... все стремится къ одному руслу.

Все, что̀ говорила княжна, было ему впередъ извѣстно. Она застыла въ тѣхъ же звукахъ, вздохахъ и готовыхъ выраженіяхъ, и по-русски, и по-французски. Въ искренности ея вѣрованія онъ не сомнѣвался; но съ ней ему дѣлалось и немножко забавно, и неловко за нее.

Какая разница съ тономъ и языкомъ столяра, хотя тотъ тоже употреблялъ готовыя фразы. „Да, безъ народа нельзя"! „Les humbles"—какъ сейчасъ выразилась княжна—только они и могутъ придать жизнь тому, во что̀ увѣровали.

Княжна еще ближе присѣла къ нему и заговорила въ полголоса:

— Твой отецъ, дитя мое, дѣйствительно, незадолго до кончины своей... но когда еще былъ здоровъ—совершилъ обрядъ...

Она не досказала и сдѣлала неопредѣленный жестъ свободной рукой.

— Quelques uns ne l'admettent pas volontiers... Мы, старые... первоначальные... не хотѣли вносить никакого раздора. Можетъ быть, онъ сдѣлалъ такъ, видя въ этомъ... залогъ единенія...

— Вы знаете, ma tante, я только наѣзжалъ за-границу. Отецъ не говорилъ со мною по этимъ вопросамъ. Онъ строго оберегалъ мою духовную свободу.

— Тѣ пресвитеры, которые состоятъ пастырями... новыхъ объединенныхъ собраній—выдаютъ это за несомнѣнный фактъ. Enfin, son âme est aux pieds du Seigneur!

Княжна склонила голову вбокъ и звонко вздохнула.

Вошелъ слуга Дмитрій и у дверей доложилъ:

— Съ письмомъ тутъ къ вамъ, Викторъ Сергѣевичъ...

— Кто?.. Извините, ma tante.

— Je me sauve! Я знаю—ты столькимъ нуженъ.

— Да онъ подождетъ,—замѣтилъ Дмитрій.

Мина стараго слуги дала ему понять, что это не баринъ, а такъ кто-нибудь, изъ разночинцевъ.

Въ передней, куда Булашовъ проводилъ княжну, стоялъ небольшого роста человѣкъ, въ старомъ пиджакѣ и высокихъ сапогахъ. Тамъ было настолько темновато, отъ одной лампы съ колпачкомъ, что трудно было разглядѣть сразу его лицо. Волосы на головѣ темные, курчавые и небольшая борода, кажется, безъ просѣди. Похожъ на артельщика или на старшаго дворника.

— Сію минуту,—сказалъ ему Булашовъ.—Пройдите туда.

Проводивъ княжну, Булашовъ вернулся въ кабинетъ, куда позвалъ и этого посѣтителя.

Тутъ онъ разсмотрѣлъ его.

Прежде всего онъ замѣтилъ его выразительные, блестящіе глаза подъ густыми бровями. Лицо загорѣлое, широкій носъ и нѣсколько выдавшійся подбородокъ. Человѣкъ уже немолодой, по типу скорѣе южанинъ.

— Вы отъ кого-нибудь?—спросилъ Булашовъ, указывая ему на стулъ.

— Меня лично, Викторъ Сергѣевичъ, вы не изволите знать. Прозываюсь Викентій Семеновъ Бу́ровъ.

Онъ протянулъ визитную карточку.

— Сохранилась... отъ батюшки вашего, Сергѣя Васильевича. Они мнѣ дали ее къ одному господину... Тамъ... на югѣ. Да мнѣ не привелось найти его въ тѣ поры. А карточка-то сохранилась у меня.

Въ надписи сверху карточки Булашовъ тотчасъ же узналъ руку отца, гдѣ говорится, что онъ проситъ принять Бу́рова и оказать ему всякую поддержку.

Почему-то сразу Булашовъ распозналъ въ немъ нѣчто особенное.

— Отецъ мой зналъ васъ лично?

— Такъ точно. Въ послѣдній разъ, какъ пріѣзжали сюда, я получилъ отъ нихъ эту карточку.

— Вы гдѣ же постоянно проживаете?

— Какъ въ Писаніи—„не имамы здѣ пребывающаго града“, —отвѣтилъ Бу́ровъ, слегка развелъ руками и усмѣхнулся.—Сегодня здѣсь, завтра тамъ... гдѣ наши братья нуждаются въ поддержкѣ и предстательствѣ.

— И теперь временно въ Петербургѣ?

— Такъ точно. Къ вамъ, Викторъ Сергѣевичъ, обращаемся,— онъ сталъ говорить тише,—хотя намъ извѣстно, что вы не считаетесь нашимъ единовѣрцемъ. Сердце ваше содрогнется, ознакомившись съ тѣмъ, что̀ тутъ написано. Позвольте вамъ вручить.

Онъ вынулъ изъ бокового кармана своего пиджака тонкую тетрадку, перегнутую пополамъ, и подалъ ее Булашову.

— Покорнѣйше просимъ ознакомиться со всѣми этими подлинными фактами. Тутъ приведены письма и слова очевидцевъ. А подъ самый конецъ—онъ развернулъ тетрадь и указалъ пальцемъ —излагаются и самыя послѣднія событія. Не откажите намъ въ своемъ содѣйствіи...

Бу́ровъ всталъ.

— Но что̀ же я могу сдѣлать?—выговорилъ Булашовъ, взявъ въ руки тетрадь.

— Ежели позволите обезпокоить васъ еще разъ своимъ посѣщеніемъ,—когда ознакомитесь со всѣмъ тѣмъ, что находится тутъ, мы будемъ слезно просить поддержать насъ. Вся наша надежда здѣсь на одного благородной души человѣка... на его заступничество.

Булашовъ вопросительно взглянулъ на него.

— Вамъ этотъ человѣкъ извѣстенъ. И ежели бы вы сами, Викторъ Сергѣевичъ, затруднились лично обратиться къ нему... рука вашего родителя, то, что написано на карточкѣ—порука тому, что покойный Сергѣй Васильевичъ оказывалъ мнѣ довѣріе, и я могу вамъ представить форменное доказательство того, что я не самозванецъ какой-нибудь, а подлинный Викентій Семеновъ Бу́ровъ.

— Вамъ очень къ спѣху?

— Прочесть это—часъ времени, Викторъ Сергѣевичъ. Послѣ завтра позволите отъявиться въ какое вамъ способнѣе будетъ время? Можетъ, вы пожелаете имѣть и всякія дополнительныя свѣдѣнія... Отъ меня вы ихъ получите и притомъ безъ всякаго тамъ вымысла и прикрашиванья, а чистую правду.

— Придите послѣ завтра, утромъ. Я встаю рано. Можете хоть въ девятомъ часу.

— Слушаю. Не сомнѣваюсь, Викторъ Сергѣевичъ, что вы не останетесь безучастнымъ читателемъ всего заключеннаго въ этой малой тетради.

И, выпрямившись, Бу́ровъ блеснулъ глазами и приложилъ къ груди правую руку.

— Тяжки наши испытанія... но уныніе—великій грѣхъ, и до тѣхъ поръ, пока духъ бодръ—и все останется ненарушимымъ... Не о торжествѣ мы мечтаемъ... Не привилегій какихъ желаемъ или чего другого... Воздухъ, небось, для всѣхъ отъ Отца нашего небеснаго. Такъ точно и духовный нашъ воздухъ... единое наше благо и достояніе.

Онъ смолкъ и, опустивъ руку, низко поклонился.

— Ежели вамъ что-нибудь экстренное помѣшаетъ, Викторъ Сергѣевичъ, не откажите—оповѣстите меня. Вотъ и адресокъ мой, на всякій случай.

Адресъ былъ написанъ на узенькомъ кускѣ бумаги, которую онъ вынулъ изъ наружнаго кармана.

Недѣли не прошло, какъ Булашовъ въ Петербургѣ, и каждый день къ нему обращаются все въ томъ же родѣ.

Со стороны можно подумать, что онъ ведетъ тайную пропаганду, разъѣзжаетъ, какъ „эмиссаръ“, по разнымъ мѣстамъ и

насаждаетъ „плевелы“—на взглядъ однихъ; бросаетъ въ добрую землю сѣмена божественной правды—по убѣжденію другихъ.

А это вовсе не такъ! Онъ—человѣкъ „со стороны“ во всемъ, что—неподвижный догматъ, провозглашеніе безусловной истины, обличеніе ереси, обращеніе и совращеніе, соперничество различныхъ толковъ...

Въ немъ живетъ одно руководящее начало: не давать остыть въ себѣ чувству связи съ попранной свободой совѣсти, быть всегда и вездѣ открытымъ для всякаго страданія, стона, просьбы, разоблаченія безчисленныхъ фактовъ, на которые столько просвѣщенныхъ и гуманныхъ „интеллигентовъ“ закрываютъ глаза.

Конечно, такой столярный мастеръ Суздальцевъ или полутаинственный Викентій Буровъ—счастливѣе его. Они завоевали себѣ вѣру въ истину и готовы пострадать за нее, глядя по своему душевному подвигу. И каждый изъ нихъ дорогъ для него не потому, что онъ—сторонникъ того или иного ученія, а потому, что они должны хорониться, потому что ихъ только „терпятъ“...

Только въ такихъ онъ и чувствуетъ людей, для которыхъ превыше всего стоитъ вопросъ: какъ жить на свѣтѣ, для чего жить, гдѣ найти путь, какъ и другимъ помочь въ отысканіи этого пути?..

Всѣ для него въ этомъ смыслѣ одинаково дороги: и сентиментальная княжна Зинаида Андреевна, и Топорковъ, и старообрядецъ изъ московскаго „города“, и тѣ родители, у которыхъ отняли дѣтей—все изъ-за того же самаго...

Ему надо было гдѣ-то побывать сегодня до обѣда; но онъ тотчасъ же присѣлъ къ лампѣ у письменнаго стола и развернулъ тетрадь, оставленную его послѣднимъ посѣтителемъ.

Она была написана не совсѣмъ разборчиво, рукой не очень грамотной, съ ошибками, почти безъ знаковъ препинанія. Но онъ не оторвался отъ тетради до конца.

Нѣсколько разъ онъ замѣтно блѣднѣлъ и внутри у него точно что сжималось.

Если даже тутъ и нѣкоторое преувеличеніе, приподнятый тонъ, желаніе возбудить жалость, то суть—голая правда, факты всѣ съ точностью обозначены.

— Это Богъ знаетъ что! — громко вырвалось у него въ одномъ мѣстѣ.

Онъ даже бросилъ тетрадь и сталъ быстро ходить по комнатѣ, нервно потирая руки.

Приди онъ въ такое настроеніе, когда слушалъ разговоръ

двухъ пассажировъ, въ вагонѣ николаевской дороги—онъ не воздержался бы и выступилъ бы съ *своими* вопросами, которые пришлись бы, конечно, не по вкусу господину „эксперту".

Но чѣмъ же тутъ помочь?.. Буровъ попроситъ его быть у какого-нибудь вліятельнаго лица... У него нѣтъ такихъ связей. Да и было бы это только выпрашиваньемъ разныхъ послабленій. А корень оставался бы все тотъ же.

И опять онъ присѣлъ къ столу и дочелъ тетрадь. Конецъ подавилъ его болѣе средины и начала.

И тутъ онъ почувствовалъ — едва ли не впервые съ такой ясностью и силой,—что останься онъ такимъ же приверженцемъ механической теоріи мірозданія, какъ профессоръ Грязевъ, не ищи онъ самъ ничего внѣ желѣзныхъ законовъ, необходимыхъ для міровой эволюціи,—онъ долженъ былъ бы и тогда проникаться тѣмъ же чувствомъ, которое заклокотало въ немъ теперь...

Въ передней пробило шесть. А Булашовъ все еще сидѣлъ у стола и перечитывалъ тетрадь, вызвавшую въ немъ, передъ тѣмъ, громкій возгласъ:

— Это Богъ знаетъ что!

XI.

Раннимъ первопуткомъ, въ саняхъ, Булашовъ ѣхалъ въ сумерки, по Фонтанкѣ, къ Костровинымъ. Они устроились на зимніе мѣсяцы въ Петербургѣ и взяли квартиру съ готовой обстановкой.

Ина Николаевна уже завела у себя предъобѣденные пріемы, по средамъ.

Булашовъ нашелъ ее одну, въ обширной гостиной, гдѣ она отдѣлала себѣ по своему вкусу уголокъ, задрапировавъ его старинными шолковыми тканями, съ разными bibelots, которые привезла изъ Москвы.

— Павлуши нѣтъ дома?—спросилъ Булашовъ, принимая отъ нея чашку чая.

— Онъ скоро будетъ. Ему хочется подѣлиться съ вами своими петербургскими впечатлѣніями... изъ того міра, куда онъ попалъ по вашимъ указаніямъ.

Ина была вся въ черномъ, съ рукавами, гдѣ, сквозь прошивки, виднѣлись ея бѣлыя, изящныя руки. И прическу она носила уже не ту, что въ Москвѣ: въ длинныхъ зачесахъ на ушахъ, съ крупной ондуляціей и высокимъ узломъ волосъ на маковкѣ.

— Вы здѣсь болѣе довольны его настроеніемъ, чѣмъ въ Москвѣ?

— Благодаря вамъ, Викторъ Сергѣевичъ. Къ людямъ того кружка, который меня всего болѣе интересовалъ, онъ присматривается и прислушивается. Къ чему онъ самъ придетъ... я не знаю.

— А за его душевное равновѣсіе вы не боитесь?

— Все зависитъ отъ того, на что устремленъ интересъ: въ сторону мрачнаго изувѣрства, или къ сліянію міровой тайны съ красотой. Вотъ, не дальше какъ третьяго дня... у насъ обѣдалъ... поэтъ... Кублицкій.

— Изъ кружка?—добавилъ съ усмѣшкой Булашовъ.

— Да. Вы воздержались отъ банальной клички, и я вамъ за это очень признательна. Поль, вѣроятно, въ первый разъ слышалъ такой разборъ Апокалипсиса... какъ великолѣпной поэмы.

— Углубляться въ эту книгу—вещь обоюдо-острая,—замѣтилъ, какъ бы про себя, Булашовъ.

— Развѣ не счастье, Викторъ Сергѣевичъ, найти себѣ особый источникъ пониманія всего... жить въ мірѣ самыхъ глубокихъ образовъ?..

Онъ глядѣлъ на нее все съ той же сдержанной усмѣшкой.

— Неужели для васъ самихъ,—продолжала она,—цѣнно только то, что называютъ свободой совѣсти? А развѣ, въ сущности, не все равно: есть эта свобода или нѣтъ?

— Вотъ какъ!—вырвалось у Булашова.

— Вѣдь это все политика... либеральныя клише!.. Знаете, когда начинаютъ перебирать: свобода слова, свобода сходокъ, гарантія личности...—я вамъ покажусь чудовищной ретроградкой, но для меня все это въ родѣ успѣховъ техники. Все это будетъ не нынче, такъ завтра. Ѣздили въ колымагахъ или на перекладной телѣгѣ; а теперь—паръ, электричество. Черезъ сто, двѣсти лѣтъ, а то и раньше, будутъ летать и дѣлать хлѣбъ химическимъ способомъ, и канетъ въ воду всякій вопросъ... заработка.. великій соціальный вопросъ,—выговорила она, растягивая эти слова,—потому что питаться всѣ будутъ такъ, какъ пользуются воздухомъ и солнечнымъ свѣтомъ... А міровая тайна все останется тайной...

— Возможно!

— И выше всего, когда въ душѣ трепещетъ чувство этой тайны. Пускай она рождаетъ фанатизмъ, изувѣрство... когда человѣкъ находитъ высшее блаженство въ томъ, чтобы закопать себя живымъ въ землю, или взойти на костеръ.

— И вы желали бы того же и для вашего Поля?

— Онъ былъ бы счастливецъ!

Слуга приподнялъ портьеру и впустилъ гостя.

— Это поэтъ Кублицкій!—тихо выговорила Ина и оправила на шеѣ высокій воротникъ, немного подпиравшій ей подбородокъ.

Булашовъ нигдѣ не встрѣчалъ еще этого худощаваго блондина, съ зачесанными за уши длинными волосами и бородкой странной формы, въ длиннѣйшемъ сюртукѣ. Лицо безкровное, съ затуманеннымъ взглядомъ блѣдно-сѣрыхъ глазъ и широкими вѣками. Длинная шея была укутана шарфомъ съ тонкой полоской воротничка.

Пожатіе его руки было холодное и влажное.

— Вотъ, Модестъ Григорьевичъ, — обратилась къ нему хозяйка,—я только-что сейчасъ передавала другу и товарищу моего мужа,—она указала рукой на Булашова,—нашу послѣднюю бесѣду, у насъ за обѣдомъ, когда вы такъ погрузили меня въ Откровеніе Іоанна.

Блондинъ растянулъ свои блѣдныя губы въ суховатую улыбку и ничего не отвѣтилъ.

Булашову сразу онъ не очень понравился; но ему не хотѣлось непріязненно настроивать себя.

— Отчего бы вамъ не переложить нѣкоторыя главы... Или, можетъ быть, у васъ уже есть что-нибудь готовое?

На вопросъ хозяйки поэтъ сдѣлалъ отрицательный жестъ головой.

— Вы такъ прекрасно произносили нѣкоторыя мѣста. Я—до васъ... если и заглядывала въ это чудное видѣніе, то не понимала всей его глубины и красоты ужаса.

Блондинъ усмѣхнулся своими блѣдными тонкими губами и беззвучно похлопалъ концами пальцевъ—въ видѣ апплодисментовъ.

— Прекрасно сказано: „красота ужаса“! Вы позволите воспользоваться?

— Ахъ, пожалуйста!

Щеки Ины слегка порозовѣли—подъ тонкимъ слоемъ пудры—отъ удовольствія.

— Видите, Викторъ Сергѣевичъ,—она обернулась къ Булашову,—какъ тѣсно связана высшая мистика съ красотой.

— Кто же въ этомъ сомнѣвается?—спросилъ блондинъ, ни на кого не глядя.

— Мы и васъ приведемъ къ признанію этого, Викторъ Сергѣевичъ,—съ своимъ полу-дѣтскимъ, изнѣженнымъ смѣхомъ протянула Ина.

Булашовъ сдѣлалъ только молчаливый жестъ.

Ему не было охоты вступать въ пренія; но онъ ждалъ— куда пойдетъ ихъ разговоръ. Одно онъ видѣлъ ясно: Ина ласкала поэта и взглядомъ, и тономъ, и въ то же время старалась всячески о томъ, чтобы онъ поставилъ ей хорошій баллъ... за успѣхи по части эстетической мистики.

— Видите,—обратилась она къ Кублицкому,—я теперь не разстаюсь съ Апокалипсисомъ.

Она взяла, на столикѣ, около дивана, маленькую книжку въ черномъ тисненомъ переплетѣ и ногтемъ красиваго пальца развернула ее на закладкѣ.

— Какъ это звучитъ!

И она начала читать протяжно, почему-то немного въ носъ и сквозь зубы:

„Я есмь Альфа и Омега, начало и конецъ, говоритъ Господь, который есть, и былъ, и грядетъ, Вседержитель!"

И закинувъ немного назадъ голову, она полу-закрыла глаза.

— Пожалуйста, Модестъ Григорьевичъ, проговорите это по гречески! И потомъ запишите мнѣ это русскими буквами. Я выучу.

— Безъ сомнѣнія.. Это—простая проза, и не образцовая, если хотите,—но съ необычайной силой, музыкальностью и богатствомъ словъ и образовъ.

Все это Кублицкій произнесъ тономъ учителя, поясняющаго слушателямъ красоты образцоваго автора.

— Пожалуйста... Вотъ хоть эти слова запишите.

— Извольте.

Онъ протянулъ впередъ правую руку и такъ же, какъ она, пропустилъ сквозь зубы и немного въ носъ греческій текстъ, кончающійся словомъ: ὁ παντοκράτωρ!—и перевелъ текстъ.

— Какъ звучитъ это слово: „*пантократоръ*"!—повторила Ина и опять полу-закрыла глаза.—Нашъ „Вседержитель"—это значительно, но по звукамъ менѣе музыкально. Не правда ли, Викторъ Сергѣевичъ?

— Если угодно—да!

— А эти слова... я боюсь переиначить...

И она осторожно повторила еще нѣкоторыя греческія слова.

Кублицкій опять концами пальцевъ беззвучно ей зааплодировалъ.

— Поздно учиться... а то бы я принялась.

— Почему же поздно? Въ одинъ годъ вы уже будете читать такой текстъ. Сначала съ русскимъ контекстомъ.

— Захочется и другого. Трагиковъ! Вѣдь у нихъ также какая высота мистическаго настроенія!.. Викторъ Сергѣевичъ,— окликнула она Булашова,— неужели вы будете оспаривать, что въ трагедіяхъ Эсхила и Софокла высшая красота идетъ прямо отъ высшей мистики?

— Но врядъ-ли отъ одной мистики люди, страсти и борьба такъ художественно правдивы.

— Правда!

Ина быстро посмотрѣла на Кублицкаго.

Тотъ только повелъ губами, и въ глазахъ его явилось выраженіе почти жалости къ такимъ избитымъ общимъ мѣстамъ.

— Правда!—еще выразительнѣе повторила Ина и развернула томикъ въ черномъ переплетѣ на другой закладкѣ.

— Развѣ кто-нибудь изъ насъ можетъ судить — въ какой степени правда вотъ то, что здѣсь стоитъ? Это превышаетъ нашъ bon sens... банальный здравый смыслъ, безъ котораго вѣдь не признаютъ правды узкіе реалисты.

И она уже проще, безъ процѣживанья сквозь зубы, громко и медленно прочла:

— „И небо скрылось, свившись какъ свитокъ; и всякая гора и островъ двинулись съ мѣстъ своихъ“... Вѣрующіе должны ждать, что такъ и будетъ; но узкій реалистъ, стоящій за узкую правду, будетъ недоумѣвать и даже ухмыляться. Какъ это небо совьется, какъ свитокъ?.. А какой прекрасный образъ! Модестъ Григорьевичъ! Свитокъ! Простите... вы навѣрно скажете мнѣ, какъ это въ текстѣ?

— Постараюсь.

И немного подумавъ, сказалъ:

— Это то же слово, какъ и книга. Свитокъ замѣнялъ древнимъ нашу книгу—*библіонъ*.

— „Библіонъ!“—повторила Ина.—И это какъ музыкально! Лучше нашего... Свитокъ.

„Долго они будутъ такъ?“—спросилъ про себя Булашовъ. Ему стало сдаваться: не „нарочно“ ли они такъ забавляются? Но тонъ у обоихъ былъ совершенно серьезный.

Онъ тотчасъ же пристыдилъ себя: зачѣмъ быть такимъ придирчивымъ? Если для нихъ мистика—высшій источникъ красоты, это не преступленіе! Только бы Ина не слишкомъ мудрила изъ-за своего дилеттантства надъ мужемъ.

— Поль какъ себя чувствуетъ въ Петербургѣ? — спросилъ онъ ее.

— Пока—не жалуется. Онъ вамъ разскажетъ—гдѣ онъ побывалъ.

Булашовъ понялъ—гдѣ именно.

— Только я боюсь, что онъ здѣсь скоро затоскуетъ... по Москвѣ... хотя и тамъ тяготится своими досугами.

— Москва—ужасный городъ! — съ гримасой выговорилъ Кублицкій.

— Кажется, и тамъ есть искатели новыхъ путей? — тихо спросилъ Булашовъ Ину, сдерживая усмѣшку.

— О! въ нашемъ кружкѣ, — воскликнула она, — Модеста Григорьевича цѣнятъ... и любятъ. Но какая же разница! Здѣсь все это смѣлѣе... и больше таланта... и больше образованія.

Вошелъ Костровинъ. Онъ очень обрадовался пріятелю и сейчасъ же отвелъ его въ сторону, къ окну, усадилъ рядомъ съ собою и хотѣлъ начать свою, особенную бесѣду. Но Ина ихъ позвала къ чайному столику.

— Поль! — окликнула она. — Передъ твоимъ приходомъ у насъ былъ разговоръ объ Откровеніи Іоанна по поводу того, что недавно Модестъ Григорьевичъ говорилъ объ немъ съ художественной точки зрѣнія. И мнѣ такъ захотѣлось начать учиться по-гречески, чтобы читать въ подлинникѣ.

— Кто же мѣшаетъ? — добродушно отозвался Костровинъ.

— Твой другъ, Викторъ Сергѣевичъ, кажется, принципіально не согласенъ съ нами во взглядѣ на мистическій элементъ красоты.

— Я съ вами не спорилъ, Ина Николаевна, — оговорился Булашовъ.

— Не спорили—правда. Но вы такъ молчали, что это выдавало васъ, ха, ха!

— Булашовъ привыкъ трактовать эту область совсѣмъ иначе,—замѣтилъ Костровинъ.—Для тебя и для господина Кублицкаго религіозное чувство само по себѣ какъ бы не имѣетъ значенія.

— Когда же это я говорила? Модестъ Григорьевичъ... защитите меня! Намъ обоимъ потому такъ и милъ нашъ народъ, что въ немъ такая жажда тайны... такая потребность въ чудѣ!

— Народъ—богоноситель!—манерно выговорилъ Кублицкій.

Эти слова мало шли къ нему, на оцѣнку Булашова, и ему сильно захотѣлось крикнуть:

„Полноте! Между вами и народомъ—цѣлая бездна!“

Но онъ сдержалъ себя, и черезъ нѣсколько минутъ сталъ прощаться съ хозяйкой.

— Вотъ видите... вы отъ насъ бѣжите... А еще такой поборникъ терпимости! Богъ съ вами!

Костровинъ пошелъ провожать его до передней. Ему досадно было, что не удалось поговорить съ нимъ, какъ слѣдуетъ.

— Зайдемъ ко мнѣ,—предложилъ онъ ему въ передней.— Посиди хоть съ полчасика.

Онъ ввелъ Булашова въ свой кабинетъ — тѣсноватую комнату, съ окнами на дворъ, гдѣ онъ давно уставилъ книги, привезенныя изъ Москвы.

— Ну, что, проникъ хоть на одно собраніе? — спросилъ Булашовъ, присаживаясь на диванъ.

Костровинъ, по своей привычкѣ, прохаживался коротенькими шагами позади письменнаго стола.

— На цѣлыхъ двухъ былъ.

— Слышалъ какого-нибудь „пресвитера"?

— Опять-таки цѣлыхъ двухъ.

— Оба не изъ господъ?

— Нѣтъ, изъ мастеровыхъ оба. Одинъ—съ несомнѣннымъ даромъ слова и легко приходитъ въ нервное настроеніе, которое сообщается братіи... особенно женщинамъ. Нѣкоторыя плакали. Одна была близка къ припадку.

— Вообще, господа были въ меньшинствѣ?

— Въ безусловномъ. Нѣсколько барынь — настоящихъ. Кажется, титулованныя?

— Есть.

— Мужчины барскаго вида, можетъ, двое-трое. Изъ молодой интеллигенціи двоихъ студентовъ замѣтилъ или гимназистовъ въ формѣ, похожей на студенческую... Трудовыя дѣвушки. Но не изъ такихъ, чтобы походить на курсистокъ.

— Значитъ, изъ простого люда выходятъ у нихъ теперь „пастыри"? Такъ и должно было, впрочемъ, случиться. Мы, господа, можемъ иногда дать толчокъ; да и то это случается разъ въ полстолѣтіе; но пустить корни ученіе можетъ только въ ихъ же средѣ.

— Пожалуй,—согласился съ нимъ Костровинъ. — Только, милый другъ, если позволишь мнѣ высказаться совсѣмъ свободно...

— Какъ же иначе? Ты все забываешь, что я ни къ какому толку не принадлежу,—отвѣчалъ Булашовъ.

— Все это только бѣдно формами! Пѣніе, проповѣдь въ приподнятомъ тонѣ—это дѣйствуетъ, конечно. Но то, что поется, слишкомъ ужъ отзывается переводомъ съ иностраннаго. Самые стихи—не важные.

— Не все ли равно, если они отвѣчаютъ внутреннему чувству?

Костровинъ присѣлъ къ дивану и, положивъ руку на колѣно Булашова, замѣтилъ:

— Въ сущности, тутъ все вертится на одномъ: „вы-молъ погибли, если не сойдетъ на васъ благодать“!

— Несомнѣнно!

— Я не богословъ и не начетчикъ, — продолжалъ Костровинъ,—и не затѣмъ пошелъ, чтобы ихъ опровергать и обличать. Для этого есть...

— Эксперты по сектовѣдѣнію?—подсказалъ Булашовъ.

— Именно! Я ждалъ отъ нихъ бо̀льшаго, такъ сказать, проникновенія... въ тайну бытія. Мистика тутъ есть безспорно, но въ очень ужъ протестантскомъ духѣ. Черезъ-чуръ ужъ прямолинейна у нихъ ловля святости еще на землѣ и заручка спасенія въ будущей жизни.

— Этотъ импульсъ держитъ всѣхъ и въ другихъ исповѣданіяхъ и толкахъ,—спокойно возразилъ Булашовъ.

— То, да не то!.. Вотъ, даже и въ томъ двоевѣріи, какимъ зашибается нашъ простой народъ, принадлежащій къ господствующей церкви... Разумѣется, мораль тутъ выиграетъ, хотя она и объявляется недѣйствительною для спасенія души, безъ схожденія благодати, безъ пламенной любви къ Искупителю. Я не удивляюсь, что большинство пришло къ принятію двухъ символическихъ обрядовъ. Безъ нихъ было бы слишкомъ сухо и голо. Особенно для народной массы... безъ образа, безъ эмблемы—нельзя закрѣплять вѣрованія. Иначе они выродятся въ мертвечину.

— Это вопросъ! Но согласись, Костровинъ, — живѣе заговорилъ Булашовъ,—все-таки-же ты попадалъ тамъ въ воздухъ самаго искреннаго богоисканія, и притомъ не такой, какъ у тѣхъ господъ и госпожъ, которые будутъ собираться на „five o' clock'и“ твоей жены?

И онъ повелъ головой въ ту сторону, гдѣ гостиная Ины Николаевны.

— У нихъ—своя религія, свой культъ,—сказалъ Костровинъ.

— Ты съ ними уже достаточно знакомъ!

— Они выработали себѣ болѣе махровое „credo“. Ты слышалъ нѣкоторыя формулы.

— Высшее мѣрило—мистика!—воскликнулъ Булашовъ.

— Да... Безъ нея писатель—не художникъ, а мастеровой. При тебѣ они еще не разошлись, а то вотъ тотъ ихъ пріятель...

фамиліи его никакъ не могу удержать въ памяти... тотъ сталъ какъ-то, на дняхъ, говорить о нравахъ, за которые погибли Содомъ и Гоморра... и въ древнемъ мірѣ, и въ современномъ обществѣ. И по его толкованію выходитъ, что во всемъ *этомъ* есть высшая мистика.

— Вотъ какъ!

Булашовъ разсмѣялся и всталъ съ дивана.

— Увѣряю тебя... У него цѣлая теорія по этой части,— продолжалъ Костровинъ.

— И они это называютъ „богоисканіемъ"?

— Присядь... Еще минутку! Видишь... Одна у нихъ есть идея... объ исконной борьбѣ сатанинскаго элемента съ божественнымъ.

— Это—манихейство!

— По ихъ толкованію выходитъ, что вся тайна бытія и состоитъ въ этой борьбѣ, которая, на высшихъ граняхъ мірового развитія, перейдетъ въ сліяніе добра и зла, въ нѣчто нераздѣльное и богоподобное.

— Пускай ихъ! Имъ это нужно, какъ „эстетамъ",—и только.

— Кто ихъ знаетъ! Но все-таки чего-то ищутъ,—выговорилъ Костровинъ, другимъ тономъ.—Кажется, какая разница... вотъ такой кружокъ... и тѣ, что были на двухъ собраніяхъ. А и тѣ, и другіе ищутъ разрѣшенія одной и той же тайны, бѣгутъ отъ гибели къ блаженству—одни съ евангеліемъ въ рукахъ, другіе—съ языческимъ культомъ красоты!

Онъ опустилъ голову и помолчалъ.

— Ина довольна мною. Въ свой эстетическій толкъ она меня не завербовываетъ; но повторяетъ, что моя душа расцвѣтетъ только тогда, когда я не буду стыдиться порываній въ надчувственный міръ... Ну, прошу извинить, что задержалъ тебя!..

— А ты вернешься туда, въ гостиную?

— Нѣтъ, довольно.

Булашовъ посмотрѣлъ на часы. Оставалось еще болѣе часа до шести, и онъ могъ застать графиню Бунину, къ которой являлся въ Москвѣ.

Онъ уже справлялся о ея возвращеніи. Графиня заболѣла въ Москвѣ и пріѣхала только на дняхъ.

— Ты еще не скрываешься—куда-нибудь по дѣламъ?—спросилъ Костровинъ, провожая его въ переднюю.

— Поживу.

— То-то. Ина пріѣхала къ своимъ „эстетамъ“, а я—къ тебѣ. Ты этого не забывай!..

XII.

У графини Буниной Булашовъ еще не былъ; но его тянуло туда не изъ одного желанія узнать: что сдѣлано по той исторіи съ дѣтьми, отнятыми у матери. Знакомство съ этой молодой дѣвушкой оставило въ немъ слѣдъ—какъ бы охоту: приглядѣться къ ней попристальнѣе,—и болѣе затаенное желаніе помѣриться съ нею коренными убѣжденіями, показать ей, что есть вопросы и болѣе всеобщіе, и безотлагательные, чѣмъ тенденціозная поддержка такъ называемаго „женскаго движенія“.

Къ этому движенію онъ не относился враждебно; но во всѣхъ тѣхъ дамахъ и дѣвицахъ изъ „феминистокъ“, съ которыми онъ встрѣчался, ему не нравилось ношеніе какого-то обязательнаго мундира; такой тонъ и складъ мысли и рѣчи,—точно будто для нихъ нѣтъ никакихъ неразрѣшимыхъ вопросовъ, а все уже приведено въ ясность, и какъ только рѣшится окончательно женскій вопросъ, то и все преобразится, и наступитъ всеобщее эльдорадо.

За собой онъ не зналъ никакой злобности, охоты къ задорнымъ спорамъ, повадки вышучивать въ людяхъ—особенно въ женщинахъ—ихъ „дефекты“ и показывать имъ, что они напрасно такъ въ себѣ увѣрены и такого высокаго о себѣ мнѣнія.

А тутъ въ немъ, явственно для него самого, шевелилось чувство въ родѣ того, какое бываетъ, вѣроятно, у шахматнаго игрока, когда онъ садится съ предвзятымъ желаніемъ сначала подмѣтить слабыя стороны своего противника, а потомъ уже составить окончательный планъ игры.

О пріѣздѣ графини онъ справился. Она уже около недѣли, какъ въ Петербургѣ, живетъ въ собственномъ домѣ и—кажется—одна. Что она сирота—онъ давно зналъ.

Третьяго дня онъ написалъ ей записку, спрашивая, когда она бываетъ у себя, и вчера получилъ депешу, что она дома каждый день, послѣ пяти.

Графиня жила въ Петербургѣ далеко, въ сторону Коломны, въ маленькомъ, одноэтажномъ особнякѣ, оригинальной архитектуры.

Человѣкъ во фракѣ попросилъ его въ гостиную, безъ доклада.

У графини сидѣли двѣ гостьи.

Булашовъ—еще на ходу—распозналъ въ нихъ особъ одного лагеря съ хозяйкой. Одна была уже пожилая, полная, въ короткихъ волосахъ, въ черной кофточкѣ и такой же юбкѣ; другая—видомъ дѣвушка, съ интересной наружностью въ модной прическѣ, съ взбитыми бѣлокурыми волосами, въ свѣтло-гороховомъ суконномъ платьѣ, въ обтяжку.

Онѣ что-то горячо обсуждали, когда онъ вошелъ въ гостиную.

Хозяйка не сразу его увидала, сидя вбокъ къ входной двери. Булашовъ вспомнилъ, что на ней былъ тотъ же туалетъ, что въ Москвѣ. И причесана она была такъ же.

Толстая дама что-то ей шепнула. Графиня обернула голову и привстала.

— Здравствуйте! Очень рада васъ видѣть.

Тонъ этого привѣта звучалъ такъ, точно она—дама среднихъ лѣтъ, принимающая у себя юнца. Это опять показалось Булашову „мундиромъ".

И, сдѣлавъ ему пригласительный жестъ присѣсть къ нимъ, она указала на него дамамъ:

— М-г Булашовъ.

Тѣ поклонились ему суховато, и полная дама продолжала, обращаясь къ графинѣ:

— Но теперь вопросъ въ томъ, какъ тамъ,—и она указала рукой кверху,—посмотрятъ на это. Намъ—ни подъ какимъ видомъ—не надо допускать, чтобы это попало въ ихъ руки!

Онъ плохо понималъ, о чемъ идетъ рѣчь; а хозяйка не вводила его въ содержаніе разговора.

— Но по крайней мѣрѣ у васъ,—обратилась она къ интересной блондинкѣ,—все идетъ порядочно?

— Боимся, что и у насъ вмѣшаются. Въ комитетѣ пока дружно работаютъ; но сборы идутъ туго. Чтеніе, на которое мы особенно разсчитывали—не разрѣшили.

— Все надо хлопотать здѣсь!.. Какой это ужасный городъ!

Возгласъ графини былъ въ сторону Булашова.

— Извините... это... мои сотрудницы здѣсь и въ Москвѣ... Госпожа Дубровина,—указала она на полную даму;—госпожа Пафнутьева,—назвала она блондинку.

Которая дама, которая дѣвица—онъ не могъ узнать подъ однимъ словомъ „госпожа", произнесеннымъ графинею очень выпукло и твердо.

— Вы не возвращаетесь въ Москву?—обратилась она къ нему.

— Не сейчасъ.

— Вотъ... вы бы помогли имъ,—и она указала на блондинку,—вы, вѣроятно, знакомы съ тамошнимъ литературнымъ міромъ... а еще лучше—съ интеллигентными коммерсантами? Впрочемъ,—перебила она себя,—вы... кажется... не очень сочувствуете... даже и такому дѣлу, какъ медицинское образованіе для женщинъ.

Обѣ гостьи поглядѣли на него: полная—довольно строго, блондинка—съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ.

— Увы, графиня!.. Я врядъ-ли бы пригодился на что-нибудь... по части... устройства чтеній или знакомства съ московскими денежными тузами.

И ему показалось, что на лицахъ обѣихъ дамъ было такое выраженіе:

„На что же ты, собственно, годенъ, если ты не можешь служить нашему дѣлу, и зачѣмъ ты явился сюда?“

Это начинало даже забавлять его.

Полная гостья начала что-то свое, тоже о какихъ-то усиленныхъ хлопотахъ. Это было „a parte“ вслухъ, въ которомъ онъ не могъ принять никакого участія. Блондинка присоединилась къ ихъ разговору, и графиня, все такъ же вѣско и рѣшительно, давала свое мнѣніе и предлагала сдѣлать то-то, поѣхать къ тому-то, предупредить того-то.

Никогда еще Булашовъ, какъ молодой мужчина, принадлежащій къ тому же слою общества, какъ и эти три женщины, не чувствовалъ такъ близко присутствія женскаго царства.

Всѣ три называли имена мужчинъ, нужныхъ имъ для того или иного ходатайства, но онѣ говорили о нихъ, точно о неодушевленныхъ предметахъ, какъ объ орудіяхъ и механическихъ средствахъ въ извѣстной работѣ. И какъ будто ничто, въ эти минуты, не существовало, кромѣ того, что составляетъ предметъ *ихъ* заботъ.

И всего ярче это проявлялось для него въ самой графинѣ. Такой дѣвушки онъ еще не знавалъ, ни дома, ни въ своихъ заграничныхъ поѣздкахъ, не исключая и Англіи, гдѣ онъ встрѣчался съ очень крупными личностями, и даже съ поборницами самаго воинствующаго „феминизма“.

Ея лицо, особенно въ профиль, нравилось ему больше, чѣмъ это было въ Москвѣ. Линія носа, выемъ верхней губы, весь ротъ—пышный и выразительный—съ крупными зубами, дуга брови, разрѣзъ глаза и тѣнь отъ рѣсницъ, посадка головы, шея, бюстъ—все это говорило о цѣльной и смѣлой натурѣ.

Жестъ руки былъ слишкомъ частъ и недостаточно красивъ;

но самая рука—скульптурная, съ утонченными книзу, длинноватыми пальцами.

И опять чувство, похожее на желаніе игрока въ шахматы—потягаться съ противникомъ, послѣ выжидательнаго вступленія въ игру—зашевелилось въ немъ.

Во всякомъ случаѣ, онъ пересидитъ этихъ дамъ. При нихъ ему врядъ-ли удастся завести свой разговоръ съ графиней, да онъ и не хотѣлъ бы этого самъ.

Вотъ „полная" поднимается, все еще продолжая громко и связно сообщать про какую-то „возмутительную каверзу" кого-то, которую надо, во что бы то ни стало, „свести на нѣтъ".

Хозяйка, провожая ее, остановилась въ дверяхъ передней, еще о чемъ-то освѣдомилась и сдѣлала нѣсколько сильныхъ возгласовъ, съ такими же сильными жестами.

Потомъ пришла очередь блондинки. И у нея что-то такое нашлось, болѣе конфиденціальное. Она отвела графиню въ уголъ, и онѣ въ полголоса говорили довольно долго, часто перебивая другъ друга.

Отдѣльныя фразы и возгласы долетали до слуха Булашова. Онъ сталъ, сидя у столика, разглядывать какія-то брошюры и даже взялъ одну изъ нихъ въ руки.

Англійское заглавіе пояснило ему, что тутъ рѣчь идетъ также о результатахъ учебнаго года какой-то женской медицинской коллегіи въ одномъ изъ штатовъ Америки.

Содержаніе остальныхъ брошюръ не подстрекнуло его любопытства.

И блондинку графиня пошла провожать въ переднюю, и оттуда еще минуты съ три раздавались ихъ голоса. Онѣ заговорили тамъ гораздо громче.

Онъ всталъ, заслышавъ скорый и сильный шагъ графини.

— Pardon! Садитесь, пожалуйста. Знаете... столько дѣла! Голова идетъ кругомъ.

— Мнѣ надо извиниться, графиня, а не вамъ. У васъ сегодня дѣловые пріемы.

— У меня такъ каждый день. Я не успѣла васъ предупредить... тамъ, въ Москвѣ,—что у меня нельзя вести обыкновенный, салонный разговоръ...

— Я не за этимъ пріѣхалъ къ вамъ, графиня,—остановилъ ее Булашовъ, немного подаваясь впередъ.

— И вообще, я должна вамъ сказать, что я не умѣю вести такой causerie, какъ многія дамы, принимающія на своихъ „five o' clock"... И потому, еще разъ прошу извиненія: вамъ придется

и поскучать, какъ, напримѣръ, случилось и сегодня. За желаніе посѣтить меня—спасибо,—добавила она и привѣтливо улыбнулась.

— Я даже поджидалъ вашего пріѣзда, графиня,—заговорилъ Булашовъ, болѣе простымъ тономъ.

— Есть ко мнѣ дѣло? Вотъ какъ!

— А то ходатайство... по поводу котораго я былъ у васъ въ Москвѣ... съ господиномъ Топорковымъ? Та несчастная женщина?..

— Простите!.. У меня совсѣмъ изъ головы выскочило. Я была у старухи... видѣлась и съ той госпожей.

— И какой же результатъ?

— Ей, конечно, не отдадутъ дѣтей. Тутъ старое соперничество бабушки съ своей belle-fille. И, признаюсь, я не знаю, въ какой степени кто правъ, кто виноватъ.

— Но фактъ самъ по себѣ?..

— Развѣ я его защищаю? Но хуже ли теперь дѣтямъ... по крайней мѣрѣ матеріально? Нравственно—конечно хуже. Старуха, однако, смягчилась, и между ними теперь уговоръ... насчетъ свиданія матери съ дѣтьми. Не знаю только, долго ли это продлится. Ужъ очень натянуты струны.

— Благодарю васъ, графиня. Все-таки, вы хоть сколько-нибудь облегчили горе этой матери.

— Не знаю. Я не хочу лгать. Конечно, это большое горе для нея. Но мнѣ все-таки, если говорить откровенно, было обидно за эту женщину. Въ ней самой нѣтъ выдержки. Это все какое-то метаніе. Голова, разсудокъ, логика—не дѣйствуютъ. Даже и въ тѣхъ, кто связалъ свою судьбу съ людьми, которые жертвуютъ собою—нѣтъ того, что̀ надо... оттого, что отъ матерей къ дочерямъ передается все то же наслѣдственное женское рабство.

— Причемъ же тутъ рабство, графиня?

— Конечно! Когда дѣвушка, еще подросткомъ, будетъ чувствовать себя равноправной личностью—она и въ самыхъ тяжелыхъ испытаніяхъ выкажетъ другія свойства.

Это отзывалось сентенціей; но графиня говорила очень искренно, и даже щеки ея стали розовѣть.

— Вы видите,—возразилъ Булашовъ,—что у насъ женщина, въ извѣстной степени, можетъ и теперь дѣлать такія дѣла, какъ эта... ваша родственница, бабушка несчастныхъ дѣтей. Какихъ нужно тутъ еще правъ!

— Все къ тому же сводится! Отъ такой старухи нечего и требовать другихъ принциповъ. Это тоже перевернутое рабство.

— И вы думаете, — съ той же усмѣшкой спросилъ Була-

шовъ,—что вы тѣмъ, что̀ называется теперь... простите... „феминизмомъ“, заставите рухнуть самые жестокіе виды порабощенія... нарушеніе свободы совѣсти?

И онъ пристально посмотрѣлъ на нее...

— Убѣждена въ этомъ!—вскричала она и сильнымъ движеніемъ положила ногу на ногу. — Въ Россіи женщина могла бы все перевернуть вверхъ дномъ, еслибъ голова ея иначе работала.

— Однако позвольте, графиня... Уже больше тридцати лѣтъ, какъ женщины получаютъ у насъ высшее образованіе. Сколько изъ нихъ сдѣлались матерями! И почему же это онѣ не воспитываютъ Гракховъ? Напротивъ! Общій толкъ—о паденіи идеаловъ въ молодежи...

— Оттого, что ихъ засасываетъ жизнь. У одной на пятьсотъ достаетъ мужества—остаться вѣрной тому, съ чѣмъ она... вышла изъ аудиторій..

Она прервала сама себя и, взглянувъ на него вбокъ, продолжала:

— Я надѣюсь, m-r Булашовъ, мы съ вами не враги. Теперь въ большой модѣ прохаживаться насчетъ того, что̀ вы называете „феминизмомъ“. Мода пройдетъ. У васъ, сколько я помню, есть вещи, которыя вы считаете поважнѣе того, о чемъ мы вотъ сейчасъ толковали съ моими сотрудницами. Но развѣ это мѣшаетъ откликаться на все, что̀ только требуетъ сочувствія, дѣла, а не фразъ?

Она встала и отошла къ маленькому бюро, стоящему въ углубленіи салона.

— Вы вѣдь знаете, что въ деревняхъ опять неблагополучно. Тифъ... цинга... и все отъ того же. Вотъ у меня нѣсколько обращеній... Нужна помощь... и какъ можно скорѣе. Тутъ уже не до высшихъ вопросовъ. Надо покупать капусту, хрѣнъ... кромѣ хлѣба, картофеля и соли... Мы уже принялись. Мнѣ самой надо быть здѣсь. Раньше святокъ я не урвусь... Постойте...

Изъ ящика она вынула нѣсколько писемъ.

— Вѣдь того господина, что являлся тогда въ Москвѣ... фамилія—Топорковъ?

— Да, Топорковъ.

— Вотъ какъ разъ письмо его ко мнѣ. Очень искреннее. Онъ же напечаталъ недавно и заявленіе въ газетахъ.

— Я не читалъ его.

— Какъ же!.. У меня гдѣ-то сохранился этотъ нумеръ. Очень горячо и сильно написано.

Булашова вдругъ почему-то кольнуло. Какъ будто эта дѣвица

желала ему показать, что она живетъ, гораздо больше его, настоящими, не выдуманными интересами и нуждами родины, а не однимъ только „феминизмомъ“.

Онъ даже покраснѣлъ, что̀, при его цвѣтѣ лица, было менѣе замѣтно.

— Вотъ видите, m-r Булашовъ,—продолжала графиня, вернувшись на прежнее мѣсто:—и тутъ женщина не должна дожидаться указаній, а дѣйствовать сама.

Взглядъ графини какъ бы досказалъ ему:

„Обойдемся и безъ тебя, милый мой“.

— Вы, быть можетъ, держитесь того взгляда, по которому интеллигенція не въ состояніи помогать народу... ни въ чемъ, ни въ его духовныхъ нуждахъ, ни въ матеріальныхъ?

Этотъ вопросъ былъ сдѣланъ ею съ особымъ—какъ ему показалось—выраженіемъ ея ясныхъ и красивыхъ глазъ.

„Зачѣмъ ты меня исповѣдуешь?“—спросилъ онъ про себя, чувствуя, что жаръ въ щекахъ у него не пропадаетъ.

— Вы, графиня, желали бы услыхать отъ меня рѣзкое *да* или *нѣтъ*. Извините, къ прямолинейности не склоненъ... Когда дѣло идетъ о нашемъ народѣ—необходимы оговорки, и весьма значительныя.

— Мы ихъ и слышимъ! — вскричала она съ пожиманіемъ плечъ.

— Вы хотите прибавить—въ станѣ гасильниковъ и ретроградовъ? Сколько я себя знаю—я не принадлежу къ этому стану. Но возьмите духовную жизнь народа... Это—въ массѣ—темный людъ. Но онъ же ищетъ себѣ путей къ духовному свѣту. Не господа, не интеллигенція — создаютъ себѣ вѣрованія, а простой народъ... Во всякомъ случаѣ онъ это дѣлаетъ раньше господъ.

— Что̀ же изъ этого?

— А то, что духовно помогать ему не всякому подъ силу.

— Мы это знаемъ. Солдатикъ Каратаевъ... мужичокъ Сютаевъ?..

— Да, и мужичокъ Сютаевъ, и другіе. И ихъ тысячи... И каждый живетъ чище и разумнѣе такихъ же тысячъ интеллигентовъ.

Графиня сдѣлала нетерпѣливый жестъ.

— Можетъ быть! Но вотъ капусту и хрѣнъ... если ужъ не лимоны—надо покупать. Иначе цѣлыя мѣстности выродятся отъ цинги.

Ему захотѣлось тутъ же разспросить ее подробнѣе о томъ, что̀ пишетъ ей Топорковъ; но онъ удержался.

Это было бы похоже на то, что онъ сейчасъ же желалъ, ей въ отместку, показать: и онъ способенъ всегда подѣлиться своимъ достаткомъ и временемъ на „нужды народа“.

— Вы бывали въ тѣхъ мѣстахъ, m-r Булашовъ?

Она назвала губернію.

— Нѣтъ, не случалось.

— Закупки надо дѣлать пониже Москвы... вотъ тамъ, гдѣ живетъ Топорковъ. Вы съ нимъ не въ перепискѣ?

— Нѣтъ, графиня.

— А я думала, что вы одного...

Она не сразу нашла слово; но онъ ее понялъ.

— Нѣтъ, мы съ нимъ не одного толка,—выговорилъ Булашовъ съ усмѣшкой и всталъ. Но, вѣроятно, мы во многомъ будемъ согласны, въ томъ числѣ и во взглядѣ на духовную жизнь народа.

Графиня протянула ему руку и, пожавъ крѣпкимъ пожатіемъ, сказала:

— Надѣюсь... у насъ найдется... также что-нибудь общее...

— Душевно желалъ бы!—выговорилъ Булашовъ съ поклономъ.

Но тотчасъ же подумалъ:

„Не знаю“.

XIII.

На другой день, съ утра, Булашовъ былъ въ совершенно необычномъ для него настроеніи.

Вчерашній визитъ къ графинѣ оставилъ въ немъ неиспытанное еще имъ чувство особаго рода недовольства.

Прежде всего—собою. Съ какой стати онъ вступилъ съ этой „дѣвой“ въ такой именно разговоръ, какой онъ допускалъ только между близкими людьми или даже между людьми противнаго лагеря, но въ рѣшительную минуту, когда защита своихъ убѣжденій есть уже хорошій, цѣнный поступокъ?

Эта „дѣва“ еще въ Москвѣ стала его раздражать. Но почему же онъ справлялся о ея возвращеніи изъ Москвы, и тотчасъ же поѣхалъ къ ней?

Чтобы узнать о результатѣ ея посредничества? Не изъ-за одного этого. Тутъ была и другая примѣсь.

Значитъ, она сама его заинтересовала.

Несмотря на свою молодость, онъ „презиралъ“ всякое мел-

кое женолюбіе, всякое „ухаживаніе“. Женщина не должна нравиться иначе, какъ возбуждая и духовную симпатію.

Стало быть, въ лицѣ этой дѣвушки онъ натолкнулся на что-то болѣе крупное, чѣмъ до сихъ поръ встрѣчалъ среди своихъ знакомыхъ? Ему, сразу, было непріятно видѣть въ ней только „феминистку“, и это чувство еще усилилось въ началѣ его вчерашняго визита.

Такъ или иначе, ему не слѣдовало держаться съ нею такого тона, подражать ей въ неумѣстномъ задорѣ.

И это не главное. Главное—то, что онъ обидѣлся и разсердился, когда она ему заговорила о письмѣ Топоркова, его заявленіи въ газетахъ о народной нуждѣ.

Сегодня не обидчивость говоритъ въ немъ, а какъ бы чувство нѣкотораго стыда.

Отчего же эта дѣвушка, которую онъ считалъ способной только на свою феминистскую пропаганду,—также отзывчива и на такое дѣло, какъ помощь деревенскому люду, изнывающему отъ повальныхъ болѣзней; а онъ, прочитавшій ей вчера нотацію, оставался равнодушенъ?

Развѣ у него такъ много было неотложныхъ дѣлъ? Онъ—свободный человѣкъ, и у него всегда бы нашлось время сдѣлаться тотчасъ же сотрудникомъ графини, внести свою лепту, отправиться одному или организовать цѣлый отрядъ.

Онъ можетъ это сдѣлать и сейчасъ. Но ему непріятно было бы обращаться къ графинѣ: выходило бы такъ, точно онъ дѣлаетъ это ей въ отместку, а не изъ искренняго побужденія.

Все это теребило его, и онъ переживалъ томительное для него самого разбирательство, гдѣ преобладали личные мотивы, а не что-либо цѣльное, прямое, честное, великодушное.

Все у него валилось изъ рукъ. То, чѣмъ онъ обыкновенно занимался по утрамъ, дѣлалось безвкуснымъ и ординарнымъ, хотя онъ заботился не о себѣ, а о своихъ родныхъ.

Но, въ сущности, развѣ ихъ матеріальное благосостояніе требуетъ непремѣнно его заботъ? Всякій дѣльный управляющій окажется не хуже его. Мать свою и сестеръ онъ любитъ; но вѣдь вопросъ ихъ довольства, въ концѣ концовъ,—развѣ онъ выше чьихъ-бы то ни было родственныхъ заботъ—не о „хлѣбѣ насущномъ“, какъ у тѣхъ, у кого голодный тифъ и цинга, а о барской жизни, со множествомъ затѣй, съ тѣмъ двоевѣріемъ, съ той смѣсью традиціонной суетности и сословнаго себялюбія, которыя только внѣшнимъ образомъ прикрываются полетами въ надчувственную область.

Почему онъ сейчасъ же не предложилъ матери и сестрамъ принять участіе въ томъ невзрачномъ на видъ дѣлѣ, гдѣ пахнетъ капустой и хрѣномъ, которымъ не пренебрегаетъ молодая, блестящая феминистка?

Развѣ у нихъ, считая и его семью, не хватило бы средствъ снарядить цѣлый отрядъ, закупить не одинъ десятокъ вагоновъ?..

Все тотъ же старый камердинеръ его отца вошелъ въ его кабинетъ — съ часъ послѣ того, какъ подалъ ему чай — съ визитной карточкой на подносѣ.

Онъ прочелъ на ней фамилію какого-то Лебедева, присяжнаго повѣреннаго; а внизу написано было карандашомъ:

„Отъ Юлія Ѳедоровича Топоркова".

Имени Топоркова онъ почти обрадовался. Конечно, онъ опять обращается къ нему не съ пустяками, а, вѣроятно, съ тѣмъ же, о чемъ писалъ и графинѣ.

— Проси! — возбужденно сказалъ онъ, и тотчасъ же поднялся съ кресла и прошелся взадъ и впередъ по кабинету.

Вошелъ большаго роста, плотный мужчина, съ широкимъ лицомъ и плоскими свѣтлорусыми волосами. Онъ держалъ портфель подъ мышкой и носилъ на фракѣ, не особенно свѣжемъ, адвокатскій значокъ.

— Лебедевъ, присяжный повѣренный, — отрекомендовался онъ съ поклономъ.

Голосъ у него былъ слегка простуженный и самъ по себѣ низкій.

— Къ вамъ, Викторъ Сергѣевичъ, съ письмомъ отъ моего пріятеля, Юлія Ѳедоровича Топоркова. Вотъ, если позволите...

Онъ положилъ портфель на кресло, наклонился и вынулъ оттуда пакетъ въ большую осьмую долю листа, а потомъ досталъ изъ бокового кармана письмо и подалъ то и другое Булашову.

— Письмецо отъ Юлія Ѳедоровича.

— Позволите прочесть?

— Попрошу. На основаніи его содержимаго пойдетъ и бесѣда наша, если соблаговолите меня выслушать.

Гость широко улыбнулся толстоватыми губами и, на пригласительный жестъ хозяина, раздвинулъ фалды фрака и грузно сѣлъ въ кресло.

Булашовъ быстро пробѣжалъ письмо Топоркова и повернулся лицомъ къ нему.

— Какъ изволите видѣть,—заговорилъ тотъ тономъ характернаго москвича,—тутъ два дѣла. Одно—насчетъ новой бѣды. Юлій Ѳедоровичъ знаетъ, къ кому обращается, хотя вы, кажется, только-что познакомились съ нимъ въ Москвѣ?

Фраза адвоката кольнула Булашова. Ему опять стало стыдно за себя.

— Да, да,—откликнулся онъ.—Я знаю. Это требуетъ быстрой помощи.

— Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ—безотлагательной, Викторъ Сергѣевичъ. И спасибо большое Юлію Ѳедоровичу за его чудесное заявленіе въ газетахъ. Тутъ вотъ, въ этомъ вотъ пакетѣ, есть и нумеръ газеты... и двѣ брошюры, уже на другую тему.

Глаза адвоката досказали, на какую именно тему.

— Мнѣ уже говорили про это заявленіе, — торопливо сказалъ Булашовъ.—Я пропустилъ его. Здѣсь я не читаю московскихъ газетъ... и крайне сожалѣю...

Какъ у графини, онъ почувствовалъ, что краснѣетъ.

— Вы изволили прочесть до конца?

— Какъ же... То, что онъ мнѣ пишетъ объ этомъ... какъ, бишь, его зовутъ?

— Наумъ Степановъ, — подсказалъ адвокатъ.—Вѣдь Юлій Ѳедоровичъ уже третій годъ, какъ проживаетъ по близости станціи Дергачи... около двухъ поселковъ, составляющихъ одно село. Половина—сектанты. Онъ съ ними въ большой дружбѣ... и его судьба этого бѣдняги Наума печалитъ. Черезъ него подсудимый обратился и ко мнѣ, какъ къ своему будущему защитнику.

— А когда дѣло?

— Черезъ мѣсяцъ, а то и больше.

— Обвиненіе серьезное?

— Въ чемъ—вы изволили прочитать въ письмѣ... Довольно-таки серьезное по уликамъ... Вы знаете, въ послѣдніе годы наши крестьяне—я разумѣю церковныхъ — начали выказывать большую суровость въ такихъ дѣлахъ. Боюсь, что закатаютъ.

— Съ лишеніемъ правъ?

— Само собою.

Широкая улыбка появилась опять на лицѣ гостя.

— Что же я бы могъ?

— Не сію минуту, Викторъ Сергѣевичъ. Надо переждать... Но и теперь можно бы позондировать почву... Какого-то эксперта получимъ мы? А главный моментъ будетъ, когда дѣло дойдетъ до кассаціи... Если позволите, я бы предложилъ вамъ мои со-

ображенія. Быть можетъ, ваши связи и знакомства окажутся тутъ прямо на руку.

— Сомнѣваюсь. Но благодарю отъ души и господина Топоркова, и васъ, за довѣріе.

— Мы знали, къ кому обращаемся, Викторъ Сергѣевичъ! Знали, что для васъ этотъ видъ горя—самый близкій вашему сердцу. Здѣсь у меня дѣло въ сенатѣ. Промаячу дней пять-шесть.

Гость остановился и вынулъ изъ бокового же кармана фрака сложенный вчетверо листъ.

— Вотъ... Тутъ вы найдете всѣ приблизительно факты, до сихъ поръ установленные дознаніемъ и продолжающимся слѣдствіемъ. И краткая исторія самого обвиняемаго. Переходы его религіозной жизни. Онъ—бывшій молоканинъ, какъ и всѣ остальные его односельцы, кромѣ тѣхъ, что перешли съ нимъ въ „штунду", какъ называютъ господа эксперты, въ „баптизмъ"—какъ утверждаемъ мы.

Внутреннее волненіе овладѣвало Булашовымъ—то волненіе, которое сняло тотчасъ же личную тревогу.

— Я готовъ, — заговорилъ онъ приподнятымъ тономъ,—принять сейчасъ же участіе и въ той помощи, къ которой призываетъ общество Юлій Ѳедоровичъ.

— Разлюбезное было бы дѣло!

— Скажите мнѣ... эта мѣстность, гдѣ онъ живетъ, удобна для закупокъ, такъ что я могъ бы ѣхать прямо туда?

— И тамъ уже цѣны вздорожали и надо за десятки верстъ добывать то, что всегда нужно.

— Капусту, хрѣнъ?

— Ха, ха! Именно! Такое время, что и этого народнаго овоща въ умаленіи. Но ваша мысль благая, Викторъ Сергѣевичъ. Попадете къ Юлію Ѳедоровичу, и тамъ у васъ дѣло сейчасъ же наладится. Да и съ моимъ кліентомъ познакомитесь. И со всей этой округой. Васъ наши евангелики и стараго и новаго толка должны особенно заинтересовать. А Юлій Ѳедоровичъ васъ всюду свозитъ. Лучшаго „гида" и желать нельзя.

— Онъ занимается хозяйствомъ?

— Нѣтъ! Онъ—неимущій человѣкъ и отыскалъ себѣ мирное убѣжище... и дешевое. Нанимаетъ покинутую барскую усадьбу... въ родѣ дачи... и въ Москву можетъ наѣзжать; а для него это весьма дорого,—прибавилъ адвокатъ, на особый ладъ прищуривъ свои темные глаза немного навыкатъ. — А за симъ имѣю честь кланяться. Спѣшу въ сенатъ. Передъ отъѣздомъ позвольте

еще потолкаться къ вамъ. Вы, значитъ, сами будете писать Топоркову?

— Непремѣнно! И на дняхъ же могу пуститься въ путь.

— Спасибо! Сердечное спасибо вамъ отъ всѣхъ, и отъ цинготныхъ, и отъ тѣхъ, у кого бѣда другого, не менѣе тяжкаго свойства.

Булашовъ проводилъ гостя до передней и вернулся возбужденный. Щеки его горѣли, но не отъ самолюбиваго чувства, а отъ внезапно принятаго рѣшенія, которому никакой серьезной помѣхи не предвидѣлось.

Сборы у него всегда короткіе. Никого онъ съ собою брать не будетъ; найдутся люди и на мѣстѣ. Онъ столкуется съ Топорковымъ и напишетъ ему о своемъ намѣреніи принять участіе въ томъ дѣлѣ, къ какому взываетъ Топорковъ не одними денежными пожертвованіями.

Онъ сейчасъ же принялся за письмо Топоркову.

И весь разговоръ адвоката, дѣло сектанта Наума Степанова, эта мѣстность, гдѣ жили издавна коренные молокане, переходъ части ихъ въ баптистовъ — все это заиграло у него на душѣ.

Въ письмѣ къ Топоркову, онъ, въ очень теплыхъ выраженіяхъ, благодарилъ его за обращеніе къ нему, сообщалъ также и то, что онъ узналъ отъ графини Буниной по тому дѣлу, по которому тотъ явился къ нему въ Москвѣ.

И когда дошелъ до упоминанія о графинѣ, спросилъ себя: дастъ ли онъ ей знать, что самъ собрался ѣхать туда, куда она готова направить скорую помощь?

„Собственно, слѣдовало бы!“—выговорилъ онъ мысленно.

Зачѣмъ же раздроблять силы? Благо онъ ѣдетъ самъ—онъ могъ бы выполнить и ея порученія, если у нея нѣтъ еще никого подъ рукой.

Но его удержало опять особое чувство.

Онъ не желаетъ никакой „демонстраціи“ — точно онъ ей „въ пику“ такъ быстро собрался и разлетится предлагать ей свои услуги. Передъ отъѣздомъ онъ напишетъ ей, а можетъ быть и не напишетъ, глядя по настроенію.

Такъ лучше. Да и зачѣмъ онъ будетъ ставить себя въ зависимое положеніе? Она сама слишкомъ цѣнитъ самостоятельность. Пускай дѣйствуетъ, какъ ей „благоугодно“.

Булашовъ употребилъ мысленно именно слово: „благоугодно“. Въ немъ нѣтъ свободнаго отношенія къ этой дѣвушкѣ. Надо, чтобы всякое личное чувство улеглось.

Но вопросъ: съѣздить къ ней съ предложеніемъ своего участія

или не ѣздить — не сразу былъ рѣшенъ. Что-то внутри еще копошилось.

Написавъ письмо Топоркову, онъ сидѣлъ надъ пюпитромъ письменнаго стола, что-то соображая.

Въ передней ему какъ будто послышался голосъ Костровина. Тотъ что-то говорилъ человѣку.

Булашовъ выбѣжалъ въ переднюю.

— Ты занятъ? Я завернулъ только справиться—здѣсь ли ты?

— Входи, входи! Ничѣмъ особенно не занятъ.

Лицо у пріятеля было такое, что Булашовъ прежде всего спросилъ:

— Былъ нездоровъ?

— А что̀?

— Да видъ у тебя такой.

— Боленъ не былъ... такъ, чтобы ложиться въ постель... А скверно что-то, братъ!.. Да ты меня прогони... у тебя эти утренніе часы—самые нужные.

— Сядь, сядь. Ничего спѣшнаго нѣтъ. Скажи: приближеніе инфлюэнціи, что-ли?

— Эхъ!

Костровинъ, опускаясь въ кресло, махнулъ рукой. Но Булашовъ сейчасъ же почуялъ, что тотъ пріѣхалъ къ нему поговорить „по душѣ"—по-московски.

Онъ придвинулъ къ нему свое кресло и положилъ руки на оба его колѣна.

— Расхандрился, что-ли? Не выносишь Петербурга?

— Вѣрно, другъ! Я и не ожидалъ, что эта чухонская Пальмира такъ скоро начнетъ мнѣ претить. Не одинъ климатъ! Ну, пока еще стоитъ что-то въ родѣ зимы... И въ Москвѣ можетъ быть порядочная скверь! И улицы здѣсь чище, и панель, и всякія удобства, лифтъ и электричество, субботы Михайловскаго театра, и Фигнеръ, и Медея, и Кшесинская, и „Медвѣдь" съ румынскими цыганами... А начало засасывать. И въ новой, самой гнусной формѣ.

— Какой?

— Безпрестанно всплываетъ со дна души малодушный страхъ чего-то... И пустота, какой я тамъ, у себя дома, не зналъ. Тамъ я хоть домовладѣлецъ... обыватель... А тутъ у меня полная пустышка.

Костровинъ не усидѣлъ на мѣстѣ и заходилъ по комнатѣ.

— Не могу я,—почти крикнулъ онъ,—брать въ сурьёзъ то̀, что̀ я вижу и слышу въ салонѣ Ины! Я ей не мѣшаю. Она

обрѣла здѣсь тотъ воздухъ, какой ей необходимъ, чтобы распуститься душой. Въ ихъ особую эстетическую секту я поступить не могу. Спорить—тошно! Играть—роль отсталаго буржуя—тоже желанья нѣтъ! Вотъ и развихлялся,—жалобно протянулъ Костровинъ, возвращаясь на прежнее мѣсто.—Ежели такъ пойдетъ, я не выдержу... Сбѣгу.... хоть на двѣ, на три недѣли... въ Москву. Придумаю что-нибудь по дому, зимнюю ремонтировку.

Булашовъ взялъ его за руку.

— Чего же лучше? — вскричалъ онъ весело. — Ѣдемъ со мною!

— Куда?

— Покупать капусту и хрѣнъ.

И онъ ему, въ нѣсколькихъ словахъ, разсказалъ—куда онъ самъ рѣшилъ отправиться; но о графинѣ не упомянулъ.

— Вмѣсто того, чтобы здѣсь предаваться душевной прострацiи—поѣзжай со мною. Тамъ ты возьмешь часть разъѣздовъ на себя. Хочешь—внеси свою лепту, не хочешь—не надо.

— Я съ великимъ удовольствiемъ! Вѣдь я читалъ это заявленiе Топоркова. Оно меня очень тронуло. Это было до твоего прiѣзда. У насъ даже вышелъ кисло-сладкiй коллоквiумъ съ господиномъ Кублицкимъ. Онъ сталъ брезгливо изрекать что-то о низменности такого вида альтруизма; Ина ему поддакивала.

— А на ловца и звѣрь бѣжитъ, Паша! Въ той мѣстности, гдѣ живетъ Топорковъ—цѣлый непочатый уголъ коренныхъ „евангеликовъ“.

И онъ передалъ ему то, что узналъ отъ адвоката Лебедева.

— Послѣ петербургскихъ собранiй, куда ты попадалъ, ты очутишься въ средѣ... совсѣмъ другого исповѣданiя... стародавняго, безъ тѣхъ оттѣнковъ, которые—я это вижу—не очень тебѣ нравятся.

— Что-жъ! Это идея!

Костровинъ опять нервно снялся съ мѣста и отошелъ къ окну.

— Мои сборы короткiе. Послѣ-завтра мы могли бы выѣхать. Остальное все выяснится на мѣстѣ. Ина Николаевна удерживать тебя не будетъ. Ты скажи ей, что я тебя везу къ сектантамъ. Она будетъ очень рада!

— Пожалуй!

Тѣнь набѣжала на лицо Костровина.

— Спасибо, другъ!—вдругъ возбужденно крикнулъ онъ.— Это—чистая находка... О капустѣ и хрѣнѣ въ салонѣ Ины распространяться не буду. Ну ихъ къ Богу! Спасибо!

И онъ сталъ усиленно пожимать руку Булашова и рѣшительнымъ тономъ сказалъ, что послѣ-завтра и онъ будетъ готовъ къ отъѣзду.

XIV.

— Станція Дергачи! Поѣздъ стоитъ десять минутъ! Буфетъ! —протяжно проговорилъ кондукторъ, проходя по отдѣленію вагона, гдѣ пріятели сидѣли, отъ самой Москвы, у окна, одинъ противъ другого.

Костровинъ—едва ли не въ первый разъ — отправлялся внутрь провинціи зимою. Для него, по дорогѣ, все было ново. Онъ самъ предложилъ Булашову взять билетъ второго класса. Пассажиры, ѣхавшіе съ ними, ничего особенно занимательнаго собою не представляли, и вступать съ ними въ разговоръ ему не пришлось.

Но онъ чувствовалъ въ себѣ нѣкоторую пріятную возбужденность, которая все возростала по мѣрѣ приближенія къ цѣли ихъ поѣздки.

На дворѣ стоялъ свѣтлый денекъ съ легкимъ морозцемъ. Розовый закатъ заглянулъ съ ихъ стороны въ окно—за нѣсколько минутъ до станціи Дергачи, гдѣ ихъ долженъ былъ ждать Топорковъ.

Поѣздъ подошелъ къ открытой платформѣ, передъ длиннымъ одноэтажнымъ зданіемъ станціи. Дожидался всякій деревенскій людъ и нѣсколько пассажировъ, одѣтыхъ почище.

— Тутъ выйдемъ?—въ полголоса спросилъ Костровинъ.

На немъ была дорогая ильковая шуба, которая его немного стѣсняла. А Булашовъ, какъ человѣкъ часто разъѣзжающій, давно обзавелся полушубкомъ, крытымъ темно-синимъ сукномъ. Его здоровое лицо, съ порозовѣлыми щеками, несмотря на свой „аглицкій“ типъ,—шло и къ этому полушубку, и къ сѣрой высокой смушковой шапкѣ.

Топоркова зналъ только онъ и сейчасъ же запримѣтилъ его, налѣво отъ входной двери. Онъ ждалъ ихъ не одинъ. Тутъ же стоялъ мальчикъ въ короткомъ пальтецѣ съ барашковой оторочкой, и высокій мужикъ, съ рыжеватыми курчавыми волосами, въ верблюжьемъ озямѣ, поверхъ полушубка, валенкахъ и картузѣ.

Самъ Топорковъ былъ въ войлочной шапкѣ и длинномъ пальто, съ такимъ же барашковымъ воротникомъ, какъ и у мальчика, его сына Васи, и въ такихъ же, только темно-бурыхъ высокихъ валенкахъ, какъ у крестьянина, стоявшаго съ ними.

Тотъ держался не какъ ихъ служитель, а скорѣе какъ знакомый: это сейчасъ же замѣтилъ Булашовъ.

— Ахъ, здравствуйте!—окликнулъ ихъ Топорковъ, подбѣгая къ нимъ.

— Мой товарищъ Костровинъ, о которомъ я вамъ писалъ. Не прочь поработать съ нами... интересуется и вашимъ мѣстнымъ населеніемъ.

— Очень, очень радъ!.. Вася!—сказалъ Топорковъ сыну:—возьми одинъ изъ мѣшковъ.

Съ ихъ мѣшками шелъ за ними сторожъ.

— А больше у нихъ нѣтъ багажа?—спросилъ Вася Булашова, и тутъ только Булашовъ разглядѣлъ его умненькое, немного блѣдное лицо, съ пушкомъ на щекахъ и большими—чисто женскими—карими глазами, его тонкія брови и добрый оскалъ его свѣжаго рта.

— У него есть еще сундучокъ,—указалъ Булашовъ на Костровина.

Онъ отдалъ багажную квитанцію сторожу, а мѣшки подхватили Вася и рыжеватый мужикъ въ озямѣ.

— Вотъ нашъ пріятель,—отрекомендовалъ послѣдняго Топорковъ пріѣзжимъ,—Василій Егоровъ... изъ села Добрынина. Онъ же насъ и доставитъ въ своихъ пошевняхъ.

Василій приподнялъ картузъ свободной рукой, и потомъ подалъ ее ребромъ имъ обоимъ. Его широкій ротъ раскрылся въ веселую усмѣшку. И глазами—умными и немного косыми—онъ усмѣхнулся.

— Съ пріѣздомъ, господа!—выговорилъ онъ высокимъ, пріятнымъ теноромъ, съ легкой картавостью. Значитъ, можно класть въ сани, Юлій Ѳедоровичъ?—окликнулъ онъ Топоркова.

— Да, да.

— Ну, такъ мы съ Васенькой идемъ. А потомъ я подсоблю тому малому, насчетъ сундучка.

Булашовъ переглянулся съ Костровинымъ. Они оба предполагали, что этотъ Василій Егоровъ—изъ „евангеликовъ“.

Отъ адвоката Лебедева Булашовъ уже зналъ, что около усадьбы, которую нанимаетъ Топорковъ, въ селѣ Добрынинѣ, живутъ—споконъ вѣка—сектанты.

— Изъ какихъ?—тихо спросилъ Булашовъ Топоркова, идя между нимъ и Костровинымъ.

— Молоканинъ! Замѣчательная натура и большая умница.

Василій и Вася шли впереди.

На станціи толпилось много всякаго народа, пахло тулупомъ

и ворванью. У задняго крыльца стояли нѣсколько подводъ и двое пошевней. Ближайшія и самыя просторныя, съ прикрытымъ сидѣньемъ и кошмой сзади него—были сани Василія, запряженныя парой—гусемъ; въ оглобляхъ—пѣгій жеребенокъ, а впереди—бѣлая лошадь, съ супонью, безъ хомута, и на веревочныхъ постромкахъ.

— Садитесь, садитесь!—усаживалъ Вася гостей.—Василій... дай мнѣ возжи! Папа, можно?

— Можно, можно,—отвѣтилъ за отца Булашовъ.

Они сѣли втроемъ. Василій укуталъ имъ ноги кошмой и вмѣстѣ со сторожемъ уставилъ подъ облучокъ небольшой чемоданъ Костровина. Нашлось мѣсто и для двухъ дорожныхъ мѣшковъ.

Вася на облучкѣ былъ въ полномъ восторгѣ, перенялъ отъ Василія возжи и гикнулъ на лошадей.

— Съ Богомъ! Трогай, Васенька!—окликнулъ его Василій, ласково глядя на него изъ-за высокаго воротника своего озяма, приподнятаго сзади, по-деревенски. — Тёзка—мнѣ! — замѣтилъ онъ пріѣзжимъ.

Костровинъ, сидя въ правомъ углу пошевней, то раскрывалъ глаза, то опускалъ вѣки, защищая съ непривычки зрѣніе отъ снѣга, отражавшаго необыкновенно яркій закатъ.

Грудь его дышала совсѣмъ не такъ, какъ въ городѣ. Отъ снѣжныхъ сугробовъ, въ какіе они, то-и-дѣло, попадали, когда повернули съ шоссе на проселокъ, шла бодрящая свѣжесть. Въ самомъ процессѣ дыханія было уже что-то пріятное.

Успокоительно на его нервы дѣйствовало все: и бѣлый ландшафтъ, съ легкими подъемами и спусками, и глубокая тишина, и переливы розоваго свѣта по полянамъ, покрытымъ пеленами обильнаго снѣга.

— Послалъ Господь снѣжку!—сказалъ ему Василій, сидѣвшій на облучкѣ противъ него, въ полоборота, лицомъ къ господамъ.

— Давно уже?—спросилъ Булашовъ.

— Не ахти какъ давно... а этакъ съ недѣлю. Дюже нагнало. Насъ въ Добрынинѣ занесло... которые дворы стоятъ въ лощинѣ. Откапываться пришлось.

Василій тихо засмѣялся, показавъ свои крѣпкіе зубы. Его смѣхъ, и тонъ, и выговоръ—особенно привлекали Костровина.

Говоръ былъ въ родѣ московскаго, но мягче и немного съ гортаннымъ оттѣнкомъ звука *г*, когда онъ произнесъ слово „нагнало“. И „дюже“ было также мѣстное слово. Но въ тонѣ чув-

ствовалось, разительно для него, сознаніе своего „я“, безъ малѣйшаго подхалимства и безъ лишняго панибратства съ знакомыми своего „пріятеля“ изъ господъ.

Проѣхали съ полверсты, и надо было спускаться.

— Изволокъ тутъ!—сказалъ Василій. —Держись, Васенька! Не плошай!

Но Вася не справился съ передовой лошадью и на одномъ поворотѣ чуть-было ихъ не вывалилъ.

Всѣ разомъ разсмѣялись, въ томъ числѣ и самъ возница.

— Вася!—мягко окликнулъ Топорковъ. — Передай возжи Василію.

— Да я ничего, папа!

— Прошу тебя.

Мальчикъ повиновался безъ гримасы. Василій взялъ возжи и гикнулъ на лошадей. Бѣлая побѣжала ровнѣе, не боясь сугробовъ.

— Мы вѣдь мимо ихъ двора проѣдемъ, — сказалъ Топорковъ Булашову, указавъ головой на Василія, сидѣвшаго все также въ полоборота.

— Егоръ Веденѣичъ вѣдь дома будетъ?—спросилъ его Топорковъ.

— Безпремѣнно. Я ему сказывалъ, что вамъ, Юлій Ѳедоровичъ, когда съ машины поѣдете... его нужно буде...

— И это „буде“—вмѣсто „будетъ“—отмѣтилъ, про себя, Костровинъ.

— Завтра же надо бы съѣздить по близости.

— Насчетъ капусты?—освѣдомился Василій.

— Да, вотъ съ ними,—Топорковъ указалъ на Булашова.— А вы пока у насъ поживете,—прибавилъ онъ, наклонившись къ Костровину.

И, указывая рукой на Василія, онъ заговорилъ другимъ тономъ, уже не дѣловымъ, а болѣе душевнымъ.

— Василій Егорычъ—у насъ великій начетчикъ... Онъ для васъ особенно цѣнный человѣкъ,—прибавилъ въ полголоса Топорковъ, наклоняясь къ Костровину.

Василій повернулся лицомъ къ лошадямъ и сталъ править, приподнимаясь на той ногѣ, которая у него была въ облучкѣ.

Тутъ опять былъ довольно большой спускъ въ ложбину. Справа и слѣва стали попадаться „амшеники“ и амбарцы. Направо, на пригоркѣ, высилась пятиглавая церковь, съ зеленой, крутой съ боковъ крышей. Стѣны ея, выкрашенныя свѣтлой

охрой, отсвѣчивали отъ заката, уже не такого розоваго, какъ четверть часа назадъ.

— Какъ же это?—тихо спросилъ Костровинъ Топоркова, указывая на церковь.—Это другая деревня?

— Нѣтъ... село одно... Добрынино. Но два какъ бы отдѣльные поселка. Ближній, который вонъ тамъ тянется,—онъ указалъ рукой,—тѣ церковные; а по ту сторону рѣчки—почти всѣ сплошь такіе...

Онъ не хотѣлъ употребить слово „сектанты", которое было извѣстно Василію. Тотъ прислушивался къ ихъ разговору.

И Булашовъ слышалъ объясненіе Топоркова и обратился къ Василію.

— Скажи мнѣ, голубчикъ,—у васъ вѣдь, съ нѣкотораго времени, два общества?

— Гдѣ, батюшка? У насъ, въ дальнемъ Добрынинѣ, одно сельское обчество. А у тѣхъ,—онъ указалъ на церковь,—свое, значитъ.

— Но вѣдь вы не держитесь уже вмѣстѣ?..

Василій понялъ его намекъ, и его вдумчивый взглядъ чуточку какъ будто затуманился.

— Это точно. Часть нашихъ отпала...

Теперь Костровинъ сталъ прислушиваться къ ихъ разговору.

— Они по какой же вѣрѣ?

— Штунда што-ли... Только они такъ себя не зовутъ и обижаются, ежели ихъ такъ назовешь.

Булашовъ зналъ, какъ ихъ звать, но не хотѣлъ сразу говорить этого.

— Василій Егорычъ, — замѣтилъ Топорковъ, — ты, небось, знаешь, какъ ихъ звать?

— Это точно. Сразу, иной разъ, не выговоришь, — прибавилъ онъ съ полу-грустной усмѣшкой.

— Баптисты?—подсказалъ Булашовъ.

— Да, баптисты!—звонко выговорилъ Вася, жадно слушавшій этотъ разговоръ.—Вѣдь такъ, папа?

— Такъ,—тихо отозвался Топорковъ.

Василій поглядѣлъ на своего пріятеля-малолѣтка и свободной рукой потрепалъ его по плечу.

— Васенька-то... ученый. У него языкъ наматорѣлъ... не то, что у нашего брата... И по-французскому, и по-нѣмецкому. А намъ надо съ опаской выговаривать такія слова. Вдругъ и споткнешься... и не дюже пристойно выйдетъ.

— Кѣмъ же они—вступился въ разговоръ и Костровинъ—эти баптисты... прежде были?

— Съ нами держались.

Василій не сказалъ: „съ молоканами“.

— И давно это случилось?—полюбопытствовалъ Костровинъ.

— Да годовъ никакъ... больше шести будетъ.

— Значитъ,—тише спросилъ Костровинъ Топоркова, — это не съ юга пришло?

— Нѣтъ,—сдержанно отвѣтилъ тотъ,—это самостоятельное движеніе.

— Эхъ!.. Милыя!—гикнулъ Василій, и сани разомъ поднялись наверхъ, пролетѣвъ черезъ небольшой мостикъ. Церковь и поселокъ, виднѣвшійся изъ-за нея, исчезли изъ виду.

Съ перекрестка, гдѣ три ракиты стояли покрытыя пушистымъ инеемъ, они повернули круто влѣво, и передъ ними открылся весь поселокъ „евангеликовъ“, какъ называлъ ихъ Топорковъ, довольно разбросанный вдоль извивовъ рѣчки, съ низковатыми хатами подъ соломенными кровлями. Не мало было и каменныхъ, въ пять оконъ. Плетни, сарайчики, гумны, зады дворовъ—все смотрѣло скорѣе зажиточно. Свѣжій снѣгъ все скрашивалъ и веселилъ.

— Такъ, значитъ, къ намъ повертывать, Юлій Ѳедоровичъ?—ласково окликнулъ Василій.—Можетъ, чайк*ю* напьетесь съ господами?

Костровину показался очень забавнымъ звукъ „чайкю“, который Василій произносилъ совершенно серьезно, смягчая—какъ дѣлали всѣ его земляки—„у“ на „ю“.

— Только мы входить ужъ не будемъ. Ты только окликни Егора Веденѣича. Я ему два слова скажу.

Черезъ проулокъ, совсѣмъ занесенный снѣгомъ, гдѣ лошади едва прошли и гусемъ—они попали на площадку; рѣчка образовала родъ небольшого овражка и по обѣимъ сторонамъ его стояли двѣ избы: одна пятистѣнная, съ широкимъ крылечкомъ, другая—поменьше и поплоше.

Василій подъѣхалъ къ крылечку пятистѣнной, соскочилъ съ облучка и, взбѣжавъ по ступенькамъ, исчезъ въ сѣняхъ, откуда тотчасъ же опять вышелъ; но не одинъ; а съ отцомъ своимъ, Егоромъ Веденѣевымъ.

На видъ Егоръ былъ еще совсѣмъ не старый мужикъ, черноволосый, съ лысиной,—онъ вышелъ безъ шапки,—съ очень крупными чертами загорѣлаго лица, въ поддёвкѣ, накинутой на рубаху.

— Здравствуйте, батюшка, Юлій Ѳедоровичъ!

И, поклонившись двумъ другимъ господамъ, Егоръ Веденѣевъ сказалъ имъ:

— Съ пріѣздомъ!

Оба отдали ему поклонъ.

— Вотъ, Егоръ Веденѣичъ,—указалъ на нихъ Топорковъ,—господамъ надо тоже сдѣлать закупки.

— Чего больше?

— Да всего... а первымъ дѣломъ капусты. Ну, и всего прочаго.

— Поднялись цѣны, дюже. По близости, сами знаете, и не найти... и капусты, чтобы не проквашенной, съ душкомъ—онъ усмѣхнулся,—а какъ слѣдственно. Хрѣну—и то наищешься. Барышники... налетятъ, что твоя саранча...

— Что же ты, Егоръ Веденѣичъ, шапки не надѣнешь?—остановилъ его Топорковъ.

— Ничего, батюшка... А чайкю не откушаете?

Егоръ Веденѣевъ оглянулъ и остальныхъ господъ.

Оба—и Булашовъ, и Костровинъ — почти одинаково опредѣлили про себя этого хозяйственнаго мужика: житейскимъ дѣламъ отдаетъ больше помышленій, чѣмъ духовному совершенству; но человѣкъ прочный и—по выраженію глазъ—не безъ хитрецы.

— Мы спѣшимъ къ обѣду,—отвѣчалъ за всѣхъ Топорковъ.—Завтра мы тебя ждемъ.

— Часиковъ, такъ, къ десяти?—спросилъ Егоръ Веденѣевъ.

— Можно и раньше. Вы какъ встаете?—спросилъ Топорковъ Булашова.

— Въ восемь всегда на ногахъ.

— Значитъ, такъ, къ девяти...

— Трогать?—окликнулъ Василій господъ.

— Папа, позволь мнѣ,—заговорилъ Вася,—опять попробовать?

— Вотъ плетни переѣдемъ,—утѣшилъ его Василій,—тогда и побалуешься.

Передняя бѣлая лошадь затопталась на мѣстѣ—не хотѣла отойти отъ своего двора.

— Ишь, лукавая!—крикнулъ на нее Василій и дернулъ.

Отецъ его поднимался уже на крыльцо, по правому сходу. На порогѣ появилась, въ короткой кацавейкѣ и красномъ платкѣ на головѣ, молодая женщина, что-то сказала Егору Веденѣеву, посмотрѣла на господъ въ саняхъ и спустилась внизъ. Она что-то несла въ „кошолкѣ“.

Булашовъ невольно засмотрѣлся на нее—такая она была статная, съ немного строгимъ и яснымъ профилемъ и густыми бровями.

— Кто это?—указалъ онъ Василію, какъ только сани тронулись.

— Сестрёнка меньшая.

— Молодуха?

— Нѣтъ,—протянулъ Василій.—Еще въ дѣвицахъ.

— Не торопится?

— У насъ понужденія нѣтъ. Никакъ ужъ по двадцатому году она.

— А какъ зовутъ?

— Ариной.

— Грамотная?

— Маракуетъ.

Когда сани попали на узкую гать, вдоль запруды, Топорковъ указалъ Булашову на избу, которая стояла противъ двора Егора Веденѣева, по другую сторону овражка.

— Вотъ тутъ живетъ Наумъ Степановъ. О вашемъ пріѣздѣ онъ предупрежденъ... Ему писалъ его защитникъ. Если угодно, завтра мы его навѣстимъ.

Костровинъ уже зналъ отъ Булашова—кто этотъ Наумъ.

— Онъ развѣ на свободѣ?—спросилъ онъ.

Василій, сидѣвшій опять въ полоборота, на облучкѣ, окликнулъ:

— Наумъ Степанычъ? Еще на волѣ. На порукахъ, значитъ.

— Вы съ нимъ видаетесь?—спросилъ Костровинъ.

— Какъ, сударь, не видаться? Сусѣди, значитъ.

— Онъ у нихъ главный... у тѣхъ?..

— Такъ точно. Называется... пресвитеръ.

— Хорошій человѣкъ?

— Похаить нельзя. Человѣкъ душевный... весь, можно сказать, въ Богѣ живетъ.

— А въ чемъ онъ провинился?

Костровинъ нарочно спросилъ это, зная—въ общихъ чертахъ,—за какую вину Наумъ находится подъ судомъ.

— Яко бы, то-есть,... произвелъ совращеніе. И свидѣтели нашлись...

— Закатаютъ?—тихо спросилъ Булашовъ у Топоркова.

— Вы знаете... какъ въ послѣднее время стали, по этой части, безпощадны присяжные изъ крестьянъ.

— Изъ вашихъ ни съ кѣмъ не стряслось такой бѣды?— спросилъ Костровинъ.

— Господь миловалъ! Мы этимъ не займаемся... Благодареніе Богу и за то, что не терпимъ особенной обиды.

— Гдѣ собираетесь?

— У насъ,—потому слободнѣе, мѣста больше.

— По воскресеньямъ?

— Это само собою... а то и въ другіе дни.

— А тѣ у кого же... у этого самаго Наума?

— У него.

Василій тряхнулъ головой и усмѣхнулся.

— Коли урядникъ обходъ дѣлаетъ... примѣрно хоть въ воскресенье утромъ... съ улицы слыхать, что поютъ. И у насъ... и въ избѣ у Наума... такимъ же манеромъ...

— Только напѣвъ другой,—подсказалъ Булашовъ.

— Это точно, сударь... Мы по-деревенски. Напѣвъ у насъ постаринный. Издали не отличить вамъ отъ пѣсни... которая позаунывнѣе... А у тѣхъ напѣвъ веселый, короткій. И по книжкѣ, значитъ.

Все это Василій говорилъ спокойно и благодушно. Тонъ его продолжалъ пріятно дѣйствовать на обоихъ пріятелей.

Вася опять съ такой же жадностью прислушивался къ разговору.

— И выходитъ, значитъ,—продолжалъ Василій, глядя на господъ нѣсколько прищуренными глазами:—въ одномъ мѣстѣ, и за одно и то же—здѣсь—ничего, а тамъ—сейчасъ протоколъ, и все такое... И книги отбираютъ. Первымъ дѣломъ—евангеліе... Карты разныя, что по стѣнамъ висятъ.

— Что же на картахъ?—спросилъ Костровинъ.

— Изъ Писанія, отъ Матѳея... и изъ другихъ евангелистовъ... Больше ничего. Ну, перепишутъ... и у земскаго—судъ и расправа.

Онъ сдвинулъ свой картузъ набекрень и почесалъ надъ правымъ ухомъ.

— Штрафами... можно сказать, дюже ихъ щуняютъ. Все по десяти и больше рублей. Тутъ восчувствуешь!

— Такъ что вамъ еще благодать?—вставилъ Булашовъ.

— До поры, до времени, не жалуемся, сударь. Мы нѣшто радуемся на то, что они—на такомъ положеніи?

Помолчавъ, онъ обернулся къ нимъ еще прямѣе лицомъ, полу-закрылъ глаза и, точно про себя, выговорилъ раздѣльно и немного какъ бы на распѣвъ:

— „Изгонятъ васъ изъ синагогъ... наступаетъ время, когда всякій, убивающій васъ, будетъ думать, что онъ тѣмъ служитъ Богу. Такъ будутъ поступать потому, что не познали ни Отца, ни Меня“.

Костровинъ сначала приподнялъ голову, а потомъ и весь приподнялся.

Ему показалось-было, что Василій заговорилъ отъ себя; но евангельскій строй того, что̀ онъ произносилъ такъ истово и проникновенно—сейчасъ же напомнилъ ему: что̀ это можетъ быть.

Онъ спросилъ себя: „Откуда это?“—и могъ только отвѣтить: „Отъ Іоанна“. Но въ какомъ мѣстѣ это говорится,—затруднился бы сразу сказать.

То же подумалъ и Булашовъ. Всѣ трое переглянулись.

— Я вамъ говорилъ,—тихо сказалъ Топорковъ.—У Василія Егорыча—изумительная память и знаніе Новаго Завѣта.

Костровину все это было чудно̀. Ничего подобнаго онъ никогда не испытывалъ. Ѣдутъ въ пошевняхъ, гусемъ, везетъ ихъ простой мужикъ въ „озямѣ“, сидитъ бочкомъ, на облучкѣ и, точно отъ себя, произноситъ такія слова.

— Отъ Іоанна?—спросилъ Вася и весь покраснѣлъ.—Скажи, Василій?

— А то нешто не изъ него, Васенька?

— Изъ Тайной Вечери?

— Такъ точно... Вишь, какой дошлый! Похвальный листъ тебѣ!..

Василій опять приласкалъ его по плечу свободной рукой, въ рукавицѣ.

— Онъ навѣрно и главу скажетъ, и стихъ!—вскричалъ Вася, и глаза его загорѣлись горделивымъ чувствомъ за своего пріятеля Василія.

— Что-жъ... скажу. Не изъ бахвальства,—прибавилъ Василій, поглядѣвъ на пріѣзжихъ господъ,—а потому, что надо всегда быть наготовѣ... передъ самимъ собою и передъ людьми. Запомни, Васенька. Глава шошнадцатая, стихи: второй и третій.

Онъ произносилъ не „шестнадцатая“, а „шошнадцатая“, что̀ Костровину особенно какъ-то понравилось. При мѣстныхъ крестьянскихъ словахъ и искаженіи словъ, этотъ совсѣмъ молодой малый такъ владѣлъ скла̀дной и грамотной рѣчью, точно онъ человѣкъ ихъ круга.

Всѣ они опять, молча, переглянулись.

Василій, какъ бы немножко стѣснившись, повернулъ спиной,

гикнулъ на лошадей и пустилъ ихъ доброй рысью. Они уже поднялись на новый взлобокъ, откуда, минуты черезъ три, стала видна усадьба—красная крыша дома, а потомъ и заборъ, и купы деревьевъ, покрытыхъ инеемъ, въ глубинѣ двора.

— Вотъ и доѣдемъ сейчасъ!—возбужденно объявилъ Вася и, взявъ возжи изъ рукъ Василія, молодецки гикнулъ на лошадей, стоя обѣими ногами въ облучкѣ.

Ихъ встрѣтилъ веселый лай цѣпной собаки. Ворота были отперты. Налѣво отъ нихъ стоялъ флигелекъ; они подъѣхали направо къ крыльцу дома, похожаго на подгородную дачу, съ террасой и маленькой башней.

Встрѣчать ихъ вышла горничная—въ платочкѣ и ситцевомъ платьѣ, подпоясанномъ темнымъ фартукомъ, молодая, съ деревенскимъ загорѣлымъ лицомъ.

— Параша! Помоги Василію!—крикнулъ ей Вася, соскочилъ въ снѣгъ, и передалъ возжи своему пріятелю.

Черезъ десять минутъ они уже сидѣли за столомъ. Топорковъ извинился за жену—она третій день прихварывала и не могла съ ними обѣдать.

За хозяйку была сестра Васи—Мотя—старше его года на два—подростокъ, большого роста, съ двумя длинными русыми косами, лицомъ похожая на брата, рослая, съ блестящими глазами и открытымъ бѣлымъ лбомъ.

Садясь, Топорковъ извинился за „немудрую стряпню"; но сейчасъ же сказалъ, что имъ будетъ и мясное.

У нихъ въ семьѣ „убоины" не ѣли.

Оба пріятеля заявили, что охотно ѣли бы все то, что подавали и хозяевамъ.

Разговоръ объ „убоинѣ" былъ неизбѣженъ. У Топоркова сейчасъ же перемѣнилось выраженіе лица: брови приподнялись къ наружнымъ краямъ и ротъ сложился въ особую мину жалости.

— Для меня несомнѣнно,—сказалъ онъ въ началѣ обѣда,—что въ какихъ-нибудь два поколѣнія звѣря уже не было бы ни въ комъ!

— Вашими устами и медъ бы пить,—возразилъ ему Булашовъ.—Но народъ нашъ почти что не ѣстъ мяса, а звѣря въ немъ еще очень много.

— Не ѣстъ, потому что бѣденъ, а не потому, что чувствуетъ связь со всякой живой тварью, почему и воздерживается.

Топорковъ самъ перемѣнилъ разговоръ и долго разсказывалъ о той четѣ, въ судьбѣ которой принялъ участіе Булашовъ. Онъ

уже зналъ, что съ матерью вступили въ соглашеніе и допускаютъ ее видѣть дѣтей; но мужъ ея—по прежнему—томится все въ тѣхъ же мѣстахъ и на возвратъ его врядъ-ли есть большая надежда.

Оба пріятеля больше слушали и, точно по уговору, ни одинъ изъ нихъ не дѣлалъ хозяину ни малѣйшаго возраженія. Булашову Топорковъ казался здѣсь, дома, съ дѣтьми, въ этой довольно заброшенной усадьбѣ, гораздо болѣе живымъ, чѣмъ тогда, въ Москвѣ, когда онъ явился къ нему въ Лоскутную гостинницу.

Кротостью и убѣжденностью дышали черты его худого, нервнаго лица. И тонъ у него былъ тихій и простой, безъ экзальтаціи. Во всемъ, что онъ говорилъ, звучала спокойная увѣренность въ томъ, что иначе мыслить и чувствовать нельзя.

Жилъ онъ литературнымъ трудомъ и устроился здѣсь, вдали отъ городской дороговизны и сутолоки, наѣзжалъ въ Москву, много переписывался съ своими ближайшими и „дальними"—какъ онъ назвалъ—друзьями; но далъ понять, что на сектантовъ обоихъ толковъ, съ которыми былъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ, не производитъ никакого „воздѣйствія".

Въ нихъ онъ цѣнитъ—въ самыхъ лучшихъ изъ нихъ—особенно въ такихъ, какъ Василій Егоровъ,—необыкновенную воспріимчивость ко всему, въ чемъ сказываются высшія потребности души.

— Разумѣется... и ихъ забираетъ „князь міра". Есть скопидомы, есть и слабые люди, способные на сдѣлки съ совѣстью. Но—сколько я входилъ въ ихъ бытъ—они составляютъ исключеніе сравнительно съ нашими... Въ молоканахъ все уже улеглось, ихъ не преслѣдуютъ; а кто перешелъ въ баптисты—у тѣхъ сильнѣе подъемъ религіознаго чувства. Вотъ присмотритесь къ такому Науму Степанову. Этотъ весь полонъ жажды подвига.

Бесѣда ихъ затянулась и послѣ обѣда. Хозяинъ предложилъ имъ отдохнуть и устроиться во флигелѣ, гдѣ имъ приготовили уже постели. Онъ самъ проводилъ ихъ, приставилъ къ нимъ мальчика и пожелалъ имъ доброй ночи.

Въ низковатой комнатѣ, гдѣ имъ постелили вмѣстѣ—одному на широкомъ диванѣ, другому на желѣзной складной кровати—они лежали въ темнотѣ и прислушивались къ начинавшейся вьюгѣ. Вѣтеръ слегка колыхалъ ставнями окна, раздѣлявшаго изголовья ихъ постелей.

Нѣкоторую усталость чувствовали оба; но заснуть не могли сразу.

Имъ хотѣлось говорить, и, прежде всего, о хозяинѣ.

— По своему—совершенно счастливъ,—замѣтилъ, какъ бы съ легкой ироніей, Булашовъ, лежа лицомъ къ пріятелю.

— Неужели оттого только, что нашелъ разгадку жизни?

— Должно быть.

— Не всякій можетъ удовлетвориться извѣстными правилами,—заговорилъ нервно Костровинъ и также повернулся на бокъ—лицомъ отъ спинки дивана къ кровати Булашова.—Правда, и народъ въ массѣ... въ концѣ концовъ счастливѣе насъ оттого, что вставилъ себя въ рамки обряда.

— Но на одномъ обрядѣ не остановился. И Василій Егоровъ—народъ.

— У этихъ евангеликовъ... навѣрно меньше запретовъ. Того не ѣшь, этого не ѣшь!.. Съ мясомъ это еще не трудно; а насчетъ противленія злу... не такъ-то легко согласиться. И все это отзывается какимъ-то духовнымъ эпикурействомъ.

— И мнѣ всегда такъ казалось,—подтвердилъ Булашовъ.— Но посмотри на этого Топоркова. Развѣ онъ все сводитъ къ своему „я", къ моральному дилеттантству? Его душа отзывается на всякое горе... не однихъ своихъ единовѣрцевъ. Вотъ мы поѣдемъ съ нимъ. Я увѣренъ, что онъ окажется гораздо ближе меня къ народу и къ его матеріальнымъ нуждамъ, и къ его душевнымъ потребностямъ. Не знаю, какъ ты, Костровинъ, а я вѣдь долженъ сознаться, что писанія его учителя... знаю недостаточно. Читалъ его „Исповѣдь" и еще двѣ книги... Ну, и все, что̀ появилось въ беллетристической формѣ... съ извѣстной подкладкой. Но все это не даетъ еще полнаго исповѣданія вѣры.

— Можетъ, его и нѣтъ?—отозвался Костровинъ.

— Есть что-то въ этомъ родѣ.

— Въ печати?

— Не знаю. У Топоркова навѣрное есть. Только онъ самъ предлагать не будетъ. Ты видишь... онъ не хочетъ играть роль эмиссара тамъ, что-ли.

— Всякій, кто позналъ истину, не можетъ ее не проповѣдывать.

— Разумѣется, и онъ, навѣрное, не уклонится никогда высказать все, что̀ считаетъ высшей правдой.

— Для его пріятеля Василія и для того баптиста, котораго будутъ судить, раздѣлять такое ученіе — все равно, что все утратить!

— Не знаю, — вдумчиво выговорилъ Булашовъ.—Не это, другъ, важно, а то, что вотъ тебѣ фактъ: на пространствѣ сотни десятинъ живутъ поборники христіанскаго идеала и другъ друга не ѣдятъ, не воздвигаютъ гоненій, не требуютъ разгрома.

— Однако, какъ сегодня говорилось между вами, этого Наума крестьяне закатаютъ на судѣ.

— Кто?—протянулъ Булашовъ.—Развѣ о нихъ идетъ рѣчь?

Костровинъ ничего не отвѣтилъ, но въ немъ долго еще не улеглось возбужденіе мысли и особаго чувства, имъ еще никогда не испытаннаго. Въ головѣ замелькали образы: санный путь, голова Василія... какъ онъ сталъ приводить евангельскія слова.

Вѣтеръ продолжалъ тихо завывать. Подъ его гулъ они оба заснули.

XV.

Въ просторной избѣ Егора Веденѣева происходило угощеніе господъ изъ усадьбы.

Утромъ Егоръ являлся туда, и они долго толковали вчетверомъ о закупкахъ. Рѣшено было, что Булашовъ съѣздитъ съ Егоромъ по ближайшимъ мѣстамъ для закупокъ, а Топорковъ дождется его съ Костровинымъ, послѣ чего всѣ трое поѣдутъ въ разныхъ направленіяхъ.

Булашовъ поживетъ до воскресенья, дождавшись Егора, который соберется по близости въ село Вязовки, гдѣ уже приторговалъ вагона на два капусты и на столько же картофеля.

Теперь они сидѣли за столомъ, въ красномъ углу избы, куда солнце входило веселой полосой.

Костровинъ съ большимъ любопытствомъ, чѣмъ Булашовъ, осматривалъ все, дѣлая это очень сдержанно.

Онъ уже замѣтилъ, что на угловой лавкѣ, въ красномъ углу, гдѣ они сидѣли съ Булашовымъ, не видно было никакихъ иконъ, а лежали только двѣ большія книги въ кожаныхъ потемнѣлыхъ переплетахъ и съ застежками.

Нѣсколько картинокъ было наклеено на той стѣнѣ, которая шла вбокъ, безъ оконъ—евангельскаго содержанія. Уголъ дальше занималъ большой ткацкій станокъ. За нимъ сидѣла дочь Егора, та самая красивая, статная дѣвушка, которую первый увидалъ Булашовъ, когда она вышла на крыльцо. Арина сидѣла въ ситцевой юбкѣ и такой же кофтѣ, простоволосая, съ длинной косой и босая.

Булашовъ и теперь раза два оглянулъ ее и нашелъ, что

она и въ такомъ домашнемъ видѣ сохраняетъ большую живописность.

И Костровинъ взглянулъ на нее и отмѣтилъ, про себя, что Арина сидѣла нагнувшись и дѣйствовала челнокомъ, не обращая на нихъ никакого вниманія; не обернулась ни разу, и только лѣвый глазъ ея быстро поднималъ густую рѣсницу и такъ же быстро опускалъ ее.

Ноги ея ловко мелькали, надавливая и ослабляя натискъ на деревянныя дощечки ея самодѣльнаго привода.

Изба была безъ полатей, съ большимъ углубленіемъ за печью, гдѣ висѣло много платья. Справа отъ входа, у первыхъ трехъ оконъ, стояли скамьи въ два ряда.

Почти вся семья Егора была въ сборѣ: жена его, худая старуха, болѣзненная, съ бурымъ лицомъ, въ кацавейкѣ и темномъ платьѣ; жена Василія, молодка, съ крѣпкими щеками, въ сапогахъ и короткой душегрѣйкѣ. Она и прислуживала, безпрестанно выходя въ сѣни.

Были тутъ двое ребятишекъ — внуки Егора—и его сынъ подростокъ, еще не сложившійся парень, въ розовой рубахѣ и валенкахъ, веснущатый и вихрастый, старавшійся также прислуживать гостямъ.

Кормили ихъ, кромѣ „чайкю" со сливками и вареньемъ, еще яйцами въ смятку, и лепешками, и свѣжимъ сливочнымъ масломъ.

Хозяева угощали гостей, но, подставляя имъ ѣду, и сами прихлебывали чай со сливками, съ блюдечка, ѣли и лепешки, и яйца, и варенье.

Топорковъ тихо улыбался глазами, поглядывая на пріятелей, и своимъ взглядомъ какъ бы говорилъ имъ: „Видите, простые русскіе мужички не считаютъ для себя грѣховнымъ ѣсть скоромное; а на дворѣ Филипповки, и дѣлается это совершенно просто, никого не обижая и ни надъ чѣмъ не издѣваясь".

Булашовъ встрѣчалъ уже молоканъ въ своихъ частыхъ разъѣздахъ и даже говаривалъ съ ними; бывалъ и на преніяхъ, заводимыхъ духовнымъ начальствомъ; но и онъ въ первый разъ—сколько ему помнилось—сидѣлъ вотъ такъ, за самоваромъ, въ семьѣ зажиточнаго молоканина, и видѣлъ передъ собою такого выработаннаго жизнью исповѣдника, какъ Василій Егоровъ.

Тотъ помѣщался сбоку, рядомъ съ нимъ, на краю приставной скамьи, сидѣлъ въ кумачной рубашкѣ и, въ эту минуту, аппетитно выковыривалъ кусочки изъ яйца мѣдной ложечкой, послѣ чего сталъ опять пить чай съ блюдечка, съ вареньемъ.

На Василіѣ установился и взглядъ Костровина.

Ему уже совершенно впервые пришлось попадать въ среду деревенскихъ сектантовъ, и такого чисто народнаго происхожденія. Онъ читалъ кое-что объ этой сектѣ, но, какъ и многіе изъ образованныхъ русскихъ, только въ послѣднее время, когда всплылъ интересъ къ судьбѣ духоборовъ, къ ихъ переселенію въ Америку—выяснилъ себѣ всю разницу этихъ двухъ вѣроисповѣдныхъ толковъ.

Передъ нимъ, вотъ въ этой избѣ Егора Веденѣева, настоящіе „евангелики"—какъ называютъ ихъ и Топорковъ, и Булашовъ—коренные русаки, испоконъ вѣка землепашцы, живущіе въ одной мѣстности, съ своимъ мѣстнымъ говоромъ, со всѣми выпуклыми чертами великорусскаго мужика средней полосы, пониже Москвы. Тутъ ничто не отзывается для него привознымъ ученіемъ, отъ англичанъ или отъ нѣмецкихъ піэтистовъ, съ юга Россіи. Это сложилось на родной почвѣ, и по-своему, по-мужицки, выработало, конечно, и свои характерныя черты.

И ему особенно любопытно стало, дождавшись воскресенья—оно будетъ послѣ завтра—попасть сюда же, въ избу Егора, на молитвенное собраніе. Онъ уже, черезъ Топоркова, попросился еще тамъ, въ усадьбѣ, сегодня утромъ, и Егоръ ему отвѣтилъ:

— Съ нашимъ удовольствіемъ. Пожалуйте.

А Василій прибавилъ отъ себя:

— Ужъ не обезсудьте, коли наше пѣніе не больно вамъ придется по скусу.

Какую-то особенную ясность и прочность всего склада жизни этихъ „отщепенцевъ" чувствовалъ, въ то же время, и Булашовъ. И ему эти стародавніе „евангелики" были ближе, чѣмъ тѣ, куда онъ долженъ бы былъ принадлежать, еслибы пошелъ по стопамъ своего покойнаго отца.

И ему какъ бы несовсѣмъ пріятно было, что нѣсколько семей этихъ самыхъ молоканъ отдѣлились отъ нихъ и образовали особенную общину, уже признающую—какъ онъ доподлинно зналъ—два обряда баптистовъ.

— Послушайте, Егоръ Веденѣичъ,—обратился онъ къ нему, допивъ чашку чаю съ чудесными сливками,—ежели по душѣ говорить: вы—какъ мы знаемъ отъ Юлія Ѳедоровича—онъ указалъ на Топоркова—самый наибольшій въ вашемъ обществѣ?

— У насъ, батюшка, никакихъ такихъ чиновъ нѣтъ,—отвѣтилъ Егоръ и повелъ головой, какъ бы желая сказать: „не такъ, какъ у тѣхъ, что по ту сторону оврага".

— Ну, это все равно... я хотѣлъ спросить: для васъ было это очень чувствительно—отдѣленіе Наума Степанова съ братіей?

Отецъ переглянулся съ сыномъ.

Глаза Василія сейчасъ же заиграли, и ему захотѣлось отвѣтить на это первому; но взглядъ Егора остановилъ его, и онъ только тряхнулъ своими кудрявыми волосами и началъ наливать себѣ чаю.

— Извѣстное дѣло, сударь, было это намъ дюже чувствительно...

Костровинъ воздержался отъ всякихъ вопросовъ.

— Такъ, видно, Господу было угодно. Сколько мы понимаемъ, тутъ двѣ вещи дѣйствуютъ. Первое... лестно себя считать, значитъ... какъ бы причисленнымъ къ лику праведниковъ. А потомъ и прицѣпа есть.

— Въ видѣ обрядовъ?—спросилъ Топорковъ.

— Именно, Юлій Ѳедоровичъ. Сами изволили, чай, замѣчать... особливо на женскій полъ... дѣйствуетъ. И въ родѣ какъ особое испытаніе, и въ своихъ глазахъ выше ставитъ человѣка, когда онъ удостоится водяного крещенія. Опять же и пресвитеромъ лестно быть. Это уже совсѣмъ особая статья.

Егоръ говорилъ съ запинками, какъ бы искалъ словъ. И вообще онъ не былъ рѣчистъ.

Вдобавокъ, ему не хотѣлось сказать ничего лишняго въ осужденіе своихъ прежнихъ единовѣрцевъ.

— А между прочимъ,—продолжалъ онъ нѣсколько живѣе,—поставили себя на незаконное положеніе. Должны все хорониться. Штрафы... разбирательства. Теперь вотъ до чего дошло съ Наумомъ...

Онъ поникъ своей крупной лысой головой.

— Тятенька,—заговорилъ Василій, отхлебнувъ съ блюдечка.—Тутъ надо различіе дѣлать! Наумъ Степановъ обвиненъ въ совращеніи. Никто своего креста не избѣгнетъ. Тутъ хошь съ поличнымъ накрыли. А насчетъ того, что они теперь въ такомъ стѣсненіи живутъ—нѐшто они настоящая штунда?—выговорилъ онъ съ усмѣшкой.—Значитъ, и насъ бы стали приписывать туда же, коли бы мы съ ними держались вмѣстѣ.

Булашовъ и Топорковъ кивнули головой; а Костровинъ точно про себя сказалъ:

— Вотъ оно что̀!..

— Только тятенька вѣрно говоритъ, что они, отъ насъ отпамши, могутъ запутаться.

Костровинъ вопросительно взглянулъ на Василія.

— А потому... они не сами по себѣ... какъ теперича хошь мы. У насъ есть одна книга... Евангеліе. Псалмы Давида тамъ что-ли послѣ. На этомъ мы утвердились, значитъ. Такъ и сами умремъ... А они какъ словно обвязались съ другими тамъ держаться... и съ тѣми, что отъ нѣмцевъ пошли... штундой которыхъ прозвали... и опять изъ Питера такимъ же порядкомъ. Прежде не знали, какъ и мы, никакого обряда... преломленіе хлѣба... погруженіе опять... А теперь это соблюдаютъ. Пресвитеры пошли... вѣдь тоже, что іерей, только по другому называется. Дальше и владыку пожалуй заведутъ...

— Постой, Василій,—перебилъ его Булашовъ.—Они это не зря. Они это взяли оттуда же, откуда и все остальное идетъ. Ты это прекрасно долженъ знать.

— Должонъ, сударь, знать, это точно. И рѣчь моя клонилась не къ осужденію, а къ потуженію. Можетъ, оно и такъ; а все бы на прежнемъ-то корню сидѣть—ничего бы они не потеряли; а какъ вы изволите говорить: что для нихъ свято, то и для насъ. Все единственно.

Онъ тихо разсмѣялся и опять, характерно тряхнувъ волосами, сталъ накладывать себѣ варенья на папушникъ и запивать чаемъ.

Отецъ, все время, слушалъ его, тихо потягивая съ блюдечка, съ опущенными глазами. Старуха сидѣла поодаль и, оперевъ щеку о ладонь жилистой руки, любовно смотрѣла на сына.

Даже строгая красавица-сестра остановила вдругъ движеніе челнока и вбокъ поглядѣла—что, молъ, господа будутъ отвѣчать Василію на его „предику“?

Топорковъ и Костровинъ были видимо согласны съ разсужденіями Василія. Булашову они понравились менѣе, чѣмъ онъ самъ ожидалъ, хотя въ тонѣ умнаго и душевнаго малаго не было никакой нетерпимости и никакого ехидства.

— Все Господь, — вымолвилъ съ легкимъ вздохомъ Егоръ Веденѣевъ.—И въ этомъ, значитъ, испытаніе послано было намъ. Кто отдѣлился, а кто держится по старому, нерушимо...

— Этакъ-то,—подхватилъ опять Василій, съ той же тихой горячностью,—може и лучше. Не такъ ли, баринъ?—спросилъ онъ черезъ столъ Костровина, замѣтивъ, какъ онъ его слушалъ.

— Въ какомъ смыслѣ?

— А нешто не помните въ началѣ Апокалипсиса?.. Апостолъ Іоаннъ Богословъ получилъ приказъ написать ангелу одной изъ церквей въ Асіи,—выговорилъ онъ съ удареніемъ на звукѣ „с“.

— А какой?—тихо спросилъ его Булашовъ.

Василій обернулся къ нему и, блеснувъ весело глазами, выговорилъ:

— Ангелу лаодикійской церкви. Глава третья, стихъ четырнадцатый. Дальше-то дай Богъ памяти... „Знаю, говоритъ, твои дѣла, ты ни холоденъ, ни горячъ". А потомъ: „Но какъ ты теплъ, а не горячъ и не холоденъ, то извергу тебя изъ устъ Моихъ". Такъ я мекаю, господа, и въ этомъ случаѣ. Отпали они отъ насъ... Что-жъ! По крайности—нельзя про нихъ сказать, что они ни горячи, ни холодны. Они горячо за свою вѣру стоятъ...

Арина опять взглянула на брата.

— Вашъ сынъ, Егоръ Веденѣичъ,—замѣтилъ Булашовъ,—начитанъ.

— Много довольны, батюшка, на добромъ словѣ. Не дюже бы только возгордился. Книга для всѣхъ открытая.

Егоръ указалъ рукой на полку, гдѣ лежало Писаніе.

— А допрежъ всего,—прибавилъ онъ, глядя на всѣхъ троихъ гостей,—отъ своего корню не добро отступать.

— А какъ же,—спросилъ Булашовъ,—вы не боитесь пускать своихъ ребятишекъ бѣгать туда, гдѣ погостъ? Въ церковь всякій воленъ входить.

Отецъ съ сыномъ переглянулись.

— Мы не боимся... ни, Боже мой!—съ увѣренной усмѣшкой выговорилъ Егоръ.—Они съизмальства пріучены. Къ лукавымъ они не пойдутъ...

— Къ лукавымъ?—переспросилъ Костровинъ.

— Мы такъ называемъ,—пояснилъ съ той же усмѣшкой Егоръ.—Съ эстой стороны намъ бояться нечего, только бы они на насъ око свое завидущее не поворачивали.

— Лукавый—одинъ,—замѣтилъ, точно про себя, Костровинъ.—Нечистый духъ!..

— Позвольте, сударь,—остановилъ Василій, глянувъ на него черезъ столъ.—Въ молитвѣ-то Господней стоитъ: „Избави насъ отъ лукаваго",—значитъ, отъ каждаго недобраго человѣка. Мы такъ и называемъ. Также и въ другомъ евангелистѣ говорится: Не противься, значитъ лукавому... злому человѣку. Такъ ли, Юлій Ѳедоровичъ? Ежели по-церковному, по-славянски читать—вотъ какъ наши старики привыкши... такъ то же слово стоитъ, что̀ и въ молитвѣ Господней.

— Гости дорогіе... мало кушаете. Яичекъ бы еще и чайкю по чашечкѣ?—пригласилъ Егоръ.

Въ избу Наума Степанова они всѣ трое вошли гуськомъ. Первымъ Булашовъ.

Кромѣ хозяина, никого въ избѣ не было. Наумъ жилъ уже третій годъ вдовцомъ. Изъ дѣтей дома была только больная дочь и лежала на полатяхъ. Сынъ—извозничалъ; жена его куда-то отлучилась.

Булашову было почему-то пріятнѣе застать его одного. На собраніе онъ самъ рѣшилъ не идти, если ему и будетъ предлагать Топорковъ. Завтра утромъ рано—онъ уѣдетъ съ Егоромъ Веденѣевымъ.

— Спасибо. Много благодарю за неоставленіе,—говорилъ ему Наумъ, подавая ему руку.

Они стояли по срединѣ избы. Наумъ—въ легкой, подержанной поддёвкѣ изъ нанки и въ валенкахъ.

Топорковъ и Костровинъ не присаживались, зная, что Булашивъ засиживаться не будетъ.

Лицо Наума не выражало особенной привѣтливости, но все было освѣщено выраженіемъ свѣтло-сѣрыхъ глазъ, немного точно затуманенныхъ. Худое, съ нездоровымъ цвѣтомъ щекъ, оно уходило въ длинныя пряди темно-русыхъ волосъ, съ замѣтной просѣдью.

Голосъ у него звучалъ глуховато, съ грудной вибраціей и на высокихъ нотахъ.

— Вамъ, Наумъ Степанычъ, защитникъ вашъ, адвокатъ Лебедевъ, уже писалъ обо мнѣ.

— Какъ же, какъ же... Вотъ—пока еще не нахожусь на волѣ. А тамъ... какъ Господь... На все готовы.

— Ежели у васъ есть что-нибудь сообщить, я могу остаться... Эти господа поѣдутъ.

— Особеннаго ничего не имѣю... окромя того, что̀ вы... отъ господина защитника изволите знать.

Въ этихъ словахъ чувствовалась не замкнутость сектанта, а нежеланіе придавать особую важность своему личному дѣлу и сознаніе того, что каждый долженъ пострадать за то, во что̀ вѣритъ.

Костровинъ показалъ Топоркову—они стояли у двери—на четырехугольники темнаго картона, повѣшенные на одной стѣнѣ, съ серебряными буквами.

— Это евангельскія слова, про которыя говорилъ Василій Егоровъ,—тихо пояснилъ Топорковъ.

— Вы вѣдь, мы слыхали, Сергѣя Васильевича Булашова сынокъ?—спросилъ Наумъ, и его глаза какъ-то жалостливо улыбнулись.—О папенькѣ вашемъ много наслышаны.

„Что же это я съ нимъ такъ сухо?“ — вдругъ упрекнулъ себя Булашовъ.

Но онъ какъ-то не находилъ съ нимъ настоящаго тона... А можетъ быть, и присутствіе тѣхъ двоихъ его стѣсняло.

— Къ намъ... пожалуете въ воскресенье? Всѣмъ будетъ лестно видѣть васъ.

— Долженъ завтра ѣхать,—торопливо отвѣтилъ Булашовъ.— Врядъ ли попаду. А вотъ пріятель мой,—онъ обернулся и указалъ на Костровина,—онъ бы желалъ посѣтить васъ.

— Милости просимъ.

— Идите, господа, я сейчасъ.

И Костровинъ, и Топорковъ, поняли, что онъ, при нихъ, почему-то стѣсняется.

Наумъ проводилъ ихъ до сѣней и вернулся.

— Пожалуйста,—возбужденно заговорилъ Булашовъ и даже положилъ ему обѣ руки на плечи.—Ежели нужда будетъ или въ настоящую минуту предстоятъ расходы... позвольте мнѣ...

— Премного благодаренъ, Викторъ Сергѣевичъ... Такъ васъ величать? Пока не нуждаюсь... благодареніе Создателю. А ваше неоставленіе... отъ сердца. Тамъ окажется...

— Вашъ защитникъ будетъ знать, гдѣ я. А теперь—будьте здоровы. Это главное. За васъ нечего бояться... вы себѣ не измѣните.

Они поцѣловались.

Въ саняхъ, на облучкѣ, сидѣлъ опять Василій. Увидавъ на крылечкѣ Наума, онъ снялъ шапку и ласково окликнулъ его:

— Науму Степанычу—почтеніе!

XVI.

Пріятели хотѣли проститься съ Топорковымъ пораньше. На другой день, утромъ рано, Булашовъ долженъ былъ отправиться съ Егоромъ Веденѣевымъ на закупки, а Костровинъ съ Топорковымъ—побывать въ ближнихъ мѣстахъ, по указанію того же Егора.

Хозяинъ пошелъ проводить ихъ во флигель.

Разговоръ, бывшій у нихъ за вечернимъ чаемъ, могъ бы пойти гораздо дальше, и видно было, что и самъ Топорковъ охотно бы продлилъ его.

— Пожалуйста, господа, раздѣвайтесь, а я, на минутку, при-

сяду. Можетъ, что, Викторъ Сергѣевичъ, вспомните насчетъ завтрашняго.

Костровинъ сталъ медленно раздѣваться и, снявъ съ себя пиджакъ, сѣлъ тоже на свою постель, противъ того стула, гдѣ присѣлъ Топорковъ, около печки.

— Не хочется отпускать васъ, Юлій Ѳедоровичъ,—заговорилъ онъ, бокомъ взглянувъ на Булашова.—Вотъ онъ... больше знакомъ вообще съ религіознымъ движеніемъ, а для меня все это совсѣмъ ново, и здѣсь у васъ, и на деревнѣ, гдѣ мы побывали, и у васъ самихъ. Я попалъ сразу въ особый воздухъ.

— И какъ вамъ въ немъ дышется? — тихо спросилъ Топорковъ.

— И, кромѣ всего, я—не столько за своего товарища, сколько за себя—долженъ сознаться, что я недостаточно знакомъ съ самой сутью того ученія, котораго держатся такъ называемые...

— Пожалуйста... не произносите этого прозвища.

Топорковъ весь встрепенулся, и его худые, выразительные пальцы пришли въ движеніе.

— Какъ же иначе выразиться?

— Никакъ. Мы не нуждаемся ни въ какой кличкѣ, ни въ какомъ прозвищѣ, связанномъ съ именемъ того или другого лица, какъ бы оно ни было извѣстно.

— Не стану спорить съ вами, Юлій Ѳедоровичъ, но, повторяю, я боюсь судить вкривь и вкось... и не хочу также увлекаться тѣмъ, что только модно... о чемъ всѣ говорятъ.

Булашовъ уже раздѣлся и лежалъ лицомъ къ говорившимъ.

— Каждый изъ насъ носитъ въ себѣ то, что должно привести человѣка къ новому духовному рожденію, то-есть, къ закону разумной любви. Больше ничего не нужно, — тихой, радостной нотой протянулъ Топорковъ и поправилъ прядь волосъ за ухо.

— Однако есть запрёты?—возразилъ Костровинъ.—Насчетъ противленія насилію?..

— Это не запреты, а способы не впадать въ грѣхъ.

— Стало быть, признается и грѣхъ, какъ нѣчто положительное?

— Какъ же назвать то, что отводитъ васъ отъ божественнаго начала? Возьмите другое слово, какое угодно. Сила такого пониманія добра и духовнаго просвѣтленія — въ томъ, что не нужно никакихъ оказательствъ...

Костровинъ подался немного впередъ.

— Я несовсѣмъ понимаю.

— Юлій Ѳедоровичъ хочетъ, вѣроятно, сказать,—пояснилъ

Булашовъ,—что не можетъ быть рѣчи о сектантствѣ, о какомъ-нибудь культѣ, разъ нѣтъ ничего такого, что̀ называется у насъ, на извѣстномъ жаргонѣ, „оказательствомъ“.

— Совершенно вѣрно!

— Чѣмъ же вы объедините вѣрующихъ? — спросилъ Костровинъ.

— Внутреннимъ завѣтомъ, борьбой съ тѣмъ звѣремъ, котораго въ себѣ надо побороть и не возбуждая себя... особыми сборищами... воззваніями... обрядами, а производя свою ежечасную молитву.

— Стало быть, вы, хоть и дружите съ своими сосѣдями... и съ молоканами, и съ баптистами, въ сущности не можете признать ихъ своими братьями?

— Какъ и всѣхъ людей... а ихъ, въ простомъ народѣ, самыми къ себѣ близкими. Для меня всѣ, искренно ищущіе нравственной правды — одинаково дороги. Но помните, что̀ Василій Егоровъ сказалъ насчетъ отпавшихъ отъ нихъ съ Наумомъ Степановымъ во главѣ. Тѣ будутъ безплодно страдать за *оказательства*, въ которыхъ нѣтъ надобности для достиженія царства Божія на землѣ. Кто бывалъ на ихъ собраніяхъ—знаетъ, что они возбуждаютъ себя своими импровизаціями, все сильнѣе укрѣпляются въ ошибочной вѣрѣ въ средства получить благодать, разъ въ нихъ сидятъ: страхъ вѣчной гибели и представленіе о своей святости...

— Можетъ быть оно и такъ!—остановилъ его Булашовъ.— Но хорошо ли изображать въ печати ихъ молитвенныя собранія въ смѣшномъ видѣ, когда проповѣдуешь полную терпимость и когда подобное отношеніе къ господствующей церкви немыслимо въ тѣхъ же условіяхъ?

Сказано это было довольно строго.

Костровинъ понялъ намекъ. Понялъ его и Топорковъ. Онъ не сразу отвѣтилъ, прошелся по лицу ладонями и нѣсколько секундъ сидѣлъ съ опущенными глазами.

— Я судьей не хочу быть, но поступокъ одного человѣка— кто бы онъ ни былъ—есть только заблужденіе. Потому-то ежечасная молитва и необходима. Лучше всего было бы, исповѣдуя то, что̀ вы считаете призваніемъ вашимъ въ земной жизни, никого не осуждать за искреннія заблужденія.

Топорковъ всталъ, отошелъ къ печкѣ, прислонился къ ней и сталъ говорить еще задушевнѣе, широко и ритмически разводя руками.

— Какъ будто трудно слиться въ одномъ чувствѣ ужаса и

отвращенія ко всякому насилію и звѣрству, гдѣ бы и въ чемъ бы оно ни проявлялось? Развѣ въ душѣ того же Василія Егорова или Наума Степанова—не живетъ духъ благой вѣсти, которая сводится къ одному: насаждайте и воздѣлывайте разумную любовь? А развѣ она согласима съ тѣмъ, что дѣлается во всемъ свѣтѣ, который кичится своей высокой культурой?

И, обращаясь къ Булашову, онъ продолжалъ, тише звукомъ, съ чуть замѣтной дрожью въ голосѣ:

— То дѣло, по которому я къ вамъ явился въ Москвѣ, Викторъ Сергѣевичъ,—развѣ на него могутъ различно взглянуть Василій Егоровъ и Наумъ Степановъ, хотя одинъ—начетчикъ-молоканинъ, а другой считается тайнымъ „пресвитеромъ" у бывшихъ такихъ же молоканъ, перешедшихъ—по доброй волѣ—въ баптизмъ?

— Но тутъ-то и будетъ оказательство! — замѣтилъ Булашовъ.—И какое? Оно грозитъ тѣмъ же, если не сильнѣйшимъ отвѣтомъ, чѣмъ какой придется дать... Науму Степанову. Вамъ это, Юлій Ѳедоровичъ, лучше нашего извѣстно.

Булашовъ поглядѣлъ на Костровина, напоминая ему, что ихъ хозяинъ провожалъ одну изъ партій, отплывшихъ въ третьемъ году въ Америку, до того порта, гдѣ они сѣли на пароходъ.

— Безъ *такихъ* оказательствъ,—откликнулся Топорковъ,—все превратится въ фарисейскую ложь и профанацію воли Того, Кто послалъ насъ на землю.

Слова отзывались условнымъ языкомъ, но звучали они не какъ заученая проповѣдь, а скорѣе какъ внезапное изліяніе.

Никто изъ нихъ ничего на это не сказалъ.

— Простите... господа,—заговорилъ другимъ тономъ Топорковъ.—Вамъ давно пора почивать.

— Успѣемъ, успѣемъ!—откликнулся первый Костровинъ.—Спасибо за то, что вы такъ душевно намъ высказались. У васъ найдется, быть можетъ, что-нибудь такое, гдѣ бы изложена была вся суть ученія?

Топорковъ повелъ головой и тихо усмѣхнулся.

— Найдется,—вымолвилъ онъ.—Но дѣло не въ предписаніяхъ и канонахъ вѣры. И хлѣбъ души не труднѣе добывать, чѣмъ тотъ приварокъ, который мы развеземъ по всѣмъ мѣстамъ, гдѣ цинга. Только его надо копить, съ виду незамѣтной, но неустанной работой, маленькими усиліями, ничтожными ограниченіями своего животнаго *я*. А потомъ сложится привычка! Привычка думать такъ, а не иначе, не дѣлать того, что ведетъ непремѣнно ко грѣху.

— Вотъ и опять грѣхъ!—вскричалъ Костровинъ.

— Вамъ не нравится слово?.. Возьмите другое. Это все равно... И я теперь, господа, говорилъ съ вами, какъ съ моими братьями по духу... а наставлять васъ не имѣлъ намѣренія. Пути открыты. Если разумъ не затемненъ, любовь озаряетъ все, и смыслъ жизни встаетъ передъ нами. И мы перестаемъ предаваться погонѣ за миражемъ счастья; а на горе и боль смотримъ какъ на необходимое треніе во всякой созидательной работѣ!..

— *Треніе*!—повторилъ Костровинъ.—Это хорошо сказано!

— Сравненіе—не мое,—откликнулся тотчасъ же Топорковъ. —Вы его найдете въ той тетрадкѣ, которую я вамъ, если угодно, дамъ прочесть,—прибавилъ онъ.

Онъ взялъ свою шапку, которую повѣсилъ на гвоздь, когда входилъ, и сталъ прощаться съ своими гостями.

— Еще разъ простите... Сонъ разогналъ. Завтра, Викторъ Сергѣевичъ, пришлю васъ побудить.

Костровинъ заперъ за Топорковымъ задвижку въ сѣняхъ, вернулся и началъ раздѣваться.

Оба минуты три помолчали. Костровинъ легъ и потушилъ свѣчу, на столикѣ, между диваномъ и кроватью.

Спать имъ не хотѣлось.

— Послушай,—началъ первый Костровинъ, поворачивая, въ темнотѣ, голову къ изголовью Булашова.—Ты вѣдь съ *ними* вступалъ уже въ принципіальные разговоры?

— Такихъ, настоящихъ, съ опредѣленнымъ какъ бы катехизисомъ, мало встрѣтишь.

— Оно и понятно... Все тутъ сводится къ своей совѣсти, къ ежечасной молитвѣ, какъ онъ назвалъ. Скопомъ незачѣмъ жить,—потому и оказательства быть не можетъ.

— Да, они—неуловимы. И это ихъ главная сила.

— Будто?

— Какъ же!—живѣе возразилъ Булашовъ.—Можно ихъ преслѣдовать за нежеланіе повиноваться опредѣленному закону—и только. А гдѣ же доказательства совращенія духовнаго? Тетрадку какую-нибудь далъ... или книжку...

— И этого довольно!—сказалъ Топорковъ.

— Нѣтъ, это не то, что въ дѣлѣ какого-нибудь Наума Степанова... Или въ самомъ фактѣ собраній... Урядникъ вошелъ: читаютъ, поютъ... значитъ, публично молятся, заявляютъ о своей принадлежности... А тутъ ничего такого не нужно и даже, какъ онъ сейчасъ говорилъ, и не слѣдуетъ, такъ какъ собираться и

усиленно настроивать себя въ извѣстномъ духѣ—это ведетъ къ возбужденію, къ изувѣрству, къ опьяненію; а опьяненіе для нихъ —вѣрнѣйшее средство впасть въ грѣхъ. Оно и вѣрно, если хочешь. Не сбирайся на свои радѣнія хоть бы хлысты—не было бы и дикаго изступленія.

— Положимъ такъ,—согласился Костровинъ, какъ бы несовсѣмъ охотно,—но для меня, милый другъ, во всемъ, что̀ сейчасъ вылилось у Топоркова, какъ нѣчто уже установленное и неопровержимое,—во всемъ этомъ нѣтъ одного: признанія великой тайны вочеловѣченія. И выходитъ, что настоящій Богъ какъ бы отсутствуетъ. А между тѣмъ онъ считаетъ себя истиннымъ христіаниномъ!

— Это деизмъ... согласимый съ признаніемъ того, что истинный смыслъ и цѣль жизни заложены въ христіанской проповѣди.

— Василій Егоровъ цѣльнѣе убѣжденъ!—выговорилъ Костровинъ.—Все тутъ на своей народной почвѣ... Одно слово—кряжи! сильно протянулъ онъ.

— Пришло оно все оттуда же, откуда и новая вѣра Наума Степанова, откуда пришла и проповѣдь учителя, котораго выбралъ себѣ Топорковъ.

— Откуда?

— Изъ великой общечеловѣческой лабораторіи... душевной жизни. Не съ востока, а съ запада, другъ Костровинъ!

И Булашовъ сдѣлалъ, въ темнотѣ, широкій жестъ обѣими руками.

— Нѣтъ... ты не хочешь понять, что тутъ есть противорѣчіе... въ самомъ корнѣ. Вся тайна, все чудесное—отвергается.

— Такъ оно и должно было выйти. Въ этомъ научный духъ нашего вѣка—отомстилъ за себя. Создатель ученія обличаетъ безплодность науки, отрицаетъ выводы соціологіи; но самъ онъ—сынъ новой эпохи. Чудо для него немыслимо. Разумъ поставилъ онъ во главу угла. Все, что̀ съ нимъ несогласимо, то вѣдь несогласимо и съ точнымъ знаніемъ. Не такъ ли, Костровинъ? И мы—когда-то—были пламенные жрецы детерминизма!

— Тогда къ чему говорить о вѣчной, божественной сути человѣческой души?

— Одно другому можетъ и не противорѣчить.

— Какимъ же это образомъ?

Костровинъ даже приподнялся и сѣлъ въ постели, прислонившись къ высоко взбитымъ подушкамъ.

— Въ высшемъ смыслѣ, разумѣется. Я могу признавать все въ природѣ и исторіи подчиненнымъ неизмѣннымъ законамъ и

въ то же время—искать въ потребностяхъ духа лишь божественнаго призыва къ любви.

— И ты способенъ былъ бы удовлетвориться такимъ... credo? —тихо, съ нѣкоторымъ колебаніемъ спросилъ Костровинъ.

Въ первый разъ Костровинъ ставилъ передъ нимъ этотъ именно вопросъ. Да и прежде никто не обращался къ нему въ такой категорической формѣ. Онъ самъ недостаточно входилъ въ тотъ строй идей и вѣрованій, какого держался Топорковъ и всѣ тѣ, у кого—такое же пониманіе божественной правды.

Впервые онъ почувствовалъ, когда слушалъ Топоркова, что онъ ничего не имѣетъ противъ самаго духа этого ученія; но сдѣлаться его адептомъ—онъ врядъ-ли бы могъ.

Почему? Онъ еще не выяснилъ себѣ; но не потому, что тутъ противорѣчіе между отрицаніемъ чудеснаго и своего рода мистикой.

— Врядъ-ли,—выговорилъ онъ послѣ нѣсколькихъ секундъ молчанія.

— И тебѣ вѣра Василія Егорова была бы больше по душѣ, а?

— Можетъ быть.

Подумавъ, Булашовъ тоже приподнялся въ постели и, поднявъ голову, обернулся лицомъ къ Костровину.

— Скажу тебѣ... разъ навсегда. Искать что-нибудь усиленно я никогда не искалъ. Нужды нѣтъ, что мнѣ уже достаточно годовъ... Я не тороплюсь; жизнь... научитъ.

— Не всѣ такого склада, какъ ты, голубчикъ! Стоять на распутьи—тяжко.

— Да возьми ты того, кто дошелъ до пониманія смысла жизни, какое, съ его же словъ, высказалъ намъ сейчасъ Топорковъ. Развѣ онъ не былъ—и очень долго—чуждъ всякаго исканія божественной правды? Ты читалъ его „Исповѣдь"? Ты знаешь, что это пришло, когда ему было уже пятьдесятъ лѣтъ. И потомъ... сколько переходовъ! Сначала возвратъ къ вѣрѣ отцовъ... потомъ анализъ... долгая ломка и перестройка... По моему, и теперь продолжается... дальнѣйшая эволюція его стремленія къ правдѣ и пониманію смысла жизни.

— Эволюція! Ненавистное ему слово.

— Именно! Возмездіе науки и въ этомъ.

Точно боясь слишкомъ опредѣленно высказаться, Булашовъ смолкъ.

И пріятель его не задавалъ уже больше никакого новаго вопроса.

XVII.

Пришло воскресенье. Булашовъ еще не вернулся съ Егоромъ Веденѣевымъ. Костровинъ тоже ѣздилъ по близости съ Топорковымъ.

Чай онъ пилъ во флигелѣ. Женѣ Топоркова все еще нездоровилось, и она еще ни разу, при гостяхъ, не сходила внизъ, съ мезонина.

За нимъ зашелъ Топорковъ, и они поѣхали все по той же дорогѣ къ поселку, гдѣ стояли избы Егора и—на другой сторонѣ оврага—Наума Степанова.

Дорогой Топорковъ пожалѣлъ, что Булашовъ не попадетъ на собраніе къ Науму, куда они пойдутъ сегодня, побывавъ у молокановъ.

— Видите,—сказалъ Костровинъ,—ему было бы, пожалуй, несовсѣмъ ловко. Онъ и въ Петербургѣ не ходитъ на такія же собранія.

— Не ходитъ?

— Я попалъ на нихъ по его указаніямъ. Но самъ онъ сторонится. И я понимаю его душевный мотивъ въ этомъ случаѣ. Отъ отца своего онъ не наслѣдовалъ того же исповѣданія. Ни въ какой пропагандѣ онъ не участвуетъ. Это не уклончивость, а деликатное чувство.

— Я такъ и понимаю.

— Наумъ для него долженъ быть особенно дорогъ... но не какъ старѣйшій въ этой общинѣ баптистовъ, а какъ исповѣдникъ, которому предстоитъ отвѣчать за свои вѣрованія. Булашовъ не сразу высказывается, какъ вы видите. Но я еще не встрѣчалъ никого въ нашей интеллигенціи, для кого бы такой святыней была свобода совѣсти, кто бы такъ преисполненъ былъ культа терпимости.

Глаза Топоркова блеснули радостью.

— Это—корень всего. Остальное приложится.

— А изъ здѣшнихъ двухъ общинъ я думаю, что душа его лежитъ больше къ молоканамъ. А для васъ какъ?

— И для меня также,—тихо промолвилъ Топорковъ.—Они, думаю, ближе къ тому, чѣмъ человѣчество должно кончить...

Чего-то онъ не досказалъ, и глаза его ушли вдаль.

Топорковъ самъ правилъ, и ѣхали они въ санкахъ, которыя онъ бралъ у сосѣда огородника. Своей лошади онъ не заводилъ.

— Сегодня... Василій Егоровъ заступаетъ мѣсто своего отца, —сообщилъ Топорковъ, когда они уже выѣхали въ деревню.

— Тѣмъ лучше! Кажется, они похожи на евангельскихъ сестеръ... Марѳу и Марію.

— Совершенно вѣрно. Егоръ уже тронутъ мірскимъ духомъ. Онъ—пріобрѣтатель, скопидомъ.

— А Василій благую часть избрà, какъ Марія?

— Дай-то Богъ, чтобы удержался на той же высотѣ!

Еще издали они увидали у избы Егора Веденѣева всего однѣ розвальни.

— Изъ другихъ деревень не ѣздятъ,—пояснилъ Топорковъ.

У избы онъ привязалъ лошадей, и они, никѣмъ не замѣченные, вошли изъ просторныхъ сѣней въ ту самую половину избы, гдѣ на дняхъ угощали ихъ.

Народу набралось довольно, но не такъ, чтобы была давка. Ближе къ двери, весь правый уголъ занимали женщины, на двухъ рядахъ скамеекъ. Мужчины сидѣли больше вокругъ стола.

Костровину показалось, что они только-что пѣли. На крайней скамейкѣ выдѣлялась фигура старухи, съ головой, укутанной въ темный платокъ. Онъ надвигался надъ лбомъ, и ея морщинистое лицо совсѣмъ ушло туда.

Василій Егоровъ сидѣлъ лицомъ къ входу, въ красномъ углу, и около лежала развернутая книга, въ кожаномъ переплетѣ, съ закоптѣлыми застежками.

Его слегка картавый, вздрагивающій голосъ произносилъ, въ эту минуту, слова Христа.

Топорковъ тихо подсказалъ Костровину:

— Отъ Іоанна... въ началѣ Евангелія, кажется, глава осьмая.

И тутъ только Василій увидалъ ихъ, остановился и привсталъ.

Оба сдѣлали ему знакъ рукой, чтобы онъ не прерывалъ чтенія.

Костровину стало сейчасъ же совѣстно. Точно это—зрѣлище, на которое его пригласили, какъ скучающаго барина, никогда не бывавшаго у мужиковъ-сектантовъ.

Онъ хотѣлъ-было присѣсть тутъ же у входа; но Василій Егоровъ, обратившись ко всѣмъ, громко сказалъ:

— Нашего благопріятеля, Юлія Ѳедоровича, вы, братцы, знаете достаточно. А это—другой дорогой гость, Костровинъ, Павелъ Алексѣевичъ, пожелали навѣстить насъ.

Раздался мягкій гулъ привѣтственныхъ восклицаній.

— Пожалуйте!—усиленно пригласилъ ихъ Василій.—Вотъ сюда.

— Продолжайте, пожалуйста! — почти сконфуженно выговорилъ Костровинъ, садясь рядомъ съ Василіемъ.

— Мы сейчасъ споемъ.

— Пожалуйста кончай, Василій Егорычъ! — попросилъ и Топорковъ.

Василій докончилъ эту главу отъ Іоанна. Онъ ее зналъ почти что наизусть, и только изрѣдка заглядывалъ въ книгу.

Костровинъ ждалъ сейчасъ же пояснительныхъ словъ, что-нибудь въ родѣ проповѣди или импровизованной молитвы.

Но раздалось пѣніе. Женскіе голоса преобладали. Та старуха, съ низко повязаннымъ платкомъ, затягивала первая—заунывно, какъ поются нѣкоторыя пѣсни, съ частыми переливами и протяжными колебаніями заключительныхъ нотъ.

Хоръ подхватывалъ все такъ же заунывно, въ чисто-пѣсенномъ пошибѣ.

Костровинъ слушалъ, полу-закрывъ глаза. Его слишкомъ чуткіе нервы эта непрерывная мелодія захватила. Въ ней не было ничего умышленно-мистическаго, говорящаго объ извѣстномъ служеніи, о ритуалѣ и культѣ. Это была настоящая народная пѣсня, въ которой запросы души, то скорбной, то чающей умиротворенія, проявлялись въ переливахъ колеблющихся звуковъ.

Словъ онъ сначала не распознавалъ; думалъ даже, что это какой-нибудь духовный стихъ, какіе поютъ у насъ еще до сихъ поръ нищіе и „калики“.

Въ маленькій перерывъ Василій Егоровъ наклонился къ нему и въ полголоса сказалъ:

— У насъ попросту, батюшка.

— А слова какія?—спросилъ тоже въ полголоса Костровинъ.

— Изъ псалма.

— Своихъ стиховъ не поете?

— Довольно и изъ Писанія. Собственнаго сочиненія мы не употребляемъ.

Пѣли еще нѣсколько разъ, въ перемежку, псалмы и — что̀ особенно понравилось Костровину — стихи изъ евангельскихъ текстовъ.

Онъ узналъ два мѣста—нѣсколько стиховъ изъ Нагорной проповѣди и изъ словъ Христа на Тайной Вечери.

И вездѣ были народные напѣвы — своеобразные во всемъ своемъ общемъ однообразіи настроенія и тональности.

Текстъ былъ по церковно-славянски. И чувствовалось, что

всѣ эти старухи, молодыя бабы и дѣвушки, пожилые мужчины и подростки съ самыхъ малыхъ лѣтъ выучивали слова столькихъ мѣстъ изъ Новаго Завѣта и псалтири—неразрывно съ напѣвомъ.

Запѣвалой оставалась старуха, сохранившая сильное, высокое сопрано, съ довольно яснымъ произношеніемъ словъ.

Мать Василія, его жену и сестру, Костровинъ призналъ въ группѣ женщинъ. Сестра одѣлась по праздничному, и ея яркій платокъ окаймлялъ особенно красиво овалъ ея лица. Она пѣла усердно; онъ могъ даже отличить ея свѣжій, грудной голосъ съ контральтовыми нотами.

Сдѣлали перерывъ.

— Павлу Алексѣевичу хочется побывать и у Наума,—сказалъ Топорковъ Василію.—А то бы мы еще посидѣли.

Костровину опять стало немного стыдно.

— Извѣстное дѣло,—отозвался Василій.—Имъ и то занятно будетъ... Всѣ одного ищутъ... А чей путь самый правый? Не такъ ли, братья?—обратился онъ больше къ мужчинамъ.—Вотъ они—онъ указалъ рукой на Костровина—къ нашимъ бывшимъ единовѣрцамъ желаютъ зайти, въ часъ ихъ собранія. И съ ними, и съ нами они въ дружествѣ. Такъ-то, небось, лучше. А судить можетъ кто правъ, кто нѣтъ—только Тотъ, Кто сказалъ іудеямъ: вы-де отъ нижнихъ, Я—отъ высшихъ; вы—отъ міра сего; Я—не отъ сего міра.

— Подлинно!—вѣско откликнулся сѣдой, курчавый мужикъ, сидѣвшій спиной къ среднему оконцу.

Василій пошелъ провожать гостей, послѣ того, какъ они попрощались со всѣми.

Въ сѣняхъ онъ придержалъ ихъ и сказалъ Костровину:

— Пѣніе у насъ простое... мужицкое...

— Какъ простое?—возразилъ Топорковъ. — Что ни новый стихъ, то новый напѣвъ.

— Старушка-то божья,—подхватилъ Василій,—запѣвало-то... она до двухсотъ напѣвовъ знаетъ.

— Быть не можетъ!—вырвалось у Костровина.

— Помретъ... никто ужъ супротивъ нея не выстоитъ.

Василій опять попридержалъ ихъ въ сѣняхъ.

— Женскій полъ у васъ только въ пѣніи участвуетъ?—спросилъ Костровинъ.—А Писанія вслухъ не читаетъ... и вообще держится какъ бы въ сторонѣ.

— Читать имъ... не полагается, — отвѣтилъ сдержанно Василій.

— По апостолу Павлу... — промолвилъ съ неопредѣленной усмѣшкой Топорковъ.

— А гдѣ онъ это говоритъ?—какъ бы желая поэкзаменовать начетчика, спросилъ Костровинъ.

Закинувъ немного голову и прищурившись, Василій тотчасъ же вспомнилъ.

— Въ посланіи къ „Ефесянамъ", никакъ?

Всѣ трое разсмѣялись.

— Иди, иди! — усылалъ его Топорковъ.

— Ничего. Передышку сдѣлаютъ.

Онъ сбѣжалъ съ крылечка и помогъ имъ отвязать лошадь, и когда они тронулись, стоя на крыльцѣ въ одной кумачной рубахѣ, головой кланялся имъ.

Только-что они переѣхали оврагъ и поднялись на пригорокъ, изъ за-угла дома Наума Степанова гулко донеслось пѣніе.

Они переглянулись. Можно было даже различить ритмъ хорала, въ двѣ-четверти.

А со стороны другого поселка вдругъ заблаговѣстили къ „достойной", въ той церкви съ зеленой крышей, мимо которой они ѣхали, на дняхъ, со станціи.

— Чудно̀! — промолвилъ Костровинъ. — Вездѣ славятъ Бога. Оттуда побѣдно несется гулъ колокола. Тамъ, у Василія Егорова, только-что пѣли... и будутъ еще пѣть, не боясь никакого вторженія.

— А тутъ мы съ вами легко можемъ попасть въ протоколъ.

— На здоровье!

Дверь немного примерзла и отворилась съ трудомъ.

Шумъ ея прервалъ пѣніе.

Женщины, сидѣвшія и тутъ поодаль, около двери, оглянулись съ замѣтной тревогой.

Наумъ Степановъ увидалъ ихъ съ своего мѣста и приподнялся.

— Свои! — сказалъ Топорковъ, пропуская впередъ Костровина, которому и тутъ сдѣлалось неловко.

— Пожалуйста! — пригласилъ ихъ Наумъ сѣсть у окна, справа отъ себя.

Другіе потѣснились. Народу было гораздо меньше, чѣмъ у молоканъ. Мужчины смотрѣли больше мастеровыми и мелкими лавочниками, чѣмъ крестьянами-хлѣбопашцами. Двое—въ пиджакахъ и галстухахъ. У женщинъ также менѣе деревенскій видъ. Всѣ держали книжки, больше по одной на двоихъ.

Когда Наумъ сказалъ, что̀ будутъ пѣть, — онъ подложилъ книжку и гостямъ. Костровинъ не видалъ этого изданія.

Стихи показались ему, какъ и въ Петербургѣ, переведенными съ иностраннаго. Были и переложенія псалмовъ.

Тотъ хоралъ, что̀ запѣли при нихъ, былъ пріятнаго напѣва—не русскаго, въ двѣ-четверти; но пѣлся онъ уже съ оттѣнкомъ русской грусти, хотя ритмъ былъ короткій и напѣвъ скорѣе мажорный.

Все время Костровинъ смотрѣлъ на Наума, на его лицо и выраженіе глазъ. Тотъ весь ушелъ въ молитвенныя слова, и его голосъ отдѣлялся отъ остальныхъ голосовъ особенной вибраціей.

На столѣ, передъ нимъ, лежала Библія—въ дорогомъ сафьянномъ переплетѣ, печатанная гражданскимъ шрифтомъ, а не кирилицей. Кажется, на стѣнахъ было еще нѣсколько темныхъ картоновъ съ серебряными словами евангельскихъ изреченій. И больше—никакихъ украшеній или чего-нибудь напоминающаго символическій обрядъ или приготовленіе къ нему.

Пропѣли еще одинъ нумеръ. Послѣ того, Наумъ развернулъ Библію и прочелъ то мѣсто изъ евангелиста, гдѣ говорится о мытарѣ Закхѐѣ.

Читалъ онъ гораздо болѣе нараспѣвъ, чѣмъ Василій Егоровъ, и съ какимъ-то придыханіемъ въ концѣ каждаго стиха.

Закрывъ на нѣсколько секундъ глаза, онъ сталъ давать толкованіе евангельскаго текста о томъ—что̀ такое горячая вѣра и ка̀къ всѣмъ слѣдуетъ подражать примѣру мытаря, который—по малому росту—не могъ видѣть Христа и взобрался на дерево.

Говорилъ Наумъ очень свободно, почти такимъ же тономъ, какъ и читалъ вслухъ, дѣлая короткія движенія обѣими ладонями отъ себя и къ себѣ и немного качая головой.

Въ его голосѣ и тонѣ было больше внутренняго одушевленія и искренности, чѣмъ у того проповѣдника, котораго Костровинъ слышалъ въ Петербургѣ. Но Наумъ нѣкоторыя слова произносилъ по-своему, не мѣняя концовъ тамъ, гдѣ это нужно по правиламъ грамматики.

Костровинъ зналъ уже, что это—еще не все, что Наумъ, какъ духовный ихъ руководитель, произнесетъ, вѣроятно, еще особое молитвенное обращеніе—помимо толкованія евангельскаго текста.

Спѣли еще одинъ нумеръ. Сидѣвшій рядомъ съ Костровинымъ плотный мужчина, рыжева̀тый и курчавый, съ бородой, въ пиджакѣ и съ серьгой въ ухѣ—предложилъ прослушать еще притчу о Сѣятелѣ.

Прочелъ онъ ее толково, но безъ того внутренняго умиле-

нія, какое слышалось во всемъ, что произносилъ или пѣлъ Наумъ.

И отъ себя рыжеватый человѣкъ въ пиджакѣ сказалъ нѣсколько словъ въ поучительномъ тонѣ, но безъ особой рѣчистости, опять, можетъ быть, стѣсняясь присутствіемъ гостей.

Послѣ того, Наумъ спросилъ: не желаетъ ли еще кто-нибудь предложить прочтеніе какого-нибудь мѣста?

Никто больше не пожелалъ.

Протянулось молчаніе. Наумъ полу-закрылъ глаза и, наклонивъ голову, положилъ ладони рукъ на Библію. Такъ пробылъ онъ нѣсколько секундъ.

И когда поднялъ голову и раскрылъ глаза, весь выпрямился и взглядъ его получилъ восторженное, умиленное выраженіе. Одну руку—лѣвую—онъ приложилъ къ груди, другую слегка приподнялъ.

Это была настоящая молитва, безъ изреченій и цитатъ, вполнѣ „своими словами". Онъ взывалъ къ Богочеловѣку и обращался къ Нему, какъ къ милосердому посреднику, принявшему на себя все бремя людского грѣха.

Возгласъ „Господи" повторялся все чаще и чаще, по мѣрѣ того, какъ онъ ускорялъ темпъ своей рѣчи.

Этотъ возгласъ „Господи" раздавался среди большой тишины и видимо дѣйствовалъ на слушателей. Въ него Наумъ вкладывалъ всю свою тихую страсть и трепетное упованіе въ заступничество Того, Кто умиралъ на крестѣ.

И не было тутъ того упиранія въ одну точку, въ ученіе о благодати, которое Костровинъ слышалъ въ Петербургѣ. Потребность добра, дѣятельной любви, *дѣлъ* слышалась въ этихъ молитвенныхъ призывахъ. Тутъ опять-таки сказывался народный духъ проповѣди подвиговъ милосердія и всепрощенія ближнему —нужды нѣтъ, что самый ритуалъ собранія былъ не русскаго происхожденія.

XVIII.

Незамѣтно, Костровинъ, сидя на диванѣ, съ котораго сняли постель,—Булашовъ опять уѣхалъ,—просидѣлъ у зажженной лампы цѣлыхъ два часа.

Онъ только-что прочелъ тетрадь въ осьмую долю, отпечатанную гектографомъ—довольно слѣпо и некрасивымъ крупнымъ почеркомъ.

Эту тетрадь онъ нашелъ на столикѣ и сейчасъ же призналъ

въ ней то, о чемъ онъ самъ просилъ Топоркова, въ тотъ вечеръ, когда они разговорились втроемъ.

Сдѣлано было деликатно. „Хочешь—прочти, не хочешь—какъ тебѣ угодно“.

Читалъ онъ медленно, вникая въ каждый параграфъ и воздерживаясь мысленно отъ возраженій и вопросовъ, настроивая себя на вполнѣ безпристрастный тонъ.

Но когда онъ кончилъ, положилъ тетрадь на столикъ, протеръ утомленные глаза и сталъ ходить по тѣсной комнатѣ—въ немъ сразу поднялась буря.

Общій складъ этого ученія могъ подкупить нѣкоторой стройностью и простотой основныхъ началъ. Но только-что прошло обаяніе самаго слова, звучавшаго съ этихъ плохо оттиснутыхъ строкъ, стали выскакивать вопросы—одинъ за другимъ. И не было имъ конца.

Щеки его поблѣднѣли, въ рукахъ онъ ощущалъ нервное покалыванье. Ни одна книга такъ сильно не ставила передъ нимъ вопроса о тайнѣ бытія и о цѣли человѣческаго существованія. Тутъ была попытка отвѣта, который долженъ каждому дать полное примиреніе и превратить скорбную сутолоку жизни въ безропотное и просвѣтленное, радостное ожиданіе царства Божія на землѣ.

И его потянуло прочесть еще разъ нѣкоторые параграфы и цѣлыя главы. Онъ присѣлъ къ лампѣ и сталъ нервно перелистывать тетрадь, ища того, что̀ ему нужно.

— Павелъ Алексѣевичъ!—окликнули его отъ двери.

Не сразу узналъ онъ голосъ Топоркова.

— А-а! Это вы!..

Костровинъ вскочилъ и подбѣжалъ къ Топоркову съ тетрадью въ рукѣ.

— Прочли?—осторожно спросилъ Топорковъ.

— Да, да! И такую это вызвало работу... души...

— Я сердечно радъ.

Топорковъ сѣлъ на край кровати, противъ Костровина, вернувшагося къ дивану.

— Видите, Юлій Ѳедоровичъ,—заговорилъ онъ взволнованно,—я не буду вдаваться въ частности. Не хочу повторять и разныхъ клише... А еще менѣе—пускаться въ богословскія пренія. Но скажите, въ основныхъ доводахъ ученія гдѣ же санкція?

— Какая?—недоумѣвающимъ звукомъ откликнулся Топорковъ.

— Санкція непреложности. Почему она на сторонѣ автора этой тетради? Почему вся работа человѣчества, всякое преданіе, все, что христіанская община, взятая въ цѣломъ, влагала въ устроеніе своей церкви,—все это должно стушеваться передъ авторитетомъ одного толкователя „благой вѣсти"? Тутъ нѣтъ даже и намека на научную очистку текстовъ, на то, что дѣйствительно подлинное, и что—вставка или искаженіе.

— Это лишнее,—глухо вымолвилъ Топорковъ.

— Позвольте! — уже горячѣе воскликнулъ Костровинъ.— Ежели разумъ не можетъ помириться съ чудомъ, съ нарушеніемъ вѣчныхъ законовъ природы, то онъ долженъ руководиться наукой, точнымъ знаніемъ.

Костровинъ положилъ тетрадь на столикъ и не сразу сѣлъ— его волненіе уходило внутрь и сказывалось въ измѣненіи голоса, въ которомъ заслышалась особаго рода вибрація.

— Послушайте, Павелъ Алексѣевичъ,—началъ Топорковъ, взявшись обѣими руками за грудь,—все то, что вы сейчасъ выставили, какъ аргументъ, было уже, на разные лады, повторяемо... и спеціалистами... извѣстнаго сорта, и мірянами, отъ присяжныхъ философовъ до борзописцевъ. Спорить мы не будемъ. У васъ есть сомнѣнія... Разсѣйте ихъ или укрѣпитесь въ томъ, что составляетъ вашъ символъ вѣры.

— Символъ вѣры! Легко это сказать! Какъ будто это такъ легко пріобрѣтается?

— Конечно, не легко... И тотъ, кто изложилъ это ученіе... пришелъ къ нему въ преклонныхъ лѣтахъ.

Нетерпѣливое движеніе руки Костровина показало, что его охватилъ новый наплывъ вопросовъ.

— Скажите мнѣ... по душѣ. Мы теперь съ вами съ глазу на глазъ, Юлій Ѳедоровичъ. Вы должны выше всего ставить искренность... Все двойственное должно быть сугубо противно вамъ.

— Не всегда былъ я такимъ,—замѣтилъ Топорковъ.

— Положимъ. Но я вотъ что хочу сказать... Теперь вы живете здѣсь, среди сектантовъ... дружите съ ними. Они для васъ симпатичны. Но потому ли они для васъ близки, что отпали отъ господствующей церкви, или потому, что они ближе къ вашему „credo"? Скажите: знаютъ они, что для васъ „благая вѣсть" исходитъ отъ божественнаго начала, но вообще, а не устами Искупителя грѣховъ міра?

Топорковъ всталъ и отошелъ къ печкѣ.

— Ихъ вѣра не мѣшаетъ мнѣ, Павелъ Алексѣевичъ, сли-

ваться съ ними въ одномъ чувствѣ любви къ человѣку. Что для Василія Егорова или Наума Степанова—зло, то и для меня. Я въ этомъ убѣжденъ.

— Нѣтъ, далеко не все!—рѣзче возразилъ Костровинъ.—Кромѣ чувствъ, есть еще поступки. Василія Егорова мы съ вами считаемъ истиннымъ евангеликомъ; но тамъ, гдѣ онъ выступитъ въ защиту своего ближняго, вы должны будете уклониться. Противиться лукавому, какъ говорятъ эти молокане—вы не будете. Или не должны, если пожелаете быть вѣрны духу и буквѣ ученія. Но я въ этомъ готовъ усомниться.

Топорковъ вопросительно взглянулъ на Костровина.

— Ну, еслибъ при васъ... того же Наума Степанова начали истязать—неужели вы не вступились бы? Полноте! Вы провожали тѣхъ, кто долженъ былъ отплыть въ Новый Свѣтъ!

— Такой аргументъ тоже сотни разъ былъ повторяемъ, Павелъ Алексѣевичъ. Онъ безсиленъ противъ очевидности. Разъ вы допускаете право возмездія, вы дойдете до защиты всякаго насилія—будетъ ли это кара тѣхъ, кого зовутъ преступниками, или война, или...

Топорковъ сдѣлалъ сильный жестъ правой рукой.

— Все къ этому сводится. Рухнетъ принципъ законнаго убійства—и нѣтъ главнаго препятствія тому, что иные называютъ царствомъ божіимъ на землѣ.

— Но не въ томъ сила,—продолжалъ Костровинъ, и опять его голосъ завибрировалъ.—Поймите... Въ этомъ ученіи—нѣтъ главнаго... Развѣ человѣкомъ ограничена вселенная? Что онъ такое? И самая земля-то—охладѣлая съ краевъ глыба, плавающая въ безвоздушномъ пространствѣ...

— Это сухіе факты науки, Павелъ Алексѣевичъ.

— Вы меня не понимаете, стало быть! Наука говоритъ то, что она узнала, что высчитала и что можетъ предсказать. Но она не даетъ мнѣ просвѣта въ великую тайну бытія...

— Тайна эта—любовь, а любовь есть Богъ.

— Сладкая вѣра; но не для всѣхъ она—разгадка бытія. Поверхъ всего есть *Нѣчто*. Вы его не знаете... не хотите знать. Но это только до поры, до времени; а настаетъ минута, когда душа начинаетъ скорбѣть... и порывается туда, гдѣ все превыше насъ... нашего добра и зла. И еслибъ оно было иначе,—зло не существовало бы.

— Его и нѣтъ, какъ особой силы!—почти крикнулъ Топорковъ и тоже всталъ.—Разъ человѣкъ знаетъ путь борьбы съ грѣхомъ—зло безсильно противъ него.

— Вотъ видите... Безъ вѣры въ то, что человѣкъ рожденъ прекраснымъ существомъ, которое только цивилизація испортила въ лоскъ—вамъ обойтись нельзя! Какъ во всѣхъ такихъ доктринахъ—послѣднее слово: признаніе того эльдорадо, которое наступитъ, когда всѣ будутъ раздѣлять извѣстное ученіе А это невѣрно, архиневѣрно! Зло есть... всегда, въ природѣ, въ человѣкѣ, въ особенности въ немъ, и вы никакимъ непротивленіемъ не излечите того, что̀ въ основѣ своей противно идеѣ блага! И если эти двѣ силы стоятъ одна противъ другой—какъ не искать исхода, какъ же не признавать чего-то стоящаго надъ всѣмъ этимъ узко-человѣческимъ? И безъ этого религіи нѣтъ! Это только условная мораль! Вотъ что̀!

Слова такъ стремительно вылетали у Костровина, что у него сдѣлалось даже стѣсненіе въ груди, и онъ опустился на край кровати.

Лицо Топоркова приняло свое обычное, тихо-вдумчивое выраженіе; только маленькая складка надъ правой бровью показывала, что у него есть какое-то возраженіе на эту тираду Костровина.

Онъ подошелъ къ нему медленно и положилъ ему правую руку на плечо.

— Павелъ Алексѣевичъ, дорогой, — началъ онъ особенно мягко:—ежели религія и не можетъ быть безъ того, о чемъ вы говорите... по ученому это вѣдь называется *теософіей*... то зачѣмъ же признавать зло, какъ какую-то исконную силу, равноправную съ добромъ, и ставить Божество какъ нѣчто совершенно безстрастное, чему нѣтъ никакого дѣла до духа человѣческаго, его упованій и стремленій къ божественной истинѣ? Это ужасно! Воля ваша! Не то, что̀ есть Благо—создало зло, а *мы*, по нашей ограниченности, придаемъ неизбѣжному физическому страданію такую важность.

— Ну да, ну да!—перебилъ Костровинъ.—По вашей формулѣ: это только треніе, необходимое при работѣ?

— Великіе умы... люди великой души... хоть бы, напримѣръ, философъ Спиноза—доходили до того вывода, что кромѣ Блага ничто отъ Высшаго зиждительнаго начала исходить не можетъ. Развѣ это не выше, чѣмъ такое холодящее представленіе о судьбѣ человѣка, до которой Тому, Единому и Совершенному—никакого нѣтъ дѣла? Нужно помнить первѣе всего: *не въ силѣ Богъ, а въ правдѣ*!

Костровинъ только покачалъ головой. Онъ замѣтно ослабъ послѣ своего нервнаго возбужденія.

— Простите, Павелъ Алексѣевичъ! вы утомились... Я ухожу... Только позвольте еще одно... Перечтите вы еще разъ тѣ мѣста— Топорковъ указалъ на тетрадь — гдѣ говорится о борьбѣ съ грѣхами.

— А откуда они?

— Тамъ объяснено—откуда. То, что̀ накапливается вѣками и передается отъ поколѣнія къ поколѣнію,—того стряхнуть съ себя сразу нельзя. Это было бы чудо, а чудесъ не бываетъ. Тутъ нужна работа, неустанная, шагъ за шагомъ. А она-то и творитъ чудеса.

— Въ родѣ какъ гимнастика?

— Если хотите... Что-жъ! Назовите—если угодно—гимнастикой души. А для этого могучее средство—ежечасная молитва. Безъ нея одного желанія мало. Пройдетъ мѣсяцъ, два, годъ—и глядишь: то, что̀ владѣло вашей плотью—отошло, и безвозвратно. Клянусь вамъ!—воскликнулъ Топорковъ.

— А клятвы вамъ не полагается, Юлій Ѳедоровичъ!

— Ха, ха! Это точно. Простите. И отъ этой привычки можно отстать. Покойной ночи!

Послѣ крѣпкаго рукопожатія они простились. Костровинъ еще не сразу легъ.

Проснувшись послѣ перваго крѣпкаго сна, Костровинъ не сразу могъ придти въ себя: гдѣ онъ и который можетъ быть часъ—утро или еще ночь?

Онъ сталъ прислушиваться. Тихій, но явственно слышный благовѣстъ проникалъ къ нему.

„Заутреня... подъ праздникъ, въ той церкви“ — сообразилъ онъ, легъ на спину и подложилъ руки подъ голову.

И то, съ чѣмъ онъ заснулъ,—послѣ горячаго пренія съ Топорковымъ, охватило его,—все тотъ же неизбѣжный вопросъ о великой тайнѣ бытія.

Мягкія волны воздуха, сотрясаемаго колоколомъ, говорили о чемъ-то, давно имъ не испытанномъ, съ раннихъ дѣтскихъ лѣтъ.

На этотъ благовѣстъ деревенскаго погоста идутъ богомольцы. Много ли ихъ? Врядъ-ли очень много въ такое раннее время. Слышатъ гулъ колокола и Наумъ Степановъ, и Василій Егоровъ, и его скопидомный, разсудительный отецъ, если они проснулись, какъ онъ, внезапно, сами собою, или разбуженные благовѣстомъ.

Имъ онъ чуждъ—этотъ благовѣстъ. Можетъ быть, даже не-

пріятенъ. Для нихъ онъ исходитъ отъ „лукавыхъ“, изъ „кàпища“. Въ нихъ все твердо установилось. Съ рожденія они живутъ въ безповоротно сложившихся вѣрованіяхъ и правилахъ. И тѣ, что̀ перешли въ другое исповѣданіе—только расширили свое „credo“, безъ всякой коренной ломки.

А въ немъ?—въ немъ не забродило ли великое безпокойство души? Не зоветъ ли его этотъ колоколъ вернуться къ настроеніямъ дѣтства, съ ихъ страхомъ и умиленіемъ въ торжественныя минуты совершенія таинствъ?

И съ какимъ-то новымъ чувствомъ слушалъ онъ мягкое гудѣнье колокола среди жуткой тишины зимней ночи...

П. Боборыкинъ.

ИСПРАВИТЕЛЬНЫЯ ЗАВЕДЕНІЯ

въ

СѢВЕРО-АМЕРИКАНСКИХЪ ШТАТАХЪ

Во время экскурсіи въ Соединенные Штаты, въ 1900 г., намъ привелось, между прочимъ, посѣтить Элмайрское (Elmira) исправительное заведеніе, считающееся „послѣднимъ словомъ" пенитенціарнаго дѣла. Посѣщеніе подобной тюрьмы можетъ быть поучительно не для однихъ спеціалистовъ: теперь тюрьмы въ цивилизованномъ мірѣ обставляются такъ, чтобы удовлетворять всѣмъ требованіямъ гигіены, а заключеннымъ даютъ все то, что составляетъ необходимость для поддержанія здоровой нормальной жизни въ предѣлахъ извѣстнаго минимума; слѣдовательно, по тюремному режиму можно составить себѣ понятіе о томъ, ниже чего не спускается размѣръ жизненныхъ требованій у населенія страны вообще. Для иллюстраціи этого можно указать, напримѣръ, на слѣдующее: въ исправительныхъ заведеніяхъ Америки слѣдятъ, чтобы заключенные исполняли требованія гигіены рта и чистили зубы. По европейскимъ понятіямъ это кажется довольно удивительнымъ. Удивленіе это, однако, исчезаетъ у туриста по Америкѣ, гдѣ пломбированные зубы встрѣчаются постоянно: у рабочихъ, у кучера, у негра (пломба обыкновенно золотая, и потому она бросается въ глаза), чѣмъ наглядно доказывается, что правильное сознаніе требованія гигіены рта и зубовъ тамъ проникло уже во всѣ слои населенія. Или, напримѣръ, фактъ изданія для заключенныхъ газеты въ тюрьмѣ. По европейскимъ понятіямъ это непонятная экстравагантность; но въ Америкѣ не то. Это страна, въ которой издается свыше

20.000 газетъ, т. е. больше, чѣмъ во всемъ остальномъ свѣтѣ, вмѣстѣ взятомъ. Газета составляетъ тамъ такую неотложную потребность, что она превратилась въ необходимость какъ бы элементарнаго свойства для всего населенія. Тамъ издается, напр., особая газета для пассажировъ на пароходахъ по рѣкѣ Миссисипи во время плаванія. Поэтому не должно удивляться, что и за тюремнымъ населеніемъ признается право на удовлетвореніе этой всеобщей потребности.

Элмайрское заведеніе является послѣднимъ словомъ пенитенціарнаго дѣла уже въ томъ отношеніи, что въ немъ примѣняется система воздѣйствія на взрослыхъ, основанная на пріемахъ, какіе обыкновенно принято допускать въ отношеніи лишь малолѣтнихъ. Старый Свѣтъ видитъ, или до самаго послѣдняго времени еще видѣлъ, въ малолѣтнемъ преступникѣ доказательство преждевременной зрѣлости субъекта. Въ Новомъ Свѣтѣ хотятъ, наоборотъ, видѣть въ зрѣломъ преступникѣ признаки запоздавшаго малолѣтства. Изъ трехъ элементовъ, на которыхъ строится система наказанія: искупленія, устрашенія и исправленія, — американцы налегаютъ, главнымъ образомъ, на послѣдній. „Тогда какъ Старый Свѣтъ,—говоритъ Броквэй,—карая, между прочимъ, имѣетъ въ виду исправлять, мы въ Новомъ Свѣтѣ должны исправлять, имѣя, между прочимъ, въ виду покарать. Когда обвиненный поступилъ въ исправительное заведеніе,—прошедшее его забывается и имѣется въ виду только его будущее“.

Для нагляднаго объясненія того, какъ понимается задача исправленія въ Элмайрскомъ заведеніи, можно указать на употребленіе, дѣлаемое въ немъ изъ турецкой бани и массажа. У насъ принято говорить про преступный классъ, что это—толстокожіе, плохо и слабо реагирующіе на нормальныя ощущенія,—употребляя выраженіе „толстокожіе“ въ фигуральномъ смыслѣ; въ Элмайрскомъ же заведеніи начинаютъ уходъ за заключенными съ того, что буквально стараются утончить, путемъ систематическаго употребленія горячихъ ваннъ и массажа, ихъ кожу и тѣмъ возстановить нормальную ея воспріимчивость. Этимъ путемъ достигается также излечиваніе экземы, которою, какъ мнѣ говорилъ тамошній врачъ, страдаетъ очень большой процентъ среди прибывающихъ въ заведеніе.

Какое значеніе придается въ заведеніи физическому уходу, показываетъ особая система упражненій, такъ-называемая „manual training system“. Основаніемъ ея служитъ взглядъ, что всякое проявленіе воли имѣетъ свой центръ въ мозгу, и что такъ же,

какъ мозгъ управляетъ правильностью движеній и согласованіемъ дѣятельности отдѣльныхъ органовъ и частей тѣла, можно обратно, упражненіемъ въ извѣстныхъ движеніяхъ и въ правильномъ ихъ согласованіи, вліять на развитіе недоразвитыхъ свойствъ мозговыхъ центровъ. Подвергающіеся спеціально этому тренированію недоразвитые субъекты подраздѣлены на три особыя категоріи: тѣ, которые слабы въ понятіяхъ математическаго свойства (mathematical defectives); тѣ, которые явно малоспособны къ самоконтролю въ поступкахъ (selfcontrol defectives), и тѣ, которымъ недостаетъ надлежащей умственной проворности (general mental quickening). Что же съ ними дѣлаютъ? Первыхъ заставляютъ, напримѣръ, бросать гимнастическіе шары и кегли въ правильные интервалы по особой командѣ или подъ особый аккомпаниментъ, замедляемый и ускоряемый, при чемъ извѣстное число движеній должно выпадать то на одну, то на другую единицу времени. Имъ даютъ разбивать площадки подъ тэннисъ или другую игру по правильнымъ линіямъ и дѣлая каре́ пропорціональныхъ между собою размѣровъ. Ихъ заставляютъ мастерить рамки изъ досчечекъ одинаковой величины, которыя они должны приготовить такъ, чтобы ширина рамки была вдвое, или вчетверо меньше длины, чтобы толщина задней стѣнки была на половину меньше боковыхъ, и тому подобныя работы. Этотъ видъ упражненій составляетъ такъ-называемый „Kindergarten“ въ заведеніи. Но тутъ питомцы—вовсе не малыши какіе-нибудь; ему подвергаются сотни изъ числа заключенныхъ. Самоконтроль упражняютъ гимнастическими пріемами съ кольцами и подобными приспособленіями, при которыхъ требуется внимательно слѣдить за ихъ приближеніемъ и удаленіемъ,—иначе грозитъ паденіе,—или швыряніемъ деревянныхъ мячей другъ въ друга, отъ ударовъ которыхъ можно уберечься лишь сосредоточеннымъ вниманіемъ и зоркимъ наблюденіемъ. Быстрота движеній развивается также остроумно разсчитанными приспособленіями атлетической гимнастики или особыми играми, гдѣ успѣхъ зависитъ отъ скорѣйшаго повторенія однородныхъ дѣйствій и движеній, и т. п. Отдѣленіе „manual training“ носитъ въ заведеніи шутливое прозвище „фабрики мозговъ“. Если употребить старую формулу Лейбницевской философіи, по которой тѣломъ и душою человѣка управляютъ двое часовъ съ согласнымъ между собою механизмомъ, то можно сказать про эту систему, что она стремится вывѣркою часовъ, управляющихъ человѣческимъ тѣломъ, установить правильный ходъ часовъ, управляющихъ его душою. Въ подтвержденіе положительности результатовъ, достигаемыхъ примѣненіемъ

этой системы, указываютъ на замѣтную разницу въ выраженіи лицъ заключенныхъ, констатируемую фотографіями на промежуткѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ со времени поступленія: опущенный и робкій взоръ новичка становится открытымъ и бодрымъ, морщины и складки на лбу исчезаютъ, ростъ выпрямляется и проч. Сверхъ того, размѣры и пропорціи разныхъ частей тѣла, снимаемые съ каждаго вновь прибывшаго по системѣ Бертильона, чрезъ сравнительно небольшое время перестаютъ служить для установленія тождества субъекта, такъ какъ они перестаютъ подходить къ его новымъ размѣрамъ. Уходъ, который тутъ доводится до такихъ подробностей, что слѣдятъ даже за ровностью и частотой дыханія каждаго, вмѣстѣ съ тѣмъ, переводится на почву такихъ, напримѣръ, экспериментовъ: изъ среды заключенныхъ отбирается по опредѣленному числу прибывшихъ особо захудалыми или умственно слабо развитыми и переводится на спеціальную кухню съ преобладаніемъ растительныхъ, жировыхъ или другихъ пищевыхъ матеріаловъ, съ особою смѣною блюдъ или разнообразіемъ ихъ, и дѣлаются наблюденія надъ сравнительными перемѣнами, которыя могутъ быть замѣчены подъ этимъ вліяніемъ въ поведеніи этихъ субъектовъ. Словомъ, устроиваютъ нѣчто въ родѣ психологической лабораторіи. Все это въ достаточной степени оправдываетъ интересъ, возбуждаемый этимъ заведеніемъ.

Городъ Элмайра находится въ семи часахъ ѣзды отъ Нью-Іорка. Заведеніе, называемое „Reformatory", помѣщается за городомъ. Къ нему отъ вокзала подвозитъ въ полчаса электрическій трамвай. Заведеніе помѣщается въ обширной постройкѣ, занимающей вершину холма, покрытаго зеленымъ газономъ. Наружный видъ главнаго фасада не представляетъ собою, конечно, ничего, напоминающаго тюрьму. Учрежденіе это основано въ 1876 г. правительствомъ штата Нью-Іоркъ. Главнымъ иниціаторомъ этого дѣла былъ Броквэй, состоявшій затѣмъ до послѣдняго времени директоромъ „реформаторіи". Руководящая идея, которой должно было служить это учрежденіе, состояла, выражаясь юридическимъ языкомъ, въ примѣненіи на практикѣ уголовныхъ приговоровъ съ неопредѣленнымъ срокомъ (indeterminate sentence), т.-е. такихъ приговоровъ, въ которыхъ судъ назначаетъ лишь видъ заключенія, но не продолжительность его, зависящую уже отъ усмотрѣнія начальства исправительнаго заведенія. „Точно такъ же,—говоритъ Броквэй,—какъ нельзя отдавать въ больницу на заранѣе опредѣленный срокъ, а нужно отдавать до выздоровленія, надо сдавать обвиненныхъ въ исправительныя заведенія

до исправленія; иначе, наказаніе не можетъ достигать цѣлей исправленія". „Главное же,—какъ онъ далѣе фигурально говоритъ,—это дать заключенному въ собственныя руки ключъ отъ его кельи, т.-е., чтобы отъ него самого зависѣло заслужить скорѣйшій выходъ на свободу".

По закону, изданному при учрежденіи реформаторіи, отдачѣ въ нее подлежатъ по усмотрѣнію суда обвиняемые отъ 16 до 30 лѣтъ, признанные въ первый разъ виновными въ дѣяніи, влекущемъ за собою тюремное заключеніе. Возрастъ отъ 16 до 30 лѣтъ установленъ для этого особаго ухода потому, что, какъ указываютъ наблюденія, это есть, такъ сказать, критическій возрастъ для преступной карьеры, т.-е. привычными преступниками становятся именно въ этотъ періодъ жизни, и кто его миновалъ благополучно, гораздо меньше имѣетъ шансовъ попасть въ кадры профессіоналистовъ. Полной передачи тюремному надзору рѣшенія вопроса о предѣльномъ срокѣ заключенія Броквэй, однако, не добился: хотя въ приговорѣ суда не указывается срока, но онъ по самому закону полагается не выше того, каковъ максимумъ по статьѣ, по которой состоялось обвиненіе. Всякій, поступающій въ реформаторію, получаетъ съ самаго начала въ числѣ другихъ указаній и указаніе на то, каковъ для него по закону предѣльный срокъ заключенія. Отъ него зависитъ сократить этотъ срокъ; минимумъ пребыванія въ реформаторіи не можетъ, однако, выйти менѣе двѣнадцати мѣсяцевъ. Размѣръ же срока зависитъ отъ поведенія заключеннаго и его успѣховъ въ школѣ и въ ремеслахъ. Но уже послѣ первыхъ двѣнадцати мѣсяцевъ каждый можетъ быть отпущенъ на слово (parole) на свободу. Онъ отпускается сперва лишь на шесть мѣсяцевъ и въ заранѣе указанное мѣсто. Въ теченіе этихъ шести мѣсяцевъ надъ нимъ имѣется особый надзоръ чрезъ мѣстныхъ агентовъ и отъ него требуется постоянное письменное сообщеніе обо всемъ, его касающемся и съ нимъ происходящемъ. Съ нимъ ведется администраціею заведенія правильная переписка. Форма переписки, какъ видно изъ подлиннаго дѣлопроизводства, весьма дружеская, съ соблюденіемъ всѣхъ требованій обычной вѣжливости. Если поведеніе отпущеннаго не обманетъ надеждъ администраціи, онъ чрезъ шесть мѣсяцевъ получаетъ полную свободу. Если нѣтъ,—его снова забираютъ въ заведеніе. Но такимъ образомъ чрезъ восемнадцать мѣсяцевъ можетъ получить полную свободу обвиненный хотя бы въ такомъ дѣяніи, которое влечетъ за собою по закону заключеніе до двадцати лѣтъ. Изъ дѣлопроизводства видно, что не мало есть случаевъ, когда,

вмѣсто maximum'а въ двадцать лѣтъ, заключенные получали полную свободу гораздо раньше: черезъ четыре, три года и даже чрезъ два года и четыре мѣсяца. Послѣдній случай относится къ одному итальянцу, который при поступленіи въ заведеніе казался совершенно неукротимымъ и котораго пришлось провести черезъ manual training съ самыхъ первыхъ пріемовъ. Въ сокращеніи срока до такихъ минимумовъ собственными стараніями заключеннаго и состоитъ „le clou" всей системы реформаторіи.

Заключенные подраздѣляются на три основныя группы: среднюю, низшую и высшую. Дѣлается наглядная разница между ними цвѣтомъ ихъ костюма: средній—сѣрый, низшій—красный, высшій—синій. Поступаетъ каждый вновь прибывшій, послѣ нѣкотораго времени, когда съ нимъ знакомится ближе администрація заведенія, въ среднюю группу. Чрезъ шесть мѣсяцевъ можно быть переведеннымъ въ высшую. Но можно быть и разжалованнымъ въ низшую. Отпускъ на свободу, сперва пробный на шесть мѣсяцевъ, а затѣмъ окончательный, можетъ быть только изъ высшей группы.

Какимъ же образомъ отмѣчаются успѣхи и грѣхи заключенныхъ и въ чемъ мѣрило для отмѣтокъ? Въ этомъ отношеніи система держится на такомъ началѣ: каждый заключенный долженъ окупать свое содержаніе. Для этого все, что онъ получаетъ въ заведеніи—платье, пища, вообще содержаніе и даже лекарства—ему дается по извѣстной цѣнѣ. Съ другой стороны, все, что, такъ сказать, отъ него берется, какъ-то: работы въ мастерскихъ, школьныя занятія и даже военныя упражненія, ему оплачивается по извѣстой таксѣ. Каждому вновь поступившему на этомъ основаніи открывается въ книгахъ заведенія особый счетъ, который ведется затѣмъ по всѣмъ правиламъ бухгалтеріи. Въ него записывается, что онъ имѣетъ и что долженъ. Его прилежаніе, работа и проч. ежедневно ему считаются въ опредѣленную сумму; а дурное поведеніе влечетъ за собою обремененіе счета штрафами, налагаемыми администраціею. Результаты ежемѣсячнаго баланса опредѣляютъ дальнѣйшую участь каждаго. Для отпуска на свободу балансъ долженъ представлять такую сумму въ пользу заключеннаго, на которую онъ въ состояніи доѣхать до избраннаго имъ мѣста и содержать себя до полученія перваго заработка.

Такса составлена такъ, что чѣмъ ниже группа, тѣмъ дешевле считается стоимость содержанія, но зато дешевле цѣнится и заработокъ. Возростаніе же заработка по группамъ идетъ быстрѣе, чѣмъ стоимость содержанія. Денной трудъ, на-

примѣръ, оплачивается по группамъ въ 35, въ 45 и въ 55 центовъ; а соотвѣтственно по тѣмъ же группамъ стоимость содержанія цѣнится въ 25, въ 32 и въ 40 центовъ; разница въ пользу заработка такимъ образомъ все выше, а именно: сначала она въ 10, потомъ въ 12 и наконецъ въ 15 центовъ. Штрафы цѣнятся въ меньшую сумму каждый въ худшей группѣ, т.-е. тамъ, гдѣ ихъ должно ожидать больше числомъ: въ красной (низшей) каждый штрафъ равенъ 15 центамъ, въ сѣрой (средней)—30-ти, а въ синей (высшей)—по усмотрѣнію директора.

Для перевода изъ низшей группы въ высшую надо достигнуть извѣстнаго перевѣса въ счетѣ плюсовъ надъ минусами; обратный перевѣсъ влечетъ за собою разжалованіе изъ высшей въ низшую группу. Но и тутъ мѣрка дана такая, чтобы болѣе покровительствовать каждому проявленію исправительныхъ наклонностей: нуженъ меньшій перевѣсъ плюсовъ надъ минусами для перевода въ высшую группу, нежели минусовъ надъ плюсами для того, чтобы подвергнуться, наоборотъ, разжалованію изъ высшей группы въ низшую. Нерѣдки частныя и общія (напр. въ день національнаго праздника—4 іюля) амнистіи наложенныхъ штрафовъ.

Положеніе разныхъ группъ отличается въ обстановкѣ и предоставляемыхъ удобствахъ жизни. Первая группа имѣетъ лучшія камеры, лучшія столовыя; она можетъ дольше пользоваться вечеромъ освѣщеніемъ (освѣщеніе въ заведеніи—электрическое) и имѣетъ право участвовать въ дебатахъ по вопросамъ этики, происходящихъ въ воскресные вечера. Послѣдняя группа лишена свиданія съ родными и даже переписки съ ними. Относительно пищи первой группы интересно то, что для нея имѣется столъ на ресторанный манеръ: особая столовая съ отдѣльными, аккуратно покрытыми скатертями, столиками, съ четырьмя соломенными стульями вокругъ и—главное—карточка блюдъ на выборъ. Заказъ блюдъ долженъ, впрочемъ, быть дѣлаемъ за два дня раньше. Въ меню этомъ обозначены блюда разныхъ цѣнъ, отъ 1 до 8 центовъ. Привилегіею особой столовой пользуются 150 человѣкъ первой группы.

Система помѣщенія заключенныхъ—одиночныя камеры, въ которыхъ содержатся только для ночлега. Камеры помѣщаются во внутреннемъ корпусѣ зданія, а кругомъ—широкій, свѣтлый корридоръ съ наружными окнами во всю вышину зданія. Двери камеръ представляютъ рѣдкую массивную рѣшотку снизу до верху; освѣщеніе получается изъ корридора чрезъ эту рѣшотку; особыхъ оконъ въ камерѣ нѣтъ. При такихъ дверяхъ

заключенные всегда на виду и положеніе ихъ еще больше напоминаетъ сидѣніе въ клѣткѣ, чѣмъ при дверяхъ съ явными и потайными окошечками. Расположенія камеръ по особымъ архитектурнымъ линіямъ, для того, чтобы облегчить надзоръ за ними съ одного пункта, какъ это существуетъ въ тюрьмахъ такъ-называемой лучистой системы, тутъ нѣтъ. Ночью дежурный надзиратель для наблюденій ѣздитъ по корридорамъ беззвучно на своемъ велосипедѣ. Хотя камеръ имѣется 1.200, бываетъ въ заведеніи переполненіе. Во время моего посѣщенія, напримѣръ, было 1.474 заключенныхъ. Тогда приходится помѣщать болѣе, чѣмъ одного, въ нѣкоторыя камеры; въ такихъ случаяхъ предпочитаютъ заключать не по два, а по три человѣка вмѣстѣ.

Все населеніе реформаторіи, за исключеніемъ физически неспособныхъ, входитъ въ составъ общей воинской организаціи, образующей реформаторскій полкъ, который состоитъ изъ четырехъ баталіоновъ, по четыре роты въ каждомъ. Выправка и обученіе происходятъ по всѣмъ правиламъ военной службы, съ постепеннымъ чинопроизводствомъ. Занятія по военной службѣ, однако, какъ уже было упомянуто, оплачиваются въ счетѣ каждаго; сержантъ, напримѣръ, за каждый день получаетъ 60, 63 или 65 центовъ, смотря по группѣ, въ какой онъ по своему поведенію состоитъ; лейтенантъ—68, 70 цент., капитанъ—75 цент. (на наши деньги 1 руб. 50 к.). Ежедневно въ 4 часа бываетъ общій парадъ, смотря по погодѣ—на дворѣ или въ обширномъ экзерциргаузѣ. Ружья, конечно, деревянныя. Бываютъ смотры, назначаемые въ присутствіи публики. Имѣется, само собою разумѣется, собственный военный оркестръ. Чинопроизводство провозглашается публично на парадахъ.

Военныя упражненія, которыя стали повсемѣстны въ американскихъ мѣстахъ заключенія съ тѣхъ поръ, какъ появились сепаратные законы, воспрещающіе изготовленіе въ тюрьмахъ предметовъ на продажу, признаются имѣющими серьезное пенитенціарное значеніе, какъ даваемой ими физической выправкой, такъ и какъ школа повиновенія и самообузданія. По этому поводу надо замѣтить, что строевая выправка была одно время въ модѣ въ американскихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ; но опытъ показалъ, что она даетъ одностороннее физическое развитіе, что упражненія прикладомъ не столько выработываютъ ловкость, сколько угловатость въ движеніяхъ, и что въ духовномъ отношеніи она подавляетъ индивидуальность, на развитіи которой зиждется весь американскій строй; поэтому въ учебныхъ заведеніяхъ, кромѣ

спеціально-военной академіи въ Вестъ-Пойнтѣ, это уже болѣе не практикуется.

Элмайрское заведеніе представляется школой всевозможныхъ ремеслъ, нынѣ числомъ 35, каковы: столярное, токарное, машинное, строительное, обойное, штукатурное, гончарное, стенографія, писаніе на машинѣ, телеграфированіе, и проч., и проч. Такія знанія, какъ телеграфированіе, преподаются спеціально больнымъ на ноги или владѣющимъ только одною рукою. Во всѣхъ этихъ отдѣлахъ имѣются наилучшія приспособленія и образцы. Въ машинной мастерской имѣется наборъ инструментовъ, станковъ и проч., какъ въ лучшемъ техническомъ училищѣ. Въ строительномъ отдѣленіи имѣются срубы деревянныхъ хижинъ въ натуральную величину, разные виды кирпичной и каменной кладки, какъ въ какомъ-нибудь музеѣ. Въ работахъ, которыми занимаютъ заключенныхъ, цѣль—не заработокъ, а совершенствованіе. Недаромъ реформаторію эту называютъ „Коллегіею" („College on the Hill").

Названія этого она еще больше заслуживаетъ по тѣмъ средствамъ, которыя въ ней примѣняются для непосредственнаго духовнаго воздѣйствія и развитія заключенныхъ. Въ ней имѣется свыше тридцати школьныхъ классовъ. Подраздѣляются классы на низшіе, средніе и такъ-называемые академическіе. Пріемы преподаванія—соотвѣтствующіе требованіямъ высшей педагогіи. Въ низшихъ классахъ число учениковъ поменьше въ каждомъ; большее ихъ число допускается только въ высшихъ классахъ. Экзамены (какъ и въ ремеслахъ) производятся когда кто себя чувствуетъ къ нимъ готовымъ, а не въ извѣстные обязательные термины. Въ School of Letters проходятъ всеобщую и естественную исторію, литературу и такъ-называемую практическую этику. Преподаваніе естественной исторіи происходитъ путемъ вопросовъ, главнымъ образомъ задаваемыхъ не учителемъ ученикамъ, а наоборотъ, учениками учителю; они, напримѣръ, спрашиваютъ учителя: отчего происходитъ дождь? гдѣ больше живыхъ существъ—на сушѣ или въ водѣ? а учитель въ разъясненіе этихъ вопросовъ развиваетъ соотвѣтствующую тему по данному предмету.

Прямо поразительно, что̀ за темы разработываются въ классѣ литературы. Два года назадъ, напримѣръ, когда въ Германіи праздновалось 150-ти-лѣтіе рожденія Гёте, тутъ разбирали его „Эгмонта". На такихъ чтеніяхъ присутствуютъ сотни слушателей; каждый имѣетъ въ рукахъ экземпляръ разбираемаго произведенія. Въ отчетѣ за 1899 г. помѣщены интересныя сравнитель-

ныя характеристики, данныя учениками личностямъ Эгмонта и Бракенбурга. Годомъ раньше, предметомъ литературныхъ занятій служилъ переводъ Лессинговскаго „Натана Мудраго". Подумать только: разборъ въ тюрьмѣ притчи о трехъ кольцахъ—этого высшаго образца эстетической проповѣди религіозной терпимости! Нельзя въ этомъ не видѣть знаменательнаго факта для характеристики не столько пенитенціарнаго дѣла у американцевъ, сколько общаго строя и направленія ихъ общественной мысли. По данному поводу умѣстно будетъ привести статистическія данныя о вѣроисповѣдномъ составѣ заключенныхъ реформаторіи. За 24 года ея существованія въ ней перебывало (въ круглыхъ цифрахъ) 9.300 человѣкъ, изъ нихъ протестантовъ 4.000, католиковъ—4.300, евреевъ—700, безъ вѣроисповѣданія—240.

Практическая этика состоитъ въ дебатахъ на самыя разнообразныя темы, предлагаемыя лекторами и самими заключенными, —какъ, напримѣръ, что̀ выше—милость или справедливость; нравственное значеніе субботняго дня, вліяніе на духовныя свойства человѣка алкоголизма; а также pro и contra трансваальской, филиппинской войны и т. п.

Къ средствамъ духовнаго воздѣйствія относится библіотека, имѣющая свыше 4.000 томовъ и, наконецъ, еженедѣльная газета „Summary" (Обозрѣніе). Печатается это изданіе въ своей типографіи, которая ведется образцово, какъ одно изъ учебныхъ ремесленныхъ отдѣленій въ заведеніи. Авторами большинства статей являются сами заключенные. Въ воскресенье утромъ каждый заключенный получаетъ вновь вышедшій нумеръ. Содержаніе газеты—самое разнообразное. Напримѣръ, нумеръ, вышедшій при мнѣ, содержитъ свѣдѣнія про китайскую и южно-африканскую войну, подробности о стачкѣ углекоповъ, происходившей тогда въ обширныхъ размѣрахъ въ Пенсильваніи; хронику событій въ заведеніи, число отпущенныхъ за недѣлю на свободу. Передовая статья подъ заглавіемъ: „Что̀ такое внѣшній міръ"—трактуетъ о томъ, что каждый заключенный навѣрное подъ этимъ разумѣетъ нѣчто иное,—что одному мерещится при этомъ его городъ, другому—спеціально какой-нибудь кварталъ его родного города; что чѣмъ шире въ этомъ отношеніи кругозоръ человѣка, тѣмъ легче ему уйти отъ узко-эгоистическихъ помысловъ и наклонностей, что войны въ разныхъ частяхъ свѣта, теперь происходящія и привлекающія къ себѣ вниманіе многихъ такихъ, которые ничего ранѣе про эти страны не вѣдали, въ этомъ отношеніи имѣютъ развивающее вліяніе и проч.

Во что̀ обходится это обширное и столь многостороннее

учрежденіе? Ежегодный бюджетъ его—въ 200.000 долларовъ. Въ отчетѣ за послѣдній годъ составлена смѣта на слѣдующій въ 215.000 долларовъ. Каждый заключенный обходится, среднимъ числомъ, за годъ въ 150 долларовъ. Цифра эта не можетъ быть признаваема высокой, если принять во вниманіе, что въ обыкновенныхъ тюрьмахъ штата Нью-Іоркъ каждый заключенный обходится не менѣе 138 долл. въ годъ.

Составъ всего управленія состоитъ не болѣе, какъ изъ 30 лицъ; это—благодаря тому, что многіе наставники въ школѣ и въ ремесленныхъ классахъ—изъ числа заключенныхъ. Во главѣ учрежденія стоитъ директоръ, General-Superintendent, и комитетъ (Board of Managers) изъ пяти лицъ, назначаемыхъ губернаторомъ штата съ одобренія сената. Главная фигура—это директоръ. Его усмотрѣніе и власть имѣютъ тенденцію къ неограниченности; это неизбѣжная принадлежность системы неопредѣленныхъ приговоровъ и ея органическій порокъ. Броквэя называли въ заведеніи „the Czar".

Существенную и характерную часть всякой исправительной системы составляютъ примѣняемыя ею дисциплинарныя мѣры. Въ этомъ отношеніи въ Элмайровскомъ заведеніи имѣется немалая скала ихъ, и онѣ далеко не ограничиваются одними средствами нравственнаго воздѣйствія. Кромѣ штрафовъ, разжалованія въ низшую группу, употребляется тѣлесное наказаніе въ видѣ розогъ и въ видѣ привязыванія въ стоячемъ положеніи за руки спиною къ рѣшетчатой двери камеры лицомъ внутрь. Это одно уже показываетъ, что упреки, дѣлаемые противниками этого учрежденія, иронически называющими его то „системой розовой водицы", то „тюрьмой-отелемъ", не имѣютъ правильнаго основанія. Броквэй никакой сентиментальности въ строѣ заведенія и въ обращеніи съ заключенными не допускалъ. Онъ стремился, по его словамъ, къ тому, чтобы каждый изъ нихъ, будучи разбуженъ, съ утра находился въ напряженной и форсированной дѣятельности, пока не сваливался отъ усталости вечеромъ на свою койку. Въ 1894 г. газеты возбудили агитацію по поводу чрезмѣрной строгости, примѣняемой имъ къ заключеннымъ. Слѣдствіе, этимъ вызванное, заставило его временно оставить должность директора. Въ 1899 г. агитація возникла еще болѣе сильная, и она завершилась тѣмъ, что онъ долженъ былъ совсѣмъ оставить учрежденіе, составляющее его дѣтище. Мнѣ показывалъ заведеніе временно замѣщавшій должность директора врачъ Франкъ Робертсонъ.

Элмайрская реформаторія есть высшая ступень, какой до-

стигло за послѣднее столѣтіе тюремное дѣло. Она представляетъ собою сводный продуктъ всѣхъ новыхъ идей, которыя въ этомъ дѣлѣ послѣдовательно одна за другой выработаны человѣчествомъ. Въ 1770 г. еще въ филадельфійской тюрьмѣ священникъ держалъ проповѣдь предъ заключенными не иначе, какъ при пушкѣ, у которой стоялъ дежурный съ зажженнымъ факеломъ, дабы моментально можно было произвести выстрѣлъ въ скучившихся въ противоположномъ концѣ слушателей, при малѣйшемъ поползновеніи съ ихъ стороны произвести бунтъ или нападеніе. Таково было тогда воззрѣніе на тюремное населеніе. На тюрьму смотрѣли какъ на вулканъ, всегда готовый къ взрывамъ и изверженію. Самое заключеніе въ тюрьму тогда не считалось совсѣмъ за наказаніе; это была лишь мѣра пресѣченія для преступниковъ, которыхъ ждали за ихъ злыя дѣянія болѣе чувствительныя кары. Всѣ мѣропріятія по отношенію къ тюремному населенію сводились къ усмиренію и укрощенію. Впервые на американской почвѣ искупительное значеніе за самымъ заключеніемъ признано было квакерами въ формѣ строгаго одиночнаго заключенія, въ которомъ предполагалось достигнуть раскаянія преступниковъ принудительнымъ оставленіемъ ихъ одинъ-на-одинъ со своею совѣстью. Результаты этой, такъ-называемой пенсильванской системы не достигали, однако, желанной цѣли. Причину этого усмотрѣли въ праздности, на которую она обрекала заключенныхъ. На смѣну ей явилась оборнская система, съ обязательными общими работами, но въ строжайшемъ молчаніи, и съ разобщеніемъ на ночь. Послѣдующіе фазисы въ усовершенствованіи представляютъ практическія мѣропріятія Меконочи въ Австраліи, въ сороковыхъ годахъ, заключающіяся въ введеніи марочной системы, съ прогрессивнымъ улучшеніемъ положенія наказываемыхъ въ зависимости отъ ихъ поведенія и работъ, и, затѣмъ, усовершенствованія, прибавленныя къ этому Крофтономъ въ Ирландіи, въ пятидесятыхъ годахъ, въ видѣ попечительныхъ учрежденій, чрезъ которыя должны были проходить освобождаемые для того, чтобы постепенно привыкнуть къ условіямъ жизни на полной свободѣ. Задача тюрьмы становится уже совсѣмъ иная; дѣло ея уже не въ укрощеніи, а въ реформированіи. Взглядъ на преступниковъ долженъ быть для этого совсѣмъ иной, чѣмъ прежде. Начальникъ оборнской тюрьмы, извѣстный Линдсъ, смотрѣлъ на преступниковъ какъ на особый классъ людей, падающихъ въ свободной борьбѣ только потому, что основною чертою ихъ натуры является трусость. Въ доказательство этого своего убѣжденія онъ однажды сдѣлалъ слѣдующее. Узнавъ, что насе-

леніе тюрьмы, крайне недовольное его строгостью (онъ безмѣрно пользовался тѣлесными наказаніями, считая ихъ благодѣтельнымъ средствомъ для заключенныхъ), составило заговоръ, чтобы его зарѣзать, онъ созвалъ всѣхъ заключенныхъ во дворъ, потребовалъ того изъ нихъ, который занимался бритьемъ арестантовъ, и, сѣвъ тутъ же среди нихъ, велѣлъ ему себя побрить. Теперь система воздѣйствія на заключенныхъ держится на совсѣмъ иномъ началѣ,—на томъ, что они—тѣ же люди, и что ничто человѣческое имъ не чуждо. Элмайрское заведеніе и представляетъ собою самую усовершенствованную совокупность собственно американскихъ и иноземныхъ идей и пріемовъ, направленныхъ на дѣло реформированія.

Каковы же результаты этого учрежденія на практикѣ? Въ статистическихъ цифрахъ они выражаются удовлетворительнымъ итогомъ въ 15 и не болѣе 18% рецидива. Нью-іоркскій судья, съ которымъ я говорилъ объ этомъ, и который давалъ мнѣ письмо къ директору заведенія, сказалъ мнѣ, что среди магистратуры заведеніе это считается оправдывающимъ свое назначеніе, и что ему лично извѣстны два или три субъекта, занимающихъ теперь довольно видныя мѣста въ дѣловомъ мірѣ, которые побывали въ свое время въ Элмайрской реформаторіи. Но ни указанія статистики, подвергаемыя по несовершенству регистраціи, откуда она беретъ свои данныя, основательнымъ сомнѣніямъ насчетъ точности, ни такія частичныя указанія—не могутъ дать надлежащаго матеріала для полной оцѣнки конечныхъ результатовъ этой новой системы. Тутъ должны имѣть болѣе существенное значеніе наблюденія надъ психическимъ состояніемъ заключенныхъ. Чрезвычайно вѣрны замѣчанія, которыя по этому поводу дѣлаетъ нѣмецкій изслѣдователь американскихъ тюремъ, Hintrager, говорящій, что въ этомъ учрежденіи всѣ заключенные обнаруживаютъ постоянно какое-то ненормальное возбужденіе въ погонѣ за отмѣтками, стремясь всячески оставить другихъ позади себя. Относительно главнѣйшихъ результатовъ въ ихъ психикѣ врачъ заведенія высказалъ ему характерное замѣчаніе, что „they do not reform, but conform"—они не реформируются, а приспособляются. Нельзя въ самомъ дѣлѣ не видѣть, что психологическая основа этой интересной и хитро приводимой въ исполненіе системы состоитъ въ искусственномъ подъемѣ и культивированіи эгоистическихъ наклонностей. Всѣ другіе мотивы, кромѣ чисто-эгоистическихъ,—говоритъ одинъ изъ видныхъ защитниковъ этой системы, F. H. Wines,—у преступника глухи, и потому цѣль исправленія не будетъ достигнута ни проповѣдями, ни усовѣщи-

ваніями, ни примѣрами, а только воздѣйствіемъ на эгоистическія его стремленія, а именно: на его желаніе поскорѣе выйти на свободу („Punishment and Reformation", p. 209). Ясно, такимъ образомъ, что въ психологическомъ отношеніи эта система не просто питается нормальными эгоистическими наклонностями, въ душѣ человѣка имѣющимися, но сама ихъ питаетъ и даже форсируетъ. Дѣлается это на началахъ строгаго индивидуализма, т.-е. такъ, что каждый чувствуетъ себя не частицею органическаго цѣлаго, а отдѣльнымъ атомомъ, противополагающимъ себя остальнымъ. Психологически же, какъ извѣстно, преступная дѣятельность человѣка, въ концѣ концовъ, обусловливается именно чрезмѣрнымъ эгоизмомъ, не чувствующимъ никакого препятствія къ тому, чтобы своимъ желаніямъ приносить въ жертву интересы ближняго и ни малѣйшей наклонности поступаться своими желаніями ради интересовъ ближняго. Слѣдовательно, корень зла тутъ остается на своемъ мѣстѣ и чуть ли не укрѣпляется. Всѣ эти многоразличные пріемы воздѣйствія на заключеннаго, при такомъ базисѣ, вліяютъ лишь на архитектуру, а не на структуры души, на болѣе стройное согласованіе элементовъ ея работоспособности, а не на ея скрытыя побужденія. Напрягая до крайности стремленіе каждаго вырваться на свободу, система эта ничего не измѣняетъ въ душевныхъ пружинахъ, подъ напоромъ которыхъ будетъ происходить дѣятельность по достиженіи каждымъ желанной свободы. Еслибы надо было воспитывать провинившагося трутня для возвращенія его опять въ свой муравейникъ, то указанные пріемы навѣрное разрѣшали бы эту задачу въ совершенствѣ, такъ какъ муравей въ муравейникѣ исполняетъ свое назначеніе наилучшимъ образомъ въ зависимости не отъ внутреннихъ своихъ побужденій, а отъ степени силы и ловкости, съ какою онъ умѣетъ дѣлать предназначенное ему дѣло. Не то—человѣкъ и не то—требованія, предъявляемыя къ нему жизнью на свободѣ. Въ томъ, въ комъ искусственнымъ путемъ гипертрофируются и безъ того чрезмѣрно развитыя эгоистическія наклонности, еще болѣе глохнетъ способность къ самоограниченіямъ въ пользу ближняго, и потому, при первомъ подходящемъ стеченіи обстоятельствъ, онъ долженъ снова стать помѣхой правильному ходу общественной жизни. Подневольное перевоспитываніе, производимое реформаторіею, не взирая на всѣ ея усилія и хлопоты, при вышеуказанной основѣ, нельзя признать идущимъ по надежному пути къ своей цѣли. Есть ли вообще для этого правильный путь въ домѣ заключенія—вопросъ особый. Но во всякомъ случаѣ не вынесъ я изъ реформаторіи такого впечатлѣнія,

которое подтверждало бы заключеніе одного русскаго изслѣдователя, усматривающаго въ ней и ей подобныхъ учрежденіяхъ „свѣтлые маяки, которые блещутъ на темномъ фонѣ современнаго тюремнаго дѣла, показывая тотъ путь, на который должна быть, въ интересахъ достиженія исправительныхъ задачъ, направлена тюремная реформа“.

Элмайрская реформаторія оказалась болѣе всего интересной, какъ особая характеристика общихъ условій и требованій американской жизни, а также какъ одинъ изъ наглядныхъ примѣровъ той охоты, какую американцы всегда проявляютъ, какъ только дѣло касается воспитанія и реформированія людей чрезъ воздѣйствіе на нихъ образованіемъ. По примѣру этой реформаторіи возникло въ разныхъ штатахъ около десятка другихъ; какъ-то: Конкордъ въ Массачусетсѣ, Сентъ-Клу въ Миннесотѣ, Гентингтонъ въ Пенсильваніи и др. Но сказать, чтобы этотъ видъ мѣстъ заключенія содѣйствовалъ высшему назначенію тюрьмы— упразднить тюрьмы, никакъ не приходится. Съ чувствомъ такой же безнадежности, съ какою въ этомъ отношеніи выходишь изъ наиболѣе усовершенствованныхъ тюремъ Европы, вышелъ я и изъ реформаторіи Новаго Свѣта.

До посѣщенія Элмайры я совершилъ поѣздку по заповѣдной пущѣ въ Скалистахъ горахъ, называемой Yellowstone Park. Это цѣлая провинція, примѣрно въ половину кіевской губерніи. По ней не проходитъ и не будетъ проходить желѣзная дорога; ни сѣять, ни косить, ни рубить лѣса, ни ловить звѣрей или птицъ, ни даже просто стрѣлять въ ней никому не дозволяется. Эту часть своей территоріи американцы рѣшили сохранить на вѣки вѣчные въ ея натуральномъ видѣ. Тутъ находятся знаменитые фонтаны кипучей воды—гейзеры и разныя необыкновенныя картины геологическихъ обнаженій и новообразованій. Объѣздъ въ дилижансѣ по этой странѣ чудесъ („Wonderland“) длится шесть дней. Наряду съ удивительными видами и красотами природы надо поставить слѣдующее явленіе, съ которымъ здѣсь встрѣчаешься. При проѣздѣ по дорогамъ сплошь и рядомъ видишь вблизи стоящаго волка, который съ любопытствомъ оглядываетъ пассажировъ, провожаетъ ихъ глазами и затѣмъ спокойно идетъ своей дорогой. На прогулкѣ постоянно шмыгаютъ у ногъ, точно щенки, маленькія бѣлки, которыми кишитъ тутъ лѣсъ. У разныхъ прудковъ, мимо которыхъ лежитъ путь, стаи дикихъ гусей подпускаютъ къ себѣ настолько, что хоть сыпь имъ соли на хвостъ. Въ гостинницахъ, гдѣ останавливаются на ночлегъ, туристы могутъ каждый разъ видѣть, какъ приходятъ изъ лѣса

кормиться отбросами кухни, въ одиночку и гурьбой, медвѣди и малые медвѣжата, которые тутъ же кувыркаются и играютъ другъ съ другомъ. При видѣ всего этого такъ и напрашивается мысль, что даже дикіе звѣри на свободѣ—и тѣ, когда не видятъ зла отъ людей, становятся покойными и мирными ихъ сожителями.

Элмайрская реформаторія, какъ уже было указано, является продуктомъ воззрѣнія, по которому къ взрослому преступнику надо примѣнять такія же мѣры воздѣйствія въ видахъ исправленія, какія принято было считать подходящими только въ отношеніи дѣтей. Что же въ такомъ случаѣ предпринимаютъ американцы по отношенію къ самимъ порочнымъ дѣтямъ? И въ этомъ они, конечно, опередили Старый Свѣтъ. Въ штатѣ Нью-Іоркъ, уже въ 1824 г., т.-е. до Меттрейской колоніи во Франціи и Rohes Haus въ Гамбургѣ, устроенъ былъ отдѣльный отъ взрослыхъ пріютъ для малолѣтнихъ преступниковъ. Въ дальнѣйшемъ они примѣняли въ этой области все, до чего додумывалась только гдѣ бы то ни было человѣческая мысль, окрыленная стремленіемъ къ добру и совершенствованію. Въ настоящее время число подобныхъ колоній и пріютовъ у нихъ, можно сказать, превосходитъ надобность. Преобладающимъ типомъ здѣсь теперь является семейная форма, при которой пожилая бездѣтная чета беретъ подъ свое наблюденіе и руководство двадцать-тридцать дѣтей, поселяясь съ ними на отдѣльной фермѣ и образуя группу, проникнутую во взаимныхъ отношеніяхъ началами, приближающими ея строй къ виду естественной семьи.

Любопытною новинкою въ этой области служитъ опытъ нѣкоего мистера Джорджа. Заботы его направлены на перевоспитаніе уличныхъ и трущобныхъ подростковъ. Началъ онъ это дѣло съ того, что просто бралъ къ себѣ на ферму близъ Фривилля (недалеко отъ г. Итаки въ штатѣ Нью-Іоркъ, гдѣ находится Корнельскій университетъ) на лѣто свыше двухсотъ дѣтей. Такъ онъ дѣлалъ съ 1890 г., желая дѣйствовать на нихъ главнымъ образомъ здоровыми условіями деревенской жизни. Въ 1895 г. ему пришло въ голову придать этой дѣтской резиденціи особую организацію, основною идеею которой является мысль—создать „управленіе дѣтей изъ дѣтей для дѣтей“.

Предоставленная въ ихъ распоряженіе территорія—величиною, примѣрно, съ миніатюрную республику Санъ-Марино въ Италіи. Строй дѣтскому общежитію созданъ по образцу республиканскихъ учрежденій Соединенныхъ Штатовъ. Имѣются двѣ

камеры, т.-е. палата представителей и сенатъ, избираемыя всеобщимъ голосованіемъ; право подачи голоса принадлежитъ всѣмъ старше 12 лѣтъ, безъ различія пола. Во главѣ исполнительной власти стоитъ президентъ; сперва былъ имъ самъ Джорджъ, а теперь— 16-лѣтній юноша. Постановленія палаты носятъ форму совершенно такую, какъ—конгресса въ Вашингтонѣ. Каждое начинается въ обычной формѣ „Be it inacted",—что, напримѣръ, нельзя курить подъ страхомъ такого-то штрафа, или жестоко обращаться съ животными, и т. п. Такъ какъ населеніе тутъ довольно разнокалиберное и, конечно, невоспитанное, то большая нужда была въ полиціи. На эту должность особенно было много охотниковъ среди дѣтей, такъ что пришлось установить для нея конкурсное испытаніе. Каждый полицейскій чинъ имѣетъ особую форму и бляху. Они получаютъ жалованье и имѣютъ своего начальника. Каждаго нарушителя порядка полицейскій можетъ представить въ судъ или, если нѣтъ въ то время засѣданія, то задержать подъ арестомъ. Приговоръ суда постановляютъ присяжные изъ мальчиковъ и дѣвочекъ; имѣются обвинитель и защитникъ; если обвиняемый не приглашаетъ себѣ самъ защитника, ему назначаетъ его судъ. Руководитъ засѣданіемъ и произноситъ резюме присяжнымъ предсѣдатель; вначалѣ былъ таковымъ студентъ Корнельскаго университета, теперь—уже одинъ изъ мальчиковъ. Наказаніе, къ которому приговариваютъ обвиненнаго, — арестъ отъ $^1/_2$ до 6 дней; наказываемый носитъ особую (принятую въ мѣстахъ заключенія—полосатую) куртку, обязанъ исполнять принудительную работу, въ молчаніи и безъ платы. Судебная репрессія оказывается дѣйствующею весьма успѣшно, и съ каждымъ сезономъ бываетъ все меньше и меньше случаевъ примѣненія наказанія. Дѣйствуетъ на дѣтей не самое наказаніе, а главнымъ образомъ обвинительный приговоръ. Осуждающій приговоръ ровесниковъ вызываетъ часто слезы у осужденнаго; былъ случай покушенія на самоубійство изъ-за обвинительнаго приговора.

Всѣ мальчики составляютъ милицію съ соотвѣтствующими упражненіями. Республика эта, носящая названіе „George Junior Republic", имѣетъ свой гербъ, свое знамя и теперь даже свой гимнъ.

Профессоръ Вилльямъ Гуллъ въ докладѣ объ этой колоніи, читанномъ въ американской академіи политическихъ и соціальныхъ наукъ, говоритъ, что эти дѣти, слывущія за неисправимыхъ, съ удивительной покорностью подчиняются режиму сверстниковъ и заражаются интересомъ къ общему дѣлу.

Промышленный строй дѣтской республики держится на работѣ всѣхъ ея обитателей, оплачиваемой соотвѣтственно трудамъ каждаго. Рабочее время полагается съ половины девяти до двѣнадцати; плата отъ—50 до 70 центовъ въ день. Для приложенія труда имѣется обработываемое поле, имѣются огороды. Мистеръ Джорджъ старается всячески создать строй отношеній, схожій съ дѣйствительной общественной жизнью. Для этого, между прочимъ, правительство республики сдаетъ отдѣльнымъ предпринимателямъ особыя отрасли промышленности. Одинъ содержитъ отель, другой—ресторанъ, третій — баню (нечистоплотность подвергаетъ виновнаго штрафу). Въ отелѣ есть помѣщенія въ разную цѣну; въ ресторанѣ блюда—также. Мистеръ Джорджъ и его жена питаются въ этомъ ресторанѣ. Каждый посѣтитель долженъ за все платить; достаточныя для этого средства ему вѣдь предоставляется возможность заработать. Кто не имѣетъ ночлега—отводится въ арестный домъ и подвергается суду за бродяжничество.

Для платежей республика имѣетъ свою монету, состоящую изъ цинковыхъ кружковъ разныхъ размѣровъ, соотвѣтственно единицамъ размѣнной монеты штатовъ. Всѣ матеріалы, потребные на питаніе, одежду и проч.—жертвуются въ склады разными благотворителями; дѣти же ихъ получаютъ за деньги, заработываемыя своими трудами. Кто меньше заработываетъ, тотъ плоше живетъ. А есть такіе, которые умѣютъ накопить излишекъ заработками. Они сдаютъ его на храненіе особому банкиру. Бывали также коллизіи изъ-за цѣнъ на фрукты и овощи, приносимые извнѣ, и пришлось установить на нихъ особый таможенный тарифъ. Во всемъ этомъ разобраться, устранить возникшія препятствія, найти выходъ или modus,—все это мистеръ Джорджъ предоставляетъ собственной смѣткѣ и собственнымъ усиліямъ дѣтей. Для нуждъ общественныхъ существуетъ особая подать съ каждаго имѣющаго право голоса на выборахъ.

Система обученія, примѣненная мистеромъ Джорджемъ,—довольно своеобразная. Такъ какъ населеніе республики состоитъ изъ дѣтей, уже заявившихъ себя нерасположеніемъ къ занятію науками, то, вмѣсто всякаго систематическаго школьнаго обученія, дѣтямъ раздаютъ листы съ разными незамысловатыми вопросами и съ указаніемъ, въ какой книжкѣ можно получить на каждый изъ нихъ отвѣтъ; книжки эти имѣются въ общей комнатѣ. Удовлетворительные отвѣты даютъ автору право на опредѣленное денежное вознагражденіе. Имѣются общія поучительныя забавы; спектакли и музыка, конечно, также въ ходу. Все это содѣйствуетъ бодрому

и веселому настроенію дѣтей. Большинство дѣтей—возраста отъ двѣнадцати до пятнадцати лѣтъ. Нѣсколько болѣе молодыхъ, находящихся тамъ, отданы на спеціальное попеченіе старшихъ. Когда оказалось, что изъ этихъ туторовъ нѣкоторые были грубы со своими подчиненными,—въ палату внесли билль закона объ охранѣ дѣтей отъ жестокаго обращенія.

Дѣти попадаютъ теперь къ мистеру Джорджу по приговорамъ муниципальныхъ судей или по просьбѣ родителей. Зимою ихъ остается не болѣе сорока; лѣтомъ собирается до трехъ сотъ; тогда обитатели республики размѣщаются, кромѣ нѣсколькихъ незатѣйливыхъ построекъ колоніи, въ шатрахъ. Когда наступаетъ осень, дѣлается публичная распродажа запасовъ платья и другихъ вещей. Очень часто можно тогда видѣть, какъ скопившій деньгу покупаетъ разныя разности для оставшихся дома братишекъ и сестеръ.

Результаты этого новаго пріема перевоспитанія, примѣняемаго къ подросткамъ и состоящаго въ помѣщеніи этихъ якобы необузданныхъ натуръ въ условія, при которыхъ общественный самоконтроль сверстниковъ становится привлекательнымъ для каждаго регуляторомъ поведенія, пока блестяще оправдываютъ надежды его автора. Человѣческая натура, какъ изъ этого видно, легко подчиняется принужденію *для чего-нибудь*; не выноситъ человѣкъ принужденія, когда оно на него налагается *за что-нибудь*. Какъ ни стараются сдабривать эту неволю въ Элмайрѣ искусственнымъ возбужденіемъ многочисленныхъ сторонъ душевной дѣятельности, средствъ на это не хватаетъ еще у всей этой психологической химіи. Сопоставлять плоды подневольнаго перевоспитыванія, которое мы тамъ видѣли, съ плодами этого вольнаго перевоспитанія въ подробностяхъ — нѣтъ надобности; различіе ихъ достаточно явствуетъ уже изъ сказаннаго.

Надо здѣсь сказать лишь, кстати, что заботы, вызываемыя одичалымъ состояніемъ дѣтскаго населенія трущобъ и окраинъ большихъ городовъ, повсемѣстны въ самыхъ просвѣщенныхъ центрахъ цивилизаціи. Недавно усиленно заговорили объ этомъ явленіи въ Лондонѣ, гдѣ оно получило даже особое прозвище: „Hooliganism“. Явленіе это — порожденіе зла, лежащаго глубоко въ корнѣ настоящаго соціальнаго и экономическаго строя. Въ чемъ должны состоять пріемы противодѣйствія этому злу? Подражать Элмайрской реформаторіи въ ея деспотическомъ режимѣ и строго военной организаціи можно, конечно, повсюду; но не вездѣ можно создать учрежденія, подобныя Джорджевской

дѣтской республикѣ. Дѣло, однако, не въ формѣ. Такую или иную форму, но ее найдетъ интеллигентный человѣкъ, если только онъ руководимъ правильнымъ сознаніемъ того, что отъ него требуетъ общественный долгъ. Примѣръ дѣятельности Джорджа въ этомъ отношеніи содержитъ въ себѣ ту для всѣхъ назидательную идею, что положеніе порочныхъ дѣтей бѣднаго класса не есть плодъ только ихъ дикости, но и некультурности высшаго, т.-е. болѣе зажиточнаго и развитого класса общества. Какъ далеки еще отъ пониманія этого люди, которые могутъ утверждать,—какъ я слышалъ это однажды въ судѣ по дѣлу одного изъ такъ-называемыхъ „подкалывателей" изъ устъ товарища прокурора въ рѣчи къ присяжнымъ,—что съ подобными субъектами нельзя будто иначе и обращаться, какъ съ бѣшеными собаками!

Нельзя сомнѣваться въ томъ, что опытъ Джорджа найдетъ подражателей. Такого рода иниціатива никогда не проходитъ въ Америкѣ безслѣдно и никогда не обречена на безплодную борьбу съ равнодушіемъ общества. Какъ разъ наоборотъ. Этотъ опытъ, исполненный въ скромныхъ размѣрахъ частнымъ лицомъ, можетъ тамъ легко стать источникомъ такого теченія общественной мысли, которое завершится какой-нибудь реформой капитальнаго свойства. Достаточно для примѣра вспомнить исторію возникновенія такъ-называемаго условнаго осужденія. Въ семидесятыхъ годахъ у городского судьи города Бостона стали обращать на себя вниманіе постояннымъ присутствіемъ при разборѣ дѣлъ о малолѣтнихъ двое лицъ—нѣкій Джонъ-Августъ и священникъ Кукъ, получившій впослѣдствіи прозвище „дяди Кука". Сперва они заявили себя тѣмъ, что сообщали судьѣ свѣдѣнія о семейномъ положеніи подлежавшаго суду малолѣтняго, объ его прошломъ; затѣмъ они, при неимѣніи такихъ свѣдѣній, стали просить судью объ отсрочкѣ разбора, пока они соберутъ эти свѣдѣнія. Постепенно эта дѣятельность ихъ привела судью къ убѣжденію, что онъ можетъ вмѣсто приговора о наказаніи отдавать малолѣтнихъ на ихъ попеченіе. И вотъ эта частная дѣятельность двухъ приватныхъ лицъ послужила поводомъ къ учрежденію особой общественной должности блюстителей интересовъ малолѣтнихъ—probation-officers, существующей теперь уже во всѣхъ штатахъ; она же положила основаніе нынѣ ставшему всесвѣтнымъ институту условнаго осужденія, по которому судьѣ предоставляется право, постановивъ приговоръ о тюремномъ заключеніи новичка на преступномъ поприщѣ, отпустить его на свободу съ тѣмъ, что, если

онъ не согрѣшитъ въ другой разъ,—первый приговоръ надъ нимъ останется безъ исполненія.

Независимо, впрочемъ, отъ того, какими послѣдствіями можетъ быть чревата идея мистера Джорджа, нельзя не сказать, что радуется душа при одномъ видѣ этого удивительнаго сочетанія разума, практичности, вѣры въ непремѣнное торжество добра надъ зломъ, съ надеждой и любовью, дѣятельной любовью, направляемою на великое дѣло спасенія „малыхъ сихъ".

А. Гольденвейзеръ.

ПО МАНЧЖУРІИ

1900—1901 гг.

Воспоминанія и разсказы.

X.—По Сунгари *).

Седьмое сентября.—День жаркій. Въ Хабаровскѣ, на пароходной пристани—величайшее оживленіе. Поминутно подъѣзжаютъ повозки, фургоны, телѣги съ разной кладью, чемоданами, сундуками, ящиками, разными офицерскими вещами и т. п. Вотъ, должно быть, военная канцелярія пріѣхала. Нѣсколько писарей, усатыхъ, въ чистенькихъ рубахахъ, погоны съ нашивками, озабоченные, снимаютъ съ повозокъ ящики и тащатъ ихъ на пароходъ. Начинаютъ уже и „господа" съѣзжаться.—Но что такое случилось?—Сегодня уѣзжаетъ командующій войсками генералъ Гродековъ—братъ Гиринъ, столицу Манчжуріи. Чуть не весь городъ сбирается проводить его. Военные почти всѣ здѣсь. Но и гражданскихъ чиновъ не мало. Вотъ подъѣзжаютъ дрожки. Въ нихъ сидитъ толстый-претолстый чиновникъ, съ добродушнѣйшимъ лицомъ, усатый, съ бакенбардами. Ему, очевидно, страшно жарко. Съ трудомъ слѣзаетъ онъ съ экипажа, встряхиваетъ пальто на синей подкладкѣ, снимаетъ трехуголку, отираетъ потную лысую голову и, затѣмъ, переваливаясь какъ утка, тяжелой поступью направляется къ пристани. За этимъ толстякомъ, точно для контраста, слѣзаетъ съ дрожекъ другой статскій генералъ, на крас-

---

*) См. выше: янв., 103 стр.

ной подкладкѣ. Этотъ—маленькій, худенькій, сморщенный и далеко, съ виду, не такой добродушный. Хотя онъ и малъ ростомъ, а достоинства своего не теряетъ. Смѣло протискивается впередъ, мало съ кѣмъ здоровается, поправляетъ на шеѣ Владиміра, отряхивается и крѣпче натягиваетъ бѣлыя перчатки. Онъ вполнѣ готовъ встрѣчать генералъ-губернатора. Тутъ мелькаютъ околыши и подкладки всѣхъ вѣдомствъ и всѣхъ цвѣтовъ. Даже желтые, телеграфные, и тѣ явились поклониться.

— Ѣдетъ, ѣдетъ!—слышится въ толпѣ.

Дѣйствительно, съ горы спускалась пара сѣрыхъ въ коляскѣ. Командующій войсками, небольшого роста, рядомъ съ высокимъ, полнымъ адъютантомъ, подъѣзжаетъ къ пристани, медленно выходитъ и направляется къ пароходу. Толпа колышется. Полиція съ трудомъ сдерживаетъ ее. Генералъ любезно прощается, кланяется, многимъ жметъ руки, разговариваетъ, а въ то же время все приближается къ сходнямъ. Наконецъ, онъ на пароходѣ. Полевой штабъ уже весь давно тамъ. Съ парохода слышится свистокъ. Снасти отдаютъ. Колеса начинаютъ медленно вертѣться то заднимъ ходомъ, то переднимъ. Пароходъ исподволь заворачиваетъ, дѣлая кругъ, и, наконецъ, плавно устремляется по обширной зеркальной поверхности, взбивая за собой волны. Пристань становится меньше. Человѣческія фигуры исчезаютъ, а наконецъ и самый Хабаровскъ пропадаетъ за берегомъ.

Мы ѣдемъ Амуромъ до Михайло-Семеновска,—двѣсти верстъ, а затѣмъ—по Сунгари, на Харбинъ,—девятьсотъ верстъ. Нашъ штабъ состоялъ при Гродековѣ, вмѣстѣ со мною, изъ двѣнадцати человѣкъ: капитанъ генеральнаго штаба Гулевичъ, адъютанты поручикъ Андреевскій и поручикъ Сарычевъ, переводчикъ Добровидовъ, начальникъ штаба генералъ-маіоръ Селивановъ, помощникъ его полковникъ Орановскій, штабъ-офицеръ для порученій подполковникъ Лопатинъ, капитаны генеральнаго штаба: капитанъ Богдановъ, капитанъ Солунскій, дѣлопроизводитель коллежскій совѣтникъ Мурышевъ и окружной интендантъ генералъ-маіоръ Надаровъ. Иванъ Павловичъ—такъ звали Надарова—былъ оригиналъ. Небольшого роста, широкоплечій, ходилъ переваливаясь. Голосъ имѣлъ басистый. Фуражка его, съ длиннѣйшимъ козырькомъ, была извѣстна всему Хабаровску. Надаровъ, какъ и генералъ Селивановъ, хотя съ виду былъ суровый, но въ душѣ былъ добрый человѣкъ, почему подчиненные очень его любили и цѣнили.

Всѣ мы ѣхали въ самомъ лучшемъ настроеніи. Этому, конечно, много способствовала чудная погода, все время благопріятствовавшая намъ.

Сунгари—большая рѣка. Во многихъ мѣстахъ она не уступаетъ Амуру. Берега же ея гораздо симпатичнѣе. Здѣсь нѣтъ той безжизненности, той удручающей угрюмости, что на Амурѣ. Правый берегъ—высокій, лѣвый же представляетъ безконечные камыши и заводи. Онъ, около устья, непригоденъ къ обработкѣ. Зато охотникамъ и рыболовамъ здѣсь великое раздолье. Утокъ, гусей и другой болотной дичи поднимались цѣлыя тучи. Правый берегъ, что дальше, то становится интереснѣе. Деревни, утопающія въ зелени, одиноко стоящія импани, окруженныя таинственными стѣнами кумирни такъ и манятъ путника заглянуть и узнать, что̀ тамъ творится, за этими стѣнами. Въ особенности это чувство испытываетъ человѣкъ, никогда не видавшій Китая и незнакомый со здѣшними постройками. Растительность богатая. Поля, лѣса, рощи, сады—такъ и привлекаютъ взоръ. Но все это брошено. Нигдѣ не видно ни души.

Вотъ мы близко проходимъ отъ берега. На самомъ урѣзѣ виднѣется деревня. У воды, около лодочки, копошатся два китайца. Я пристально наблюдаю за ними въ бинокль. Вотъ они замѣчаютъ нашъ пароходъ, стремительно бросаютъ свое занятіе и поднимаются на берегъ; останавливаются, озираются на насъ, и затѣмъ скрываются. Пароходъ минуетъ деревню. Продолжаю всматриваться и, наконецъ, нахожу китайцевъ. Боязливо выглядываютъ они изъ-за стѣнъ, и въ то же время, вѣроятно, опасаются, какъ бы эти пришельцы не убили ихъ.

Жизнь наша на пароходѣ идетъ самая безмятежная, изо дня въ день. Тотъ же завтракъ въ двѣнадцать часовъ, что̀ и въ Хабаровскѣ, тотъ же обѣдъ—въ семь, та же прислуга—два бравыхъ амурскихъ казака—и тотъ же лакей Гродекова—китаецъ Крапка, съ вѣчно самодовольнымъ, улыбающимся лицомъ.

Еще рано. Я всталъ и поднимаюсь наверхъ, на палубу, гдѣ капитанъ парохода. Здороваюсь съ нимъ, сажусь на скамейку и наблюдаю берега. Удивительная эта Сунгари. Она, на мой взглядъ, что̀ дальше отъ устья, то становится шире. Посмотрите, пожалуйста, вотъ мы уже верстъ четыреста ушли, а какая ширина! Версты четыре, пожалуй, будетъ. И какъ красиво это мѣсто! На правомъ берегу поля кончаются и вдругъ начинаются горы, которыя обрываются высокой, отвѣсной скалой. Лѣвый же берегъ все такой же низкій, покрытый чудною зеленью. Пересѣкаемый безчисленными ручейками и канавками, точно стальными полосками, онъ терялся въ безпредѣльномъ пространствѣ. Изрѣдка попадаются намъ лодки мѣстныхъ жителей-инородцевъ—гольдовъ и гиляковъ. Они ловятъ рыбу. Разъ какъ-то, смотримъ,

спѣшитъ къ намъ на встрѣчу рыбачья лодка. Завидѣвъ ее, пароходъ убавляетъ ходъ. На кормѣ лодки сидитъ, въ кожаной самодѣльной курткѣ, гольдъ. Шляпа широкая, войлочная. Въ веслахъ работаютъ четыре женщины. Рыбакъ хватается за брошенную ему веревку и пристаетъ къ пароходу. Оказывается, онъ предлагалъ намъ рыбу. Буфетный поваръ бѣжитъ къ лодкѣ и покупаетъ двухъ порядочныхъ осетриковъ, четыре рыбы кеты, нельму и двѣ таймени. Рыбакъ получаетъ за все это добро три рубля и, видимо, остается крайне доволенъ. Весла дружно ударяются о поверхность воды, и, какъ скорлупка, легкая лодочка быстро исчезаетъ изъ нашихъ глазъ.

Иду внизъ, къ себѣ, въ каюту. На встрѣчу попадается подполковникъ N., высокій, худой, въ кителѣ, безъ фуражки. Лысая голова его свѣтится до самыхъ ушей. Озабоченный, несетъ онъ пачку какихъ-то бумагъ. Вижу на нихъ бланкъ: „Наградной листъ".—„Ахъ, батюшки мои!—думаю—да вѣдь это, значитъ, онъ самый и завѣдуетъ этимъ дѣломъ. Надо съ нимъ быть полюбезнѣе. Только за что же насъ представлять будутъ? Должно быть, за Гиринъ. Дай-то Богъ поскорѣе пріѣхать, да взять его!"—И мнѣ уже представляется обширный китайскій городъ, съ кумирнями и башнями, обнесенный высокой стѣной. Наши войска окружили его. Осаждаютъ. Идетъ пушечная стрѣльба. Небо подернуто дымомъ, гремитъ канонада. Но потерь съ нашей стороны нѣтъ. Гродековъ стоитъ на холмѣ, верхомъ на сѣрой лошади, подобно Скобелеву. Кругомъ весь нашъ штабъ, тоже верхами. Поминутно кто-нибудь изъ насъ то скачетъ впередъ, на позицію, то возвращается и, держа руку подъ-козырекъ, какъ училъ Скобелевъ, докладываетъ Гродекову: „ваше превосходительство, приказаніе исполнено!"—становится на свое мѣсто.

Такъ раздумывалъ я, сидя въ своей каютѣ.

— Тукъ! тукъ!—стучится кто-то въ дверь. Вижу—заглядываетъ широко ухмыляющаяся физіономія Крапки.

— Кусать позалуйте!—докладываетъ онъ, поправляя на рукахъ бѣлыя нитяныя перчатки, и затѣмъ спѣшитъ оповѣстить тоже и другихъ. Толстая, черная, какъ смоль, коса, съ заплетеннымъ шолковымъ шнурочкомъ, болтается около самыхъ его пятъ.

Гродекова мы видимъ рѣдко—только за столомъ. Въ другое же время онъ почти не показывается. Разъ какъ-то удалось мнѣ уговорить его подняться на палубу, гдѣ я и снялъ весь штабъ вмѣстѣ съ нимъ, одной общей группой. Совершенно неожиданно для меня группа эта вышла очень удачно.

XI. — Харбинъ.

Если не ошибаюсь, 13-го сентября, поздно вечеромъ вдали замелькали электрическіе огни. Ближе, ближе;—огни все яснѣе, и пароходъ нашъ становится у пристани. Съ берега поспѣшно спускаются къ намъ на пароходъ командиръ корпуса генералъ Каульбарсъ, высокій, стройный блондинъ, уже пожилой, и еще два какихъ-то статскихъ господина, въ мундирахъ. Всѣ они проходятъ въ каюту къ Гродекову и что-то долго тамъ совѣщаются. Мы, штабные, собрались въ общей залѣ столовой и съ нетерпѣніемъ ожидаемъ, скоро ли кончится этотъ разговоръ, въ такое позднее время, когда пора идти спать. Вдругъ ко мнѣ подбѣгаетъ знакомый адъютантъ, добродушнѣйшій и милѣйшій господинъ, и съ исказившимся, недовольнымъ лицомъ кричитъ:

— Каковъ скандалъ! слышали! Гиринъ взятъ!

— Какъ? можетъ ли быть?—говорю.

— Да! да! Рененкампфъ безъ боя занялъ! Вотъ вамъ и награды. Вотъ вамъ и чины, и кресты!—Похлопывая себя руками по тучнымъ бедрамъ, онъ быстро направляется сообщать другимъ эту, столь непріятную для всѣхъ насъ, новость.

„Гдѣ онъ это узналъ? Подслушалъ, что̀-ли? Можетъ быть, еще и неправда!“—думается мнѣ. Но нѣтъ. Вскорѣ въ общую каюту къ намъ входитъ командующій и тихимъ, ровнымъ голосомъ объявляетъ:

— Господа, Гиринъ взятъ генераломъ Рененкампфомъ!—и затѣмъ обратно уходитъ къ себѣ, гдѣ еще оставались Каульбарсъ и другіе.

— Ну, вотъ, что̀ сидѣли въ Хабаровскѣ,—вотъ и прозѣвали! Сидимъ, сидимъ—конца нѣтъ! Сколько говорили: „пора, пора ѣхать!“—такъ ворчалъ мнѣ на ухо все тотъ же адъютантъ. Онъ страшно недоволенъ.

— Посмотрите-ка, — говорю ему, заглядывая въ окно каюты, гдѣ засѣдало начальство:—какой Каульбарсъ-то грустный!

— Будешь грустный, когда изъ-подъ носа награды выхватили! Вотъ теперь дожидайся! Второго Гирина не найдешь! — продолжалъ плакаться мой пріятель, и его красное, лоснящееся лицо, казалось, ежеминутно было готово омрачиться слезами.

— А кто же, вонъ, тотъ полный господинъ? — спрашиваю.

— А это Юговичъ, строитель желѣзной дороги. Его очень хвалятъ. Хорошій господинъ; семьдесятъ тысячъ въ годъ полу-

чаетъ — можно жить! А вотъ тутъ на сто-двадцать рублей въ мѣсяцъ немного разгулнешься!

— А другой, высокій, кто?

— А это помощникъ его—Игнаціусъ!

Черезъ нѣсколько минутъ гости наши удаляются, и мы расходимся по каютамъ.

Солнышко только выглянуло на горизонтѣ, какъ я уже былъ на берегу. Наканунѣ, въ темнотѣ, ничего нельзя было разглядѣть. Теперь же солнце свѣтитъ ясно, и окрестности отлично видны. Сунгари и здѣсь красавица. Пристань на высокомъ берегу. Рабочій людъ кишмя кишитъ. Все больше русскіе, — китайцевъ мало. Они еще не собрались послѣ войны. Вдоль набережной грудами свалены всевозможныя принадлежности желѣзной дороги: рельсы, шпалы, скрѣпленія, кровельное желѣзо, разные болты, костыли, телеграфная проволока, шкалики и т. п. Позади этихъ складовъ, нѣсколько ниже, тянутся ряды построекъ. Мѣстность эта получила названіе „Пристань". Постройки всѣ временныя, что называется, на живую нитку. Походятъ скорѣе на балаганчики или карточные домики. По другую сторону рѣки виднѣются высокія, бѣлыя, одинокія трубы, подобно какимъ-то египетскимъ обелискамъ. Это дымовыя трубы, оставшіяся отъ погорѣвшихъ нашихъ желѣзно-дорожныхъ построекъ, разрушенныхъ китайцами во время безпорядковъ. Ни одного дома, ни одной клѣтушки, ни одного забора тамъ не было оставлено. Китайцы все сожгли, все уничтожили.

Хотя взрывъ китайскаго негодованія противъ русскихъ въ Харбинѣ давно подготовлялся,—чѣмъ онъ вызывался, какими соображеніями, я не могу сказать,—но вотъ, между прочимъ, какую курьезную причину слышалъ я отъ лицъ, заслуживающихъ полнаго довѣрія.

Одинъ изъ служащихъ на желѣзной дорогѣ завелъ у себя ручного медвѣдя. Шалить ли медвѣдь сталъ, или надоѣлъ хозяину, не знаю,—только его убили. Сняли шкуру, сало вытопили, а лапы и окорока пошли на ѣду. Кто-то изъ недоброжелателей русскихъ, должно быть переводчики, и распространили слухъ между китайцами, что-де, вотъ, русскіе убиваютъ китайскихъ рабочихъ, ѣдятъ ихъ, а саломъ смазываютъ паровозы. Въ доказательство же своихъ словъ они начали показывать ободранную лапу медвѣдя, которая, какъ извѣстно, имѣетъ немалое сходство съ человѣческой. Этотъ пустой слухъ имѣлъ громадный успѣхъ. Тысячи рабочихъ разомъ бросили работу, такъ что администра-

ція дороги очутилась безъ рукъ. Какъ китайцамъ ни объясняли, какъ имъ ни доказывали,—ничѣмъ не могли убѣдить.

Въ концѣ концовъ они нѣсколько успокоились, когда имъ зарѣзали другого медвѣдя и показали лапы. Вотъ какія, въ сущности, дѣти эти китайскіе рабочіе.

Съ пристани уѣзжаемъ въ поѣздѣ въ Старый-Харбинъ, гдѣ для командующаго войсками и для его штаба былъ приготовленъ домъ, или, какъ здѣсь называютъ, „дворецъ" Юговича, и домъ Игнаціуса. На полъ-пути между Пристанью и Старымъ-Харбиномъ виденъ Новый-Харбинъ. Здѣсь уже возвышаются красивыя двухъ-этажныя каменныя постройки: помѣщеніе для корпуснаго командира, его штаба, госпиталь и другія.

На станціи Старый-Харбинъ насъ ожидали экипажи. Садимся и торжественно ѣдемъ черезъ весь городокъ къ нашему новому помѣщенію. Проѣзжаемъ казармы охранной стражи,—мимо квартиры начальника этой стражи, полковника Гернгросса, русско-китайскаго банка и другихъ. Все это временные плохенькіе домики, скорѣе похожіе на малороссійскія мазанки. Понятно, что среди такихъ строеній домъ Юговича, красивой архитектуры, съ высокими окнами, окруженный тѣнистымъ садомъ, казался дворцомъ. Въ сущности же онъ походилъ на обыкновенный домъ зажиточнаго помѣщика прежнихъ временъ. То же самое представлялъ и домъ Игнаціуса. При этомъ необходимо добавить, что хозяева много позаботились объ насъ,—спасибо имъ. Оба эти дома были обставлены съ полнымъ комфортомъ. Даже разостланы ковры во всѣхъ комнатахъ.

На обширномъ дворѣ у подъѣзда генералъ-губернатора выстроился для встрѣчи, въ парадной формѣ, весь генералитетъ Харбина. Гродековъ выходитъ изъ коляски и со всѣми здоровается. Кромѣ знакомыхъ уже намъ Юговича и Игнаціуса, здѣсь былъ нашъ политическій агентъ въ Манчжуріи, Люба, полный, добродушный мужчина, съ красноватымъ лицомъ и со вздернутымъ носомъ. Затѣмъ начальникъ охранной стражи,—высокій, худощавый симпатичный блондинъ, полковникъ Гернгроссъ, въ мундирѣ пограничной стражи, съ зеленымъ приборомъ. Кромѣ того, всѣ начальники отдѣльныхъ частей. Размѣстились мы великолѣпно. Штабъ—въ домѣ Игнаціуса, а командующій войсками—у Юговича. Сами же хозяева перебрались въ скромные домики охранной стражи. Первые дни мы ничѣмъ другимъ не занимались здѣсь, какъ визитами. Экипажи и лошадей доставали или у Юговича, или у Гернгросса.

Какъ-то присылаетъ мнѣ Гернгроссъ коляску, запряженную

тройкой рѣзвыхъ вороныхъ лошадей. Сажусь въ нее и кричу кучеру:

— Ступай къ господину Даніэль,—знаешь?

— Такъ точно, знаю-съ,—отвѣчаетъ тотъ. На немъ кумачевая рубаха, бархатная безрукавка и ямская шляпа съ павлиньимъ перомъ. Ѣдемъ. Погода прекрасная. Дорога ровная, какъ скатерть. Мѣстность открытая, слегка волнистая.

„Вотъ такъ война!—думается мнѣ.—Вотъ такъ Китай! Живешь какъ дома. Ѣшь, пьешь отлично! Спишь спокойно! Катаешься себѣ на тройкахъ! Когда же наконецъ на войну попадемъ?“ И я сильно начинаю опять сожалѣть, что Гиринъ сдался не Гродекову, а Рененкампфу. Къ наградамъ представили бы навѣрное. А вотъ теперь дожидайся, когда подвернется такой случай. Второго Гирина, дѣйствительно, не будетъ.

— Тпр-р!—кричитъ кучеръ и лихо останавливаетъ разгорячившихся лошадей у подъѣзда низенькаго дома. Звоню. Выходитъ служитель.

— Что, господа дома?

— Никакъ нѣтъ! Баринъ въ канцеляріи, а барыня куда-то вышли!

— Передай карточки!—Сажусь опять въ экипажъ и кричу: —Ступай въ Новый-Харбинъ!—А до него верстъ пять будетъ. Тройка рѣзво подхватываетъ, и, мягко покачиваясь на эластичныхъ рессорахъ, подъ громыханье бубенчиковъ, я снова предаюсь своимъ прерваннымъ мечтамъ.

XII.—Отъ Харбина до Цицикара.

Такъ, черезъ недѣлю времени получаю предписаніе поѣхать въ Цицикаръ и осмотрѣть войска, въ смыслѣ,—какъ было сказано въ бумагѣ,—пищи, одежды и помѣщенія. Хотя мнѣ страстно хотѣлось попасть въ Гиринъ, эту столицу Манчжуріи, но разсуждаю,—ежели я теперь не повидаю Цицикара, то потомъ уже не придется побывать въ немъ. А городъ этотъ тоже долженъ быть интересенъ. Сборы не велики. Приказываю Ивану взять только самое необходимое и на другой день рано утромъ отправляюсь на пристань. Какъ разъ туда же ѣхалъ генералъ Д., широкоплечій, осанистый. Борода круглая, съ просѣдью. Направляемся вмѣстѣ. До пристани верстъ восемь. Здѣсь садимся на пароходъ и переѣзжаемъ черезъ Сунгари.

Мостъ еще только строился. Мѣстность, гдѣ долженъ помѣ-

щаться вокзалъ, называется „Затонъ". Здѣсь до войны были сосредоточены всѣ главныя желѣзнодорожныя постройки, депо локомотивовъ, вагоновъ и всевозможныхъ матеріаловъ для желѣзной дороги. И вотъ здѣсь-то и произошла главная катастрофа при возмущеніи китайцевъ. Непріятель бросился сюда. Наши отступили, и все, что тутъ находилось, было сожжено. Трудно представить, какую картину разрушенія представляло это мѣсто. Сунгари образуетъ здѣсь маленькій заливъ или затонъ, почему такое названіе и получила самая пристань. Тянулись цѣлые ряды обгорѣлыхъ дымовыхъ трубъ, фундаментовъ и бревенъ. Стояли поломанные и сожженные вагоны, обгорѣлые и испорченные локомотивы. Куда ни взглянешь, вездѣ валялись рельсы, скрѣпленія, проволока, желѣзо, трубы, части машинъ, котлы, краны и т. п.

— Сколько тутъ денегъ истрачено! Сколько трудовъ положено! Какія ужасныя потери!—толковали мы съ генераломъ Д., разсматривая эту картину.

— Но гдѣ же поѣздъ? Вѣдь дали знать, что въ восемь часовъ пойдетъ,—баситъ мой генералъ.

— А вотъ я пойду, поищу начальника станціи! — говорю ему. Направляюсь мимо множества разныхъ мелкихъ построекъ-шалашей, балагановъ, навѣсовъ, палатокъ, гдѣ временно помѣщались служащіе на дорогѣ. Прыгаю черезъ груды обгорѣлыхъ матеріаловъ, винтовъ и другихъ вещей. Поднимаюсь на гору, и здѣсь, у телеграфной станціи нахожу начальника.

— Скажите, пожалуйста, когда же пойдетъ поѣздъ въ Цицикаръ? —спрашиваю.

— Поѣздъ ходитъ два раза въ недѣлю, и то только легкіе паровозы. Тяжелые не могутъ еще проходить. Вчера вечеромъ одинъ ушелъ и теперь пойдетъ дня черезъ три.

— Какъ же намъ дали знать, что сегодня утромъ пойдетъ?— съ удивленіемъ восклицаю.

— Не знаю-съ,—невозмутимо отвѣчаетъ тотъ.

Иду къ генералу и объясняю ему.

— Какъ же быть? Значитъ, назадъ надо ѣхать!—говорю.

— А попробуемъ дрезину достать!—возражаетъ онъ.

Идемъ искать начальника дистанціи. Этотъ оказался гораздо любезнѣе и сговорчивѣе.

— Вы отсюда проѣдете въ товарномъ вагонѣ, — двѣ станціи,—а затѣмъ васъ будетъ ожидать дрезина, и вы поѣдете на ней,—говоритъ онъ. И дѣйствительно, часа черезъ два подходитъ паровозъ и товарный вагонъ, съ нѣсколькими платформами

съ матеріаломъ. Мы усаживаемся и трогаемся. Путь еще не ремонтировался и ничего не было устроено какъ слѣдуетъ. Ѣздили осторожно. Въ одномъ мѣстѣ былъ совершеннѣйшій разливъ. Дороги не видно. Поѣздъ нашъ идетъ, какъ говорится „по морю, яко по суху". Двигаемся еле-еле. Вотъ машинистъ высунулся съ паровоза всѣмъ туловищемъ и, придерживаясь за скобу, пристально слѣдитъ, какъ пройдетъ послѣдняя платформа. Не только что рельсъ, но даже и колесъ не видно. Вода чуть не заливаетъ къ намъ въ вагонъ. Ѣдемъ на ура. Но Богъ милостивъ, минуемъ разливъ благополучно. Садимся на дрезину. Позади насъ становятся дорожный мастеръ, затѣмъ мой Иванъ и шесть солдатъ съ ближайшаго поста. Солдаты складываютъ ружья на полъ и принимаются вертѣть колесо. Мы очень удобно и спокойно подаемся впередъ. Предстояло проѣхать такимъ способомъ около двухсотъ верстъ. Сначала такое путешествіе мнѣ очень нравилось. Мѣстность совершенно открытая, и вѣтеръ гулялъ сильно. Хотя я и тепло одѣтъ, но порядочно продувало. Я завидую рабочимъ, которые такъ трудятся у колеса, что даже шинели скинули. Путь очень плохъ. Много шпалъ совершенно негодныхъ. Ихъ слѣдовало бы смѣнить, да некому. Путевыхъ сторожей нѣтъ и будокъ не видно. Вотъ мы поднялись въ гору. Дальше—длинный и очень крутой спускъ. Онъ обозначался густой желтоватой полосой травы, такъ что ни рельсъ, ни шпалъ не видно. Мѣстами эта трава вровень съ нашими головами. Рабочіе начинаютъ усиленно вертѣть колесо. Шибче, шибче. Дрезина летитъ какъ бѣшеная. Просто духъ захватываетъ. Пожалуй, со скоростью версты въ минуту несемся. Ну, думаю, ежели въ этой травѣ попадется какое препятствіе,—камень или животное—бѣда: искалѣчимся. Солдаты перестаютъ вертѣть, а дрезина еще далеко летитъ по инерціи. Но все обходится благополучно, и мы опять съ трудомъ взбираемся на гору. Въ особенности было трудно подниматься противъ вѣтра,—тогда хоть выходи вонъ, да тащи за собой дрезину. Ночевать пріѣхали мы въ N-й баталіонъ пѣхотнаго полка. Онъ стоялъ въ полуверстѣ отъ дороги, въ имѣніи одной богатой китайской вдовы.

Домъ, какъ и всѣ богатые китайскіе дома, находился за высокими стѣнами. Офицерству уже дали знать о прибытіи генерала Д., и поэтому оно высыпало встрѣчать насъ. Чуть не подъ руки ведутъ, усаживаютъ, ухаживаютъ за нами.

— Ну, какъ же вы тутъ поживаете?—спрашиваетъ генералъ, снимая пальто и шашку.

— Ничего, ваше превосходительство, помаленьку живемъ!—

отвѣчаетъ высокій, худощавый баталіонный командиръ съ черной бородой. Другіе офицеры, въ это время, кто свѣчи зажигаетъ, кто торопится чай приготовить, кто консервы откупориваетъ. На столѣ, среди просторной комнаты, живо появляется закуска. Беру свѣчу и въ сопровожденіи молоденькаго, очень милаго и добродушнаго адъютанта, въ кителѣ, обхожу комнату. Меня очень интересуетъ ея обстановка. Мебель превосходная. Какія прелестныя скамейки, табуреты, столы—все краснаго дерева. Даже самыя каны, и тѣ чуть ли не изъ того же дерева. Иду дальше. Осматриваю двери, окна, даже потолки. Всѣ они изукрашены затѣйливой, тонкой рѣзьбой и тоже краснаго дерева. Я хожу и любуюсь. Подобной обстановки мнѣ еще не приходилось встрѣчать.

— А что̀, господа, нѣтъ ли у васъ китайскихъ божковъ?— спрашиваю, возвращаясь съ осмотра.

— А вонъ тамъ ихъ цѣлый столъ стоитъ. Выбирайте себѣ, какой понравится! — возглашаетъ баталіонный. Онъ сидитъ съ моимъ генераломъ и что-то разговариваетъ. Подхожу къ столу, смотрю—на немъ красуются бронзовые боги, всевозможныхъ формъ и величинъ. Есть большіе, въ полъ-аршина вышиной. Есть маленькіе—вершка въ полтора. Одинъ богъ сидитъ поджавши ноги и улыбается. Другой—оскалилъ зубы и бросаетъ свирѣпые взоры. Тутъ же лежатъ бронзовые музыкальные инструменты, въ родѣ нашихъ флейтъ и валторнъ, чрезвычайное интересные. Я—въ восторгѣ. Разсматриваю все это и уже соображаю, что̀ бы поинтереснѣе увезти. Вдругъ слышу позади себя грозный, басистый голосъ моего спутника.

— Это все военная добыча. Этого нельзя трогать. Это все должно въ музей идти.—Подходитъ къ столу, хватаетъ первую попавшуюся бумагу—и давай завертывать. Хозяева наши, офицеры, смотрятъ и удивляются, что̀, дескать, случилось съ генераломъ. Былъ такой смирный, тихій, а тутъ ровно белены объѣлся. Тѣмъ временемъ генералъ стремительно все завертываетъ, завязываетъ и проситъ хозяина все это отправить въ Харбинъ.

— Ну, ладно же. Немного музей получитъ, ежели такъ поступать будутъ! — ворчатъ офицеры, собравшись около меня въ кружокъ.

— Помилуйте, я для себя берегъ. Единственнаго божка, и того отняли. Я лучше бы вамъ его отдалъ!—лепечетъ мой пріятель адъютантъ, чѣмъ еще больше усугубляетъ мою горечь. Генералъ же, какъ ни въ чемъ не бывало, допиваетъ чай и преспокойно отправляется спать, предоставляя офицерамъ ворчать,

сколько ихъ душѣ угодно. Въ эту минуту я ужасно былъ золъ на него.

Чуть свѣтъ выхожу на маленькій дворикъ. Передъ самымъ домомъ возвышаются двѣ фамильныя усыпальницы, съ надгробными плитами. Рядомъ—часовенька, съ очагомъ для домашняго богослуженія. Все очень аккуратно и красиво отдѣлано мелкими кирпичами. Черезъ нѣкоторое время всѣ мы идемъ смотрѣть кумирню, находящуюся въ полуверстѣ отъ импани. Мѣстность степная, открытая. Солнце ярко кругомъ свѣтитъ. На безпредѣльномъ горизонтѣ виднѣются сѣрые, песчаные холмы, покрытые пожелтѣвшей травой.—Здѣсь Монголія, — разсуждаю про себя. Недавно мы и станцію проѣхали, которая называлась „Монголія".

Удивительно красиво предстала нашимъ глазамъ эта кумирня. Она хотя и не отличалась какимъ-либо особымъ богатствомъ и роскошью отдѣлки отъ тѣхъ, что я видѣлъ въ Хунчунѣ, но здѣсь она стояла одиноко въ степи, и поэтому, вѣроятно, и производила такое особое впечатлѣніе. Какъ водится, ее окружала стѣна. По близости былъ домъ для служащихъ и еще одно маленькое строеніе, гдѣ помѣщались, должно быть, заштатные боги и разная богослужебная рухлядь.

Внизу, въ кумирнѣ, боговъ не было. Отъ нихъ валялись только черепки, обрывки одеждъ, да кое-гдѣ бороды и усы. Самые же боги, какъ я и ожидалъ, были уничтожены. Стояли однѣ голыя стѣны. Поднимаемся наверхъ, во второй этажъ. Ступени, высѣченныя въ стѣнѣ, поросли зеленымъ мохомъ, почему я сужу, что кумирня эта должна быть древняя. Наверху я нашелъ двѣ божественныя картины, писанныя на кожѣ. Поскорѣй свертываю ихъ, пока не видитъ генералъ Д., уношу къ себѣ и передаю спрятать Ивану.

Спутникъ же мой, генералъ, въ свою очередь тоже не терялъ времени. Онъ нашелъ много разныхъ картинокъ, богослужебныхъ масокъ и музыкальныхъ инструментовъ. Все это опять-таки было отправлено имъ въ Харбинъ, для хабаровскаго музея.

Такъ, черезъ часъ времени, простившись съ гостепріимными хозяевами, садимся на дрезину и ѣдемъ. Отсюда до конца дороги стояли посты отъ N-го баталіона. Одинъ изъ солдатъ, сопровождавшихъ насъ, еще версты за двѣ и даже за три не доѣзжая новаго поста, трубилъ въ сигнальный рожокъ, чѣмъ и давалъ знать о нашемъ приближеніи. Смѣна быстро выстраивалась, и лишь только мы подъѣзжали, какъ она заступала свое

мѣсто. При одной такой смѣнѣ, возлѣ небольшого мостика, выходимъ съ генераломъ съ дрезины, поразмять ноги. Кругомъ, далеко протянулись обширныя болота, покрытыя камышами. По близости—небольшое озеро. Утки, гуси и другая болотная птица во множествѣ плаваютъ и подпускаютъ совсѣмъ близко. У моста стоитъ довольно большая лодка. Она вровень съ краями навалена рыбой, похожей на нашихъ налимовъ, только еще длиннѣе, такъ—аршина полтора.

— Что, ребята, это вы столько рыбы наловили?—спрашиваю солдатъ.

— Никакъ нѣтъ, ваше высокоблагородіе, мы только лодку поставимъ съ вечера, а къ утру она сама полная навалится,—отвѣчаетъ одинъ бойкій, черноватый солдатъ.

— Такъ никто ее и не ловитъ?

— Никакъ нѣтъ! мы кажинное утро пудовъ по восемьдесятъ ея наберемъ. По постамъ разсылаемъ, китайцамъ даемъ. Дѣвать некуда! — весело разсказываетъ онъ. Подхожу ближе къ этому чуду и смотрю. Вдругъ нѣсколько рыбъ выпрыгиваютъ изъ лодки и пропадаютъ въ водѣ. Взамѣнъ ихъ, одна за другой, изъ воды выпрыгиваютъ тоже нѣсколько и попадаютъ въ лодку.

— Дай-ко мнѣ нѣсколько рыбокъ!—кричу я.—Давай штукъ пять-шесть! увеземъ ихъ въ Цицикаръ. Тамъ сваримъ, попробуемъ, вкусная ли?

— Очень сладкая уха изъ нея, ваше высокоблагородіе,—одобряютъ солдаты.

— Вотъ вѣдь, напиши я въ газетѣ о такомъ чудѣ—не повѣрятъ. Скажутъ, пули льетъ!—говорю моему спутнику дорогой.

— Еще бы! понятно, не повѣрятъ! Гдѣ же слыхано, чтобы рыба сама въ лодку лѣзла?—бормочетъ тотъ, видимо довольный и ночлегомъ, и посѣщеніемъ кумирень, гдѣ ему посчастливилось совершить такое богатое пріобрѣтеніе для музея.

XIII. — Цицикаръ.

Но вотъ и конецъ нашего путешествія на дрезинѣ. Впереди тянется длинный обгорѣлый поѣздъ. Сначала идутъ платформы, затѣмъ и самый паровозъ. Но, Боже, что онъ изъ себя представляетъ! Какъ китайцы обработали его! Все, что мѣдное, всѣ мелкія части, все снято, отвинчено, отломано. Обхожу паровозъ кругомъ. Котелъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ чѣмъ-то проткнутъ и представлялъ голый остовъ. Нетронутыми остались только ко-

леса, съ которыми эти новые мастера ничего не могли подѣлать.

Поднимаемся въ гору. Раскинуто нѣсколько палатокъ. Здѣсь, очевидно останавливаются всѣ прибывающіе и отъѣзжающіе. Отсюда до Цицикара тридцать верстъ. Городъ остается въ сторонѣ отъ желѣзной дороги, которая направляется на мѣстечко Фулярди. До него еще двѣнадцать верстъ. Мы находимъ здѣсь лошадей и тарантасъ командира пѣхотнаго полка. Садимся въ экипажъ и ѣдемъ въ Цицикаръ. Дорога живописная. По пути встрѣчается много деревень. Почва—довольно песчаная. Жителей не видно. Поля не убраны. Жалость смотрѣть, какъ этотъ чудный переспѣлый хлѣбъ, черный высокій каулянъ и золотистая чумидза пропадали на корню. По дорогѣ, изъ-подъ ногъ лошадей, поминутно выпархивали фазаны. Такого количества ихъ, какъ здѣсь, я еще нигдѣ не встрѣчалъ. Говорили мнѣ потомъ, что китайцы ловятъ ихъ около Цицикара просто голыми руками. Какъ это они умудряются дѣлать—не знаю.

Въѣзжаемъ въ обширную деревню. Ни души не видно. Коегдѣ бѣгали черныя свиньи, виляя своими крючковатыми хвостиками. Хрюкали и рылись острыми мордами въ навозѣ. Повсюду валялся разный хламъ, тряпки, корзины, вороха одеждъ и разная поломанная домашняя утварь. За стѣнами виднѣлись крыши зажиточныхъ хозяевъ. Ворота крашенныя, съ изображеніемъ какихъ-то чудовищъ, крѣпко заколочены. Не иначе, думаю, что дома эти кто-нибудь да караулитъ. Не можетъ быть, чтобы они были совершенно пустые.

Ѣдемъ уже часа два. Подъѣзжаемъ къ широкому полю чумидзы. И вдругъ—какая для меня радость!—вижу, жители убираютъ хлѣбъ. Здѣсь, въ Манчжуріи, встрѣчаю это впервые. Жаль, что нельзя выскочить изъ экипажа, да поближе посмотрѣть, чѣмъ они косятъ. Точно какимъ-то коротенькимъ ножомъ, въ видѣ крюка, посаженнаго на палку. Послѣ той безлюдной мѣстности, по которой мы ѣхали отъ Харбина, очень пріятно было видѣть подобную картину. Вонъ, одинъ пожилой китаецъ, безъ шапки, голова, почти до самаго затылка, бритая, жиденькая косичка закинулась ему за плечи; онъ старательно машетъ своимъ крюкомъ, подкашивая хлѣбъ. Неподалеку вяжетъ снопы, должно быть, жена его въ черномъ балахонѣ. Волосы ея заколоты въ пучокъ широкой металлической шпилькой. По близости двое дѣтишекъ, лѣтъ четырехъ, играютъ, шалятъ, кувыркаются. Косички ихъ такъ и болтаются. Но, вотъ, китаецъ замѣтилъ нашу повозку и пристально всматривается. Синяя одежда на немъ очень ветхая.

На боку болтается ножикъ и какая-то подвѣска, въ видѣ маленькой тыквы. Онъ какъ занесъ свой крюкъ, чтобы подрѣзать солому, да такъ и застылъ въ этомъ положеніи. Видно, крайне интересны показались ему и лошади, и тарантасъ нашъ, а можетъ быть и сами сѣдоки. Вѣдь у нихъ ѣздятъ только шагомъ, въ крытыхъ телѣжкахъ о двухъ колесахъ. Въ ней ни лечь, ни сѣсть какъ слѣдуетъ. Для европейца подобный экипажъ—совершенная пытка. А тутъ все иначе. Какъ не посмотрѣть! Подаемся еще верстъ пять-шесть, и вдали затемнѣли городскіе сады, рощи, остроконечные верхи различныхъ построекъ, башенъ, кумирень, надгробныхъ памятниковъ и тріумфальныхъ арокъ.

Я весь точно ухожу въ этотъ заколдованный для меня китайскій міръ. — Что за красота! что за удивительная архитектура!—Издали всѣ эти постройки кажутся однообразны и дѣланы по одному шаблону. Различіе состоитъ только въ отдѣлкѣ и украшеніи. Вотъ хотя бы эта арка! Крыша такая же остроконечная. Только углы другіе, нежели тѣ, которые я видѣлъ въ Хунчунѣ. Черепица, хотя въ общемъ и такая же, стаканчикъ въ стаканчикъ, но внизу украшена разноцвѣтными изразцами.—Какъ красиво! Какая прелесть!—невольно восклицаю. А вонъ влѣво отъ дороги стоятъ бѣлыя ворота! Изъ мрамора онѣ, или изъ какого бѣлаго камня,—не знаю. Останавливаться и подбѣгать смотрѣть не хочется. На воротахъ изображены животныя, похожія на львовъ. А вонъ тамъ дальше,—это что за диковина? Громадная каменная черепаха и въ нее вставлена, саженей 5—6 высоты, каменная доска. Одна сторона черная гладкая и на ней надпись. Въѣзжаемъ въ ворота. Китайцевъ толчется пропасть. Здѣсь уже начинается городъ, и ѣхать приходится осторожно. Я таю отъ восторга. Передо мной китайскій городъ, въ его мирной обстановкѣ. Жизнь такъ и кипитъ! Впереди протянулась длинная, широкая улица. По обѣ стороны ея виднѣются ряды низенькихъ каменныхъ домиковъ, съ черепичными остроконечными крышами. Дома эти представляютъ сплошные торговые ряды,—все лавки и магазины. Передъ ними возвышаются разноцвѣтные столбы, точно мачты. Они украшены рѣзьбою, съ изображеніемъ драконовъ и другихъ чудовищъ, раскрашены и раззолочены. Во всю длину столбовъ идутъ золотыя надписи. Жаль только, не спросилъ я, что онѣ обозначали. Народу масса. Мы сразу попали на самую торговую улицу. Куда ни взглянешь—вездѣ китайцы съ лоточками и столиками. Вонъ, у того, что поближе, видно какое-то зеленоватое маслянистое тѣсто и въ немъ накрошенныя фисташки. Въ тѣсто воткнуто, на тоненькихъ палочкахъ, какое-то

печенье, облѣпленное пережженнымъ сахаромъ. Рядомъ, на землѣ, сидитъ старикъ на корточкахъ. Передъ нимъ растянута тряпка и на ней разложены—ножикъ, двѣ мѣдныя пуговицы, трубка для куренія опіума и сердоликовая фигурка въ родѣ лягушки,—вотъ и все. Немного дальше виднѣется шалашикъ изъ холста. Внутри протянуты веревочки, и всѣ онѣ увѣшаны мундштуками изъ агата, всевозможныхъ величинъ. И чѣмъ только тутъ не торгуютъ? Позади этихъ мелкихъ торгашей тянутся ряды настоящихъ лавокъ. Хозяева ихъ степенно сидятъ, въ своихъ разноцвѣтныхъ костюмахъ, разговариваютъ и посматриваютъ на проѣзжающихъ. На встрѣчу намъ попадается много китайцевъ верхомъ на мулахъ. Животныя эти мнѣ знакомы еще по текинскому походу, на границѣ съ Персіей. Тамъ персіяне тоже любятъ ѣздить на мулахъ. Это—крѣпкое и сильное животное. Оно обладаетъ неоцѣненнымъ даромъ—не спотыкаться. Нѣкоторые мулы—замѣчательнаго роста и красоты. Вонъ, ѣдетъ молодой китаецъ, въ черной шолковой курмѣ и въ шапкѣ съ синимъ шарикомъ. Мулъ подъ нимъ просто красавецъ, даже и уши не особенно длинны. А ноги-то какія стройныя, сухія, точно точеныя! Мы встрѣчаемъ и обгоняемъ много нашихъ солдатъ и офицеровъ. Всѣ они, видимо, чувствуютъ себя какъ дома. Вонъ, ѣдетъ на зеленой казенной одноколкѣ военный врачъ. Рядомъ съ нимъ—сестра милосердія. Оба они очень веселые, смѣются и разговариваютъ. За ними верхами скачутъ пѣхотные офицеры: одинъ въ кителѣ, другой въ тужуркѣ,—оба при шашкахъ. Кричатъ, разгоняютъ плетками встрѣчныхъ китайцевъ, хохочутъ и куда-то скрываются въ переулкѣ. Подъѣзжаемъ къ высокой башнѣ. За нею тянется солидная каменная стѣна, съ каменной же рѣшоткой. Вотъ и ворота съ башней! Подлѣ нихъ стоитъ нашъ часовой въ мундирѣ и съ ружьемъ. Тутъ раньше жилъ фудутунъ [1]). Теперь здѣсь комендантское управленіе и госпиталь. Дворъ большой. Передъ входомъ стоятъ два каменныхъ зеленыхъ льва на широкихъ бѣлыхъ каменныхъ же постаментахъ.

— Что̀ комендантъ дома?—кричитъ мой генералъ, когда мы остановились у самыхъ львовъ. Одинъ солдатъ бѣжитъ докладывать. Черезъ минуту выходитъ изъ фанзы низенькій докторъ, пожилой, со щетинистыми усами.

— Пожалуйте, ваше превосходительство, зайдите! сейчасъ за комендантомъ послали!—почтительно докладываетъ онъ.

— Ежели его нѣтъ, такъ помощникъ его долженъ быть

---

[1]) Губернаторъ.

дома!—сердито баситъ мой спутникъ.—Мнѣ должна быть отведена квартира. Въ ней я хозяинъ, а тутъ я гостемъ долженъ быть!

— Пожалуйста, зайдите! — упрашиваетъ докторъ.

— Не зайду! хоть цѣлый часъ буду сидѣть, а не выйду! Ночую тутъ! — кипятится Д.

— Эй, разыщите коменданта!—вторично кричитъ онъ. Докторъ, видя, что генералъ этотъ очень сердитый, предпочитаетъ удалиться, оставляя насъ сидѣть въ тарантасѣ.

Проходитъ съ полчаса времени. Мы все сидимъ. Коменданта нѣтъ. Мнѣ начинаетъ надоѣдать такое положеніе. Наконецъ является посланный, садится рядомъ съ кучеромъ и указываетъ, куда ѣхать. Черезъ нѣсколько минутъ заворачиваемъ въ узенькій переулочекъ и попадаемъ во дворъ. Здѣсь, въ очень чистенькой фанзѣ, богато отдѣланной, намъ отводятъ помѣщеніе. Генералъ успокоивается.

Я помѣстился въ одной фанзѣ съ профессоромъ Рудаковымъ. По странной случайности, онъ пріѣхалъ въ Цицикаръ, какъ и въ Хунчунъ, почти одновременно со мною.

Лишь только я немного устроился, отправляюсь прогуляться и посмотрѣть городъ. Начальнику гарнизона я рѣшилъ явиться на другой день. Иду туда, гдѣ больше всего народъ толпится. Тутъ былъ базаръ, въ родѣ нашей толкучки. Продается разная мелочь. Между пустяками можно наткнуться и на хорошую вещь.—Подхожу къ одному старику съ рѣденькой, сѣдой бородкой. На головѣ его—маленькая засаленная черная шапочка, въ родѣ еврейской ермолки. На плечахъ—синій ватный балахонъ. Передъ нимъ лежатъ браслеты изъ дерева и камня и два широкихъ костяныхъ кольца.

— Для чего эти кольца?—спрашиваю старика и указываю на нихъ.

Тотъ надѣваетъ кольцо на большой палецъ и представляетъ, какъ надо стрѣлять изъ лука, чтобы тетивой не попортить пальца. Пока я торговалъ эти вещи, вокругъ меня собралась порядочная толпа китайцевъ. Всѣ они широко улыбались, разговаривали, удивленно смотрѣли на меня, какъ на чудище, и, кажется, готовы были начать меня ощупывать. Отъ этого разносчика иду къ другому, третьему и т. д. Ихъ тутъ было безконечное количество. Я купилъ нѣсколько подвѣсокъ къ поясу, серебряныхъ, каменныхъ и деревянныхъ. Больше всего понравились мнѣ старинныя вещицы изъ слоновой кости въ видѣ маленькихъ божковъ и амулетокъ. — Выхожу на главную улицу. Здѣсь такая толкотня, что упаси Боже! Народъ толпами бродилъ по серединѣ

улицы и не думалъ давать дорогу. Китайцы совершенно спокойно гуляли. Они, очевидно, уже и забыли о войнѣ.

Хотя простой народъ замѣтно освоился уже съ присутствіемъ нашихъ войскъ, но торговля была еще далеко не въ полномъ разгарѣ. Болѣе половины лавокъ были закрыты.

На встрѣчу мнѣ идетъ китаецъ, переводчикъ коменданта. Я познакомился съ нимъ, сидя въ тарантасѣ на комендантскомъ дворѣ. Это молодой человѣкъ, безъ бороды и усовъ. Одѣтъ въ синій шолковый халатъ, а сверху—шолковая же черная курма. На головѣ—черная шапка съ красной шолковой бахромой и чернымъ перомъ, вставленнымъ въ стеклянную зеленую трубочку.

— Здравствуй, Иванъ! — кричу ему. — Всѣмъ китайскимъ переводчикамъ были даны наши же имена.

— Здравствуйте, ваше высокоблагородіе!—отвѣчаетъ тотъ, весело улыбается и кланяется, при чемъ дѣлаетъ рукой честь.

— Ты куда?

— Мнѣ базаръ нада! комендантъ посылалъ! Нада узнать, почемъ скотина продается, для войскъ цѣна знать!—коверкаетъ онъ фразу.

— Пойдемъ со мной на минутку! я хочу шолковое одѣяло купить. Не знаешь ли, чей тутъ магазинъ самый лучшій?

Переводчикъ направляется черезъ улицу. Въ своей широкой юбкѣ и кофточкѣ онъ имѣлъ совершенно видъ бабы. Да и на ногахъ-то у него вмѣсто сапоговъ какіе-то полотняные вышитые чулки на толстыхъ войлочныхъ подошвахъ. Иванъ подходитъ къ одному магазину. Тотъ запертъ. Стучитъ. Черезъ нѣкоторое время половинка дверей отворяется, и оттуда выглядываетъ китайская голова въ черной шапочкѣ съ красной шолковой кисточкой. Старикъ; глаза косые, борода рѣденькая. Начинается непонятный для меня китайскій разговоръ. Нѣкоторыя слова—далеко не благозвучныя.

— Хозяина дома нѣтъ! Гиринъ уѣхалъ. Продать ничего нельзя!—объясняетъ Иванъ.

— Ну, такъ спроси у него,—онъ вѣрно знаетъ, гдѣ можно купить!

— Опять начинается разговоръ.

— Вонъ та лавка,—тоже богатый хозяинъ, Мукденъ уѣхалъ,—погодить нада, когда вернется!—разсказываетъ переводчикъ. Дѣлать нечего, отпускаю его и иду домой.—Все бы можно достать въ городѣ, да жаль, хозяевъ нѣтъ!—думается мнѣ.

Проснулся я рано и осматриваюсь. Фанза просторная, свѣтлая. Окно чуть не во всю стѣну, рѣшетчатое, заклеено бумагою. По срединѣ вставлено небольшое стекло. Перегородка, отдѣляющая мою комнату отъ сосѣдней, тоже рѣшетчатая и тоже залѣплена бумагой. Всѣ онѣ изъ орѣховаго или такъ-называемаго въ Сибири бархатнаго дерева,—красиваго и очень прочнаго. Кана, на которой я лежу, тоже изъ того же матеріала. Полъ каменный. Все прочно и красиво. Видно, что хозяинъ дома—зажиточный.

— Профессоръ, вы встаете?—кричу сосѣду, заслышавъ его кашель.

— Встаю! пора!

Смотрю, у его подъѣзда уже стоятъ нѣсколько китайскихъ полицейскихъ и нашъ казакъ съ лошадью. Рудаковъ садится на лошадь и уѣзжаетъ. За нимъ спѣшитъ и вся его свита. Онъ ѣдетъ разыскивать по городу, въ казенныхъ архивахъ, печатныхъ книгъ, а также рукописей. Все, что найдетъ интереснаго, забираетъ и отправляетъ во Владивостокъ, въ институтъ восточныхъ языковъ. Надѣваю сюртукъ, шарфъ, шашку, сажусь въ тарантасикъ въ одну лошадь, которую мнѣ прислалъ докторъ изъ госпиталя, и ѣду являться начальнику гарнизона. Онъ стоялъ съ полкомъ въ укрѣпленной импани, верстахъ въ трехъ отъ города.

Дорога идетъ ровная, довольно песчаная. Солнце блеститъ и рѣзко очерчиваетъ вдали, на синемъ небосклонѣ, сѣрыя глиняныя стѣны импани. На стѣнахъ ея горделиво развѣвается по вѣтру наше трехцвѣтное знамя. Импань обширная, саженей сто въ квадратѣ. За ней виднѣется другая, а дальше третья. Всѣ—со сторожевыми башнями надъ воротами. На встрѣчу мнѣ ѣдетъ китайская повозка о двухъ колесахъ. Запряжены лошадь, а сбоку корова. Правитъ китаецъ въ войлочной шляпѣ съ широчайшими полями. За его спиной виднѣется женщина въ черной одеждѣ, съ ребенкомъ на рукахъ. Позади нихъ, во всю длину повозки развалились два нашихъ солдата. Они крѣпко спятъ, подложивъ руки подъ головы. Подъѣзжаю ближе къ импани. Стѣны вышиной около трехъ саженей. Каждая импань разсчитана приблизительно на баталіонъ пѣхоты, но можетъ вмѣстить въ себѣ, въ случаѣ надобности, гораздо больше. Кругомъ стѣнъ выкопаны рвы. Солдаты собрались кучками около кухонь. Кто мясо перемываетъ въ котлѣ, кто дрова колетъ, кто воду несетъ въ походныхъ котелкахъ. Нѣкоторые же, засунувъ руки въ карманы шароваръ, въ однѣхъ рубахахъ, стоятъ и наблюдаютъ. А вонъ тамъ, изо рва, торчатъ чьи-то черныя стриженыя головы. Одна

изъ нихъ быстро поднимается и превращается въ браваго, усатаго унтеръ-офицера. Онъ скоропалительно отдаетъ мнѣ честь и пропадаетъ. Кругомъ—тихо, мирно, незамѣтно никакой военной тревоги, точно дома. У воротъ пріютились съ лотками торговцы-китайцы. Сидя на корточкахъ, они преспокойно сбываютъ нашимъ солдатамъ свои товары. Одинъ продаетъ спички и табакъ. Другой—сладости, печенья и бѣлый хлѣбъ шариками, въ родѣ нашей просфоры. Солдаты, какъ мухи, облѣпили торговцевъ. Слышенъ говоръ, восклицанія и здоровый веселый смѣхъ. Въѣзжаю въ ворота. Дворъ обширный, гладкій и такъ убитъ, что напомнилъ мнѣ наши гумна или тока,—хоть горохъ молоти. Вдали виднѣется чистенькая фанза, а передъ ней полковое знамя, орудіе и полковой денежный ящикъ. Все это завершаетъ часовой съ ружьемъ. По сторонамъ тянутся солдатскія фанзы. Повозка моя останавливается. Я вылѣзаю.

— Ну, коли не умѣете ротой командовать, такъ нечего и служить! Подавайте рапортъ о болѣзни!—слышу чей-то рѣзкій голосъ, и изъ-за угла показывается маленькая, угловатая фигура пожилого офицера въ тужуркѣ. Усы щетинистые, подбородокъ бритый.

Я представляюсь.

— Пожалуйте-съ, входите въ домъ, я сейчасъ!—проситъ тотъ, и указываетъ мнѣ рукой на двери. Иду. За спиной слышу, какъ онъ продолжаетъ читать нравоученіе своему офицеру, высокому, красивому поручику брюнету, въ мундирѣ, при шашкѣ и револьверѣ,—должно быть, дежурному по полку.

„Охъ!—думается мнѣ:—не желалъ бы я служить у такого начальника! Ужъ больно строгъ онъ, да и нецеремоненъ въ выраженіяхъ“... Не прошло и получаса, какъ уже я ѣхалъ обратно въ Цицикаръ.

Прежде чѣмъ заняться моими служебными дѣлами, я страстно желалъ посмотрѣть здѣшнія казенныя учрежденія. Ѣду къ коменданту. Въѣзжаю во дворъ, вижу—комендантъ, пожилыхъ лѣтъ капитанъ, въ мундирѣ и въ высокой мохнатой сибирской черной папахѣ, слѣзалъ съ лошади. Я знакомлюсь съ нимъ и говорю:

— Нельзя ли, капитанъ, взглянуть на здѣшнее полицейское управленіе?

— А пойдемте, я вамъ покажу; оно близёхонько отсюда!—Подходимъ къ воротамъ. Домъ обнесенъ каменными стѣнами. За воротами сейчасъ же возвышалась небольшая стѣнка въ видѣ ширмъ, для того, чтобы въ случаѣ, ежели залетитъ во дворъ

злой духъ, такъ онъ долженъ разбиться объ нее. И ужъ только за этой стѣнкой помѣщалось управленіе. Поднимаемся нѣсколько ступеней. Насъ встрѣчаетъ самъ полиціймейстеръ, китаецъ, почтенный старикъ, безъ бороды и усовъ, очень подвижной. Весь въ шелку: халатъ на немъ синій шолковый, курма коричневая, съ широкими разводами. Шапка съ красной шолковой бахромой и съ синей стеклянной шишкой. За нимъ слѣдовала цѣлая толпа его помощниковъ, разныхъ писарей и служащихъ. Полиціймейстеръ беретъ коменданта и меня подъ руку и ведетъ въ свѣтлую комнату. Каны устланы красными суконными подушками. Посреди столъ, покрытый краснымъ же сукномъ. Не успѣли мы сѣсть, какъ уже намъ подаютъ чай и разныя печенья, въ родѣ нашихъ бисквитъ. Самъ полиціймейстеръ безпрестанно обращается ко мнѣ черезъ переводчика съ вопросами, какъ я доѣхалъ? благополучно ли? надолго ли? сколько мнѣ лѣтъ? что̀ буду дѣлать здѣсь? и т. д. По китайскимъ обычаямъ надо̀ было на все это съ выдержкой отвѣчать и тоже спрашивать. Но мнѣ это показалось очень скучно. Меня интересовала обстановка комнаты. Въ особенности же подмывало увидать орудія пытокъ и чѣмъ китайцы наказывали виновныхъ. Встаю̀ и начинаю тихонько осматривать, гдѣ что̀ лежитъ. Полиціймейстеръ съ удивленіемъ смотритъ, что̀ я хочу дѣлать. Заглядываю въ сосѣднюю комнату. Тамъ писарь китаецъ, наклонившись надъ столомъ, старательно что-то писалъ кисточкой на тонкой бумагѣ, уперевъ ее совершенно перпендикулярно къ бумагѣ. Онъ удивительно ловко и четко выводилъ свои хитрые знаки. Тушь имѣетъ то дорогое свойство, что не требуетъ просушиванія, какъ чернила. Только написалъ, сейчасъ же складывай письмо,—уже просохло. Въ одномъ углу нахожу бамбуковую палочку, съ ручкой, обмотанной парусиной. Конецъ палочки запачканъ чѣмъ-то краснымъ. Я беру ее и показываю полиціймейстеру. Какъ онъ, такъ и помощникъ его и всѣ присутствующіе начинаютъ весело смѣяться моей находкѣ.

— Что̀ это за палочка?—спрашиваю переводчика.

— Это, ваше высокоблагородіе, бамбуковая палка, которою бьютъ арестантовъ по ладонямъ.

— Такъ, значитъ, это кровь на концѣ?

— Такъ точно, кровь!

— Нельзя ли мнѣ взять ее?

— Пожалуйста, возьмите!—разрѣшаетъ онъ.

Старикъ-полиціймейстеръ слышитъ нашъ разговоръ, предупредительно беретъ палочку, садится къ столу и пишетъ что-то

на ней, послѣ чего, очень довольный, передаетъ ее мнѣ на память. Отсюда идемъ смотрѣть тюрьму. Тутъ начинаются опять китайскія церемоніи. Старикъ-полиціймейстеръ ни за что не хочетъ идти первый и все пропускаетъ насъ. Мы же, по ихъ этикету должны, съ своей стороны, пропускать его впередъ. И такъ до безконечности. Тюрьма оказалась гораздо обширнѣе хунчунской, но такая же мрачная, грязная и вонючая. Арестантовъ не было. Куда ихъ перевели—Богъ знаетъ. Тутъ я замѣтилъ, что стѣны тюрьмы были обсажены колючимъ кустарникомъ, дабы арестанты не могли перескочить его. Затѣмъ идемъ смотрѣть арсеналъ. Это длинный каменный сарай съ черепичной крышей. Здѣсь хранились разныя китайскія военныя принадлежности. Вотъ лежитъ на земляномъ полу куча солдатскихъ военныхъ куртокъ, парусинныхъ, желтыхъ и красныхъ, съ круглымъ клеенчатымъ клеймомъ на груди и спинѣ. Солдаты наши, помню, неоднократно смѣялись надъ этими клеймами.

— Какъ разъ, ваше высокоблагородіе, цѣль въ это клеймо, наповалъ убьешь, больше не встанетъ,—разсказывали они.

Рядомъ лежатъ солдатскіе сапоги, бѣлые, парусинные, расшитые зеленымъ сафьяномъ.

— А вонъ тамъ именно то, что такъ меня интересуетъ. И я вижу—тянется на полкахъ цѣлый рядъ луковъ для стрѣльбы. Я пристально разсматриваю ихъ. Жилистыя тетивы сняты и обмотаны вокругъ. Луки сдѣланы изъ рога и обтянуты съ одной стороны не то кожей, не то какой-то матеріей. Луковъ здѣсь помѣщалось нѣсколько сотъ. Я не утерпѣлъ, чтобы не выпросить у коменданта парочку на память. Комендантъ съ удовольствіемъ разрѣшилъ взять. Въ другомъ углу лежали стрѣлы. Ихъ хранилось здѣсь тысячи. Всѣ онѣ были перевязаны пачками, штукъ по сту. Стрѣлы, аршина полтора длиною, сдѣланы очень аккуратно, изъ крѣпкаго дерева и оклеены въ три ряда орлиными перьями. Наконечники желѣзные. Я пробовалъ потомъ стрѣлять. Стрѣлы были настолько прочны, что, впиваясь въ каменную стѣну, онѣ только сгибались, но не ломались. Я не могъ перекинуть стрѣлы дальше шестидесяти шаговъ. Китайцы же, говорятъ, попадаютъ въ цѣль за сто шаговъ. Казаки разсказывали мнѣ, что будто китайцы пробивали ими дикихъ козъ, на вылетъ.

Ѣду осматривать больницу. Она помѣщалась въ городѣ. День солнечный. Еще рано. Влѣво темнѣютъ высокія городскія ворота съ башней. Онѣ кажутся выше, чѣмъ въ Хунчунѣ. У подножія ихъ больше всего любятъ толкаться китайцы-разносчики,

со всевозможными продуктами, въ корзинахъ, на лоткахъ и просто въ какихъ-то корытахъ. Шумъ, крикъ, гамъ, звонъ колокольчиковъ, бряцанье шаркунковъ—такъ и доносятся оттуда. На встрѣчу поминутно попадаются жители въ своихъ черныхъ шапочкахъ, съ красными шолковыми шишечками и въ курточкахъ. Шаровары синія. Неслышно ступая мягкими войлочными подошвами, торопятся они доставить съ базара домой провизію. Удивительную смѣсь чистоты и неряшливости соединяетъ въ себѣ китаецъ!

Такъ, напримѣръ, онъ ни за что не понесетъ голыми руками куска свинины, а обвяжетъ его веревочкой, нацѣпитъ на палецъ, и такимъ образомъ бережно тащитъ, точно драгоцѣнность какую, дабы не запылить, и въ то же время онъ рѣшительно не замѣчаетъ страшнѣйшей грязи, и на улицѣ и у своего дома, гдѣ, буквально, можно потонуть.

Подъѣзжаю къ больницѣ. Меня встрѣчаетъ докторъ. Здороваемся и идемъ вмѣстѣ. Больница расположена въ бывшемъ дворцѣ дзянь-дзюня. Дзянь-дзюнь этотъ, какъ говорятъ, былъ главнымъ виновникомъ благовѣщенской катастрофы. Когда онъ увидалъ, что попытка его не удалась, что русскіе одолѣли, что Айгунъ взятъ и что Цицикару тоже не сдобровать, то онъ не нашелъ ничего лучшаго, какъ покончить съ собой. И какъ же онъ покончилъ? Проглотилъ золотой самородокъ. Такъ какъ самородокъ былъ достаточно большой и угловатый, то онъ долженъ непремѣнно, по своей тяжести, прободать кишки и причинить смерть. Такъ, по крайней мѣрѣ, меня увѣряли и китайцы, и наши доктора.

Входимъ въ первыя ворота. Дворъ чистый. Полъ каменный. Кругомъ—фанзы. Далѣе—вторыя ворота, такой же чистый дворъ и такія же фанзы. И такъ три раза. Первая—маленькая комната, какъ бы пріемная. Полъ земляной. Стоитъ кубъ съ горячей водой, разныя аптечныя принадлежности. Столикъ съ бумагами. Сестра милосердія—въ сѣренькомъ чистенькомъ платьѣ, съ краснымъ крестомъ на груди. Голова повязана бѣлой косынкой. Руки смиренно сложены на животѣ.

— Здравствуйте, сестра! Это ваши больные?—спрашиваю ее.

— Да-съ, это мои!

— Ну, что? Какъ они, поправляются?

— Да, слава Богу, лучше теперь! Только лекарствъ нѣтъ! Не знаемъ, что дѣлать! Писали, телеграфировали—никакого отвѣта! Въ особенности необходимы средства, понижающія темпе-

ратуру!—жалуется она, и на ея блѣдно-розовомъ, еще молодомъ лицѣ выражается глубокая скорбь.

— Докторъ, пожалуйста, дайте мнѣ списокъ, какія лекарства нужны! Я сегодня же буду телеграфировать въ Харбинъ,—говорю.

— Слушаю-съ, сегодня же передамъ вамъ. Онъ у меня уже составленъ,—отвѣчаетъ докторъ.

Въ первомъ отдѣленіи помѣщались выздоравливающіе. Они стояли у своихъ постелей, выстроившись въ шинеляхъ въ накидку.

— Здорово, братцы! Ну что, поправляетесь?—говорю имъ.

— Такъ точно, ваше высокоблагородіе, теперь получше,—дружно отвѣчаютъ они.

— Ты какого полка?—спрашиваю худосочнаго, блѣднаго солдата. Тотъ замѣтно былъ еще очень слабъ.

— Читинскаго, ваше высокоблагородіе!—хрипло отвѣчаетъ онъ.

— Что же у тебя было?

— У него тифъ былъ, тяжелой формы! Теперь ничего! Теперь онъ молодцомъ! Не правда ли, Мирошенковъ?—предупредительно говоритъ сестра и дружески хлопаетъ его по плечу, какъ ученика, который было-проштрафился и теперь обѣщался загладить свою вину. Мирошенковъ болѣзненно ухмыляется и бормочетъ что-то.

— Да ужъ и подвалили же намъ тифозныхъ читинскій и срѣтенскій полкъ. Разомъ человѣкъ двѣсти навезли! Хоть на полъ вали, и мѣста не хватило,—разсказываетъ докторъ такимъ тономъ, точно говорилъ о дровахъ.

Входимъ въ одно отдѣленіе—больные всѣ лежатъ въ повалку, прикрывшись шинелями.

— Тутъ какіе же?—осторожно спрашиваю сестру.

— Тутъ все тифозные, тяжелые!—шепчетъ она, и лицо ея опять становится грустнымъ. Видно, что она не можетъ привыкнуть къ подобной мрачной картинѣ.

— Вонъ тотъ едва-ли и выживетъ, — и сестра указываетъ на одного больного, который лежалъ въ углу, закрывшись съ головой. Докторъ быстро подходитъ къ нему, щупаетъ пульсъ, машетъ что-то рукой и отходитъ.

— Ой! ой! Да какъ же это воз-мож-но! Да какъ же это такъ! Побойтесь Бога! Го-спо-да! Мать род-ну-ю за-рѣ-за-ли!—вдругъ слышу отчаянный крикъ изъ сосѣдней комнаты. Спѣшу туда и вижу: на канѣ сидитъ, поджавши ноги, молодой рыжеватый сол-

датъ, раскинувшись въ одномъ бѣльѣ. Глаза воспаленные, блуждающіе. Онъ безпомощно озирается по сторонамъ. Слезы такъ и льются у него изъ глазъ. Онъ вытираетъ ихъ кулакомъ. По временамъ стихаетъ, облизываетъ запекшимся языкомъ потрескавшіяся губы и снова принимается причитать и плакать еще съ большей силой, точь-въ-точь какъ ребенокъ, котораго только-что высѣкли.

— Вѣдь она не ку-ри-ца! Что же взять за-рѣ-зать!—Пауза. —Прошу ку-ри-цы, не да-ютъ! Жалко, что ли!—бормочетъ онъ безсвязно.

— У него тоже была тяжелая форма тифа. Жаръ сильный, вотъ онъ и бредитъ! Оно пройдетъ. Ничего, — успокоиваетъ докторъ.

— Изволите видѣть: то жалуется, что у него мать убили, то курицы ему не даютъ, а самъ ничего не ѣстъ. Сейчасъ подавали супъ изъ курицы,—оправдывается сестра, какъ будто опасаясь, что я не повѣрю тому, что больной только бредитъ.

— Его бы вынести на свѣжій воздухъ. Да и товарищамъ-то онъ не даетъ покою,—говорю доктору.

— А что же! Это возможно! Эй, вы, возьмите, вынесите его вонъ туда во дворъ! Посадите тамъ!—приказываетъ докторъ служителямъ. Больного берутъ подъ мышки и легко выносятъ подъ навѣсъ, гдѣ и садятъ на каменный приступокъ. Идемъ дальше.

— По-бой-тесь Бога, го-спо-да... — доносятся намъ вслѣдъ причитанія больного.

На обширномъ дворѣ выстроилась больничная команда, человѣкъ полтораста. Здороваюсь съ нею. Солдаты дружно отвѣчаютъ: „здравія желаю". Они заходятъ кругомъ меня. Достаю изъ кармана записную книжку и приступаю опрашивать претензіи.

— Ты имѣешь что-нибудь сказать? — спрашиваю краснаго какъ огонь, рыжаго, здоровеннаго, курносаго солдата. Уши оттопырены какъ у нетопыря. Губы толстыя.

— Никакъ нѣтъ!—баситъ онъ и пугливо смотритъ на меня.

— А ты?

— Никакъ нѣтъ!

— А ты?

— Такъ точно, имѣю!—пищитъ пожилой маленькій солдатъ изъ запасныхъ, съ отросшей сѣдоватой бородой.

— Что же ты имѣешь?

— Заработныхъ не получалъ. Въ Благовѣщенскѣ ночь работали, съ парохода кулье выгружали. Пять рублей слѣдуетъ.

— Какъ? За одну ночь пять рублей? — удивленно спрашиваю.

— Такъ точно,—дружно подтверждаетъ вся команда. Записываю и иду дальше. И такъ спрашиваю всѣхъ.

Отчетъ обо всемъ этомъ я представилъ по начальству.

XIV. — Фулярди.

Рано утромъ къ воротамъ, гдѣ я жилъ, подъѣзжаетъ телѣга, запряженная тройкой разномастныхъ лошадей. Солдатъ-пѣхотинецъ въ шинели и черной мохнатой папахѣ сидитъ на козлахъ и держитъ веревочныя возжи. Мы съ Иваномъ торопливо укладываемъ вещи, а затѣмъ и сами садимся въ повозку. Ѣдемъ въ Фулярди. До него тридцать-пять верстъ. Китайцы уже толпились на улицахъ и перекресткахъ. Они встаютъ ранёхонько, съ восходомъ солнца. Поминутно приходится сдерживать лошадей и крикомъ разгонять толпу. Минуемъ городъ. Вправо показывается красивая кумирня. Металлическія вершины шестовъ, торчащихъ передъ нею, ярко блестятъ на солнцѣ. Крыши красиво загнуты лодочкой, съ драконами по угламъ. Дальше—тѣнистая роща. Тамъ временно расположился саперный баталіонъ, только-что прибывшій изъ Кіева. Въ немъ не 186 человѣкъ, какъ то было въ самурскомъ баталіонѣ, въ нашемъ текинскомъ походѣ со Скобелевымъ, а 1.120 человѣкъ. И мнѣ припоминается, какъ я еще вчера осматривалъ вещи и одежду этихъ саперовъ. Роты выстроились, что батальоны длинные. Люди все какъ на подборъ, молодецъ къ молодцу. Отсталыхъ оказалось изъ всего баталіона человѣкъ четырнадцать. А пройти-то имъ пришлось пѣшимъ порядкомъ отъ Срѣтенска около тысячи верстъ. Да еще при какихъ условіяхъ! Ни полушубковъ, ни валенокъ, ни одной теплой папахи! Въ однѣхъ шинеляхъ. А морозъ на Тинганѣ хватилъ больше 15 градусовъ. Командиръ баталіона, полковникъ N, хотя и не очень видный изъ себя, небольшого роста, худощавый, лицо бритое, усатый, говорилъ густымъ басомъ. Характеромъ же, должно быть, обладалъ желѣзнымъ. Какъ я слышалъ, онъ всю дорогу велъ офицеровъ въ мундирахъ и при шарфахъ. Не позволялъ отлучаться отъ своихъ частей. И можетъ быть, при тѣхъ тяжелыхъ условіяхъ, онъ только такимъ способомъ и могъ довести благополучно до мѣста свою часть.

— Какъ же это вы, полковникъ, вышли въ такой дальній походъ безъ полушубковъ?—интересуюсь я.

— А мнѣ сказали, что все это я здѣсь долженъ получить! —баситъ онъ нѣсколько сконфуженно.

Вотъ обступили меня офицеры, веселые, довольные. Видно, что всѣ они безконечно рады окончанію такого тягостнаго похода. Одинъ передъ другимъ спѣшатъ они подѣлиться со мной своими путевыми впечатлѣніями.

— Вѣдь что мы перенесли въ дорогѣ, полковникъ! Просто ужасъ! Не повѣрите!—визжитъ хорошенькій поручикъ блондинъ. На бородѣ его и губахъ еще только пробивался первый пухъ волосъ.

— На одномъ привалѣ,—продолжалъ онъ, — къ намъ подходитъ какой-то офицеръ, смотритъ на наши сапоги, шинели, какъ на чудо какое, разводитъ руками и спрашиваетъ: „Да какъ же это, господа, вы добрались сюда? Какъ вы не погибли отъ холода и голода“?

— Нѣтъ, позвольте мнѣ сказать полковникъ, — опять баситъ командиръ баталіона, настойчиво перебивая хорошенькаго поручика и слегка отстраняя того. Онъ сильно волнуется. Прикладываетъ руку къ сердцу и обиженнымъ тономъ, точно желая оправдаться, разсказываетъ:

— Не забудьте, полковникъ, что на всемъ пути отъ Хайлара, почти шестьсотъ верстъ, мы не нашли ни полѣна заготовленныхъ дровъ! Ни клока сѣна! Нигдѣ никакого прикрытія отъ стужи. Лошади у подводчиковъ такъ измучились, что обозъ до сихъ поръ не прибылъ.

„Дѣйствительно,—разсуждаю про себя, теперь, сидя въ телѣгѣ,—походъ этотъ саперамъ достался не изъ легкихъ. И какъ это у нихъ такъ мало отсталыхъ? Какъ они не перемерзли? Просто удивительно“!

Сворачиваемъ вправо, къ желѣзной дорогѣ. Вдали виднѣются телеграфные столбы. Синѣетъ р. Нони, широкой темной полосой. Песчаные берега ея на яркомъ солнцѣ кажутся мнѣ золотистыми.

Но что тамъ чернѣетъ, на томъ берегу? Доносится какой-то странный шумъ. Точно звонъ. Прислушиваюсь. Пристальнѣе присматриваюсь.

— Гуси!—весело кричитъ нашъ пѣхотинецъ на козлахъ, и широко ухмыляется своимъ давно небритымъ, смуглымъ лицомъ. Тычетъ кнутовищемъ въ пространство и продолжаетъ дергать возжами.

— Стой, остановись!—кричу ему. Выскакиваю изъ телѣги и спѣшу къ берегу. Иванъ—за мной. Чтобы не спугнуть птицъ,

мы присаживаемся за кустомъ и смотримъ. Такого дива я еще и не видалъ. Вся противоположная отмель, во всю ея ширь, сколько хваталъ глазъ, чернѣла отъ гусей. Шумъ отъ гоготанія стоялъ такой, что мнѣ не слышно моего Ивана. Въ эту минуту припоминается мнѣ описаніе Одюбона, какъ онъ однажды наблюдалъ въ Америкѣ пролетъ голубей. Та картина должна, по моему мнѣнію, какъ разъ походить на эту.

Сижу минутъ пять, гляжу и наслаждаюсь. Наконецъ достаю изъ кабуры свой маленькій револьверъ и стрѣляю. Глазамъ моимъ представляется слѣдующая картина. Боюсь, что описаніе мое будетъ слишкомъ слабо.

Съ поразительной быстротой и шумомъ, разомъ засверкали на солнцѣ, точно серебряные, тысячи крыльевъ. И постепенно поднимаясь, вытянувъ длинныя шеи, стая за стаей тянутся гуси на югъ, тонкими, правильными треугольниками. Выше, выше—и паутиной расползаются въ пространствѣ.

Первыя стаи куда далеко отлетѣли! Ихъ едва видно. А между тѣмъ, не только-что на дальнемъ концѣ отмели, но даже еще и на серединѣ ея, гуси продолжали себѣ мирно гоготать, грѣться на солнышкѣ и отдыхать. Но, вотъ, волной переливаясь, достигаетъ и до нихъ тревога. Тучей, съ невообразимымъ шумомъ, какъ одинъ, поднимаются и остальные. И опять, стая за стаей, сплошной вереницей, и такими же длинными треугольниками, тянутся они за товарищами, оглашая и окрестности, и голубое небо рѣзкимъ металлическимъ крикомъ. И отъ души пожалѣлъ я въ эти минуты, что такъ неосторожно поторопился спугнуть ихъ, не наглядѣвшись до-сыта. Врядъ-ли когда придется мнѣ вторично увидѣть подобное чудное зрѣлище.

— А вонъ и Фулярди!—опять такъ же весело кричитъ нашъ возница, и снова тычетъ кнутовищемъ передъ собою. Переѣзжаемъ черезъ р. Нони, узкій, длинный деревянный мостъ на сваяхъ. Вдали виднѣются постройки въ европейскомъ вкусѣ, китайскія полу-разрушенныя фанзы, и желѣзнодорожные склады рельсъ, шпалъ и т. п. Кое-гдѣ темнѣлись старыя, высокія рощи. Мы останавливаемся около маленькаго домика. Рядомъ стояло еще нѣсколько такихъ же построекъ.

— Что командиръ роты, капитанъ Охремовичъ, дома?—спрашиваю деньщика, въ бѣлой рубахѣ, подпоясанной ремнемъ, который, очевидно, выбѣжалъ на шумъ нашего экипажа.

— Никакъ нѣтъ, на охоту за гусями уѣхали! — отвѣчаетъ тотъ.—Они скоро будутъ!—беретъ мои вещи и несетъ въ домъ.

Я—за нимъ. Смотрю, двѣ маленькія, низенькія комнаты. Одна

съ перегородкой. Стѣны увѣшаны коврами и оружіемъ, очень уютно. Вскорѣ является и самъ хозяинъ, небольшого роста, коренастый мужчина, еще въ полной силѣ. Борода русая, окладистая. За нимъ входитъ его субалтернъ-поручикъ Колмаковъ, высокій, стройный брюнетъ, съ черными усами. Оба очень симпатичные. Когда я познакомился съ ними поближе, мнѣ чрезвычайно понравилось ихъ взаимное отношеніе. Между ними не замѣчалось непріятное различіе въ положеніяхъ, ротнаго командира и субалтернъ-офицера. Колмакову не приходилось переносить того обиднаго состоянія, которое испытывалъ я, когда попалъ въ сотню на Дунай. Тамъ вахмистръ имѣлъ гораздо больше значенія, чѣмъ офицеръ. Отлично помню, какъ онъ первое время смотрѣлъ на меня съ какой-то презрительной снисходительностью. Дескать, „пущай, себѣ живетъ! пожалуй, можно будетъ ему казачёнка какого назначить за вѣстового". А о командирѣ сотни, моемъ милѣйшемъ Павлѣ Ивановичѣ,—и говорить нечего. Онъ прямо-таки смотрѣлъ, и на меня, и на моего товарища, другого субалтерна, какъ на необходимое зло. И конечно, ежели бы только могъ,—ни минуты не задумываясь, замѣнилъ бы насъ обоихъ простыми урядниками. Тутъ же—ничего подобнаго. Въ отсутствіе командира, фельдфебель слушался поручика, точно такъ же, какъ и капитана.

На другой день иду осматривать роту капитана Охремовича. Она красиво выстроилась на ротномъ дворѣ, въ двѣ шеренги.

Передъ каждымъ солдатомъ выложены на землю его вещи. Все въ полномъ порядкѣ. Въ особенности оказались хороши сапоги. А это много значитъ въ походѣ. Кромѣ тѣхъ, что на ногахъ, еще имѣлось въ запасѣ сорокъ новыхъ паръ,—да въ сапожной мастерской ежедневно изготовлялось по шести паръ.

Помѣщеніе нижнихъ чиновъ вполнѣ хорошее: теплое, свѣтлое. Воздуху много.

Идемъ на кухню. Два кашевара, въ чистыхъ фартукахъ и бѣлыхъ колпакахъ, аппетитно возятся у котловъ. Одинъ наливаетъ на тарелку щи, а другой кладетъ кашу. Пробую. Щи превосходныя,—каша еще лучше.

— Что у васъ щи изъ какой капусты?

— Изъ манзовской [1]), ваше высокоблагородіе!—бойко отвѣчаетъ кашеваръ, опуская по шву черпакъ, точно оружіе какое.

— У насъ, полковникъ, заготовлена русская капуста, да мы ее еще не начинали,—заявляетъ командиръ роты.

---

[1]) Китайской.

— Капуста отличная!—самодовольно подхваливаетъ Колмаковъ, слѣдуя за мною и покручивая усы.—Картошки тоже закопано въ подвалѣ пятьсотъ пудовъ!—такимъ же тономъ добавляетъ онъ.

— Очень, очень хорошо!—говорю я.

— А вотъ здѣсь у меня окорока коптятся!—озабоченно, съ видомъ опытнаго хозяина, объясняетъ ротный, останавливаясь около деревянной будки съ высокой трубой. — Я по временамъ посылаю охотиться за кабанами. Ну, вотъ, какъ убьютъ, такъ и сюда. Сейчасъ коптится девять окороковъ! На ночь за рыбой посылаемъ,—такъ же весело продолжаетъ разсказывать Колмаковъ. По лицу его видно, что онъ очень доволенъ своей стоянкой. Лучшаго и не желаетъ. Долго ходимъ мы и осматриваемъ ротное хозяйство.

„Тепло, свѣтло и сытно!—думается мнѣ.—Здѣсь тифа нечего опасаться. Отлично устроились. Какъ дома".

На другой день осматриваю госпиталь. Въ офицерскомъ отдѣленіи, вижу, стоитъ у дверей одинъ больной. Наружность его бросается мнѣ въ глаза. Онъ былъ тощъ какъ смерть. Щеки впалыя. Скулы выдались впередъ. Носъ обострился. Глаза блуждали и глубоко ушли въ орбиты. Шея длинная, тонкая. Онъ весь былъ такъ худъ и слабъ, что, казалось, дунь на него—и свалится.

— Какъ ваша фамилія?—съ участіемъ спрашиваю его.

— Щепило-Полѣсскій, штабсъ-капитанъ срѣтенскаго полка! —глухимъ, гортаннымъ голосомъ отвѣчаетъ онъ. Затѣмъ продолжаетъ:—я имѣлъ несчастье отстать отъ своего полка, когда мы двигались отъ Благовѣщенска по Манчжуріи къ Цицикару, и заблудился!

— Ахъ, капитанъ, какъ бы интересно было послушать васъ! Но вамъ трудно говорить. Не можете ли вы письменно изложить, какъ все это съ вами случилось? Очень бы вамъ былъ благодаренъ.

— Съ большимъ удовольствіемъ! Ежели вы останетесь здѣсь дня два, три,—можетъ, и напишу. Только голова моя еще не совсѣмъ хорошо работаетъ. Вѣдь вы видите меня выздоравливающимъ. А что я былъ, когда меня привезли сюда! — и онъ многозначительно машетъ рукой.

Черезъ три дня я получилъ отъ него небольшую рукопись.

Въ Фулярди находилось отдѣленіе Краснаго Креста. При мнѣ оно еще только устроивалось, а потому самъ я его не видѣлъ. Говорятъ, оно было обставлено очень удобно и съ полнымъ комфортомъ.

Отдѣленіемъ завѣдывалъ профессоръ харьковскаго университета, извѣстный хирургъ Михаилъ Михайловичъ Кузнецовъ, человѣкъ еще молодой и энергичный. Такъ и вижу его,—небольшого роста, худощавый, въ черномъ сюртукѣ и длинныхъ лакированныхъ сапогахъ, бѣгаетъ онъ безъ шапки по госпитальному двору и суетится около своихъ повозокъ. Тутъ же хлопочутъ и сестры милосердія, и доктора.

Я скоро сошелся съ профессоромъ. Онъ былъ такой же любитель разныхъ китайскихъ рѣдкостей и древностей.

День клонился къ вечеру. Иду провѣдать моего милаго Михаила Михайловича. Вхожу во флигель, гдѣ онъ живетъ.

— Дома профессоръ?—восклицаю.

— Дома, дома! — слышится его голосъ. Открываю дверь, смотрю—въ просторной, свѣтлой комнатѣ стоитъ самъ хозяинъ надъ сундукомъ и что-то роется.

— Здравствуйте, полковникъ. Какъ хорошо, что вы зашли! Я хотѣлъ вамъ показать вотъ эту вещь,—и онъ съ торжественнымъ видомъ, бережно развертываетъ передъ мною, изображеніе какого-то китайскаго божества, писаннаго красками на кожѣ.

— Это величайшая древность. Этому, по крайней мѣрѣ, пятьсотъ лѣтъ!—съ восхищеніемъ восклицаетъ профессоръ. Любуется, щурится и относитъ картину нѣсколько отъ себя. Я тоже долго любуюсь ею.

— А это что у васъ тамъ за головки?—спрашиваю его и указываю на лежащія въ сундукѣ какъ бы фарфоровыя куколки.

— А это тоже рѣдкость!

Онъ бережно свертываетъ картину, прячетъ ее на прежнее мѣсто, и затѣмъ подаетъ мнѣ одну головку. Она металлическая, раскрашенная и точно отрубленная по шею.

— Такія головы вѣшаются родственниками казненныхъ хунхузовъ на изображеніе Будды. Чтобы онъ былъ къ нимъ милостивѣе на томъ свѣтѣ,—говоритъ онъ.

— Возьмите вотъ эту парочку, у меня еще есть!—любезно предлагаетъ профессоръ и подаетъ мнѣ.

Я, конечно, съ величайшей благодарностью прячу ихъ въ карманъ. Затѣмъ спѣшу къ себѣ домой, достаю изъ чемодана серебряное украшеніе въ видѣ женской головной гребенки, очень изящное, и, чтобы не остаться въ долгу, дарю его Михаилу Михайловичу.

— Ну, вотъ, спасибо, очень благодаренъ! Чрезвычайно ми-

ленькая вещь!—говоритъ онъ, разсматривая подарокъ, и, очень довольный, прячетъ его вмѣстѣ съ прочими вещами...

Такъ въ ненастные дни
Занимался мы...

XV.—Заблудился.

Разсказъ штабсъ-капитана Срѣтенскаго пѣхотнаго полка, Полѣсскаго-Щеннло.

„16 сентября этого года второй баталіонъ срѣтенскаго пѣхотнаго полка, гдѣ я командую 5-й ротой, въ 6½ часовъ утра выступилъ изъ Цицикара на гор. Мергенъ, для занятія разныхъ пунктовъ по-ротно. Командиръ баталіона, подполковникъ Даль, оставилъ меня, въ полку, получить казенныя деньги, съ тѣмъ, чтобы я немедленно догналъ ихъ. По уходѣ баталіона, приблизительно черезъ часъ, я уже двигался верхомъ по дорогѣ на Мергенъ, причемъ слѣдовалъ за скотомъ, принадлежащимъ баталіону. Скотъ гнался нижними чинами и былъ отъ меня въ разстояніи полторы-двѣ версты. Я двигался шагомъ, въ рысь же переходилъ только на короткія разстоянія. По пути пришлось пройти не особенно длинный лѣсъ. Пока поровнялся со стадомъ, прошло часа два. Но каково же было мое изумленіе, когда я увидалъ, что скотъ этотъ—манчжурскій и гонится китайцами.

— Куда пошли солдаты?—спрашиваю погонщиковъ.

„Одинъ изъ нихъ, довольно хорошо знающій нашъ языкъ,—отвѣтилъ: „ваша солдата ходи на тотъ деревня“, причемъ указалъ направленіе,—какъ теперь помню—сѣверо-восточное. Повѣря китайцу, я пришпорилъ коня и направляюсь на указанную деревню. У меня конь молодой, крѣпкій и имѣетъ хорошую „ходу“. Доѣхавъ до деревни въ какой-нибудь часъ, здѣсь баталіона своего я не засталъ. Китайцы быстро обступили меня и предлагали разные вопросы (знающіе по-русски) въ родѣ: откуда я, куда ѣду и зачѣмъ, много ли идетъ казаковъ со мною и пр. Разстояніе до этой деревни было верстъ десять, не меньше, такъ какъ отъ лѣса ѣхалъ я почти безостановочно рысью. Я спросилъ, нѣтъ ли чего купить поѣсть, на что получилъ отвѣтъ отрицательный; затѣмъ просилъ ведра, достать воды коню; въ этомъ мнѣ также было отказано, причемъ говорящій по-русски указывалъ разныхъ лицъ изъ толпы, у кого есть ведро. Тѣ же грубо и враждебно отвѣчали: „бутунда, ходи, худо“

(„бутунда“ —не понимаю). Такимъ образомъ, здѣсь мнѣ не пришлось ничего купить,—самому не напиться и коня не напоить. На вопросъ же мой, куда пошли солдаты, одинъ взялся провести меня на конецъ деревни и указать путь. Я упустилъ изъ виду сказать, что всѣ безъ исключенія китайцы торопили меня покинуть ихъ деревню и убираться поскорѣе, причемъ понуканія эти были, насколько я замѣтилъ, характера враждебнаго, такъ какъ они напирали на коня и махали палкой и руками. Въ отвѣтъ на это я имъ говорилъ, что завтра придутъ къ нимъ казаки. Китаецъ, провожавшій меня, указалъ, куда пошли наши солдаты. Видя, что направленіе указанное должно быть правильное, т. е. на сѣверъ, я снова поскакалъ большой рысью впередъ. Въ этотъ день я проѣхалъ много деревень. Вездѣ встрѣчалъ китайцевъ, говорящихъ по-русски, и вездѣ слышалъ одинъ и тотъ же отвѣтъ насчетъ ѣды и ведра: „бутунда, ходи, нѣту, худо“, относительно же движенія баталіона: „ваша солдата ходи тамъ“, причемъ указывали ложное направленіе. Въ восемь часовъ вечера этого дня я добрался до богатой деревни. Тутъ было множество сѣна, хлѣба, лошадей и скота. Здѣсь также встрѣтилъ я китайца, говорящаго по-русски. Спросилъ, нѣтъ ли чего купить,—напримѣръ, чаю или какого-нибудь китайскаго печенья. Тотъ любезно отвѣтилъ, что здѣсь есть хорошая харчевня, гдѣ можно купить и жаренаго мяса, и чаю, и кофе. Я было-обрадовался этому, и попросилъ провести меня, на что онъ, повидимому, съ охотой согласился. Подводитъ къ концу деревни, и затѣмъ говоритъ: „ходи, нѣту харчевни, ваша солдата стоитъ въ три верста отъ деревни лагеремъ“. Когда я возвращался обратно по этой деревнѣ, то меня сопровождала масса китайцевъ, съ наглыми лицами; они галдѣли по-своему и чему-то радовались. Придя къ положительному заключенію во враждебности этой сволочи, я рѣшилъ выѣхать въ степь по обратной дорогѣ, гдѣ и заночевалъ верстахъ въ пяти отъ этой деревни, въ снопахъ скошеннаго овса. Я говорю—заночевалъ; въ сущности же я не спалъ, какъ эту первую ночь, такъ и всѣ послѣдующія моего печальнаго странствованія, чему виною мой конь, котораго опутать было нечѣмъ, пустить же его не рѣшался, боясь, что зайдетъ далеко, и я его не найду. Всѣ ночи пришлось держать его въ поводу, или привязывать къ поясному ремню, причемъ въ послѣднемъ случаѣ руки мои отдыхали. На нихъ, кстати сказать, за все это время, конь, дерганьемъ головы, надѣлалъ мнѣ много водяныхъ мозолей, которыя лопались, грязнились, а въ настоящее время хотя и проходятъ, но есть нарывы. Въ

дорогѣ, вслѣдствіе этихъ пораненій рукъ, управленіе конемъ было крайне мучительно.

„На слѣдующій день, съ зарею, въ $4^1/_2$ ч. утра, рѣшилъ я вернуться обратно въ Цицикаръ, такъ какъ движеніе на Мергенъ, безъ схемы, положительно считалъ невозможнымъ. Направился я на деревню, которую, по тогдашнему моему разумѣнію, я проѣзжалъ вчера. Тамъ опять ѣсть не продаютъ и ведра не даютъ. Конь не пилъ уже болѣе сутокъ; я же пилъ воду изъ лужи, совершенно бѣлаго цвѣта, какъ бы разведенную мѣломъ. Воды набиралъ бутылочкой съ машинкой для сельтерской воды. Проскакавъ опять нѣсколько деревень по направленіямъ, указываемымъ китайцами, я пришелъ къ заключенію, что путаюсь и проѣзжаю другія деревни. Тогда я ѣду въ боковыя деревни, вправо и влѣво, но ни въ одной изъ нихъ не нахожу сходства. Всѣ онѣ такъ однообразны, что очень трудно замѣтить какія-либо примѣты для отлички ихъ другъ отъ друга. Мнѣ оставалось одно: ѣхать въ Цицикаръ въ южномъ направленіи чрезъ опросъ китайцевъ, чему я и послѣдовалъ. Направился на югъ безъ дорогъ, которыхъ, умѣстно сказать здѣсь, въ Манчжуріи нѣтъ межъ деревень, а имѣются лишь отдѣльныя колеи, которыя быстро исчезаютъ, или съ поворотомъ идутъ обратно. Около трехъ часовъ дня я замѣтилъ усталость коня, что̀ объяснилъ жаждой, которую онъ испытывалъ уже вторыя сутки. Мнѣ пришла въ голову довольно удачная мысль—разрѣзать револьверный шнуръ и приспособить его къ машинкѣ моей маленькой бутылочки. Это мною было сдѣлано немедленно, и въ слѣдующей же деревнѣ и далѣе я вытаскивалъ по тридцати-сорока бутылочекъ изъ колодезя воды, чѣмъ нѣсколько утолялъ жажду коня. Больше этого количества доставать воды я не могъ, такъ какъ сильно самъ утомлялся. Заночевалъ въ этотъ день также въ степи, въ снопахъ. Остановился въ шесть часовъ вечера. Ночь такая же холодная, безсонная, мучительная... причемъ обижалъ меня и конь. На третью ночь ночлегъ былъ въ степи; ни хлѣба, ни овса, никакихъ посѣвовъ не было. Подъ голову нѣсколько разъ я нарывалъ руками травы, которую, укрывая носовымъ платкомъ, приспособлялъ какъ подушку; конь же, во время моей дремоты, съѣдалъ ее, и я оставался безъ подушки. Такъ прошло четверо сутокъ. Ѣхалъ я не менѣе шестидесяти-семидесяти верстъ въ день. Выѣзжалъ не позже $4^1/_2$—5 часовъ утра, словомъ,—какъ свѣтъ. Въ эти четыре дня я ѣлъ какую-то мелкую черную ягоду и сочную листовую траву, которую ѣлъ и конь мой; ягода оказалась горько-сладковатаго вкуса, листья же—большіе, сладкаго вкуса,

довольно пріятные. Кушанье это запивалъ маленькимъ глоткомъ воды, которою я очень дорожилъ, въ виду обременительности ея добыванія. Я чувствовалъ, какъ силы мои съ каждымъ днемъ упадали. На пятый день я нашелъ на дорогѣ небольшой кочанъ китайской капусты. Поднялъ его. Онъ оказался грязнымъ и сильно завядшимъ. Кочанъ этотъ служилъ мнѣ пищею въ теченіе всего пятаго дня. Ночь пятаго дня была замѣчательно теплая. Лежа на снопахъ, съ глубокой тяжестью на сердцѣ, обдумывалъ я свое ужасное, въ полномъ смыслѣ слова безвыходное положеніе. Голодъ мучилъ и томилъ меня до головокруженій. Впереди—та же безцѣльная ѣзда. А дальше и дальше—полное изнеможеніе, потеря силъ и голодная смерть... Въ первый разъ я ощутилъ въ душѣ безъисходную скорбь и отчаяніе; я заплакалъ, но затѣмъ сейчасъ же заснулъ. Не знаю, былъ ли это сонъ или забытье. Во всякомъ случаѣ, онъ продолжался часа два, и я очнулся довольно бодрымъ. Это было часа въ два ночи приблизительно. Часы разглядѣть въ темнотѣ я не могъ. Дальше время до свѣта ужасно тянулось, такъ какъ въ эту ночь мнѣ явилась новая свѣтлая мысль,—во что бы то ни стало разыскать телеграфные столбы. Этой мыслью я переживалъ минуту за часъ. Рано утромъ я взялъ направленіе на западъ, зная, что столбы тѣ идутъ съ юга на сѣверъ. Ѣхалъ цѣлый день перемѣннымъ аллюромъ. Заночевалъ вновь въ снопахъ скошенной чумидзы. На другой день поѣхалъ въ обратномъ направленіи, т.-е. на западъ, имѣя все ту же цѣль—пересѣчь линію телеграфныхъ столбовъ. Вновь день пропалъ. На восьмой день я опять продолжалъ это движеніе.

„Въ три часа дня я окончательно изнемогъ и остановился въ деревнѣ. Коню воды достать былъ не въ силахъ. Вытащилъ лишь себѣ бутылку, которую выпилъ тутъ же у колодезя; досталъ еще, выпилъ вновь; наполнивъ бутылку еще разъ, я ушелъ, ведя коня въ поводу, въ степь; отошелъ отъ деревни версты три. Здѣсь я потерялъ всякую надежду, что спасусь отъ голодной смерти. Голодъ меня уже не томилъ и мученій я не ощущалъ. Лежалъ на снопахъ и положительно ни о чемъ не думалъ. Глядѣлъ на тучи и заходящее солнце. У меня явились прекрасныя галлюцинаціи; первая — изъ тучи рельефнѣйшимъ образомъ вырисовывалась тройка лошадей, впряженныхъ въ старинный помѣщичій экипажъ. Экипажъ и кони—въ водѣ. Кони пьютъ. Четкость каждой фигуры была изумительна. Дальше, въ другихъ мѣстахъ, вырисовывались мужскія головы въ швейцарскихъ, съ длинными полями, шляпахъ, съ перьями. Рельефно видѣлъ во весь ростъ свою жену, въ шляпѣ,

въ профиль, и моихъ сыновей: четырехлѣтняго Бориса и одиннадцатимѣсячнаго Валерія. Они шалили въ дѣтской кроваткѣ. Рисовались еще хижины, деревья и проч. Бутылочку воды я уже выпилъ, и надо было вновь идти въ деревню, взять воды и на завтрашній день.

„Собравъ силы, я всталъ, но снова сѣлъ; ноги меня уже не держали, и я шатался. Посидѣвъ нѣсколько минутъ, вновь приподнялся, и въ этотъ разъ не упалъ, и пошелъ съ конемъ набрать воды. Манчжуры, когда я набиралъ бутылкой коню воды, весело галдѣли и смѣялись. На третій день странствованія я наткнулся на гряды неубраннаго горошку, собралъ его цѣлый карманъ, что̀ также мнѣ служило пищей до самаго конца. Утромъ, на седьмой день, я нашелъ гряду убранной рѣдьки; на ней на мою долю досталось недорослыхъ рѣдекъ нѣсколько штукъ—около десятка, но меня аппетитъ уже оставилъ, ѣсть не хотѣлъ, былъ очень слабъ, причемъ—дыханіе частое, лихорадочное, и я сознавалъ, что у меня сильный жаръ и что я простудился.

„Какъ провелъ ночь седьмого дня—не помню. На восьмой день я двигался по какой-то большой, наѣзженной дорогѣ. Китайцы говорили, что она идетъ на Мергенъ, но я не обращалъ уже на нихъ вниманія, шелъ по ней совершенно равнодушно, не зная, куда иду и зачѣмъ. Не думалъ ни о чемъ. Впереди, къ вечеру, показался большой лѣсъ, а въ немъ—китайскія деревни. Вода у меня была, и я въ эти деревни не поѣхалъ, а остановился въ степи. Нашлось нѣсколько копенъ хлѣба, еще не свезенныхъ китайцами.

„Эта послѣдняя ночь моихъ мученій была самою для меня тяжелою: былъ сильный морозъ, вода въ лужахъ замерзла. Руки, въ изорванныхъ перчаткахъ, обмерзли, ноги—тоже. Самъ отъ холода всю ночь не могъ, какъ говорится, попасть зубъ на зубъ... но все-же и она прошла. Утромъ ѣду по этой большой дорогѣ. Проѣхалъ версты четыре, въѣхалъ въ лѣсъ, вдругъ—выстрѣлъ, и мимо лошади пробѣжалъ громадный фазанъ; я взглянулъ въ сторону выстрѣла, увидѣлъ трехъ солдатъ, но себѣ я не повѣрилъ, зная, что у меня уже были галлюцинаціи. Когда же я остановился и солдаты подошли ко мнѣ, я былъ охваченъ чувствомъ страшной радости, до умиленія,—у меня снова слезы. Прежде всего я спросилъ, какой это постъ; одинъ изъ нихъ отвѣтилъ, что это — не постъ. Я имъ объяснилъ о всемъ, что̀ произошло, и приказалъ, чтобы они меня вели въ свое помѣщеніе обогрѣться и, если можно, выпить чаю. Въ отвѣтъ я услыхалъ:

— Ваше благородіе, да вотъ Цицикаръ. Васъ ищутъ развѣдчики, наряженные для этого, а командиръ полка, сказываютъ, объявили китайскому дзянь-дзюню доставить васъ живымъ или мертвымъ въ полкъ, иначе—плохо будетъ.

„Цицикаръ былъ передо мною, а я мерзъ сильно простуженный въ какихъ-нибудь четырехъ верстахъ.

„Такъ счастливо окончилось мое голодное путешествіе. Еще однѣ сутки—и голодная смерть мнѣ была неминуема. Я едва могъ слѣзть съ коня,—ослабѣли мускулы ногъ и рукъ. На другой день, больной и разслабленный, я былъ отправленъ въ деревню Фулярди, въ 9-й подвижной полевой госпиталь на излеченіе“.

XVI.—Отъ Харбина до Толочжоу.

Начало октября. Свѣтлое, морозное утро. Дворъ, улицы, крыши домовъ—все бѣло, все покрыто тонкимъ слоемъ снѣга, выпавшаго за ночь.

Въ Харбинѣ, на площадкѣ, передъ русско-китайскимъ банкомъ, составивъ ружья въ козлы, выстроилась рота. Солдаты, въ полушубкахъ и папахахъ, шалятъ, смѣются, топчутся на мѣстѣ, толкаютъ другъ друга и вообще стараются согрѣться. Имъ, очевидно, уже надоѣло ждать. По близости, на крылечкѣ, сидитъ командиръ роты, высокій, усатый поручикъ, пальто въ рукава, при револьверѣ и шашкѣ.

Я разъѣзжаю тутъ же верхомъ на вороной лошади, въ тепломъ пальто и папахѣ, и тоже при оружіи. Въ концѣ площадки двое статскихъ, банковскіе чиновники, въ визиткахъ и барашковыхъ шапкахъ, озабоченно укладываютъ вещи на длинную китайскую двуколую подводу. Она запряжена шестерикомъ маленькихъ китайскихъ лошадей цугомъ, попарно. Рядомъ стоятъ еще нѣсколько такихъ же подводъ. И чего-чего только не навалено на нихъ: ящики съ посудой, книгами, одеждой. Вонъ блеститъ самоваръ; торчитъ изъ раскрывшейся картонки черный шолковый цилиндръ; болтается по землѣ рукавъ отъ фрака. Проѣзжаю мимо ротнаго командира.

— Вѣдь вотъ, полковникъ,—этимъ господамъ давно было извѣстно, что сегодня въ восемь часовъ выступать. А ужъ больше часа дожидаемся!—обидчиво жалуется онъ, кивая на статскихъ. Приподнимается, крутитъ папироску и зализываетъ ее языкомъ.

— Да и еще съ часъ простоимъ! Смотрите, сколько повозокъ пустыхъ!—съ досадой говорю ему.

Китайцы-погонщики, въ ватныхъ курткахъ и такихъ же шароварахъ, привязанныхъ на тесемочкахъ, въ широчайшихъ мѣховыхъ шапкахъ, стоятъ у лошадей и терпѣливо дожидаются. Но, вотъ, по промерзлой дорогѣ, грузно подкатываютъ двѣ большихъ русскихъ троечныхъ телѣги съ вещами. На нихъ довольно удобно расположились контрольные чиновники, въ фуражкахъ съ синими околышами. Одинъ изъ нихъ—мой старый знакомый по Хунчуну, Мусатовъ. За этими повозками подъѣзжаютъ еще три. Впереди всѣхъ останавливается тарантасъ тройкой. Въ корню запряжена высокая, пятивершковая гнѣдая лошадь, а по бокамъ—два маленькихъ буланыхъ лошака. Длинныя уши ихъ презабавно болтались. Въ тарантасѣ сидѣлъ, въ енотовой шубѣ, агентъ восточно-китайской дороги Домбровскій, худощавый блондинъ, съ бритымъ лицомъ и длинными усами. Далѣе слѣдовала громадная китайская фура. Она горой была нагружена вещами. Китайцы—удиивительные мастера перевозить на своихъ двуколкахъ тяжести. Меня увѣряли, что они наваливаютъ иногда по двѣсти пудовъ на одну подводу. За этимъ возомъ слѣдовала легонькая китайская повозка съ полотнянымъ верхомъ. Въ ней сидѣла Аннушка, прислуга Домбровскаго, укутанная и обвязанная платками, шалями и пледами съ головы до ногъ.

Аннушка была великая искусница жарить шашлыкъ. Я всю дорогу объѣдался имъ. Чуть только гдѣ привалъ, хотя и небольшой, смотришь, огонь у нея уже разведенъ, и сама она, раскраснѣвшись, вертитъ надъ раскаленными угольями сочную палку шашлыку.

А вонъ и моя повозка парой. Лошади маленькія, китайскія, отличныя! Въ корню бѣлая, а сбоку вороная. Ни въ какой грязи, ни на какой горѣ онѣ не выдавали. Только крикнешь, бывало, на нихъ, такъ рады изорваться. Конями правилъ казакъ охранной стражи, Лопашовъ, родомъ терецъ. Иванъ же мой сидѣлъ на возу, за барина.

И лошадей, и повозку, и самого Лопашова, любезно одолжилъ мнѣ начальникъ охранной стражи, полковникъ Гернгроссъ.

Лопашовъ былъ большой оригиналъ. Что его, бывало, ни спросишь, онъ одно отвѣчалъ:—„Такъ точно!“—или:—„Никакъ нѣтъ“.—Другой какой-либо фразы, за четыре мѣсяца, что онъ у меня пробылъ, я отъ него не слыхалъ.

Маленькій, коренастый, съ краснымъ, багровымъ носомъ и щетинистыми усами, стриженный подъ гребенку, онъ всегда былъ

сумрачный, угрюмый, недовольный. Голосъ имѣлъ грубый, рѣзкій. Ходилъ вѣчно въ синей мерлушачей китайской шубѣ, которую не скидывалъ съ плечъ. Въ ней онъ и спалъ, и Богу молился, и лошадьми правилъ. Гдѣ онъ досталъ эту шубу, и сколько за нее заплатилъ, не могу сказать,—полагаю, что не дороже того, сколько далъ за свою чечунчу въ Хунчунѣ мой милѣйшій Матвѣй Матвѣичъ.

Лопашовъ терпѣть не могъ китайцевъ, и презиралъ ихъ всѣми силами своей души. При каждомъ удобномъ случаѣ, онъ норовилъ вытянуть ихъ плетью. Много трудовъ стоило мнѣ, дорогой, удерживать его отъ этихъ попытокъ. Впрочемъ, иногда онъ бывалъ и добрый,—когда ему нужно было выманить что-либо. Тогда онъ разомъ точно перерождался. Становился ласковымъ, веселымъ и чрезвычайно вкрадчивымъ.

Какъ сейчасъ помню, сижу я въ Гиринѣ, въ своей фанзѣ, у окна, рядомъ съ помѣщеніемъ коменданта. Неподалеку разгуливаетъ по двору почтенный китаецъ, интендантъ при комендантскомъ управленіи, въ синемъ шолковомъ халатѣ и коричневой курмѣ. Шляпа черная съ перомъ. Коса жиденькая. Онъ важно куритъ свою маленькую трубочку на длинномъ мундштукѣ и глубокомысленно о чемъ-то раздумываетъ. Вдругъ, вижу, къ нему спѣшитъ мой Лопашовъ. Полы шубы развѣваются. Самъ веселый, глаза масляные, ноздри раздуты.

— Ходя! [1]) Ходя! тютень е? табакъ! табакъ!—выкрикиваетъ онъ и машетъ ему пустымъ кисетомъ. Тотъ, не измѣняя позы, съ снисходительной улыбкой, добродушно достаетъ висѣвшій у него сбоку шитый шолковый кисетъ, и начинаетъ пересыпать табакъ.

— Вотъ ходя! вотъ молодецъ! душа человѣкъ!—подхваливаетъ казакъ, совершенно забывая, что тотъ ни слова не понимаетъ по-русски. Обобравши чуть не весь табакъ, онъ преспокойно уходитъ, даже и не думая чѣмъ-либо отблагодарить китайца. Но вернемся назадъ.

Вся эта колонна, подъ моимъ непосредственнымъ наблюденіемъ, идетъ въ Гиринъ. Кромѣ меня, Мусатова и Домбровскаго, ѣхалъ еще управляющій отдѣленіемъ русско-китайскаго банка въ Гиринѣ, англичанинъ мистеръ Кемпбель, такой же худощавый и такой же бритый, какъ и Домбровскій, и его помощникъ Красинъ. Они везли на нѣсколькихъ подводахъ серебро въ Гиринъ, въ слиткахъ и китайскихъ ямбахъ [2]).

---

[1]) Ласковое названіе китайца.

[2]) Ямбъ—китайская серебряная монета. Она бываетъ цѣнностью отъ 50 к. до 50 рублей.

Наконецъ готовы и банковскіе дѣятели. На послѣднюю китайскую подводу они разложили тюфяки, подушки, разлеглись на нихъ, и теперь ѣдутъ себѣ очень спокойно.

Длинной вереницей вытягивается колонна. Впереди идетъ взводъ съ самимъ ротнымъ командиромъ, а дальше тянутся подводы, большинство китайскія, шестериками. Колонну замыкаетъ остальная часть роты, при фельдфебелѣ.

Я ѣду въ Гиринъ съ той же цѣлью, съ какой ѣздилъ и въ Цицикаръ, т.-е. осматривать части войскъ: ихъ пищу, одежду и помѣщеніе. Какъ дитя радовался я этой командировкѣ. Да и какъ было не радоваться? Когда же бы я могъ въ другой разъ побывать въ сердцѣ Манчжуріи и увидать всѣ тамошнія чудеса? Вѣдь Гиринъ—не Хунчунъ, не Цицикаръ. Въ немъ насчитываютъ болѣе трехсотъ тысячъ жителей. Гиринъ—столица Манчжуріи. Въ немъ—резиденція дзянь-дзюня. Средоточіе торговли и цивилизаціи края. Тамъ арсеналъ, монетный дворъ.—Будетъ на что посмотрѣть, полюбоваться. Будетъ, гдѣ что и пріобрѣсти.

Не могу теперь безъ улыбки вспомнить, съ какими излишними предосторожностями выступили мы изъ Харбина. Городъ еще изъ виду не скрылся, какъ уже далеко впереди слѣдовали четыре солдата дозоромъ. Двое шли самой дорогой,—и двое по бокамъ. Между тѣмъ на встрѣчу намъ безпрестанно попадались транспорты, солдаты, мирные китайцы.

Вонъ тащится нашъ дозорный солдатъ полемъ. Солнце поднялось высоко. Снѣгъ растаялъ. Земля распушилась. Ноги у него, бѣднаго, глубоко вязнутъ въ пашню. Полушубокъ теплый. Останавливается служивый передохнуть. Снимаетъ папаху, вытираетъ мокрый лобъ, поддергиваетъ холщевую сумку съ патронами и сухарями, перекидываетъ винтовку на другое плечо, и снова бредетъ дальше, пробивая грудью переспѣвшую, желтую чумидзу. Я вскорѣ снялъ боковыхъ. На послѣдующихъ же этапахъ бралъ конныхъ казаковъ, дабы не мучить пѣхоту.

Мы двигаемся очень медленно, версты четыре въ часъ, не больше. Останавливаемся, отдыхаемъ. Варимъ пищу, и дальше ѣдемъ, все вдоль желѣзно-дорожнаго пути. Его уже поправляютъ послѣ китайскаго погрома. Во многихъ мѣстахъ шпалы вытащены, рельсы тоже, и только самое полотно да канавы указывали, гдѣ должна идти дорога. Было совершенно темно, когда мы втянулись на ночлегъ въ обширную, полу-разрушенную деревню. Очень непріятно проходить ночью мимо развалинъ. Про-

дранныя окна, раскрытыя настежь двери, проломленныя стѣны, и безъ того печальныя, въ сумракѣ ночи казались еще мрачнѣе. Такъ и мерещилось, что, вотъ-вотъ, выскочатъ хунхузы. Останавливаемся въ концѣ деревни у ханшиннаго [1]) завода, обнесеннаго высокой каменной стѣной. Благодаря только этимъ стѣнамъ, онъ, вѣроятно, и остался цѣлъ. Ворота широко распахиваются, и наши повозки, одна за другой, начинаютъ скрываться, точно въ пропасть какую. Здѣсь же былъ и постоялый дворъ. Хозяева-китайцы, въ своихъ черныхъ курткахъ и шапочкахъ, съ ключами въ рукахъ, озабоченные шмыгаютъ мимо меня въ темнотѣ, чтобы достать чумидзы лошадямъ, зерна и разныхъ разностей. Въ Манчжуріи сѣна не косятъ. На мѣсто него идетъ въ кормъ солома. Просторно расположился нашъ обозъ. Запылали костры. Солдаты варятъ пищу. Освѣщенные огнемъ, очень картинно стоятъ они надъ кострами, грѣютъ руки, разговариваютъ, смѣются. Имъ отводятъ длинную фанзу, съ теплыми канами. Мы же всѣ располагаемся въ другой фанзѣ рядомъ съ хозяевами. Ворота запираются, и вскорѣ все засыпаетъ. — И снится мнѣ, что на насъ нападаютъ китайцы. Луна ясно свѣтитъ на небѣ. Я, рядомъ съ командиромъ роты, стою у стѣнъ двора. Солдаты, просунувъ ружья въ амбразуры, ожидаютъ приближенія непріятеля.

— Пли!—слышится команда ротнаго командира, а затѣмъ отчаянные крики раненыхъ китайцевъ. Одновременно съ этими криками, мнѣ чудится сильный вѣтеръ, свистъ какъ бы отъ пуль. Просыпаюсь, — оказывается, во время сна, я какимъ-то образомъ пробилъ въ окнѣ бумагу, и холодный вѣтеръ сильно дулъ мнѣ въ голову. Спутники мои крѣпко спятъ, укрывшись одѣялами. Въ концѣ фанзы, на кухнѣ, мелькаетъ огонекъ. Направляюсь туда. Смотрю, сидятъ два китайца, тихонько разговариваютъ и что-то работаютъ. Осторожно подхожу ближе, и при свѣтѣ слабо мерцающаго ночника вижу столъ. На немъ лежитъ груда нарубленной мелкими кусками свинины. Китайцы берутъ ихъ и своими необыкновенно длинными и крѣпкими ногтями на указательныхъ пальцахъ, какъ ножомъ, соскабливаютъ мясо съ костей. Мясо кладутъ въ кучку, а кости бросаютъ отдѣльно.

— Вотъ такъ угощенье будетъ!—думается мнѣ, и я вспоминаю, съ какимъ удовольствіемъ ѣлъ въ Цицикарѣ, въ харчевнѣ, подобное кушанье. Какъ противно показалось оно мнѣ теперь!

---

[1]) Водочнаго.

Иду во дворъ. Только чуть начинаетъ брежжить. Звѣзды блѣднѣютъ и одна за другой гаснутъ на небѣ. Горизонтъ подергивается огненной полосой. Кругомъ тихо, морозно. Все покрыто серебристымъ инеемъ. Лошади кое-гдѣ ржутъ и фыркаютъ. Пора запрягать, дорога дальняя. Неизвѣстно, что̀ можетъ по пути случиться.

— Эй, тамъ! позвать старшаго!—кричу. Черезъ минуту тотъ является.

— Здорово!

— Здравія желаемъ, ваше высокоблагородіе!

— Пошли на постъ, чтобы прислали четырехъ казаковъ въ провожатые, да пора поить и запрягать.

— Слушаю-съ!—слышится отвѣтъ, и солдатъ скрывается. Дворъ исподволь оживаетъ. Коней ведутъ поить. Китайцы-погонщики возятся около своихъ повозокъ, перекликаются, торопливо курятъ изъ маленькихъ трубочекъ и принимаются запрягать лошадей. Всѣ мы уже напились чаю, лишь одинъ англичанинъ нашъ, мистеръ Кемпбель спитъ, укрывшись съ головой, несмотря на то, что его неоднократно будили.

— Красинъ! будите его хорошенько, — говорю его помощнику, тучному мужчинѣ, съ окладистой бородой съ просѣдью.

— Мистеръ Кемпбель! Мистеръ Кемпбель! уже всѣ встали! Пора!—кричитъ онъ, наклоняясь надъ своимъ патрономъ. Англичанинъ, въ ярости, весь красный, вскакиваетъ съ постели.

— Нѣтъ, пол-ков-никъ!—тянетъ онъ.—Такъ не-во-з-мож-но! Вы поѣзжайте, а я останусь одинъ! Я не могу такъ рано вставать! Это невозможно!—Укутываетъ пледомъ голову и снова бросается на постель въ полномъ отчаяніи. Раздается дружный хохотъ.—Но вскорѣ онъ встаетъ, быстро глотаетъ стаканъ за стаканомъ полу-холоднаго чая и настойчиво слѣдуетъ за своей повозкой пѣшкомъ, чтобы хорошенько согрѣться.

Скучно слѣдовать за пѣхотой. Торопить же нельзя,—идемъ по маршруту.

Мы уже дней пять, какъ въ дорогѣ. Мѣстность—что̀ дальше, то живописнѣе. Все поля и поля. Несмотря на позднее время, хлѣбъ, по причинѣ военныхъ дѣйствій, всюду остался неубраннымъ. Тысячи десятинъ чумидзы, кауляна, бобовъ—сохли на корню и погибали.

Поднимаемся на пригорокъ. День солнечный, чудный. Окрестности далеко видны. Мѣстность слегка волнистая. Вдали бѣлѣютъ вершины горъ, покрытыя снѣгомъ. Темнѣютъ рощи, стѣны

одиночныхъ импаней. Желтѣютъ груды хлѣба и соломы. На встрѣчу намъ попадаются толпы китайцевъ-рабочихъ. Съ котомками за спиной, спѣшатъ они въ Харбинъ на заработки,—къ желѣзной дорогѣ. Нѣкоторые, побогаче, ѣдутъ на подводахъ. Вонъ тащится двуколесная фура восьмерикомъ. Точно гора какая! Впереди къ оглоблѣ приложенъ бѣлый флажекъ съ русской надписью; читаю: „Житель города Санъ-Ченъ-Пу,—Чинъ-Лу,—ѣдетъ въ Харбинъ—съ торговой цѣлью. Прошу начальниковъ частей чинить ему свободный пропускъ. Начальникъ гарнизона—полковникъ N". Вотъ уже сколько такихъ подводъ встрѣтили мы, и у всѣхъ лошади, хотя и маленькія, но очень хорошія, сытыя, береженныя. Сбруя вся украшена мѣдью. Любо смотрѣть! Интересно, что у китайскихъ повозокъ колеса вертятся вмѣстѣ съ осью, какъ у вагоновъ.

Высоко, точно на платформѣ, расположилось на возу человѣкъ двадцать китайцевъ. Они распиваютъ себѣ тамъ чай, курятъ, играютъ въ карты. Погонщикъ длиннымъ бичомъ оглушительно щелкаетъ и погоняетъ лошадей.

Далеко впереди шагаютъ наши солдаты. Я уже давно покинулъ своего коня и ѣду въ тарантасѣ Домбровскаго. Такъ гораздо спокойнѣе. Оглядываюсь назадъ,—за мной ѣдетъ крытая повозка съ Аннушкой. За этой повозкой тащится контрольная. Лошади ихъ устали. Паръ такъ и валилъ отъ нихъ. Имъ не подъ силу везти такую тяжелую телѣгу. Еще далѣе виднѣется подвода съ англичаниномъ и его помощникомъ. Они все такъ же удобно лежатъ, растянувшись на матрацахъ, и разговариваютъ. А вонъ и моя. Бѣлый коренникъ далеко виденъ. За повозкой тихонько выступаетъ мой верховой конь, привязанный за поводъ. Въ самомъ же концѣ колонны, порядочно растянувшись, „пылитъ" пѣхота, сверкая на солнцѣ штыками.

Подходимъ къ зажиточной деревнѣ. Она мало разрушена. Видны кумирни, богатыя фанзы.

„Помнимъ, братцы, какъ стояли...
На Амурскихъ берегахъ!"

—тоненькимъ теноркомъ затягиваетъ нашъ бравый запѣвало любимую ротную пѣсню, и машетъ рукой.

„Мы стояли, долго ждали
Командира своего!"

—дружно подхватываетъ хоръ.—Далеко по окрестностямъ раздаются звонкіе голоса пѣсельниковъ. Солдаты подтягиваются и дружнѣе отбиваютъ ногу. Имъ, очевидно, самимъ пріятно по-

смотрѣть, какое впечатлѣніе произведетъ ихъ пѣніе на китайцевъ. Тѣмъ временемъ жители со всѣхъ сторонъ бѣгутъ на встрѣчу намъ, послушать русскихъ пѣсенъ. Мужчины гурьбой стоятъ вдоль улицы. Женщины и дѣти осторожно, съ любопытными лицами, выглядываютъ изъ дверей и изъ-за стѣнъ домовъ. Мальчишки взбираются на крыши и изгороди, и оттуда глазѣютъ на насъ.

„Вы скажите, мои братцы,
Какъ вы служите царю!“

—отчетливо выкрикиваетъ запѣвало и посматриваетъ по сторонамъ.

Обозъ нашъ уже далеко миновалъ деревню, а китайцы все еще стоятъ за околицей, и въ недоумѣніи провожаютъ насъ глазами, какъ бы соображая, радоваться ли имъ, или горевать.

Солнце еще высоко. Мы приближаемся къ р. Ляленхе. Вдали виднѣются постройки. Курятся дымки отъ костровъ. Мелькаютъ человѣческія фигуры. А вотъ и желѣзно-дорожный мостъ. Во время войны онъ былъ сожженъ, и теперь ремонтировался.

Пока наши переправлялись по временному мосту, выхожу на берегъ. Кругомъ—рабочихъ множество, но русскихъ мало. Все китайцы. Инструменты у нихъ другіе, нежели у нашихъ. Топоры маленькіе, узенькіе, на длинныхъ топорищахъ. Стамески, долота, пилы, ножи—все другое. Подхожу къ дорожному мастеру. Въ суконномъ пиджакѣ на мѣху и форменной фуражкѣ, онъ степенно расхаживалъ между рабочими и наблюдалъ.

— Вотъ, забѣжалъ взглянуть на вашу работу! Скоро ли мостъ будетъ готовъ?—спрашиваю его.

— Да какъ матеріалъ. За нами дѣло не станетъ. Мѣсяца два, три. Вотъ, пожалуйте сюда. Извольте взглянуть: сваи наращиваемъ. Старыя обгорѣли. Такъ вотъ, чтобы новыя не бить, и наращиваемъ,—предупредительно разсказываетъ онъ.

— А вотъ здѣсь, въ этомъ мѣстѣ локомотивъ потопленъ. До сихъ поръ лежитъ въ водѣ,—его не видно.—Мастеръ указываетъ рукой.

Бревенъ, досокъ лежало на берегу великое множество. Я хожу, осматриваю, благодарю мастера за любезность, сажусь въ тарантасъ и ѣду дальше. Вдали виднѣются рощи. Темнѣютъ стѣны импаней, крыши кумирень.

— Вонъ гдѣ рощи, тамъ и Толочжоу, штабъ нашего полка, —говоритъ мнѣ ротный командиръ. Онъ идетъ рядомъ со мной, слегка придерживаясь за крыло тарантаса. Я радуюсь. Мы про-

шли сто-двадцать верстъ. До Гирина остается еще сто-восемьдесятъ. Въ Толочжоу—смѣна конвоя.

Вечерѣетъ. Въ уютной общей столовой расположились вокругъ стола человѣкъ двадцать офицеровъ. Тутъ и свои, тутъ и проѣзжающіе. Толочжоу—такой пунктъ, что всѣ, ѣдущіе въ Гиринъ и обратно, непремѣнно должны сюда заѣхать. Здѣсь—постоянные гости. 18-й восточно-сибирскій стрѣлковый полкъ—замѣчательно гостепріимный и хлѣбосольный. Кто только, въ эту китайскую войну, не попробовалъ здѣшнихъ щей и не поѣлъ горячихъ битковъ на сметанѣ! И гдѣ они только доставали сметаны? Китайцы коровъ не доятъ и ничего молочнаго не ѣдятъ. Какъ хорошо 18-й полкъ умѣетъ устроиваться! Былъ я, напримѣръ, въ ихъ банѣ. Да вѣдь какая баня! — настоящая русская, на три отдѣленія, даже и дождичекъ есть. И какъ залѣзъ я, грязный, промерзшій, на жаркій полокъ, да какъ началъ меня баньщикъ, здоровенный стрѣлокъ, помахивать горячимъ вѣникомъ, такъ я въ такой восторгъ пришелъ, что забылъ и Манчжурію, и колонну свою.

Но вернемся къ разсказу. Тутъ же сидятъ и мои спутники. На столѣ лежатъ груды картъ и денегъ. Играютъ въ штоссъ. Мечетъ высокій, рыжій штабсъ-капитанъ. Лицо въ веснушкахъ. Онъ сумраченъ. Ему не везетъ. И всему виной поручикъ охранной стражи, полный, красивый блондинъ. Счастье валило ему до смѣшного. Какую карту ни поставитъ—все беретъ. Онъ сидитъ возлѣ меня.

— Ну-съ, готово!—угрюмо вопрошаетъ банкометъ и искоса посматриваетъ на „охранника",—такъ звали въ Манчжуріи офицеровъ охранной стражи. Тотъ, между тѣмъ, шутя проситъ меня:

— Выбирайте карту!

— Нѣтъ, ужъ вы сами выбирайте, я не знаю,—говорю ему. Тотъ беретъ семерку, хватаетъ пачку кредитокъ и, не считая, кладетъ ихъ на столъ, подъ карту. Тѣмъ временемъ банкометъ обводитъ взоромъ всѣхъ играющихъ.

— У васъ что?—слышится его опавшій голосъ.

— Пять рублей карта!—хрипитъ старикъ полковой врачъ, маленькій, сѣденькій. Онъ, видимо, играетъ не изъ интереса, а отъ скуки, чтобы не сидѣть одному дома. Ему, старику, съ молодежью веселѣе.

— У васъ?—слышится тотъ же вопросъ.

— Пять рублей!

— У васъ?

— Десять рублей карта!—баситъ контролеръ. Онъ также сумраченъ. Онъ тоже проигрался.

— Ну, у васъ!—и банкометъ небрежно киваетъ головой въ самый конецъ стола. Тамъ сидѣлъ огромный, рыжій, неуклюжій статскій. Лицо все въ угряхъ.

— Рупь!—пищитъ тотъ тоненькимъ голоскомъ, въ противоположность своему огромному росту, и радостно потираетъ руки. Онъ уже порядочно выигралъ, но все боится увеличить кушъ.

Штабсъ-капитанъ рѣшительно повертываетъ колоду. Присутствующіе впиваются въ нее глазами. Наступаетъ полная тишина. Слышенъ только шелестъ картъ.

— Дана!—баситъ контролеръ и тащитъ изъ банка десятирублевку.

— И мнѣ дана!—хрипитъ докторъ и самодовольно гладитъ тощею рукою сѣдые усы, пожелтѣвшіе отъ табачнаго дыма.

— И мнѣ рубликъ пожалуйте!—визжитъ верзило статскій, подпрыгивая на стулѣ, какъ малый ребенокъ. Штабсъ-капитанъ хладнокровно разсчитывается. Эти карты ему—пустяки.

„Что-то семерка скажетъ?"—очевидно, думаетъ онъ.

— Хватитъ ли въ банкѣ, господа?—восклицаетъ кто-то.

— Хватитъ, хватитъ!—слышится отвѣтъ. Всѣ устремляются слѣдить за игрой.

Очередь за семеркой.

— Вотъ! Вотъ семерка!—шепчетъ чей-то голосъ осторожно.

— Нѣтъ, восьмерка!—шепчетъ другой.

Карты медленно выпадаютъ одна за другой, направо и налѣво. Семерки все нѣтъ. Всѣ присутствующіе какъ бы замираютъ. Наконецъ и семерка. Она беретъ.

— Фу ты! грѣхъ какой!—отчаянно вопитъ банкометъ и вскакиваетъ со стула. Весь красный отъ досады, отсчитываетъ онъ проигрышъ, суетъ остатокъ въ боковой карманъ своего мѣхового сюртука и поспѣшно уходитъ,—должно быть, за деньгами. Счастливый охранникъ провѣряетъ, сколько онъ выигралъ; оказывается—четыреста-пятьдесятъ рублей.

Мнѣ надоѣло смотрѣть. Иду спать. Въ просторной комнатѣ сидѣлъ у стола молоденькій офицеръ, въ одной рубахѣ и шароварахъ, и читалъ книгу.

— Вы что здѣсь одинъ сидите?—спрашиваю его.

— Я не играю. Я недавно изъ экспедиціи пришелъ!—застѣнчиво отвѣчаетъ онъ.

— Изъ какой экспедиціи?

— А меня за хунхузами посылали! Да не особенно удачно

кончилась! — разсказываетъ онъ, и молодыя блѣдноватыя щеки его покрываются легкимъ румянцемъ.

— А вы бы описали мнѣ вашу поѣздку!—прошу его.—Пожалуйста, будьте добренькій! Очень обяжете. Принимайтесь теперь же!—упрашиваю его.

Поручикъ нехотя достаетъ съ полки портфель, бумагу, чернила и садится писать.

— Половинка-то у меня уже готова!—какъ бы про себя бормочетъ онъ.—Пожалуй, къ утру и окончу.

Просыпаюсь,—еще совсѣмъ темно. На столѣ горитъ свѣча. Рядомъ лежитъ оконченная рукопись. На окнѣ виднѣется желѣзная кружка съ надписью: „На построеніе церкви 18-го вост.-сиб. стрѣлковаго полка, въ деревнѣ Толочжоу". На полу, на разостланныхъ буркахъ спятъ офицеры. Среди нихъ, поджавши ноги калачомъ, сидѣлъ въ одномъ бѣльѣ мой вчерашній пріятель, толстый, симпатичный охранникъ. Тихонько посмѣиваясь про себя, онъ пересчитывалъ деньги.

— Что, поручикъ, много выиграли?—спрашиваю его.

— Да побольше трехъ тысячъ!—и онъ машетъ рукой, какъ бы желая сказать: и самъ не радъ,—столько выигралъ, что даже совѣстно.

Слѣзаю съ постели и подхожу къ нему.

— Дайте-ка мнѣ одну сторублевочку!—и беру кредитку.

— Зачѣмъ вамъ?—какъ бы испуганно спрашиваетъ поручикъ и улыбается.

Я складываю бумажку въ нѣсколько разъ и быстро опускаю ее въ кружку.

— Ну! что вы? Зачѣмъ? Я и то хотѣлъ въ Харбинѣ на нашу церковь пожертвовать!—заявляетъ онъ.

— А вы развѣ охранной стражи офицеровъ обыграли? Вѣдь здѣшнихъ, 18-го полка. Ну, такъ здѣсь и пожертвуйте. Отъ трехъ тысячъ можно.

Охранникъ машетъ рукой и продолжаетъ считать.

XVII.—Стычка съ хунхузами при Уанъ-цань-тунѣ.

Вотъ что гласила рукопись. Жаль, что она оказалась безъ подписи. Не знаю, кого теперь и благодарить за нее.

„Часа въ четыре дня 2 октября 1900 года пришелъ житель Сіу-кинь-ли дер. Уанъ-цань-тунь съ жалобой, что хунхузы ограбили его и его домъ. Командиръ дивизіона, полковникъ Шверинъ,

онъ же начальникъ гарнизона г. Шуанъ-чен-пу, послалъ меня съ коннымъ отрядомъ для поимки этихъ хунхузовъ. Взявъ съ собою 16 человѣкъ (изъ нихъ 13 учебной команды), вооруженныхъ винтовками и шашками, хлѣба, сахару и чаю на два дня, я въ шесть час. вечера выступилъ по направленію къ деревнѣ Уанъ-цань-тунь, въ 80 ли (37 верстъ) отъ г. Шуанъ-чен-пу. Проводникомъ служилъ вышеупомянутый ограбленный житель, а переводчикомъ—нѣкто Уанъ-ченъ-ли. Въ скоромъ времени послѣ нашего выхода, намъ пришлось остановиться на ночлегъ, такъ какъ сдѣлалось совершенно темно (мы выступили во время заката солнца); остановились мы на постояломъ дворѣ въ деревнѣ, въ семи верстахъ къ западу отъ нашего города. Китайцы не хотѣли насъ сперва пускать, такъ какъ принимали насъ за хунхузовъ, и впустили только послѣ долгихъ разговоровъ и убѣжденій со стороны нашего проводника и переводчика. Ради предосторожности я назначилъ три смѣны дневальныхъ, каждая въ два человѣка, вооруженныхъ ружьями.

„Переночевали благополучно; на разсвѣтѣ 3 октября двинулись дальше. По дорогѣ мы не плутали, такъ какъ проводникомъ былъ житель той самой деревни, въ которой расположились хунхузы. Три-четверти всей дороги шли мы рысью, такъ какъ я боялся, что хунхузы уйдутъ, и намъ ихъ не догнать (что уже однажды и было). Жители встрѣчавшихся намъ по дорогѣ деревень, узнавъ отъ переводчика цѣль нашей поѣздки, повидимому очень радовались, такъ какъ большинство изъ нихъ потерпѣло отъ этихъ хунхузовъ достаточно.

„Чѣмъ ближе мы становились къ дер. Уанъ-цань-тунь, тѣмъ болѣе трусили нашъ проводникъ и переводчикъ. Деревню эту мы увидѣли примѣрно верстъ за пять. Боясь, что хунхузы, увидя насъ, уйдутъ, я прошелъ все это разстояніе рысью. Проводникъ и переводчикъ сильно отставали; во избѣжаніе ихъ побѣга, я приставилъ къ нимъ одного коннаго вѣстового. Наконецъ мы подъѣхали къ этой желанной деревнѣ. Съ виду она казалась покинутой жителями. По дорогѣ намъ попалось двое-трое ребятъ. Проѣхавъ полной рысью почти всю деревню и не встрѣтивъ ничего подозрительнаго, мы увидѣли въ концѣ ея большую толпу китайцевъ, которые, не замѣчая насъ, подпустили насъ шаговъ на двѣсти, послѣ чего вдругъ разсыпались во всѣ стороны, причемъ большинство изъ нихъ бросилось во дворъ того дома, у котораго они стояли. Съ виду онъ походилъ не то на ханшинный заводъ, не то на постоялый дворъ; былъ обнесенъ глинобитною стѣной, съ двумя воротами и башнями съ бойни-

цами. Это моментальное исчезновеніе китайцевъ показалось мнѣ подозрительнымъ, такъ какъ мирные жители никогда не разбѣгались при появленіи нашего отряда. Я бросился вслѣдъ за толпой полнымъ галопомъ. (Поспѣшность эта впослѣдствіи оказала большую услугу, такъ какъ не дала китайцамъ времени хорошенько приготовиться къ отпору). Оставивъ нѣсколько человѣкъ у однихъ воротъ, я ворвался съ остальными въ другія ворота, преслѣдуя толпу по пятамъ. Во дворѣ уже бѣгали китайцы въ форменныхъ военныхъ мундирахъ, съ ружьями. Лишь только успѣли люди спѣшиться, какъ раздался выстрѣлъ. До этого времени ни одинъ китаецъ не былъ нами тронутъ. Послѣ перваго же выстрѣла со стороны китайцевъ, я приказалъ своимъ рубить. Люди съ беззавѣтной храбростью бросились на китайцевъ; первый показалъ примѣръ бомбардиръ учебной команды, Платонъ Заболотный, причемъ разсѣкъ голову одному китайцу; за нимъ бросились остальные. Преслѣдуя бѣгающихъ китайцевъ, многіе изъ нашихъ послѣдовали за ними въ фанзы. Но сейчасъ же выбѣжали оттуда, такъ какъ онѣ оказались полны вооруженнымъ противникомъ. Послѣ перваго же выстрѣла, я, не желая подвергнуть даромъ лошадей опасности быть убитыми, приказалъ выводить ихъ со двора, что̀ и было выполнено людьми, оставшимися при лошадяхъ. Лошади были помѣщены во дворѣ дома противъ ханшиннаго завода; дворъ этотъ былъ обнесенъ глиняной стѣной около двухъ аршинъ. Между тѣмъ, пока мы справлялись съ китайцами во дворѣ, остальные успѣли засѣсть въ фанзахъ и открыть по намъ сильный огонь изъ оконъ, дверей, крышъ, стѣнъ и башенъ. Это произошло въ то время, когда выводили лошадей. На насъ посыпался цѣлый градъ пуль, причемъ были убиты два нижнихъ чина и два ранены. Единственное объясненіе того, что мы всѣ не были уничтожены этимъ убійственнымъ огнемъ—это трусость китайцевъ. Я собралъ къ себѣ человѣкъ пять и сталъ отстрѣливаться, прикрывая этимъ лошадей и коноводовъ. Въ этой перестрѣлкѣ было подстрѣлено нѣсколько китайцевъ, причемъ на мою долю пришлось два. Лишь только лошади были выведены, я отошелъ съ людьми къ воротамъ и сталъ на улицѣ спиною къ глиняной стѣнѣ, чѣмъ и обезпечилъ себя и людей отъ выстрѣловъ съ тыла; съ правой стороны насъ защищали ворота. Коноводы съ лошадьми были въ двадцати шагахъ противъ насъ по другую сторону улицы во дворѣ. Люди были прикрыты до извѣстной степени стѣной, лошади же оставались открыты непріятельскимъ пулямъ, и прикрыть ихъ не было никакой возможности. Китайцы заняли стѣны,

надъ которыми стояли и башни съ бойницами. Такимъ образомъ нашъ отрядъ былъ раздѣленъ улицей на двѣ части. При мнѣ было человѣкъ пять; изъ нихъ одинъ былъ съ раздробленнымъ пулей плечомъ. Остальные были съ коноводами; одинъ изъ нихъ былъ также раненъ, но легко, въ бокъ. Видя, что люди до извѣстной степени прикрыты, я сдѣлалъ имъ перекличку: оказалось, что двоихъ не хватаетъ; одинъ изъ нихъ былъ убитъ у меня на глазахъ во дворѣ въ то время, когда выводилъ лошадей, другого же не видалъ никто (впослѣдствіи выяснилось, что онъ былъ убитъ пулей за одною изъ фанзъ).

„Стоя такимъ образомъ, другъ противъ друга, мы могли держаться противъ превосходнаго въ силахъ противника. Мы обстрѣливали улицу въ обѣ стороны. Другая же часть нашихъ обстрѣливала стѣну, подъ которой мы стояли, и ворота, чѣмъ и обезпечивала себя отъ вылазки. Имѣй мы возможность скрыть лошадей отъ пуль и большой запасъ патроновъ, наше положеніе не было бы такъ тягостно; но, къ несчастью, ни того, ни другого у насъ не было. Такимъ образомъ съ начала стычки до этого времени прошло съ часъ времени. Китайцы вначалѣ осыпали насъ пулями, главнымъ образомъ направляя ихъ на коноводовъ. Черезъ нѣкоторое время они перестали торопиться и стрѣляли изрѣдка, не давая ни минуты отдыха. Какъ я уже говорилъ, прошло съ часъ времени, когда среди китайцевъ стало замѣтно какое-то оживленіе. Они открыли сильнѣйшій огонь по лошадямъ, желая этимъ отрѣзать намъ средство къ отступленію. Въ это же самое время замѣченъ былъ обходъ противника съ обоихъ нашихъ фланговъ. Часть китайцевъ, обойдя деревню съ обѣихъ сторонъ, стала къ намъ приближаться, скрываясь за мѣстными неровностями. Подсчитавъ число патроновъ—ихъ оказалось отъ двухъ до трехъ на ружье—и видя полную невозможность укрыть лошадей, я рѣшился отступить. Захватить съ собою убитыхъ не было никакой возможности, такъ какъ они были на дворѣ, наполненномъ китайцами.

„Приказываю людямъ по очереди перебѣгать черезъ улицу къ лошадямъ. Первымъ перебѣжалъ раненый. По всѣмъ перебѣгавшимъ китайцы открывали страшный огонь. Мы отвѣчали имъ, чѣмъ и можно объяснить удачу этой продѣлки. Переправивъ такимъ образомъ людей къ лошадямъ, я закончилъ это непріятное путешествіе.

„Китайцы, повидимому, поняли наше намѣреніе и открыли ужасный огонь. Палили со стѣны, изъ воротъ, изъ-за угловъ завода. Стрѣляли продольно съ улицы и огородовъ. Въ это время

никто изъ насъ не былъ ни раненъ, ни убитъ. Спасеніе наше должно считать чудеснымъ. Я приказалъ садиться на лошадей. Лошади страшно горячились и бѣсились въ этой ужасной свалкѣ.

„Въ это время раненаго никто не видалъ, почему онъ и былъ ошибкою сосчитанъ убитымъ. Впослѣдствіи выяснилось, что онъ спрятался въ фанзу, такъ какъ не могъ принимать участіе въ бою. Лишь только люди сѣли на лошадей, я приказалъ скакать имъ цѣпью, чтобы не представлять изъ себя большой цѣли. Вырвавшись изъ двора, мы попали въ огородъ, по которому проѣхавъ шаговъ триста, я остановилъ команду, чтобы удостовѣриться въ наличности людей и лошадей. Китайцы продолжали стрѣлять, но пули эти не безпокоили насъ. Проводникъ и переводчикъ скрылись съ самаго начала, и намъ пришлось ѣхать прямо безъ дорогъ, держа направленіе на востокъ, чтобы не сбиться съ пути. Это было около $1^1/_2$ часовъ пополудни. Пріѣхали мы въ городъ въ шесть часовъ вечера. Люди вели себя превосходно: безусловное послушаніе, беззавѣтную храбрость, искреннѣйшую преданность своему начальнику—вотъ что̀ они проявили за эти полтора часа времени. А были минуты по истинѣ трагическія. Геройскіе подвиги были совершены бомбардирами Шевелевымъ и Чумантывымъ. Въ минуту отступленія, нѣсколько лошадей вырвались, и два человѣка остались безъ лошадей; тогда вышеупомянутые бомбардиры, остановивъ своихъ лошадей, подсадили себѣ каждый по одному человѣку, вывезли ихъ въ поле, гдѣ тѣ и пересѣли на пойманныхъ лошадей, и тѣмъ спасли ихъ отъ неминуемой гибели. Бомбардиръ Шпаковскій, нисколько не заботясь о себѣ, бросился за лошадью своего офицера и, помогая ему сѣсть, старался прикрыть его собою и своею лошадью отъ непріятельскихъ пуль.

„Бомбардиръ Вороновъ на дворѣ отвелъ рукою дуло ружья, направленнаго въ насъ, и зарубилъ стрѣлявшаго китайца. Да и каждый изъ нихъ сдѣлалъ что-нибудь достойное и славное, что̀ осталось наполовину незамѣченнымъ. Нетрудно драться въ открытую и на виду у многихъ, но трудно тамъ, гдѣ не на кого надѣяться, кромѣ какъ на себя".

XVIII.—Отъ Толочжоу до Гирина.

Прошло дней шесть, что мы покинули гостепріимный Толочжоу. Дорога все время идетъ довольно сносная. Хотя, надо правду сказать, вслѣдствіе ли военнаго времени, или просто у

нихъ не въ обычаѣ, только она была совершенно запущена. Въ другомъ мѣстѣ надо бы яму засыпать или завалить фашиной, а между тѣмъ приходилось объѣзжать Богъ знаетъ куда и возвращаться чуть ли не на то же самое мѣсто. Спуски съ горъ тоже попадались очень трудные. Вотъ передъ нами одинъ такой спускъ. Первой трогается громадная двуколая китайская фура, осьмерикомъ, моего друга Кемпбеля. О томъ, чтобы затормазить или задержать повозку, у китайцевъ и рѣчи нѣтъ. Зачѣмъ? на то коренникъ есть,—онъ выдержитъ. Передній погонщикъ, въ своей лохматой шапкѣ, съ трубкой въ зубахъ, ведетъ выносныхъ въ поводу. Фура всей своей тяжестью ложится на коренную, маленькую, круглую лошадку, гнѣдой масти, похожую на англійскаго клепера. Она прямо-таки садится на заднія ноги и скользитъ какъ на салазкахъ. И это безъ всякаго усилія со стороны хозяина, по одному только его крику. Спина у несчастной совершенно сгибается въ дугу. Кажется, вотъ-вотъ она не выдержитъ, лопнетъ, и фура кувыркомъ полетитъ въ кручу. Но вѣрный конь выдерживаетъ и шагъ за шагомъ спускаетъ все ниже и ниже. Здѣсь опять мы сталкиваемся съ удивительнымъ контрастомъ: съ одной стороны, китаецъ необыкновенно тщательно ухаживаетъ за конемъ, холитъ и бережетъ его, и въ то же время самымъ безсердечнымъ образомъ тиранитъ его, заставляя спускать съ горы страшную тяжесть безо всякой поддержки. Замѣчательно, какъ понятливы китайскія лошади. Часто случалось видѣть, какъ встрѣчный осьмерикъ, желая дать намъ дорогу и круто сворачивая въ сторону, перепутывался постромками самымъ невозможнымъ образомъ. Но стоило только хозяину крикнуть два-три знакомыя имъ слова, какъ уже лошади выравнивались и шли своимъ чередомъ. Возжей я не видалъ. Китайцы правятъ однимъ бичомъ, пощелкивая имъ то съ одной стороны лошади, то съ другой. Вѣроятно, отъ этого стеганья я встрѣтилъ очень много кривыхъ и даже совершенно слѣпыхъ лошадей. Одного китайца спрашиваю черезъ переводчика, какъ это онъ ѣздитъ на слѣпомъ коренникѣ?

— А зачѣмъ ей глаза? слѣпой спокойнѣе,—идетъ, не смотритъ по сторонамъ и везетъ лучше.

Вотъ, подите и разговаривайте съ нимъ! Подъ конецъ дороги я такъ приглядѣлся къ китайскимъ лошадямъ, что сразу могъ отличить слѣпую. Она, бѣдненькая, ступаетъ не такъ смѣло и постоянно водитъ ушами, какъ бы прислушивается.

Китайскія двуколыя повозки сработаны на-диво. Оси у нихъ деревянныя. Ободья у колесъ широкіе и всѣ сплошь убиты гвоз-

дями. Шины—я нарочно мѣрялъ—онѣ въ два пальца толщиной и не сплошныя, а съ маленькими промежутками, составныя. Какъ китайцы умудряются перевозить на нихъ по полуторасту и даже двѣсти пудовъ—это ихъ секретъ! Положимъ, мнѣ случалось видать за границей, въ особенности въ Парижѣ, какъ тамъ перевозили въ двуколкахъ тяжелые камни, но вѣдь зато тамъ и лошади запряжены, что слоны. А вѣдь этихъ отъ земли не видно!—безъ вершка и даже безъ двухъ. И, вотъ, на такой-то, можно сказать, пиголицѣ, китаецъ преспокойно спускаетъ съ горы такія тяжести. Удивительно!—Въ одной нашей китайской подводѣ шла съ боку корова, не выше китайской лошади. Я частенько наблюдалъ за нею. Всѣ триста верстъ до Гирина она отлично везла,—нигдѣ не отставала и не путалась.

Солнце клонилось къ вечеру, когда наша колонна, порядочно растянувшись, приблизилась къ мѣстечку Улагай. Еще издали увидали мы высокіе земляные валы, поросшіе вѣковыми деревьями. За ними, въ тѣни, возвышались двѣ кумирни: одна—внизу, другая—на пригоркѣ. И по величинѣ ихъ, и по наружному виду замѣтно было, что кумирни эти незаурядныя и что ихъ стоило посмотрѣть. Да и дорогой я много слышалъ о нихъ. Останавливаемся и идемъ къ кумирнѣ. Стучимъ въ ворота. Отворяетъ молодой бонза, по нашему—монахъ. Бритый, безъ косы, въ черной блузѣ и такой же черной шапочкѣ. Онъ съ радостнымъ видомъ ведетъ насъ. Видно, что мы уже не первые гости, и что труды его не остались неоплаченными. Дворъ чистый, мощеный. Вездѣ прибрано. Бонза отворяетъ двери, и посреди кумирни видимъ—въ нѣкоторомъ углубленіи возсѣдаетъ золоченый Будда, огромный, сажени двѣ вышиной. Стѣны всѣ рѣзныя и раскрашены. По бокамъ стоятъ, тоже раскрашенные, разные другіе идолы, со всевозможными выраженіями лица: и злые, и добрые, и насмѣшливые. Церковные сосуды, оловянные, стояли тутъ же, на жертвенникѣ, передъ Буддой. Эта кумирня хотя была и красиво отдѣлана, но она новая, а потому для меня не интересна. Спѣшу въ другую, что на пригоркѣ. Говорятъ, та—старая. И дѣйствительно, эта была необыкновенно красива и интересна. Кумирня мѣстами поросла мхомъ. Она построена на горѣ, и къ ней вели нѣсколько десятковъ каменныхъ ступеней, тоже поросшихъ травой. Внизу, передъ входомъ въ кумирню, стоялъ громадный бронзовый сосудъ съ какими-то изображеніями и надписями. Ничего подобнаго я еще не видалъ, а потому съ великимъ любопытствомъ ходилъ вокругъ и осматриваю. Затѣмъ, всѣ входимъ въ кумирню. Здѣсь сразу повѣяло стариной. На что

ни взглянешь—видно, что все здѣсь сооружено сотни лѣтъ назадъ. Кумирню эту, какъ мнѣ объяснилъ бонза, построила, пятьсотъ лѣтъ назадъ, одна богатая владѣтельная вдова. Она жила здѣсь въ крѣпости, за этими рвами и стѣнами, много лѣтъ и даже вела войну съ сосѣдями.

Въ особенности интересенъ гротъ, въ которомъ помѣщался Будда. Онъ весь рѣзной и раскрашенъ очень оригинально.

Бонза, повидимому, остался нами доволенъ. Домбровскій снялъ съ насъ здѣсь у кумирни фотографическую группу.

На другой день, около полудня, мы приближались къ Гирину. Еще верстъ десять не доѣзжая до него, началась отчаянная дорога. Ухабъ на ухабѣ, рвы и канавы. Двадцать верстъ мы тащились цѣлый день. Мѣстность гористая: то спускаемся, то поднимаемся. И лошади, и люди сильно измучились. Наконецъ, часа въ четыре вечера, съ одной горы близёхонько увидѣли мы длинныя стѣны, а за ними—безконечное пространство, покрытое маленькими одноэтажными домами. Среди нихъ возвышались башни, кумирни съ характерными двухэтажными крышами лодочкой, украшенныя драконами по бокамъ и высокими шестами въ видѣ мачтъ. То былъ Гиринъ. Невыразимо отрадно мнѣ было увидать этотъ городъ.

— Вотъ онъ гдѣ,—этотъ Гиринъ! Вотъ онъ, тотъ заколдованный для меня міръ, съ его удивительными нравами и обычаями! Посмотримъ! посмотримъ!—восклицалъ я въ душѣ.

Но прежде чѣмъ добраться до пристанища, намъ пришлось перенести немалую муку.

Вотъ и городская стѣна, вотъ и ворота съ башней. Нашъ часовой, съ ружьемъ, беретъ на-караулъ, а рядомъ съ нимъ китайскій солдатъ, съ большимъ клеенчатымъ клеймомъ на груди и раскрашенной палкой въ рукахъ, точно какимъ весломъ, отдаетъ намъ честь. Впереди ѣдетъ моя пара. Лопашовъ верхомъ, для того, чтобы облегчить повозку, а Иванъ правитъ. Вдругъ, и лошади, и повозка, и мой Иванъ исчезаютъ куда-то. Привстаю въ тарантасѣ, — о, ужасъ! — мы въѣхали въ улицу. Никакимъ перомъ нельзя описать, что это была за грязь! По сторонамъ тянулись деревянные мостки, по которымъ пѣшеходы высоко проходили, точно по лавамъ. Смотрю,—бѣдный мой Сивко сидитъ гдѣ-то глубоко внизу, въ грязи, какъ собака, и безпомощно смотритъ по сторонамъ. „Воронка“ же и не видно. Онъ весь смѣшался съ грязью. Перепуганный Иванъ, по грудь въ вонючей жидкости, возился вокругъ телѣги и вытаскивалъ вещи. Колонна остановилась. Солдаты и погонщики бросаются помогать

Ивану. Кончилъ я тѣмъ, что взялъ солдатъ изъ конвоя; они вытащили и лошадей, и повозку, и вещи. Лошадей повели въ поводу, а все остальное понесли на рукахъ въ комендантское управленіе. Комендантъ города, Михаилъ Данилычъ Боклевскій, оказался мой старый знакомый. У него я и остановился.

Отъ городской башни до комендантскаго управленія, всего версты три, я ѣхалъ съ четырехъ до девяти часовъ вечера. Вотъ какова была дорога!

А. И. Верещагинъ.

ИЗЪ ЖИЗНИ
ХАРЬКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА
ВЪ НАЧАЛѢ XIX-го ВѢКА.

I.

Въ настоящее время много говорится о необходимости общенія профессоровъ со студентами, о ненормальности того порядка вещей, при которомъ и тѣ, и другіе, являются отдѣльными посѣтителями университета. Вопросу о развитіи практическихъ занятій на юридическихъ факультетахъ придаютъ нынѣ такое значеніе, какъ будто раньше ничего подобнаго никогда не было. Многіе убѣждены, что практическія занятія составляютъ только принадлежность медицинскаго и физико-математическаго факультетовъ. Въ дѣйствительности же, они всегда были и на историко-филологическихъ, и на юридическихъ факультетахъ, то усиливаясь, то ослабляясь и видоизмѣняя свои формы. Да и вообще ближайшее ознакомленіе съ исторіей русскихъ университетовъ (къ сожалѣнію, столь мало разработанной) привело бы насъ къ убѣжденію, что многія мѣры, представляющіяся новыми, на дѣлѣ уже практиковались много раньше и приносили несомнѣнную пользу, но, по отсутствію у насъ исторической традиціи, основательно нами забыты. Во всѣхъ университетахъ общественная жизнь студентовъ имѣла свою долгую, можно сказать, безпрерывную исторію, которую желательно было бы возсоздать, какъ по письменнымъ матеріаламъ, такъ, въ особенности, по живымъ воспоминаніямъ бывшихъ дѣятелей. Изъ этихъ любопытныхъ

историческихъ справокъ можно было бы убѣдиться, что поднятый нынѣ вопросъ о студенческихъ организаціяхъ, преслѣдующихъ цѣли матеріальной самопомощи, умственнаго, нравственнаго и эстетическаго самообразованія и саморазвитія, имѣетъ прочные и глубокіе корни въ прошлой жизни русскаго студенчества, и, слѣдовательно, теперь приходится не создавать новое, а воскрешать старое, которое чаще всего умирало не отъ недостатка жизненныхъ силъ, а отъ внѣшнихъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ. Не опираясь на прямое разрѣшеніе закона, не пользуясь часто и нравственнымъ руководительствомъ профессоровъ, будучи только терпимы, эти учрежденія не могли пріобрѣсти той устойчивости, которою бы они обладали при соблюденіи этихъ условій. Отсюда ихъ сравнительная недолговѣчность и кажущаяся непрочность. Однако, если обратить вниманіе на то, что, несмотря на массу неблагопріятныхъ обстоятельствъ и препятствій, студенческія организаціи все-таки, въ тѣхъ или иныхъ формахъ почти безпрерывно существовали во всѣхъ русскихъ университетахъ, то невольно нужно будетъ придти къ убѣжденію, что они вызываются непреодолимыми жизненными потребностями и составляютъ законную и необходимую принадлежность студенческой жизни. Само собою разумѣется, что формы организацій видоизмѣнялись и должны видоизмѣняться въ связи съ потребностями времени и условіями жизни; но, повторяемъ, общія задачи—удовлетвореніе матеріальныхъ, умственныхъ, нравственныхъ и эстетическихъ запросовъ учащейся молодежи—оставались неизмѣнными въ продолженіе всего столѣтія. Приведемъ въ доказательство этого нѣсколько примѣровъ изъ исторіи харьковскаго университета, которою мы спеціально занимаемся: такіе же примѣры, безъ сомнѣнія, окажутся и въ исторіяхъ другихъ русскихъ университетовъ.

Наши примѣры интересны тѣмъ, что относятся къ первымъ десятилѣтіямъ XIX-го вѣка, когда дѣйствовалъ еще первый уставъ россійскихъ университетовъ 1804 года. Нѣкоторая сухость и односторонность положеннаго въ основаніе ихъ матеріала искупается его документальностью и достовѣрностью.

II.

Вторая половина царствованія императора Александра I-го представляетъ одну изъ печальнѣйшихъ страницъ въ исторіи русскихъ университетовъ. Тяжелая реакція нависла тотда надъ

Россіей, охватила всѣ стороны общественной жизни и особенно чувствительно отзывалась на университетахъ. Во главѣ министерства народнаго просвѣщенія стоялъ мистикъ кн. А. Н. Голицынъ. Магницкій и Руничъ совершали разгромъ казанскаго и петербургскаго университетовъ. Въ харьковскомъ университетѣ насаждали реакцію, обскурантизмъ и мистику на религіозно-нравственной подкладкѣ попечители округа Захарій Яковлевичъ и Егоръ Васильевичъ Карнѣевы. Краса и гордость харьковскаго университета, свѣтило математическаго факультета, ректоръ Т. Ѳ. Осиповскій былъ удаленъ отъ должности, и его мѣсто занялъ покорное орудіе попечителя, бездарный Джунковскій. Поддѣлываясь подъ тенденціи министра, стоявшаго во главѣ библейскаго общества, попечитель З. Я. Карнѣевъ стремился и въ Харьковѣ открыть отдѣленіе этого общества и чисто внѣшними, частью поощрительными, частью принудительными мѣрами насадить здѣсь религіозно-нравственное направленіе среди учащихъ и учащихся. Само собою разумѣется, что *такими* средствами благочестіе не было насаждено, но были искусственно созданы учрежденія, долженствовавшія служить его внѣшнимъ выраженіемъ—„Библейское общество“ у студентовъ и подобное же у воспитанниковъ гимназіи. Члены этихъ обществъ дѣлали денежные взносы и произносили соотвѣтственнаго содержанія рѣчи; иные сочиняли даже приличные случаю стихи. Въ 1822 году, въ студенческомъ библейскомъ сотовариществѣ числилось 98 членовъ, а въ 1823 году—159; денежныхъ взносовъ было 226 и 615 рублей. Собираемыя суммы отправлялись въ комитетъ „Слободско-украинскаго отдѣленія библейскаго общества“ и на нихъ пріобрѣталась библія. На „генеральномъ“, т.-е. общемъ собраніи членовъ студенческаго библейскаго сотоварищества, въ 1823 году, произнесены были слѣдующія рѣчи: студентомъ Сапфировымъ—„О важности библейскихъ собраній“; студентомъ Протопоповымъ—„О важности евангельскаго ученія“, и секретаремъ общества—отчетъ; въ члены его пожелали вступить попечитель округа и ректоръ харьковскаго коллегіума, архимандритъ Тимоѳей; для болѣе успѣшнаго веденія дѣлъ, кромѣ прежнихъ, избраны еще два новыхъ директора—кандидатъ Николай Корсунъ и студентъ Михаилъ Шевичъ; въ заключеніе, прочитано было Евангеліе.

Казалось, что общество процвѣтаетъ и развивается; но это только казалось... Библейскія общества преслѣдовали высокую цѣль—распространеніе книгъ священнаго Писанія, между прочимъ и на русскомъ языкѣ. Но распространяли они свою дѣятельность посредствомъ настойчивой рекомендаціи, исходившей отъ князя

А. Н. Голицына; внутренней силы и жизнеспособности они не имѣли. Тогдашній харьковскій епископъ Павелъ оффиціально свидѣтельствовалъ духовному начальству, что и общество, и даже духовенство, имъ не сочувствовало. Да и въ самомъ дѣлѣ: для прочнаго успѣха общественнаго дѣла необходимо сознательное отношеніе и внутреннее влеченіе къ нему; а спрашивается: можно ли было разсчитывать на нихъ у воспитанниковъ гимназіи? Не было того, очевидно, и въ студенческомъ библейскомъ сотовариществѣ, ибо возникло оно не по иниціативѣ самихъ студентовъ, не по внутренней потребности ихъ, а по воздѣйствію учебнаго начальства, которое и потомъ поддерживало и поощряло его существованіе, покровительствуя лицамъ, стоявшимъ во главѣ его. Неудивительно, что, при такихъ условіяхъ, когда покровительство прекратилось, оно уже никогда не возрождалось, и единственнымъ воспоминаніемъ о немъ была недоимка, взыскивавшаяся, нѣсколько лѣтъ спустя, съ его директоровъ за неоплаченныя ими книги священнаго Писанія.

III.

Въ ноябрѣ 1823 года студенты харьковскаго университета, черезъ адъюнкта русской словесности Склабовскаго, подали ректору прошеніе, въ которомъ изъявляли желаніе составить „*Общество любителей наукъ, философскій факультетъ составляющихъ*“. Попечитель Е. В. Карнѣевъ, разсмотрѣвъ проектъ устава этого общества, составленный адъюнктомъ Склабовскимъ, нашелъ, что его нужно назвать „*Студенческимъ сотовариществомъ Общества наукъ при харьковскомъ университетѣ*, и поставить подъ непосредственное руководительство и наблюденіе этого общества, которое должно будетъ разсмотрѣть его уставъ и сдѣлать на него свои замѣчанія. Съ своей же стороны, попечитель нашелъ нужнымъ, во-первыхъ, чтобы въ каждомъ засѣданіи „Сотоварищества“ попеременно присутствовалъ одинъ или два члена общества наукъ изъ его университетскихъ членовъ; во-вторыхъ, прежде открытія его поручить, кому слѣдуетъ, узнать о способностяхъ и свойствахъ студентовъ, желающихъ вступить въ члены, и допускать туда только достойнѣйшихъ, подъ отвѣтственностью директоровъ сотоварищества; въ-третьихъ, установить правило, чтобы студенты, отличавшіеся своими трудами въ сотовариществѣ, поступали въ сотрудники общества наукъ; и въ-четвертыхъ, наконецъ, чтобы болѣе состоятельные члены сотоварищества оказывали ему

нѣкоторую денежную помощь для составленія библіотеки и погашенія необходимыхъ мелкихъ расходовъ.

Общество наукъ (въ составъ котораго входили, главнымъ образомъ, профессора университета), разсмотрѣвъ уставъ сотоварищества, съ своей стороны постановило—студенческаго сотоварищества къ обществу наукъ не присоединять, а поставить ему въ обязанность ежемѣсячно сообщать послѣднему о ходѣ своихъ занятій.

Правила студенческаго сотоварищества были въ общихъ чертахъ таковы. Оно составлялось на основаніи § 9-го устава 1804 года, предусматривавшаго образованіе при университетѣ ученыхъ обществъ для занятія словесностью и опытными науками. Мотивы для его возникновенія были формулированы такъ: „Кандидаты и студенты университета будутъ совершенствоваться въ словесности посредствомъ дружескаго безпристрастнаго разбора какъ собственныхъ, такъ и чужихъ сочиненій; общество это, познакомивъ членовъ другъ съ другомъ и показавъ имъ одну общую цѣль, можетъ скорѣе раскрыть ихъ способности, возбудить соревнованіе въ дѣлѣ пріобрѣтенія болѣе основательныхъ познаній въ отечественномъ языкѣ, пріохотить къ ученымъ занятіямъ и удовольствіямъ, ими доставляемымъ, пріучить предпочитать ихъ обыкновеннымъ свѣтскимъ забавамъ, утомляющимъ чувства и оставляющимъ въ душѣ пустоту; оно можетъ доставить студентамъ особую честь и лестное одобреніе просвѣщенныхъ и благомыслящихъ людей, привыкшихъ съ сердечнымъ удовольствіемъ смотрѣть на общую пользу отечества и предпочитать ее частнымъ выгодамъ. Общество намѣрено лучшія и наиболѣе обработанныя по древнимъ и новѣйшимъ образцамъ сочиненія своихъ членовъ печатать въ журналѣ, издаваемомъ университетомъ, а съ умноженіемъ числа ихъ—и отдѣльными книгами. Выручка отъ продажи этихъ изданій, а равно и всѣ суммы, которыя останутся за покрытіемъ необходимыхъ расходовъ по обществу, назначаются на вспомоществованіе такихъ учениковъ уѣздныхъ училищъ и гимназій, и студентовъ, которые, при недостаточности состоянія, будутъ отличаться дарованіями, успѣхами, поведеніемъ и склонностью къ наукамъ, въ особенности къ русской словесности и древнимъ языкамъ“.

Общество должно было состоять подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ и покровительствомъ попечителя округа и могло избирать еще особыхъ своихъ попечителей изъ лицъ, способствовавшихъ его благосостоянію и пользамъ. Попечители получали выписи изъ журналовъ общества, а ежегодные отчеты,

сверхъ того, представлялись черезъ ректора попечителю округа, который сообщалъ о нихъ министру народнаго просвѣщенія. Члены раздѣлялись на дѣйствительныхъ, почетныхъ, сотрудниковъ, корреспондентовъ и благотворителей. Дѣйствительные члены избирались изъ студентовъ, кандидатовъ и магистровъ, какъ находившихся въ вѣдомствѣ университета, такъ и выбывшихъ изъ него, съ условіемъ, чтобы они любили русскую словесность и желали содѣйствовать задачамъ общества. Адъюнкты университета, по желанію своему, подтвержденному согласіемъ общества, могли получить званіе его дѣйствительныхъ членовъ. Избраніе производилось по предложенію одного изъ членовъ, который долженъ былъ представить оригинальное либо переводное сочиненіе кандидата или вообще доказательства его познаній въ отечественной словесности; извѣстные начальству своими дарованіями, успѣхами въ наукахъ и благонравіемъ могли приниматься и безъ этого удостовѣренія. Каждый дѣйствительный членъ обязанъ былъ ежемѣсячно представить по крайней мѣрѣ одно прозаическое или стихотворное произведеніе; лицо, не представившее въ теченіе мѣсяца никакого сочиненія и не сообщившее о своихъ занятіяхъ или не явившееся безъ уважительной причины въ теченіе мѣсяца въ засѣданіе общества, исключалось изъ числа членовъ его. Почетные члены не несли никакихъ особыхъ обязанностей по обществу, а могли оказывать ему пользу своими совѣтами, пожертвованіями и сочиненіями. Въ члены-сотрудники могли поступать студенты, не желавшіе принимать на себя обязанностей дѣйствительныхъ членовъ или не могшіе удовлетворить предъявляемымъ къ нимъ требованіямъ, а равно воспитанники гимназій и благородныхъ пансіоновъ; предполагалось, что вниманіе общества къ развивающимся талантамъ молодежи возбудитъ въ нихъ особенное усердіе къ отечественной словесности и откроетъ путь къ дальнѣйшему усовершенствованію для пользы отечества. Члены-сотрудники могли переходить въ категорію дѣйствительныхъ членовъ. Въ члены-корреспонденты могли избираться учителя гимназій и уѣздныхъ училищъ харьковскаго учебнаго округа. Главная ихъ обязанность должна была состоять въ присылкѣ своихъ и чужихъ трудовъ историческаго, статистическаго и экономическаго характера, касающихся Украйны и вообще губерній, входящихъ въ составъ харьковскаго учебнаго округа; кромѣ того, они принимали на себя заботу о распространеніи изданій общества и привлеченіи къ нему благотворителей. Члены-благотворители брали на себя обязанность дѣлать пожертвованія книгами и деньгами, такъ какъ безъ такой матеріальной помощи,

какъ извѣстно, ни одно ученое общество не можетъ имѣть продолжительнаго и прочнаго существованія. Размѣръ пожертвованій не опредѣлялся. Любовь къ просвѣщенію, говорилось въ проектѣ, и благороднѣйшее желаніе оказывать необходимую помощь ищущимъ его должны опредѣлять мѣру благотворенія, и потому всякое пожертвованіе будетъ приниматься съ благодарностью; имена благотворителей будутъ вноситься въ особую книгу для сохраненія о нихъ памяти и при изданіи трудовъ общества будутъ напечатаны съ обозначеніемъ ихъ пожертвованія; затѣмъ черезъ попечителя округа объ этомъ будетъ доводиться до свѣдѣнія министра. Предсѣдатель избирался по большинству голосовъ изъ дѣйствительныхъ членовъ общества и утверждался по представленію ректора попечителемъ округа. Кромѣ того, для большаго успѣха въ своей дѣятельности, общество избирало еще нѣсколькихъ директоровъ изъ членовъ, наиболѣе преуспѣвшихъ въ какой-либо отрасли наукъ или языкахъ. Директоры должны были руководить малоопытными членами и сотрудниками въ выборѣ темъ для сочиненій и лучшемъ изложеніи матеріала. Кромѣ того, общество избирало временнаго предсѣдателя и секретаря. Казначей принималъ денежныя суммы, велъ кассовую книгу и давалъ обществу о нихъ ежемѣсячные отчеты; каждое полугодіе общество ревизовало казначея черезъ особыхъ ревизоровъ. Библіотекарю поручалась библіотека, которая должна была составиться частью путемъ пожертвованій, частью покупкою книгъ и періодическихъ изданій, которымъ предполагали вести подробный реестръ. Библіотекою могли пользоваться всѣ члены общества. Переписку общество имѣло право вести при посредствѣ университета.

Главная задача общества должна была состоять въ критическомъ разборѣ и изданіи оригинальныхъ и переводныхъ сочиненій, относящихся къ изящной словесности и словеснымъ наукамъ, а частью и къ другимъ отраслямъ знаній при условіи, чтобы они были написаны чистымъ, вразумительнымъ и пріятнымъ языкомъ, такъ какъ особенное вниманіе общество желало обращать на слогъ; на первомъ планѣ стояли произведенія русскихъ писателей и особенно поэтовъ. Засѣданій должно было быть не менѣе четырехъ въ мѣсяцъ, исключая вакаціоннаго времени,—преимущественно въ праздничные и воскресные дни. Порядокъ для разбора сочиненій предполагался такой: сперва сочинитель или переводчикъ медленно и внятно читаетъ свою работу, чтобы каждый могъ замѣтить или записать неправильности или неясности содержанія или изложенія; затѣмъ, всѣ поочередно

представляютъ свои мнѣнія въ скромной и благопристойной формѣ доказательства ихъ; наконецъ, предсѣдатель собираетъ голоса, причемъ для полученія большинства требуется $^2/_3$ ихъ. Исправивъ сочиненіе, согласно сдѣланнымъ въ обществѣ замѣчаніямъ, авторъ возвращаетъ его секретарю. Въ случаѣ накопленія большого количества работъ, ихъ разсматриваетъ особый комитетъ изъ предсѣдателя, директоровъ и секретаря, сообщающій о своихъ заключеніяхъ обществу. Во время засѣданій должна быть соблюдаема строжайшая благопристойность и скромность, и потому запрещаются разговоры о дѣлахъ, не относящихся къ обществу, жаркіе споры, а въ особенности колкія слова, оскорбительныя выраженія и насмѣшки, относящіяся къ личности сочинителя. За исполненіемъ этого правила долженъ наблюдать предсѣдатель, имѣющій право, въ случаѣ надобности, закрыть засѣданіе; нарушившіе это правило, послѣ троекратнаго напоминанія, исключались изъ состава членовъ. Одинъ или два раза въ полугодіе должно быть торжественное засѣданіе, на которое приглашаются и посторонніе любители просвѣщенія.

Уставъ этотъ, какъ не трудно видѣть, имѣетъ одинъ существенный недостатокъ—излишнюю регламентацію. Едва-ли, напримѣръ, слѣдовало вносить требованіе, чтобы дѣйствительные члены общества доставляли ежемѣсячно по одному сочиненію—это требованіе было прямо-таки неисполнимо; кромѣ того, онъ отличался широтою своихъ плановъ и программы. Но въ немъ пріятно поражаетъ насъ связь, которая устанавливалась имъ между студенческимъ и профессорскимъ обществомъ наукъ, между студентами, кандидатами, магистрами, учителями, разсѣянными въ округѣ, и профессорами. Очевидно, здѣсь нужно видѣть благодѣтельное дѣйствіе университетскаго устава 1804 года, установившаго тѣсное общеніе между высшей, средней и низшей школой.

IV.

Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ свѣдѣній о томъ, въ какой мѣрѣ на практикѣ осуществлялся этотъ уставъ. Извѣстно, однако, что у студентовъ харьковскаго университета было сильно развито стремленіе къ литературной дѣятельности. Литературные вкусы и стремленія усвоивались въ подготовительныхъ къ университету школахъ. Еще незабвенный виновникъ основанія харьковскаго университета, Василій Назарьевичъ Каразинъ, собралъ и представилъ въ министерство народнаго просвѣщенія цѣлую коллекцію поэтическихъ

произведеній питомцевъ главнаго народнаго харьковскаго училища, преобразованнаго потомъ въ гимназію. Воспитанники харьковскаго коллегіума, поступавшіе въ большомъ числѣ въ студенты харьковскаго университета, также отличались своими склонностями и способностями къ отечественной словесности. Въ Харьковѣ былъ напечатанъ тогда цѣлый сборникъ прозаическихъ и стихотворныхъ произведеній воспитанниковъ благороднаго пансіона Коваленкова. Университетскіе преподаватели русской словесности — сначала извѣстный И. С. Рижскій, потомъ И. Е. Срезневскій—имѣли сильное вліяніе на развитіе литературныхъ стремленій у своихъ слушателей. Преподаваніе словесности состояло тогда, главнымъ образомъ, въ изложеніи реторики и піитики, т.-е. теоріи прозы и поэзіи, и сопровождалось не только разборомъ поэтическихъ образцовъ, но и составленіемъ самостоятельныхъ опытовъ. Среди студентовъ господствовала, можно сказать, страсть къ стихотворству, носившая эпидемическій характеръ—всѣ съ увлеченіемъ стремились на Парнасъ и пробовали свои силы въ различныхъ отрасляхъ поэзіи. Огромное большинство этихъ „поэтовъ", конечно, не обладало никакими художественными дарованіями, и ихъ сочиненія не появлялись въ печати. Но была въ этомъ движеніи, при всей крайности его, и хорошая сторона. Во-первыхъ, молодежь все-таки устремлялась здѣсь отъ будничныхъ интересовъ къ чему-то несравненно болѣе высокому— въ область поэзіи. Во-вторыхъ, при такомъ настроеніи никакъ не могло уже заглохнуть истинное дарованіе: поэтическій талантъ развивался съ раннихъ лѣтъ, благодаря теоретическому знакомству съ піитикой, а также и изученію художественныхъ образцовъ, и благодаря, наконецъ, литературнымъ опытамъ, находившимъ компетентную оцѣнку у преподавателей. Несомнѣнно, что И. С. Рижскій оказалъ вліяніе на развитіе литературнаго таланта у студента Нахимова, который сдѣлался еще въ университетѣ извѣстнымъ поэтомъ и пріобрѣлъ скоро славу одного изъ наиболѣе выдающихся тогдашнихъ русскихъ сатириковъ. Въ „Періодическомъ сочиненіи объ успѣхахъ народнаго просвѣщенія" напечатаны три басни Нахимова: „Живописецъ", „Молодой орелъ", „Пѣснь лужѣ". Чтобы дать понятіе о его талантѣ, приведемъ первую басню:

Былъ живописецъ славный,
Рафаилу въ искусствѣ равный,
И очень, очень не дуракъ;
Но сердцемъ жалкій былъ простакъ —
Ужъ до того онъ совѣсти держался,

Что даже знатнымъ льстить боялся!
А кто сіе почтетъ за грѣхъ?
Спросите вы у всѣхъ!
Сей добрый человѣкъ хотѣлъ себя прославить
И чѣмъ же? Вздумалъ онъ представить
Пороки всѣ и глупости людей.
Судя по мастерству, онъ сущій чародѣй!
Нельстива кисть его, что̀ ни изобразила—
Одушевила!
Картину кончивши, тотчасъ
Онъ выставилъ ее народу напоказъ;
Но лишь ее узрѣли,
Кокетки обомлѣли;
У плута волосъ дыбомъ сталъ,
Лжецъ трепеталъ,
Грызть ногти началъ скряга,
Грозилъ указами сутяга,
Кобенился предъ живописцемъ франтъ,
И Катилиною назвалъ его педантъ!
Пылая въ сердцѣ мщеньемъ,
Порочные кричатъ художнику съ презрѣньемъ:
— „Ты пасквиль написалъ,
Честь нашу обругалъ;
Въ картинѣ сей смѣяться ты хотѣлъ надъ нами“.
Художникъ отвѣчалъ:
— „Я глупость и порокъ изобразить желалъ,
А васъ не трогалъ я, да васъ я и не зналъ:
Уродовъ можно ли вамъ сравнивать съ собою,
Когда красавцы вы душою“?
Но мастеръ сей не могъ себя тѣмъ оправдать,
Хоть умные его взялися защищать,
Но ихъ немного было,
И все витійство ихъ глупцовъ не убѣдило —
Художникъ отданъ былъ подъ судъ,
Который сжечь велѣлъ его прекрасный трудъ.

Такъ будетъ всякому, кто только даръ имѣетъ
И льстить пороку не умѣетъ.

Извѣстно, какое значеніе придавали тогда степенямъ, чинамъ и отличіямъ (проф. Пани де-Савиньи повѣсилъ свой докторскій дипломъ подъ зеркаломъ). Нахимовъ же полученіе своего кандидатскаго диплома описалъ въ слѣдующемъ шуточномъ стихотвореніи, проникнутомъ добродушной ироніей.

Къ перу! Излей восторгъ и радость опиши!
За риѳмой риѳма вслѣдъ, стихъ за стихомъ спѣши!
Десницей мощнаго ученаго сената
Се изъ ничтожества внезапно извлеченъ,

Петлицъ сіяніемъ сребристымъ озаренъ,
Стою на степени высокой кандидата!
И слава, осѣнивъ меня своимъ крыломъ,
Съ улыбкой кажетъ всѣмъ печатный мой дипломъ!
Но могутъ ли толпы безумнаго народа
Таинственный дипломъ понять безъ перевода? [1])
Невѣжды, прочь! А ты, Дедаловъ правнукъ, Блюмъ [2]),
Въ столярномъ мастерствѣ яви свой дивный умъ:
Сооруди ковчегъ красивый и огромный,
И—что̀ всего важнѣй—толь крѣпкій и укромный,
Чтобъ время и потопъ, огнь, буря, градъ и громъ
И крысы не могли мой повредить дипломъ!

Такимъ образомъ, сатира Нахимова внесла въ тогдашнюю литературу сильную струю критицизма, служившую прекраснымъ дополненіемъ и коррективомъ къ господствовавшему тогда направленію, выражавшемуся чаще всего въ диѳирамбѣ. Такой же духъ сатиры вынесъ изъ университета и другой харьковскій студентъ, извѣстный впослѣдствіи баснописецъ Масловичъ.

Въ „Періодическомъ сочиненіи объ успѣхахъ народнаго просвѣщенія", кромѣ басенъ Нахимова, помѣщены еще слѣдующія сочиненія харьковскихъ студентовъ: 1) „Эстетическія замѣчанія на 17-й псаломъ"—Розальона-Сошальскаго; 2) „Гостомыслъ"—Архангельскаго, и 3) „Объ искусствѣ краснорѣчія"—Токарева. Нашествіе Наполеона и взятіе Москвы вызвали появленіе въ свѣтъ сочиненія студента Павлова: „Отзывъ о патріотизмѣ русскихъ". Студентъ Парпура издалъ въ Харьковѣ „Похвальное слово Александру Невскому". Кандидатъ Одинецъ-Заставскій перевелъ съ французскаго языка твореніе Демутьера—„Утѣшенія". Въ 1811 году вышелъ въ свѣтъ сборникъ студенческихъ работъ подъ заглавіемъ: „Сочиненія воспитанниковъ Войска Донскаго въ Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ", со статьями прозаическаго и стихотворнаго содержанія, касающимися преимущественно Донской области. Здѣсь мы находимъ статьи: „Описаніе мѣстопребыванія и свойства казаковъ войска донского"; „Зрѣлище во время открытія порта въ Таганрогѣ", и рядъ стихотвореній; среди нихъ самое лучшее: „Во снѣ и на яву". Вотъ его текстъ:

Во пологѣ тонкомъ, луной позлащенномъ,
На сельскомъ балконѣ, на югъ обращенномъ,

---

[1]) Онъ былъ напечатанъ на латинскомъ языкѣ.

[2]) Извѣстнѣйшій въ Харьковѣ столяръ, который былъ вывезенъ туда изъ Петербурга для университета В. Н. Каразинымъ.

Роскошно цвѣтами обставленъ вокругъ,
Игрой соловья услаждая мой слухъ,
Безпечно въ пріятныхъ мечтахъ засыпаю.
Мнѣ снится—на славномъ пиру я гуляю;
Межъ зеркальныхъ стѣнъ, на столахъ дорогихъ
Тамъ вина алѣютъ въ ковшахъ золотыхъ,
Тамъ сласти стоятъ расцвѣчоной горою,
Здѣсь ханскаго чаю подносъ предо мною,
И сахаромъ сочный посыпанъ лимонъ;
Тутъ нимфы кружатся, тамъ слышенъ бостонъ,
Но мигъ! Все исчезло—и пышны уборы,
И винны каскады, и звонкіе хоры;
Лишь слышу какъ въ мельницѣ жерновъ гудитъ,
Какъ шумный ручей по колесамъ бѣжитъ на чотку
И плещетъ по щелямъ отъ чотки.

Само собою разумѣется, что художественное достоинство этихъ произведеній должно быть признано очень скромнымъ даже съ точки зрѣнія литературныхъ требованій *того* времени; у насъ же они могутъ вызвать тольку улыбку. Если сравнить эти стихотворенія съ тѣми, которыя напечатаны, напримѣръ, въ харьковскомъ студенческомъ сборникѣ нашего времени, то между ними окажется цѣлая пропасть. Нельзя, однакоже, упускать изъ виду общаго невысокаго уровня тогдашней поэзіи; главное, на эти труды нужно смотрѣть какъ на первые шаги, какъ на упражненія и опыты. И можно съ удовольствіемъ отмѣтить тотъ фактъ, что такіе опыты непрерывно продолжались и впослѣдствіи. Въ 1817 году вышла книга: „*Сочиненія студентовъ и вольнослушателей Харьковскаго университета*“, гдѣ были помѣщены слѣдующія статьи—1) Склабовскаго, „Разсужденіе объ испорченности природы человѣческой и о помощи, какую доставляетъ намъ истинная философія къ поправленію оной“; 2) Ник. Бѣлозерскаго, „О любви къ отечеству“; 3) Литвинова, „Мысли объ истинѣ и предразсудкахъ“; 4) Бразоля, „Воспоминаніе о родинѣ“; 5) Пономарева, „Воображеніе“; 6) Сафонова, „Объ истинномъ счастіи“; 7) Нестеровскаго, „Сравненіе Русской Правды съ Судебникомъ“; Здѣсь уже царитъ проза и научныя статьи; первая изъ этихъ работъ вызвала порицаніе министерства кн. А. Н. Голицына за увлеченіе философіей въ ущербъ религіи. Кстати замѣтимъ, что это былъ тотъ самый Склабовскій, который впослѣдствіи игралъ руководящую роль въ студенческомъ библейскомъ обществѣ, а потомъ былъ авторомъ проекта объ учено-литературномъ кружкѣ; замѣчанія министра и попечителя не прошли для него безслѣдно—онъ ихъ принялъ къ точному исполненію, оставилъ въ покоѣ всякую мудрость философіи и обнаруживалъ большое

внѣшнее усердіе къ религіи. Въ 1818 году были напечатаны „*Сочиненія и переводы студентовъ Императорскаго Харьковскаго университета*“ со статьями Пафнутьева („О цѣли ученія“); Склабовскаго („Историческій взглядъ на Россію отъ основанія монархіи до порабощенія ея татарами“); Назарьева („О соревнованіи“); Левицкаго („О развитіи нравственнаго чувства“); Бѣлоусова („Послѣднія минуты Демосѳена“), Склабовскаго („De felicitate hominis“), и стихотвореніями Склабовскаго, Шкляревича, Дыздерева, Петрова, Бѣлозерскаго. Въ 1821 году опять вышли въ свѣтъ „*Сочиненія и переводы студентовъ Императорскаго Харьковскаго университета*“, и тамъ были помѣщены слѣдующія статьи: 1) Дружкевича, „Разсужденіе о возрожденіи“; 2) Алаторцева, „Объ отношеніяхъ между словесностью и науками“ (пер. съ франц.); 3) Севастьянова, „Разборъ псалма 65“; 4) Протопопова, „О краснорѣчіи“ (пер. изъ Блэра); 5) Золотарева, „Рѣчь, произнесенная при открытіи студенческаго библейскаго сотоварищества“; 6) Карасева, ода—„Миръ“; 7) Севастьянова, „Клятва Мессіи и обѣтъ Бога изъ Мессіяды Клопштока“ (стих.); 8) Неизвѣстнаго, „Храмъ смерти“, подражаніе Нарушевичу (стих.); 9) Петровскаго, „Смерть Патрокла“. Отрывокъ изъ Иліады (вольный пер.).

Любопытно, что послѣ этого печатныхъ трудовъ студентовъ мы уже не видимъ. Изъ этого можно вывести заключеніе, что студенческое сотоварищество не печатало своихъ рефератовъ отдѣльными изданіями. Очевидно также, что оно само было вызвано къ жизни научно-литературнымъ движеніемъ, существовавшимъ у харьковскихъ студентовъ до 1823 года. Въ концѣ царствованія имп. Александра I-го и въ началѣ царствованія имп. Николая Павловича не было благопріятныхъ данныхъ для свободнаго развитія научно-литературной дѣятельности у студентовъ. Да и само „Общество наукъ“, подъ протекторатъ котораго было поставлено студенческое сотоварищество, послѣ 1817 года не печатало своихъ трудовъ. Съ другой стороны, извѣстія объ ученолитературной дѣятельности университета въ 1824—1826 гг. находили себѣ мѣсто въ „Украинскомъ Журналѣ“, издававшемся подъ редакціей Склабовскаго, занявшаго должность адъюнкта при университетѣ.

На содержаніи трехъ вышеуказанныхъ студенческихъ сборниковъ мы здѣсь останавливаться не будемъ. Скажемъ только, что и научныя статьи въ нихъ, какъ въ болѣе раннемъ, разсмотрѣнномъ нами прежде, сборникѣ, проникнуты литературнымъ, а не научнымъ складомъ. Прибавимъ къ этому, что одинъ изъ

самыхъ энергичныхъ участниковъ этихъ сборниковъ—Склабовскій—сдѣлался виднымъ мѣстнымъ литераторомъ, а другой—студентъ харьковскаго университета, Алексѣй Левшинъ—въ 1816 г. напечаталъ сочиненіе „Письма изъ Малороссіи", которое обратило на себя вниманіе въ краѣ.

Такимъ образомъ, мы приходимъ къ заключенію, что научно-литературное движеніе среди профессоровъ харьковскаго университета, достигшее наибольшаго процвѣтанія въ первое десятилѣтіе существованія университета, дало толчокъ къ образованію среди студентовъ такихъ же стремленій,—и эти послѣднія нашли себѣ выраженіе первоначально въ изданіи студенческихъ научно-литературныхъ сборниковъ, а потомъ—въ образованіи на этой почвѣ научно-литературнаго кружка.

То же благотворное взаимодѣйствіе профессорской и студенческой среды привело, какъ мы увидимъ, къ общенію между ними на чисто научной почвѣ.

V.

Необходимость общенія профессоровъ со студентами ясно сознавалась и при дѣйствіи перваго университетскаго устава 1804 года. Любопытнымъ памятникомъ въ этомъ отношеніи является „Проектъ ученыхъ собесѣдничествъ между студентами и преподавателями" 1835 года, съ содержаніемъ котораго мы теперь и познакомимъ читателей. Происхожденіе его таково. Тогдашній попечитель округа, гр. Ю. А. Головкинъ, обратился въ совѣтъ университета, 10-го октября, съ такимъ предложеніемъ: „Обращая вниманіе на учебную часть университета и замѣчая малое упражненіе разсудка учащихся и чрезвычайное обремененіе ихъ памяти, которая не можетъ быть достаточна для образованія ума, я нахожу весьма полезнымъ, независимо отъ обыкновеннаго теченія лекцій, назначить бесѣды студентовъ съ гг. профессорами и преподавателями, цѣль коихъ заключается въ томъ, чтобы преподаватель могъ короче ознакомиться съ познаніями и умственными способностями своихъ слушателей, изощрялъ бы ихъ разсудокъ, дѣлился бы съ ними богатствомъ своихъ свѣдѣній и опытности и пр. Предметомъ же таковыхъ бесѣдъ могутъ быть науки, преподаваемыя въ университетѣ, чтеніе лучшихъ авторовъ, разборъ и критика сочиненій и т. п. А потому предлагаю совѣту университета назначить для этого рода занятій удобное время и мѣсто такъ, чтобы бесѣды эти не затрудняли обыкновеннаго хода лекцій, о чемъ и донести мнѣ". Черезъ нѣ-

сколько времени попечитель отправилъ въ совѣтъ самый проектъ о „собесѣдничествѣ“ и предложилъ привести его въ исполненіе съ 1-го ноября.

Вотъ подлинный текстъ этого любопытнаго проекта:

„Одинъ изъ важнѣйшихъ недостатковъ образовательной системы нашего публичнаго воспитанія заключается въ маломъ упражненіи благороднѣйшей познавательной способности, т.-е. *разсудка*, при чрезвычайномъ обремененіи памяти. Этотъ недостатокъ замѣченъ мною вообще не въ однихъ низшихъ училищахъ, но и въ самомъ университетѣ.

Университетъ, какъ высшее образовательное учрежденіе, предполагаетъ высшую сферу не одного ученія, но и формъ его. Формы университетскаго ученія должны отличаться отъ формъ всякаго другого образованія характеромъ тѣснѣйшаго сочетанія души наставника съ душою его слушателя. Къ этому благотворному сочетанію предрасполагаютъ ихъ нѣкоторымъ образомъ и достоинство мѣста, ихъ соединяющаго, и сама природа: первое предполагаетъ важность и обширность предмета, на немъ излагаемаго; вторая предполагаетъ слушателя, по развитію его возраста и умственныхъ способностей стоящаго уже болѣе или менѣе въ уровень съ важностью предмета его ученія.

Формы университетскаго—лекціоннаго собесѣдничества со слушателями, касательно внутренняго достоинства, отличаясь отъ гимназическихъ планомъ, размѣромъ, духомъ и точками зрѣнія, относительно внѣшняго выполненія стоятъ въ одной категоріи съ гимназическими: то же безмолвно-напряженное вниманіе слушателя въ продолженіе трехъ или четырехъ лѣтъ! Такъ называемыя *репетиціи*, при всей ихъ необходимости, какъ средства ознакомленія профессора со студентами, измѣняя нѣсколько форму отношеній его къ слушателямъ, никогда не въ состояніи будутъ замѣнить пользу другого, лучшаго способа этихъ отношеній, т.-е. прямого собесѣдничества наставника съ его слушателями. Что касается до университетскихъ экзаменовъ, то, заключенные въ тѣсныхъ предѣлахъ времени для всѣхъ факультетовъ, они никогда не допустятъ другого способа оцѣнки дарованій, кромѣ мнемоническаго: болѣе или менѣе счастливая память, болѣе или менѣе присутствія духа и быстроты въ отвѣтахъ, всегда или почти всегда бываютъ достаточны къ опредѣленію степени успѣховъ молодого человѣка, къ рѣшенію, такъ сказать, будущей его участи, безъ отношенія къ его высшимъ умственнымъ способностямъ. Если къ этому присовокупить еще понятіе о сціэнтифическомъ бытѣ вообще нашей университетской молодежи,

оставленной на собственный учебный и ученый произволъ, внѣ университетскихъ аудиторій,—молодежи, мало читающей, еще менѣе размышляющей и побуждаемой къ размышленію, то и удивляться нечему, что бо̀льшая ея часть, только съ наступленіемъ времени экзаменовъ, торопливо принимается за книги, записки и тетради, и, принимаясь за нихъ торопливо, безъ запаса собственныхъ сужденій о пройденныхъ въ курсѣ предметахъ ученія, естественно подвергаетъ затверживаніе ихъ одной ремесленной, такъ сказать, выдѣлкѣ памяти.

„Въ устраненіе такихъ недостатковъ, на которые указалъ я только намекомъ, весьма желательно было бы мнѣ, чтобы и профессора и вообще университетскіе преподаватели учредили, каждый по своему предмету, непосредственныя взаимныя собесѣдничества съ ихъ слушателями, независимо отъ обыкновеннаго теченія ихъ лекцій. Такое учрежденіе, по предлагаемому мною способу выполненія, не отнимая много времени отъ обычныхъ занятій преподавателей, послужило бы, съ одной стороны, благороднѣйшею пищею для ихъ педагогическаго рвенія, съ другой—доставило бы имъ новый случай доказать готовность подѣлиться богатствомъ своихъ свѣдѣній и опытности съ юношествомъ, ввѣреннымъ ихъ руководству. Почему предлагаю совѣту опредѣлить эти занятія въ четырехъ отношеніяхъ: 1) *по мѣсту*, въ которомъ помянутыя собесѣдничества должны происходить; 2) *по времени*, въ которое и во сколько они должны происходить; 3) *по содержанію* и 4) *по способу* выполненія ихъ.

„1) *По мѣсту*. Различное число слушателей у разныхъ преподавателей и по разнымъ факультетамъ не всегда можетъ допустить возможность приватнаго учрежденія собесѣдничествъ на дому у каждаго изъ нихъ. Есть каѳедры, по которымъ число посѣтителей лекцій простирается отъ 50 до 100 и болѣе человѣкъ. Соединеніе ихъ на дому, въ одинъ и тотъ же часъ, было бы сопряжено съ большимъ неудобствомъ и даже вовсе невозможно. Къ тому же полагаю, что самый публицитетъ ученыхъ собесѣдничествъ придастъ имъ видъ бо̀льшей важности, бо̀льшаго одушевленія и соревнованія, нежели домашняя приватность. Поэтому пусть совѣтъ назначитъ въ самомъ университетѣ число аудиторій по числу факультетовъ. Такимъ образомъ, чтобы занятіе ихъ для собесѣдничествъ не мѣшало занятію ихъ для обыкновеннаго преподаванія лекцій, равно чтобы и самыя собесѣдничества по разнымъ каѳедрамъ одни другимъ не были помѣхою.

„2) *По времени*. При нынѣшнемъ числѣ часовъ преподаванія лекцій въ университетѣ, достаточно будетъ, если каждый изъ

преподавателей, въ теченіе учебнаго мѣсяца, составитъ со своими слушателями не болѣе двухъ собесѣдничествъ, изъ коихъ каждое продлится не свыше двухъ часовъ. Съ приведеніемъ въ дѣйствіе новаго университетскаго устава, при восьми-часовомъ еженедѣльномъ преподаваніи лекцій можно будетъ, по мѣрѣ надобности, увеличить время ученыхъ собесѣдничествъ еще двумя часами на счетъ времени самыхъ лекцій.

„3) *По содержанію.* Два рода ученыхъ матерій могутъ составить предметъ собесѣдничества университетскаго наставника съ его слушателями: одна—прямая, заимствованная изъ пройденной науки или отдѣла ея въ предъидущихъ лекціяхъ, развитіе которыхъ должно въ собесѣдничествѣ превратиться въ сократическую форму изложенія, доказательствъ, возраженій и опроверженій; другая—косвенная, прямо не относящаяся къ предмету преподаванія, но имѣющая съ нимъ сродство или близкое отношеніе; таковы, напримѣръ, нѣкоторые отдѣльные ученые трактаты и сочиненія, критика и рецензіи, идеи которыхъ болѣе или менѣе способны озарить науку преподавателя новымъ свѣтомъ. Ни въ первомъ, однакожъ, ни во второмъ случаяхъ нѣтъ надобности строго придерживаться систематической послѣдовательности отдѣловъ науки въ собесѣдническихъ засѣданіяхъ; да и самое ограниченное число этихъ послѣднихъ дѣлаетъ невозможнымъ такую послѣдовательность. Довольно будетъ уже и того, если предметъ собесѣдничества будетъ хотя нѣсколько знакомъ собесѣдникамъ; выборъ же его для того или другого собесѣдничества можетъ совершенно зависѣть отъ преподавателя, съ тѣмъ, однакоже, чтобы молодые собесѣдники заранѣе, отъ одного засѣданія до другого, были предваряемы о предметѣ будущей бесѣды, съ указаніемъ по ней ученыхъ руководствъ и пособій.

„4) *По способу выполненія.* Успѣхъ ученаго предпріятія, предлагаемаго мною уму и опытности преподавателей, будетъ совершенно зависѣть отъ двоякаго способа его выполненія: внутренняго и внѣшняго. Подъ именемъ внутренняго я разумѣю здѣсь, независимо отъ искусства самаго изложенія предмета, высшую степень того пламеннаго рвенія, которымъ должно одушевляться всякое благое и особенно подобное предпріятіе; ибо если гдѣ-либо, такъ это въ начинаніяхъ подобнаго рода никакая ученость, никакая геніальность не въ состояніи замѣнить силы участія сердца. Подъ именемъ внѣшняго разумѣю я формы и порядокъ, по которымъ должны происходить дѣйствія собесѣдниковъ. Формы эти и порядокъ таковы. Въ назначенный заблаговременно часъ преподаватель застаетъ своихъ собесѣдниковъ въ извѣстной ау-

диторіи. Въ самомъ началѣ онъ, въ бо̀льшемъ или мѐньшемъ объемѣ, судя по надобности, утверждаетъ главное *положеніе* (thesis), долженствующее составить предметъ собесѣдничества. Вслѣдъ за тѣмъ относится къ слушателямъ съ такими вопросами, рѣшеніе которыхъ даетъ развитію данной идеи разговорную форму. Но такъ какъ одновременная бесѣда, особенно при многочисленности собесѣдниковъ, могла бы повлечь за собою шумъ и безпорядокъ, то, для отвращенія этого неудобства, наставникъ обращается съ вопросомъ прямо къ одному изъ собесѣдниковъ и ожидаетъ отъ него отвѣта, предоставляя, впрочемъ, и другимъ право рѣшить вопросъ прежде его, если они въ состояніи то сдѣлать. Само собою разумѣется, что порядокъ вопросовъ долженъ быть направляемъ такъ, чтобы рѣшеніе ихъ, опровергательнымъ или защитительнымъ способомъ, развивая данное положеніе въ систематической послѣдовательности, приводило, наконецъ, къ рѣшительной развязкѣ или результату, сумма котораго составляла бы сумму какихъ-либо важныхъ истинъ въ научномъ отношеніи. Рѣшеніе вопросовъ, независимо отъ способа ихъ предложенія, хотя бы то и софистическаго, можетъ быть допущено двоякое: словесное или письменное, съ тѣмъ, однакоже, чтобы объемъ послѣдняго находился въ соотвѣтствіи съ даннымъ для собесѣдничества временемъ; всякое же письменное рѣшеніе заданной въ собесѣдничествѣ темы, выходящее, по объему своему, за предѣлы этого времени, назначается къ подачѣ наставнику внѣ университетской аудиторіи".

Какъ видимъ, этотъ проектъ, написанный шестьдесятъ-пять лѣтъ тому назадъ, въ основѣ своей составленъ такъ разумно и основательно, что подъ нимъ можно смѣло бы подписать и 1901 г. И всѣ факультеты, кромѣ медицинскаго, стали примѣнять его въ такомъ видѣ, въ какомъ онъ изложенъ у насъ. На этико-политическомъ отдѣленіи собесѣдованія ввели у себя профессора: Могилевскій, Степановъ, Гордѣенко, Ѳедотовъ, Куницынъ, Платоновъ, Клобуцкій; на физико-математическомъ—Комлишинскій, Павловскій, Архангельскій, Черняевъ, Шагинъ, Каленниченко, Правицкій, Дьяченко и Лапшинъ; на словесномъ—Артемовскій-Гулакъ, Мауреръ, Сокальскій, Якимовъ, Протопоповъ, Пани-де-Савиньи, Валицкій и Лунинъ. Медицинскій факультетъ назначилъ бесѣды на четвертомъ курсѣ, ибо только у студентовъ этого курса была, по его мнѣнію, необходимая для нихъ подготовка; кромѣ того, для бесѣдъ было отведено два дня въ недѣлю не для каждаго преподавателя въ отдѣльности, а для всѣхъ совмѣстно, ибо иначе студенты имѣли бы по 51 часу въ недѣлю занятій,

не считая дежурствъ въ клиникахъ, судебно-медицинскихъ вскрытій и исторій болѣзней.

Ректоръ Кронебергъ вовсе было-отказался отъ участія въ этихъ практическихъ занятіяхъ, по многосложности и многотрудности своихъ ректорскихъ обязанностей; но попечитель вошелъ въ совѣтъ съ отношеніемъ, въ которомъ писалъ, что, съ назначеніемъ синдика, обязанности ректора по административной части очень облегчились, и потому онъ можетъ больше обратить вниманія на учебную и ученую сторону, въ чемъ и заключаются его истинныя обязанности. „Я полагаю,—писалъ далѣе попечитель,—что ректоръ, могущій быть столь полезнымъ университету своими глубокими познаніями преподаваемаго имъ предмета и своею извѣстною ученостью, не преминетъ также принять участіе въ бесѣдахъ, дабы удѣлить хотя часть своихъ отличныхъ познаній учащимся въ Харьковскомъ университетѣ, ибо *канцелярскія дѣла*, коими онъ нынѣ болѣе занимается, *рѣшительно не должны составлять главнаго его назначенія*. Исходатайствовавъ отдѣленіе административной части отъ учебной, я надѣялся этимъ поднять учебную и ученую сторону въ университетѣ, и увѣренъ, что всякій членъ его, по мѣрѣ своихъ познаній и способностей, не откажется быть дѣятельнымъ сотрудникомъ моимъ къ достиженію поставленной цѣли—возвышенію Харьковскаго университета въ ученомъ и учебномъ отношеніи“. Ректоръ Кронебергъ „по усердію своему къ пользамъ обучающагося юношества и къ исполненію распоряженій высшаго начальства“, взялъ на себя веденіе практическихъ занятій по два раза въ мѣсяцъ. Здѣсь нельзя не отмѣтить въ высшей степени разумнаго взгляда попечителя на обязанности ректора: этотъ послѣдній, дѣйствительно, не долженъ всецѣло отдаваться административнымъ, канцелярскимъ обязанностямъ, если хочетъ сохранить за собою авторитетъ въ ученой коллегіи.

VI.

Въ заключеніе, намъ остается сказать нѣсколько словъ о томъ, что относится къ области эстетики, физическаго развитія и матеріальныхъ нуждъ университетской молодежи, какъ старались удовлетворять ее еще сто лѣтъ тому назадъ. Уставомъ 1804 года введено было въ штатъ преподаваніе „пріятныхъ искусствъ“—*музыки*, *рисованія* съ *живописью*, *танцевъ*; кромѣ того, обучали также *гимнастикѣ*, *фехтованію* и *верховой ѣздѣ*. Музыкѣ обу-

чалъ магистръ Витковскій, рисованію—магистръ Матесъ, ландшафтной живописи—магистръ Шепфлинъ, танцамъ—магистръ Балашовъ и Еропкинъ, фехтованію и верховой ѣздѣ—Сивонтъ и Ледюкъ. Преподаваніе было поставлено серьезно; это видно изъ того, что для этихъ предметовъ были заведены особыя учебно-вспомогательныя учрежденія—былъ классъ рисованія и живописи съ рисунками, моделями, былъ музыкальный классъ съ различными инструментами и нотами, былъ, наконецъ, фехтовальный классъ и манежъ.

Часть студентовъ, подъ именемъ казеннокоштныхъ, пользовалась содержаніемъ отъ правительства: на каждаго изъ нихъ отпускалось по 200 р. На 8.000 р. ассигн. нужно было дать полное содержаніе сорока человѣкамъ. Первоначально содержаніе ихъ столомъ было сдано одному предпринимателю; но черезъ два года, въ 1806 г., студенты обратились въ правленіе съ ходатайствомъ о предоставленіи имъ права самимъ вести свое хозяйство, мотивируя свою просьбу тѣмъ, что предприниматель плохо ихъ кормилъ, и они тревожили своими жалобами начальство. Правленіе, по сношенію съ попечителемъ, отнесшимся сочувственно къ этому ходатайству, удовлетворило его. Единственнымъ дальнѣйшимъ шагомъ правленія въ этомъ дѣлѣ было оффиціальное признаніе имъ студенческой хозяйственной организаціи съ ея неизбѣжнымъ аттрибутомъ—выборнымъ началомъ. Существованіе этого послѣдняго на законномъ основаніи доказывается слѣдующимъ постановленіемъ студенческой организаціи, сообщеннымъ его правленію: „Мы, нижеподписавшіеся казеннокоштные студенты Харьковскаго университета, довѣряемъ симъ, съ общаго согласія, студенту Пузанову получать отъ правленія подъ его роспискою деньги и дѣлать покупки для содержанія стола, употребляя въ помощь двухъ очередныхъ, черезъ двѣ недѣли перемѣняющихся, студентовъ; въ случаѣ же большой затруднительности, а особливо въ выпискѣ съѣстныхъ припасовъ, должны также означенныя покупки производиться и тѣми, кому общество для соблюденія своихъ выгодъ поручитъ. При томъ помянутый Пузановъ долженъ вести записную книгу для расходовъ, ежемѣсячно четырьмя очередными студентами разсматриваемую и подписываемую“ (далѣе слѣдуютъ подписи всѣхъ). Въ 1813 году казеннокоштные студенты подали въ правленіе прошеніе, въ которомъ писали: „По причинѣ отлучки казначея казеннокоштныхъ студентовъ, Демьяна Копѣйчикова, съ общаго студентовъ согласія, избирается въ эту должность студентъ Иванъ Гнѣдичъ, объ

утвержденіи котораго просимъ учинить свое благоразсмотрѣніе". Студенческая организація заключала контракты и договоры, утверждавшіеся правленіемъ университета. Принявъ на себя заботу о своемъ содержаніи, студенты старались возможно дешевле пріобрѣсти необходимые имъ товары, закупали ихъ оптомъ во время успенской ярмарки, брали для этого авансы, однимъ словомъ, дѣйствовали какъ кооперація. Но, несмотря на всю ихъ энергію, имъ трудно было содержать себя на отпускаемую сумму, вслѣдствіе болѣе и болѣе усиливавшейся дороговизны. Тогда, въ 1809 г. они подали коллективное прошеніе о прибавкѣ нѣкоторой суммы на столъ изъ ихъ же средствъ, и правленіе удовлетворило это ходатайство, такъ какъ само хорошо знало о дороговизнѣ. Въ 1812 г. они снова ходатайствовали о прибавкѣ, которая и была сдѣлана; въ 1813 и 1814 гг. они повторили свою просьбу. Нужно замѣтить, что въ это время все русское общество переживало тяжелый финансовый кризисъ, вызванный Наполеоновскими войнами,—и студенты съ честью вышли изъ этого тяжелаго испытанія: имъ сдѣланы были незначительныя прибавки, не выходившія изъ ихъ общаго бюджета (200 р. на человѣка),—а между тѣмъ всѣ товары въ это время страшно поднялись въ цѣнѣ. Такой благопріятный результатъ объясняется только самой строгой экономіей ихъ и самостоятельнымъ веденіемъ хозяйства; студенческая корпорація, такимъ образомъ, вполнѣ оправдала возлагавшіяся на нее надежды.

Изъ всѣхъ приведенныхъ документальныхъ данныхъ видно, что въ харьковскомъ университетѣ, въ началѣ XIX вѣка, сто лѣтъ тому назадъ, среди студентовъ уже существовали: библейское общество, научно-литературный кружокъ, научно-литературныя изданія, собесѣдованія профессоровъ со студентами и, наконецъ, у казеннокоштныхъ студентовъ было общее веденіе хозяйства; кромѣ того, самъ университетъ доставлялъ имъ средства для эстетическаго и физическаго развитія, иными словами—были студенческія организаціи, преслѣдовавшія цѣли умственнаго, нравственнаго и матеріальнаго усовершенствованія. Если вспомнить, какіе успѣхи по пути культуры сдѣлало за истекшее столѣтіе все русское общество, а въ томъ числѣ и учащаяся молодежь, то самъ собою складывается такой выводъ, а именно, что въ настоящее время, сто лѣтъ спустя, русское студенчество можетъ быть не менѣе зрѣло для подобныхъ организацій, и онѣ

не только могутъ удовлетворять его внутреннимъ потребностямъ и запросамъ, не только явятся новымъ могущественнымъ орудіемъ для всесторонняго *гармоническаго* развитія его силъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлаются хорошею школою для поднятія въ немъ чувства общественности на здоровой основѣ практической дѣятельности въ духѣ мирнаго поступательнаго движенія на пользу общества и страны.

Д. И. Багалѣй.

Кіевъ, 1901 г.

БУДУЩИМЪ БІОГРАФАМЪ
Н. В. ГОГОЛЯ

Замѣтки.

Наступающія грустныя поминки о днѣ полувѣковой кончины знаменитаго нашего писателя, о событіи тяжеломъ, неожиданномъ и преждевременномъ — поэтъ недавно переступилъ тогда порогъ своихъ сорока лѣтъ—вызовутъ, несомнѣнно, новыя воспоминанія, біографическія замѣтки, вѣроятно и новыя обслѣдованія старыхъ вопросовъ, связанныхъ съ именемъ великаго сына Украйны.

Но грустный день памяти—не безъ добраго юридическаго значенія: онъ разрѣшаетъ, наконецъ, сочиненія нашего историческаго сатирика, особенно его литературную корреспонденцію, отъ узъ наслѣдственныхъ правъ со стороны различныхъ лицъ, и такимъ образомъ великое литературное наслѣдіе отъ первой половины минувшаго столѣтія обращается во всеобщее достояніе, что̀ отчасти мы уже видимъ и теперь, въ виду одного приближенія дня 21-го февраля 1902 г. Припомнимъ, что еще недавно Кулишовское изданіе Гоголя шло по необыкновенно высокой цѣнѣ, другими словами, драгоцѣнная переписка человѣка, избравшаго своею задачею—„поправить“ себя и ближнихъ, была совсѣмъ малодоступна обществу. А между тѣмъ еще профессоръ Шевыревъ, практическій другъ поэта, человѣкъ, посвящавшійся имъ въ самые тайники его души, уже сейчасъ же послѣ смерти Гоголя, въ письмѣ къ одной изъ его сестеръ, подчеркивалъ, что

„полная и вѣрная“ его біографія, въ отраженіе обвиненій, можетъ быть извлечена именно изъ переписки. Говорить ли, сколько справедливаго было и осталось въ этихъ немногихъ словахъ стараго московскаго профессора и литературнаго критика?..

Въ настоящую минуту передъ нами носится картина ближайшаго будущаго, когда Гоголь войдетъ въ каждую грамотную хату Россіи, но Гоголь подлинный, безъ поддѣлки или умолчаній, Гоголь воскрешенный. Но кто въ правѣ отказать въ громадныхъ заслугахъ уже сдѣланнаго по возстановленію текста и пониманію великаго писателя, тому мѣсту, въ которомъ поэтъ нашелъ свое послѣднее успокоеніе, въ которомъ благоговѣйное отношеніе къ Гоголю давно стало дорогимъ, завѣтнымъ преданіемъ?

Образцовое изданіе текста произведеній Гоголя, исполненное академикомъ Тихонравовымъ, тонкимъ знатокомъ поэта и испытаннымъ мастеромъ въ области литературной критики—результатъ колоссальнаго труда; богатая серія статей на страницахъ „Вѣстника Европы“ ученика его, В. И. Шенрока [1]), по выясненію творческой дѣятельности Гоголя, въ связи съ обстоятельствами его личной жизни, которая затѣмъ позже выросла въ громадное изданіе „Матеріаловъ для біографіи Гоголя“ (четыре тома, болѣе $2^1/_2$ тысячъ страницъ), это—два памятника, которыми такъ достойно минувшее столѣтіе изъ Москвы, въ финалѣ истекающей эпохи законнаго запрета, привѣтствуетъ настоящій Гоголевскій праздникъ.

Московскіе „Матеріалы“ г. Шенрока и вызвали, главнымъ образомъ, предлагаемыя замѣтки. Позволяемъ себѣ думать, что онѣ не будутъ лишними при дальнѣйшихъ работахъ по біографіи Гоголя. Нѣкоторыя обстоятельства жизни Гоголя и въ освѣщеніи г. Шенрока, этого спеціалиста въ области, такъ сказать, „Гоголевѣдѣнія“, возбуждаютъ сомнѣнія. Есть, мѣстами, и фактическія неточности и недоразумѣнія, но которыя, въ большинствѣ своемъ, совсѣмъ случайно ясны автору настоящихъ строкъ, въ интересы вопросовъ русской литературы мало посвященному. Матеріалъ для нашихъ замѣтокъ отчасти общедоступенъ, отчасти новый, неизвѣстный для біографовъ Гоголя, который извлеченъ изъ нашихъ историко-литературныхъ „collectanea“. За точность на-

[1]) „Н. В. Гоголь и Віельгорскіе“, 1889 г., окт., 556 и нояб., 88.—„Гоголь и А. С. Данилевскій“, 1890 г., янв., 71, февр., 563.—„Гоголь въ началѣ литературной карьеры“, 1890 г., іюль, 248, авг., 487.—„Гоголь и его письмо къ В. А. Жуковскому“, 1890 г., дек., 594.—„Гоголь въ періодъ „Арабесокъ“ и „Миргорода“, 1892 г., іюль, 5; авг., 519 стр.

шихъ личныхъ отмѣтокъ мы ручаемся, и читатель можетъ намъ вполнѣ вѣрить, что никакой поддѣлки документовъ ему мы не позволимъ себѣ предложить.

I.

Проведя небольшое число лѣтъ за литературной работой въ Петербургѣ, Гоголь, выражаясь по-просту, бѣжалъ отъ насъ. Тамъ, за границею, онъ проводитъ, съ перерывами, болѣе десяти лѣтъ, и, водворившись опять въ Россіи, онъ сейчасъ же томится въ ней, только мелькомъ заглядываетъ въ свое родовое гнѣздо, а душою опять рвется изъ нея вонъ. И даже Одесса дорога̀ поэту именно потому, что изъ нея—преддверіе *туда*, милое напоминаніе о томъ, что̀ *тамъ*. Свободный въ своихъ передвиженіяхъ, Гоголь былъ неизмѣримо счастливѣе своего геніальнаго учителя: Пушкинъ всю жизнь былъ прикованъ, и тщетно рвался—*туда* же.

Но въ чемъ же причина бѣгства Гоголя отъ насъ?

Представляя себѣ положеніе Гоголя во второй половинѣ апрѣля и въ маѣ 1836 года, послѣ перваго представленія „Ревизора“ на петербургской сценѣ, мы такъ и слышимъ злобныя насмѣшки по его адресу—„слѣпецъ, хотѣлъ увѣрить насъ, что Богъ гласитъ его устами“... И слѣпецъ бѣжалъ, нищій, изъ отечества, въ виду всеобщаго негодованія послѣ 19-го апрѣля.

„Мнѣ,—вспоминалъ позже П. В. Анненковъ, извѣстный критикъ и другъ поэта,—свидѣтелю перваго представленія „Ревизора“, позволено будетъ сказать—что̀ изображала самая зала театра въ продолженіе четырехъ часовъ замѣчательнѣйшаго спектакля, когда-либо имъ видѣннаго. Уже послѣ перваго акта недоумѣніе было написано на всѣхъ лицахъ—публика была избранная въ полномъ смыслѣ слова. Недоумѣніе это возростало съ каждымъ актомъ. По окончаніи четвертаго акта, прежнее недоумѣніе уже переродилось почти въ *всеобщее негодованіе*, которое довершено было пятымъ актомъ. Общій голосъ, слышавшійся по всѣмъ сторонамъ избранной публики, былъ: это—клевета и фарсъ!“ [1]).

П. В. Анненковъ здѣсь, въ своей картинѣ, не сгущалъ красокъ. Въ публикѣ было не мало изъ „изрядной коллекціи гадкихъ рожъ“, о которой Гоголь вспоминалъ Погодину, въ первомъ заграничномъ письмѣ къ нему, изъ Женевы, 10-го сентября

---

[1]) Воспоминанія и крит. очерки, I, 193.

1836 г., быть можетъ, уже немного умиренный: „не въ терпёжъ мнѣ пришлось глядѣть на нихъ“,—поясняетъ поэтъ.

„Пророку нѣтъ славы въ отчизнѣ“,—писалъ Гоголь въ Москву, послѣ историческаго пріема „Ревизора“ въ Петербургѣ. Но едва-ли онъ былъ искрененъ въ дальнѣйшемъ признаніи, что онъ совсѣмъ не смущенъ тѣмъ, что противъ него „уже рѣшительно возстали теперь всѣ сословія“. Въ другомъ письмѣ къ тому же Погодину озадаченный поэтъ съ горькою болью возражаетъ тѣмъ, что объявили его „зажигателемъ“, „бунтовщикомъ“: „это говорятъ люди государственные, которые должны бы имѣть на сколько-нибудь ума..., эта раздражительность—признакъ глубокаго, упорнаго невѣжества“ [1]).

Сильнѣе уже трудно сказать своимъ недоброжелателямъ, въ отвѣтъ на предъявленное нешуточное обвиненіе. Но этого мало. Горечь апрѣльскаго положенія глубоко-глубоко залегла въ сердце поэта, и имъ принято было, твердо и сознательно, рѣшеніе—удалиться, пока можно. Перспектива пребыванія за границей, пока, была наброшена на неопредѣленное время; но за тѣмъ, такъ, года черезъ два, она готова была затянуться на долгіе и долгіе годы...

Если, при извѣстіи о смерти Пушкина, Гоголь не безъ негодованія, съ брезгливостью, отбрасывалъ предложеніе Погодина возвратиться домой: „...ѣхать къ вамъ! для чего? Не для того ли, чтобъ повторить вѣчную участь поэтовъ на родинѣ“,—то въ этихъ словахъ еще слышится старое петербургское чувство—досады и злобы. Но когда, въ маѣ 1838 года, т.-е., къ концу второго года пребыванія за границей, у Гоголя вылилось довѣренное признаніе, что „съ каждымъ годомъ, *съ каждымъ мѣсяцемъ* разрываются болѣе и болѣе узы, связывающія меня съ нашимъ холоднымъ отечествомъ“, въ письмѣ къ другу Данилевскому [2]), то въ выработкѣ этого новаго воззрѣнія на свои гражданскія обязанности должны были участвовать не только старые счеты съ родиной, не охладѣвшее еще чувство раздраженія при поминкахъ о недавнемъ быломъ, но и новыя римскія отношенія, въ которыя вступилъ Гоголь въ началѣ 1838 года, которыя, незамѣтно для него, мало-по-малу очаровали и опутали его цѣликомъ. Въ нихъ, въ концѣ концовъ, онъ могъ и затеряться совсѣмъ. Но объ этомъ—ниже, а пока мы останавливаемъ внима-

---

[1]) Барсуковъ, „Погодинъ“, IV, 338—341.

[2]) Въ Парижъ и не по почтѣ, а съ оказіей, слѣдовательно не безъ опасенія сторонняго глаза (Шенрокъ, III, 230). Въ Парижѣ Гоголю грезились русскіе шпіоны, въ число коихъ онъ внесъ и Строева!

ніе читателя на выраженіи того письма: „съ каждымъ мѣсяцемъ". Могутъ сказать, что въ словахъ Гоголя—риторическая фигура, не болѣе. Нѣтъ, въ устахъ поэта именно въ маѣ 1838 года и въ Римѣ они имѣютъ серьезное, реальное значеніе; они—не праздный звукъ на вѣтеръ. Но возвращаемся къ отъѣзду.

Гоголь видимо спѣшилъ съ самоизгнаніемъ, какъ бы опасаясь, чтобы не попросили его обратно въ хату. Время дѣйствія серьезное, шутить не любившее, середина того десятилѣтія, которое на языкѣ петербургскихъ литераторовъ не-булгаринскаго толка титуловалось, конечно промежъ себя, „свинцовымъ" (кн. Одоевскій). На горячія мольбы друга, и хохла къ тому же, Щепкина, Гоголь отвѣчалъ отказомъ. 6-го іюня Гоголь сѣлъ на нѣмецкій пароходъ въ Любекъ. Его провожалъ одинъ только кн. Вяземскій, тотъ самый литераторъ, который провожалъ, семь лѣтъ тому назадъ, другого—польскаго—поэта, Мицкевича, уже настоящаго изгнанника.

Быстро промелькнули увеселительныя заведенія и города сѣверо-западной Германіи, Швейцаріи передъ „перелетавшимъ" Гоголемъ, съ неудачной попыткой въ Женевѣ „насобачиться" по-французски; веселый, онъ полетѣлъ въ Парижъ, гдѣ цѣлыхъ четыре мѣсяца—одно раздолье, и только къ Пасхѣ 1837 года онъ—въ Римѣ, гдѣ жизнерадостный путешественникъ и увязъ. Здѣсь его—„всегдашнее пребываніе" (письмо къ Погодину 30-го марта 1837 г.) до наступившаго въ 1843 году періода кочеваній. Вынужденныя отлучки въ отечество только слегка рябятъ римскіе досуги Гоголя.

Одно количество времени на одномъ и томъ же мѣстѣ приковываетъ наше вниманіе къ римскому Гоголю. Но, какъ извѣстно, оставивъ Римъ, Гоголь оставилъ тамъ и стараго Гоголя, а вышелъ перерожденнымъ, „страннымъ" для своихъ прежнихъ друзей,—общимъ цѣлителемъ душъ, по убѣжденію его лично. Гордо объявляетъ Гоголь своей первой духовной дщери, Смирновой, въ апрѣлѣ 1845 года, что „расходъ произведеній *нынѣшняго меня* (курсивъ оригинала), а не прежняго меня, былъ бы великъ, ибо они были бы *на потребу всѣмъ*" (VI, 174).

Все это—извѣстныя вещи. Но предъ нами вопросъ: шло ли это внутреннее перерожденіе сатирика путемъ естественнымъ, шло, такъ сказать, изъ самого себя, или было на-лицо особое вѣяніе извнѣ, преслѣдовавшее свои спеціальныя цѣли, нарушившее его міровоззрѣніе?

Не отрицая наличности предрасполагавшихъ условій въ самой организаціи натуры „гордаго“ художника, оттолкнутаго на родинѣ пророка, мы позволяемъ себѣ въ то же время полагать, что допустима мысль объ особомъ воздѣйствіи на Гоголя *со стороны*, и очень раннемъ.

Допускаемъ, что въ признаніяхъ Гоголя (въ первыхъ и позднѣйшихъ римскихъ письмахъ), что для него Римъ—настоящій земной рай, святыня человѣчества, онъ имъ „увлеченъ и околдованъ“, есть доля поэтической риторики, хотя Риму онъ не могъ не быть признателенъ не изъ-за прекраснаго климата, а изъ-за того, что Римъ сдѣлалъ его, наконецъ, на лету, ученымъ, съ солидными историческими свѣдѣніями, открылъ ему нѣкоторыя страницы книги исторіи. Вѣдь недавній столичный профессоръ всеобщей исторіи, историкъ безъ знанія языковъ, этихъ безусловныхъ орудій историческаго знанія, не могъ не вспоминать, съ жгучей болью въ сердцѣ своемъ, оффиціальной аттестаціи его профессорской годности, словъ попечителя о невозможности для него ученой степени [1]).

Но уже проповѣдническія утвержденія, что нѣтъ лучшей участи, какъ умереть въ Римѣ—„цѣлой верстой здѣсь человѣкъ ближе къ Богу“, или—что въ одномъ только Римѣ молятся [2]), озадачиваютъ своею рѣшительностью, парадоксальностью. Что же касается умиленія и наслажденія у Гоголя предъ лицезрѣніемъ *монаховъ и аббатовъ*, „которыми какъ макомъ усѣяны улицы“ [3]), да еще приглашать другихъ раздѣлять съ нимъ это блаженство, то подобное душевное состояніе—совсѣмъ уже загадка.

Въ порядкѣ вещей, если и неразлучимость Гоголя съ Римомъ, и всѣ эти его странныя откровенія рано заронили въ умѣ его матери мысль о вліяніи католицизма на сына, мысль, которая такъ покоробила послѣдняго [4]). Но на ту же мысль напали позже старикъ Аксаковъ, Языковъ, Княжевичъ...

Остановимся на минуту на умиленіи Гоголя предъ уличнымъ „макомъ“ Рима, предъ роями вѣчно шатающихся отборныхъ эгоистовъ, стекшихся съ цѣлаго міра, но для которыхъ у Го-

---

[1]) Ср. нашу статью—„Графъ Сперанскій“, „Вѣстн. Европы“, 1894, май, 15. О попыткахъ реабилитировать профессорство Гоголя, съ указаніемъ нормальнаго рецепта, какъ дѣлается нормальный русскій профессоръ, серьезно говорить нельзя.

[2]) Къ Плетневу, къ Балабиной (Шенрокъ, III, 177). Подобныя слова понятны въ конфессіоналѣ или съ каѳедры.

[3]) Ib., III, 179.

[4]) Ib. III, 212.

голя было столь нѣжное отношеніе, что онъ готовъ ихъ почитать за нѣкое „особенное Божіе твореніе“ [1]).

Конечно, когда Гоголь остановился на сравненіи римскихъ монаховъ съ макомъ, онъ имѣлъ въ виду не маковое, черное зерно: предъ его взоромъ въ ту минуту носилась картина родного украинскаго поля лѣтомъ или огорода, засѣяннаго макомъ. Что это такъ, мы убѣждаемся изъ указанія у поэта и на самое одѣяніе тѣхъ милыхъ монаховъ, на крайнюю пестроту ихъ одеждъ, что̀ не можетъ не давать эффектной поэтической картины. Предъ нами—поэтъ, художникъ, съ тонкой духовной организаціей, не то, что̀ обыкновенный смертный, съ его прозой, грубою натурой. Не въ этомъ ли внѣшнемъ колоритномъ обликѣ римской улицы и слѣдуетъ искать объясненія умилительнаго отношенія нашего поэта къ ея монаху, столь мало напоминающему нашего скромнаго чернеца? Да, можетъ быть. Но—можетъ быть допущено, въ связи съ нѣкоторыми обстоятельствами римской жизни Гоголя на второмъ году, и иное объясненіе. Симпатіи къ римскому монаху шли далѣе его колоритной рясы.

Колебаніе заподозрили мать и ближайшіе современники. Но къ тому же выводу, что поэтъ колебался между православіемъ и католицизмомъ, пришелъ и его послѣдній изслѣдователь, осторожный Тихонравовъ. Наличность колебанія въ римскіе годы Гоголя есть фактъ его жизни, біографіи.

Но просто ли Римъ поколебалъ, своею, напримѣръ, „маковою“, живописною улицею, или были особыя условія, подведшія Гоголя къ колебанію? Вскользь было только-что замѣчено, что мы лично склоняемся ко второму предположенію. Предъ нами сейчасъ предстанутъ *совсѣмъ новые* факты изъ римской жизни Гоголя, полные интереса.

Черезъ полгода послѣ отъѣзда Гоголя изъ веселаго Парижа въ Римъ, оставляли Парижъ и направлялись туда же двое молодыхъ людей, польскихъ эмигрантовъ, но уже принявшихъ священническое постриженіе. Оба они были почти ровесники Гоголю. Одинъ изъ нихъ былъ даже настоящій русскій, хохолъ, но уже въ утломъ дѣтствѣ обращенный къ католичество. Оба товарища были нищіе и шли въ Римъ за наукою—готовить себя для проповѣди, на миссію, въ монахи, но не для монастыря.

Оба они бѣжали изъ Россіи, послѣ трагическаго финала

---

[1]) Шенрокъ, III, 207.

ноябрьскаго возстанія въ Варшавѣ 1830 года, одинъ — бравый артиллеристъ, другой—храбрый уланскій офицеръ, съ широкимъ на всю жизнь рубцомъ на носу отъ палаша русскаго кирасира подъ Остроленкой. Одинъ былъ Петръ Семененко, рожденный въ 1814 г. отъ православнаго отца и лютеранской матери, другой—Іеронимъ Кайсевичъ, изъ волынской, житомірской шляхты, изъ уніатовъ.

Скрывая свое происхожденіе, съ подложными паспортами на имя французскихъ подданныхъ, а потому осторожно, украдкой пробирались Семененко и Кайсевичъ, въ сентябрѣ 1837 года, въ Римъ. Вездѣ карантины предъ свирѣпствовавшей въ Италіи холерой, опасность быть опознанными, особенно въ австрійскихъ владѣніяхъ; въ карманѣ—ни гроша. Но все это имъ ни по чемъ: они—избранный сосудъ для духовнаго возрожденія своихъ и людей вообще; новообращенные христіане, они—апостолы, первые ученики своего парижскаго учителя, Богдана Яньскаго, и также—новообращеннаго христіанина...

Имена Семененки и Кайсевича, будущихъ учредителей новаго католическаго ордена монаховъ, польскаго, славянскаго—*воскресенцевъ* или ресуррекціонистовъ [1]), самымъ тѣснымъ образомъ связаны съ римскою жизнью Гоголя въ первую половину 1838 г., въ періодъ тѣхъ именно мѣсяцевъ, о которыхъ поэтъ такъ откровенно исповѣдывался предъ своимъ другомъ, что съ каждымъ мѣсяцемъ онъ становится равнодушнѣе къ своему „холодному" отечеству.

Но познакомимся съ замѣчательною личностью Яньскаго, съ перерожденіемъ или преображеніемъ его и его двухъ главныхъ учениковъ: какъ и Гоголь, одними они были раньше, другими стали позже — аскетами, покаянниками и проповѣдниками очистительнаго *покаянія*.

Яньскій—не политическій эмигрантъ 31 года, а добровольный изгнанникъ, образованный патріотъ, только тайкомъ причастный революціи. Уроженецъ царства, онъ, по окончаніи курса въ королевскомъ варшавскомъ университетѣ, въ 1827 году былъ посланъ, какъ человѣкъ съ выдающимися способностями,

---

[1]) Resurrectio, воскресеніе, возстаніе изъ мертвыхъ, отсюда праздникъ Пасхи у поляковъ z-martwych-wstanie, а члены ордена—zmartwychwstańcy. Воскресенцами послѣдніе называются русскими въ Галиціи, въ Болгаріи. Первый, частный, уставъ ордена былъ подписанъ учредителями подъ одинъ изъ праздниковъ Пасхи, въ Римѣ, въ 40-хъ годахъ. Конечно, названіе ордена было подобрано съ соображеніемъ извѣстной политической программы, что вполнѣ естественно.

въ Парижъ, для приготовленія къ профессурѣ по каѳедрѣ политической экономіи, какъ нѣсколько раньше извѣстный Андрей Кухарскій. По неволѣ женатый на сосѣдкѣ Завадской, онъ отъѣхалъ одинъ, оставивъ ненавистную жену.

Сейчасъ же фурьеристъ, сен-симонистъ и даже одинъ изъ обязательныхъ по сен-симонистскому ученію 12 апостоловъ (устанавливался и папа, и даже въ юбкѣ), Яньскій, подъ впечатлѣніемъ несчастій его родины, гибели отца, родныхъ, не впалъ въ отчаяніе, а усиленно сталъ работать, подъ живымъ примѣромъ Мицкевича, и воскресъ къ совсѣмъ новой жизни. Какъ открыто не замѣшанный въ ноябрьскомъ возстаніи, онъ нѣсколько разъ былъ приглашаемъ къ возврату на службу; но онъ, какъ и Мицкевичъ, избралъ изгнаніе, чтобы посвятить себя иному служенію, особенной „наукѣ жизни", служенію своей родинѣ и Богу, *во имя покаянія*, и, прежде всего, въ лицѣ ея несчастныхъ дѣтей въ эмиграціи.

Эти дѣти были одинъ ужасъ. Чистый идеалистъ, Яньскій, сталъ гнушаться своими многочисленными соотечественниками, переполнившими всю Францію, ихъ распутною жизнью, дрязгами, ссорами, всякою духовною мерзостью. И это послѣ тріумфальнаго марша чрезъ Германію, которая устроивала всяческія демонстраціи побѣжденнымъ у Остроленки и Варшавы. Извѣстны картины художниковъ того времени,—напр., братанье въ Дрезденѣ. Если въ Парижѣ поселились гейневскіе Вашлапскій и благородный Эзелинскій, то въ провинцію пошли люди всякаго разбора.

Возвратить Христа въ жизнь общества и прежде всего—польскаго, гдѣ, по свидѣтельству современниковъ, міряниръ, священникъ, епископъ были въ равной мѣрѣ не-христіане—задача Яньскаго... „Покайтеся", требовалъ онъ, а затѣмъ уже все остальное приложится само собою. Онъ указывалъ, что не кровавое возстаніе, а самоочищеніе, духовное по ученію Евангелія возрожденіе — современная потребность модернизованнаго польскаго общества. Тщедушный, слабый, чахоточный, Яньскій, какъ перваго условія покаянія, требовалъ отказа отъ всѣхъ удобствъ культурной жизни, полнаго опрощенія, житья отъ личнаго труда, съ одною любовью ко всѣмъ, съ забвеніемъ всякихъ счетовъ съ кровавымъ прошлымъ. И эта суровая проповѣдь была на первомъ мѣстѣ обращена къ тѣмъ людямъ, одна часть которыхъ проводила жизнь въ шумныхъ оргіяхъ, другая — среди развращающихъ фантазій. Наконецъ, какъ верхъ совершеннаго покаянія, требовалось странствіе въ Святую Землю, „pielgrzymka swięta".

Но войдемъ въ нѣкоторыя подробности изъ жизни и ученія о покаяніи новоявившагося аскета-проповѣдника среди улицъ Парижа.

Первые проблески живого религіознаго чувства, но съ безпредѣльной перспективой, относятся еще къ концу 1830 года, когда Яньскій, участникъ іюльской революціи, былъ высланъ отъ своихъ сен-симонистовъ, съ политическою миссіей, въ Лондонъ. Въ немъ открылась тяжелая внутренняя борьба—съ самимъ собой, съ своимъ „прежнимъ". Онъ велъ дневникъ, который немного сродни съ перепискою Гоголя.

„Я,—пишетъ онъ въ дневникѣ, — увѣровалъ и хочу чтить Великаго Бога. Религіозное чувство царитъ надъ всякимъ инымъ моимъ чувствомъ, мыслью, интересомъ... Покидаю навсегда васъ, мои былыя мечты, идолы моей минувшей молодости (род. 1805). Не для меня ученые титулы, слава на родинѣ. Покидаю васъ, университетъ и будуары, салоны и парламенты. Мертвенныя церкви людей уже для меня слишкомъ малы. Хочу жить въ Святилищѣ Великаго Бога; въ него я долженъ пригласить все человѣчество. Моя миссія—осчастливить родъ людской пожертвованіемъ всѣхъ моихъ силъ".

По словамъ біографа Яньскаго, дневникъ его ясно показываетъ, какую страшную борьбу авторъ его долженъ былъ выносить съ собою: она едва не закончилась самоубійствомъ. Онъ приходилъ въ отчаяніе отъ неподдававшагося самоисправленія, отъ трудности „отрясти себя отъ грѣховъ прошлаго", отъ раздвоенія себя—то съ Богомъ, то безъ Бога. Но онъ, „негодный", все-же превозмогъ себя и уже съ надеждою пишетъ въ послѣдніе дни своего лондонскаго пребыванія, просвѣтленный, готовый на дѣло: „Боже, когда же вся моя жизнь будетъ въ Тебѣ, для Тебя и чрезъ Тебя! Теперь еще не могу съ Тобою пребывать; но придетъ время, и время то недалеко". И странный „апостолъ" сен-симонистовъ, съ горячею вѣрою въ Бога, не обманулся въ своемъ предчувствіи. Условія для первой пробы выполненія миссіи: „воздвигнуть Богу храмъ, въ которомъ все человѣчество будетъ Его любить, вся земли чтить" (говоря словами его дневника), были не за горами.

По возвращеніи въ Парижъ, весной 1831 года, Яньскій почувствовалъ-было себя опять несчастнымъ — одинокимъ среди своихъ сен-симонистовъ, безъ пониманія себя, „безъ недавней вдохновенности, полный опять сомнѣнія. Но подошелъ финалъ польскаго возстанія, и пророкъ ожилъ: обвиняя себя, что онъ

оставался за границею, когда долженъ былъ сражаться на Вислѣ, о-бокъ съ павшими отцомъ и родными, онъ останавливается на эмиграціи, чтобы „жить съ поляками, заново заняться своими польскими людьми, и самымъ тщательнымъ образомъ“, но „жить прежде всего въ Богѣ“, т.-е. направить на путь, исправить первый эшелонъ человѣчества.

Эта задача развернулась однако не вдругъ, и она потребовала внутренней борьбы, прежде всего въ виду того, что самъ Яньскій еще не возвратился въ лоно церкви, былъ не безъ мечтаній даже—о новомъ христіанствѣ. Личный примѣръ Мицкевича, съ которымъ сообща онъ издавалъ „Пилигрима“, личная, строго христіанская жизнь знаменитаго поэта—рѣшила колебанія.

Среди общихъ одурѣвающихъ условій жила, со дня на день, эмиграція. Ни вѣры, ни Христа, ни Бога, по свидѣтельству современника. „Если,—продолжаетъ онъ же,—кто заходилъ случайно въ воскресенье въ церковь, онъ находилъ тамъ у алтаря священника, у ногъ его нѣсколькихъ старицъ, быть можетъ, живущихъ отъ церковнаго подаянія,—вотъ и все, что могъ онъ тамъ видѣть“. Такова была эмиграція съ одной стороны. Съ другой стороны, въ параллель наступившей общественной тишинѣ во Франціи, она представляла изъ себя картины однихъ дрязгъ, гвалта, шума.

„Что это было за зрѣлище!—вспоминаетъ очевидецъ, нашъ Семененко. — Кто его не видѣлъ, тому не легко и представить. Не знаемъ, видѣли ли когда-либо нѣчто подобное людскія очи, развѣ что такъ было при вавилонскомъ столпотвореніи“. Словомъ, общая анархія въ мысляхъ и дѣйствіяхъ. Образовались разные кружки, товарищества, общества; каждое общество говорило своимъ языкомъ, имѣло своихъ пророковъ, свою науку, съ каждымъ другимъ вступало въ бой. Среди этого всеобщаго смятенія явился свѣтлый огонекъ, и на него мало-по-малу стали стекаться мятущіеся, опоминаться, приходить въ себя. Этимъ огонькомъ и былъ Яньскій.

Духовное состояніе эмиграціи указало Яньскому остановиться на старомъ христіанствѣ, и недавній вдохновенный искатель „Великаго Бога“ обращается просто въ христіанина, но чистаго, обрекая себя на службу исправленія своихъ въ эмиграціи, чтобы отсюда уже идти далѣе, съ надеждою на успѣхъ.

„По любви Божіей,—заноситъ онъ въ дневникъ, подъ 19 февраля 1834 года,—снова надежда вступаетъ въ меня. Я созналъ ее недавно и ясно, безъ всякой заслуги, но послѣ сокрушенной молитвы о ней... Нѣсколько разъ уже я начиналъ разбирать

свою жизнь и—останавливался, не приходя ни къ какому полезному результату. Почему? Увы! почему моя жизнь до сихъ поръ есть одинъ рядъ заблужденій, проступковъ, слабостей, приводящихъ до негодности, ничтожества? Потому, что не было *отреченія отъ себя* во имя влеченія къ истинѣ, благу другихъ и совершенству... Два года уже я полонъ плановъ написать что-нибудь полезное для своихъ земляковъ. *Чую великую потребность въ апостольствѣ истины.* Праздные планы! Жалкій, я хотѣлъ дать нѣчто благое *изъ себя*, когда не имѣю ничего *добраго* въ себѣ... Боже! дай мнѣ любовь и силу для учета моей совѣсти, для уничтоженія во мнѣ зла и оживленія добра... Отче жизни, дай мнѣ чувствованіе Тебя во мнѣ... Приношу Тебѣ благодареніе за мысли, которыми Ты недавно вдохновилъ меня, что любовь къ ближнему безъ любви Бога суетна, ибо можетъ приводить ко злу. Подкрѣпи меня любовью Твоею, угаси, уничтожь во мнѣ проявленія *ветхаго* человѣка, духа *гордыни* и *тѣлесности*".

Эти покаянные вопли преобразующагося недавно гордаго, ветхаго мыслителя въ новаго, смиреннаго, звучатъ для насъ чѣмъ-то весьма знакомымъ; стоитъ только вмѣсто половины тридцатыхъ годовъ подставить сороковые.

Чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе Яньскій отставалъ отъ свѣта, входилъ въ себя, въ сокрушеніи себя готовился къ послѣднему шагу возвращенія—къ исповѣди и причастію. Между тѣмъ, въ концѣ 1834 года образовалось общество „Братьевъ", для общаго упражненія въ благочестіи и возбужденія того же духа въ хаотической эмиграціи, съ Мицкевичемъ и Яньскимъ во главѣ. Каждую пятницу послѣ обѣдни члены собирались у Мицкевича, для бесѣды по вопросу—какъ быть полезнымъ для своей родины. Въ одну изъ такихъ бесѣдъ хозяинъ прямо заявилъ, что для Польши нѣтъ иного спасенія, какъ образованіе новаго монашескаго ордена, и на вопросъ—да кто же былъ годенъ на это?—прямо указалъ на Яньскаго. Яньскій не возразилъ.

Желанная задача опредѣлялась. Вѣдь онъ все время алкалъ ея—жить ко благу людей, помочь имъ, чрезъ личное исправленіе въ покаяніи. Такимъ образомъ, недавній „епископъ сен-симонистскій", какъ называлъ его одинъ изъ современниковъ, превращается въ особеннаго слугу церкви, горячаго исповѣдника ея. Съ этого времени старая жизнь закрылась для него навсегда. Въ одномъ изъ постановленій 12 ноября 1835 года онъ требовалъ: „посвященія себя, всѣхъ силъ на прославленіе Бога и на благо ближнему, безъ обращенія какого-либо вниманія на жизнь и лю-

дей, заботясь о томъ, чтобы каждое доброе дѣло оставалось всецѣло сокрытымъ и людямъ неизвѣстнымъ". Дальнѣйшая жизнь его, но недолгая, была однимъ покаяніемъ, и онъ получилъ имя „перваго явнаго покаянника (pokutnika) и апостола польской эмиграціи", но—покаянника, по выраженію его ученика Семененки, „за грѣхи польскаго народа", т.-е. господствовавшаго въ немъ класса.

Но аскетъ Яньскій все оставался женатымъ. Онъ не могъ стать ни священникомъ, ни монахомъ. Осуществленіе новаго ордена зависѣло отъ того — найдутся ли послѣдователи? Они нашлись, и въ ту же минуту...

Въ составъ перваго набора вошли: Целинскій, изъ кременецкаго лицея, но тогда же умершій, Семененко и Кайсевичъ, какъ указано выше, совсѣмъ молодые люди и съ недавнимъ самымъ отчаяннымъ прошлымъ позади себя въ эмиграціи, а Семененко, какъ и Игнатій Лойола, къ тому же артиллерійскій офицеръ. Затѣмъ вступили: докторъ Терлецкій (въ восьмидесятыхъ годахъ православный архимандритъ въ Одессѣ), Александръ Еловецкій, помѣщикъ изъ Гайсина, Іосифъ Губе (братъ извѣстнаго профессора и сенатора Ромуальда Губе), Карскій и др. Большинство вступившихъ—все изъ русскихъ краевъ [1]).

Общность интересовъ служенія требовала совмѣстной жизни. Испробованы были широкіе, соблазнительные планы — изданіе книгъ, изученіе славянства, въ разсчетѣ на великую роль среди славянъ и съ парализаціей политическаго значенія Россіи. Въ этихъ цѣляхъ было проектировано „Братство служенія народу". „Но,—припоминалъ тоже Кайсевичъ,—дьяволъ испугался такого положенія дѣлъ и наслалъ человѣка, который разъединилъ католическія силы въ учителяхъ и ученикахъ, и вмѣсто того, чтобы возвращать невѣрующихъ, пришлось бороться съ лжевѣрующими и спасать клонящихся къ новой сектѣ". То былъ извѣстный Товянскій. Въ концѣ концовъ, Яньскій остановился на братствѣ въ самыхъ скромныхъ размѣрахъ и заложилъ свой монастырекъ въ Парижѣ, подъ именемъ „скита Яньскаго" (domek Jańskiego). Здѣсь, 17 февраля 1836 года, въ первый день великаго поста, былъ первый братскій обѣдъ и полагалось основаніе ордена воскресенцевъ, но при такихъ условіяхъ, что пришлось уже на

[1]) Целинскій умеръ въ Монпелье, на рукахъ у Терлецкаго. По словамъ его исповѣдника-француза, больной часто пріобщался, особенно предъ смертью; самую же смерть его должны были ускорить *излишніе посты* и спанье на голой землѣ. Въ иномъ духѣ былъ Терлецкій, котораго мы знавали въ Одессѣ: и въ глубокой старинѣ это былъ человѣкъ жизни, любилъ жизнь и умирая.

другой день закладывать единственный плащъ. Впереди—нищета, но и самоотверженность...

Изъ этого-то своеобразнаго скита, который очень рано заподозрѣла полиція, а министерство никакъ не могло повѣрить набожности недавнихъ солдатъ и твердило, что здѣсь долженъ скрываться какой-нибудь „іезуитскій подвохъ", въ согласіи съ улицей, которая повторяла, что безъ политической цѣли невозможно, чтобы „такой дьяволъ, какъ Карскій, пошелъ въ монахи", —и двинулись въ Римъ за настоящею наукою, учиться, Семененко и Кайсевичъ. Эти первые ученики Яньскаго уже въ Парижѣ получили постриженіе [1]).

Кто же могъ встрѣтить въ Римѣ этихъ бездомныхъ, нищихъ, безъ имени, но „столбовъ" Яньскаго, какъ назвалъ ихъ учитель при отъѣздѣ?

Но ихъ не только встрѣтила, но и приласкала, приголубила историческая русская княгиня, Зинаида Волконская, извѣстная москвичка двадцатыхъ годовъ. Это та самая, которая приголубила и Гоголя и на столько, что сынъ исповѣдывался однажды предъ своей матерью, что *душа* его любитъ бесѣдовать съ нею [2]). Признаніе любопытное, принявъ во вниманіе, что княгиня уже давно была твердою католичкой.

---

2 (14) октября 1837 года прибрели Семененко и Кайсевичъ въ Римъ.

Первое впечатлѣніе—и путники поражены. „Римъ,—пишетъ Кайсевичъ Мицкевичу,—это—градъ градовъ, градъ Господень, градъ молитвы. Я не могу довольно наглядѣться на него, тогда какъ въ Парижѣ я долженъ былъ искать, чтобы что-либо увидѣть".

Помимо безденежья, главная бѣда обоихъ неофитовъ, что они—польскіе эмигранты. Когда, при посредствѣ бельгійскаго посланника, они добились аудіенціи у статсъ-секретаря, кардинала Ламбрускини, тотъ пришелъ въ ужасъ отъ слова „эмигрантъ".

[1]) Предлагаемыя здѣсь свѣдѣнія мы извлекаемъ изъ богатаго матеріалами труда современнаго историка ордена воскресенцевъ, патера Смоликовскаго, именно, изъ перваго тома „Historya zgromadzenia Zmartwychwstania Pańskiego, podług źródeł rękopiśmiennych napisał X. Paweł Smolikowski", Kraków, 1892—1897. Всего три тома, съ прекрасными портретами главныхъ дѣятелей ордена. Это не столько исторія, сколько изданіе драгоцѣнныхъ документовъ,—писемъ, дневниковъ, статутовъ и пр. Ниже, для краткости, будемъ обозначать это изданіе просто—Smolikowski.

[2]) Въ письмѣ матери Гоголя къ сосѣду Трощинскому, 4 іюня 1838 года, на основаніи майскаго письма сына (Шенрокъ, III, 227).

Онъ схватился за голову, съ словами: „А русское посольство, а протесты, а толки! Какъ? Съ такими паспортами и вы прибыли“! Даже „Пропаганда“, желанная ихъ школа, и та отказала имъ въ содержаніи: „Не могутъ ничего намъ дать; страшно боятся, чтобы не довѣдались“,—писали они.

Правда, сердечнѣе отнесся къ обоимъ генералъ іезуитовъ, голландецъ, но бесѣдовавшій съ ними по-польски, такъ какъ свой новиціатъ онъ продѣлалъ въ Полоцкѣ, еще при имп. Екатеринѣ II. Но уже полная сердечность ожидала ихъ у русской княгини, къ которой у нихъ было письмо отъ Мицкевича, знакомца по Москвѣ [1]).

Съ сожалѣніемъ донося, что, за отсутствіемъ Волконской, письмо было только оставлено, они за это лишеніе вознаградили себя черезъ день. „На конецъ моего письма, какъ бы для дессерта, задержалъ я для тебя новости о Волконской,—пишетъ Кайсевичъ Мицкевичу 18 (30) октября.—Она приняла насъ съ радушіемъ, выспрашивала о тебѣ. Мы сообщили ей о нашихъ дѣлахъ. Это было въ пятницу, а на воскресенье она пригласила насъ къ обѣду. За обѣдомъ былъ и ея сынъ, который необыкновенно ласково и радушно обходился съ нами. Русскаго такой красивой породы я еще не видѣлъ. Послѣ обѣда остались мы одни съ княгинею. Она говорила о своемъ сынѣ. Онъ хотя уже и хорошо приготовленъ, но еще не католикъ. Какъ всѣ русскіе, не можетъ переварить онъ особенно папства. Мы посовѣтовали нѣкоторыя книжки для сына. Сама княгиня—хорошая московка и искренняя католичка, и даже *сильно живущая внутри себя*. Что касается Польши, она вѣритъ, что со временемъ та можетъ высвободиться изъ-подъ Россіи, но что это не повредитъ великой будущности ея отечества“.

Но „искренняя католичка“ поспѣшила съ любовью подкрѣпить свой радушный пріемъ обоихъ студентовъ у себя и болѣе существеннымъ. Она рѣшила пустить и пустила въ ходъ всѣ свои связи съ высшимъ духовенствомъ Рима и людьми съ значеніемъ, чтобы, несмотря на весь страхъ предъ именемъ императора Николая и на упорство кардинала Ламбрускини, доставить своимъ юнымъ друзьямъ аудіенцію у самого папы, но дѣло повести такъ, чтобы самой „остаться за ширмами“, въ виду служебнаго положенія сына. Къ этому частному письму своего товарища Семененко присоединилъ свое донесеніе Яньскому: „о

---

[1]) Ср. нашу книгу: „Адмиралъ Шишковъ и канцлеръ гр. Румянцовъ“. Одесса, 1888, стр. 225 и 255.

Волконской прочтешь въ письмѣ къ Мицкевичу; но объ этомъ — полное молчаніе, ни звука, такъ какъ она сама просила о строгомъ секретѣ, въ виду сына, который будетъ въ Варшавѣ".

Наконецъ, послѣ огромныхъ трудовъ и хлопотъ, прежде всего, княгини Волконской, оба студента кое-какъ устроились въ Римѣ и укрѣпились. Теперь княгиня разсудила, что наступила минута припустить Семененку и Кайсевича къ интимнымъ интересамъ своей собственной семьи, указать имъ—серьезно заняться ея сыномъ. Такъ открылись *первыя* практическія упражненія нашихъ студентовъ по душеспасительной психологіи. *Вторыя* упражненія еще ждали своей очереди, но не за горами были: объектъ для нихъ былъ давно на мѣстѣ и подготовляемъ. Княгиня здѣсь дѣйствовала какъ опытный, разсудительный профессоръ, ведущій практическія занятія постепенно, не начиная дѣла отъ болѣе сложныхъ задачъ: прежде всего своимъ студентамъ она указала упражняться надъ ея молодымъ сыномъ, чтобы только потомъ перевести ихъ къ болѣе трудному упражненію— надъ организаціей болѣе сложной.

„Волконскую, но это подъ величайшимъ секретомъ, видѣли мы на дняхъ,—доноситъ Семененко Яньскому 17 (29) декабря 1837 года, т.-е. послѣ праздниковъ Рождества.—Она думаетъ о женитьбѣ сына и усердно занята его обращеніемъ. И насъ допустила она къ этимъ своимъ заботамъ. По ея просьбѣ, мы дали ей нѣсколько книжекъ и говорили о томъ же дѣлѣ съ отцомъ Розавени, который такимъ путемъ имѣетъ войти съ нею въ ближайшія отношенія".

Наступилъ 1838 годъ, прошелъ его первый мѣсяцъ, и оба студента не нарадуются успѣшности своихъ первыхъ практическихъ упражненій—результаты на лицо. „Сегодня,—доносятъ они 15 февраля своему Яньскому,—были мы у Волконской. Читала намъ свои стихи на пожаръ Зимняго дворца, которые желаетъ переслать и Мицкевичу. Что же касается ея сына, то она очень благодарна Господу Богу за направленіе, по которому идетъ дѣло. „Я,—говорила княгиня,—такъ бесѣдую съ сыномъ, какъ будто онъ уже былъ католикомъ". Онъ очень податливъ и доступенъ, и мы узнали опять, что онъ не легкомысленъ, не хватаетъ однѣ верхушки,—слѣдовательно, надежды на него не безъ основанія. Его женитьба не за горами—на особѣ не очень важной, но горячей католичкѣ" [1]).

[1]) Smolikowski, II, 67. Ср. стр. 72 — о посылкѣ стиховъ на пожаръ Зимняго дворца. Мицкевичъ требуетъ у своихъ римскихъ корреспондентовъ никогда не называть княгиню ея полнымъ именемъ, а только первою ею буквою.—Стр. 75.

Если послѣ перваго ближайшаго знакомства съ домомъ Волконской на душѣ у обоихъ „столбовъ“ парижскаго аскета какое-то блаженство: „кажется,—пишетъ Семененко гр. Ст. Замойскому 14 (26) декабря 1837 г.,—теперь для насъ настаютъ счастливые дни, вопросъ о католицизмѣ среди славянъ и вопросъ польскій, повидимому, соединены; для каждаго изъ насъ, кто только любитъ свой край, должно быть великимъ утѣшеніемъ то обстоятельство, что можно любить его теперь чистою любовью, любить его въ Богѣ“,—то послѣ блестящихъ успѣховъ по первому обращенію—въ домѣ славянки Волконской—духъ ихъ могъ уже высоко подняться. А впереди сейчасъ ожидалъ ихъ, при тѣхъ же внѣшнихъ условіяхъ, новый опытъ,—правда, болѣе трудный,—не надъ юношею, а надъ знаменитымъ славянскимъ писателемъ, художникомъ, и наши молодые студенты-миссіонеры съ любовью набросились на него. Читатель, конечно, догадался, что подъ этимъ писателемъ мы разумѣемъ Гоголя.

Если католичка-мать все время послѣ утвержденія Семененки и Кайсевича въ Римѣ носилась такъ горячо съ одною мыслью—при помощи ихъ обратить единственнаго своего сына въ католицизмъ, то можно ли допустить, чтобы то же страстное желаніе не загорѣлось въ ея горячемъ сердцѣ и по отношенію къ тому человѣку, который, какъ мы слышали, исповѣдывался позже предъ своею матерью, что „душа“ его такъ любила бесѣдовать съ нею, княгинею Зинаидой? Слово „душа“ какъ бы выдаетъ и любимую тему ихъ бесѣдъ. Скажутъ: предположенія не достаточны. Согласны. Но предъ нами и—факты.

Умная княгиня два дѣла вести разомъ не рѣшилась. Но когда первый опытъ съ сыномъ подходилъ, по сознанію ея и обоихъ ея помощниковъ, къ благополучному концу, она сейчасъ постановила заняться и вторымъ. Въ этихъ цѣляхъ она знакомитъ Гоголя съ Семененкою и Кайсевичемъ у себя, а затѣмъ заботится—возможно чаще сводить ихъ, и также у себя. Такимъ образомъ открывается особая роль княгини Волконской въ римскій періодъ жизни Гоголя. Не одни прекрасные плющи довелось видѣть Гоголю въ прекрасной виллѣ прекрасной русской католички, любоваться развалинами, голубымъ небомъ или писать въ гротѣ...

Въ февралѣ дѣло сына было почти готово. Наступающій мартъ 1838 года посвящается Гоголю. Первый, осторожный приступъ на Гоголя поведенъ былъ 5-го (17-го) марта. На этотъ день княгиня пригласила къ себѣ на обѣдъ въ своемъ

городскомъ домѣ поэта и обоихъ его нареченныхъ обратителей, а послѣ обѣда предположена была общая прогулка на виллу. Приступъ былъ тѣмъ легче, что самъ Гоголь шелъ на встрѣчу знакомства съ ними.

Первое знакомство съ Гоголемъ произвело чарующее впечатлѣніе на обоихъ студентовъ-миссіонеровъ: надежды ихъ сразу поднялись.

„Возвращаемся,—доносятъ они въ тотъ же день Яньскому,—отъ обѣда у княгини и съ прогулки на ея виллу въ товариществѣ одного изъ наилучшихъ современныхъ писателей и поэтовъ русскихъ—Гоголя, который здѣсь живетъ. О его значеніи свидѣтельствуемся словами кн. Волконской. Въ разговорѣ онъ намъ очень понравился. Онъ благороднаго сердца, притомъ молодъ, и со временемъ, нѣсколько глубже тронутый, быть можетъ, и къ *истинѣ* не будетъ глухъ и всею душою къ ней обратится. Надежду эту питаетъ и княгиня, и мы сегодня нѣсколько утвердили ее въ ней. Понятно, мы бесѣдовали съ Гоголемъ о славянскомъ мірѣ. Онъ оказался вполнѣ безъ предразсудковъ, да, можетъ быть, тамъ, въ глубинѣ его, покоится (tkwi) и совсѣмъ чистая душа. Умѣетъ по-польски, т.-е. читаетъ. Говорили долго о „Небожественной комедіи“, „Тадеушѣ“ и др. [1]). Я забылъ сообщить, что Волконская нарочито пригласила насъ на обѣдъ, чтобы устроить намъ знакомство съ Гоголемъ, такъ какъ послѣдній, слыша о насъ, сильно пожелалъ познакомиться, да и сама княгиня рада была его удовольствовать въ этомъ, въ разсчетѣ пользы для вѣры. Гоголь говорилъ намъ, что читаетъ Мѣрославскаго, что онъ ему нравится, за исключеніемъ путаницы и шаржа. Для языка и стиля мы препоручили ему Мохнацкаго. Это его особенно заняло, такъ какъ онъ желалъ бы вполнѣ овладѣть польскимъ языкомъ“.

Взаимнымъ сближеніемъ первое знакомство не ограничилось. Для своихъ новыхъ знакомыхъ Гоголь обѣщалъ достать нѣкоторыя церковно-славянскія книги отъ посольскаго священника, а другія—выписать изъ Россіи. „Гоголь возьметъ книги для себя; онъ предупрежденъ о нашемъ положеніи (т.-е. иллегальномъ), а самъ онъ, какъ замѣчено, благородной души“ [2]).

---

[1]) „Небожественная комедія“ — знаменитая драма философско-соціальнаго характера юнаго Зигмунта Красинскаго, отецъ котораго, генералъ, былъ убитъ въ Варшавѣ, за вѣрность присягѣ, а „Тадеушъ“—извѣстная поэма Мицкевича.

[2]) Smolikowski, II, 89—91. Конечно, не священникъ былъ при посольской церкви въ Римѣ, а архимандритъ и, кажется, въ то время Иринархъ, позже епископъ вологодскій, архіепископъ кишиневскій.

Товарищъ Семененки, уланъ Кайсевичъ, въ юности пописывалъ сонеты. Теперь, подъ впечатлѣніемъ знакомства съ Гоголемъ у княгини Зинаиды, онъ разразился снова сонетами, однимъ въ честь Волконской, на третій день послѣ знакомства съ Гоголемъ, а другимъ—въ честь самого Гоголя, черезъ недѣлю, 25-го марта, въ день Благовѣщенія. Правда, Кайсевичъ натура высокоталантливая, и, въ виду его послѣдующей проповѣднической дѣятельности, за нимъ, по силѣ и смѣлости рѣчи, утвердилось въ исторіи польской литературы почетное имя второго Петра Скарги [1]); но сонетчикъ онъ былъ плохой, такъ что оба его сонета знаменитый молодой поэтъ, Юліанъ Словацкій, другъ Красинскаго, назвалъ справедливо „жесткимъ". Но для насъ важенъ мало поэтическій сонетъ, посвященный Гоголю, какъ историческій фактъ.

Сонетъ Кайсевича—„Do M. Gogola"—переводить цѣликомъ не будемъ, для любителей приведемъ его въ выноскѣ; здѣсь вкратцѣ—содержаніе. Въ сонетѣ ведется параллель между судьбами пересаженнаго полевого цвѣтка и „пѣвца съ Днѣпра", „топтавшагося по райской землѣ", до и послѣ наступленія весны. Поэтъ въ сутанѣ успокоиваетъ Гоголя:

„Подошла весна, и у цвѣтка его годовая темница настежь...
И ты, поэтъ, освободишься отъ нездоровой обстановки,
Болѣе высокая пѣснь сильнѣе подвигнетъ грудь братій,
Только ты не замыкай души своей для *небесной росы*" [2]).

Открылъ ли себя Гоголь для этой росы? Кажется, началъ, ибо взаимныя отношенія трехъ знакомцевъ становились тѣснѣй и тѣснѣй.

---

[1]) Ср. горячо написанный этюдъ о Кайсевичѣ, какъ политическомъ проповѣдникѣ, гр. Стан. Тарновскаго въ „Studya do historyi literatury Polskiej", т. III, Kraków 1897, 1—206, особенно стр. 40, 42.

[2]) Smolikowski, II, 103, сонетъ въ подлинникѣ:

„Widziałem ja kwiat piękny, z pola przesadzony:
Ten choć wodą kryniczną hojnie podlewany,
I słońcem oświecony, i za szkłem ogrzany,
Przecie krasy pozbywa smętnie pochylony.
Widziałem ja śpiewaka od Dnieprowej strony:
Ten, choć sercem i umem nię skąpo nadany,
Deptał po rajskiej ziemi natchnieniem zasianej,
Przecie nad czołem mętny ból chmurką zwieszony.
Przyszła wiosna, otwarto prszezrocze więzenie:
Wonnym kielichem nagie witając promienie,
Kwiat cieplą rosą długie ugasza pragnienie;
I ty, wieszczu, niezdrowej odejmiesz się suszy
I pieśń górniejsza silniej pierś braci poruszy,
Tylko rosie niebieskiej nie zamykaj duszy.

Не далѣе какъ чрезъ двѣ недѣли послѣ напоминанія о „росѣ“, 7-го апрѣля, Семененко и Кайсевичъ доносили въ Парижъ: „Намедни навѣстилъ насъ Гоголь (и коморка ихъ была убогая, въ сиротскомъ домѣ), и мы его—на слѣдующій день. У него мы бесѣдовали на славянскія темы. Что за чистая душа! О немъ можно сказать съ Господомъ: „не далекъ ты отъ царствія небеснаго“. Пространная была рѣчь объ иностранной литературѣ. Мы обстоятельнѣе объясняли ему то, чего во время прогулки на виллу касались только въ общихъ чертахъ. Удивительное онъ сдѣлалъ предъ нами признаніе. Въ простотѣ своего сердца онъ признался, что польскій языкъ ему кажется много звучнѣе русскаго: „Я,—говорилъ онъ,—долго въ этомъ убѣждался, старался быть вполнѣ безпристрастнымъ и подъ конецъ пришелъ къ такому выводу“. Онъ прибавилъ: „я знаю, вообще иначе думаютъ, особенно въ Россіи; но, тѣмъ не менѣе, мнѣ правдою является то, что̀ я говорю“. О Мицкевичѣ—съ самымъ большимъ уваженіемъ. Самъ онъ ученикъ Пушкина; въ послѣднее время много на него возлагалъ Пушкинъ. По нашей просьбѣ онъ далъ намъ свои сочиненія для чтенія—малорусскіе разсказы. Одинъ я прочелъ, подъ заглавіемъ: Старосвѣтскіе помѣщики, картина малорусской жизни въ деревнѣ. Очень меня заняла“ [1]).

По правилу: „куй желѣзо, пока горячо“, страстная княгиня, съ своей стороны, прилагаетъ всѣ усилія для все бо̀льшаго и бо̀льшаго сближенія этихъ, столь заинтересовавшихся другъ другомъ лицъ. Простое, удобное и уже испытанное средство—обѣдъ.

Въ концѣ апрѣля оба студента посѣтили княгиню. „Давно уже,—доносили они Яньскому,—тяготило насъ одно обстоятельство—что мы никогда не говорили съ нею ясно о состояніи костёла въ Польшѣ. Но теперь такъ все сложилось, что мы вполнѣ поняли другъ друга. Затѣмъ мы начали и о Гоголѣ, сообщили ей въ двухъ словахъ о нашихъ посѣщеніяхъ у него. Іеронимъ (Кайсевичъ) вспомнилъ о сонетѣ, который онъ написалъ Гоголю, и княгиня пригласила насъ къ обѣду на другой день, чтобы дать намъ случай съ нимъ снова встрѣтиться. Въ то же время княгиня сообщила, что она довѣрила Гоголю о своихъ намѣреніяхъ относительно своего сына, какъ онъ сердечно это принялъ и благодушно утверждалъ ее, чтобы она надежды не теряла, т.-е. что ея сынъ въ католичество обратится“.

Но вотъ и самый апрѣльскій обѣдъ или обѣды. Припомнимъ, что май былъ на дворѣ, приближалось время разъѣздовъ изъ Рима.

---

[1]) Smolikowski, II, 104.

„Обѣдъ у Волконской, — доносятъ Яньскому Семененко и Кайсевичъ, — прошелъ, какъ мы желали. Особенно благодаримъ Господа Бога, что не оставляетъ насъ въ эти трудныя минуты и не дозволяетъ намъ полюбить свѣтъ, ниже отдать ему нашу мысль.

„Я (Семененко) сидѣлъ о-бокъ Гоголя и разговаривалъ съ нимъ по-русски, такъ какъ иначе онъ не разговариваетъ; по-итальянски и по-французски скорѣй читаетъ, чѣмъ говоритъ, и самъ онъ намъ пояснилъ, что не имѣетъ дара къ языкамъ, но говоритъ всегда хорошо. Мнѣ кажется, что мнѣ удалось втереть въ него пару хорошихъ мыслей. Вообще, теченіе разговора цѣлаго общества было *намѣренно* направляемо. Сильно Гоголь *задумался*, говоря его языкомъ. „Это меня радуетъ, — говорила намъ позже Волконская.—Вы обратили вниманіе, какъ онъ *внутренно работаетъ*". Подъ конецъ княгиня выразила желаніе, чтобы мы приходили къ ней *каждый день*. Но въ пятницу мы не могли; только въ субботу снова общій обѣдъ".

Итакъ, Волконская счастлива, довольна, какъ и ея агенты. Говорить ли—въ виду чего? По всѣмъ ихъ разсчетамъ, обѣдъ черезъ день имѣлъ быть еще болѣе интересенъ. Но Семененко и Кайсевичъ не пропустили еще наканунѣ, послѣ посѣщенія генерала іезуитовъ, быть съ визитомъ у Гоголя, словно и дня одного не могли быть, прожить безъ него. Но теперь они условились о новомъ пріемѣ въ начатыхъ практическихъ упражненіяхъ, для быстрѣйшихъ результатовъ. „Мы,—доносятъ они въ Парижъ, — какъ и въ первый разъ, болѣе говорили о славянскомъ мірѣ; но уговорились на будущее время навѣщать Гоголя въ одиночку, такъ какъ свиданія въ одиночку болѣе удобны для взаимной откровенности. Мы видимъ, какое прекрасное впечатлѣніе запечатлѣвается въ душѣ Гоголя отъ нашихъ посѣщеній".

Субботній обѣдъ у Волконской былъ естественнымъ продолженіемъ послѣдняго. „Послѣ обѣда,—доносятъ они,—Іеронимъ (Кайсевичъ) читалъ свои оба сонета (т.-е. княгинѣ и нашему поэту). Сонетъ Гоголю попалъ въ свою цѣль: онъ произвелъ сильное дѣйствіе на поэта съ впечатлительной душой. Они были переведены по-французски; но Гоголь и по-польски не мало понимаетъ. Три часа прошло въ нашей бесѣдѣ на этотъ разъ" [1]).

Цѣль „жесткаго" сонета ясна—предрасположить Гоголя къ воспріятію „небесной росы"; сонетъ произвелъ впечатлѣніе, и еще прочтенный самимъ его авторомъ, въ торжественной обстановкѣ,

---

[1]) Smolikowski, II, 104, 111—115.

и всѣ трое заговорщиковъ противъ Гоголя чувствуютъ себя удовлетворенными; каждый исповѣдывалъ про себя: близка, близка желанная минута. Дѣйствительно, въ дальнѣйшихъ сообщеніяхъ по начальству обоихъ искусителей, на практикѣ Гоголь—уже ихъ готовая жертва. „Мы, — писали они 30 (12) мая,—съ Божьей помощью душевно очень сошлись съ Гоголемъ (bardzośmy się porozumieli). Удивительная вещь! Онъ говоритъ, что Россія—это лоза, которою отецъ наказываетъ дитя, а потомъ ломаетъ, и много, много иныхъ, *полныхъ утѣшенія*, вещей. Благодарите и молите: сама княгиня начинаетъ иначе видѣть".

6 (18) мая Волконская внезапно собралась изъ Рима и уѣхала въ Парижъ, не повидавшись даже съ обоими своими помощниками, что было для нихъ не безъ удивленія. Зато оставленнымъ на ихъ духовное попеченіе Гоголемъ они вполнѣ довольны. „Гоголь—какъ нельзя лучше,—доноситъ Семененко 13 (25) мая.—И въ даль, и въ ширь сошлись мы съ нимъ въ пониманіи. Парой словъ объ этомъ мы уже коснулись въ послѣднемъ нашемъ письмѣ. Онъ говорилъ намъ обстоятельно о перемѣнѣ, которая произошла въ умахъ у русскихъ за послѣдніе два года. Гвардейскіе офицеры, находящіеся здѣсь (въ Римѣ), еще два года назадъ русскіе энтузіасты, теперь измышляютъ странныя вещи, и это тѣ, которые осыпаны почестями, благодѣяніями, привилегіями. Да, удивительна откровенность, которая царитъ среди русскихъ: въ Парижѣ болѣе осторожны демагоги, чѣмъ эти недовольные. Гоголь занимается русскою исторіей. И здѣсь у него весьма свѣтлыя (!) мысли. Онъ видитъ хорошо, что отсутствуетъ начало, которое связывало бы это безформенное громадное зданіе. Съ верху идетъ сила, но внутри нѣтъ духа. И каждый разъ Гоголь выкрикиваетъ: „У васъ, у васъ — что за жизнь, и это послѣ потери столькихъ силъ! Ударъ, который долженъ былъ васъ уничтожить, вознесъ и оживилъ васъ. Что за люди, что за литература, что за надежды! Это дѣло нигдѣ неслыханное"! [1]) Намъ думается, что генезисъ тѣхъ „свѣтлыхъ мыслей"

---

[1]) Smolikowski, II, 126 — 127, 134. — 18 мая 1838 г., Гоголь изъ Рима писалъ матери: „кн. Волконская, которая *услаждала* мое время пребыванія въ Римѣ, уѣхала и у меня *теперь* въ городѣ *немного такихъ знакомыхъ*, съ которыми любила бесѣдовать моя душа" (Сочиненія и письма, V, 326). Въ виду контекста едва ли мы ошибемся, предположивъ, что подъ этими *немногими* надо понимать именно Семененку и Кайсевича.—О развязности Гоголя на языкѣ, все еще не позабывшаго своей обиды, и въ это время, ср. письмо его къ Балабиной (Шенрокъ, III, 177). Здѣсь слова въ инициалахъ совсѣмъ прозрачны. Здѣсь же и о нашествіи соотечественниковъ „цѣлою ватагою" и полное презрѣніе къ нѣкоторымъ изъ нихъ: „несетъ

надо у Гоголя вести отъ Мицкевича, который былъ такъ дорогъ Гоголю, отъ его извѣстной исторіософической теоріи, начинающейся стихами: „Kraina pusta, dzika i otwarta, jak do pisania zgotowana karta“... [1])

Но въ іюлѣ 1838 года и самъ Гоголь оставляетъ Римъ для Неаполя, а послѣ майскаго письма Семененки къ своему учителю оставляетъ насъ извѣстная намъ корреспонденція будущихъ первыхъ „воскресенцевъ“ своими сообщеніями о духовномъ Гоголѣ въ Римѣ, въ эпоху, по господствующему взгляду, его „лучшей фазы жизни“. Мы лично позволяемъ себѣ думать, что общеніе между обоими помощниками княгини Зинаиды и Гоголемъ и послѣ продолжалось, но уже менѣе близкое, такъ, до весны 1841 года. Еще 2-го апрѣля этого года Кайсевичъ писалъ Мицкевичу въ Лозанну: „княгиня Волконская въ Петербургѣ, здорова, воротится не раньше осени. Что дѣлается съ Гоголемъ, не знаемъ; навѣрное сидитъ въ Чехіи, *какъ онъ предполагалъ*“ [2]).

На вопросъ—можно ли игнорировать всю эту польскую переписку, всѣ эти горячія попеченія княгини Волконской о познаніи *истины* Гоголемъ, спасеніи души Гоголя, одинаковыя съ заботами ея въ то же время и о томъ же относительно единственнаго ея сына, это горячее пріуготовленіе, сообща втроемъ, Гоголя къ воспріятію „небесной росы“, въ первую половину 1838 года—безпристрастный читатель можетъ дать одинъ отрицательный отвѣтъ. Сомнѣнія въ подлинности предложенныхъ документовъ не можетъ быть никакого: они не только современны, но составлены по горячимъ слѣдамъ. Вѣроятно, добродушный Гоголь и не подозрѣвалъ, что всѣ его слова, иногда въ слишкомъ откровенной бесѣдѣ съ молодыми студентами-монахами, заносились послѣдними на бумагу сейчасъ же, аккуратно и точно, и, такимъ образомъ, останутся, донесутся въ потомство.

Великій русскій поэтъ католикомъ не сталъ, но былъ близокъ къ „небесной росѣ“; православія не оставилъ, но былъ близокъ къ искусительному шагу, и всѣ подозрѣнія — матери, друзей—оказываются съ фактическою почвою и только говорятъ

отъ нихъ казармами, просто мочи нѣтъ“. Казарма здѣсь—въ отвлеченномъ значеніи, синонимъ извѣстнаго образа мыслей.

[1]) Къ свидѣтельству Семененки и Кайсевича въ письмѣ 7 апрѣля, что выше: „о Мицкевичѣ Гоголь съ самымъ большимъ уваженіемъ“, прибавимъ: еще въ 1837 г. онъ посѣтилъ Мицкевича въ Женевѣ (Соч. и письма, изд. Кулиша, V, 293), а въ 1839 г. пишетъ Шевыреву: „*обнимги* Мицкевича за меня крѣпко“ (Шенрокъ, III, 289).

[2]) Smolikowski, II, 282.

о проницательности ихъ ума, о пониманіи ими изломавшейся обстоятельствами натуры Гоголя. Гоголь былъ соблазнительнымъ предметомъ искушенія для неофитки княгини Волконской; все дѣлалось по командѣ этой послѣдней. Сказать объ исторической княгинѣ, что она была сильно предана католицизму,—и неопредѣленно, и мало: она была объята фанатизмомъ. Когда, въ надеждѣ провести Петербургъ и только съ величайшимъ трудомъ высвободившись изъ него, продѣлавъ обычную у женщинъ комедію—обморокъ, истерику,—освободивши себя тѣмъ отъ пріуготовленнаго уже для нея возмездія—отъ монастыря, за заботы о душѣ сына, мужа—и Гоголя,—прибавимъ отъ себя, княгиня Зинаида возвратилась, наконецъ, въ Римъ, — и открыла себя вполнѣ, а ея оба молодыхъ помощника запѣли ей „аллелуйя".

Раньше, какъ мы видѣли, княгиня Зинаида еще кокетничала съ политикой предъ обоими студентами; не безъ неудовольствія они титуловали ее „dobra Moskiewka"; но теперь они поуспокоились: она, по ихъ словамъ, „очистилась". „Княгиня Волконская,—пишетъ Кайсевичъ неравнодушному къ ней Мицкевичу изъ Рима, 4 (16-го) января 1841 года, — становится все почтеннѣе и почтеннѣе, скажу прямо—она уничтожила въ себѣ безъ слѣда всѣ національные предразсудки и недостатки, и католическую церковь любитъ и ставитъ превыше всего. Дай Богъ и намъ такъ очиститься". Съ радостью корреспондентъ прибавляетъ, что и ея старику-мужу дозволено жить при женѣ: „если нельзя было раньше, то, по крайней мѣрѣ, предъ смертью познаетъ онъ истину и въ истинѣ умретъ; старикъ оказывается все болѣе и болѣе готовымъ" [1]). Римскій домъ княгини продолжаетъ оставаться агентурою по прозелитизму [2]); заботы ея объ обращеніи, въ 1842 году, Смирновой [3]) показываютъ, что она осталась при своемъ любимомъ занятіи.

Чтобы окончить эти строки о Римѣ въ первой половинѣ 1838 года по отношенію къ Гоголю, не лишне остановиться на томъ обстоятельствѣ, что римскій воздухъ того времени былъ до того заразителенъ, что самое наше посольство въ Римѣ, отъ его главы и до секретарей, сформировано было изъ готовыхъ прозе-

---

[1]) Тамъ же, II, 360. О петербургскомъ плѣненіи кн. Волконской въ 1840 году Кайсевичъ писалъ Мицкевичу еще 12 (31-го) сентября, изъ Рима: „przysłano popów, aby się upamiętała", „do monasteru kobiet", „instancya Cesarzowej", Тамъ же, II, 356. Конечно, эти интимныя извѣстія могли идти изъ Петербурга отъ самой Волконской. Точность ихъ утверждается другими источниками.

[2]) Ср. тамъ же, II, 343.

[3]) Шенрокъ, IV, 231.

литовъ папства, не замедлившихъ и объявить себя—черезъ два, три года—прямо католиками.

Глава посольства, Потемкинъ, по словамъ Кайсевича, англичанинъ по воспитанію и образованію [1]), имѣлъ подъ собою двухъ секретарей: гр. Штакельберга—протестанта, и кн. Ѳедора Голицына—православнаго. 9-го февраля 1841 года Семененко пишетъ изъ Рима въ Парижъ свѣтскому члену братства пок. Яньскаго, Яну Козьмяну: „коснувшись разъ римскихъ новинокъ, подтверждаю вамъ то, что̀ вы навѣрное уже прочли въ газетахъ—переходъ въ католицизмъ гр. Штакельберга и кн. Ѳ. Голицына. Властенъ Господь Богъ изъ камней сотворить сыновъ Авраамовыхъ. Конечное обращеніе это совершилось въ декабрѣ (т.-е. 1840 года); но тайна едва продержалась одинъ мѣсяцъ. Велика эта потеря для Россіи, но для насъ—великое утѣшеніе. Посольство перешло; одинъ посланникъ еще избѣжалъ выговора, хотя жена его—католичка. Кто знаетъ, не сдѣлаетъ ли, въ концѣ концовъ, того же шага и самъ Потемкинъ, разъ онъ впалъ въ немилость“!..

Семененко въ предвидѣніи своемъ не ошибся. Выйдя въ отставку, Потемкинъ принялъ католицизмъ и навсегда поселился въ Римѣ. Но раньше его то же сдѣлали оба его прежніе секретаря. По свидѣтельству Семененки, богатый князь Голицынъ успѣлъ, подъ-рукою, продать свои имѣнія въ Россіи, и построилъ для себя богатое палаццо въ Римѣ, „насупротивъ Боргезовъ“; что же касается неимущаго графа Штакельберга, то онъ былъ заботливо поддерживаемъ Маркомъ Боргезе, тѣмъ самымъ лицомъ, которое главнымъ образомъ способствовало переходу его въ католицизмъ.

„Такова,—заключаетъ свое письмо Симоненко,—цѣлая исторія; да будетъ же благодареніе Господу Богу“! [2])

Вся эта странная исторія произошла до наступленія масляницы 1841 года, когда княгиня Волконская уже возвратилась въ Римъ послѣ своего плѣненія въ Петербургѣ.

Уже на первой недѣлѣ великаго поста 1841 года Гоголь говѣлъ и пріобщался, конечно, въ русской посольской церкви [3])... Впереди его ожидалъ и настоящій славянскій міръ, но не въ освѣщеніи Семененки и Кайсевича, которые его не знали, и въ своихъ славянскихъ бесѣдахъ съ Гоголемъ могли говорить только о Польшѣ и, вѣроятно, о своемъ безспорно замѣчательномъ учителѣ-аскетѣ, Богданѣ Яньскомъ, его аскетической догмѣ.

---

[1]) Smolikowski, II, 312, примѣчаніе, изъ его дневника.

[2]) Smolikowski, II, 312.

[3]) Сочиненія и письма, V, 441.

Прибавимъ, въ заключеніе настоящей главы, еще одну черту изъ римской жизни Гоголя.

Въ многочисленныхъ письмахъ Гоголя мы натыкаемся на имена многихъ лицъ въ Римѣ того самого времени, и самыхъ скромныхъ, совсѣмъ ничтожныхъ. Мы, напримѣръ, въ нихъ не разъ встрѣчаемся съ воспитанникомъ княгини Волконской, m-r Pavé, конечно, уже католикомъ, а былъ онъ не болѣе какъ сынъ простого русскаго солдата [1]). Но въ то же время ни въ одномъ письмѣ, даже къ друзьямъ закадычнымъ, какъ Данилевскій, — ни ползвука, ни малѣйшаго намека о такихъ, во всякомъ случаѣ, близкихъ знакомыхъ поэта, какъ молодые Семененко и Кайсевичъ... Едва-ли возможна мысль, что тутъ предъ нами одна простая игра простого случая, а не преднамѣренное умолчаніе.

А. Кочубинскій.

[1]) Шенрокъ, III, 211, примѣч.

ЖИЗНЬ ТОМАСА ТРУКА

РОМАНЪ.

— Felix Holländer, Der Weg des Thomas Truck. Ein Roman in vier Büchern. Berl. 1902.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ [1]).

I.

Солнце прорвалось сквозь зимній туманъ и, какъ будто улыбаясь, освѣтило покрытыя инеемъ деревья берлинскаго Тиргартена. Оно отражалось въ окнахъ великолѣпныхъ домовъ на Тиргартенштрассе и бросало пятна свѣта на пѣшеходовъ и экипажи, длиннымъ рядомъ двигавшіеся одинъ за другимъ.

Въ одной изъ колясокъ, откинувшись на мягкія подушки, сидѣла блѣдная дама. Ея стройная фигура была закутана въ соболя, а на черные, какъ вороново крыло, волосы была надѣта парижская шляпа, сдѣланная по послѣдней модѣ. Она что-то тихо говорила болѣзненному мальчику, понуро сидѣвшему рядомъ съ нею. У мальчика былъ чрезмѣрно развитой черепъ, оттопыренныя, отвислыя уши и маленькіе глаза съ очень узкимъ разрѣзомъ. Въ отвѣтъ на обращенныя къ нему слова онъ, время отъ времени, уныло и вяло улыбался. Онъ производилъ впечатлѣніе чего-то хрупкаго и хилаго и былъ похожъ на маленькаго старичка. Черные глаза блѣдной дамы были лишены блеска и

[1]) См. выше: янв., 196 стр.

вспыхивали только тогда, когда мальчикъ улыбался. Она укутывала его въ мягкій пледъ, чтобы ни малѣйшій вѣтеръ не обдулъ его. Когда ей кланялся кто-нибудь изъ прохожихъ или проѣзжихъ, то она наклоняла голову едва замѣтнымъ, гордымъ движеніемъ. Лицо ея выражало усталость и страданіе.

Кучеръ лѣниво поглядывалъ кругомъ. Онъ немного распустилъ возжи и, видимо, скучалъ. Когда коляска завернула въ сосѣднюю улицу, то на нее чуть не наскочила быстро промчавшаяся повозка мясника. Мясникъ крикнулъ какія-то ругательства по адресу торжественнаго кучера, и пока послѣдній озирался, тщетно отыскивая полицейскаго, лошади испугались и понесли. Изъ экипажа раздались испуганные крики. Кучеръ старался затянуть возжи, но лошади бѣсились отъ этого еще больше. Одно неловкое движеніе, и, прежде чѣмъ онъ успѣлъ оглянуться, онъ уже скатился съ козелъ и былъ отброшенъ въ сторону, а коляска помчалась дальше по пустынной улицѣ. Рѣдкіе прохожіе испуганно вскрикивали. Наконецъ коляска со всего размаха ударилась о тротуаръ. Мальчикъ внѣ себя неистово перегнулся, вырвался изъ рукъ матери и выскочилъ, шатаясь, изъ экипажа.

Въ это мгновеніе какой-то извозчикъ бросился наперерѣзъ взбѣсившимся лошадямъ, схватилъ одну изъ нихъ подъ уздцы и съ величайшимъ усиліемъ ему наконецъ удалось остановить коляску.

Дама почти лишилась чувствъ. Какой-то высокій молодой человѣкъ взялъ на руки пищавшаго ребенка и подалъ его ей. Она со страхомъ прижала къ себѣ мальчика, что-то безсвязно проговорила извозчику и, машинально вынувъ кошелекъ, протянула ему золотой. Тотъ пробормоталъ какую-то благодарность и ласково потрепалъ запыхавшихся и фыркавшихъ въ изнеможеніи лошадей. Между тѣмъ вокругъ экипажа собралась толпа народа. Послышались грубыя остроты, и каждый вновь подходившій требовалъ, чтобы ему разсказали, что̀ случилось.

Дама возилась съ мальчикомъ. Онъ жалобно стоналъ и весь дрожалъ. Она только-что собралась что-то сказать незнакомому молодому человѣку, какъ сквозь толпу пробрался ея смущенный, перепуганный кучеръ. По лбу у него текла кровь. Онъ что-то хотѣлъ ей сказать въ свое оправданіе, но она, молча, указала ему на козлы и, обратившись къ молодому человѣку, проговорила дрожавшимъ голосомъ:

— Пожалуйста, сядьте къ намъ въ коляску, — мнѣ такъ страшно ѣхать одной!...

Молодой человѣкъ густо покраснѣлъ и, не говоря ни слова, вскочилъ въ экипажъ.

— Домой!

Толпа стала рѣдѣть, и коляска двинулась впередъ, при чемъ мальчикъ все еще продолжалъ жалобно хныкать.

— У тебя что-нибудь болитъ, мой мальчикъ? Покажи, гдѣ тебѣ больно?—озабоченно спрашивала дама, и изъ глазъ ея, не переставая, текли слезы.

Въ некрасивомъ лицѣ мальчика что-то вздрагивало при этихъ вопросахъ. Молодой человѣкъ робко поглядывалъ на сидѣвшихъ передъ нимъ. Онъ чувствовалъ себя очень неловко.

Довольно долго дама, казалось, не обращала на него ни малѣйшаго вниманія. Она была занята исключительно ребенкомъ, начавшимъ мало-по-малу успокоиваться.

Коляска повернула на Шарлоттенбургское шоссе.

Вдругъ дама обернулась къ молодому человѣку. У него было тонко очерченное лицо, съ страдальческой складкой въ углу рта.

— Какъ мило съ вашей стороны, что вы съ нами поѣхали! Я вамъ искренно благодарна.

— Совершенно не за что.

Она удивленно и съ любопытствомъ взглянула на него. Что-то особенное послышалось ей въ его голосѣ. Мальчикъ тоже покосился на него.

Мимо нихъ мелькали купы дубовъ и буковъ. Вдали на Бранденбургскихъ воротахъ возвышалась зеленая тріумфальная колесница, вся утопавшая въ солнечномъ сіяніи.

Экипажъ остановился на улицѣ Лихтенштейнъ, передъ роскошнымъ домомъ, похожимъ на дворецъ.

Изъ подъѣзда выскочилъ лакей и сдѣлалъ испуганное лицо. Онъ взялъ мальчика на руки, но на того вдругъ напала храбрость,—онъ увернулся отъ слуги и самостоятельно сталъ на худенькія ножки, напоминавшія, въ сравненіи съ огромной головой мальчика, двѣ тоненькія, жалкія спаржи.

Дама улыбнулась довольной улыбкой.

— Пожалуйста, не войдете ли вы къ намъ на минутку?

Молодой человѣкъ хотѣлъ отказаться и сдѣлалъ какое-то отрицательное движеніе, но она взглянула на него такъ твердо и вызывающе, что онъ молча послѣдовалъ за нею. Смутно чувствовалъ онъ, что въ ея существѣ была какая-то притягательная сила.

Они миновали роскошную прихожую и вошли въ гостиную, убранную въ самомъ новѣйшемъ стилѣ. Явился другой лакей

и помогъ хозяйкѣ раздѣться. Она осталась въ англійскомъ костюмѣ, выгодно подчеркивавшемъ ея ростъ и изящную фигуру. Ея черные волосы немного растрепались и обрамляли ея бѣлое, нѣжное лицо, съ рѣзко выступавшими на немъ темными, лишенными блеска глазами. Тонкіе бѣлые пальцы ея что-то нервно перебирали на столѣ.

Молодой человѣкъ неподвижно стоялъ передъ нею. Она попросила его сѣсть и подождать ее, и черезъ нѣсколько минутъ возвратилась вмѣстѣ съ мальчикомъ.

— Ну, милый, теперь поблагодари хорошенько. Слава Богу,—продолжала она,—мы отдѣлались однимъ испугомъ. Если не считать синяковъ и ссадинъ на колѣнкахъ, то онъ, какъ видите, совершенно веселъ и здоровъ.

— Какъ тебя зовутъ?—спросилъ мальчикъ.

Молодой человѣкъ слегка поклонился дамѣ и, обращаясь къ ней, произнесъ:

— Меня зовутъ Томасъ Трукъ.

— А я фрау Бергъ, жена директора банка,—произнесла она, краснѣя.

Она что-то шепнула мальчику. Онъ подалъ Томасу руку, пролепеталъ нѣсколько заученныхъ словъ и вышелъ изъ комнаты.

— Это мой единственный ребенокъ,—проговорила она послѣ долгаго молчанія,—и вы заслужили мою глубокую благодарность—мою и моего мужа,—прибавила она.—Къ сожалѣнію, его въ эту минуту нѣтъ дома.

Томасъ смущенно улыбнулся. Дама приняла эту улыбку за насмѣшку.

— Вы смѣетесь надо мной?—проговорила она, и ея глаза вдругъ засверкали.

— Я?... я?...—пробормоталъ онъ, и вдругъ почувствовалъ, какъ на него стало находить какое-то двойственное и непонятное настроеніе.—Если я оскорбилъ васъ, то, пожалуйста, простите,—продолжалъ онъ, избѣгая смотрѣть на нее.—Впрочемъ,—онъ остановился,—впрочемъ,—повторилъ онъ,—вы сами виноваты. Вы осыпаете меня благодарностями, которыя ко мнѣ совсѣмъ не относятся. Вы наградили извозчика, и этого вполнѣ достаточно.

И послѣ нѣкотораго молчанія онъ прибавилъ довольно рѣзко:

— Я вообще не люблю такихъ драматическихъ сценъ.

При этихъ словахъ ея лицо еще болѣе поблѣднѣло. Это испугало его. Но, внезапно почувствовавъ, что ему грозила какая-то, еще не вполнѣ сознаваемая опасность, онъ поднялся, взялъ шляпу и собрался уходить.

— Я скептически отношусь къ изліяніямъ чувствъ,—проговорилъ онъ смущенно и больше для себя.—Свѣтская же любезность, часто являющаяся не болѣе какъ пустой формой, мнѣ также крайне непріятна.

— Изліянія чувствъ и свѣтская любезность?—Голосъ, которымъ она произнесла эти слова, поразилъ его. Она вдругъ подошла къ нему совсѣмъ близко.

— Иногда и то и другое одинаково мало значатъ,—отвѣтилъ онъ, и голосъ его прозвучалъ почти кротко. Его мягкая улыбка не ускользнула отъ нея и придала ей смѣлости.

— Теперь я вижу,—проговорила она радостно,—что ваше лицо можетъ быть добрымъ.

Эти слова опять раздражили его. Втайнѣ онъ проклиналъ себя: онъ долженъ былъ раскланяться съ нею на крыльцѣ.

Она, вѣроятно, догадалась о томъ, что происходило въ его душѣ, потому что вдругъ поднялась и сказала:

— Я васъ не задерживаю. Боюсь, что вы разсердитесь.

Томасу опять показалось, что этими словами она опутываетъ его какой-то невидимой сѣтью. Она опутывала его каждымъ словомъ, и онъ былъ не въ состояніи порвать эти тонкія нити. Ему такъ было больно и отъ ея голоса, и отъ ея блѣднаго лица. Онъ отбросилъ со лба волосы и проговорилъ, не отдавая себѣ отчета въ своихъ словахъ:

— За что мнѣ на васъ сердиться? Вы... вы... совсѣмъ замерзли, вы вся дрожите.

Она испуганно откинула голову и взглянула на каминъ, придававшій всей комнатѣ видъ уютности и тепла.

— Вѣдь вы придете еще разъ?—проговорила она тономъ избалованнаго ребенка.—Господинъ Томасъ Трукъ, если вы дѣйствительно не сердитесь, то вы придете еще разъ. Я васъ навѣрное гдѣ-то видала,—прибавила она разсѣянно и спросила робко:—Гдѣ вы живете?

Тонъ ея голоса волновалъ его и лишалъ самообладанія.

— Луизенштрассе, 15.

— Теперь я знаю, гдѣ я васъ видѣла,—проговорила она вдругъ.—На первыхъ представленіяхъ въ нѣмецкомъ театрѣ. Вы стояли въ ненумерованныхъ мѣстахъ. Правда?

И, не дождавшись отвѣта, она быстро прибавила:

— Я каждый разъ обращала на васъ вниманіе.

— Это было уже давно,—отвѣтилъ онъ смущенно.

Она протянула ему руку, и черезъ нѣсколько минутъ онъ былъ уже на крыльцѣ. Но, несмотря на холодъ и рѣзкій вѣтеръ,

со свистомъ проносившійся по улицамъ и качавшій верхушки деревьевъ, онъ все еще чувствовалъ, что его душитъ какая-то тяжесть. Медленно пошелъ онъ по улицѣ и оставилъ за собою Тиргартенъ. На Лихтенштейнскомъ мосту онъ остановился и сталъ задумчиво смотрѣть на уходившій въ даль каналъ. Вокругъ него было тихо, и эта тишина благотворно повліяла на него. Ежедневно ему случалось проходить шумной и оживленной частью города, и уличная жизнь оглушала и мучила его. Когда онъ встрѣчалъ унылыя, озабоченныя лица, съ явнымъ отпечаткомъ всей унизительной стороны ихъ существованія, то имъ овладѣвали самыя противоположныя ощущенія. Онъ ненавидѣлъ этихъ людей за то, что грубое дыханіе жизни сдуло съ нихъ, какъ росу съ цвѣтовъ, все тонкое, благородное; за то, что они такъ глухо стонали подъ своей ношей и теряли силу и красоту. И вмѣстѣ съ тѣмъ онъ чувствовалъ къ нимъ глубочайшую жалость, потому что видѣлъ въ ихъ лицахъ выраженіе скорби и отчаянія. Съ тѣхъ поръ, какъ въ немъ пробудилась сознательная жизнь, онъ не переставалъ размышлять надъ людскими страданіями. Онъ стыдился за свое обезпеченное существованіе. Но его юныя жизненныя силы противились унынію. Бывали также минуты, когда онъ сомнѣвался въ чистотѣ своихъ помысловъ и объяснялъ себѣ свое состраданіе къ людямъ личнымъ раздраженіемъ и недовольствомъ. Онъ самъ былъ изгнанникомъ, у него не было родного дома, и потому, быть можетъ, въ свободные часы онъ печалился надъ участью обездоленныхъ. Онъ упрекалъ себя за свои личныя стремленія, за свою преданность и серьезное отношеніе къ изученію естественныхъ наукъ и за желаніе стать самостоятельнымъ. А когда, послѣ усиленной работы, ему случалось заходить въ театры или въ концерты, то онъ считалъ свое поведеніе грѣховнымъ и легкомысленнымъ. Большинство его товарищей жило вполнѣ беззаботно, не раздумывая особенно и не сомнѣваясь. Они бы подняли его на смѣхъ, еслибы могли заглянуть въ его внутреннюю жизнь. Но отъ этого ему не было легче, и онъ оставался такимъ, какимъ былъ. Долго онъ жилъ совершенно одиноко, прежде чѣмъ встрѣтилъ кружокъ довольно странныхъ людей, съ которыми сталъ часто видаться. До этой встрѣчи одиночество еще усиливало его мрачность. Онъ не видалъ родного города, дома и сада съ тѣхъ поръ, какъ уѣхалъ оттуда ребенкомъ. Отецъ его вскорѣ женился на вдовѣ, и сынъ порвалъ съ нимъ всякія сношенія. Они не видались и ничего не знали другъ о другѣ. Только къ пастору сохранилъ онъ прежнее чувство. Ему изливалъ онъ свою душу и съ жадностью

ждалъ утѣшеній, приходившихъ съ родины. Существовалъ еще одинъ человѣкъ, съ которымъ онъ поддерживалъ отношенія. Это была Беттина. Но она жила очень далеко. Она училась въ парижской консерваторіи. Онъ получалъ отъ нея причудливыя, оригинальныя письма, написанныя маленькими іероглифами. Внутренній смыслъ ея словъ было иногда еще труднѣе разобрать, чѣмъ ея почеркъ. Во всемъ, что̀ она писала, чувствовалось необычайное честолюбіе, пугавшее его и вызывавшее къ ней непріязненное чувство. Она вѣчно говорила о своемъ искусствѣ и о томъ, кѣмъ бы ей хотѣлось сдѣлаться со временемъ. Все это, конечно, было пересыпано дѣтскими безпомощными и милыми словами, но эти слова говорились между прочимъ и какъ-то сдержанно, не какъ что-то серьезное, а только какъ дань, отдаваемая воспоминаніямъ дѣтства.

Это не была его прежняя Беттина.

Теперь онъ чувствовалъ, какъ ихъ разъединяла разница и лѣтъ, и жизненнаго опыта.

Глядя на темную воду канала, онъ вдругъ вспомнилъ темный прудъ, окруженный развѣсистыми ивами, лужайку, гдѣ онъ любилъ лежать на солнцѣ и гдѣ его всегда отыскивали Тамара и Беттина.

Но все это было такъ далеко, такъ давно!

Передъ нимъ вставали новые образы, то вызывавшіе въ немъ подъемъ энергіи, то лишавшіе его послѣднихъ силъ.

Онъ поднялъ воротникъ плаща и быстро зашагалъ впередъ, стараясь встряхнуться и не поддаваться воспоминаніямъ.

Домъ на улицѣ Лихтенштейнъ и обитательница этого дома занимали и преслѣдовали его.

Что̀ бы сказали его друзья, еслибы узнали объ его приключеніи!

Но они не могли узнать, потому что для него самого завтра же, —нѣтъ, даже сегодня—этотъ домъ долженъ былъ перестать существовать. При этой мысли онъ покраснѣлъ, какъ школьникъ. Быстро сунулъ онъ руку въ карманъ своего длиннаго чернаго плаща, который очень къ нему шелъ, и вытащилъ маленькій кисетъ съ табакомъ и коротенькую англійскую трубку. Онъ торопливо набилъ ее, закурилъ и сталъ выпускать въ прозрачный морозный воздухъ короткіе клубы дыма. Вдругъ онъ вздрогнулъ, почувствовавъ, что кто-то слегка ударилъ его по плечу, и съ удивленіемъ оглянулся. Передъ нимъ стоялъ маленькій, тощій человѣкъ, съ низкимъ, но выразительнымъ лбомъ, печальными глазами, необыкновенно тонкимъ носомъ и жидкими рыжеватыми усами. Видъ у него былъ несчастный и голодный.

— А, Гейнзіусъ, откуда это вы?—спросилъ Томасъ, пожимая подошедшему руку.

Тотъ вскрикнулъ:

— Ой, ради всего святого, вы мнѣ такъ руку отдавите! Откуда я? Что за вопросъ! По обыкновенію, отбывалъ свою повинность.

— Значитъ, изъ школы?

— Конечно.

— Я не понимаю, чего вы вѣчно стонете надъ своею службой!—проговорилъ Томасъ.—Вѣдь преподаваніе—вещь не маловажная. Вы можете дать что-нибудь дѣтямъ...

Школьный учитель взглянулъ на него съ видомъ превосходства и нѣкотораго презрѣнія.

— Вы такъ думаете въ самомъ дѣлѣ? Гм! Ну и оптимистъ же вы!

— Неужели!

Они шли нѣсколько времени молча.

— Преподаваніе!—началъ снова школьный учитель:—вдалбливать тупоумнымъ ребятамъ библію или разныя свѣдѣнія объ ихъ родинѣ,—да еще такъ вдалбливать, чтобы школьный инспекторъ былъ доволенъ и чтобы не получить отставку... ахъ, лучше объ этомъ и не говорить! Еслибы у меня былъ талантъ къ конокрадству, я знаю, что бы я сталъ дѣлать! И еслибы не перспектива умереть съ голоду, то я сейчасъ же вырвался бы изъ-подъ этого ярма. Я...

Припадокъ кашля не далъ ему договорить.

Томасъ смущенно поглядывалъ на его жалкое побагровѣвшее лицо.

— Я стою за религію радости,—продолжалъ, оправившись, школьный учитель:—за жизнь, и вмѣсто этого долженъ смотрѣть на чахлыя, тупоголовыя существа, которыхъ мнѣ же приходится наказывать. Я чувствую потребность ежедневно и ежечасно возмущаться и возставать противъ общества, а вмѣсто этого долженъ льстить и низкопоклонничать передъ директоромъ и школьнымъ инспекторомъ. Мнѣ хотѣлось бы наслаждаться, а приходится голодать; хотѣлось бы жить, а я осужденъ вѣчно хворать и сознательно стремиться на встрѣчу близкой смерти. Мнѣ хотѣлось бы,—закончилъ онъ едва слышно, — работать, исполнять нѣчто опредѣленное; но когда я выхожу изъ этой тюрьмы, то у меня голова точно свинцомъ налита и все тѣло болитъ.

Красныя пятна выступили у него на щекахъ, а глаза безпокойно заблестѣли.

— Простите, что надоѣдаю вамъ своими жалобами. Какъ разъ сегодня на меня свалилось столько непріятностей. Въ такомъ настроеніи всегда дѣлаешься болтливъ.

И, не дожидаясь отвѣта, онъ ловкимъ прыжкомъ вскочилъ въ проѣзжавшую мимо конку и ужъ издали кивнулъ головою въ знакъ прощанія.

„Вотъ жалкое существованіе! — подумалъ Томасъ.—Такой озлобленный духъ въ такомъ слабомъ тѣлѣ“!

И ему вспомнилось, что въ кружкѣ друзей—Гейнзіуса называли мертвой маской. Онъ самъ придумалъ себѣ это названіе въ одну изъ тѣхъ минутъ, когда хочется смѣяться сквозь слезы.

Цѣлый рядъ представленій и мыслей замелькалъ въ умѣ Томаса, причиняя ему острую боль. Стукъ экипажей, тѣснота и давка на тротуарѣ вывели его изъ глубокой задумчивости. Онъ находился теперь какъ разъ въ центрѣ города, потому что, самъ того не замѣчая, пришелъ къ мѣсту, гдѣ скрещиваются двѣ наиболѣе многолюдныя и шумныя улицы. Конки, локомобили, омнибусы, дрожки, кареты и повозки съ кладью, люди, двигавшіеся толпами, какъ безпокойные муравьи, разодѣтые господа и оборванные поденщики, блестящіе военные, приказчики и дѣвочки изъ магазиновъ—все это бѣжало, шмыгало, летѣло и стремилось мимо него въ пестрой безпрерывной суматохѣ.

Онъ жадно впивалъ въ себя всю эту возбуждающую атмосферу большого города и чувствовалъ свободу и облегченіе. А на фонѣ пестрой толпы всплывалъ передъ нимъ въ неопредѣленныхъ очертаніяхъ образъ стройной блѣдной женщины.

II.

Было восемь часовъ вечера. Изъ большого зданія университета Подъ-Липами выходило на улицу, по окончаніи лекцій, множество студентовъ. Среди нихъ находился Томасъ Трукъ, слушавшій, въ свободное отъ занятій медициною время, лекціи политической экономіи. Онъ только-что слушалъ профессора Вагнера, читавшаго о рабочемъ вопросѣ. Онъ чувствовалъ сильную усталость. Мелькомъ взглянувъ на мраморныя статуи Гумбольдтовъ, стоявшихъ какъ бы на стражѣ передъ университетомъ, онъ медленно поплелся по тротуару. На ближайшемъ мосту онъ на мгновеніе остановился и вдохнулъ съ удовольствіемъ запахъ свѣ-

жихъ яблокъ, кучами сложенныхъ въ баркахъ. Потомъ пошелъ дальше, но еще долго продолжалъ чувствовать этотъ ароматъ, и радовался, испытывая физическое наслажденіе. Повернувъ за уголъ и пройдя нѣсколько узкихъ, бѣдныхъ улицъ, онъ остановился передъ закопченнымъ старымъ домомъ и вошелъ на небольшой дворъ, скудно освѣщенный дурно пахнувшей керосиновой лампой. По кривой лѣстницѣ съ вытертыми ступенями поднялся онъ въ четвертый этажъ, находившійся подъ самой крышей, и тамъ остановился, переводя духъ. На двери, передъ которой онъ находился, была мѣдная дощечка съ надписью: „Брозе, живописецъ". Изнутри до него доносились громкіе голоса. Онъ постучался нѣсколько разъ, прежде чѣмъ ему отворила высокая, крѣпко сложенная женщина, производившая при первомъ взглядѣ на нее странное и нѣсколько комичное впечатлѣніе. Прежде всего въ глаза бросался ея чрезмѣрно развитой носъ, преобладавшій надъ всѣмъ лицомъ. Подъ нимъ была замѣтна растительность, настолько сильная, что ее, къ величайшему прискорбію, приходилось признать за настоящіе и довольно основательные усы. Они оттѣняли толстыя губы женщины, а изъ-подъ ея низкаго лба выглядывали маленькіе, но живые и добрые глаза. Въ общемъ видъ у женщины былъ очень внушительный.

— Добрый вечеръ, — сказалъ Томасъ и протянулъ руку отворившей ему женщинѣ. Та взяла его руку и такъ сжала и тряхнула ее, что Томасъ отдернулъ ее, смѣясь. Фрау Лирсъ была извѣстна всему кружку своей манерой жать руку.

— Вы немножко поздно являетесь,—проговорила она, помогая ему раздѣться.—Остальные уже всѣ въ сборѣ.

— Ну, а вы какъ поживаете? — спросилъ Томасъ, вмѣсто всякаго отвѣта, сбрасывая съ себя плащъ.

— Плохо! Онъ достигъ теперь своего идеала: только и дѣлаетъ, что спитъ!

Томасъ громко разсмѣялся.

— Въ такомъ случаѣ васъ можно поздравить!—сказалъ онъ. Женщина подбоченилась и взглянула на него подозрительно.

— Вы что же это, смѣетесь что-ли надъ моимъ мужемъ?— спросила она, и въ ея тонѣ почувствовалось нѣкоторое раздраженіе.

— И не думаю смѣяться, но вѣдь вы сами знаете, что если Господь кому-нибудь когда-нибудь что-нибудь посылаетъ, то только во снѣ,—а поэтому пусть онъ себѣ спитъ.

— При всемъ моемъ къ вамъ уваженіи,—произнесла она сухо,—я должна сказать, что вы немного слишкомъ легко отно-

ситесь къ писательству. Ужъ вы повѣрьте мнѣ!—прибавила она серьезно.

Дверь въ комнату распахнулась.

— Да гдѣ-жъ онъ тамъ?—крикнулъ чей-то голосъ.

Они вошли въ большую, похожую на залу, комнату съ верхнимъ свѣтомъ. Очевидно, это была мастерская. На встрѣчу имъ хлынулъ табачный дымъ и чадъ. Въ одномъ изъ угловъ находилась гигантская, жарко натопленная желѣзная печь, распространявшая невыносимый жаръ. Но бывшіе въ комнатѣ, казалось, не обращали вниманія на это обстоятельство, потому что были слишкомъ оживлены и возбуждены. Большая висячая лампа тусклымъ свѣтомъ озаряла огромную комнату, освѣщенную еще, кромѣ того, двумя свѣчами. По угламъ стояли мольберты, а стѣны были увѣшаны эскизами и картинами. Возлѣ одной изъ стѣнъ помѣщалось низенькое старинное піанино. Сквозь дымъ, застилавшій комнату можно было разглядѣть длинный столъ. Вокругъ стола стояли стулья.

— Да идите же вы, наконецъ!—проговорила акушерка. Она энергично схватила Томаса за руку и толкнула на встрѣчу молодому человѣку, съ необыкновенно симпатичнымъ, мягкимъ, но какъ будто нѣсколько соннымъ лицомъ. Надъ его большимъ чувственнымъ ртомъ съ великолѣпными, крѣпкими зубами пробивались тонкіе усы, а волосы были такіе густые, черные и блестящіе, какіе могутъ быть только у очень молодого человѣка. Онъ красивымъ движеніемъ протянулъ Томасу руку и улыбнулся своей огромной женѣ. Онъ былъ по крайней мѣрѣ на двѣнадцать лѣтъ моложе ея, и на видъ ему казалось не болѣе двадцати-четырехъ лѣтъ.

— Знаешь ли, что онъ говоритъ?—крикнула она, указывая на Томаса.—Онъ говоритъ, что спать вредно. А ужъ онъ долженъ это знать навѣрное, потому что изучаетъ медицину. И всѣ доктора, съ которыми мнѣ приходилось встрѣчаться, того же мнѣнія.

Молодой человѣкъ снова улыбнулся.

— Это такой трудный вопросъ,—возразилъ онъ. И прибавилъ немного лукаво:—Ужъ объ этомъ было думано и передумано, дитя мое.

Послѣднія слова подѣйствовали на нее, повидимому, успокоительно. Она чувствовала себя побѣжденной каждый разъ, какъ онъ называлъ ее „дитя мое“.

— Да вѣдь еслибы ты просто спалъ,—все-таки не удержалась она.—Но вѣдь вы не можете себѣ представить, — обрати-

лась она къ Томасу,—гдѣ онъ проводитъ всѣ свои ночи, яко бы для изученія нравовъ и для впечатлѣній? Днемъ онъ изнуренъ, а ночью возбужденъ,—заключила она и разсмѣялась съ оттѣнкомъ горечи.

Ихъ бракъ былъ заключенъ при особыхъ обстоятельствахъ. Фрау Лирсъ служила много лѣтъ акушеркой въ одномъ изъ бѣдныхъ сѣверныхъ округовъ, а ея будущій мужъ студентомъ жилъ у нея въ качествѣ жильца. Она баловала его, какъ ребенка, и въ заключеніе, когда онъ отъ своихъ книгъ и ученья перешелъ къ литературнымъ занятіямъ, вышла за него замужъ. За все время она не получила съ него ни одного крейцера квартирной платы и, кромѣ того, давала ему даровой столъ. Поэтому ей казалось болѣе практичнымъ сдѣлать его по-просту своимъ мужемъ. Она любила его сильной, добродушной любовью, но въ этой любви было и раздраженіе. Никто не смѣлъ что-нибудь сказать противъ него, но сама она часто его бранила и усовѣщивала. Нѣкоторые, посвященные въ ихъ интимную жизнь, намекали, что Лирсу иногда приходилось испытывать на себѣ всю тяжесть рукъ своей жены, а руки эти были единственныя въ своемъ родѣ. Всѣ относились къ нимъ со страхомъ и уваженіемъ, помня, какъ однажды фрау Лирсъ, во время родовъ одной бѣдной, несчастной женщины, буквально отколотила ея мужа, какого-то проигравшагося негодяя.

Она вообще много видѣла и наблюдала на своемъ вѣку и умѣла разсказывать разные забавные случаи изъ своей практики.

Прозвонилъ колокольчикъ.

Шумъ и говоръ мало-по-малу стихли и всѣ усѣлись за длинный столъ. Звонившій былъ самъ хозяинъ, мускулистый, стройный человѣкъ, съ гладко выбритымъ лицомъ, напоминавшимъ голову римлянина. Только въ выраженіи этого лица было что-то необыкновенно доброе, примиряющее и вдумчивое. Костюмъ его былъ довольно неряшливъ, и широкій воротъ шерстяной рубашки оставлялъ открытой изящную, красивую мускулатуру его шеи.

Рядомъ съ нимъ сидѣла его жена. У нея были густые рыжіе волосы. Она была уже не первой молодости, но казалась еще старше, благодаря строгимъ, опредѣленнымъ чертамъ лица, морщинамъ на лбу и рѣзкимъ складкамъ вокругъ рта. Во всей ея внѣшности было что-то мрачное. Видно было, что жизнь давалась ей нелегко. Но какъ только она взглядывала на мужа, такъ въ ея лицѣ появлялось какое-то мечтательное выраженіе, дѣлавшее его просвѣтленнымъ и привлекательнымъ.

Художникъ поклонился присутствовавшимъ и, указывая на лампу, проговорилъ:

— Ночникъ зажженъ, и хотя онъ проливаетъ только тусклый свѣтъ, но все-таки свѣтитъ намъ какъ благостное солнце среди нашей тьмы и бросаетъ первый проблескъ радости и свѣта на мрачную дорогу, которую намъ еще предстоитъ пройти, прежде чѣмъ мы достигнемъ лучшаго будущаго. Я привѣтствую друзей, собравшихся здѣсь при свѣтѣ ночника, чтобы вмѣстѣ думать и чувствовать. Слово принадлежитъ господину Блинскому, который долженъ прочесть протоколъ прошлаго собранія.

На нижнемъ концѣ стола поднялся маленькій господинъ съ жидкими волосами и съ характернымъ для мечтателя лбомъ. Произнося слова съ замѣтнымъ иностраннымъ акцентомъ, онъ началъ читать:

— Протоколъ послѣдняго собранія членовъ общества „Ночникъ“: „Лиссауеръ говоритъ о сіонизмѣ. Онъ излагаетъ стремленія сіонистскаго союза и старается показать, что современные евреи, угнетенные и подверженные всяческому насилію, живутъ какъ чужеземцы въ чуждыхъ для нихъ государствахъ. Освобожденіе современныхъ евреевъ отъ смутъ и рабства зависитъ всецѣло отъ достиженія ими идеала полнѣйшаго мирнаго и вполнѣ только отъ себя зависящаго единенія. Докладъ вызвалъ живѣйшій обмѣнъ мыслей, освѣтившій положеніе еврейства среди современныхъ народовъ. Подъ-конецъ пришли къ тому заключенію, что нашъ кружокъ долженъ сочувствовать не угнетенному еврейству, но, вообще, всякому угнетенному и стремящемуся къ освобожденію человѣку. Въ виду такой задачи нашего общества еврейскій вопросъ не можетъ имѣть для насъ особаго значенія“.

— Не будетъ ли какихъ-нибудь возраженій по поводу протокола?—спросилъ Брозе.

Тогда поднялся маленькій, горбатый человѣкъ съ сильно развитымъ лбомъ, блестящими глазами фанатика и черными, какъ смоль, гладко зачесанными волосами. Это былъ Лиссауеръ.

— Я только хотѣлъ бы замѣтить,—началъ онъ,—что я въ своемъ докладѣ изложилъ не столько собственные взгляды, сколько идеи другихъ, не отожествляя себя съ ними вполнѣ, какъ это можетъ показаться изъ протокола.

— Однако, онъ совсѣмъ зарапортовался!—воскликнула его жена, худая особа, сидѣвшая съ нимъ рядомъ. Она была удивительно дурна собой, но при этомъ въ ней не было ничего отталкивающаго, а въ ея черныхъ глазахъ свѣтился умъ.

Лиссауеры были русскіе евреи, переѣхавшіе въ Берлинъ. Въ

Россіи мужъ занимался медициной и готовился быть докторомъ, но теперь все это бросилъ и сдѣлался писателемъ. Онъ ненавидѣлъ существующій порядокъ вещей. Онъ ненавидѣлъ вышедшихъ въ люди западно-европейскихъ евреевъ, унизившихъ своей привольной, разгульной жизнью дѣло своихъ единовѣрцевъ. Одна мысль о Сіонѣ вызывала въ немъ торжественное и серьезное настроеніе, и онъ постоянно возвращался къ ней. До женитьбы его всецѣло увлекала идея вызвать къ жизни великую еврейскую колонію.

Фрау Лиссауеръ очень любила разсказывать о своемъ мужѣ и о томъ, какъ они встрѣтились, но самое лучшее всегда приберегала къ концу разсказа. Это лучшее состояло въ томъ, какимъ образомъ имъ удалось избѣгнуть нищеты. У нея были геніальные пальцы, а у ея Веніамина—геніальный умъ. Онъ ей нарисовалъ модель корсета такъ, какъ это могъ сдѣлать только ученый докторъ, хорошо изучившій анатомію человѣческаго тѣла. Въ этомъ корсетѣ толстыя становились тонкими и теряли свои бока, а женщины съ плоской грудью пріобрѣтали роскошныя формы. Слава объ ея художественныхъ произведеніяхъ скоро распространилась по городу и стала привлекать въ ея мастерскую на Вильгельмштрассе самыхъ элегантныхъ дамъ. Каждой новой заказчицѣ она сообщала, что среди ея кліентокъ находится принцесса Гогенлоэ. Корсеты ея были необыкновенной прочности, но принцесса заказывала себѣ новый каждыя шесть недѣль. На то она и была принцесса, чтобы позволять себѣ подобную роскошь. Съ тѣхъ поръ, какъ Гогенлоэ была въ числѣ ея заказчицъ, корсеты значительно вздорожали, и въ то время, какъ она ихъ мастерила, ея мужъ могъ спокойно заниматься писательствомъ и вообще работать для славы.

Такъ какъ никто болѣе не имѣлъ ничего возразить по поводу протокола, то художникъ предложилъ приступить къ обычнымъ занятіямъ. Тема на этотъ вечеръ была предложена слѣдующая: „Разсужденія о религіозныхъ чувствахъ въ человѣкѣ“.

Сначала старались выяснить исторически общее понятіе религіознаго чувства. Школьный учитель Гейнзіусъ указалъ на различныя эпохи въ исторіи народовъ. По его мнѣнію, религія была порожденіемъ человѣческой слабости, трусости и всего, что есть низкаго въ человѣческой природѣ. Онъ любилъ сильно выражаться, и въ отрывистыхъ фразахъ, прерываемыхъ отъ времени до времени сухимъ, короткимъ кашлемъ, онъ объявилъ, что основа религіи коренится въ страданіи и въ жалкой участи людей. Отъ религіознаго чувства, — продолжалъ онъ, — перешли къ

вѣрѣ въ загробную жизнь, въ привидѣнія, въ безсмертіе. Дерзкій обманъ, которымъ стараются вознаградить себя на воображаемомъ небѣ за всю тяжесть и горе земной жизни. Замѣчательной чертой еврейскаго вѣроученія является то, что они воздержались отъ этой безсмыслицы.—Онъ вытащилъ изъ кармана записную книжку, перелисталъ ее и прочелъ громкимъ голосомъ:

— „Въ Проповѣдникѣ Соломона, глава III, стихъ 19, читаемъ слѣдующее:... „потому что участь сыновъ человѣческихъ и участь скотовъ одинакова: какъ тѣ умираютъ, такъ умираютъ и эти, и одинъ духъ у всѣхъ, и преимущества у человѣка предъ скотомъ нѣтъ; потому что все суета. Все идетъ въ одно мѣсто: все произошло изъ праха и все обратится въ прахъ. Кто знаетъ, духъ сыновъ человѣческихъ восходитъ ли кверху и духъ скотовъ сходитъ ли внизъ, въ землю? И такъ я вижу, что нѣтъ ничего лучше, какъ наслаждаться человѣку дѣлами своими; потому что это доля его; ибо кто приведетъ его посмотрѣть на то, что будетъ послѣ него"?..

Онъ остановился на минуту и оглядѣлъ всѣхъ сидѣвшихъ за столомъ.

— Я еще далеко не кончилъ,—началъ онъ снова.—„Въ Проповѣдникѣ Соломона говорится еще, глава II, стихъ 16: „...потому что мудрому не будетъ памяти вѣчно, какъ и невѣждѣ; въ будущіе дни все совершенно будетъ забыто, и увы!—умираетъ мудрый наравнѣ съ невѣждой".

— Что это вы, кажется, собираетесь намъ всю библію прочесть?—крикнулъ кто-то.

Гейнзіусъ рѣзко разсмѣялся.

— Пожалуйста, не прерывайте меня,—возразилъ онъ. „Въ книгѣ Іова, глава XIV, читаемъ слѣдующее: „Есть надежда дереву, что, и бывъ срублено, оно снова оживетъ, и отрасли отъ него не прекратятся.

„Когда состарится въ землѣ корень его и въ прахѣ умираетъ пень его;

„То, почуявъ воду, оно расцвѣтаетъ и пускаетъ вѣтви, какъ ново-насажденное.

„А человѣкъ умираетъ и вдругъ исчезаетъ, и духъ испустилъ человѣкъ, и гдѣ онъ?

„Уходятъ воды изъ озера и рѣка изсякаетъ и высыхаетъ:

„Такъ человѣкъ ляжетъ и не встанетъ; до скончанія неба они не пробудятся и не воскреснутъ отъ сна своего".

Онъ остановился. Онъ страшно поблѣднѣлъ и задыхался.

Видно было, что прочтенныя строки возбуждали въ немъ глубочайшій восторгъ.

— Я могъ бы вамъ привести еще множество подобныхъ цитатъ, но ограничусь этими. Только припомню вамъ еще одно мѣсто изъ Одиссеи, гдѣ Ахиллъ въ Аидѣ говоритъ, что онъ предпочелъ бы быть самымъ послѣднимъ слугою на землѣ, чѣмъ царемъ тѣней. Вы видите такимъ образомъ, что древне-еврейскія и древне-греческія воззрѣнія совпадаютъ. Разница состоитъ только въ томъ, что евреи добровольно отказываются и отъ Аида.

Произнося эти слова, онъ вдругъ пристально оглядѣлъ присутствовавшихъ и, понизивъ голосъ, прибавилъ:

— Мы не хотимъ сидѣть обездоленные за жизненной трапезой. Намъ не смѣютъ, какъ голоднымъ псамъ, бросать крохи какой-то загробной жизни. Пусть здѣсь даютъ намъ ѣсть и пить и не отнимаютъ у насъ несправедливо нашей части. Вѣра въ небо и будущую жизнь—годится только для рабскихъ душъ!

Онъ въ совершенномъ изнеможеніи опустился на стулъ, и тогда начались пренія.

Студентъ богословія, Бехертъ, попросилъ слова и, глядя твердо и недружелюбно на Гейнзіуса, началъ:

— Мой предшественникъ хотѣлъ парою дешевыхъ цитатъ убить вѣру и религіозное чувство и уничтожить то, что составляетъ сущность христіанскаго исповѣданія. Подобное свободомысліе,—продолжалъ онъ, возвышая голосъ,—представляетъ собою нѣчто жалкое и дилеттантское. Вѣру, ненарушимую вѣру въ будущую жизнь, не можетъ уничтожить никакая человѣческая сила. Всякій, кто религіозенъ, вѣритъ, вѣритъ безусловно и подчиняется догмату.

— Это дѣлаютъ старыя бабы и дѣти!—крикнулъ Гейнзіусъ.

— Это неправда,—не смущаясь, возразилъ студентъ:—это дѣлаютъ самые просвѣщенные умы. И напротивъ, отрицать это могутъ, по моему мнѣнію, только люди не вполнѣ нравственно-развитые. Нужно вѣрить слѣпо,—продолжалъ онъ, возвысивъ голосъ и отчетливо выговаривая каждое слово:—нужно вѣрить безусловно, потому что умъ человѣческій слишкомъ слабъ и жалокъ, чтобы создать нѣчто большее, чѣмъ религія. Всякій, отрицающій букву религіи,—заключилъ онъ,—отрицаетъ и духъ ея.

На нижнемъ концѣ стола, вся подавшись впередъ, жадно слушала слова студента бѣдно одѣтая молодая дѣвушка, съ гладкими бѣлокурыми волосами. При послѣднихъ словахъ она крикнула, какъ бы въ экстазѣ:

— Я вѣрю, вѣрю, вѣрю!

Наступило мучительное молчаніе. Всѣ чувствовали, что оба оратора выражали свои взгляды безъ всякой доброты и мягкости, а со злобой и раздраженіемъ. Ихъ рѣчи болѣзненно отозвались въ душѣ слушателей, какъ звуки разстроеннаго инструмента.

Восторженную молодую дѣвушку звали Марія Верфтъ. Она что-то шептала своему сосѣду, механику Фрюнделю, но тотъ не обращалъ, повидимому, никакого вниманія на ея слова. Передъ нимъ лежалъ листъ бумаги и онъ на немъ безпрерывно что-то стенографировалъ. У него была приземистая, плотная фигура и лицо молочнаго цвѣта, напоминавшее полнолуніе. Въ этомъ лицѣ всегда что-то подергивалось и на немъ отражалась неустанная внутренняя работа. Видно было, что онъ судорожно цѣплялся за каждую выраженную мысль, старался переварить ее, а сдѣланныя замѣтки утаскивалъ домой, какъ сокровище. Подъ его низкимъ выразительнымъ лбомъ блестѣли, какъ два маяка, маленькіе, какъ у японца косо прорѣзанные глазки, придававшіе его безбородому, женоподобному лицу выраженіе живого и упорнаго ума.

Молчаніе было прервано художникомъ, на котораго сказанныя рѣчи произвели тяжелое и безпокойное впечатлѣніе.

— Кто приходитъ въ „Ночникъ“,—сказалъ онъ,—тотъ долженъ вносить съ собою миръ, а не борьбу. Мы всѣ здѣсь нищіе духомъ и стараемся сблизиться. Пусть каждый высказываетъ свое мнѣніе, но никто не долженъ горячиться и ссориться. Эта комната должна служить ареной для ищущихъ, ночникомъ среди окружающаго насъ мрака.

Не столько его слова, сколько тонъ, какимъ они были произнесены, подѣйствовалъ на окружавшихъ. Они почувствовали, что передъ ними находился человѣкъ, боровшійся въ глубинѣ души и старавшійся принести утѣшеніе другимъ. Никто не возражалъ. Вдругъ поднялся худой человѣкъ, съ длинными бѣлокурыми кудрями и тонкими чертами лица, сидѣвшій рядомъ съ фрау Лирсъ. Это былъ музыкантъ, Абрамъ Гебгардтъ.

— Всякій отрицающій религію,—началъ онъ, положивъ на грудь удивительно бѣлую и красивую руку,—отрицаетъ самого себя. Гдѣ умираетъ религія, тамъ начинается разложеніе. Все лучшее въ насъ основано на религіи, ею мы связаны и съ настоящимъ, и съ будущимъ.—Онъ говорилъ тихо, но его слова звучали какъ мелодія и были слышны совершенно отчетливо.

— Я музыкантъ,—продолжалъ онъ съ возростающимъ жаромъ,—и могу утверждать, что самая возвышенная музыка рож-

дается въ глубинѣ религіозныхъ натуръ. Месса Баха H-moll, девятая симфонія Бетховена,—что это, какъ не величайшія эволюціи людей, озаренныхъ религіозною благодатью! Это высочайшія и глубочайшія откровенія искусства. Наша же современная музыка является, напротивъ, несовершеннымъ произведеніемъ ловкихъ виртуозовъ, пустой, холодной формой безъ содержанія.

На мгновеніе онъ замолчалъ. Его блестящіе свѣтло-сѣрые глаза стали прозрачными и почти сливались съ бѣлками. Въ нихъ было что-то страшное, какъ будто это были глаза духовидца.

— Тамъ, гдѣ радость глубока, а страданіе часто,—является основной религіозный тонъ,—продолжалъ онъ.—И развѣ Христосъ Рембрандта, Моисей Микель-Анджело и Мадонны Рафаэля не представляются воплощеніемъ религіознаго чувства? Однимъ словомъ,—и онъ оглядѣлъ всѣхъ съ доброй, прекрасной улыбкой,—однимъ словомъ,—повторилъ онъ,—религія есть сущность человѣчества.

Томасъ Трукъ не спускалъ глазъ съ музыканта. Чѣмъ больше онъ слушалъ этихъ людей, тѣмъ больше онъ чувствовалъ какой-то страхъ, безпокойство и смущеніе. Ему хотѣлось проникнуть въ ихъ души, подслушать въ звукѣ ихъ голоса ихъ загадочную для него внутреннюю жизнь. Насколько они сами себя обманывали? Неужели бредя въ потемкахъ съ маленькимъ огаркомъ въ рукахъ, они искренно вѣрили, что вносятъ свѣтъ въ жизнь? Можетъ быть, это были завзятые спорщики, опьянявшіеся шумомъ собственныхъ рѣчей? Онъ тряхнулъ головой и отбросилъ отъ себя послѣднее предположеніе. Слишкомъ ясно онъ чувствовалъ, что всѣ они страдали и боролись.

— Боже мой, Боже мой,—прошепталъ онъ,—помоги мнѣ!

Въ это время поднялась съ мѣста фрау Лирсъ.

— Я—человѣкъ простой,—начала она,—за меня долженъ былъ бы говорить мой мужъ; но онъ—поэтъ, и умѣетъ только мечтать, а не говорить,—конечно, не считая его произведеній,—прибавила она лукаво и съ веселой улыбкой, но тотчасъ же лицо ея стало снова серьезно. — Я—такой простой и неученый человѣкъ, что мнѣ здѣсь не слѣдовало бы и рта открывать, но я многое пережила и видѣла на своемъ вѣку такого, чего въ книгахъ не найдешь. Принять больше тысячи дѣтей, вѣдь это—не шутка! Очень хорошо говорилъ мой сосѣдъ про мессу H-moll и про девятую симфонію,—только мы, бѣдные люди, ихъ не знаемъ и никогда не слыхали. Я не о себѣ говорю,—меня мужъ иногда беретъ съ собою въ концерты,—и я одну изъ этихъ ве-

щей слышала,—только, конечно, ужъ не знаю—которую. Да дѣло не въ этомъ,—я только хотѣла сказать, что когда женщина становится матерью, то испытываетъ то же, что какой-нибудь музыкантъ или художникъ, когда творитъ свое произведеніе. Потому что для женщины въ этомъ заключается послѣднее откровеніе, и мнѣ кажется, что именно въ это время въ ней и проявляется религія. Духъ и плоть становятся однимъ, и бѣдная, измученная женщина переживаетъ глубочайшее внутреннее откровеніе, не зная тѣхъ произведеній искусства, о которыхъ такъ хорошо говорилъ г-нъ Гебгардтъ. Но онъ все-таки правъ: религія намъ становится всего ближе и внятнѣе, когда горе и радость наши всего глубже, и я могу васъ увѣрить, что самая жалкая, самая бѣдная и несчастная женщина способна также на эти чувства!

Лирсъ пожалъ руку жены.

— Она всѣхъ лучше говорила!—закричалъ онъ.—Сейчасъ видно, что она жена поэта. Она съумѣла обнажить тайну женскаго существа. Посмотрите на нее, дѣти мои, какъ она вся сіяетъ святой радостью!

И всѣ устремили глаза на огромную, толстую женщину. Она вся покраснѣла и, чтобы скрыть свое смущеніе, взяла голову мужа своими большими руками и громко поцѣловала его въ лобъ.

По всему обществу распространилось легкое и веселое настроеніе. Женщины окружили фрау Лирсъ, но все-таки было замѣтно, что умственнымъ центромъ для нихъ всѣхъ была жена художника.

Рядомъ съ фрау Лирсъ стояла статная, высокая дѣвушка въ красномъ фланелевомъ платьѣ, сшитомъ съ большимъ вкусомъ. Отъ всей ея фигуры вѣяло силою и здоровьемъ. На рукѣ у нея было два золотыхъ кольца съ дорогими камнями, странно бросавшіяся въ глаза среди болѣе чѣмъ скромной обстановки. Всѣ движенія молодой дѣвушки были свободны и непринужденны. Ее звали Шарлотта Ингольфъ. Она изучала медицину.

Начался общій оживленный разговоръ, какъ вдругъ послышался звонокъ. Жена художника пошла отворить, и скоро вернулась въ сопровожденіи молодой дѣвушки, привлекшей своимъ позднимъ появленіемъ всеобщее вниманіе.

На ней была надѣта бѣлая накидка съ черными полосками, а на головѣ мѣховая шапочка. Изъ-подъ этой шапочки выбивались непокорные завитки волосъ, а лицо дѣвушки поражало своей красотой. Въ ея лицѣ, съ необыкновенно правильными, хотя немного рѣзкими чертами, особенно были привлекательны

глаза, цвѣтъ которыхъ невозможно было опредѣлить. То они казались черными, то карими, а иногда въ нихъ появлялся зеленоватый оттѣнокъ.

Слегка поклонившись присутствовавшимъ, она прямо подошла къ Фрюнделю и шепнула ему что-то. Никто не разслышалъ ни ея словъ, ни его отвѣта. Фрюндель взялъ изъ рукъ дѣвушки накидку, она сняла также и шапочку и показалась еще красивѣе въ зеленомъ бархатномъ платьѣ, довольно потертомъ и жалкомъ, но подходившемъ къ ея своеобразной наружности.

— Юзефа Гервингъ, — проговорилъ Фрюндель, представляя ее.

Вначалѣ она казалась немного смущенной, но скоро освоилась съ новой обстановкой. Студентъ Бехертъ подошелъ и сталъ разсматривать ее съ наивнымъ любопытствомъ, въ которомъ не было, впрочемъ, ничего оскорбительнаго. Никто, кромѣ Томаса Трука, не замѣтилъ, что механикъ посмотрѣлъ на Бехерта съ внезапно появившейся и тотчасъ же исчезнувшей презрительной и насмѣшливой улыбкой.

Вдругъ, къ общему изумленію, опять кто-то позвонилъ. Вошедшій пробылъ всего нѣсколько минутъ. Это былъ рабочій съ всклокоченной бородой, настоятельно требовавшій фрау Лирсъ.

Она обмѣнялась съ нимъ нѣсколькими фразами, потомъ быстро накинула длинный плащъ, повязала голову толстымъ платкомъ и взяла мѣшокъ съ инструментами.

Художникъ удержалъ ее.

— Еще минуту подождите! — крикнулъ онъ, и его голосъ звучалъ радостно. — Теперь какъ разъ настала минута закрыть засѣданіе, потому что начинается чья-то новая земная жизнь, родится новый человѣкъ въ міръ!

Послѣ его словъ воцарилась глубокая тишина и всѣхъ охватило какое-то особенное удивительное настроеніе. Только когда высокая фигура фрау Лирсъ, въ плащѣ, и рабочій, съ удивленіемъ заглядывавшій въ мастерскую, скрылись за дверью, у всѣхъ опять развязались языки, и вся компанія рѣшилась отправиться на ночную прогулку. Вскорѣ ступеньки узкой, крутой лѣстницы заскрипѣли подъ тяжестью шаговъ членовъ общества „Ночникъ“.

III.

Было слишкомъ поздно для того, чтобы каждый могъ еще куда-нибудь пойти, и потому они рѣшили не разставаться, и

свернули черезъ переулокъ на Фридрихштрассе. Имъ хотѣлось испытать на себѣ впечатлѣнія безпокойной ночной жизни этой своеобразной улицы Берлина. Тамъ была тѣснота и давка, какъ среди бѣлаго дня.

Эта улица имѣетъ видъ длиннаго и узкаго корридора и требуетъ не менѣе часа времени, чтобы пройти ее съ начала до конца.

Точно маленькій караванъ двигалось по ней общество „Ночника". Встрѣчные пристально засматривали имъ въ лицо, а нѣкоторые даже смѣялись надъ удивительнымъ шествіемъ. Улица производила на Томаса впечатлѣніе ужаснаго лабиринта. Она представлялась ему отвратительной панорамой всевозможныхъ бѣдствій. Пивныя лавочки и другія подозрительныя заведенія были украшены бѣлыми, красными, зелеными и голубыми фонариками. Въ освѣщенныхъ электричествомъ окнахъ магазиновъ были выставлены наваленныя грудами самыя разнообразныя вещи. Всевозможныя вина и водки чередовались съ шолковыми кофточками, туалетной водой и элегантной обувью.

Въ толпѣ, среди довольныхъ, сіяющихъ лицъ попадалось не мало жалкихъ и уродливыхъ. Дѣти съ явными слѣдами англійской болѣзни и блѣдными, утомленными лицами продавали восковыя спички. Газетчики выкрикивали названія газетъ сиплыми, оборванными голосами. Цвѣточницы выбивались изъ силъ, навязывая мужчинамъ уже увядшіе цвѣты. Проходили члены „арміи спасенія" въ своихъ широкополыхъ шляпахъ, выкрикивая свой военный кличъ. Разряженныя и накрашенныя дамы въ крикливыхъ туалетахъ шмыгали мимо нихъ, какъ дерзкія ночныя птицы.

Все это бросилось въ глаза Томасу, и ему показалось, что никогда еще подобныя вещи не вызывали въ немъ такой глубокой тоски. Кому-то пришла мысль зайти въ увеселительныя заведенія. Было необходимо познакомиться поближе съ этой стороной жизни большого города. Общество направилось въ кабачокъ, производившій впечатлѣніе балагана. Это было большое помѣщеніе съ подмостками въ глубинѣ, вмѣщавшее около восьмисотъ человѣкъ. Комми-вояжеры, продавщицы, бюргеры, работники и пара почтовыхъ чиновниковъ мирно возсѣдали передъ открытой сценой и старались вполнѣ добросовѣстно наслаждаться искусствомъ. Женщины, въ отвратительныхъ маскарадныхъ костюмахъ, съ тупыми лицами распѣвали внимавшему имъ собранію непристойные куплеты. Ни у одной изъ нихъ не было ни малѣйшаго присутствія голоса, и все-таки ихъ невозможныя визгли-

выя завыванія возбуждали полнѣйшій восторгъ и вызывали громкіе апплодисменты.

Общество поспѣшило уйти.

Передъ вторымъ кабачкомъ, черезъ нѣсколько шаговъ отъ перваго, стоялъ колбасникъ, здоровенный мужчина, съ прямымъ проборомъ и торчащими кверху закрученными усами. На немъ былъ надѣтъ большой бѣлый фартукъ, а къ его поясу прикрѣплялся котелокъ съ колбасами и сосисками. Въ голубомъ мѣшкѣ у него была спрятана бутылка съ коньякомъ. Онъ останавливалъ всѣхъ проходившихъ мимо него молодыхъ людей и надоѣдливо предлагалъ имъ свой товаръ. Казалось, что всѣ рѣшительно были ему знакомы, и онъ безостановочно сыпалъ короткими и дерзкими фразами, доказывавшими его близкое знакомство съ тайнами цѣлаго квартала.

Въ этотъ кабачокъ, съ колбасникомъ у входа, направилось наше общество.

Здѣсь все было почти то же самое, что̀ и въ первомъ, съ тою только разницей, что на сценѣ игралъ дамскій оркестръ. Какой-то рабочій, съ истощеннымъ, блѣднымъ лицомъ, не отрываясь, смотрѣлъ на подмостки.

Здѣсь они оставались не долѣе пяти минутъ. Отъ ѣдкаго специфическаго запаха кружилась голова. Женщины проводили странныхъ посѣтителей любопытными взглядами.

— Нельзя имѣть ни малѣйшаго представленія объ этой жизни, пока не увидишь собственными глазами,—задумчиво проговорила студентка Ингольфъ, выходя изъ кабачка.

Юзефа разсмѣялась, и всѣ обернулись къ ней. Она шла подъ-руку съ Фрюнделемъ, и ея лицо выражало злорадство.

— Надъ чѣмъ же вы смѣетесь?—спросила ее студентка.

И всѣ разомъ остановились среди улицы въ ожиданіи отвѣта Юзефы.

Но она не произнесла ни слова. Общество отправилось дальше и остановилось передъ маленькой кондитерской съ низенькими окошками. Вошли туда.

Это помѣщеніе состояло изъ трехъ небольшихъ комнатъ, переполненныхъ посѣтителями. За маленькими мраморными столиками сидѣли студенты и хохотавшія дѣвушки. Видно было, что между собравшимися установился особенный, чисто товарищескій тонъ. Дѣвушки старались подражать студенческому жаргону.

— Я слѣдую твоему примѣру!—закричала одна.

— Полстаканчика за твое здоровье!—провозгласила другая.

— Ну, чего тамъ, я кувырну и цѣлый!—отозвалась третья, высоко поднимая стаканъ.

У студентовъ были подобающія ихъ возрасту, цвѣтущія лица. По ихъ костюмамъ и по общему виду можно было заключить сразу, что всѣ они располагали очень скромными средствами. Женщины любили ихъ и водили съ ними компанію, во всякомъ случаѣ, не изъ какихъ-либо корыстныхъ соображеній. Онѣ разсказывали имъ про свою жизнь и, съ своей стороны, знали прекрасно всѣ подробности интимной жизни студентовъ. Въ студенческія кофейныя, украшенныя плохими картинами и безвкусными, отвратительными портьерами, эти женщины несли все, что оставалось въ нихъ идеальнаго, всю свою неудовлетворенность жизнью. Здѣсь онѣ старались быть скромными, тихими и милыми.

Каждую ночь въ кофейняхъ собиралось почти одно и то же общество, и всѣ знали другъ друга въ лицо. Члены „Ночника" вызвали здѣсь всеобщее удивленіе своимъ появленіемъ, и сами сразу почувствовали себя не особенно ловко. Всѣ усѣлись за столики.

Студентка Шарлотта Ингольфъ заняла мѣсто около Юзефы. Та взглянула на нее острымъ, вызывающимъ взглядомъ.

— Когда надъ кѣмъ-нибудь смѣются, фрейлейнъ, то надо объяснить причину. Я нисколько не обижена насмѣшкой,—продолжала Шарлотта,—но мнѣ все-таки очень хочется знать...

— Она необыкновенно упряма,—проговорилъ, вмѣсто Юзефы, механикъ. — Ужъ когда она чего-нибудь не захочетъ,—съ нею ничего не подѣлаешь. Я ее знаю.

— Ты меня совсѣмъ не знаешь!—вскрикнула сердитымъ голосомъ дѣвушка.

— Прекрасно. Я тебя не знаю.

— Вы хотите знать, почему я смѣялась?—спросила Юзефа, откидывая назадъ голову движеніемъ, достойнымъ принцессы.— Меня всегда разбираетъ смѣхъ, когда изящныя дамы, заглянувъ въ какой-нибудь нищенскій уголъ, воображаютъ, что знаютъ насъ, знаютъ народъ!

— Но какая же я „изящная дама"?

— Сравнительно со мной, вы—все-таки дама.

— Быть можетъ, вы и правы.

— И чего ты привязываешься?—спросилъ механикъ.

— Я ни къ кому не привязываюсь.

Она старалась себя сдерживать, но ея глаза горѣли.

Лирсъ, не отрываясь, смотрѣлъ на нее.

— Видѣли вы когда-нибудь такое великолѣпіе?—шепнулъ онъ музыканту.

Юзефа чувствовала на себѣ его взглядъ. Она взяла руку механика и погладила ее.

Около Томаса Трука сидѣла Марія Верфтъ. Она пила по капелькамъ свой кофе. Ей показалось, что Томасъ это замѣтилъ, и она проговорила, точно извиняясь въ чемъ-то:

— Чашка кофе стоитъ цѣлыхъ двадцать-пять пфениговъ. Я позволяю себѣ такую роскошь только во время нашихъ ночныхъ путешествій. Но я не понимаю, какъ можно брать двадцать-пять пфениговъ за такую крохотную чашечку?—добавила она уже совсѣмъ угнетеннымъ голосомъ.

Студенту богословія, Бехерту, удалось завязать разговоръ съ Лиссауеромъ.

— Мнѣ симпатичны тѣ евреи, которые держатъ высоко знамя Сіона,—говорилъ онъ.

Лиссауеръ насмѣшливо и пристально посмотрѣлъ на него.

— А все-таки вамъ очень хотѣлось бы отдѣлаться отъ насъ,—сказалъ онъ.

— Ну, это совсѣмъ другой вопросъ.

— Милостивый государь, вы вѣрующій или нѣтъ?—внезапно обратилась къ Томасу Трукъ Марія Верфтъ, и вся задрожала, проговоривъ эти слова.

— Почему вы называете меня „милостивый государь"?

— А развѣ это не такъ?—испуганно возразила она.

— Вы не должны больше меня такъ называть. Это мнѣ очень непріятно. Во всякомъ случаѣ,—уже серьезно продолжалъ онъ,—я не знаю, вѣрующій я или нѣтъ.

— О!—съ удивленіемъ вырвалось у нея.

Двѣ рослыя дѣвушки, занимавшія сосѣдній столикъ, стали собираться уходить. Имъ хотѣлось еще куда-то зайти потанцовать, и онѣ приглашали съ собой студентовъ.

— Невозможно. У меня осталась всего одна марка,—возразилъ одинъ изъ нихъ. Дѣвушка громко разсмѣялась и показала при этомъ крѣпкіе, бѣлые зубы.

— Въ такомъ случаѣ займи у меня, я сейчасъ при деньгахъ.

Студентъ довольно рѣзко отклонилъ ея предложеніе, и дѣвушки вышли изъ кофейной однѣ.

— Почему васъ не было слышно цѣлый вечеръ? — тихо спросила Марія Томаса.

— Я много наблюдалъ и ко многому прислушивался.

Она кивнула головой въ знакъ пониманія.

Томасу стало ее жаль и захотѣлось быть съ нею ласковымъ. Она это замѣтила и поблѣднѣла еще больше.

— Что̀ съ вами?—спросилъ онъ.

— Ничего, ничего, — поспѣшно отвѣтила она и прижала руку къ сильно забившемуся сердцу. — Я такъ счастлива!..—И она принялась ему разсказывать о себѣ. У нея было пять сестеръ и родители ея еще были живы, но она ушла изъ дома, потому что только она одна изъ всего семейства была вѣрующая и на нее одну сошла благодать. Ее за это преслѣдовали, и потому ей пришлось уйти. — Вы только подумайте, — еще разъ повторила она: — вѣдь я была единственная, имѣвшая вѣру и благодать. Фрау Брозе привела меня въ „Ночникъ". Она тоже невѣрующая, но Господь спасетъ ея душу.

Она взглянула на жену художника, сидѣвшую напротивъ нея. Казалось, какъ будто та, несмотря на раздѣлявшее ихъ разстояніе, слышала каждое ея слово. Поймавъ взглядъ Маріи, она улыбнулась и кивнула ей головой.

„Что это за люди?"—раздумывалъ про себя Томасъ, и все тяжелѣе становилось у него на душѣ.

Юзефа поднялась съ своего мѣста и стала надѣвать мѣховую шапочку.

— Не провòдите ли вы домой фрейлейнъ?—спросилъ механикъ, подходя къ Томасу.—Мнѣ хочется еще кое о чемъ поговорить съ Гебгардтомъ, и это меня задержитъ,—прибавилъ онъ въ видѣ поясненія.

Томасъ всталъ. Было не время задавать какіе бы то ни было вопросы, да онъ и не имѣлъ на нихъ права.

Шарлотта Ингольфъ тоже стала собираться домой.

Бехертъ нетерпѣливо посмотрѣлъ на часы, но Лиссауеръ упорно продолжалъ что-то говорить ему.

Когда Томасъ съ двумя дѣвушками вышелъ изъ кофейной, то съ Маріи Верфтъ соскочило все ея возбужденіе. Она точно сразу потухла, ея руки безсильно упали, а глаза съ отсутствующимъ выраженіемъ устремились куда-то вдаль.

IV.

Звонокъ квартиры въ четвертомъ этажѣ одного изъ домовъ Луизенштрассе приводился въ движеніе при помощи длинной заржавленной и согнутой проволоки. Внизу проволоки находилась бѣлая фарфоровая ручка, вся потрескавшаяся и съ отбитыми краями.

Передъ низкой входной дверью стояла дама подъ густой вуалью. Она робко взглянула на визитную карточку и прочла на ней: „Томасъ Трукъ, кандидатъ медицины".

На ней были бѣлыя лайковыя перчатки съ тонкими черными стрѣлками.

Дама была въ нерѣшимости.

Ручка звонка имѣла такой неопрятный видъ. Она осторожно протянула къ ней руку и робко позвонила. Нѣсколько минутъ она тревожно прислушивалась.

Никто не отворялъ.

Дама вторично дернула за ручку звонка.

Все было тихо по прежнему. Тогда она рѣшилась и, скрѣпя сердце, дернула за проволоку. Послышался жалкій, дребезжащій звукъ. За дверью раздались чьи-то торопливые шаги, и сѣдая, сгорбленная старуха съ видимымъ испугомъ пріотворила дверь.

— Господи Іисусе Христе!—воскликнула она при видѣ дамы и инстинктивнымъ движеніемъ вытерла грязнымъ и грубымъ фартукомъ свое круглое лицо.

— Могу я видѣть господина Томаса Трука?—спросила привѣтливо и немного робко дама.

Женщина смотрѣла на нее съ раскрытымъ отъ удивленія ртомъ.

Дама чувствовала себя не особенно пріятно.

— Конечно, можете, конечно,—проговорила, наконецъ, старуха.—Вотъ только я...

— Ахъ, нѣтъ, пожалуйста, ничего не говорите ему! Проводите меня до дверей его комнаты. Мнѣ хочется застать его врасплохъ.

— Какъ вамъ будетъ угодно!—согласилась старуха.

Они пошли по длинному и очень узкому корридору. Передъ дверью, въ самомъ концѣ его, старуха остановилась и, взглянувъ еще разъ на посѣтительницу испуганными глазами, безслѣдно исчезла.

Дама постучала въ дверь указательнымъ пальцемъ. Ей показалось, что кто-то подходилъ къ дверямъ. Она поблѣднѣла.

— Войдите!—раздался голосъ за дверью.

Она распахнула ее и остановилась, вся дрожа и не двигаясь дальше, на порогѣ комнаты.

Эта выкрашенная бѣлой краской комната была вся косая и перерѣзана толстыми балками, подпиравшими потолокъ. Желѣзная кровать, желѣзный умывальникъ, жалкій зеленый диванъ, четыреугольный столъ и выкрашенныя въ коричневый цвѣтъ

книжныя полки, составляли всю ея меблировку. Единственнымъ украшеніемъ комнаты былъ стоявшій въ углу старинный пультъ чернаго дерева. Она ослышалась. Томасъ Трукъ и не думалъ вставать съ своего мѣста. Онъ сидѣлъ за столомъ и писалъ. Онъ не повернулъ головы даже на стукъ отворившейся двери.

Была минута, когда ей вдругъ захотѣлось выскользнуть изъ комнаты, но затѣмъ она покачала головой и заперла за собой дверь, все еще стоявшую раскрытой. Звукъ захлопнувшейся двери заставилъ его, наконецъ, обернуться. Его лицо выразило недоумѣніе и испугъ. Ему показалось, что это сонъ, и онъ провелъ рукой по глазамъ.

— Это я,—проговорила дама.

Онъ неторопливо поднялся съ своего мѣста. Опираясь одной рукой на столъ и не произнося ни одного слова привѣтствія, онъ указалъ ей другой рукой на диванъ.

Она сѣла на ужасный диванъ, но сдѣлала это такъ, что едва прикоснулась къ нему. Она ждала, что онъ наконецъ заговоритъ, но онъ все еще молчалъ и только пристально смотрѣлъ на нее.

— Всѣ эти дни я васъ ждала, но вы не пришли,—вырвалось у нея, и ему послышались въ ея голосѣ слезы.

— Почему вы не пришли? Вѣдь вы знали, какъ я ждала васъ.

— Да, я это зналъ.

— Знали и все-таки не пришли?

— Я боялся.

— Меня боялись?

И онъ увидѣлъ, какъ при этомъ вопросѣ загорѣлись ея безжизненные глаза.

— Васъ боялся и всего вашего большого дома.

— А-а!—съ испугомъ вырвалось у нея, и она невольно въ первый разъ скользнула взглядомъ по убогой комнатѣ.

— Какъ много у васъ солнца и какъ здѣсь свѣтло!

— Да,—просто отвѣтилъ онъ.

— Вы должны придти къ намъ.—И вдругъ она подошла къ нему совсѣмъ близко.

Отъ нея пахло какими-то цвѣтами. Онъ опустилъ глаза и смотрѣлъ на ея бѣлыя перчатки. У него начинала кружиться голова.

— Вы хотите, чтобы я ушла?

— Да!

Она повернулась къ нему спиной и пошла къ дверямъ. Но

здѣсь она остановилась и еще разъ повернула къ нему блѣдное, почти прозрачное лицо. Она крѣпко стиснула руки, и онъ видѣлъ, какъ натянулись черныя стрѣлки на ея перчаткахъ.

— Вы гоните меня отъ своего порога?—Въ ея голосѣ прозвучала сдержанная жалоба.

Тогда онъ взялъ ее за руку и снова ввелъ въ комнату. Въ эту минуту онъ имѣлъ очень смущенный и безпомощный видъ.

— Что̀ съ вами?

— Я страдаю. Хорошо, я буду у васъ, — онъ остановился на мгновеніе,—но сжальтесь надо мною!

Въ эту минуту съ нею случилось что-то необъяснимое. Она вся точно сразу расцвѣла, и онъ ясно увидѣлъ, какъ яркій румянецъ вспыхнулъ и освѣжилъ ея обыкновенно мертвенно-блѣдное лицо. Ея глаза заблестѣли. Никогда не случалось ему видѣть ничего подобнаго. Его душа затрепетала. Она имѣла видъ побѣдительницы и смѣло смотрѣла ему прямо въ глаза слегка затуманеннымъ взглядомъ. Не сказавъ больше ни слова, она протянула ему на прощанье дрожащую руку, и онъ на мгновеніе задержалъ ее въ своей рукѣ.

Неподвижно, какъ бы въ оцѣпенѣніи, оставался онъ среди комнаты, пока совсѣмъ не затихли ея шаги.

Затѣмъ онъ снова принялся за работу. Ему хотѣлось записать мысли, пришедшія ему въ голову по поводу разсужденій о религіозномъ чувствѣ на послѣднемъ засѣданіи. Тогда онъ не рѣшился ихъ высказать, но въ этотъ же вечеръ для него стало ясно, что только одна вѣра способна возродить людей, и онъ чувствовалъ, что этой вѣрѣ, достигнутой послѣ жесточайшей борьбы, онъ будетъ въ состояніи отдать всего себя до послѣдней капли крови.

Но рука не повиновалась ему. Разложенные на столѣ листы бумаги точно подсмѣивались надъ нимъ. Уже написанныя страницы кололи ему глаза своими черными буквами. Эти буквы принимали чудовищные размѣры, въ нихъ было что-то язвительное и вмѣстѣ съ тѣмъ угрожающее.

Ему вдругъ припомнился слышанный въ дѣтствѣ разсказъ о „Бѣлой дамѣ". Тогда, подъ впечатлѣніемъ этого разсказа, онъ грезилъ о ней цѣлую ночь. Ужъ не эта ли „Бѣлая дама" изъ далекаго дѣтства привидѣлась ему и сегодня? Можетъ быть, она явилась, чтобы увлечь его за собою, и что-то въ самыхъ тайникахъ его души откликнулось на ея призывъ. Онъ понялъ, что его давно тянуло къ ней, хотя онъ и старался гнать, какъ

что-то грѣховное, даже самую мысль о ней. Но вся его борьба оказалась безсильной. Какъ неодолимая судьба пробралась она въ его бѣдную комнату, застигла его врасплохъ и побѣдила. Онъ не хотѣлъ идти избитыми дорогами,—онъ стремился проложить себѣ путь къ истинѣ. Онъ долженъ былъ уйти отъ всего темнаго и нечистаго, чтобы осуществить неясныя, таинственныя стремленія, пробудившіяся въ немъ еще въ дни далекаго дѣтства. Ему удалось отыскать подходящій для него кружокъ людей, жившихъ, какъ и онъ, стремленіемъ къ высокому идеалу, но появилась „Бѣлая дама", и бѣлое тяжелое облако вмѣстѣ съ сѣрымъ непроницаемымъ туманомъ окутало его волю и умъ.

Въ концѣ концовъ, онъ долженъ былъ себѣ признаться, что не забывалъ ее ни на одну минуту съ того самаго дня, какъ въ первый разъ увидѣлъ ее. Его повсюду преслѣдовали ея глаза, напоминавшіе потухшія звѣзды и только порой зажигавшіеся вспышками внутренней жизни. Ни сіявшіе вѣрой и кротостью глаза Маріи Верфтъ, ни мрачные, горящіе глаза Юзефы Гервингъ, ни смѣющійся взглядъ Шарлотты Ингольфъ, не могли отогнать неотвязнаго призрака. Передъ „Бѣлой дамой" все оставалось безсильнымъ. Опять кто-то постучался въ дверь.

Вошла старуха-хозяйка и подала ему письмо. Она немного замѣшкалась въ комнатѣ, какъ будто выжидая приказаній, и, не дождавшись ни слова отъ своего жильца, тяжело ступая, поплелась изъ комнаты.

— А, отъ Беттины! — Онъ поспѣшно вскрылъ конвертъ и сталъ разбирать характерное царапанье:

„Дорогой Томъ!

„Что̀ я тебѣ такого сдѣлала, что ты мнѣ не отвѣчаешь? Я лежу больная, а на дворѣ такъ холодно, такъ неуютно. Когда у моихъ дверей слышатся шаги, я думаю каждый разъ, что это письмо отъ Тома. Ахъ, Томъ, зачѣмъ ты такъ поступаешь со мной? Вѣдь просто ужасно сознавать себя до такой степени одинокой! У меня нѣтъ человѣка, съ которымъ я могла бы сказать слово. Хозяйка приноситъ мнѣ ѣсть и разъ въ день приходитъ докторъ. Вотъ ихъ только я и вижу. Я не встаю съ постели цѣлыхъ четырнадцать дней. Единственное, что̀ у меня осталось, это моя скрипка. Она лежитъ рядомъ со мною. Я глажу ее рукой и думаю о тебѣ, Томъ, и о нашемъ садѣ. Докторъ говоритъ, что у меня переутомленіе, но это глупости. Мнѣ необходимо играть съ утра до ночи. Вѣдь я подвинулась такъ мало и не могу добиться того, чего хочу. Ужъ не разсердился ли ты на меня окончательно, Томъ? Ты пишешь такъ рѣдко, и такимъ холо-

домъ вѣетъ отъ твоихъ писемъ. Я замерзаю, читая ихъ. Покойной ночи, Томъ,—я такъ устала и у меня такъ болитъ голова. Не забывай совсѣмъ Беттины и какъ-нибудь напиши ей".

Онъ дочиталъ письмо, и передъ нимъ ожило дѣтство со всей его тоской, неудовлетворенностью и безсознательной жаждой всего истинно высокаго и прекраснаго. Но вдругъ передъ нимъ опять встала „Бѣлая дама", въ ушахъ раздался ласковый, соблазнительный голосъ и снова глянули на него ея загадочные глаза.

И, несмотря на всю душевную муку, онъ все-таки улыбнулся ей.

V.

Онъ получилъ приглашеніе на „Thé dansant" на Лихтенштейнской улицѣ.

Онъ долго не могъ рѣшить, что̀ ему дѣлать, но страстное желаніе видѣть ее пересилило въ немъ всѣ колебанія. Кромѣ того, онъ вспомнилъ, что далъ ей слово придти.

Онъ надѣлъ свой длинный коричневый охотничій сюртукъ, застегнутый до верху. Узкой полоской выдѣлялся только крахмаленный воротникъ рубашки. Возбужденный и исполненный самыхъ радостныхъ ожиданій сошелъ онъ съ лѣстницы, забывъ все на свѣтѣ и съ единственной мыслью, что скоро опять ее увидитъ.

Ему было двадцать-три года, но онъ оставался еще дѣвственнымъ и цѣломудреннымъ. Внутреннее чувство гордости и благородства заставляло его смотрѣть на себя какъ на сокровище, котораго онъ не смѣлъ осквернить. Съ того дня, когда онъ, сидя съ Беттиной среди сгущавшихся сумерекъ, впервые смутно и съ мистическимъ страхомъ почувствовалъ, что существуетъ два пола, страстно и жадно стремящіеся одинъ къ другому,—съ того рокового дня ему пришлось пережить не мало бурныхъ часовъ. Его молодая кровь кипѣла и возмущалась противъ него, и въ безсонныя ночи мучительно ощущалъ онъ дикую власть плоти. Но каждый разъ на него нападалъ стыдъ и сильное желаніе овладѣть собою и побѣдить темныя стремленія. Рыдая безъ слезъ, зарывался онъ въ подушку и боролся съ собою, стиснувъ зубы и закрывъ глаза.

Потомъ явилась работа и ученье, стремленье къ внутренней свободѣ и печаль за другихъ. Онѣ овладѣли его душой и усмирили его страстные порывы.

Все это онъ вспомнилъ и снова мысленно пережилъ, пока

повертывалъ на Доротеенштрассе и садился въ желтый вагонъ конки, которая должна была его доставить на улицу Лихтенштейнъ. Онъ усѣлся и вынулъ изъ кармана маленькую зеленую книжку: „Стихи Анжелюса Силезіуса“.

Онъ прочелъ слѣдующее:

—Я былъ тѣмъ, чѣмъ я былъ,
И въ то же обратился,
И вѣчно буду жить,
Разъ я на свѣтъ родился.

Желанья всѣ въ душѣ
Заложены отъ вѣка,
Лишь можетъ укрѣплять
Ихъ воля человѣка.

Богъ всѣхъ существъ сильнѣй,
Но запретить не властенъ
Желать—чего хочу,
Любить—къ чему пристрастенъ.

Подобенъ колесу ты,
Но никто тобою
Не правитъ,—самъ летишь,
Не вѣдая покою.

И впредь ты будешь тѣмъ,
Что̀ любишь всей душою:
Иль свѣтлымъ божествомъ,
Иль темною землею.

Случайное пройдетъ
И ложный блескъ затмится
Къ существенному весь
Ты долженъ устремиться.

Въ себѣ ты развивай,
Что̀ важно въ человѣкѣ:
Міръ сгинетъ, сущность лишь
Останется на вѣки.

—Иль свѣтлымъ божествомъ
Иль темною землею,—

— повторилъ онъ. Былъ ли этотъ мудрецъ давно прошедшихъ временъ шутомъ, искажавшимъ и коверкавшимъ слова и мысли, какъ клоунъ въ циркѣ, дѣлающій фокусы съ разнообразнѣйшими вещами и собирающій ихъ въ одно цѣлое? Каждая строфа его стиховъ противорѣчила другой. Человѣкъ связанъ и скованъ,

твердо и непреложно, а надъ нимъ—могучая божественная власть. Но Богъ ничего не можетъ сдѣлать противъ его воли и стремленій, и самъ человѣкъ, связанный и какъ бы лишенный свободы, долженъ стремиться къ сущности всего. Были это фокусы ловкаго, хитраго клоуна, или въ этихъ-то противорѣчіяхъ и заключалось удивительное единство? Онъ захлопнулъ книжку и сунулъ ее въ карманъ плаща. Онъ чувствовалъ тяжесть въ душѣ, и опять вспомнилась ему его прошлая жизнь.—Тамара!—прошепталъ онъ.—Быть можетъ, она была единственная, безсознательно достигшая главнаго, настоящаго, сущности. Можетъ быть, и все великое безсознательно и не можетъ быть достигнуто трудомъ и упорными стараніями?

Конка повернула на улицу Лихтенштейнъ. Онъ быстро всталъ и спрыгнулъ съ площадки. Еще нѣсколько шаговъ, и онъ стоялъ передъ домомъ Берговъ.

Экипажи одинъ за другимъ подъѣзжали къ крыльцу. Всѣ окна дома были ярко освѣщены. Въ глубинѣ улицы темнѣлъ Тиргартенъ своими обнаженными деревьями, а надъ деревьями мерцало звѣздное небо.

Выпрямившись и поднявъ голову, вошелъ онъ на крыльцо. Изъ дверей до него доносились голоса пріѣхавшихъ передъ нимъ гостей. Онъ подождалъ съ минуту и позвонилъ. Ему отворилъ лакей въ праздничной ливреѣ и взглянулъ на него съ удивленіемъ, но, повидимому, скоро узналъ его. Онъ не сказалъ ни слова, и его гладко выбритое лицо замерло, выражая равнодушную неподвижность. Онъ помогъ Томасу раздѣться, и тутъ снова ему пришлось утратить свое спокойствіе. Онъ значительно кашлянулъ, оглядывая удивительный костюмъ новаго гостя. Но самъ гость еще не вполнѣ пришелъ въ себя послѣ тяжелыхъ размышленій, и ничего не замѣтилъ. Онъ отбросилъ волосы со лба, лакей растворилъ дверь, и черезъ мгновеніе онъ очутился въ яркомъ освѣщеніи, совсѣмъ ослѣпившемъ его.

Среди этого блеска онъ увидалъ только толпу людей, черные фраки и бѣлый шолкъ, перемѣшанные съ яркими и пестрыми костюмами. Неподвижно остановился онъ въ дверяхъ, и вдругъ замѣтилъ, или это ему показалось, что въ толпѣ стали переговариваться, шептаться, и всѣ взоры обратились на него. А онъ продолжалъ стоять въ дверяхъ и не двигался. Тогда она отдѣлилась отъ незнакомой толпы и пошла къ нему. Она была вся въ черномъ. Только шея и верхняя часть груди были обнажены и выдѣлялись, сверкая бѣлизной, надъ темной шолковой мате-

ріей. Въ черные, какъ ночь, волосы были вплетены пышныя желтыя розы.

Она подала ему руку и сказала:

— Благодарю васъ, что вы пришли.

И ему показалось, что въ этой чуждой, блестящей комнатѣ, за минуту еще такой холодной и неуютной, ему вдругъ даровано было величайшее счастье. Все вокругъ него засіяло настоящимъ праздничнымъ свѣтомъ.

Лакеи въ бальныхъ башмакахъ и гамашахъ разносили на серебряныхъ подносахъ коньякъ и горячій чай. Со всѣхъ сторонъ до него доносились веселые голоса, утонченный смѣхъ и любезныя фразы. У дамъ были какъ-то особенно взбиты и завиты волосы, и со всѣхъ сторонъ ему въ глаза сверкали драгоцѣнные камни. Платья были съ большими вырѣзами, и дамы, казалось, гордились своими красивыми формами.

И снова всѣ глядѣли на него съ удивленіемъ. А онъ между тѣмъ увѣренно шелъ рядомъ съ нею. Смущеніе и неловкость его исчезли; онъ держалъ голову высоко и смотрѣлъ на всѣхъ прямо и серьезно.

Много, много лѣтъ спустя, онъ съ удовольствіемъ вспоминалъ о томъ, какъ держалъ себя въ этотъ вечеръ.

Маленькій плотный господинъ, съ выдающимся брюшкомъ, сильно облысѣвшей головою и густыми, черными какъ смоль усами подъ большимъ, горбатымъ носомъ, направился къ нему. Въ правой рукѣ онъ держалъ pince-nez въ золотой оправѣ и помахивалъ имъ не переставая, какъ дирижерской палочкой. Она представила его Томасу какъ своего мужа.

Маленькій господинъ прищурилъ глазки, протянулъ ему свою мясистую руку и привѣтствовалъ его съ изысканной любезностью. Онъ говорилъ въ носъ, и въ каждомъ его движеніи было что-то начальственное и покровительственное. Онъ все говорилъ о томъ, какъ онъ обязанъ Томасу, и что онъ у него въ долгу. Томасъ смущенно пожималъ плечами,—онъ просто ничего не понималъ.

Къ нимъ подошла худая, довольно высокая дама, съ черезчуръ тонкой таліей и черезчуръ напудреннымъ лицомъ. Хозяинъ дома представилъ ее какъ свою мать.

Въ ушахъ Томаса звучало одно имя за другимъ, и каждую минуту ему приходилось вѣжливо раскланиваться. Тутъ были собраны всѣ: и коммерціи совѣтники, и доктора, и адвокаты, и художники, и писатели.

Случайно онъ услыхалъ, какъ сзади него какая-то барышня сказала ухаживавшему за нею кавалеру:

— Взгляните на этого апостола, какъ онъ оригиналенъ! У Берговъ всегда бываетъ что-нибудь особенное.

— Глядя на васъ, я охотно готовъ этому вѣрить,—отвѣтилъ кавалеръ.

Удивительно, что все это не сердило Томаса. Онъ видѣлъ ее одну и ликовалъ. Каждый разъ, какъ только ей удавалось улучить свободную минуту, она спѣшила къ нему и ни на кого не смотрѣла такъ, какъ на него. Какое ему было дѣло, что всѣ эти люди вокругъ о чемъ-то перешептывались!

Отправились къ столу. Въ то время, какъ усаживались, откуда-то изъ глубины раздалась музыка. Платья шуршали, до него доносился возбуждающій тихій смѣхъ. Она взяла его подъ руку и сказала, что онъ будетъ ея кавалеромъ за столомъ.

— Моимъ кавалеромъ на сегодняшній вечеръ,—прибавила она съ такою радостью въ голосѣ, что совершенно очаровала его. Онъ чувствовалъ, какъ она прижалась къ нему. Она не боялась признавать его открыто передъ всѣми.

Со всѣхъ сторонъ и концовъ стола всѣ удивленно глядѣли на эту пару. Но потомъ одни стали передавать другимъ, что онъ спасъ хозяйку дома и ея сына, и эта новость обошла всѣхъ гостей. Только Томасъ не слышалъ этихъ глупостей. Онъ не былъ въ состояніи что-либо наблюдать. Онъ сидѣлъ и слушалъ только ее одну. Они глубоко смотрѣли въ глаза другъ другу, понимая все безъ словъ. Окружающее перестало для нихъ существовать.

— Пейте же!—сказала она ему тихо.

— Я опьяненъ и безъ того: я смотрю на васъ,—отвѣтилъ онъ.

Стали подавать „hors d'oeuvre". Блюдо было уставлено всѣми рѣдкостями, доставляемыми моремъ. Передъ нимъ блеснула сѣрая зернистая икра и красные омары.

— Скушайте чего-нибудь!—попросила она.

— Я не могу, я гляжу на васъ.

Она опустила глаза.

Дамы смѣялись серебристымъ смѣхомъ; мужчины въ бѣлыхъ вышитыхъ пластронахъ разсказывали интересныя вещи и наливали дамамъ вино. На столѣ появлялись все новыя вина, и лакеи вносили все новыя и новыя утонченныя кушанья.

— У Берговъ всегда все великолѣпно,—проговорилъ господинъ, сидѣвшій противъ Томаса.

— Самъ Бергъ настоящій художникъ въ жизни. Другого такого обѣда во всемъ Берлинѣ вы не найдете,—не найдете,

увѣряю васъ. Надо вамъ сказать, что я бываю во всѣхъ извѣстныхъ домахъ.

Онъ говорилъ настолько громко, чтобы хозяйка дома могла его слышать. Томасъ внимательнѣе посмотрѣлъ на него. Видно было, съ какимъ глубокимъ удовольствіемъ онъ смаковалъ вино и какое утонченное наслажденіе доставляло ему каждое кушанье.

— Кто это?—спросилъ Томасъ.

Она назвала ему имя художника, вращавшагося въ высшемъ обществѣ Берлина и, благодаря своимъ свѣтскимъ качествамъ, продававшаго очень дорого свои картины, въ сущности не имѣвшія никакой цѣнности. Томасу вспомнился Брозе, жившій съ своей женою самымъ скуднымъ образомъ въ сѣверной части города и зарабатывавшій себѣ пропитаніе живописью по фарфору. Онъ терпѣлъ всѣ лишенія, чтобы имѣть возможность разрѣшить свою художественную задачу: ему хотѣлось написать плоскій бѣдный кусокъ земли, тамъ, гдѣ она рѣзко примыкаетъ къ послѣднимъ строеніямъ большого города и гдѣ кажется, что небо соприкасается съ землею. Онъ называлъ свою будущую картину неразрѣшенной задачею горизонтальной линіи. Какъ почувствовали бы и какъ стали бы вести себя оба Брозе среди этого общества? Но черезъ минуту онъ уже забылъ о нихъ.

— Сколько еще времени осталось вамъ учиться?—вдругъ спросила она его.

— Черезъ годъ я буду врачомъ.

— Ахъ, какъ хорошо! Сколько же вамъ лѣтъ?

— Двадцать-три года.

— Значитъ, вы кончите курсъ необыкновенно рано!

— Нѣтъ, это довольно частый случай.

И, уклоняясь отъ этого разговора, онъ прибавилъ:

— Могу я узнать, какъ васъ зовутъ?

— Регина.

Онъ хотѣлъ что-то сказать, но она прервала его:

— Пожалуйста, не говорите больше со мною. Тамъ, на нижнемъ концѣ стола, сидятъ двѣ отвратительныя дамы и наблюдаютъ за нами. Вы не можете себѣ представить,—прибавила она съ горечью,—сколько ничтожества вокругъ насъ!

Начали вставать изъ-за стола. Всѣ отправились въ концертный залъ, гдѣ извѣстный віолончелистъ проигралъ нѣсколько пьесъ.

— Его шутки мнѣ больше по вкусу!— прошепталъ какой-то адвокатъ на ухо своему сосѣду.

Стала пѣть какая-то дама и при этомъ дѣлала всѣмъ ли-

цомъ ужасныя гримасы. Потомъ вышелъ какой-то господинъ. Гости шопотомъ сообщали другъ другу, что это теноръ—изъ королевской оперы.

— Какъ вы думаете, сколько стоитъ этотъ концертъ?—спросилъ кто-то у Томаса.

Онъ только смущенно пожалъ плечами.

— Ну, такъ я вамъ могу это сказать. Віолончелистъ получаетъ пятьсотъ марокъ. То-есть, Бергъ даетъ ему пятьсотъ марокъ, а онъ согласился бы и на двѣсти-пятьдесятъ. Но Бергъ любитъ широко платить. Я васъ увѣряю, что одинъ этотъ концертъ обойдется въ нѣсколько тысячъ марокъ. Если вамъ здѣсь повезетъ, то вы можете сдѣлать блестящую карьеру. Бергъ уже многихъ...

Томасъ такъ посмотрѣлъ на него, что онъ не рѣшился договорить.

Послѣ каждаго сыграннаго или спѣтаго нумера гости громко апплодировали, а хозяева говорили артистамъ пріятныя фразы. Теноръ обмахивалъ себѣ лицо шолковымъ платкомъ. Его окружала толпа молодыхъ и старыхъ дамъ.

Бергъ подошелъ къ Томасу и похлопалъ его по плечу.

— Вы только посмотрите на этого тенора, мой юный другъ. Вѣдь женщины положительно сходятъ съ ума по немъ. А онъ, бездѣльникъ, глупъ... глупъ...—онъ ударилъ себя рукой по лбу и сталъ помахивать pince-nez. — Но для нихъ это ничего не значитъ, ровно ничего не значитъ.

Онъ взялъ Томаса подъ-руку и утащилъ его въ сосѣднюю курильную комнату. Тамъ были разложены сигары, завернутыя въ оловянную бумагу, по десяти штукъ въ каждой пачкѣ.

— Курите съ пониманіемъ, — шепнулъ ему чичероне дома Берговъ:—каждая сигара стоитъ двѣ марки.

Томасъ поблагодарилъ, отказался и медленно вернулся въ сосѣднюю комнату, чтобы увидать ее, но не могъ ее найти. Онъ остановился въ углу, разсѣянно смотря передъ собою. Ему вдругъ стало безконечно грустно. Холодъ охватилъ его, а сердце болѣзненно и мучительно сжалось.

Вдругъ отъ небольшой кучки мужчинъ и дамъ отдѣлился еще довольно молодой господинъ, съ надутымъ лягушечьимъ лицомъ, жидкими волосами и плѣшью, напоминавшей тонзуру. Онъ развязно помахивалъ руками, и во всѣхъ его движеніяхъ чувствовалась нахальная самоувѣренность.

— Позвольте мнѣ вамъ представиться,—проговорилъ онъ, подходя къ Томасу:—адвокатъ Корнфельдъ.

Томасъ назвалъ себя и замолчалъ.

— Удивительное здѣсь общество, не правда ли? — началъ подошедшій. — Вы здѣсь, повидимому, еще новичокъ, — продолжалъ онъ, не дожидаясь отвѣта. — Я сейчасъ же вижу это на васъ. Но, знаете, здѣсь можно дѣлать интересныя наблюденія, изучать, и я думаю, — прибавилъ онъ, кокетливо улыбаясь, — что вы именно занимаетесь изученіемъ, мой юный другъ. У васъ есть что-то такое во взглядѣ. Впрочемъ, кто же и не изучаетъ! Одинъ всегда наблюдаетъ другого. Еслибы у меня было свободное время, то я непремѣнно написалъ бы комментаріи ко всему этому. И я могу васъ увѣрить, что чѣмъ выше поднимаешься по общественной лѣстницѣ, тѣмъ хуже.

Этимъ замѣчаніемъ онъ закончилъ свою рѣчь и посмотрѣлъ на Томаса вопросительнымъ взглядомъ, какъ будто желая вызвать возраженіе съ его стороны.

Но Томасъ молчалъ.

— Знаете ли, — началъ опять, не смущаясь, адвокатъ: — бьюсь объ закладъ, что вы — фанатикъ. Я — физіономистъ. Вы — соціалистъ, марксистъ, марксистъ-фанатикъ... Вы...

— Все это вы прочли на моемъ лицѣ?

— Да, потому что ваше лицо не обманываетъ. У васъ лицо мученика! — проговорилъ онъ, дѣлая удареніе на послѣднемъ словѣ.

Томасъ замѣтилъ, что кучка людей, отъ которой отдѣлился адвокатъ, внимательно наблюдала за ними. На языкѣ у него вертѣлось рѣзкое слово, онъ хотѣлъ отпарировать имъ неожиданное нападеніе неизвѣстнаго ему человѣка, но послѣдній предупредилъ его.

— Знаете ли, — снова заговорилъ онъ: — въ этомъ я вполнѣ сочувствую членамъ вашей партіи, — съ либерализмомъ покончено. Я совершенно не соціалистъ, но подаю голосъ за соціаль-демократовъ. Это — единственная партія, оказывающая энергическое сопротивленіе правительству. Этихъ молодцовъ съ мѣста не сдвинешь!

— Зачѣмъ вы мнѣ все это разсказываете? — проговорилъ Томасъ, съ трудомъ сдерживая внутреннее раздраженіе. — Зачѣмъ вы мнѣ навязываете какихъ-то членовъ какой-то моей партіи? Вы ошибаетесь: я — не соціаль-демократъ, успокойтесь пожалуйста.

— Чортъ возьми! вотъ чему бы я никогда не повѣрилъ! — произнесъ адвокатъ. — Впрочемъ, — прибавилъ онъ, — вы можете

не стѣсняться въ этомъ домѣ. Здѣсь, въ этомъ отношеніи, очень свободно.

Гнѣвная складка появилась на лбу Томаса.

— Я нигдѣ не стѣсняюсь, и если признаю что-нибудь, то признаю открыто, несмотря ни на что.

Теперь мужчины и дамы совсѣмъ подошли къ нимъ и образовали вокругъ нихъ живую цѣпь.

— Если это можетъ удовлетворить вашу любознательность, —продолжалъ Томасъ, — то я могу вамъ сообщить, почему я не соціаль-демократъ: выводы этой партіи для меня неясны, потому что я одинаково презираю и массовую, и единичную власть, и не вѣрю въ послѣднія рѣшенія и приговоры соціализма.

Корнфельдъ сдѣлалъ испуганное лицо.

— Такъ вы, значитъ, еретикъ,—проговорилъ онъ какъ-то смущенно и уныло.

Какой-то господинъ разсмѣялся.

— Ну, и попались же вы, милѣйшій адвокатъ!

Дамы слушали съ большимъ интересомъ.

— Ахъ, какъ жаль! Въ немъ есть что-то напоминающее Фердинанда Лассаля,—проговорила одна изъ нихъ.

— Во всякомъ случаѣ, это малый съ головой, — замѣтилъ кто-то.—Съ умомъ человѣкъ, это несомнѣнно!

Между тѣмъ, Корнфельдъ оправился.

— Позвольте, однако,—заговорилъ онъ снова:—не станете же вы меня увѣрять, что вы—противникъ соціализма и принадлежите къ партіямъ, поддерживающимъ правительство?

— Я никого ни въ чемъ не увѣряю. Я, прежде всего, не принадлежу ни къ какой партіи. Я ищу свой путь и смутно предчувствую его. Но этотъ путь такъ далекъ отъ вашихъ мыслей и взглядовъ!

— Гм! это очень интересно. Въ самомъ дѣлѣ, очень интересно. Куда же ведетъ этотъ вашъ путь, если позволите спросить?

Томасъ смущенно оглядѣлся кругомъ. Что нужно было отъ него всѣмъ этимъ чужимъ людямъ, и гдѣ была она,—она, подвергавшая его такой пыткѣ?

Онъ выпрямился, поблѣднѣлъ, крылья носа его вздрагивали, а по серединѣ лба образовалась глубокая складка.

— Мой путь ведетъ,—проговорилъ онъ не совсѣмъ яснымъ голосомъ,—къ Анжелюсу Силезіусу, въ „Ночникъ“.

Всѣ глядѣли на него съ изумленіемъ.

— Кто это Анжелюсъ Силезіусъ? Утопистъ какой-нибудь, преобразователь общества?

— Нѣтъ, господинъ адвокатъ,—проговорилъ Томасъ, овладѣвая собою.—Это—человѣкъ, думавшій больше о душѣ. Только о душѣ, хотя,—продолжалъ онъ медленно и раздумчиво,—онъ занимался и тѣломъ, такъ какъ, если это вамъ интересно знать, онъ былъ лейбъ-медикомъ герцога Сильвіуса Нимрода фонъ-Эльсъ.

— Ахъ, вотъ что̀! Значитъ, онъ умеръ? Вы ужъ намъ стали, пожалуй, разсказывать о покойникахъ!

Послышалось легкое хихиканье.

— Анжелюсъ Силезіусъ живъ, и, въ сравненіи съ этимъ живымъ человѣкомъ, вы мнѣ представляетесь трупомъ. Привести мнѣ вамъ его слова?

Онъ вдругъ забылъ, гдѣ находился и кто были окружавшіе его люди. Онъ весь точно выросъ.

Между тѣмъ, изъ разныхъ комнатъ начали сходиться гости; они мелькали, какъ тѣни, передъ его глазами. Ему казалось, что онъ стоитъ на каѳедрѣ, а тѣни превратились въ общество людей, благоговѣйно ищущихъ и жаждущихъ спастись.

Они какъ будто ждали отъ него слова утѣшенія.

— Случайное пройдетъ
И ложный блескъ затмится —
Къ существенному весь
Ты долженъ устремиться.

Въ себѣ ты развивай,
Что̀ важно въ человѣкѣ:
Міръ сгинетъ, сущность лишь
Останется на вѣки!

—воскликнулъ онъ дрожащимъ голосомъ.

— Это, несомнѣнно, патологическій типъ,—тихо проговорилъ какой-то молодой докторъ, наклонясь къ уху хозяйки дома.

— Но что̀ же общаго у лейбъ-медика герцога съ „Ночникомъ"?—спросилъ Корнфельдъ, стараясь какъ можно забавнѣе окончить предпринятую имъ шутку и самому, безъ чьего-либо вмѣшательства, довести ее до конца.

Безпомощное выраженіе появилось въ лицѣ Томаса Трука.

— „Ночникъ"—это общество нравственно загнанныхъ, измученныхъ людей, слѣдующихъ по стопамъ Анжелюса Силезіуса. Это люди, старающіеся понять и найти сущность всего существующаго.

Смѣхъ и хихиканье стихли, и наступило мучительное молчаніе.

Томасъ хотѣлъ еще что-то сказать, но не могъ выговорить ни слова. Въ глазахъ у него зарябило, замелькали какія-то искры и голова закружилась. На мгновеніе онъ опустилъ вѣки и беззвучно прошепталъ какъ бы про себя:

— Помоги мнѣ... помоги мнѣ!..

Адвокатъ первый прервалъ молчаніе.

— Теперь я знаю,—проговорилъ онъ умышленно строго и торжественно: — вы—революціонеръ, хотя вы и скрыли отъ насъ тщательно ваши тайныя мысли. Если съ вами что-нибудь когда-нибудь случится, то прошу васъ обратиться ко мнѣ. Такимъ процессомъ я могу прославиться. Не забудьте же меня!

Эти слова вернули Томасу Труку внѣшнее самообладаніе. Онъ посмотрѣлъ на адвоката долгимъ, пронизывающимъ взглядомъ, сдѣлалъ общій поклонъ, сжалъ на мгновенье руку сильно поблѣднѣвшей хозяйки дома и вышелъ изъ залы, не торопясь и не опуская головы.

Черезъ нѣсколько времени, самъ не зная какъ, очутился онъ въ темнотѣ Тиргартена, оставивъ за собою весь блескъ и свѣтъ, и шелъ мимо обнаженныхъ деревьевъ, отбрасывавшихъ при свѣтѣ луны спутанныя, переплетавшіяся тѣни. То, что онъ оставилъ за собою, представлялось ему удивительнымъ и дикимъ. Но въ области сердца онъ чувствовалъ острую, грызущую боль.

VI.

Въ бѣдномъ восточномъ кварталѣ Берлина жилъ на чердакѣ механикъ Фрюндель. Комната его была похожа на узкую, глухую дыру. Большой деревянный ящикъ, стоявшій по срединѣ комнаты и замѣнявшій столъ, желѣзная кровать, два стула и полка съ книгами—составляли всю ея меблировку. Ящикъ исполнялъ очень много назначеній: на немъ механикъ умывался, на немъ же обѣдалъ и на него же ставилъ лампу, когда, по вечерамъ, сидѣлъ, согнувшись, надъ своими книгами. Онъ былъ необыкновенно прилежный, работящій человѣкъ и зарабатывалъ, какъ говорили, большія деньги, такъ что могъ бы устроиться гораздо уютнѣе; но всякій сбереженный грошъ онъ тащилъ въ книжныя лавки. Онъ былъ одержимъ страстью къ книгамъ.

Былъ девятый часъ, когда дверь его комнаты отворилась и вошла Юзефа Гервингъ.

Сказавъ мимоходомъ: „здравствуй“, она тотчасъ же начала хозяйничать возлѣ ящика. Вытащила изъ него спиртовую ка-

стрюлю, двѣ чашки съ чайными ложечками, чайникъ, двѣ тарелки съ ножами и вилками, чай, масло и хлѣбъ. Послѣ этого стало ясно, что ящикъ служилъ также провизіоннымъ шкафомъ и плитою, и съ этой цѣлью къ его крышкѣ былъ прикрѣпленъ желѣзный листъ.

Механикъ молча снялъ съ ящика книги, зажегъ свѣчу, поставилъ ее на стулъ, а стулъ пододвинулъ къ кровати. Усѣвшись на нее, онъ продолжалъ читать безостановочно и съ напряженнымъ выраженіемъ лица, въ то время какъ Юзефа накрывала ящикъ маленькой бѣлой скатертью, кипятила воду для чая, намазывала хлѣбъ масломъ и раскладывала кусочки колбасы, принесенной ею въ маленькомъ пакетѣ. Отъ времени до времени она тяжело вздыхала и взглядывала на Фрюнделя съ любовью и раздраженіемъ; но онъ ни разу не поднялъ головы и, казалось, совершенно не замѣчалъ ея взглядовъ. Она налила дымящійся чай въ чашки и тихонько окликнула его:

— Франкъ!

Онъ дочиталъ фразу до конца и положилъ раскрытую книгу на кровать. Медленно прихлебывая чай, онъ въ мысляхъ унесся, повидимому, очень далеко, потому что все время глядѣлъ только внизъ передъ собою.

— Франкъ, что съ тобою?

— Ничего!

Она встала и подошла къ нему.

— Ты хочешь отъ меня избавиться. Я тебѣ надоѣла, я это чувствую.

Онъ слегка пожалъ плечами.

— Не мучь меня, пожалуйста! Что я долженъ тебѣ отвѣтить на такія слова?

— Конечно, тебѣ нечего отвѣчать,—возразила она съ раздраженіемъ.—Нечего отвѣчать, и поэтому...

Онъ коротко разсмѣялся.

— Ты настоящая женщина—волосъ дологъ, умъ коротокъ.

— Мнѣ и не нужно ума. Я ненавижу этотъ умъ. Я ненавижу эти книги, — проговорила она неистово и бросила презрительный взглядъ на полку съ нагроможденными на нее книгами.

Онъ не сталъ входить въ объясненія.

— Дай мнѣ хоть чаю спокойно напиться. И чего собственно тебѣ отъ меня нужно?

— Тебя!—воскликнула она, задыхаясь.—Тебя мнѣ нужно.

Она вдругъ распустила свои длинные волосы.

— Я обовью тебя моими волосами и удержу тебя. Я тебя не отпущу. Слышишь? Я не отпущу тебя. А всѣ эти проклятыя книги я сожгу.

— Ты совсѣмъ ребенокъ и только портишь наши отношенія, —произнесъ онъ задумчиво и твердо.

Она слушала его недовѣрчиво.

— Я? я?—спросила она удивленно и посмотрѣла на него съ недоумѣніемъ.

— Да, ты, ты одна! Я вѣдь не для того только существую, чтобы виснуть на твоемъ фартукѣ. У меня есть другое дѣло, котораго ты не понимаешь и никогда не поймешь. Я не хочу, чтобы ты меня караулила и бѣгала за мною по пятамъ.

И вдругъ, разсердившись, онъ закричалъ:

— Вѣдь ты не собака, чтобы всюду ползать за мною!

— Ты ошибаешься, — возразила она: — я собака, именно собака.

Они взглянули другъ на друга съ искаженными отъ злобы лицами. Онъ сильно поблѣднѣлъ.

— Развѣ ты не видишь, что мнѣ нужна свобода? Она мнѣ нужна, какъ воздухъ. Развѣ ты не видишь, какъ я мучусь? Я мучусь...

Онъ засмѣялся оскорбительнымъ, безобразнымъ смѣхомъ, способнымъ перевернуть всю душу въ человѣкѣ.

— Ты кончилъ?

— Кончилъ.

— Теперь мой чередъ, — и, не дожидаясь его отвѣта, она продолжала:—Помнишь, что̀ ты мнѣ когда-то говорилъ? что̀ обѣщалъ? Помнишь, какъ старался привлечь, несмотря на мое сопротивленіе? Я сопротивлялась,—продолжала она съ возростающимъ возбужденіемъ:—и знала, смутно чувствовала, почему сопротивляюсь: я понимала тебя. А ты... помнишь, какъ ты меня силой взялъ и овладѣлъ мною, и какъ я подчинилась тебѣ въ безсильной злобѣ? Помнишь, какъ первое время я ненавидѣла тебя? Я видѣла, что ты меня скоро бросишь, бросишь, какъ выжатый лимонъ... и вотъ теперь этотъ часъ насталъ, не отрицай этого!

И вдругъ, вся отдавшись воспоминаніямъ, она заговорила, какъ бы про себя:

— Чего онъ только тогда не говорилъ мнѣ! Какъ ласкалъ и баловалъ, когда я бывала разсержена или огорчена!.. И теперь все это прошло, кончено!..

Она судорожно зарыдала и вдругъ топнула ногой.

— Скажи мнѣ, что же, ты хочешь нарушить свое слово? Скажи, скажи мнѣ!

Она остановилась передъ нимъ, вся изогнувшись и подавшись впередъ, какъ кошка, собирающаяся прыгнуть. Но это не помѣшало ему отвѣтить небрежно:

— Бываютъ слова, которыя слѣдуетъ нарушать. Я говорю это не по отношенію къ тебѣ, но все-таки это такъ: исполненіе слова можетъ быть бо̀льшимъ клятвопреступленіемъ, чѣмъ нарушеніе его.

Она задрожала.

— Не отталкивай меня!—простонала она.—Я не могу жить безъ тебя, ты это знаешь.

Что-то дрогнуло въ его лицѣ. Она видѣла, что онъ былъ доволенъ собою, и не двигалась, а только ждала его отвѣта. Онъ посадилъ ее снова на стулъ, и она безвольно повиновалась. Въ самомъ дѣлѣ она была похожа на покорную собаку, а онъ былъ ея хозяинъ. Онъ перебиралъ ея волосы, пропуская ихъ сквозь пальцы, и все говорилъ ей о своей свободѣ и о томъ, что̀ его мучило и тяготило.

— Что̀ мнѣ дѣлать, если у меня въ головѣ, когда я возвращаюсь съ работы, такъ и снуютъ мысли, такъ и давятъ меня? Вѣдь почему-нибудь я не иду въ трактиръ и не ложусь отдыхать. Во мнѣ все что-то работаетъ и не даетъ мнѣ покоя.

Она слушала его благоговѣйно, какъ послушное дитя.

— Все было бы хорошо,—продолжалъ онъ,—еслибы ты мнѣ не мѣшала постоянно. Приходила бы только тогда, когда я тебя позову. Ничего нѣтъ хуже принужденія, и кромѣ того это преступленіе, когда одинъ человѣкъ такъ прикованъ къ другому,—преступленіе относительно другого и относительно самого себя. Я хотѣлъ бы, чтобы ты слѣдовала за мною, но не какъ собака. Это унизительно, это недостойно!

Она не возражала больше и только съ смертельной тоской смотрѣла на книги, отнявшія его у нея. Онѣ были причиной всего несчастія. Онъ поймалъ ея взглядъ и улыбнулся съ видомъ превосходства.

— Совершенно напрасно,—сказалъ онъ,—это совсѣмъ невѣрно. Книги явились прежде, какъ только началась во мнѣ эта внутренняя работа. Но ты, конечно, готова была бы ихъ сжечь или выбросить вмѣстѣ съ мусоромъ.

— Да,—отвѣтила она горячо. — Мнѣ бы этого хотѣлось. Прежде ты сидѣлъ со мною и слушалъ все, что̀ я говорила. Ты смѣялся, когда я передавала шутки художниковъ, у кото-

рыхъ я позировала. Ты былъ такъ милъ и добръ со мною! Случалось и тогда тебѣ сердиться и быть грубымъ, но это бывало только въ тѣхъ случаяхъ, когда я на кого-нибудь другого глядѣла. Твоя грубость меня радовала, а теперь...

Онъ всталъ.

— Я не хочу больше этого слушать,—проговорилъ онъ, и въ его лицѣ, съ мягкими, какъ у мальчика, чертами, появилось угрожающее выраженіе. — Разъ и навсегда не хочу этого слушать!

Она не возражала. Молча убрала со стола, принесла изъ корридора воды, вымыла тарелки, чашки и приборы, поставила все въ ящикъ, надѣла накидку и шапочку и съ минуту еще постояла въ комнатѣ.

Онъ опять усѣлся за чтеніе и не обращалъ на нее больше никакого вниманія. Она вышла. Онъ услыхалъ, какъ она спустилась съ первыхъ ступенекъ, и вздохнулъ съ облегченіемъ. Но скоро она вернулась и опять вошла въ комнату.

Онъ громко разсмѣялся презрительно и нахально.

— Такъ и зналъ! —сказалъ онъ:—все это однѣ ваши проклятыя комедіи. Вы ждете, чтобы за вами побѣжали, а если ошибетесь въ своемъ ожиданіи, то возвращаетесь сами. Пошлыя, унизительныя хитрости и уловки!—закончилъ онъ злобно.

— Ну, что же дѣлать, — возразила она и улыбнулась ему кротко и нѣжно, совсѣмъ не сердясь за его злыя слова. Это раздражило его еще больше, но онъ хотѣлъ во что бы то ни стало доказать ей, что она не можетъ лишить его самообладанія.

— Устройся такъ, чтобы тебѣ было удобно, — проговорилъ онъ, сдерживая себя.—Я тебѣ не буду мѣшать.

Онъ пододвинулъ стулъ вплотную къ ящику и продолжалъ читать.

Она постояла минуту сзади него, глядя на черныя печатныя буквы въ его книгѣ. Видъ у нея былъ смущенный; она тяжело и безпокойно дышала. Потомъ она быстро повернулась и прилегла на кровать. Она чувствовала, что готова была расплакаться, но закусила губы, потому что ни за что не хотѣла плакать.

Онъ читалъ. Онъ ничего не видѣлъ, ничего не слышалъ. Онъ читалъ и читалъ.

Она закрыла глаза и наконецъ заснула отъ изнеможенія.

Въ половинѣ десятаго дверь отворилась. Механикъ испуганно вздрогнулъ. На порогѣ стоялъ Лирсъ. Онъ покусывалъ свой чер-

ный, блестящій усъ, видимо былъ смущенъ и не рѣшался идти дальше.

Фрюндель протянулъ ему на встрѣчу руку.

— Это мило, что вы ко мнѣ зашли, — сказалъ онъ добродушно и сдѣлалъ видъ, что нисколько не удивленъ.

— За женой прислали,—отвѣчалъ Лирсъ,—я ее проводилъ, увидалъ, что у васъ свѣтъ, ну, и рѣшился зайти. Долженъ вамъ сказать, что для меня день начинается только вечеромъ. Впрочемъ, мнѣ очень непріятно, что я вамъ помѣшалъ. Мнѣ всегда бываетъ непріятно, когда я вижу, что кто-нибудь работаетъ. Мы не для того созданы, чтобы работать,—мы созданы, чтобы наслаждаться и радоваться жизни!

Фрюндель вынулъ изъ книги чистый листъ бумаги и записалъ.

— Ради Бога, человѣче, что̀ это вы дѣлаете?

— Записываю ваши слова.

— Да вы просто опасны. Мнѣ еще недавно какъ-то бросилось это въ глаза. Вы всѣ наши слова какъ гвоздиками приколачиваете. Ужъ не собираетесь ли вы на насъ при случаѣ донести?

— Да,—твердо отвѣчалъ механикъ.—Я подбираю всѣ крохи, которыя вы мнѣ бросаете, а потомъ просѣиваю ихъ и разсматриваю, что̀ останется. Такимъ образомъ мнѣ кое-что перепадаетъ.

Лирсъ съ удивленіемъ и даже съ нѣкоторымъ страхомъ разсматривалъ этого страннаго человѣка.

— Вы, однако, тяжелый человѣкъ. Съ вами надо быть поосторожнѣе.

— Это вѣрно, я тяжелый и стараюсь сдѣлаться легкимъ. Повѣрьте мнѣ, это дѣло довольно трудное.

Лирсъ взялъ раскрытую книгу и прочелъ: „Цѣнность жизни“ доктора Дюринга.

— Такъ вы послѣдователь Дюринга?—спросилъ онъ съ уваженіемъ.

— Я просто Фрюндель,—возразилъ тотъ.—Или, вѣрнѣе говоря,—продолжалъ онъ насмѣшливо,—ищущій самого себя Фрюндель, такъ какъ, милѣйшій, я ищу себя.

— Ахъ, какіе вы скучнѣйшіе люди, вы и Томасъ Трукъ!—сказалъ Лирсъ.—Вѣдь и онъ тоже себя ищетъ, и говорилъ мнѣ объ этомъ въ тѣхъ же самыхъ выраженіяхъ.

— Томасъ Трукъ, — повторилъ механикъ и хотѣлъ что-то спросить у Лирса, но тотъ вдругъ повернулся и остановился, по-

раженный, передъ спящей Юзефой. Онъ только теперь замѣтилъ ее и, совершенно очарованный, проговорилъ, какъ будто про себя:—ну, не красота ли это?

— Да, ужъ это давно всѣмъ извѣстно, — замѣтилъ механикъ сухо.

Лирсъ вздрогнулъ. Его сонливость прошла. Видъ спящей Юзефы совершенно разбудилъ его.

— Не разсердитесь на меня, вы, искатель, а только вы— настоящій пень. — И внѣ себя онъ прибавилъ: — И нечего тутъ раздумывать. Она прекрасна, и кончено. Просто вамъ съ неба свалилось сокровище. У одного есть, у другого нѣтъ. Что̀ же дѣлать? — Онъ былъ совсѣмъ внѣ себя. И снова, повернувшись, сталъ благоговѣйно разсматривать Юзефу.

Фрюндель сдѣлалъ ему знакъ рукою.

— Подойдите-ка сюда поближе!—проговорилъ онъ тихо.— Я хочу вамъ сказать, зачѣмъ вы ко мнѣ пришли: вы надѣялись застать ее здѣсь.

Лирсъ покраснѣлъ какъ школьникъ.

— Хорошо, что вы не отрицаете. Я тутъ ничего такого не нахожу. Въ нее нельзя не влюбиться, и со мной было то же самое. Вы должны попытать счастья,— прибавилъ онъ еще тише. —Если вы найдете сочувствіе, то я ничего не буду имѣть противъ этого. Юзефа достаточно меня знаетъ. Я не буду стѣснять ея свободу.

Лирсъ стоялъ совершенно пораженный. Никогда ему не приходилось переживать ничего подобнаго. Человѣкъ обладаетъ величайшимъ сокровищемъ на свѣтѣ, и вдругъ говоритъ другому: постарайтесь украсть его у меня, желаю вамъ всяческаго успѣха.

Вдругъ Юзефа открыла глаза. Она слегка вскрикнула, вскочила и еще немного заспанными глазами посмотрѣла сначала на механика, потомъ на Лирса. Волосы спутанными прядями разсыпались у нея по плечамъ.

— Знаешь,—сказалъ ей механикъ,—онъ влюбленъ въ тебя до безумія. Не могъ удержаться и пришелъ сюда поздно вечеромъ. Самъ признался. Будь же съ нимъ мила.

Юзефа, казалось, потеряла даръ слова. Лирсъ растроганно посмотрѣлъ на нее.

— Это все правда,—сказалъ онъ,—но только я сказалъ не самъ, а онъ у меня выпыталъ.

Юзефа рѣзко разсмѣялась.

— Такъ вотъ что̀, ты хочешь насъ свести! — воскликнула

она,—схватила накидку и шапочку, не надѣвая ихъ, выскочила изъ двери и побѣжала внизъ по лѣстницѣ.

Фрюндель не растерялся.

— Идите за нею!—сказалъ онъ.—Да только поторапливайтесь. Она бѣгаетъ быстрѣе всякой охотничьей собаки.

„Онъ сумасшедшій, — подумалъ Лирсъ, — навѣрное, сумасшедшій".

Но, несмотря на это, все-таки послѣдовалъ его совѣту. Спускаясь по лѣстницѣ, онъ услышалъ, какъ механикъ крикнулъ ему вслѣдъ:—Ея адресъ: Большая Франкфуртская улица, 19.

VII.

Передъ Томасомъ, въ его убогой комнатѣ, стояла фрау Бергъ и нервно крутила конецъ бѣлаго платка, спустившійся съ ея норковой кофточки.

— Почему вы не говорите ни слова? Я стою передъ вами, какъ нищая, а вы молчите. Сдѣлала я вамъ что-нибудь? Да говорите же!

И она прибавила съ раздраженіемъ:

— Прежде чѣмъ объявить кого-нибудь виновнымъ, надо дать ему оправдаться.

И такъ какъ онъ все еще молчалъ, то она проговорила рѣзко и насмѣшливо:

— Да что вы, боитесь меня?

— Я боюсь васъ,—отвѣчалъ Томасъ. На его лицѣ разстроенное выраженіе замѣнилось оживленіемъ, а въ опущенныхъ глазахъ промелкнула мучительная радость.

— Вы этимъ хотите сказать, что рѣшили разойтись со мною?

Она немного развела руками, и высокомѣрная улыбка искривила ея губы.

— Я нахожу это неслыханнымъ,—произнесла она враждебнымъ тономъ.—Во всякомъ случаѣ, вы должны были мнѣ отвѣтить. При чемъ же я тутъ, если какой-то безтактный господинъ нападаетъ на васъ въ моемъ домѣ? Вѣдь все дѣло въ этомъ?

И, не дожидаясь возраженія, она вытащила изъ муфты сложенное письмо и подала ему.

— Прочтите!—проговорила она повелительнымъ тономъ.

Онъ пробѣжалъ глазами письмо.

„Милостивая Государыня!

„Я получилъ сегодня ваше письмо, въ которомъ вы мнѣ отка-

зываете отъ дома. Я равно пораженъ и удивленъ, но во всякомъ случаѣ увѣренъ, что вы поступили такъ не въ угоду господину Труку. Я спокоенъ, потому что надѣюсь, что вы сознаете всю несправедливость вашего отношенія ко мнѣ и позовете меня снова. Если вы желаете, то я разыщу господина Трука и спрошу, находитъ ли онъ себя оскорбленнымъ мною. Заранѣе предвижу вашъ отвѣтъ и остаюсь съ почтеніемъ—

Адвокатъ Корнфельдъ".

Томасъ возвратилъ ей письмо.

— Онъ совершенно правъ,—сказалъ онъ холодно.—Онъ не могъ меня оскорбить.

Она пристально посмотрѣла на него.

— Такъ, значитъ, это я?

— Да, вы. Я былъ въ вашемъ домѣ, вашимъ гостемъ, но вы думали только о себѣ. Совсѣмъ какъ въ тотъ день,—прибавилъ онъ гнѣвно,—когда у вашего кучера текла кровь изъ разбитаго лба, а вы не замѣтили этой крови. Вы не замѣтили, что и мнѣ было больно. Вамъ только было непріятно, что у васъ на парадномъ вечерѣ...

Онъ не докончилъ и коротко разсмѣялся.

Она стала еще блѣднѣе и закрыла лицо руками. Потомъ слабо уронила руки и простояла еще минуту, не двигаясь.

— И это вы говорите мнѣ?—прошептала она наконецъ.— Ну хорошо, ну хорошо; кромѣ того, вы совершенно правы, господинъ Томасъ Трукъ,—прибавила она, какъ бы стряхнувъ съ себя что-то.—Это именно, именно такъ и было. Вы—ясновидящій и заглянули въ мою душу.

Она выпрямилась, въ лицѣ ея появилось суровое, гордое выраженіе, и, едва замѣтно кивнувъ головою, она вышла изъ комнаты.

Томасъ подошелъ къ окну. Внизу стояла карета и на козлахъ сидѣлъ тотъ самый кучеръ, у котораго текла тогда кровь изъ разбитаго лба. Томасъ замѣтилъ, что въ рукѣ у него былъ окурокъ папиросы и онъ съ удовольствіемъ покуривалъ. Вотъ изъ дверей вышла фрау Бергъ;—вотъ она сѣла въ карету;—вотъ она уѣхала. И ни разу не оглянулась. Томасъ все еще смотрѣлъ ей вслѣдъ, прислушиваясь къ стуку колесъ. Потомъ внутренно разсмѣялся, чтобы заглушить что-то, причинявшее ему невыносимую боль, но отъ этого смѣха ему стало еще больнѣе. Онъ распахнулъ окно, потому что ему вдругъ сдѣлалось душно и тѣсно въ маленькой, низкой комнатѣ. Имъ овладѣло безпокойство. Онъ сѣлъ къ столу и вынулъ листъ почтовой бумаги, смутно сознавая,

что женщина, за минуту передъ тѣмъ бывшая въ этой комнатѣ, имѣла безконечную власть надъ нимъ. Это сознаніе было ему и мучительно, и радостно. Быстро, крупнымъ почеркомъ написалъ онъ слѣдующее:

„Я хочу видѣть васъ сегодня вечеромъ; вы придете ко мнѣ; съ восьми часовъ я дома.

„Томасъ Трукъ".

Не размышляя надъ тѣмъ, что дѣлаетъ, и не отдавая себѣ яснаго отчета, вложилъ онъ письмо въ конвертъ, запечаталъ его, накинулъ плащъ и со шляпой въ рукахъ спустился съ лѣстницы. Онъ спѣшилъ къ ближайшему почтовому ящику, какъ будто за нимъ кто-нибудь гнался и могъ остановить его. Только уже опустивъ письмо въ синій ящикъ, онъ вспомнилъ, что забылъ наклеить марку. Но это нисколько не смутило его. Онъ вздохнулъ съ облегченіемъ и, насвистывая веселый мотивъ, какъ расшалившійся мальчикъ, пошелъ назадъ по улицѣ въ какомъ-то чаду.

VIII.

Наступилъ вечеръ. Томасъ не зажигалъ огня,—онъ боялся свѣта. Темнота болѣе подходила къ его тревожнымъ мыслямъ. Онъ безпокойно шагалъ по комнатѣ; иногда останавливался и прислушивался. Но все было тихо, не слышалось ни звука; его окружала мертвая тишина и было такъ темно, что онъ не различалъ отдѣльныхъ предметовъ. Онъ сѣлъ на диванъ и прикрылъ глаза руками. Но вдругъ онъ съ испугомъ отнялъ руки. Онъ прислушался, затаивъ дыханіе. Сомнѣнія не было,—онъ услышалъ ея походку. Это была она, это несомнѣнно была она. Дрожащими пальцами онъ растворилъ дверь и, держась за перила, спустился до перваго поворота лѣстницы. Лѣстница не была освѣщена. Онъ вдругъ почувствовалъ, что она стоитъ передъ нимъ, и руки ихъ встрѣтились безъ словъ. На одно мгновеніе они точно замерли и было слышно только ихъ ускоренное дыханіе. Затѣмъ, освободивъ руки, она обняла его.

— Это я,—сказала она, цѣлуя его черезъ вуаль.

— Ты... ты...—прошепталъ онъ, смущенный и взволнованный.

Черезъ мгновеніе она взяла его подъ руку, и онъ осторожно повелъ ее вверхъ, оберегая ее, какъ что-то въ высшей степени хрупкое, что можетъ разбиться отъ малѣйшаго толчка.

Онъ хотѣлъ зажечь огонь, но она сказала:—Нѣтъ, не надо,—и онъ послушался.

Она опять поцѣловала его, но на этотъ разъ уже немного приподняла вуаль. Онъ такъ сильно прижалъ ее къ себѣ, что она вскрикнула, но тотчасъ же сказала, что это ничего.

— Я былъ увѣренъ, что ты придешь.

— Конечно,—подтвердила она:—я ждала только твоего зова. Вѣдь ты долженъ былъ меня позвать.

Онъ увлекъ ее къ окну и отворилъ его. Метель пахнула имъ въ лицо, и они разсмѣялись, какъ дѣти. Но вдругъ онъ испугался, что она простудится, и поспѣшно затворилъ окно. И только теперь зажегъ свѣчи.

Она стояла передъ нимъ въ совершенно гладкой и простой англійской кофточкѣ; на головѣ у нея была сѣрая фетровая шляпа съ перомъ. Никогда еще она ему такъ не нравилась, какъ въ этомъ костюмѣ. Она имѣла видъ совершенно юной и очень стройной дѣвушки, и сама сознавала это. Въ ея лицѣ было что-то вызывающее, предпріимчивое, и въ то же время она вся сіяла.

— Пойдемъ гулять,—тихо попросила она.

Онъ накинулъ плащъ, а она снова спустила вуаль, и подъ бѣлымъ газомъ съ черными мушками ея лицо показалось ему еще красивѣе. Она взяла его за руку, и, несмотря на темноту, они бѣгомъ, какъ дѣти, пустились внизъ по крутой лѣстницѣ. На улицѣ ихъ встрѣтилъ сильный вѣтеръ. Онъ развѣвалъ имъ волосы, но они, казалось, не замѣчали этого. Тѣсно прижавшись другъ къ другу, шли они, молодые и влюбленные, среди метели, и тусклый свѣтъ фонарей освѣщалъ по временамъ ихъ радостныя лица.

— Развѣ ты не удивился, когда я пришла къ тебѣ?

Это „ты“ подѣйствовало на него какъ электрическій токъ, и онъ почувствовалъ въ себѣ приливъ безпредѣльной силы.

— Мой мужъ уѣхалъ. Онъ долженъ засѣдать въ какомъ-то комитетѣ.

Это объясненіе ея посѣщенія подѣйствовало на него удручающимъ образомъ.

— Что съ тобой?—спросила она.

— Ничего,—отвѣтилъ онъ.

Она прижалась къ нему тѣснѣе, и у него стало снова попрежнему легко на душѣ.

— Никто меня не видитъ и никто меня не узнаетъ,—вдругъ прервала она молчаніе счастливымъ голосомъ.

— Ну, а еслибы тебя узнали?

— Нѣтъ, меня навѣрное не узнаютъ.

— А если все-таки какъ-нибудь да узнаютъ?

Она вдругъ остановилась и смутилась, разглядѣвъ напряженное выраженіе на его лицѣ.

— Мнѣ было бы все равно,—тихо проговорила она.—Я люблю тебя... люблю тебя.

Мимо нихъ торопливо проходили встрѣчные. Всѣ видимо спѣшили укрыться по домамъ отъ непогоды. Но Томасъ и его спутница не обращали ни малѣйшаго вниманія на снѣгъ и вѣтеръ. Они смѣялись и громко и весело разговаривали.

„О, какъ прекрасна жизнь!"—шумѣло въ головѣ у Томаса. Снѣжные хлопья летѣли въ его разгоряченное лицо, и это было ему пріятно. Его пронизывалъ холодъ, но такъ онъ чувствовалъ себя еще бодрѣе. Единственнымъ его желаніемъ было, чтобы этотъ темный зимній вечеръ длился безконечно.

Кто-то пристально заглянулъ имъ въ лицо. Регина вздрогнула, но сейчасъ же весело разсмѣялась.

Они зашли въ небольшой ресторанчикъ.

Предупредительный кельнеръ во фракѣ, съ подобострастнымъ лицомъ, сдѣлалъ рукой пригласительный жестъ и провелъ ихъ въ маленькую элегантную комнатку.

— Я прошу позвонить, когда будетъ нужно, сударь,—почтительно проговорилъ онъ и исчезъ изъ комнаты.

Она съ любопытствомъ оглядѣлась, потомъ сняла кофточку и осталась въ скромномъ коричневомъ платьѣ.

— Нѣтъ, только подумать, что ты меня любишь!—восторженно воскликнула она и слегка захлопала въ ладоши.—Стащи же съ меня перчатки.

Онъ попытался исполнить ея желаніе, но это ему плохо удавалось.

— Какой же ты, однако, медвѣдь! — разсмѣялась она.— Нѣтъ, нѣтъ, совсѣмъ ты не медвѣдь. Ты имѣешь видъ переодѣтаго принца. Я ничуть бы не удивилась, еслибы безъ всякихъ особыхъ предисловій ты объявилъ: „Я князь Шуваловъ".

— Но почему же именно Шуваловъ?—съ удивленіемъ спросилъ онъ.

— Ахъ, ну просто такъ! Можетъ быть потому, что мнѣ больше всего нравятся русскіе князья.

— Но развѣ, чтобы понравиться тебѣ, необходимо быть княземъ?

— Нѣтъ, въ этомъ нѣтъ никакой необходимости, но въ данную минуту ты князь для меня.

— Хорошо, я согласенъ.

— Я вѣрю, что ты—настоящій князь. Переодѣтый принцъ,

который морочитъ людей. Ты живешь на чердачкѣ только потому, что тебѣ надоѣла пышность. Ахъ, — прибавила она, — все это ужъ слишкомъ хорошо!

Въ ея послѣднихъ словахъ прозвучало что-такое, отъ чего ему стало вдругъ грустно.

— Уйдемъ поскорѣй отсюда. Мы закупимъ все и поужинаемъ наверху,—въ твоей комнаткѣ.

Онъ только наклонилъ голову въ знакъ своего согласія и позвонилъ.

Пришелъ кельнеръ.

— Вы...—началъ Томасъ и вдругъ остановился, потому что не зналъ, какъ назвать свою спутницу.

— Намъ нужно домой,—уже совсѣмъ растерянный выпалилъ онъ и сунулъ талеръ въ руку лакею.

Тотъ низко поклонился и подалъ ему плащъ.

Опять они очутились на улицѣ.

Все было такъ необыкновенно, такъ сказочно, такъ прекрасно!

Замедливъ шаги, онъ обратился къ ней съ вопросомъ:

— Скажи мнѣ, ужъ не грежу ли я? Во снѣ все это или на яву?

— На яву!—отвѣтила она счастливымъ голосомъ.

Они зашли въ гастрономическій магазинъ. Регина набрала тамъ всевозможныхъ закусокъ. Она взяла осьмушку астраханской икры, осьмушку копченаго гуся, осьмушку языка, осьмушку семги, осьмушку ветчины, крошечную порцію бри и четверть фунта сливочнаго масла.

— Не хочешь ли ты еще чего-нибудь, дитя мое? — спросила она.

— Нѣтъ,—смущенно пробормоталъ онъ и пошелъ къ кассѣ расплатиться. Онъ отдалъ около пяти марокъ, и это показалось ему до смѣшного мало. Въ чайномъ магазинѣ купили чаю. Затѣмъ отправились домой.

Старуха, у которой жилъ Томасъ, очень удивилась, увидѣвъ ихъ. Она не понимала своего жильца, и изумилась еще больше, когда элегантная чужая дама стала спрашивать у нея тарелокъ, ножей, вилокъ.

Гостья сама пошла на кухню, а старуха покорно заковыляла за нею. Черезъ нѣсколько минутъ Регина вернулась въ комнату. У старухи не оказалось бѣлой скатерти, нашлась только какая-то залежавшаяся чайная, съ красными разводами, и двѣ маленькія подходящія къ ней салфеточки. Она могла дать еще простыхъ бѣлыхъ тарелокъ, черныхъ вилокъ и ножей. Они были

немного тупы и согнуты, но при случаѣ еще отлично могли служить.

Регина стала сама накрывать на столъ, а хозяйка принялась кипятить воду для чая на старой маленькой жаровнѣ.

Никогда еще Томасъ не испытывалъ подобнаго счастья. И только теперь, подъ наплывомъ свѣтлой радости, онъ начиналъ понимать, какъ можетъ быть хорошо, когда мужчина и женщина живутъ вмѣстѣ. Она накрываетъ столъ и радуется каждой крошкѣ, потому что они вмѣстѣ съѣдятъ ее, и все рѣшительно пересыпаютъ они ласками и смѣхомъ, думаютъ только о себѣ и забываютъ все на свѣтѣ. Въ эту минуту ему казалось, что нѣтъ бо̀льшаго счастья, какъ сидѣть вдвоемъ въ собственной комнаткѣ.

— Послушай, мнѣ нужно еще купить одну вещь,—сказала она.

И, не застегнувъ кофточки, съ криво надѣтой шляпой, она весело кивнула ему и исчезла въ дверяхъ.

Ожиданіе тянулось для него цѣлую вѣчность. Онъ смотрѣлъ на часы, подходилъ къ окну, шагалъ по комнатѣ и нѣсколько разъ принимался считать, чтобы убить время. На него напалъ страхъ, и ужасъ охватилъ его при мысли, что все это было не болѣе какъ свѣтлое мгновеніе, на вѣки исчезнувшее. Онъ начиналъ думать, что она, принесшая ему столько счастья, вдругъ коварно исчезла навсегда, и онъ остался одинокъ попрежнему.

Но она вернулась. Ея волосы растрепались и глаза блестѣли. Она вынула изъ папиросной бумаги фіалки, колокольчики и анемоны.

Все это она разбросала по скатерти съ красными разводами, и въ комнатѣ вдругъ пахну́ло лѣтомъ, а анемоны напомнили Томасу его родину.

Столъ былъ придвинутъ къ просиженному дивану.

Старуха внесла дымившійся чай.

Ловкіе пальцы Регины намазали хлѣбъ масломъ. Первый бутербродъ съ икрой онъ долженъ былъ непремѣнно получить изъ ея рукъ. Она щебетала какъ птица, вся кипѣла избыткомъ жизни, весело смѣялась, смотрѣла на него широко раскрытыми блестящими глазами и всѣмъ своимъ существомъ волновала его до глубины души.

— Скажи, ка̀къ ты меня любишь?—тихо спросила она.

— Я этого не могу сказать!—отвѣтилъ онъ, и на лицѣ его выразилось переживаемое имъ смущеніе.

— Скажи! — настаивала она.

— Я такъ люблю тебя, что въ первый разъ въ жизни понимаю, могу понять, какъ человѣкъ, любя, забываетъ все и всѣхъ.

Онъ остановился, но она, видимо, ждала, что онъ скажетъ дальше, и онъ продолжалъ медленно и уже почти для себя:

— Я понимаю, какъ человѣкъ изъ любви можетъ стать воромъ и разбойникомъ, потому что любовь дѣлаетъ человѣка безсильнымъ. Темная сила овладѣваетъ имъ и безъ устали погоняетъ его кровавымъ бичомъ.

И онъ взглянулъ на нее, какъ будто испугавшись собственныхъ словъ.

— Какъ чудесно, когда такъ любятъ!—воскликнула она.

Эти слова поразили его.

Она это замѣтила и взяла его руку.

— Я думаю, — сказала она, — что именно въ этомъ вся глубина и правда. Всякое благоразуміе, всякія жалкія мудрствованія, всѣ мелкіе разсчеты замолкаютъ передъ такимъ чувствомъ. Люди забываютъ обо всемъ на свѣтѣ и только любятъ. Здѣсь не существуетъ ни религіи, ни разсудка, ни нравственности, и какъ ты самъ вѣрно сказалъ, — любя такъ, можно дойти до всего,—до кражи, до убійства.

Отъ волненія она совсѣмъ поблѣднѣла. Но ничего мертвеннаго уже не было въ ея глазахъ. Потухшіе черные угли превратились въ сверкающіе, отшлифованные брилліанты.

— Ты удивляешься мнѣ, я это прекрасно вижу. Ты удивленъ, что можно съ радостью признаваться въ такихъ ужасныхъ вещахъ. Но, повѣрь мнѣ, еще недѣлю тому назадъ я и сама не подозрѣвала, что со мной можетъ случиться что-либо подобное. И только ты виноватъ во всемъ, ты одинъ. И развѣ тебѣ не понятно,—продолжала она съ выраженіемъ гнетущаго раздумья на лицѣ,—что лишенный свободы завидуетъ чужой свободѣ? И когда эта свобода приходитъ къ нему подъ видомъ большой, сильной и настоящей любви, то онъ, разрывая цѣпи, уже не остановится ни передъ какимъ преступленіемъ? — Она вдругъ возбужденно расхохоталась.

— Сейчасъ я себѣ самой кажусь чужой и непонятной. Нѣтъ, я никогда не думала, что буду говорить съ тобой о подобныхъ вещахъ.

Она подошла къ нему совсѣмъ близко, приподнялась на цыпочки и обвила руками его шею.

— Отвѣчай! Если подобныя вещи существуютъ, то развѣ это не доказательство того, что онѣ глубоки и справедливы?

Ея слова производили на него замѣтное впечатлѣніе, и она это чувствовала.

— Твой вопросъ волнуетъ меня до глубины души, и многіе ломали себѣ голову надъ нимъ. То, что̀ заложено въ насъ, несомнѣнно глубоко, и разъ что-нибудь существуетъ, значитъ оно истинно и необходимо даже въ томъ случаѣ, если это созидаетъ преграды и вызываетъ страданія, болѣзни и стыдъ!

Она поднесла руки ко лбу.

— Я не могу всего этого постичь, я не могу думать.

— Нѣтъ, ты можешь, ты должна понять. Есть вещи, которыхъ мы, по нашей ограниченности не въ силахъ постичь, но онѣ все-таки мучатъ и волнуютъ насъ. Такія вещи уже по самому своему существу имѣютъ цѣль и значеніе. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда онѣ вызываютъ борьбу и смерть, онѣ въ сущности говорятъ о жизни и развитіи. Вѣдь и самая смерть не что̀ иное, какъ бытіе и развитіе. То, что̀ умираетъ, уступаетъ мѣсто болѣе сильному и молодому и ведетъ такимъ путемъ къ дальнѣйшему развитію. Можно съ увѣренностью сказать, что все, что̀ въ насъ и вокругъ насъ, находится въ тѣсной связи съ природой, хотя часто мы этого даже и не замѣчаемъ. Но,—продолжалъ онъ,—въ насъ такъ безконечно много самыхъ разнообразныхъ и противорѣчивыхъ стремленій, инстинктовъ и чувствъ, что мы обязаны дѣлать между ними выборъ, чтобы, въ концѣ концовъ, брало верхъ то, что̀ намъ указываетъ разумъ.

— Все это такъ сложно, такъ загадочно,—произнесла она.

— Да,—тихо отвѣтилъ онъ.—И мы сами представляемъ собою загадку; вотъ почему неразрѣшимо и то, что̀ въ насъ происходитъ. И никто не можетъ сказать съ увѣренностью, что знаетъ истину. Но развѣ тебѣ не приходилось задумываться надъ подобными вопросами?

— Нѣтъ, я давно разучилась думать. Я живу изо дня въ день и совсѣмъ не думаю. Онъ говоритъ, что „думать—совершенно лишнее“,—прибавила она, видимо стыдясь и стараясь избѣжать его взгляда.

Это „онъ говоритъ“ на минуту нарушило его настроеніе.

— И ты никогда не мучилась религіозными вопросами?

— Нѣтъ. У меня нѣтъ никакой религіи. Я ни во что не вѣрю. Мнѣ удалось прогнать всякую мысль о Богѣ. Я никогда не вспоминаю о смерти. Я не хочу объ этомъ помнить, не хочу думать. Не хочу, и кончено,—прибавила она съ выраженіемъ капризнаго, избалованнаго ребенка.

Онъ слушалъ ее внимательно и серьезно, и ему вспомнились его собственныя дѣтскія мысли о смерти. Въ нихъ было столько муки, и Тамара понимала эту муку и плакала съ нимъ вмѣстѣ.

Нѣкоторое время они сидѣли молча, каждый погруженный въ свои думы.

— Не нужно ли вамъ еще чего-нибудь, господинъ докторъ?— вдругъ спросила старуха-хозяйка, просовывая въ дверь голову, замотанную грязнымъ сѣрымъ платкомъ.—Я очень устала и у меня глаза уже не смотрятъ.

— Ложитесь спать!

Но она ушла не сразу. Она вошла въ комнату и, сдѣлавъ книксенъ Регинѣ, обратилась къ ней съ уморительнымъ выраженіемъ самой глубокой почтительности въ голосѣ:—Покойной ночи, сударыня!—И съ этими словами она дѣтскимъ движеніемъ протянула ей старую, морщинистую руку.

Регина едва прикоснулась къ ней. Она вздрогнула точно отъ холода подъ взглядомъ старухи и, пролепетавъ что-то непонятное, сунула ей въ руку золотую монету.

Хозяйка съ удивленіемъ и почти съ какимъ-то ужасомъ взглянула на Томаса Трука и поспѣшно заковыляла къ дверямъ.

Опять наступило молчаніе.

— Развѣ ты не думаешь, что старыя женщины приносятъ несчастіе?—вдругъ спросила Регина и повела плечами, точно ей стало холодно.

Онъ ничего не отвѣтилъ. Что-то непонятное, серьезное и торжественное прокралось въ тѣсную комнату.

Слова любви замолкли; ихъ смѣнили тревожныя мысли и тяжелыя сомнѣнія,—они пришли неслышные и незамѣтные, какъ слуги въ старинныхъ домахъ, разносящіе гостямъ, во время веселаго празднества, яства и кубки съ питьемъ. Оба они чувствовали себя точно придавленными, но еще болѣе близкими другъ другу, чѣмъ раньше.

Вдругъ, точно сговорившись, они встали, подошли къ жалкой бѣлой кафельной печуркѣ и приложили къ ней рядомъ руки. Печка оказалась совсѣмъ холодной, и они звонко разсмѣялись, а ихъ встрѣтившіяся руки вздрогнули и сразу согрѣлись. Они не произнесли ни слова.

Затѣмъ она надѣла кофточку и шляпу.

— Еслибы ты зналъ, какъ было хорошо!—сказала она.

И раньше чѣмъ онъ сообразилъ, что она хочетъ сдѣлать, она взяла его руку и быстро поцѣловала ее.

Регина не захотѣла, чтобы онъ провожалъ ее домой, и уѣхала съ Луизенштрассе въ закрытой извозчичьей колясцѣ. Прощаясь они долго смотрѣли въ глаза другъ другу.

Вернувшись домой, Томасъ не легъ спать, а принялся читать, и читалъ до разсвѣта, но изъ всего прочитаннаго не понялъ и не помнилъ ни единаго слова.

П—на С—ва.

КРЕСТЬЯНСКОЕ ДѢЛО

ВЪ

ЮГО-ЗАПАДНОМЪ КРАѢ

1865—68 гг.

Окончаніе.

III *).

Отношеніе самихъ крестьянъ къ ихъ устройству.

Изложивъ, какъ велось крестьянское дѣло, какъ относились къ нему мировыя учрежденія, высшая мѣстная администрація и помѣщики, посмотримъ теперь, какъ относились сами крестьяне къ заботамъ о нихъ. Судя потому, что̀ для нихъ въ это время дѣлалось, можно бы, казалось, ожидать вездѣ ихъ довѣрія и большихъ симпатій къ стоявшимъ около нихъ учрежденіямъ. Но на дѣлѣ это не часто встрѣчалось. Самому искреннему участію къ крестьянамъ нерѣдко приходилось считаться не только съ ихъ непониманіемъ, но и съ тѣмъ огромнымъ капиталомъ недовѣрія и подозрительности къ людямъ верхняго класса вообще, какой накопился въ темной народной массѣ въ теченіе вѣковъ.

Въ газетахъ того времени, при похвалахъ тѣмъ или другимъ администраторамъ, не разъ, бывало, встрѣчалось: такой-то сразу успѣлъ пріобрѣсти общее довѣріе крестьянскаго населенія!

---

*) См. выше: янв., 289 стр.

Подобный тонъ усвоивался на мѣстахъ даже оффиціальною перепискою. Нерѣдко получали, напримѣръ, мировые посредники начальственныя предложенія склонить крестьянъ къ какому-нибудь „участію", „содѣйствію" или пожертвованію, причемъ бумаги эти заканчивались въ такомъ родѣ: „въ полной увѣренности, что пріобрѣтенное вами нравственное вліяніе на крестьянъ" и т. д. Адресовались подобныя бумаги не только къ людямъ, дѣйствительно заботившимся о населеніи, но и къ посредникамъ въ родѣ изображенныхъ уже прежде майоровъ и двуличныхъ чиновниковъ, и своеобразны выходили результаты: внѣшнія выраженія довѣрія чаще достигались у майоровъ и чиновниковъ. Въ одно время возьмутся, бывало, за дѣло майоръ и настоящій участливый человѣкъ, а послѣ, смотришь, первый добился всякихъ „склоненій" и „содѣйствій", а послѣдній остался ни при чемъ. Разгадка, конечно, была проста: одинъ дѣйствовалъ начальническимъ давленіемъ и больше приказывалъ, а другой искалъ сознательныхъ рѣшеній массы, давая ей понимать, что она должна поступить совершенно добровольно. Не очень много требовалось опыта для убѣжденія, что „сразу пріобрѣтаютъ" довѣріе и нравственное вліяніе только на бумагѣ. А чтобы на самомъ дѣлѣ достигнуть чего-либо подобнаго—надо не только много потрудиться, но и пережить не мало тяжелыхъ ощущеній, встрѣчая подозрительность и натянутость отношеній съ той самой стороны, на которую обращалась полная доброжелательность. Элементу, заботившемуся въ данное время о крестьянахъ, приходилось расплачиваться за глубокія послѣдствія дѣяній прежнихъ поколѣній, и нельзя было даже особенно негодовать на встрѣчаемый недостатокъ довѣрія, вслѣдствіе сознанія его неизбѣжности и исторической объяснимости. Въ описываемую эпоху крестьяне первый разъ встрѣчались съ дѣйствительною заботою о нихъ самихъ, и это долго вызывало въ нихъ особаго рода недоумѣнія: вотъ человѣкъ въ панскомъ сюртукѣ какъ будто хлопочетъ о нашей пользѣ; изъ-за чего это, когда самому ему тутъ пользы не видно никакой? Охъ, нѣтъ ли тутъ какого-нибудь подвоха, не тянетъ ли онъ на панскую сторону, а насъ только морочитъ!—И подозрительный глазъ на сторожѣ.

Много надо было времени, хлопотъ и фактическихъ результатовъ, чтобы вамъ въ извѣстной степени довѣрилась только часть селеній, а какія именно повѣрятъ—тоже угадать было мудрено. Случалось, что гдѣ для крестьянъ сдѣлано много—тамъ-то и выступаетъ явно недовѣрчивое или почти непріязненное отношеніе; а гдѣ сдѣлано гораздо меньше—неожиданно обнару-

живаются явные признаки неподдѣльной благодарности и довольства. Послѣднее даже большею частью являлось въ видѣ совершенныхъ сюрпризовъ. Тутъ, какимъ-то невидимымъ процессомъ, словно треснула давняя толстая кора подозрительности, а тамъ она еще держится почти во всей прежней неприкосновенности. Не мало значило тутъ и различіе характера населенія отдѣльныхъ деревень. Одна деревня умная, толковая,—другая глуповата; тамъ населеніе болѣе спокойное—здѣсь сварливое и т. д.

Мнѣ пришлось имѣть дѣло съ массою разнохарактерныхъ селеній и при всякихъ обстоятельствахъ: при полномъ удовлетвореніи ихъ желаній, при отказахъ въ настойчивыхъ и неисполнимыхъ требованіяхъ, при спокойствіи и при сильномъ возбужденіи массы. Случалось даже бороться съ попытками открытаго противодѣйствія. Передать пережитое въ этомъ отношеніи считаю всего лучше приведеніемъ ряда характерныхъ примѣровъ, выводы изъ которыхъ получатся сами собою.

Въ первое время повѣрочной работы отправился нашъ мировой съѣздъ въ одну волость моего участка, заключавшую въ себѣ нѣсколько крупныхъ селеній. Повѣрка первой уставной грамоты шла успѣшно. Крестьяне заявили нѣсколько уважительныхъ поземельныхъ претензій, которыя были удовлетворены при согласіи на то и помѣщичьяго уполномоченнаго. Все казалось ладно, но когда дошло до осмотра земли, то крестьяне сильно пожаловались на неудобство одной полевой смѣны, глинистой и изрытой водомоинами.—Какъ бы намъ обмѣнять эти Гребелькй (урочище)?—говорили они. Но Гребелькй были землею давняго инвентарнаго владѣнія, слѣдовательно принудительный обмѣнъ этой земли не могъ имѣть мѣста. Мы обратились къ помѣщичьему уполномоченному, и онъ тоже выразилъ согласіе обмѣнять неудобную смѣну на лучшую, затрудняясь только сразу столковаться о подробностяхъ. Начались обоюдные, довольно мирные переговоры, подававшіе надежду, что дѣло кончится добровольнымъ соглашеніемъ. Но такъ какъ сдѣлки подобнаго рода требовали нѣсколько сложнаго процесса (составленія мірского приговора двумя третями голосовъ, участія стороннихъ „добросовѣстныхъ“ и т. под.), а подробности намѣченнаго соглашенія еще недостаточно обозначились, то съѣздъ, порѣшивъ всѣ прочіе повѣрочные вопросы, постановилъ поручить мнѣ заняться устройствомъ обмѣнной сдѣлки вслѣдъ за повѣркою, такъ чтобы она могла закончиться до составленія выкупного акта. Переѣзжаемъ въ слѣдующее селеніе—тамъ то же самое: крестьяне просятъ обмѣна части надѣла, по-

мѣщичья сторона согласна и съѣздъ рѣшаетъ по прежнему. Такъ набралось у меня три однородныхъ порученія.

Спустя нѣкоторое время, улучивъ досужные дни, ѣду на мѣсто въ полной надеждѣ, что дѣло устроится и мнѣ останется только оформить соглашеніе. Прибылъ туда же помѣщичій уполномоченный; изъ обоюдныхъ объясненій выходитъ, что недоразумѣній по существу нѣтъ. Предлагаю крестьянамъ составить приговоръ, но вдругъ они просятъ дать имъ время еще подумать и поговорить между собою. Даю время; сходъ толковалъ, толковалъ; нѣсколько разъ я то вступалъ съ нимъ въ объясненія, то оставлялъ его совѣщаться безъ меня; шума было много, но дѣло все не клеилось.

— Знаете, мнѣ кажется, вы напрасно даете имъ много говорить,—замѣчаетъ мнѣ помѣщичій уполномоченный, привычный къ прежнимъ порядкамъ.—Лучше просто „прикажите" имъ обмѣнять землю, а иначе изъ этого, пожалуй, ничего не выйдетъ.

На принужденіе я, конечно, согласиться не могъ, и толки продолжались до вечера. Наконецъ со стороны крестьянъ послѣдовалъ запросъ:—А что̀, если мы съ паномъ согласимся обмѣнять землю, надо будетъ намъ подписывать?—Я отвѣтилъ, что непремѣнно надо, такъ какъ земельныя сдѣлки на словахъ не кончаются. На это крестьяне объявили, что если нельзя кончить словами, то они подписывать не рѣшатся: пускай все будетъ какъ было, а тамъ посмотримъ. Такъ все и разстроилось изъ одного опасенія подписи. Сосѣднія селенія, глядя на это, поступили точно такъ же, говоря:—Пускай панъ возьметъ себѣ ту землю, что мы отдаемъ, а мы возьмемъ ту, что онъ намъ даетъ, только подписывать не будемъ.

Все осталось по старому. Начались межевыя работы, по плану надѣлъ назначенъ былъ въ прежнихъ мѣстахъ съ рѣшенными добавками, и наконецъ я пріѣзжаю объявлять сторонамъ выкупной актъ на этотъ надѣлъ.

Выслушавъ, крестьяне съ видимымъ огорченіемъ спрашиваютъ:

— Какъ же это, Гребелькй опять будутъ за нами?

— Да, за вами; вѣдь вы же не хотѣли обмѣнять.

— Какое тамъ! Мы хотѣли, да подписывать боялись, бѣда намъ съ этими Гребельками,—что̀ мы будемъ дѣлать съ такими горбами, да ярами!

— Ваше дѣло, а безъ подписи нельзя; вѣдь сколько разъ я вамъ толковалъ, что въ подписи ничего нѣтъ страшнаго. На бумагѣ пишется то самое, чего вы хотите; безъ прочтенія вамъ

бумаги подписей не будетъ, и я самъ не подпишу того, на что вы не согласны. Развѣ только вы и мнѣ не вѣрите?

— Гдѣ тамъ! Мы вамъ вѣримъ, а только мы люди „тёмни", сами не знаемъ, до чего пристать; все боимся, чтобъ не вышло для насъ какъ-нибудь погано. Вонъ въ такихъ-то селахъ мужики подписывали, и стало имъ не добре. Мы не винны тому, что всего боимся... А чи не можно жъ, чтобъ Гребелькй панъ взялъ себѣ?..

Велика была у мужика боязнь пера, бумаги и „даванья рукъ" тому, кто за него расписывается (не знаю, какъ тамъ теперь). Тѣ разверстанія и обмѣны земель, которые совершались дѣйствительно добровольно, подготовлялись иногда годами и обсуждались сходами въ нѣсколько пріемовъ, до устраненія послѣднихъ сомнѣній и колебаній.

Но въ описанномъ примѣрѣ выступали только темныя опасенія, а въ другомъ было значительно хуже. Во II главѣ статьи „Страница кр. дѣла на ю.-з." („Вѣстн. Европы", іюль, 1901 г.) я разсказывалъ, какъ при первомъ знакомствѣ съ своимъ участкомъ былъ я атакованъ массою крестьянъ, требовавшихъ укрѣпленія за ними отнятыхъ при составленіи выкупныхъ договоровъ фруктовыхъ садовъ. Отнятіе это было въ трехъ селеніяхъ, составлявшихъ цѣлую волость. Садовъ было болѣе трехсотъ десятинъ и всѣ они были очень цѣнны, давая большой доходъ отъ прекрасныхъ плодовъ. Я затруднялся сразу обѣщать удовлетвореніе крестьянскимъ настояніямъ, потому что сады отняты были еще до повѣрочной эпохи по выкупнымъ договорамъ, а порядокъ исправленія этихъ договоровъ въ ту пору еще не былъ положительно опредѣленъ закономъ. Крестьянская толпа становилась даже на колѣни, умоляя о возвратѣ садовъ и обѣщая, въ случаѣ выкупа ихъ, молиться за меня и моихъ потомковъ до третьяго поколѣнія. Много меня заботило это дѣло, но послѣ долгихъ переговоровъ и переписки мнѣ удалось наконецъ достигнуть успѣха, такъ что на возвратъ садовъ согласилась и помѣщичья сторона. Спустя года полтора послѣ первыхъ жалобъ, я ѣхалъ въ упомянутую волость уже объявлять выкупные акты на сады, имѣя основаніе ожидать полнаго крестьянскаго удовольствія. Вышло, однако, не то: крестьяне угрюмо выслушали акты, едва согласились расписаться въ этомъ выслушаніи и въ виду того, что сады отдаются имъ не даромъ, а на выкупъ, т.-е. за платежи, выразили недовольство.

— Сады—наши; диды и батькй наши ихъ „выкохали" (взлелѣяли), за що жъ мы будемъ платить за нихъ!—загудѣла толпа.

Сколько ни разъяснялъ я, что никакая часть надѣла не предоставляется крестьянамъ иначе, какъ на выкупъ, сколько ни напоминалъ стоявшимъ предо мною, какъ они на этомъ самомъ мѣстѣ молили о выкупѣ садовъ, считая его за счастіе—толпа не удовлетворялась, продолжая твердить, что сады „наши"—значитъ, должны быть отданы даромъ. Ропотъ продолжался не малое время, явно показывая, что крестьяне во мнѣ сомнѣваются и думаютъ, что я отдаю имъ сады не такъ, какъ слѣдуетъ, а на условіяхъ, болѣе выгодныхъ для пана. Положимъ, я зналъ, что волость эта всегда отличалась болѣе безпокойнымъ характеромъ, но все-же проявленіе со стороны ея населенія такой подозрительности послѣ долгихъ стараній объ его интересѣ заставляло меня переживать крайне непріятныя ощущенія. Наши переговоры закончились подробнымъ разъясненіемъ съ моей стороны, что если крестьяне выкупными актами недовольны, то могутъ, не пропуская мѣсячнаго срока, принести жалобы губернскому присутствію такимъ-то порядкомъ.

Случилось такъ, что всего черезъ нѣсколько дней послѣ объявленія этихъ актовъ я былъ назначенъ предсѣдателемъ другого мирового съѣзда, и срокъ для жалобъ истекалъ уже послѣ моего отъѣзда на новое мѣсто. Безпокойные крестьяне сообразили, что теперь со мною церемониться уже нечего, можно за моимъ отсутствіемъ валить на меня что̀ угодно, и рѣшили жаловаться, не пренебрегая эффектами. Какъ только приблизилось истеченіе срока, они массою двинулись почти за сорокъ верстъ въ городъ и стали предъ домомъ губернскаго присутствія. Вышли къ нимъ два члена присутствія и выслушали цѣлый потокъ словесныхъ изліяній на тему, что прежній мировой посредникъ, т. е. я, тянулъ руку за паномъ и причинилъ имъ великую обиду, назначивъ имъ сады не даромъ, какъ по ихъ мнѣнію слѣдовало, а на выкупъ, отчего имъ предстоитъ платить деньги за трудъ ихъ дѣдовъ и отцовъ. Вотъ какихъ молитвъ я дождался. Члены присутствія, хорошо знавшіе исторію этого дѣла, возмутились такими разсказами и принялись стыдить толпу.

— Вамъ ли жаловаться, о васъ ли не заботились? Мы хорошо знаемъ ваше дѣло,—вы получили то, чего не имѣетъ ни одно селеніе въ широкой округѣ, и вмѣсто благодарности вы еще говорите небылицы! Какъ у васъ достало совѣсти на такія жалобы?..

Крестьяне пытались нѣкоторое время подержаться въ своей позиціи „обиженныхъ", ворчали, но подъ конецъ пришли въ смущеніе. Стали смягчать свои жалобы, останавливая болѣе криклі-

выхъ, потомъ замолкли, помялись нѣкоторое время на одномъ мѣстѣ, вопросительно взглядывая другъ на друга, и наконецъ толпа разомъ тронулась и побрела обратно домой.

А невдалекѣ оттуда получившіе гораздо меньше выгодъ обнаруживаютъ совсѣмъ другое отношеніе. Объявляю имъ выкупные акты, объясняю при этомъ порядокъ обжалованія и слышу въ отвѣтъ: „А на что же намъ теперь жаловаться?“ —Да вотъ, если вы недовольны тѣмъ, что я вамъ объявилъ; если не вѣрите, что для васъ все сдѣлано правильно, то можете въ тридцати-дневный срокъ подать жалобу въ губернское присутствіе.—„Кому жъ намъ вѣрить,—отвѣчаютъ крестьяне—только Богу, да вамъ!“—И жалобъ нѣтъ. Случалось, что, по выслушаніи акта, иные крестьяне сами просили моего совѣта, подписывать его или нѣтъ? И видя, что вполнѣ сознательно они не могутъ выражать своего довольства, отрѣзывая себѣ подписью путь къ жалобѣ, я даже нерѣдко отвѣчалъ имъ:—Обойдется и безъ вашей подписи; распишитесь только, что слышали объявленное, а за тридцать дней надумаетесь, жаловаться вамъ или нѣтъ.

Бывало, что изъ двухъ смежныхъ селеній съ одинаковыми условіями, принадлежавшихъ одному и тому же помѣщику, одно постоянно мятется, недовольно, недовѣрчиво, а въ другомъ говорятъ съ видимымъ довѣріемъ:—Что вы намъ скажете, то мы и сдѣлаемъ.

Въ томъ уѣздѣ, гдѣ я былъ предсѣдателемъ съѣзда, долго тянулось одно казусное дѣло. Ш—ское имѣніе, состоявшее изъ нѣсколькихъ значительныхъ селеній, принадлежало очень крупному помѣщику, проживавшему въ другой губерніи, а отъ имени его дѣйствовалъ тотъ самый управляющій, который получилъ отъ Безака грозное внушеніе, изображенное въ предъидущей главѣ. Производя разныя хозяйственныя реформы въ своихъ имѣніяхъ, помѣщикъ въ пятидесятыхъ годахъ не поцеремонился значительно уменьшить и измѣнить крестьянскую инвентарную землю, отчего при повѣркѣ предстояла большая перекройка надѣла. Помѣщичья сторона не отрицала нарушенія инвентарнаго владѣнія, но настаивала на томъ, чтобы возвращаемое крестьянамъ количество земли отведено было не въ старыхъ границахъ, а прирѣзано изъ другой помѣщичьей земли, оправдывая свое притязаніе тѣмъ, что иначе можетъ пострадать вводимое помѣщикомъ улучшенное лѣсоустройство. Повѣрку сначала производило повѣрочное отдѣленіе, которое поддержало помѣщичье желаніе, выразивъ въ своемъ заключеніи, что хотя обстоятельства даннаго дѣла и не подходятъ ни подъ одинъ изъ четырехъ пунктовъ за-

кона, допускавшаго отступленія отъ старыхъ инвентарныхъ границъ (раздѣлъ имѣнія между сонаслѣдниками послѣ инвентарей, продажа изъ имѣнія части земли, переложное хозяйство и возведеніе на отнятой у крестьянъ землѣ цѣнныхъ построекъ), но такъ какъ въ томъ же законѣ есть еще пятый пунктъ, дозволяющій прирѣзки къ надѣлу на новыхъ мѣстахъ въ исключительныхъ случаяхъ съ разрѣшенія генералъ-губернатора, то интересы помѣщичьяго лѣсного хозяйства и могутъ быть подведены подъ такой исключительный случай. Дошло до Безака, но отвѣтъ отъ него получился рѣзко отрицательный: измѣненіе лѣсного хозяйства онъ призналъ вовсе неподходящимъ къ упомянутому пятому пункту и указалъ, что въ подобныхъ случаяхъ надѣлъ подлежитъ непремѣнному возстановленію въ инвентарныхъ границахъ, на общемъ основаніи.

Нечего дѣлать, повѣрочное отдѣленіе стало намѣчать отводъ надѣла въ старыхъ границахъ по кіевскому указанію, но не успѣла эта работа значительно подвинуться впередъ, какъ вдругъ обозначился въ Кіевѣ новый поворотъ. Отъ того же Безака получается предложеніе: хотя-де онъ остается при прежнемъ мнѣніи, но тѣмъ не менѣе считаетъ нужнымъ выяснить, не встрѣчается ли въ дѣлѣ какихъ-либо другихъ поводовъ къ отказу отъ возстановленія старыхъ границъ съ возстановленіемъ только количества прежней земли? Явилось смущающее недоразумѣніе, наводившее на мысль, что Безакъ просто ищетъ благовиднаго предлога къ отмѣнѣ своего прежняго категорическаго рѣшенія. Что̀ послужило поводомъ къ этой перемѣнѣ—мнѣ и теперь неизвѣстно. Повѣрочное отдѣленіе отвѣтило, что новыхъ поводовъ нѣтъ, но Безакъ сталъ проводить свое отступленіе съ прежней позиціи настойчиво. Послѣдовало новое распоряженіе, по которому пересмотръ дѣла о ш—скомъ имѣніи порученъ былъ соединенной коллегіи мирового съѣзда и повѣрочнаго отдѣленія подъ моимъ предсѣдательствомъ.

Тутъ люди, склонные къ политикѣ, стали давать мнѣ совѣты: вамъ-де представляется прекрасный случай угодить генералъ-губернатору; вы видите, что онъ измѣнилъ свой взглядъ на ш—ское дѣло, но ему неловко прямо взять назадъ свое мнѣніе; подыщите предлогъ къ отказу отъ старыхъ границъ — и вы дадите ему возможность перерѣшить дѣло, не ставя себя въ щекотливое положеніе. Однако нашъ съѣздъ не пожелалъ прислуживаться, держась той мысли, что если Безакъ хочетъ перемѣнить свое рѣшеніе, то пусть дѣлаетъ это отъ своего имени. Послѣ пересмотра дѣла, мы пришли къ такому заключенію:

такъ какъ ни одного изъ прямо указанныхъ закономъ поводовъ къ отказу отъ инвентарныхъ границъ въ дѣлѣ нѣтъ, то съѣздъ и не можетъ высказаться за этотъ отказъ, а рѣшеніе вопроса, подходятъ ли интересы лѣсоустройства къ пятому пункту — во власти самого генералъ-губернатора, который по этому вопросу уже высказался. Не кончилось дѣло и на этомъ: Безакъ поручилъ еще дополнительное дознаніе члену губернскаго присутствія, но и тотъ могъ высказать то же, что и съѣздъ. Только тогда уже Безакъ, прибывъ около этого времени въ Каменецъ, не затруднился прямо заявить, что самъ отказывается отъ своего прежняго мнѣнія. А черезъ нѣсколько дней, прибывъ въ мой уѣздъ, сказалъ мнѣ:—По ш—скому дѣлу я свое рѣшеніе перемѣнилъ; прирѣжьте крестьянамъ что̀ слѣдуетъ изъ другой помѣщичьей земли, такъ чтобы имъ было удобно, а за измѣненіе границъ назначьте имъ добавочное пониженіе платежей; я знаю, что у васъ крестьяне обижены не будутъ, и ваше рѣшеніе утвержу.

Итакъ, пришлось отвести крестьянамъ земельную добавку на новыхъ мѣстахъ, замѣнивъ, между прочимъ, лѣсной покосъ полевою землею. Но всѣ перипетіи этого дѣла протянулись болѣе года, и смѣны ожиданій успѣли порядочно взволновать крестьянскую массу. У нея сомнѣнія складывались вполнѣ естественно: если разъ порѣшили такъ, а въ другой иначе, то которое же изъ рѣшеній по настоящему закону? И, при своей темнотѣ и подозрительности, крестьяне твердо уперлись на томъ, что надо непремѣнно добиваться „старыхъ межъ", не соглашаясь ни на что̀ иное. Вожакомъ всѣхъ заинтересованныхъ селеній былъ тутъ старикъ съ длинною сѣдою бородою, Кость-Парадюкъ. Неловко стало положеніе нашего мирового съѣзда при объясненіяхъ съ крестьянами. При проектированіи отвода, на поляхъ, среди взбудораженной толпы нѣсколькихъ деревень, я долго объяснялъ крестьянамъ, что они ничего не потеряютъ, такъ какъ количество земли дано имъ будетъ полное и отведется удобно, а платежи понизятся больше, чѣмъ у ихъ сосѣдей.—Убавка платежей,—говорилъ я,—зачтется вамъ съ осени 1863 года; все переплаченное вами прежде вычтется изъ будущихъ платежей, и потому вы, можетъ быть, два или три года даже совсѣмъ ничего не будете платить.—Но толпа сильно роптала, а Кость-Парадюкъ отрицательно потряхивалъ своею бородою, говоря, что громада, кромѣ старыхъ межъ, ни на что̀ другое „не пристанетъ". Перспектива платежнаго облегченія мало прельщала крестьянъ, вызывая съ ихъ стороны отзывы:—Колѝ (когда) то ще буде, а може

и не буде!—Волненіе чувствовалось настолько, что можно было даже опасаться открытаго сопротивленія.

— Видно, що треба идти до самого Царя, — слышалось потомъ отъ крестьянъ.—Кость-Парадюкъ самъ пиде въ Петербургъ, да пиде не дорогами, бо помѣщикъ постарается, чтобъ его назадъ вернули; такъ и не допустятъ до Царя. Кость пиде по суголовамъ (по междупольнымъ межникамъ) и самъ подастъ прошеніе Царю въ руки.

Какъ ни волновались крестьяне, однако межевыя работы были сдѣланы безъ противодѣйствія, а затѣмъ составлены и объявлены были выкупные акты. Безакъ все утвердилъ, какъ обѣщалъ. Послѣ утвержденія актовъ, осуществилась прирѣзка земли, а какъ пришелъ новый срокъ выкупныхъ платежей съ ш—скихъ крестьянъ, ихъ не потребовали вслѣдствіе зачета переплатъ. Населеніе почувствовало, наконецъ, что обѣщанное ему—не праздныя слова, а нѣчто дѣйствительное.

И вотъ, спустя года полтора, попалъ я разъ въ эту волость. Послѣ дѣловыхъ разговоровъ, старшина заявляетъ, что пришелъ Кость-Парадюкъ и желаетъ со мною видѣться. „Что бы такое могло ему понадобиться?“—подумалъ я, и никакъ не могъ догадаться. Открывается дверь, показывается знакомая длинная борода, и Кость низко кланяется.

— Пришелъ я до вашего в-ія „подяковаты“ (поблагодарить) за то, що вы для насъ зробили (сдѣлали). Мы все боялись, все не вѣрили, а теперь наша громада видитъ, що вышло ей добре. Дай Боже вамъ всего добраго!—Послѣдовалъ новый низкій поклонъ.

Особенное, непривычное ощущеніе пришлось испытать, выслушивая эти слова благодарности отъ вожака нѣсколькихъ селеній, руководившаго „общественнымъ мнѣніемъ“ цѣлой крестьянской округи во время самаго разгара ея неудовольствій. Но вѣдь прежде, чѣмъ дождаться этихъ нежданныхъ словъ—сколько надо было пережить натянутыхъ отношеній съ крестьянскою массою и даже перечувствовать своего рода нравственнаго оскорбленія отъ проявленій ея подозрительности! Оцѣнка, какую иногда встрѣчали со стороны крестьянъ искреннія заботы о нихъ, могла бы парализовать энергію этихъ заботъ, еслибъ не сознаніе, что требовать лучшаго въ данную пору не слѣдуетъ и невозможно. Помогать мужику слѣдовало не изъ эгоистическаго разсчета на уплату благодарностью, а просто потому, что онъ нуждается въ этой помощи и имѣетъ на нее право. Жизненная философія мужика складывается изъ наблюденія практическихъ

фактовъ и памяти о нихъ. Прошлое постоянно внушало ему, что дѣйствительныхъ друзей у него нѣтъ, что его или давятъ, или обманываютъ. Могли ли нѣсколько человѣкъ, дѣйствительно старавшихся отстоять ему добавочный кусокъ земли и оставить у него въ карманѣ нѣсколько рублей, уничтожить въ короткое время этотъ вѣками нажитый капиталъ недовѣрія!

Другой случай. Отъѣзжая изъ одного волостного правленія, гдѣ пришлось провозиться цѣлый день, я уже вышелъ на крыльцо, собираясь сѣсть въ повозку, какъ вдругъ подходятъ три мужика и кланяются. Когда устанешь отъ работы, подобное появленіе, обѣщающее новое дѣло, способно вызвать даже досаду, такъ какъ чувствуется нѣкоторое право на отдыхъ. И не безъ неудовольствія я встрѣтилъ пришедшихъ вопросомъ:—Что̀ вамъ нужно?—Но оказалось, что предо мною тоже люди, пришедшіе благодарить. Это были представители крестьянъ небольшого поселка, наканунѣ получившихъ, послѣ выкупа, вводъ во владѣніе. У нихъ не было даже полей, и, владѣя однѣми усадьбами, они всего больше занимались кожевничествомъ. При давнемъ ничтожномъ владѣніи, они даже получить могли очень немного, и весь результатъ повѣрки для нихъ состоялъ лишь въ освобожденіи отъ неправильнаго увеличенія усадебной оцѣнки. Однако, получивъ вводъ во владѣніе и узнавъ о моемъ пріѣздѣ въ волость, эти крестьяне сочли нужнымъ послать депутатовъ единственно для заявленія, что небольшая громада довольна своимъ положеніемъ и чувствуетъ, что̀ для нея сдѣлано. Здѣсь, казалось, меньше всего было основаній для благодарности, но она выступила, напомнивъ евангельское сказаніе объ исцѣленіи прокаженныхъ: „не десять ли очистишася, да девять гдѣ“?

И совѣсть, и опытъ одинаково внушали, что самый правильный методъ дѣйствій—не заискивать выраженій довѣрія, а говорить и дѣлать, что̀ слѣдуетъ, серьезно, прямо, безъ искусственныхъ пріемовъ и всякаго битья на эффектъ. Лучшій разъяснитель крестьянамъ вашихъ намѣреній — факты. Принесутъ они довѣріе—хорошо, а если не принесутъ—надо и съ этимъ мириться, какъ съ неизбѣжностью. Игра же въ искусственные пріемы, кромѣ того, что заключаетъ въ себѣ противный элементъ фальши, большею частью не приводитъ и къ ближайшей цѣли, а нерѣдко разрѣшается даже очень скверными результатами. Наглядный примѣръ тому представило въ нашей губерніи, между прочимъ, то самое немировское дѣло, о неудачномъ опытѣ улаженія котораго дѣятелемъ Э. сказано было въ предъидущей главѣ. Тамъ передана дѣловая сущность этой исторіи, а здѣсь

приведу нѣкоторыя подробности, со словъ близко стоявшихъ къ дѣлу.

Э—ъ взялся уладить щекотливое для администраціи дѣло соглашеніемъ обѣихъ сторонъ, которое, разумѣется, было бы зачтено ему выдающимся служебнымъ отличіемъ. Но не въ мѣру погнавшись за этою цѣлью, онъ обратился къ игрѣ внѣшними эффектами и провалился. Встрѣтивъ миролюбное расположеніе къ дѣлу въ крестьянахъ одного мѣстечка Немирова, онъ вздумалъ сейчасъ же муссировать это расположеніе, и тутъ затѣялся крестьянскій обѣдъ въ честь Э—а, ко дню его именинъ. Какъ устроивался этотъ обѣдъ—подробно не знаю, но ему поспѣшно было придано черезчуръ знаменательное значеніе. Немедленно послана Безаку телеграмма, извѣщавшая, что Э—ъ, уладивъ немировское дѣло миролюбно, пьетъ за здоровье генералъ-губернатора на обѣдѣ, данномъ ему крестьянами. Краткое выраженіе: „немировское дѣло", наводило на мысль, что рѣчь идетъ не объ одномъ только мѣстечкѣ, но и о всей округѣ селеній, входившихъ въ составъ немировскаго имѣнія. Однако мало показалось и обѣда съ телеграммою. Скороспѣлый умиротворитель задумалъ еще увѣковѣчить обѣденное торжество особеннымъ образомъ: заказавъ металлическіе жетоны, на одной сторонѣ которыхъ значилось его имя, а на другой — день праздника и названіе мѣстечка. Жетоны эти раздавались старшинамъ, старостамъ и другимъ крестьянамъ, какъ бы въ надеждѣ, что послѣдніе сохранятъ ихъ въ качествѣ драгоцѣннаго знака памяти о великомъ событіи и подвинутъ населеніе къ дальнѣйшимъ актамъ миролюбія. Но вышло какъ разъ обратное, и именно жетоны стали портить все дѣло.

Какъ только они были розданы, между крестьянами распространилось подозрѣніе, что эта диковинка имѣетъ символическое, недоброе значеніе. „На що онъ роздалъ тѣ гудзики (пуговочки),—пошла въ народѣ молва,—и что онѣ такое значатъ?"—Скоро появилось толкованіе, что „гудзики" признаются знакомъ крестьянскаго согласія на панскія желанія, и пріѣзжій начальникъ просто отуманилъ мужиковъ. Взялись крестьяне за розыски—кто смѣлъ принять зловредныя „гудзики",—а затѣмъ стали отбирать жетоны у получившихъ и немедленно истреблять. Чѣмъ дальше, тѣмъ толки становились неблагопріятнѣе, и возникло совсѣмъ враждебное отношеніе къ Э. Предложенія его стали встрѣчать упорный систематическій отказъ, и наконецъ появился слухъ, что онъ даже вовсе не начальникъ, а лицо, хитро подставленное панскою стороною подъ видомъ начальника. Подо-

зрительность, какъ разсказывалъ мнѣ потомъ Ушинскій, поддерживалась даже наружностью Э., человѣка малорослаго и горбатаго.

Сколько ни объяснялся онъ съ крестьянами—становилось очевидно, что никакого соглашенія уже не будетъ, а возраженія выходили все рѣзче и грубѣе. Волненіе разросталось. Э. горячился, пугалъ, и это подливало масла въ огонь. Враждебность выступала такъ открыто, что дошло до полнаго разрыва. При одномъ объясненіи,—по словамъ Ушинскаго,—толпа высказала, что лишь тогда повѣритъ, когда пріѣдетъ настоящій чиновникъ отъ Царя и объявитъ, что̀ именно крестьянамъ слѣдуетъ.

— Какъ вы смѣете мнѣ не вѣрить,—горячился Э.,—развѣ я самъ не отъ Царя?

Но на это толпа отвѣтила уже смѣхомъ.

— Хиба̀ (развѣ) у Царя лучшаго не нашлось, щобъ онъ прислалъ намъ таку малпу (обезьяну)!..

Послѣ этого обидѣвшійся Э—ъ заявилъ уже требованіе о присылкѣ воинской силы для усмиренія, а затѣмъ быстро послѣдовала собственная его отставка и порученіе немировскаго дѣла Ушинскому. Такъ завершилась замысловатая попытка потуманить крестьянъ эффектами.

Въ заключеніе приведу изъ собственной моей практики примѣръ борьбы съ открытымъ крестьянскимъ противодѣйствіемъ, хотя и относящійся къ позднѣйшему времени, послѣ смерти Безака, когда наступили уже обратныя вѣянія, но по содержанію своему подходящій къ темѣ настоящей главы.

Было въ моемъ уѣздѣ имѣніе титулованной владѣлицы, по которому еще до повѣрочной эпохи, въ 1862 году, состоялся выкупной договоръ, крайне невыгодный для крестьянъ. Достаточно сказать, что по инвентарю крестьянскій полевой надѣлъ показанъ былъ въ 816 десятинъ, при введеніи уставной грамоты уменьшился до 768, а по договору выкуплено было только 440 десятинъ, т.-е. надѣлъ былъ уменьшенъ почти вдвое противъ должнаго. Грубо неправиленъ былъ этотъ договоръ и въ формальномъ отношеніи, такъ что ни съ какой стороны не выдерживалъ критики. Дѣло объ исправленіи этого договора начато было еще при Безакѣ. Мировой съѣздъ выяснилъ основательность крестьянскихъ претензій; Безакъ призналъ послѣднія правильными, предложивъ помѣщицѣ соотвѣтствующія уступки, но затѣмъ умеръ, а преемникъ его, кн. Дондуковъ-Корсаковъ, отнесся къ этому неоконченному дѣлу уже иначе. Помѣщица хлопотала въ Кіевѣ, и однажды получилъ я отъ кн. Дондукова ко-

роткое письмо такого содержанія. Владѣлица такого-то имѣнія, желая добровольно окончить дѣло съ крестьянами о выкупномъ договорѣ, изъявила согласіе подарить имъ 70 десятинъ земли; „принимая участіе“ въ ея положеніи, покорнѣйше прошу васъ оказать содѣйствіе миролюбному окончанію этого дѣла.

Личные мои переговоры съ помѣщицею не привели ни къ чему, такъ какъ она больше 70 десятинъ давать не хотѣла, импонируя только поддержкою генералъ-губернатора; а крестьянамъ недоставало слишкомъ 370 десятинъ, отказываться отъ которыхъ они не имѣли ни малѣйшаго желанія. Опять затянулась переписка. Генералъ-губернаторъ, при личныхъ объясненіяхъ со мною, самъ бранилъ помѣщицу за упрямство, отпуская на ея счетъ разные неудобные комплименты, однако ограничился тѣмъ, что, сверхъ 70 десятинъ, выторговалъ у нея лишь прибавку съ ея стороны обязательства взносить за крестьянъ ежегодно по 300 рублей выкупного платежа, — да на томъ и порѣшилъ. Тутъ помѣщица успѣла продать имѣніе, и развязка свалилась на новаго владѣльца. Въ сущности, здѣсь генералъ-губернаторъ превысилъ свою власть, такъ какъ законъ вовсе не предоставлялъ ему права самому рѣшать дѣла о договорахъ, и при несогласіи помѣщицы на удовлетвореніе признанныхъ уже его предмѣстникомъ крестьянскихъ претензій—онъ долженъ былъ представить выкупной договоръ къ уничтоженію, чрезъ министерство, въ главный комитетъ объ устройствѣ сельскаго состоянія. Но соблюденіе предѣловъ власти въ эту пору уже сильно у насъ зашаталось. Мнѣ предстояло исполнить это обидное рѣшеніе.

Въ это время я уже покидалъ службу въ краѣ, но хотѣлъ покончить съ настоящимъ дѣломъ лично, хотя бы за нѣсколько дней до отъѣзда, чтобы, насколько можно, предотвратить непріятныя послѣдствія вѣроятнаго крестьянскаго сопротивленія, и не передавать дѣла своему преемнику, который еще неизвѣстно какъ бы отнесся къ нему. Дѣло въ томъ, что прирѣзка крестьянамъ 70 десятинъ соединялась съ формальнымъ отводомъ всего надѣла и установкою межевыхъ столбовъ, а это-то послѣднее обстоятельство и было самымъ щекотливымъ, такъ какъ къ столбамъ у крестьянъ вообще держалось какое-то суевѣрное отвращеніе. Гдѣ крестьяне не получали полнаго удовлетворенія, тамъ они считали свое дѣло еще непотеряннымъ до установки столбовъ, а въ появленіи послѣднихъ усматривали уже полный конецъ надеждамъ. Поэтому въ данномъ случаѣ крестьяне одновременно волновались и невозвратомъ всей слѣдовавшей имъ земли, и вопросомъ о столбахъ. Когда я предварительно послалъ

на мѣсто землемѣра для съемки отводимой земли, то онъ вернулся съ извѣстіемъ, что крестьяне рѣшительно отказываются отъ отвода, и объявили, что ставить столбовъ не дадутъ. Надо было мнѣ спѣшить на мѣсто, чтобы не дать волненію разростись.

Прибывъ рано утромъ въ волостное правленіе, я засталъ его уже окруженнымъ значительнымъ числомъ крестьянъ, а вблизи, у дымившейся кузницы, землемѣръ клеймилъ заготовленные столбы раскаленнымъ желѣзнымъ штемпелемъ, изображавшимъ форменный гербъ.

— Право, насъ кольями прогонятъ отсюда!—говорилъ онъ, дрожа отъ страха при видѣ возбужденныхъ крестьянскихъ лицъ.

Ставъ на крыльцѣ волостного правленія, я началъ разговоръ съ увеличивавшеюся толпою, рѣшась терпѣливо истощить всѣ способы убѣжденія. Положеніе было не легкое и даже двойственное. Нельзя было не сознавать, что въ существѣ дѣла крестьяне совершенно правы; но изъ участія къ нимъ же самимъ необходимо было такъ или иначе добиться ихъ подчиненія состоявшемуся рѣшенію, потому что если только мнѣ вернуться ни съ чѣмъ, отступивъ предъ крестьянскимъ противодѣйствіемъ, то волненіе разростется, дѣло дойдетъ до присылки военной команды и начнется экзекуція съ ея обычными послѣдствіями, какъ это и случилось около того же времени въ одномъ изъ селеній сосѣдняго уѣзда, гдѣ, при сходныхъ обстоятельствахъ, были и расправы, и разбѣганье изъ деревни на продолжительное время почти всего мужского населенія, и разореніе крестьянъ распущеннымъ солдатскимъ постоемъ. Приходилось соображать, что стоявшіе предо мною крестьяне еще не лишались возможности новыхъ жалобъ и ходатайствъ, и если по нимъ будетъ какой-нибудь успѣхъ, то, получивъ теперь 70 десятинъ, они могутъ потомъ получить и больше, тогда какъ если бросить „усмиреніе“ теперь, то, кромѣ перспективы экзекуціи, имъ, пожалуй, не достанутся и эти 70 десятинъ, потому что кіевскія и петербургскія вѣянія стали ужъ очень неблагопріятны. Съ другой стороны, долгій опытъ знакомства съ крестьянами ясно подсказывалъ, что поддаваться эффекту ихъ настояній нельзя, такъ какъ уступчивость вызываетъ въ раздраженной толпѣ новыя требованія, и это подливаетъ масла въ огонь. Чувствовалась необходимость поддерживать полный авторитетный тонъ и—что бы ни происходило въ душѣ—не обнаруживать ни малѣйшаго колебанія, а тѣмъ болѣе—страха.

Меня встрѣтилъ общій гулъ:

— Всѣмъ мы недовольны! Намъ не отдаютъ нашей земли! Сколько мы уже подавали прошеній, да намъ ничего не вышло! Всѣ присягнутъ, что эта земля—наша, нечего намъ больше ждать! Хоть всѣ пойдемъ въ Петербургъ, а столбовъ не будетъ!..—вопіяла толпа.

Добившись, по возможности, того, чтобы, вмѣсто общаго крика, каждый говорилъ отдѣльно, я сталъ спокойно, но твердо разъяснять, что и самъ хорошо знаю, какая земля имъ дѣйствительно принадлежала, что мировой съѣздъ и хлопоталъ о возвратѣ имъ всей этой земли, но тѣмъ не менѣе—разъ генералъ-губернаторъ назначилъ имъ только 70 десятинъ—надо этому подчиниться, потому что иначе ничего добраго не выйдетъ, такъ какъ не бывало еще примѣра, чтобы крестьянамъ удавалось отстоять что-нибудь силою. Но у крестьянъ накопилось столько мучительнаго, протестующаго чувства, что до какого-нибудь успокоенія было еще очень далеко, и возгласы слѣдовали за возгласами.

Тутъ всего больше требовалось терпѣнія, самообладанія и голосовыхъ средствъ. Когда вы обращаете къ мужику одну повелительность, приказываете ему молчать, мѣшаете ему выложить то, что у него на душѣ—это вызываетъ въ немъ только возмущеніе чувства, и онъ сильнѣе горячится. Напротивъ, если вы даете ему высказать все, что его мутитъ, если онъ видитъ, что вы вовсе не пренебрегаете его словами, и на каждый аргументъ отвѣчаете аргументомъ же—онъ, если и не получаетъ удовлетворенія, то все-же нѣсколько успокоивается и становится способнѣе понимать, что и вы дѣйствуете такъ или иначе не произвольно, а въ силу необходимости. Давно убѣдившись въ томъ, я рѣшился отвѣчать положительно каждому желающему, самъ вызывая—не имѣетъ ли кто сказать что-нибудь, чтобы не оставалось ничего недоговореннаго.

Этотъ пріемъ, постепенно смягчая остроту первой встрѣчи, значительно помогъ дѣлу, хотя на одни такія словесныя объясненія понадобилось затратить нѣсколько часовъ сплошь. Подошелъ священникъ звать меня къ себѣ обѣдать, долго слушалъ и, наконецъ, взмахнувъ руками, ушелъ, а послѣ говорилъ, что не видалъ еще такого терпѣнія. Но оно не осталось безъ результата: въ теченіе этихъ часовъ самъ собою совершился нравственный умѣряющій процессъ, и мнѣ уже начинало чувствоваться, что оппозиція будетъ только пассивная, хотя не безъ упорства. Ослабленію содѣйствовало, между прочимъ, то, что явился тутъ представитель помѣщичьей стороны съ какими-то

непомѣрными требованіями, и я ему внушительно отказывалъ. Когда матеріалъ для объясненій сталъ замѣтно истощаться— перевалило уже далеко за полдень.

Отдѣльные протестующіе возгласы еще продолжались. Двое закричали: „Когда такъ, то нехай же (пусть) заберутъ у насъ и всю прежнюю нашу землю, нехай подохнемъ съ голоду, нехай насъ въ Сибиръ зашлютъ, нехай насъ пушками перестрѣляютъ!..“ и т. д.—Возгласы безсмысленные, но способные возбуждать толпу, и потому надо было ихъ прекратить.

— Что вздоръ говорить! — возвысилъ я голосъ. — Кабы у васъ въ самомъ дѣлѣ отобрали всю землю, развѣ вы не просили бы отдать ее назадъ! Разсказывайте про пушки и Сибирь малымъ дѣтямъ, а не мнѣ! — Записавъ, для вида, кричавшихъ, я велѣлъ старшинѣ и старостѣ немедленно отвести ихъ въ „холодную“, подъ эффектнымъ названіемъ которой разумѣлся сквозящій сарай въ маѣ мѣсяцѣ. Эта съ строгимъ видомъ принятая мѣра сейчасъ же вызвала очень своеобразный отвѣтъ: едва арестованныхъ увели—исчезла и часть стоявшей предо мною толпы; она протестовала тѣмъ, что засѣла въ тотъ же сарай подъ добровольный арестъ, демонстративно выражая желаніе дѣлить участь своихъ собратовъ. Къ этому я отнесся спокойно, сказавъ: —Хотятъ сидѣть—пусть сидятъ; можно дѣлать дѣло и безъ нихъ.

Столбы были уже готовы и надо было везти ихъ на мѣсто, но повозокъ нѣтъ. Я приказалъ привести нѣсколько, но на это изъ толпы откликнулись: — Нема у насъ подводъ! — Замѣтивъ одного изъ выкрикнувшихъ и чтобы не дать его протесту распространиться, я сейчасъ же подошелъ къ нему, спросилъ его имя у старшины, записалъ, для вида, на бумажку и, обратясь къ нему, сказалъ, возвысивъ голосъ:

— Это ты не даешь повозки? Такъ именно ты же приведешь свою собственную, я тебя записалъ, и теперь за повозку отвѣчаетъ не громада, а ты, Сидоръ Гончаръ! Ступай сейчасъ домой, и если черезъ четверть часа подводы не будетъ—*ты* виноватъ!

Мужикъ, почувствовавъ свою личную отвѣтственность, замялся и сталъ ссылаться на рѣшеніе громады, но я повторилъ ему, что отвѣчаетъ за подводу онъ самъ. Такъ поступилъ я еще съ тремя или четырьмя отдѣлывавшимися тѣми же отговорками, и, спустя нѣкоторое время, у меня были уже повозки, на которыя стали валить готовые столбы. Мужикъ бываетъ смѣлъ, дѣйствуя отъ имени толпы; но онъ гораздо робче при перспективѣ личнаго отвѣта, когда чувствуетъ себя „единицею“. Признаюсь,

что крайне непріятное ощущеніе пришлось испытывать, вводя такое разъединеніе, идя противъ чувства общей солидарности, но въ жуткую, рѣшительную минуту было не до красивости положенія, и всего болѣе чувствовался долгъ предъ самою задачею недопущенія до скверныхъ послѣдствій сопротивленія.

Но и съ подачею повозокъ крестьяне примирились не сразу. Едва я вошелъ на нѣсколько минутъ внутрь волостного правленія, какъ старшина вошелъ вслѣдъ за мною сказать, что крестьяне принялись угонять повозки уже со столбами, въ томъ соображеніи, что если столбы исчезнутъ, то нечего будетъ ставить, и дѣло разстроится само собою. Моментъ былъ еще рѣшительнѣе,—начатаго прерывать было нельзя. Вернувшись немедленно въ толпу, я взялъ подъ-уздцы лошадь угоняемой подводы, поворотилъ ее обратно и, подозвавъ одного изъ крикуновъ, вручилъ ему поводъ лошади со внушеніемъ, что съ этой минуты онъ лично отвѣчаетъ за данную повозку. То же сдѣлалъ и съ другими, опять записавъ имена, и повозки больше не двинулись съ мѣста.

— Мы подавали прошенія, а какъ столбы поставятся, то не помогутъ уже и прошенія,—стали говорить крестьяне, выражая одинъ изъ существенныхъ мотивовъ своего поведенія.

— Ничего,—столбы прошеніямъ не повредятъ,—отвѣчалъ я.

Однако, все уже было переговорено, все приготовлено, пора было браться за дѣло. Громада, съ трудомъ уступая шагъ за шагомъ, какъ будто подчинялась отправкѣ столбовъ на межи, но удерживала протестующее положеніе, заявляя, что сама она не пойдетъ въ поле.

— Мнѣ всей громады и не нужно,—отвѣтилъ я,—возьму человѣкъ шесть, захвачу стороннихъ—и поѣдемъ. А прочіе—какъ кто хочетъ.

Въ переднюю повозку сѣли старшина, староста и двое крестьянъ; середину поѣзда заняли повозки со столбами, чтобы нельзя было угнать ихъ съ пути, а въ заднюю—усѣлся я съ землемѣромъ, замыкая шествіе. Намѣченные нѣсколько крестьянъ должны были идти пѣшкомъ. Одинъ изъ наиболѣе кричавшихъ идти не хотѣлъ, отговариваясь уже тѣмъ, что у него ноги болятъ. — Ну, если не можешь идти пѣшкомъ,—сказалъ я ему,—садись ко мнѣ въ повозку, поѣдешь рядомъ со мною.—Мужикъ было-замялся,—однако, сѣлъ. Къ себѣ же я помѣстилъ еще и другого протестанта.

Поѣздъ нашъ тронулся шагомъ, выѣхалъ изъ селенія, а межа была очень близко. Доѣхали до перваго пункта, гдѣ слѣдовало поставить столбъ, и я скомандовалъ: — Теперь, возьмемте

заступы и будемъ копать яму! — Черезъ нѣсколько минутъ она была уже выкопана, и въ нее погрузили первый столбъ. Это была самая торжественная минута „усмиренія“: сопротивленія уже нѣтъ, опасность бунта исчезла! За первымъ столбомъ пошли—второй и третій... Работа шла тихо. Нехотѣвшіе-было идти на межу стали подходить по два, по три, и скоро на полѣ собралась цѣлая толпа. Наши разговоры становились все мирнѣе, мягче. Время, ходьба, общая работа, высказанность всего, лежавшаго на душѣ, видимо успокоивали раздраженіе. Когда часть столбовъ была уже водружена, толпа, во время передышки, окруживъ меня, задала вопросъ:

— А можно намъ еще подавать прошенія?

— Можно; никому не запрещается просить.

— А какъ что-нибудь выйдетъ на наши прошенія,—не помѣшаютъ эти столбы?

— Ровно ничего. Если дѣло повернется въ вашу пользу, то земля отведется вамъ по-новому, и столбы переставятъ на другія мѣста. А пока ничего нѣтъ—Боже васъ сохрани трогать столбы, потому что за это большая отвѣтственность назначена.

— Да что жъ... нехай себѣ стоятъ... мы зачепать ихъ не будемъ...

— И не зачепайте. Лучше дѣлать по-умному, не будоражиться безъ толку...

Я не оставилъ мѣста до конца работы, и лишь около захода солнца отправился обѣдать и ночевать къ священнику.

На другой день, очень рано утромъ, только-что мы съ священникомъ взялись за стаканы чаю, толпа собралась у священническаго дома и прислала звать меня для объясненій. Я сперва отвѣтилъ, что часа черезъ два буду въ волостномъ правленіи и тамъ готовъ разговаривать; но толпа прислала вторично сказать, что желаетъ говорить со мною именно здѣсь, такъ какъ въ правленіи можетъ встрѣтиться представитель помѣщичьей стороны, а она хочетъ посовѣтоваться со мною интимно. Признакъ—уже добрый!—Вопросы крестьянъ состояли въ томъ, куда и какъ имъ можно жаловаться. Я далъ надлежащія разъясненія, и толпа ушла къ правленію.

Въ тотъ же день объявилъ я протоколъ отвода крестьянамъ и представителю помѣщичьей стороны. Послѣдній заявилъ неудовольствіе, крѣпко спорилъ; но крестьяне отнеслись къ дѣлу уже совершенно спокойно. Видно, за ночь много передумали. Когда, оставшись съ ними одними, я собирался уже уѣзжать,

они принялись объясняться по поводу своего вчерашняго поведенія, оправдывая его тѣмъ, что ужъ очень имъ наболѣло неудовлетвореніе правильныхъ земельныхъ претензій; а въ заключеніе попросили освобожденія посаженныхъ вчера въ „холодную".

— А они еще тамъ сидятъ? Пусть идутъ, куда хотятъ,— отвѣтилъ я,—мнѣ не нужно ихъ карать. Главное теперь—вы держите себя спокойно. Покричалъ и я на васъ вчера довольно, а сами подумайте, можно ли было иначе? Что̀ было бы, еслибъ вы не одумались? Вѣдь еслибъ я послушалъ васъ да вернулся домой ни съ чѣмъ—этимъ бы не кончилось. Тогда уже не я бы къ вамъ пріѣхалъ, а ввели бы въ село военную команду, и сами знаете, что̀ бы тогда было,—а столбы все-таки поставили бы. Не лучше ли теперь? Я не хотѣлъ бы на васъ кричать, да что̀ съ вами подѣлаешь! Двое-трое бухнутъ неподходящее, а вы, чѣмъ бы сдержать ихъ умнымъ словомъ,—за ними же тянете. Ну, да что̀ прошло, то прошло, впередъ только обдумывайте, что̀ изъ чего можетъ выйти.

Разстались мы наилучшимъ образомъ. Толпа проводила меня за околицу, слѣдуя за плетущеюся шагомъ моею повозкою и выражая добрыя пожеланія.

Можетъ быть, этотъ исходъ былъ дѣломъ случая, и при болѣе рѣшительномъ сопротивленіи кончилось бы хуже, но изъ всего испытаннаго я не могъ не вынести убѣжденія, что при достаточной мѣрѣ терпѣнія и внимательности къ крестьянскимъ свойствамъ, нуждамъ и недоумѣніямъ бо̀льшая часть случавшихся усмиреній силою могла бы быть во̀-время предотвращена. Вѣдь и въ разсказанной исторіи ка̀къ немногаго недоставало, чтобы она разгорѣлась до очень скверныхъ послѣдствій!

IV.

Заключеніе четырехлѣтія.

Въ исходѣ 1866 года повѣрочныя дѣйствія близились къ концу уже почти вездѣ, при еще большемъ напряженіи работъ. Выкупные акты составлялись и разсматривались массами, и какъ прежде губернское присутствіе строго критиковало ихъ, такъ теперь торопилось утверждать, не особенно приглядываясь къ неважнымъ прорѣхамъ. Въ одно засѣданіе пропускалось ихъ десятка по два и больше. Утвержденія выходили почти всегда единогласными; а такъ какъ жалобы на акты допускались по

закону только въ случаѣ разногласія, то этимъ самымъ устранялся всякій поводъ къ перенесенію дѣлъ въ министерство, и по существу все рѣшалось не дальше Кіева. Затѣмъ выкупному учрежденію оставалось только назначать выкупныя ссуды. Дѣло быстро подвигалось впередъ, хотя вслѣдствіе той же спѣшности неизбѣжны бывали промахи.

Все это время установившаяся охрана крестьянскихъ интересовъ выдерживалась послѣдовательно, какъ бы даже возростая въ своей силѣ. Добавки надѣловъ были почти вездѣ, пониженія платежей назначались значительныя и выходили тѣмъ больше, чѣмъ позднѣе совершались акты. Къ такому ходу дѣла всѣ уже привыкали, и только разъ появилась-было у помѣщиковъ серьезная надежда на новую реакцію въ пользу ихъ интересовъ.

Это было послѣ Каракозовскаго покушенія, когда объявленъ былъ извѣстный рескриптъ 13 мая 1866 года на имя предсѣдателя комитета министровъ, кн. Гагарина. Въ этомъ рескриптѣ, между прочимъ, было заявлено объ участіи нѣкоторыхъ состоявшихъ на государственной службѣ лицъ въ распространеніи вредныхъ ученій и указывалось на необходимость противодѣйствовать возбужденію вражды между сословіями, особенно — противъ землевладѣльцевъ, а также—охранять „право собственности во всѣхъ видахъ, опредѣленныхъ общими законами и положеніями 19 февраля". Вслѣдъ за рескриптомъ появился и развивавшій его указанія циркуляръ министра Валуева, который особенно старался поставить въ связь печальное событіе съ вопросомъ о примѣненіи „Крестьянскихъ Положеній". Высказываясь противъ пристрастій въ крестьянскомъ дѣлѣ, циркуляръ этотъ замѣчалъ, что „законъ равно обязателенъ для обѣихъ прикосновенныхъ сторонъ, и власть, его примѣняющая, не въ правѣ наклонять его въ пользу той или другой стороны и быть щедрою для одной изъ нихъ на счетъ стороны противной".—Впечатлѣніе обоихъ этихъ актовъ было велико, и хотя точный текстъ ихъ одинаково требовалъ охраны интересовъ помѣщиковъ и крестьянъ, но среди возбужденныхъ помѣщиковъ юго-западнаго края означенные акты вызвали усиленное чтеніе между строкъ и очень широкія толкованія. Напоминанія о соблюденіи „Положеній 19 февраля" нѣкоторыми были поняты въ томъ смыслѣ, что правила, изданныя послѣ 19 февраля, уже теряютъ силу, а вредныя ученія пріурочивались къ нашимъ повѣрочнымъ работамъ.

Помню, какъ однажды, вскорѣ послѣ опубликованія этихъ актовъ, встрѣтился я съ помѣщикомъ изъ очень недовольныхъ, и онъ съ хитрою улыбкою сталъ разспрашивать меня, когда

ожидается пріѣздъ генералъ-губернатора? Отвѣтивъ, что̀ зналъ о томъ, я прибавилъ вопросъ:

— Отчего это васъ интересуетъ, когда ваше дѣло, помнится, совсѣмъ закончено?

— Интересно будетъ послушать, какъ онъ станетъ предъ нами извиняться,—отвѣчалъ мой собесѣдникъ.

— Въ чемъ извиняться?

— А въ томъ, какъ велось у насъ крестьянское дѣло. Теперь, послѣ рескрипта, все уже пойдетъ иначе, и Безаку не легко будетъ выпутываться изъ того, что̀ онъ надѣлалъ.

Собесѣдникъ мой далеко не былъ исключеніемъ. Такъ думали многіе, возлагая большія надежды на помощь предполагавшагося новаго политическаго мотива. Однако Безакъ, не дѣлая никакихъ декларацій, самымъ образомъ дѣйствій и отрывочными замѣчаніями ясно давалъ понять, что подвергавшіяся толкованіямъ слова рескрипта и циркуляра нисколько не требуютъ измѣненія нашихъ повѣрочныхъ дѣйствій, которыя должны идти такъ же, какъ прежде шли. Отголоскомъ возникшихъ надеждъ осталось лишь то, что въ составъ большинства жалобъ на выкупные акты вошли и ссылки на рескриптъ 13 мая.

Несмотря, однако, на всѣ административныя работы, въ началѣ 1867 года недодѣлки еще оставались, и хотя въ общей массѣ дѣла онѣ были невелики, но, сосредоточиваясь въ немногихъ уѣздахъ, представляли собственно въ нихъ немалую работу, плохо поддававшуюся усиліямъ неумѣлыхъ съѣздовъ. У насъ было два-три такихъ уѣзда, а въ Волыни, которая прежде обгоняла нашу губернію, дѣло затормазилось даже сильнѣе. Тогда какъ, вслѣдствіе завершенія главной массы работъ, уже закрыты были повѣрочныя отдѣленія мировыхъ съѣздовъ и произведено было сокращеніе числа мировыхъ участковъ, съ удаленіемъ посредниковъ поплоще,—въ отсталые уѣзды то-и-дѣло командировались члены губернскаго присутствія для руководства и ускоренія. Вновь мѣнялся тамъ и личный составъ. Ольгопольскій съѣздъ за Безаковское время три раза подвергался обновленію. Сверхъ общихъ недодѣлокъ, почти въ каждомъ уѣздѣ встрѣчались отдѣльныя дѣла, осложнившіяся какими-либо исключительными причинами и оттого передвигавшіяся изъ уѣздовъ въ губернію и Кіевъ и обратно.

Окончательныя утвержденія актовъ главнымъ выкупнымъ учрежденіемъ, являвшіяся прежде лишь спорадическими примѣрами, съ 1867 года приняли уже массовой характеръ, и вотъ когда стали широко пожинаться дѣйствительные плоды всѣхъ

предшествовавшихъ дѣйствій, заботъ, борьбы и разрѣшенія возбуждавшихся вопросовъ. Крестьянство дождалось наконецъ фактическаго возврата инвентарныхъ земель и уменьшенія платежей. Мировыя учрежденія въ это время постоянно занимались передачею крестьянамъ означенныхъ земель, съ возстановленіемъ старыхъ границъ, а также сносились съ уѣздными судами и гражданскою палатою о выдачѣ крестьянамъ „данныхъ" на владѣніе выкупленною земельною собственностью. Уменьшеніе платежей зачиталось съ 1 сентября 1863 года, а такъ какъ крестьяне до утвержденія актовъ вносили ихъ въ прежнемъ размѣрѣ, то образовались значительныя переплаты, которыя зачислялись въ будущіе сроки. Гдѣ пониженіе утверждалось большое, тамъ крестьяне на два или три года, а иногда даже дальше, совсѣмъ освобождались отъ платежа. Этимъ разрѣшался и мучительный вопросъ о недоимкахъ, гдѣ онѣ были, такъ какъ послѣднія съ избыткомъ покрывались зачетомъ переплатъ.

Словомъ, для населенія наступила пора очень чувствительной передышки послѣ долгаго напряженнаго состоянія и сомнѣній въ обѣщанныхъ улучшеніяхъ. Оно увидѣло обращеніе словъ въ осязательные факты. И въ общемъ нельзя было не отдать справедливости крестьянскому терпѣнію, напоминавшему такую же выдержку въ періодъ ожиданія „воли", т.-е. предъ 1861 годомъ. Тогда какъ противники новаго устройства крестьянъ силились приписать повѣрочнымъ работамъ возбуждающее дѣйствіе на населеніе, въ смыслѣ вызова бунтовъ, самовольныхъ земельныхъ захватовъ и неповиновенія властямъ—именно это-то время отличалось наибольшимъ спокойствіемъ въ деревняхъ, рѣзко оттѣняясь тѣмъ отъ предъидущей и послѣдующей эпохъ. Объ усмиреніяхъ и экзекуціяхъ стали забывать. Случайныя волненія если и бывали, то такія рѣдкія, единичныя, что ихъ почти не было замѣтно, да и тѣ возникали отъ какихъ-либо исключительныхъ причинъ, не ведя притомъ къ большимъ послѣдствіямъ. Кромѣ переданной прежде „немировской исторіи", могу припомнить за Безаковское время разсказы только объ одномъ или двухъ случаяхъ сопротивленіи въ ольгопольскомъ уѣздѣ, при постановкѣ межевыхъ столбовъ, да о четырехъ случаяхъ въ кіевской губерніи (въ томъ числѣ въ имѣніяхъ гр. Бобринскаго), которые все-таки кончились благополучнѣе, чѣмъ кончались подобные примѣры прежде. Вообще, съ полученіемъ серьезной надежды на улучшеніе своего состоянія, крестьяне въ общей массѣ, даже и при неудовольствіяхъ, вели себя осторожнѣе прежняго, терпѣливо выжидая окончательныхъ результатовъ.

За окончаніемъ главной массы повѣрочныхъ работъ, объѣздъ края Безакомъ въ 1867 году былъ посвященъ уже преимущественно другой сторонѣ дѣла—состоянію крестьянскаго управленія и знакомству съ экономическимъ положеніемъ населенія. Мировыми учрежденіями произведена была повсемѣстная ревизія волостей. Собранъ былъ повсюду обширный статистическій матеріалъ, касающійся сельской администраціи и хозяйственнаго быта каждой отдѣльной деревни, который группировался по уѣздамъ и губерніямъ. Ко дню пріѣзда Безака въ тотъ или другой уѣздъ, крестьянское волостное и сельское начальство нѣсколькихъ волостей являлось къ нему съ волостными книгами и подвергалось разспросамъ и указаніямъ. Безакъ самъ просматривалъ книги мірскихъ приговоровъ и крестьянскихъ сдѣлокъ, читалъ рѣшенія волостныхъ судовъ, и по этому поводу происходили сужденія о способахъ улучшенія дѣла. Крестьянамъ онъ лично внушалъ, что, получивъ удовлетвореніе своихъ законныхъ претензій, они должны строго соблюдать чужія права, воздерживаясь отъ всякаго ихъ нарушенія, и искать улучшенія своего быта въ собственномъ трудѣ, хозяйственности, а также—въ обученіи своихъ дѣтей.

Однако на посвѣтлѣвшемъ фонѣ крестьянскаго міра крупнымъ темнымъ пятномъ оставалось положеніе тѣхъ селеній, которыхъ коснулись не разъ упоминавшіеся прежде выкупные договоры и выкупы по требованію одной помѣщичьей стороны, совершенные до повѣрочной эпохи, т.-е. въ періодъ 1861—1863 годовъ. Какъ уже было разсказано, исправленіе этихъ выкуповъ составляло большую и сложную задачу, по причинѣ непослѣдовательности закона, отнесшагося къ нимъ совсѣмъ не такъ, какъ къ устройству главной массы сельскаго населенія. Въ сущности, этими выкупами крестьянскія права и выгоды нарушались вовсе не меньше, а часто даже гораздо больше, чѣмъ многими уставными грамотами, потому что при нихъ сильно сокращались надѣлы и преувеличивались повинности. При томъ же и число этихъ выкуповъ было значительно. Въ подольской губерніи ихъ было 226 (т.-е. они коснулись болѣе чѣмъ десятой части крестьянскаго населенія), въ кіевской—165, а въ волынской—46. Но законъ 1863 года, не взвѣсивъ сущности дѣла, отнесся къ состоявшемуся „выкупу“ какъ къ чему-то болѣе священному, нежели уставная грамота, и сначала оставилъ-было всѣ выкупы въ полной силѣ, а впослѣдствіи,—когда кіевская временная коммиссія подняла вопросъ объ ихъ выдающихся неправильностяхъ,—дѣло разрѣшилось изданіемъ 28-го апрѣля 1865 года такихъ

сложныхъ правилъ, которыя совсѣмъ парализовали ходъ исправленія ихъ.

По этому закону, порядокъ разбора жалобъ на выкупы 1861—1863 годовъ установленъ былъ такой: мировой съѣздъ, не приступая къ обычному разбирательству, собираетъ свѣдѣнія о формальныхъ нарушеніяхъ при совершеніи выкупа, а также о существѣ понесенныхъ крестьянами потерь, и сообщаетъ свой отзывъ губернскому присутствію, которое съ своимъ заключеніемъ представляетъ дѣло на усмотрѣніе генералъ-губернатора; затѣмъ, если послѣдній признаетъ выкупъ неправильнымъ, а крестьянскія претензіи основательными, то сначала предлагаетъ помѣщику добровольно удовлетворить крестьянъ и, лишь въ случаѣ его отказа, испрашиваетъ, чрезъ министерство внутреннихъ дѣлъ, разрѣшеніе главнаго комитета объ устройствѣ сельскаго состоянія на уничтоженіе выкупа съ производствомъ повѣрки уставной грамоты на общемъ основаніи. Главными неудобствами такого порядка представлялись, во-первыхъ, большая потеря времени, а во-вторыхъ—необходимость проводить каждое отдѣльное дѣло, при отсутствіи помѣщичьяго согласія, черезъ двѣ петербургскія инстанціи, изъ которыхъ, по крайней мѣрѣ, отъ одной мало ожидалось благопріятнаго отношенія къ дѣлу. Такъ какъ на повсемѣстное помѣщичье согласіе разсчитывать было нельзя, да и при расположеніи къ нему предвидѣлась необходимость торговаться и дѣлать уступки въ интересахъ ускоренія, то въ большинствѣ случаевъ на мѣстную переписку и проведеніе дѣла черезъ Петербургъ должны были требоваться годы, и уже по истеченіи ихъ дѣло могло приходить лишь къ тому моменту, съ какого въ невыкупленныхъ имѣніяхъ оно начиналось сразу. Такой порядокъ лишалъ значенія всю энергію и участіе мѣстной власти, какъ бы велики они ни были, потому что сколько бы ни горячились начинать дѣла—послѣднимъ предстояло вдоволь натормазиться при дальнѣйшихъ мытарствахъ. Къ тому же, въ концѣ Безаковскаго управленія помѣщики стали сильнѣе разсчитывать на министерство и вообще на новыя вѣянія, отчего ихъ склонность къ уступкамъ уменьшилась. И въ результатѣ вышло такое положеніе, что нерѣдко изъ двухъ сосѣднихъ селеній одно, не выкупившееся раньше, скоро получало полное удовлетвореніе, а другое—выкупившееся—оставлялось на неопредѣленный срокъ при самыхъ неясныхъ ожиданіяхъ, и примѣръ его отбивалъ у крестьянъ охоту ко всякимъ соглашеніямъ, требовавшимъ формальныхъ сдѣлокъ и обоюдныхъ подписей. Оттого, хотя къ концу Безаковскаго управленія начата была и масса

дѣлъ по исправленію старыхъ выкуповъ, но, при задержкѣ исхода, совокупность такихъ дѣлъ представляла положительно темное пятно. Отъ главнаго комитета ожидалось участливое отношеніе къ исправленію, но министерство считало себя въ правѣ, при разномысліи съ генералъ-губернаторомъ, не ограничиваться заявленіемъ различія мнѣній, а просто не доводить дѣла до главнаго комитета. Положеніе вообще принимало такой видъ, какъ будто здѣсь одна правительственная рука мѣшала усиліямъ другой.

Для нагляднаго представленія, какъ эти условія отражались на практикѣ, могу привести ходъ дѣла въ моемъ уѣздѣ. Тамъ было 19 выкуповъ періода 1861—1863 годовъ. Изъ нихъ по четыремъ помѣщики сразу согласились на исправленіе, требовавшее въ трехъ случаяхъ значительнаго пониженія платежей, а въ остальномъ, кромѣ того, и возврата четвертой части земельнаго надѣла. Далѣе, въ одномъ имѣніи исходъ дѣла облегчился тѣмъ, что оно перешло въ казенныя руки и вѣдомство государственныхъ имуществъ не противилось исправленію, и въ одномъ же крестьяне на земельныя обиды не жаловались. Что же касается прочихъ, то хотя Безакъ большею частью успѣлъ признать правильность крестьянскихъ претензій и предложить помѣщикамъ удовлетворить ихъ, но помѣщики или торговались, или молчали, выжидая для себя болѣе благопріятныхъ временъ. Такъ дѣло осталось на полу-пути до смерти Безака, и участь его попала въ зависимость уже отъ послѣдующихъ вѣяній. Для иныхъ селеній исходъ затянулся на долгіе годы, а для другихъ разрѣшался кое-какъ, съ чувствительными урѣзками. Общая система осталась невыдержанною, словомъ—непослѣдовательность закона обрекла значительную часть населенія быть неблагопріятнымъ исключеніемъ.

Вообще, съ 1867 года положеніе наступило болѣе спокойное, но съ образованіемъ сравнительнаго досуга дѣятельная иниціатива Безака, опиравшагося на способныхъ помощниковъ, нашла себѣ примѣненіе въ другихъ мѣстныхъ вопросахъ. Достаточно поверхностнаго взгляда на сущность послѣднихъ, чтобы понять, насколько они были серьезны для населенія.

Поднятъ былъ крупный вопросъ о преобразованіи въ краѣ владѣльческихъ городовъ и мѣстечекъ. Первыхъ въ краѣ восемь [1]), а послѣднихъ—болѣе трехсотъ, и положеніе ихъ являлось разстроеннымъ наслѣдіемъ временъ еще польскаго влады-

[1]) Бердичевъ, Липовецъ, Ямполь, Староконстантиновъ, Острогъ, Дубно, Ровно и Ковель.

чества. Поселенія эти—городскія, торгово-промышленнаго характера, но они состоятъ въ частномъ владѣніи, причемъ масса жителей обязывается платить владѣльцамъ „чиншъ", не будучи полными собственниками своихъ домовъ; въ иныхъ же владѣльцы взимали еще разные торговые сборы: съ тѣхъ или другихъ предметовъ продажи, за проѣздъ и т. д. Запутанность отношеній, съ одной стороны, дѣлала необезпеченнымъ положеніе каждаго домовладѣльца, а съ другой—порождала безконечныя тяжбы и чуть не ежедневные споры то по поводу неисправной уплаты „чинша", то изъ-за пользованія водою, изъ-за новыхъ построекъ и т. под. Отношенія сторонъ въ мѣстечкахъ доходили иногда до крайней степени раздраженія. Производились часто полицейскія взысканія, описи обывательскихъ имуществъ, заявлялись требованія выселеній. Когда Безакъ, стремясь къ улучшенію состоянія этихъ поселеній, поручилъ собираніе свѣдѣній о нихъ предсѣдателямъ мировыхъ съѣздовъ, то надежды возникли и у населявшихъ мѣстечки евреевъ, которые, давая требуемыя объясненія, высказывали, что и они ждутъ себѣ „счастія", въ видѣ упроченія своего владѣнія съ огражденіемъ отъ притязательности владѣльцевъ. Было основаніе ожидать и для нихъ допущенія выкупа жилищъ. Собранъ былъ и разработывался Воронинымъ обширный матеріалъ, но... за смертью Безака окончательное мнѣніе его объ основаніяхъ реформы осталось невысказаннымъ, все остановилось, и вопросъ о владѣльческихъ городахъ и мѣстечкахъ пребываетъ въ прежнемъ положеніи до нынѣшняго дня. Не отыскивается былой иниціативы.

Отмѣнены были обязательныя повинности крестьянъ по обработкѣ земельныхъ участковъ духовенства, съ замѣною ихъ общимъ поземельнымъ налогомъ. Возбуждался даже вопросъ объ уравненіи лежавшихъ на податномъ населеніи натуральныхъ повинностей, которыя до сихъ поръ давятъ крестьянство своею отяготительностью, неравенствомъ и сословнымъ характеромъ, ожидая улучшенія лишь отъ земскаго преобразованія.

Большимъ вопросомъ было положеніе составлявшей значительную часть сельскаго населенія бывшей „шляхты". Въ давнее время, эти люди считали себя дворянами, но въ Бибиковскую эпоху права ихъ подверглись пересмотру, и вся масса забракованныхъ шляхтичей сразу обращена была въ податное сословіе западныхъ однодворцевъ. Въ бытовомъ отношеніи—по занятіямъ, образу жизни и даже по внѣшнему виду—эти люди совершенно уподоблялись крестьянамъ; они были чистые земледѣльцы и пользовались земельными участками равной величины съ крестьян-

скими, даже расположенными вперемежку съ послѣдними, но не были ограждены отъ сгона съ земли. За свое пользованіе они платили помѣщикамъ „чиншъ“, иногда мѣнявшійся въ размѣрѣ по помѣщичьему усмотрѣнію, и отбывали натуральныя повинности, какими помѣщики особенно стали донимать ихъ, когда лишились крѣпостного труда. Всего чувствительнѣе была имъ поставка подводъ для перевозокъ. Численность однодворцевъ въ краѣ составляла около 150 тысячъ мужскихъ душъ (точной цифры у меня подъ рукою нѣтъ), причемъ часть ихъ составляли католики, а большинство—православные. Вопросъ о преобразованіи однодворческаго сословія былъ поднятъ законодательно, но такъ какъ, съ удаленіемъ отъ эпохи 1861 года, сельскія реформы разрѣшались все съ бо̀льшими отступленіями отъ общихъ началъ „Крестьянскихъ Положеній“, то при рѣшеніи однодворческаго вопроса въ 1868 году земельные участки были укрѣплены только за тѣми, которые проживали въ казенныхъ селеніяхъ, а въ частныхъ имѣніяхъ (гдѣ ихъ было не менѣе 100 тысячъ мужскихъ душъ) однодворцы оставлены были „свободными съемщиками земель по договорамъ“, т.-е. въ полной зависимости отъ случайныхъ соглашеній. Ихъ только причислили къ волостямъ и переименовали въ „крестьяне“, съ распространеніемъ на нихъ и крестьянскихъ повинностей,—а это, вмѣсто улучшенія, принесло имъ ухудшеніе, такъ какъ, оставшись въ положеніи случайныхъ арендаторовъ, они обязывались платить въ казну, вмѣсто прежней „подымной“—крестьянскую „подушную“, т.-е. бо̀льшую подать. У помѣщиковъ же, сейчасъ послѣ изданія закона, явилась тенденція сгонять однодворцевъ съ наслѣдственныхъ усадебъ и др. земель или назначать новыя набавки чинша. Въ виду такого положенія, Безакъ, въ послѣдній годъ своего управленія, выхлопоталъ отводъ въ сѣверной части таврической губерніи значительной площади казенной земли, куда однодворцы и устремились въ значительномъ числѣ, образовавъ тамъ новыя селенія. Однако этимъ опытомъ и заключилась попечительность о нихъ. Не переселившіеся же стали подвергаться на родинѣ извѣстной системѣ „очищенія помѣстій“, сопровождавшейся сопротивленіями, усмиреніями и уголовными процессами, словомъ—образовалась новая масса сельскаго пролетаріата, да увеличилось населеніе тюремъ. Впослѣдствіи, по нѣкоторымъ частнымъ случаямъ сгона, дошедшимъ до сената, выяснилось, что у этихъ людей былъ особый источникъ права, такъ называемое чиншевое право, и это возбудило новый законодательный вопросъ, но онъ разрѣшился лишь восемнадцать лѣтъ

спустя, когда значительная масса была уже согнана съ мѣстъ. Установленный же порядокъ разбора чиншевыхъ дѣлъ вышелъ такимъ сложнымъ, что дѣло затянулось опять надолго, и трудно сказать, вполнѣ ли закончено даже теперь.

Между тѣмъ какъ шло описанное выше, въ Петербургѣ замѣтно усиливались вѣянія, противныя установившемуся въ краѣ направленію, и опять почувствовалось вліяніе той роковой связи судебъ крестьянскаго дѣла съ политическими мотивами, которая сказывалась въ теченіе многихъ десятковъ лѣтъ. Въ этихъ судьбахъ слишкомъ многое зависѣло отъ того—„полякъ" ли заслонялъ „помѣщика" въ данное время, или, наоборотъ, помѣщикъ—поляка. Охрана крестьянскихъ интересовъ въ описываемую эпоху допускалась свыше—подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ событій 1863 года, вызвавшихъ раздраженіе противъ поляка, и упомянутые интересы получали удовлетвореніе не столько во вниманіи къ нимъ самимъ, сколько въ видахъ противодѣйствія поляку. Но къ концу шестидесятыхъ годовъ впечатлѣнія 1863 года стали слабѣть и, неразрывно съ тѣмъ, во вліятельныхъ сферахъ быстро поднимались фонды крупнаго землевладѣнія за счетъ крестьянскихъ.

Въ сущности эта односторонняя тенденція вовсе и не прерывалась. Въ Петербургѣ, въ высшихъ служебныхъ сферахъ и въ нѣкоторой части общества постоянно существовала вѣская партія сторонниковъ реакціи крестьянской реформѣ, только не всегда одинакова была ея сила. Проводя свои виды въ отношеніи ко всѣмъ мѣстностямъ, эта партія дѣятельно интересовалась и западнымъ краемъ, гдѣ многое шло несогласно съ ея симпатіями, причемъ къ ней примыкали и вліятельные представители юго-западнаго землевладѣнія. Партія эта имѣла своимъ органомъ газету „Вѣсть", которая неустанно травила и работниковъ крестьянскаго дѣла, и все Безаковское управленіе, встрѣчая, однако, столь же неутомимый отпоръ въ газетѣ „Кіевлянинъ", профессора Шульгина, бывшаго убѣжденнымъ и горячимъ приверженцемъ той системы дѣйствій, которая въ краѣ пріобрѣла силу въ Безаковское время. „Вѣсть" поддерживалась средствами партіи, а на подкрѣпленіе имъ шли субсидіи недовольныхъ юго-западнаго края, выражавшіяся въ томъ, что нерѣдко одинъ состоятельный помѣщикъ подписывался на много экземпляровъ газеты. Тонъ „Вѣсти" являлся чуткимъ барометромъ противо-крестьянскихъ вѣяній и шансовъ успѣха партіи. Газета раздувала вопросы о помѣщичьемъ разореніи, о баловствѣ и развращеніи мужика, пользуясь преувеличенными и искаженными фактами,

сообщаемыми ея мѣстными корреспондентами изъ недовольныхъ. „Кіевлянинъ“ же опровергалъ такія сообщенія точными данными, и эта печатная борьба представляла своего рода интересное политическое явленіе времени. По ходу этой борьбы можно было въ извѣстной степени слѣдить за теченіемъ преобладавшихъ и слабѣвшихъ вліяній. Разумѣется, партія дѣйствовала и другими, менѣе видными способами, но въ первое время Безаковскаго управленія, при остротѣ анти-польскихъ тенденцій, она не имѣла достаточной силы для противодѣйствія. Фонды ея поднимались съ ослабленіемъ означенной остроты, когда помѣщикъ чаще сталъ выглядывать изъ-за поляка, и къ послѣднему году Безака эти фонды успѣли уже подняться очень высоко. Надо еще напомнить, что въ данное время реакціонныя стремленія усиливались у насъ вообще, доходя до того, что открыто и съ апломбомъ выдвигались такіе идеалы, какъ поддержка развитія крупныхъ хозяйствъ посредствомъ обращенія возможно бо̀льшей части крестьянства въ бездомныхъ батраковъ.

Агитація противъ дѣйствовавшей въ краѣ системы и лично противъ Безака становилась все громче. Съ 1868 года, на помощь „Вѣсти“ поспѣлъ еще другой о̀рганъ того же духа—газета „Новое Время“ Киркора и Юматова. Недовольные крестьянскою реформою ободрялись печатными увѣреніями, что часъ серьезной реакціи уже близокъ, что „обстоятельства рѣшительно складываются въ ихъ пользу“, что Безаку остается править очень недолго, такъ какъ противъ него идетъ большая сила, а затѣмъ скоро все пойдетъ на новый ладъ. Наконецъ, знаменательное предостереженіе юго-западному краю выразилось въ рѣзко-характерной перемѣнѣ управленія сѣверо-западнымъ краемъ, куда назначенъ былъ генералъ-губернаторомъ Потаповъ, ставившій себѣ относительно крестьянскаго дѣла прямою задачею—идти наперекоръ дѣйствіямъ своихъ предшественниковъ. Муравьевъ и Кауфманъ противодѣйствовали крупнымъ землевладѣльцамъ изъ политическихъ видовъ, а Потаповъ сталъ круто гнуть въ противоположную сторону по крѣпостническимъ симпатіямъ, давя интересы крестьянъ, и послѣднимъ—всего два года назадъ находившимъ начальственную поддержу—вдругъ пришлось очень плохо. Непослѣдовательность бросалась въ глаза, но—„такъ наша печь печетъ“!

Въ юго-западномъ краѣ 1868 годъ хотя и проходилъ какъ будто по прежнему, но приближеніе перелома чувствовалось въ воздухѣ. Безакъ по наружности держался усвоенной системы, но смущающіе петербургскіе вѣтры не оставались безъ вліянія

на него. Стали проявляться въ немъ нерѣшительность и доходившая до мнительности осторожность, усиливались опасенія раздражать недовольныхъ. Въ этомъ могло, впрочемъ, сказываться и вліяніе подкрадывавшейся къ старику роковой болѣзни. Иные уже задавались вопросомъ—устоитъ ли Безакъ въ своемъ образѣ дѣйствій при предстоящемъ усиленіи противныхъ вѣтровъ, не свернетъ ли въ сторону, или не повернетъ ли даже назадъ изъ политики? И тутъ пришлось особенно оцѣнить значеніе той напряженности предшествовавшихъ работъ по крестьянскому дѣлу, благодаря которой удалось закончить главную массу его при однородномъ благопріятномъ направленіи. Затянись оно на болѣе долгое время—результаты вышли бы гораздо худшіе, такъ какъ если краю впереди грозила и не полная „потаповщина", то все же къ остаткамъ крестьянскаго дѣла примѣнялось не мало вредныхъ мудрованій, небрежности и затяжекъ, неспособныхъ приносить ничего добраго и выражавшихъ даже нѣкоторое издѣвательство надъ дѣломъ. Неудобна бываетъ спѣшность благопріятствованіемъ частнымъ промахамъ, но въ Безаковское время этотъ недостатокъ съ огромнымъ избыткомъ вознаграждался тѣмъ, что въ отношеніи къ девяти-десятымъ всего дѣла выдержана была извѣстная цѣльность участливой системы. Для мудрованій осталась только неоконченная доля, да болѣе или менѣе ограниченныя придирки къ исполненію конченныхъ дѣлъ.

Объѣхавъ въ послѣдній разъ нѣкоторые уѣзды края въ сентябрѣ 1868 года, Безакъ въ ноябрѣ отправился по обычаю въ Петербургъ, среди распространенныхъ ожиданій, что онъ уже не возвратится къ управленію. Но предрекавшейся ему смѣны онъ не дождался, такъ какъ ее предупредила смерть. Тяжкая болѣзнь захватила Безака въ Петербургѣ, и тамъ же онъ умеръ въ самомъ концѣ декабря. Опять пришла новая пора для края.

V.

Итоги.

Очертивъ ходъ устройства юго-западныхъ крестьянъ въ эпоху наибольшей административной участливости къ нимъ, слѣдуетъ заключить показаніемъ—что же достигнуто было въ результатѣ всѣхъ устроительныхъ работъ? Хотя въ описанное время работы эти закончились невполнѣ, и сравнительно небольшія додѣлки ихъ достались уже времени послѣдующему, но коснуться итоговъ считаю болѣе удобнымъ именно здѣсь, потому что въ Бе-

заковское время опредѣлился общій характеръ крестьянскаго устройства и совершена была преобладающая масса его.

И въ періодъ самаго процесса упомянутыхъ работъ, и довольно долго послѣ того усиленно распространяемы были представленія, что помѣщичье землевладѣніе подвергалось крайне рѣзкому уменьшенію, что помѣщики теряли очень крупныя выкупныя суммы, а крестьяне непомѣрно надѣлялись землею, получая ее чуть не даромъ, причемъ разыскивавшееся инвентарное владѣніе 1847 года чрезмѣрно преувеличивалось мировыми учрежденіями. Но наиболѣе прочное основаніе для заключеній могутъ давать цифры. Онѣ способны всего точнѣе показать, насколько въ распространявшихся представленіяхъ участвовало изображеніе дѣйствительности и насколько—избытокъ чувствительности къ затрогиванію крестьянскимъ дѣломъ частныхъ имущественныхъ интересовъ.

Совершенно полныхъ цифровыхъ итоговъ привести здѣсь не могу, по невозможности найти ихъ вполнѣ сгруппированными и разработанными. Найдутся итоги земель, окончательно укрѣпленныхъ за крестьянами, но гораздо рѣже можно встрѣчать вывѣренныя данныя о земляхъ, какія были назначены по первоначальнымъ уставнымъ грамотамъ до ихъ повѣрки, вслѣдствіе чего не хватаетъ матеріала для сравненій и затрудняется точное опредѣленіе той перемѣны, какую внесли въ крестьянское устройство работы мировыхъ съѣздовъ. Но такъ какъ для характеристики этихъ работъ и не требуется безусловно полныхъ данныхъ, то я воспользуюсь ограниченнымъ, но болѣе надежнымъ матеріаломъ. Часть его возьму изъ данныхъ, оглашенныхъ при самомъ окончаніи повѣрочныхъ работъ, а другую—изъ полученныхъ путемъ разработки документовъ главнаго выкупного учрежденія (работа Д. И. Рихтера, помѣщенная въ „Вѣстникѣ Финансовъ“). При этомъ, рядомъ съ губернскими итогами приведу нѣкоторые изъ уѣздныхъ, въ виду того, что результаты повѣрочныхъ работъ разнились по мѣстностямъ.

Начать всего удобнѣе съ увеличенія размѣра крестьянской земли, бывшаго, конечно, въ зависимости отъ степени нарушенія инвентарнаго владѣнія въ періодъ 1847—1861 годовъ.

Въ уѣздѣ, гдѣ я былъ предсѣдателемъ мирового съѣзда, по подсчету 81 повѣрки, въ которыхъ я принималъ личное участіе, земельная прибавка къ надѣлу, бывшему до повѣрокъ, составила $16^4/_5$ процента, т.-е., въ среднемъ выводѣ, къ бывшимъ у крестьянъ пяти десятинамъ прибавилась шестая.

Въ сквирскомъ уѣздѣ, кіевской губерніи, по первоначальнымъ

уставнымъ грамотамъ у крестьянъ было 98 тысячъ десятинъ, а послѣ повѣрки стало 122 тысячи, т.-е., увеличеніе получилось въ 24 процента.

Въ острожскомъ уѣздѣ, волынской губерніи, до повѣрки у крестьянъ было 71 тысяча, а послѣ стало 91 тысяча десятинъ. Увеличеніе составило 28 процентовъ.

Во всей кіевской губерніи, за вычетомъ имѣній съ выкупными договорами, по уставнымъ грамотамъ числилось 977 тысячъ, а предоставлено на выкупъ послѣ повѣрки 1.184.000 десятинъ. Прибавка по цѣлой губерніи равнялась 207 тысячамъ десятинъ, что составляетъ 21 процентъ прежняго количества.

Таковы подсчеты конца шестидесятыхъ годовъ. Изъ работы же Д. И. Рихтера выходитъ, что прибавка къ надѣлу на основаніи повѣрокъ составила: по кіевской губерніи 21 процентъ (какъ показано и выше), по подольской—18, по волынской—15, а по всему юго-западному краю въ совокупности—18 процентовъ, т.-е. вообще къ бывшимъ пяти десятинамъ прибавилась шестая. Вотъ что возбуждало громкій алармъ, раздававшійся вокругъ устроительныхъ работъ во время ихъ производства.

Теперь перейдемъ къ даннымъ, относящимся къ вопросу—преувеличивался или не преувеличивался мировыми съѣздами дѣйствительный размѣръ разыскивавшагося инвентарнаго владѣнія? Границы послѣдняго въ натурѣ опредѣлялись уже при самыхъ повѣркахъ, но размѣръ его показанъ былъ въ инвентарныхъ выписяхъ, составленныхъ послѣ 1847 года по каждому имѣнію, на основаніи помѣщичьихъ данныхъ. Къ сожалѣнію, губернскіе итоги могутъ быть представлены только по кіевской губерніи, благодаря тому, что въ ней лучше сохранились упомянутыя выписи, тогда какъ въ подольской и волынской онѣ въ значительной степени были растеряны задолго до повѣрочной эпохи; оттого въ этихъ послѣднихъ губерніяхъ рѣдко можно было вывести и поуѣздные итоги выписей.

Въ кіевской губерніи, по инвентарнымъ выписямъ за крестьянами значилось 1.250.000 десятинъ. Изъ нихъ, по имѣніямъ съ выкупными договорами крестьяне получили 130 тысячъ, слѣдовательно на прочія имѣнія, подвергавшіяся повѣркѣ, остается 1.120.000. Предоставлено же было на выкупъ, по этимъ послѣднимъ имѣніямъ, какъ выше сказано, 1.184.000, т.-е. всего на 6 процентовъ больше противъ старыхъ инвентарныхъ показаній. Конечно, въ отдѣльныхъ случаяхъ разница бывала и больше этой средней, но замѣчательна именно незначительность средняго вывода. Для объясненія подобной разницы могутъ быть совер-

шенно достаточны: неточность измѣреній въ инвентарное время, нерѣдкое отсутствіе ихъ, особенно относительно усадебъ, а также—пропуски земель въ инвентаряхъ, особенно садовъ, левадъ и т. под.

Въ сквирскомъ уѣздѣ, хотя повѣрки увеличили надѣлъ на 24 процента, но окончательный размѣръ его (122 тысячи десятинъ) почти не отличался отъ инвентарнаго показанія (120 тысячъ). А въ острожскомъ, при увеличеніи на 28 процентовъ, разница вышла въ 7 процентовъ; именно по инвентарямъ значилось 84 тысячи, а на выкупъ поступило 91 тысяча десятинъ.

Средній надѣлъ на ревизскую душу, за всѣми повѣрками, составилъ: въ кіевской губерніи 2,5 десятины, въ подольской—2,4, а въ волынской—3,9. Относительно послѣдней слѣдуетъ замѣтить, что въ ней бо́льшая часть земель несравненно хуже, чѣмъ въ первыхъ двухъ (полѣсье и переходныя почвы).

Помѣщичье землевладѣніе осталось во всѣхъ трехъ губерніяхъ значительно больше крестьянскаго, т.-е. къ крестьянамъ перешло гораздо меньше половины площади имѣній.

Чувствительнѣе была перемѣна выкупныхъ платежей, а въ зависимости отъ нихъ—и доставшихся помѣщикамъ выкупныхъ суммъ.

Въ моемъ уѣздѣ средній подесятинный платежъ по 81 упомянутымъ выше имѣніямъ составлялъ до повѣрки 2 р. 73 коп., а послѣ повѣрки понизился до 1 р. 61 коп., т.-е. соотвѣтствовалъ оцѣнкѣ десятины въ 27 рублей. Для опредѣленія значенія этой оцѣнки слѣдуетъ принять во вниманіе, что по изданнымъ земскимъ отдѣломъ министерства внутреннихъ дѣлъ свѣдѣніямъ средняя цѣна имѣній по купчимъ крѣпостямъ за предшествовавшее крестьянской реформѣ пятилѣтіе, въ означенномъ уѣздѣ и въ четырехъ одинаковыхъ съ нимъ сосѣднихъ, колебалась отъ 31 до 42 рублей, но при этомъ земля продавалась съ крѣпостнымъ правомъ, лѣсами, винокурнями, мельницами и экономическими постройками, тогда какъ крестьяне выкупали одну земельную площадь. Въ острожскомъ уѣздѣ (волынской губ.) средняя оцѣнка крестьянской десятины вышла въ 17 р. 40 коп., тогда какъ вольная продажная цѣна имѣній въ 1861—1864 годахъ, со всѣми хозяйственными статьями, была 20 р. 51 коп. Въ чигиринскомъ уѣздѣ (кіевской губ.) крестьянская десятина оцѣнена въ 37 р. 50 к., при предшествовавшей вольной цѣнѣ въ 47 р. 35 коп.

По даннымъ г. Рихтера, среднее пониженіе платежей въ кіевской губерніи составило 25, а въ подольской—31 процентъ.

Итакъ, платежи уменьшены были значительнѣе, чѣмъ увеличено крестьянское землевладѣніе. Платежное облегченіе, конечно, было очень важно, особенно въ то время, когда прежніе платежи превышали земельную доходность, когда существовали недоимки и оставалась неприкосновенною подушная подать, но земля все-таки была важнѣе, такъ какъ ея цѣнѣ и денежной доходности предстояло въ недалекомъ будущемъ быстрое возростаніе, да притомъ—что всего серьезнѣе—земля составляетъ постоянный, нерастрачиваемый источникъ обезпеченія и крестьянскаго быта, и самихъ платежей, и хозяйственной самостоятельности ея владѣльцевъ.

Состоявшаяся прибавка надѣловъ въ общемъ итогѣ значила очень много при сравненіи съ прежнею ихъ недостаточностью, но, разумѣется, не въ смыслѣ полнаго удовлетворенія хозяйственныхъ потребностей или предотвращенія острыхъ вопросовъ на продолжительное время, такъ какъ и за возвратомъ инвентарныхъ участковъ крестьянское землевладѣніе вышло очень ограниченнымъ и притомъ крайне неравномѣрнымъ. Въ иныхъ селеніяхъ крестьяне поправились чувствительно, но гдѣ надѣлъ и въ 1847 году былъ особенно малъ—тамъ онъ такимъ же остался. Все это—какъ объяснялось уже прежде—явилось слѣдствіемъ основного принципа надѣленія, ставившаго величину надѣла въ зависимость не отъ современной численности населенія, а отъ факта 1847 года, когда эта численность была много меньше, чѣмъ въ шестидесятыхъ годахъ. Увеличеніе крестьянскаго землевладѣнія, въ общемъ, на 18 процентовъ, въ сущности, создало отсрочку земельныхъ затрудненій лѣтъ на десять или двѣнадцать, до образованія соотвѣтствующаго этой прибавкѣ новаго прироста населенія, который теперь давно уже превзойденъ. Неравномѣрность же распредѣленія разбила крестьянскую массу на нѣсколько различныхъ группъ: а) получившіе сообразно давнему инвентарному владѣнію очень малый надѣлъ; б) обиженные выкупами 1861—1863 годовъ; в) устроенные въ сравнительно раннюю повѣрочную пору при недостаточности закона и первыхъ, малоблагопріятныхъ вѣяніяхъ; и наконецъ, г) остальная масса, воспользовавшаяся всѣми новыми законами и благопріятнымъ направленіемъ дѣла. Рознь вышла немалая.

Задатки развитія сельскаго пролетаріата и земельной тѣсноты уже чувствовались при окончаніи повѣрочныхъ работъ. Кромѣ упомянутыхъ различій положенія и отсутствія въ краѣ общиннаго владѣнія, они состояли еще въ запрещеніи закономъ дробленія пѣшихъ полевыхъ участковъ. Тяглый хозяинъ, имѣя двой-

ной пѣшій надѣлъ, еще могъ раздѣлить его между двумя сыновьями, но, при наличности двухъ или трехъ сыновей у пѣшаго, послѣдній—въ состояніи передать свой надѣлъ только одному изъ нихъ, оставивъ прочихъ безземельными. Въ результатѣ—наибольшая часть прироста населенія обрекалась на безземелье. Максимальная численность полевыхъ хозяевъ въ краѣ предопредѣлялась въ точности, и кто не вмѣстится въ нее—тѣмъ предназначалось искать себѣ новыхъ исходовъ. Къ наличной и наростав шей массѣ безземельныхъ разомъ примкнули еще однодворцы изъ бывшей шляхты. Такіе задатки стали развиваться быстро. Нынѣшнее обостреніе въ краѣ переселенческаго вопроса и вызывающія уголовные процессы столкновенія изъ-за пастбищъ являются рельефными выразителями этого тридцать лѣтъ совершающагося развитія. Обработывающая же промышленность, несмотря на всѣ свои расширенія, оказалась далеко не въ силахъ пристраивать приростъ населенія.

Кромѣ измѣненія величины надѣла и платежей, работы по крестьянскому дѣлу оставили въ наслѣдіе будущему еще черезполосье и сервитуты, вызывающіе періодически сочиненіе новыхъ проектовъ.

Черезполосье существовало съ давнихъ временъ, выражаясь въ перемѣшанности не только помѣщичьихъ участковъ съ крестьянскими, но часто и участковъ разныхъ помѣщичьихъ владѣній. Во время крѣпостного права, расположеніе крестьянскихъ земель не затрудняло помѣщиковъ, особенно при старыхъ способахъ хозяйства. Но уже послѣ изданія инвентарныхъ правилъ явилась у помѣщиковъ тенденція округлять свои дачи, и они осуществляли это путемъ отобранія и обмѣна крестьянскихъ земель. Съ возстановленіемъ же въ шестидесятыхъ годахъ старыхъ инвентарныхъ границъ, во многитъ имѣніяхъ возвратилось и устраненное-было черезполосье. Послѣднее въ это время не вновь появилось (такъ какъ и безъ того достаточно оставалось земельной путаницы), но только нѣсколько усилилось. Отсюда возникали и возникаютъ проекты обязательнаго разверстанія угодій для округленія дачъ. Вопросъ этотъ обставляется разными мотивами, но особенно выдвигается на видъ общій экономическій: черезполосье мѣшаетъ улучшенію системъ полеводства, слѣдовательно устраненіе его есть условіе хозяйственнаго прогресса и возвышенія доходности помѣщичьихъ имѣній. На этомъ основаніи и строятся планы принудительной перемежовки. Однако, встрѣчая подобную аргументацію, все-таки нельзя не усматривать въ ней

большихъ трещинъ и односторонности отношенія къ дѣлу, нельзя подавить возникающихъ возраженій. Во-первыхъ, существующіе виды и размѣры черезполосья не помѣшали хозяйству края сильно подняться и стать гораздо доходнѣе прежняго,—что̀, кажется, никѣмъ не отрицается; а во-вторыхъ, какъ ни взглянуть на дѣло—все-же оно сводится къ устройству интересовъ одной стороны за счетъ ломки владѣнія другой, тогда какъ послѣ выкупа обѣ стороны, какъ полные собственники, въ земельномъ отношеніи равноправны. Конечно, нѣтъ сомнѣнія, что если извѣстному владѣльцу дать возможность выкраивать себѣ дачи изъ своей и чужихъ земель, не стѣсняясь правами и желаніемъ сосѣдей, то онъ сможетъ исполнить такую выкройку очень для себя удобно, улучшить способъ хозяйства и поднять доходность своего имѣнія. Только здѣсь неустранимъ другой серьезный вопросъ — допустимо ли такое пренебрежительное отношеніе къ чужому праву и желанію? Можетъ быть, въ шестидесятыхъ годахъ охрана старыхъ инвентарныхъ границъ проведена была излишне строго; можетъ быть, лучше было бы просто прирѣзывать крестьянамъ недостававшее количество изъ смежныхъ земель—при равномъ ихъ качествѣ съ инвентарными — но фактъ уже совершился, имѣетъ слишкомъ тридцатилѣтнюю давность, и новая ломка границъ по цѣлому краю теперь была бы рѣзкимъ нарушеніемъ установившагося права и даже опаснымъ опытомъ, обѣщающимъ большія волненія въ населеніи. Далѣе—не видно гарантій, чтобы съ допущеніемъ столь широкой ломки при настоящихъ условіяхъ она могла быть проведена съ достаточною внимательностью, безпристрастіемъ и безобидностью для сторонъ. Кто̀ бы ее исполнялъ и какія отношенія теперь въ модѣ? Ломки допустимы развѣ при самыхъ исключительныхъ поводахъ, въ родѣ основныхъ реформъ, а къ такимъ едва ли можно причислить однѣ вѣроятности возвышенія того или другого частнаго дохода. Вообще, какъ ни хорошъ хозяйственный прогрессъ даже части владѣній, но важно также и „право", а еслибы во имя такого прогресса позволительно было не стѣсняться правомъ, то на этомъ принципѣ можно заѣхать очень далеко. Наиболѣе правильный тутъ исходъ—соглашенія.

Смѣшанность правъ пользованія землею (сервитутъ) наиболѣе выдается въ отношеніи къ лѣснымъ покосамъ. Права эти не получили въ шестидесятыхъ годахъ точнаго разграниченія и сохранились сообразно старому обычаю. Деревья признаны принадлежностью помѣщика, а производящіе траву промежутки между

ними — крестьянскою, и права эти закрѣплены крѣпостными актами. Границы ихъ съ теченіемъ времени еще болѣе затемнились. Если, напр., помѣщикъ свои деревья вырубилъ—остается ли ему что-нибудь на данной площади, и если остается, то гдѣ? Когда отъ деревьевъ не осталось слѣда,—какъ разобрать, что было подъ ними и что подъ промежутками? Сервитутъ лѣсныхъ покосовъ — едва ли не самый мудреный вопросъ, тѣмъ болѣе, что не во всѣхъ актахъ обозначено отношеніе долей владѣнія. Въ иныхъ опредѣлено, что крестьянское пользованіе составляетъ половину или двѣ-трети всей площади покоса, а въ другихъ упомянута одна смѣшанность владѣнія.

Затѣмъ остался еще вопросъ о пастбищномъ сервитутѣ. 4 апрѣля 1865 года утвержденъ былъ законъ, по которому въ неразверстанныхъ имѣніяхъ, впредь до ихъ разверстанія, помѣщики и крестьяне пользуются правомъ общей пастбы скота на ихъ паровыхъ поляхъ, т.-е., если крестьяне пасутъ на помѣщичьемъ пару, а помѣщикъ на крестьянскомъ, то это считается не потравою, а законнымъ пользованіемъ. Законъ этотъ, бывшій узаконеніемъ давняго обычая, изданъ съ цѣлью уменьшенія неизбѣжныхъ сосѣдскихъ споровъ. На практикѣ онъ выгоднѣе для крестьянской стороны, потому что скота у крестьянскаго общества обыкновенно бываетъ больше, т.-е. фактически крестьяне въ большей мѣрѣ пользуются помѣщичьею землею, чѣмъ помѣщикъ крестьянскою; съ возростаніемъ же тѣсноты и трудности содержать скотъ — эта выгода еще выростаетъ въ своемъ значеніи. Но помѣщики жалуются на пастбищный сервитутъ, считая его препоною къ улучшенію сельскаго хозяйства. Различные проекты стремились то къ разрубленію Гордіева узла простою отмѣною сервитута, безъ вознагражденія крестьянъ,—то къ допущенію вознагражденія, не соотвѣтствующаго цѣнности теряемой ими выгоды,—а болѣе подходящихъ исходовъ не придумывалось. Возникаютъ и новыя путаницы. Какъ различать разверстанныя имѣнія отъ неразверстанныхъ, когда точной границы между этими понятіями нѣтъ? Какъ опредѣлять границы сервитута, если помѣщичье имѣніе перешло въ другія руки по частямъ, которыя тоже соединялись потомъ съ частями другихъ владѣній и т. под.? Подробное обсужденіе такихъ вопросовъ не входитъ въ задачу настоящей статьи, и достаточно сказать одно: къ такимъ вопросамъ нужно больше серьезнаго и безпристрастнаго отношенія, чѣмъ проявлялось его до сихъ поръ.

Вотъ съ какимъ устройствомъ юго-западные крестьяне вступили въ свободную экономическую жизнь. Время, наступившее за Безаковскимъ четырехлѣтіемъ, представило уже своего рода эпилогъ къ эпохѣ устроительныхъ работъ.

Ѳ. Воропоновъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ

I.

ДУБРАВА.

Мирно стояла дубрава, роскошнымъ нарядомъ одѣта,
Ласково вѣтви раскинувъ на встрѣчу отраднаго лѣта;
Гордо встрѣчала она пролетавшія по небу тучи,
Грозы, погоду и дождь, противъ вѣтра сильна и могуча.
Искра-злодѣйка тихонько къ опушкѣ съ костра отлетѣла,
Пламя мелькнуло, по листьямъ зеленымъ, вѣтвямъ зашумѣло;
Быстро съ нарядами всѣми сгубило дубраву жестоко,—
Только лишь пни почернѣвшіе грустно стоятъ одиноко!..

Мирно въ груди билось сердце, надежды златыя лаская,
Вѣря въ отрадную жизнь и на счастье свое уповая;
Гордо встрѣчало оно пролетавшія въ жизни невзгоды,—
И безъ волненій, спокойно неслись пробѣгавшіе годы.
Искра любви вдругъ подкралась и въ сердце вонзилась стрѣлою;
Кровь загорѣлась, и огненной страстью зажглось ретивое;
Мигомъ нарушенъ покой,—и сомнѣнья закрались глубоко...
Страсть роковая трепещетъ и рвётся въ груди одиноко!..

II.

РУССКАЯ ПѢСНЯ.

Громкая пѣсня раздолья широкаго
Въ этой безвѣстной глуши
Мѣрно промчалася къ небу высокому...
Вопль наболѣвшей души!
Что̀ породило тебя, заунывную?
Кто надъ тобою страдалъ?
Какъ эта вылилась пѣсенка дивная?
Кто ее первый слагалъ?
Что̀, потерялъ ли онъ друга сердечнаго?
Самъ ли себя погубилъ?
Видѣлъ въ другихъ ли онъ радость безпечную,
Самъ выбиваясь изъ силъ?
Живъ ли онъ? иль свою жизнь безталанную
Въ лоно земли онъ сложилъ,
И похоро̀ненъ въ могилу желанную
Въ нѣдрахъ родимыхъ могилъ?
Или, заброшенный въ землю далекую,
Тяжкой тоскою томимъ,
Отдалъ, припомнивъ раздолье широкое,
Вздохъ свой послѣдній чужимъ?...
...Умеръ... Но вопли жестоко измученной
Въ бурныхъ страданьяхъ души
Мѣрно промчалися пѣснью заученной
Въ этой безвѣстной глуши!..

И. П.

ПО ВОПРОСУ

о

ЗАДАЧАХЪ ГУБЕРНСКАГО ЗЕМСТВА

Окончаніе.

II *).

Въ тѣснѣйшей связи съ вопросами земскаго обложенія находятся доклады князя Н. С. Волконскаго объ освобожденіи земства отъ нѣкоторыхъ обязательныхъ расходовъ и о законѣ 22 марта 1899 года.

Уѣзды, доставившіе свои отзывы по первому вопросу, — докладывалъ князь Волконскій въ сессію рязанскаго губернскаго земскаго собранія 1898 года,—высказываются въ пользу возбужденія ходатайства объ освобожденіи земства отъ разныхъ обязательныхъ расходовъ. Мнѣнія ихъ о томъ, отъ какихъ именно расходовъ желательно освободить земскія смѣты, не вполнѣ совпадаютъ; причемъ на характеръ расходовъ, отъ которыхъ предполагается испросить освобожденіе, остался очевидно не безъ вліянія способъ производства расходовъ въ каждомъ уѣздѣ. Напримѣръ, рязанское земство, содержащее земскія ставки лошадей въ натурѣ, сохраняетъ эту повинность, потому очевидно, что лошади нужны не для разъѣздовъ одной только полиціи; тогда какъ уѣзды, отбывающіе ту же повинность въ денежной формѣ, высказываются противъ нея или безусловно, или съ нѣкоторымъ ограниченіемъ (кромѣ разъѣздовъ по земскимъ дѣламъ). Одни собранія (большинство), ходатайствуя объ освобожденіи земствъ отъ обязатель-

*) См. выше, янв., стр. 319.

ныхъ расходовъ, ничего не упоминаютъ о назначеніи освободившихся денегъ; одно собраніе—раненбургское, имѣя, вѣроятно, въ виду способъ, какимъ было произведено освобожденіе земства отъ расходовъ по содержанію губернскихъ статистическихъ комитетовъ, а также преобразованныхъ мировыхъ судебныхъ и по крестьянскимъ дѣламъ учрежденій, присоединяется къ ходатайству лишь съ оговоркой, чтобы освободившіяся суммы не были обращены на какія-либо иныя потребности; два же уѣзда — ряжскій и скопинскій, можетъ быть, не надѣясь достигнуть и такого результата, ходатайствуютъ объ обращеніи освободившихся суммъ на народное образованіе. Далѣе, изъ отвѣта министра внутреннихъ дѣлъ по таврическому ходатайству видно, что въ министерствахъ внутреннихъ дѣлъ и финансовъ уже подвергнутъ разсмотрѣнію вопросъ объ освобожденіи земства отъ обязанности отводить помѣщенія чинамъ полиціи и судебнымъ слѣдователямъ, и въ недалекомъ будущемъ имѣетъ быть сдѣлано представленіе по этому предмету въ государственный совѣтъ; а изъ журнала михайловскаго собранія усматривается, какое именно употребленіе освободившихся такимъ образомъ денегъ имѣло въ виду, на основаніи газетныхъ сообщеній, это собраніе: именно, оно имѣло въ виду обращеніе ихъ на оцѣночныя работы по закону 8 іюня 1893 года.

Губернская управа, съ своей стороны, сочла нужнымъ высказать собранію слѣдующія соображенія.

„Намъ, конечно, пріятно было бы освободиться отъ того или другого обязательнаго расхода, въ особенности, въ томъ случаѣ, когда прямой связи его съ потребностями земской жизни не усматривается, и странно было бы возражать противъ такого стремленія, если бы можно было ожидать, что расхода этого не придется нести населенію вовсе. Но совсѣмъ въ иномъ видѣ можетъ представиться тотъ же вопросъ, когда рѣчь идетъ не объ уничтоженіи расхода, а о перенесеніи его изъ смѣты одного учрежденія въ смѣту другого, въ данномъ случаѣ—изъ земской смѣты въ смѣту министерства внутреннихъ дѣлъ, но покрытіе котораго все-же ляжетъ всею своею тяжестью на того же плательщика. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ при такихъ условіяхъ населенію выгоднѣе нести расходы непосредственно, при возможности вліять на самый способъ его выполненія, чѣмъ передать его въ казну, съ утратой возможности къ тому. Если вдуматься, придется заключить, что всѣ упомянутые выше расходы, объ освобожденіи отъ которыхъ земства предлагаютъ просить правительство, принадлежатъ къ числу такихъ, которые непремѣнно исполнены будутъ. Между тѣмъ, есть ли основаніе думать, чтобы при перенесеніи ихъ на смѣту министерства внутреннихъ дѣлъ расходы эти, какъ по цифрѣ ихъ, такъ и по способу раскладки между плательщиками, легли болѣе

легкимъ бременемъ на населеніе, чѣмъ теперь?" Губернская управа думаетъ, что никакихъ основаній для такого заключенія нѣтъ, а потому, по ея мнѣнію, нѣтъ достаточныхъ основаній и возбуждать упомянутое ходатайство. Если указанные расходы неудобны по ихъ характеру или способу отбыванія, то надо ходатайствовать объ измѣненіи этихъ сторонъ дѣла, но не выпускать отбыванія самой повинности изъ своихъ рукъ.

Еще серьезнѣе представляется вопросъ, если обратить вниманіе на вѣроятный способъ осуществленія предположеннаго освобожденія. Если упомянутые расходы должны быть отнесены къ бюджету государства, для земства, безъ сомнѣнія, было бы всего выгоднѣе, чтобы это произошло безъ обремененія земской смѣты какою-нибудь новою обязательною для него повинностью взамѣнъ снятаго съ него расхода, или чтобы оно имѣло, по крайней мѣрѣ возможность распорядиться освободившеюся суммою по своему усмотрѣнію, какъ это и высказалъ одинъ уѣздъ. Въ противномъ случаѣ, можетъ произойти не облегченіе, а новое отягченіе для земства, смотря по тому, на какой предметъ и какимъ порядкомъ произойдетъ замѣна одной повинности другою. Для поясненія этой мысли не излишне припомнить, какимъ порядкомъ совершилось освобожденіе земства отъ обязательныхъ расходовъ по содержанію судебно-мировыхъ учрежденій. Сперва обязательный для земства расходъ по содержанію мировыхъ судей,—однако же такой, размѣръ котораго вполнѣ отъ него зависѣлъ,—былъ превращенъ въ обязательный уже и по размѣру и обложенъ на потребность, хотя и служащую отчасти тѣмъ же цѣлямъ, какъ прежняя, но все-же существенно другую; потомъ, съ отнесеніемъ удовлетворенія этой послѣдней потребности на счетъ государства, тотъ же расходъ, оставаясь такимъ же обязательнымъ, уже безъ всякаго участія земства обращенъ на совершенно новую надобность, правда, существенную для земства, но не имѣющую съ первоначальнымъ назначеніемъ денегъ ничего общаго. Ни уравнительность раскладки, ни степень потребности каждой мѣстности въ этомъ новомъ расходѣ, при опредѣленіи его размѣра для каждаго уѣзда и губерніи, во вниманіе приняты не были. Мало того, какъ это видно изъ приведеннаго выше отвѣта министерства внутреннихъ дѣлъ на таврическое ходатайство, по каждой мѣстности для обращенія на новую дорожную повинность были назначены расходы, даже по существу своему неоднородные: въ тѣхъ случаяхъ, когда, напримѣръ, помѣщеніе для съѣзда нанималось уѣзднымъ земствомъ за деньги, земство должно теперь расходовать на свои дороги стоимость этого помѣщенія; когда же помѣщеніе отводилось натурой, то этотъ расходъ въ дорожный фондъ не перенесенъ. Послѣдствія неизбѣжныя, когда центральному учрежденію приходится рѣшать вопросъ

о мѣстныхъ потребностяхъ. Но это еще меньшая часть неудобствъ произведенной замѣны. Важнѣе того способы, установленные для отбыванія повинности. Мы знаемъ въ этомъ отношеніи, сколько лишнихъ стѣсненій введено въ дорожное дѣло закономъ о дорожномъ фондѣ и дополнительными къ нему распоряженіями. Новый порядокъ распространился не только на дорожные расходы изъ этого капитала,—во многихъ мѣстахъ онъ стѣснилъ земство и въ распоряженіи расходами на дорожное дѣло изъ своихъ общихъ земскихъ средствъ. Во многихъ губерніяхъ онъ далъ поводъ губернскому начальству выводить изъ требованія употреблять дорожный капиталъ только на устройство новыхъ и улучшеніе прежнихъ дорожныхъ сооруженій, а не замѣнять средствами этого капитала обычныхъ земскихъ расходовъ на дорожное дѣло, нѣчто въ родѣ нормировки расхода на дорожное дѣло и изъ прочихъ земскихъ средствъ, обращая такимъ образомъ расходы на дорожныя сооруженія вообще изъ обязательныхъ только по своему роду, но опредѣленіе размѣра которыхъ принадлежало усмотрѣнію самаго земства, въ обязательные и по размѣру.

По мнѣнію рязанской губернской управы, земству не слѣдуетъ напрашиваться на подобныя же стѣсненія въ распоряженіи и другими расходами. Между тѣмъ обращеніе, напримѣръ, расходовъ на наемъ квартиръ и разъѣзды судебныхъ слѣдователей и чиновъ полиціи—на оцѣночныя работы, при разнородности этихъ потребностей, можетъ легко повести къ такимъ же, можетъ быть даже бо̀льшимъ неудобствамъ, какія произошли при обращеніи расходовъ по содержанію земскихъ начальниковъ въ дорожный фондъ. Губернская управа находила, что ходатайствовать слѣдуетъ не о замѣнѣ расходовъ какими-нибудь другими расходами на земскія нужды, а о томъ, чтобы, въ случаѣ такой замѣны, порядокъ, какимъ путемъ это будетъ исполнено, не былъ установленъ безъ выслушанія заключенія о томъ губернскихъ земскихъ собраній.

Нельзя не замѣтить, что точка зрѣнія доклада въ данномъ случаѣ является дѣйствительно слишкомъ отвлеченной, и будучи, быть можетъ, вполнѣ логичной и правильной съ чисто-теоретической точки зрѣнія, не соотвѣтствуетъ, однако, условіямъ текущей дѣйствительности. Что̀ общаго, въ самомъ дѣлѣ, съ земской дѣятельностью имѣютъ, скажемъ, разъѣзды по дѣламъ службы правительственныхъ чиновъ, каковы судебные слѣдователи или полицейскіе исправники? Какую связь, какую хотя бы отдаленную параллель возможно было бы найти и провести между интересами земскихъ плательщиковъ и квартирнымъ довольствіемъ тѣхъ же судебныхъ слѣдователей? Признаемся, ни малѣйшей связи мы здѣсь не видимъ, да трудно ее здѣсь и усмотрѣть. Говорятъ, что незачѣмъ упускать изъ своихъ рукъ распоряженіе такими зем-

скими расходами, которые, перейдя въ руки правительства, все-же будутъ обременять тѣхъ же земскихъ плательщиковъ налоговъ.

Конечно, съ принципіальной земской точки зрѣнія весьма нежелательно какое бы то ни было, хотя бы и незначительное, сокращеніе функцій земскихъ установленій, ограниченіе сферы земской компетенціи. Но, съ другой стороны, практическая дѣйствительность съ неумолимой послѣдовательностью доказываетъ полнѣйшую несостоятельность и непроизводительность затратъ скудныхъ земскихъ средствъ на столь несущественныя для земства статьи расхода, каковы разъѣзды и квартирное довольствіе чиновъ полиціи и судебныхъ слѣдователей,—особенно этихъ послѣднихъ: если по отношенію къ чинамъ полиціи еще возможна нѣкоторая презумпція успѣшности ихъ дѣятельности по взиманію земскихъ сборовъ съ населенія въ связи съ вознагражденіемъ ихъ земскими средствами на разъѣзды, то ужъ по отношенію къ судебнымъ слѣдователямъ даже и такой отдаленной и слабой презумпціи допустить нельзя; являясь органами чисто правительственными, судебные слѣдователи имѣютъ столь же малое основаніе претендовать на спеціально-земскія средства, какъ и любые правительственные чиновники: податные инспектора, казначеи, чины почтоваго вѣдомства и проч., и проч. Всѣ эти правительственныя лица суть органы государства, какъ таковаго, и если оказываютъ какую-либо услугу земскому населенію, то лишь попутно, посредственно, и притомъ безъ всякаго различія—земскіе ли это плательщики или нѣтъ.

Думается намъ, что податная функція земства—нести обязательную повинность на оплату нѣкоторыхъ расходовъ на содержаніе правительственныхъ чиновъ, непосредственно для земства ненужныхъ—функція излишняя, и ограниченіе ея не принесетъ никакого ущерба земскому самоуправленію.

Не думаемъ также, чтобы перенесеніе расхода на государственный счетъ нисколько не отразилось на карманахъ земскихъ плательщиковъ, состоящихъ въ то же время и государственными плательщиками: самые источники обложенія земства и государства слишкомъ неоднородны и несоизмѣримы: при чрезвычайно-разнообразныхъ способахъ, пріемахъ, объектахъ обложенія, государство въ силахъ осуществлять такія грандіозныя затраты на обще-государственныя нужды, которыя и не снятся земскому самоуправленію, особливо въ настоящее время, послѣ законовъ 12 іюня и 22 марта, столь ограничившихъ размѣры земскихъ бюджетовъ.

По поводу закона 22 марта рязанское губернское земское собраніе, въ сессію 1899 года, по иниціативѣ князя Волконскаго, возбуждало передъ правительствомъ ходатайство объ увеличеніи размѣра отчисле-

ній въ пользу земской кассы изъ поступающихъ податныхъ платежей до 40 коп. на рубль, но ходатайство это не имѣло удачи,—хотя такія же ходатайства нѣкоторыхъ другихъ земствъ, какъ, напримѣръ, вятскаго, просившаго больше (50 коп. на рубль въ теченіе перваго полугодія), увѣнчались успѣхомъ.

Разсматривая приводимые уѣздами доводы,—говорилъ по этому поводу князь Волконскій,—нельзя не придти къ заключенію, что положеніе многихъ уѣздовъ вслѣдствіе закона 22 марта можетъ сдѣлаться очень затруднительнымъ. Наша губернія принадлежала къ числу тѣхъ, въ которыхъ пополненіе земскаго сбора шло вообще лучше поступленій тѣхъ земельныхъ налоговъ, съ которыми земству приходится теперь дѣлиться поступившими суммами. Было ли тому причиною то обстоятельство, что земскіе сборы, какъ налогъ болѣе мелкій по сравненію съ казенными поземельными налогами, или, точнѣе говоря, съ выкупными платежами (такъ какъ государственный поземельный налогъ съ крестьянъ очищался еще быстрѣе земскаго сбора), было населенію по силамъ заплатить еще съ осени съ заработковъ, тогда какъ для уплаты выкупныхъ платежей надо было напередъ обратить въ деньги результаты урожая, такъ что недоимки главнымъ образомъ падали на этотъ платежъ, какъ это думаетъ зарайская управа, или это зависѣло отъ распорядка уѣздныхъ совѣщаній по податнымъ дѣламъ, вліянію которыхъ приписываетъ такой ходъ поступленій данковская управа въ своемъ докладѣ собранію,—но только фактъ этотъ несомнѣненъ. Но еще большее значеніе, чѣмъ относительно болѣе исправное поступленіе земскихъ сборовъ противъ итога казенныхъ налоговъ съ крестьянской земли, имѣло для земства то обстоятельство, что земскій сборъ поступалъ сравнительно исправно не только въ урожайные годы, но и въ неурожайные, что давало извѣстную устойчивость земскимъ смѣтамъ. Такъ изъ 36 случаевъ поступленій земскаго сбора съ крестьянскихъ надѣльныхъ земель, о которыхъ преимущественно ведется рѣчь по 12 уѣздамъ губерніи, взятыхъ за трехлѣтіе съ 1896 по 1898 годъ [1]), при сравненіи дѣйствительныхъ поступленій съ тѣми, которыя были бы за тѣ же годы, если бы дѣйствовалъ порядокъ отчисленія, установленный закономъ 22 марта сего года,—въ 18 случаяхъ въ дѣйствительности поступило земскаго сбора больше, чѣмъ сколько было бы отчислено при дѣйствіи новаго закона, и въ столькихъ же случаяхъ меньше. Но итогъ всѣхъ поступленій даетъ перевѣсъ въ пользу земства противъ того, что бы было, если бы отчисленія были произведены на основаніи нынѣшняго порядка, въ

[1]) Цифры окладовъ и поступленій земскаго и обоихъ казенныхъ поземельныхъ налоговъ съ крестьянъ заимствованы изъ данныхъ рязанской казенной палаты.

143.161 рубль 89 коп.; причемъ по различнымъ годамъ эта разница распредѣлилась бы такимъ образомъ, что въ урожайный 1896 годъ земство получило бы отчисленій по правиламъ закона 22 марта на 78.707 руб. 96 коп. болѣе того, что поступило съ крестьянскихъ земель въ дѣйствительности, а въ неурожайные 1897 и 1898 года—менѣе, въ первый на 191.317 руб. 32 коп., а во второй—на 30.552 рубля 53 коп.

Нѣтъ надобности распространяться о томъ, какое важное значеніе для правильнаго теченія земскаго хозяйства имѣетъ такой порядокъ поступленій и какъ серьезно онъ долженъ вліять на самые размѣры земскихъ смѣтъ: ибо чѣмъ правильнѣе и ровнѣе поступленіе, тѣмъ меньше будетъ требоваться обложеніе плательщиковъ для достиженія тѣхъ же самыхъ цѣлей.

Изъ приведенныхъ цифръ видно также, какіе уѣзды пострадали бы въ эти годы больше отъ замѣны существовавшаго въ дѣйствительности порядка тѣмъ, который введенъ новымъ закономъ. При дѣйствіи этого послѣдняго, поступленія съ крестьянскихъ земель были бы меньше дѣйствительныхъ, если считать всѣ три года вмѣстѣ, въ семи уѣздахъ, какъ разъ тѣхъ, въ которыхъ сборы съ крестьянскихъ земель особенно сильно преобладаютъ въ земской смѣтѣ надъ другими видами дохода; почти всѣ они относятся къ чисто земледѣльческимъ уѣздамъ южной половины губерніи. Но это еще не все. Рязанскій уѣздъ, напр., не принадлежитъ ни къ чисто земледѣльческимъ, ни къ числу тѣхъ, платежи которыхъ должны потерпѣть особое сокращеніе отъ введенія новаго порядка. По даннымъ за три взятыхъ для сравненія года, земство этого уѣзда получило бы, при дѣйствіи новаго закона, съ крестьянскихъ земель даже нѣсколько больше, чѣмъ поступило въ дѣйствительности,—а между тѣмъ земство этого уѣзда ходатайствуетъ объ измѣненіи новаго порядка, ибо онъ обусловливаетъ для него полученіе слѣдуемыхъ въ пользу земства денегъ полугодомъ позднѣе противъ нынѣшняго. Это опять одно изъ чрезвычайно важныхъ условій, отъ котораго зависитъ для земства возможность выполнить свои расходы при помощи большихъ или меньшихъ затратъ, какъ это наглядно выведено въ ходатайствѣ этого уѣзда.

Приведенныхъ соображеній, кажется, достаточно было для обоснованія ходатайства объ измѣненіи невыгоднаго для губерніи порядка отчисленія земскаго сбора, притомъ въ особенности съ крестьянскихъ земель, составляющихъ и самую важную, и исправнѣе поступающую часть земскаго обложенія.

Возбуждая вопросъ объ освобожденіи земства отъ нѣкоторыхъ обязательныхъ для него расходовъ на содержаніе правительственныхъ органовъ, ряжское и скопинское земскія собранія предлагали обусло-

вить освобожденіе это обращеніемъ освободившихся суммъ на нужды школьнаго земскаго дѣла. Губернская земская управа, высказываясь въ принципѣ противъ возбужденія подобнаго ходатайства вообще и противъ какого-либо ограниченія или предопредѣленія правительствомъ земскихъ смѣтъ въ частности, предложила въ свою очередь: во-первыхъ, вмѣсто ходатайства объ отмѣнѣ обязательныхъ расходовъ, ходатайствовать о томъ, чтобы, въ случаѣ освобожденія земства отъ какихъ-либо обязательныхъ расходовъ по содержанію правительственныхъ учрежденій, съ обращеніемъ освободившихся денегъ на какой-либо другой расходъ—по вопросу о томъ, какъ это сдѣлать, было спрошено мнѣніе земскихъ собраній; и во-вторыхъ, на случай если правительство имѣло бы въ виду такое обращеніе какихъ-либо расходовъ, нынѣ лежащихъ на земствѣ,—заявить, что наиболѣе настоятельною потребностью земства въ настоящее время является потребность по народному образованію.

По словамъ князя Н. С. Волконскаго, „когда возникъ въ первый разъ вопросъ объ участіи губернскаго земства въ школьномъ дѣлѣ, лежащемъ на уѣздахъ, губернская управа не знала, къ чему это приведетъ. Теперь до нѣкоторой степени свѣтъ пролитъ, и дѣло стало яснѣе. Всматриваясь въ устройство этого дѣла въ уѣздахъ, мы видимъ, что основаніе его въ главныхъ чертахъ во всѣхъ уѣздахъ одинаково: вездѣ земство не беретъ на себя всецѣло содержанія школъ, а требуетъ участія въ немъ мѣстнаго населенія. Въ такомъ устройствѣ есть своя доля практической выгоды. Захватить мѣстный элементъ, благопріятный для развитія школъ, заинтересовать въ нихъ возможно большее число лицъ, живущихъ на мѣстѣ, значитъ обезпечить развитіе самой школы, избѣгая излишняго обремененія земскихъ средствъ. Мѣстами замѣчается, что крестьяне не ремонтируютъ своихъ школъ, нуждающихся во многихъ отношеніяхъ. Ссылаются на недостатокъ средствъ,—но тамъ, гдѣ священники заинтересовались школою и заботятся о ней, нашлись и средства. Главный тормазъ—недостатокъ людей, заинтересованныхъ дѣломъ на мѣстѣ, недостатокъ мелкихъ земскихъ органовъ, на которыхъ лежало бы попеченіе о школѣ. Будь такіе органы, удалось бы многое, что обезпечивало бы школу“. Едва ли своевременно при такомъ положеніи дѣлъ,—говорилось далѣе въ докладѣ губернской управы, — предлагать участіе губернскаго земства въ непосредственныхъ расходахъ на содержаніе школъ, но мы обязаны сдѣлать все, что можно, при развитіи ихъ. „Кое-что намѣчается и теперь. Когда соберутся люди, ведущіе школьное дѣло, и вмѣстѣ съ губернской управой обсудятъ его поло-

женіе,—выяснится еще больше. Это первый вопросъ, внушившій управѣ мысль о созывѣ совѣщанія. Далѣе сама собой возникла мысль объ учительскихъ курсахъ. Несомнѣнно, что многіе учителя, не обладая выработанными пріемами преподаванія, не освѣжая запаса знаній, тратятъ силы непроизводительно, и курсы для нихъ будутъ крайне полезны, вдвое будутъ полезнѣе для насъ самихъ, ведущихъ дѣло, для нашей учительской семинаріи. Мы познакомимся съ учителями, выяснимъ, чего недостаетъ имъ, познакомимся съ школами и условіями ихъ жизни, ближе подойдемъ къ практическимъ вопросамъ школьной жизни, требующимъ разрѣшенія, въ состояніи будемъ лучше помочь школамъ. Наша семинарія, выпустивъ учителей, какъ бы забываетъ о нихъ—порывается всякая связь между семинаріею и школой. Такое явленіе ненормально. Эти мысли вполнѣ раздѣляетъ директоръ семинаріи, который энергично ухватился за мысль объ устройствѣ курсовъ и предложилъ безвозмездно свой трудъ по наблюденію за ними. Помѣщеніе для курсовъ имѣется готовое въ постройкахъ семинаріи, на лѣто пустующихъ. Столъ можно устроить въ той же семинаріи, ассигновавъ на него по 20 коп. на человѣка. Этого совершенно достаточно. Руководителямъ придется заплатить по 300 рублей,—цифра эта взята изъ опыта московскаго и тверского земства. Конечно, можно отложить устройство курсовъ, но, имѣя готовыя силы, помѣщеніе для курсовъ, полную возможность устроить и удобно и дешево, предпринявъ ближайшее знакомство со школьнымъ дѣломъ ради выясненія вида нужной помощи отъ губернскаго земства,—было бы крайне неразсчетливо отказываться отъ устройства курсовъ въ ближайшій срокъ".

Предложеніе это было одобрено собраніемъ, и лѣтомъ 1898 года учительскіе курсы состоялись.

Отдавая отчетъ собранію о ходѣ этого дѣла, предсѣдатель управы, князь Н. С. Волконскій, прочелъ выдержку изъ интереснаго доклада профессора А. И. Кирпичникова въ московскомъ обществѣ грамотности: „Объ учительскихъ курсахъ въ городѣ Рязани, въ іюнѣ 1898 года", слѣдующаго содержанія:

„Я пріѣхалъ въ Рязань въ началѣ второй недѣли курсовъ и попалъ на утреннія занятія, часу въ десятомъ. Они происходили въ большомъ, почти квадратномъ залѣ семинаріи, могущемъ вмѣстить человѣкъ до 400. Въ этотъ моментъ онъ былъ занятъ нѣсколько менѣе, чѣмъ на половину. Все пространство его было раздѣлено на двѣ части широкимъ проходомъ, въ которомъ стоялъ длинный столъ, покрытый зеленымъ сукномъ, для начальства и почетныхъ посѣтителей.

„Направо и налѣво отъ прохода стояли скамьи, причемъ стоящія направо были параллельны проходу, а налѣво—перпендикулярны къ нему. Налѣво противъ скамеекъ стояла каѳедра. Мнѣ объяснили, что

направо отъ прохода помѣщаются сторонніе посѣтители курсовъ, а налѣво, противъ каѳедры—постоянные курсисты и курсистки; ихъ было, по крайней мѣрѣ, вдвое болѣе, нежели посѣтителей, и они-то были главными дѣятелями и объектомъ, надъ которымъ работали руководители.

„Прежде всего я сталъ всматриваться въ лица и фигуры учителей и учительницъ. Мужчинъ, какъ видно изъ оффиціальнаго документа, было значительно больше, чѣмъ женщинъ; возрастъ былъ самый разнообразный: отъ 20-ти лѣтъ до 40 слишкомъ; незначительное большинство составляли совсѣмъ молодые люди, отъ 23 до 27-ми лѣтъ.

„Костюмы поражали своимъ разнообразіемъ: были и люди красиво и изящно, почти франтовски одѣтые; были и въ сибиркахъ и въ высокихъ сапогахъ; послѣдніе, какъ оказалось изъ разспросовъ—такъ называемые учителя грамоты, никогда не вступавшіе въ пренія. Учительницы также въ значительномъ большинствѣ были совсѣмъ молодыя дѣвушки, отъ 20-ти до 25-ти лѣтъ, одѣтыя скромно, многія бѣдно, но всѣ вполнѣ прилично. Общее выраженіе на всѣхъ лицахъ было напряженное и умное вниманіе, которое, какъ извѣстно, осмысливаетъ физіономіи и не особенно интеллигентныя.

„Я попалъ на бесѣду руководителя по русскому языку; онъ сидѣлъ на каѳедрѣ съ вопросами, напечатанными заранѣе, и съ писаннымъ конспектомъ желательныхъ отвѣтовъ; онъ обращался только къ лѣвой сторонѣ аудиторіи; онъ показался мнѣ человѣкомъ серьезнымъ и знающимъ, но не особенно находчивымъ и немного рутинеромъ. Форма бесѣды была такая: онъ задавалъ вопросъ и старался подвести отвѣты курсистовъ къ готовой уже у него формулѣ; если онъ не могъ сразу добиться этой формулы, или встрѣчалъ возраженія (послѣднія чаще шли отъ учительницъ, изъ которыхъ значительная часть, какъ оказалось, по справкамъ, окончила среднюю школу: гимназію или епархіальное училище), онъ не умѣлъ довести слушателей до убѣжденія въ томъ, что его формула есть наилучшая, не всегда умѣлъ отпарировать возраженіе и въ концѣ концовъ заявлялъ свой отвѣтъ категорически. Но въ общемъ, пока я не имѣлъ матеріала для сравненія, мнѣ показалось, что дѣло идетъ довольно оживленно и вполнѣ цѣлесообразно. Со стороны курсистовъ и курсистокъ не замѣчалось и тѣни самомнѣнія или рѣзкости, а съ другой стороны, не было и того равнодушно-рабскаго отношенія къ словамъ руководителя, которое такъ часто встрѣчается въ средней школѣ и которое было бы особенно нежелательно со стороны болѣе или менѣе опытныхъ преподавателей. Спорящіе не перебивали ни предсѣдателя, ни другъ друга; все записывали только двое-трое; остальные дѣлали отмѣтки, повидимому, преимущественно фактическаго характера.

„Но совсѣмъ иное впечатлѣніе получилось у меня, когда въ тотъ же день послѣ обѣда я попалъ на бесѣду руководителя по ариѳметикѣ. Онъ былъ тоже основательный знатокъ своего дѣла, но при этомъ живой и очень талантливый человѣкъ: остроумный, находчивый, обладающій въ высокой степени даромъ слова и разумной мягкостью. Сразу можно было видѣть, что онъ—любимецъ курсистовъ: во-первыхъ, вся аудиторія была наполнена; во-вторыхъ, хотя порядокъ не нарушался ни на минуту, но здѣсь дѣйствительно происходили оживленныя пренія, всецѣло захватывающія интересъ не только участвующихъ, но и присутствующихъ.

„Если руководитель, на свой всегда прекрасно разъясненный вопросъ, получалъ отвѣтъ невѣрный по существу, или неудачно выраженный, онъ быстро, оставаясь въ положеніи вопрошающаго, обнаруживалъ его слабую сторону и не самъ, а устами курсистовъ давалъ отвѣтъ надлежащій, не гоняясь, однако, за буквальной точностью, допуская иногда и двѣ-три формулы.

„Его резюмированіе преній и заключеніе поражали своей ясностью, наглядностью и даже красотой формы, при чемъ, однакоже, слушателямъ могло казаться, что руководитель только повторяетъ ихъ слова, только, такъ сказать, съ корректурными поправками.

„Ту же талантливость, ту же разумную мягкость обнаруживалъ онъ и при разборѣ примѣрныхъ уроковъ, и въ этомъ случаѣ, казалось, что это вовсе не курсы, и что онъ не руководитель, а свободно выбранный предсѣдатель съѣзда опытныхъ и въ значительномъ большинствѣ талантливыхъ народныхъ учителей.

„Аудиторія, такъ сказать, умнѣла на моихъ глазахъ; умнѣли и лучше понимали дѣло, какъ мнѣ казалось, и тѣ почетные посѣтители и посѣтительницы, которые сидѣли за зеленымъ столомъ и которые почти отсутствовали на бесѣдахъ по русскому языку. Работа руководителя по ариѳметикѣ не ограничивалась назначенными часами. Передъ урокомъ и въ антрактахъ онъ былъ постоянно окруженъ курсистами и посторонними посѣтителями.

„Для меня было чрезвычайно удобно то обстоятельство, что я жилъ у г. предсѣдателя управы, который уже много лѣтъ занимается школьнымъ дѣломъ въ нѣсколькихъ уѣздахъ: къ нему заходили знакомые ему учителя по дѣламъ послѣ занятій, а въ воскресенье утромъ ихъ перебывало человѣкъ восемь; съ помощью ихъ откровенныхъ рѣчей я могъ составить себѣ нѣкоторое понятіе и о степени ихъ развитія, и о ихъ бытѣ. О курсахъ они отзывались въ общемъ очень благопріятно, иные даже восторженно; можетъ быть, они немного грѣшили относительно перваго руководителя, слишкомъ понижая его, но въ общемъ оказались вполнѣ способными къ разумной критикѣ. Я узналъ,

что внѣ занятій они, разбившись на кружки, ведутъ долгія бесѣды, иногда до двухъ часовъ ночи, что не мѣшало имъ въ восемь часовъ утра быть уже на мѣстѣ съ карандашами въ рукахъ. Они, дѣйствительно, наслаждаются этимъ живымъ общимъ дѣломъ и искренно жалѣютъ своихъ товарищей, которые не могли попасть на курсы. Относительно ихъ быта зимой и вообще внѣ курсовъ я узналъ, что главная тягостная сторона ихъ жизни—это почти полное уединеніе, такъ какъ съ окружающимъ ихъ обществомъ, хотя бы они и сами вышли изъ крестьянъ, связи очень мало, вслѣдствіе отсутствія тождественныхъ интересовъ. Я пришелъ къ заключенію, что изъ нихъ можно выдѣлить нѣсколько довольно обособленныхъ группъ, а именно: тѣ учителя, которые на бесѣдахъ выдѣлялись своимъ изящнымъ костюмомъ, оказались не сыновьями богатенькихъ отцовъ, какъ я думалъ, а просто ловкими и энергичными практическими людьми, поставленными, къ тому же, судьбою въ благопріятныя условія, т.-е. живущими въ большихъ селахъ;—тамъ они умѣютъ найти себѣ и уроки у управляющаго, у священника, иногда у помѣщика, и конторскія работы, и даже снимаютъ землю въ аренду, причемъ обработываютъ ее не своими руками, а наемными; такіе учителя и женятся большею частью не безъ приданаго, да и сами съумѣютъ добыть средства для семьи, хотя бы и не особенно малочисленной. Учителя, не наклонные къ практической дѣятельности, или живущіе въ такой мѣстности, гдѣ она невозможна, если они неженаты, несмотря на крайне, повидимому, недостаточное содержаніе, легко сводятъ концы съ концами и даже находятъ возможность покупать кое-какія дешевенькія книжки и досугъ свой наполняютъ чтеніемъ, занятіями ботаникой, изрѣдка собираніемъ пѣсенъ и проч. Если въ школѣ два учителя и они живутъ ладно, то и жизнь ихъ представляется имъ даже какъ будто не особенно тяжелой. Всего хуже положеніе семейныхъ и въ особенности многосемейныхъ, т.-е. имѣющихъ двоихъ, троихъ дѣтей и старуху мать; женатый учитель, имѣющій одного ребенка, не считаетъ своего положенія тяжелымъ; одинъ изъ такихъ, получающій, кажется, 15 рублей въ мѣсяцъ, на мой вопросъ, какъ же живетъ онъ на эту сумму, довольно бодро отвѣтилъ мнѣ: „Разносоловъ, конечно, не бываетъ; но живемъ ничего себѣ, не особенно нуждаемся“;—вся ихъ энергія по неволѣ уходитъ на тяжелую и почти непрестанную борьбу съ жизнью, и они старѣются чрезвычайно быстро, но и въ нихъ не угасаетъ искра и уваженіе къ своему дѣлу.

„Окончились курсы: разъѣхались учителя и учительницы, потерявъ каждый, примѣрно, по 10—12 фунтовъ въ вѣсѣ, но зато энергія и работоспособность каждаго увеличились на 30—40%. А такъ какъ эти 1.200 человѣкъ будутъ, въ продолженіе слѣдующаго года,

работать надъ нѣсколькими тысячами дѣтей, то нужно ли доказывать, какую огромную пользу принесли эти двѣ недѣли цѣлой губерніи"?

А чего все это стоило на деньги, — мы имѣемъ подробную вѣдомость, представленную управой собранію: это обошлось въ 1.869 руб. 48 коп. [1]).

Курсы съ большимъ успѣхомъ повторены были и въ 1899 году.

Лѣтомъ того же 1898 года, по порученію собранія, было созвано при губернской управѣ и *совѣщаніе* изъ лицъ, на которыхъ фактически лежитъ въ различныхъ уѣздахъ завѣдываніе школьнымъ дѣломъ, поскольку послѣднее зависитъ отъ земства,—для обсужденія вопроса о томъ, какими способами губернское земство могло бы наиболѣе цѣлесообразнымъ образомъ принять участіе въ развитіи дѣла народнаго образованія и земскихъ на то расходахъ. На это совѣщаніе были также приглашены директоръ и инспектора народныхъ училищъ, члены отъ земства губернскаго училищнаго совѣта, директоръ земской учительской семинаріи, а также лица, заявившія желаніе участвовать въ этомъ совѣщаніи.

Приготовляясь къ означенному совѣщанію, губернская управа составила предварительную программу вопросовъ, которые, по ея мнѣнію, должны были быть разсмотрѣны, включивъ въ нихъ и всѣ тѣ, какіе были возбуждены въ сообщеніяхъ нѣкоторыхъ уѣздныхъ земскихъ собраній, уѣздныхъ управъ и членовъ уѣздныхъ училищныхъ совѣтовъ, прошлогоднему очередному губернскому земскому собранію.

Одновременно съ тѣмъ, приступая къ исполненію другого порученія собранія—устройству минувшимъ лѣтомъ краткосрочныхъ педагогическихъ курсовъ при земской учительской семинаріи, губернская управа, по совѣщанію съ наблюдателемъ за означенными курсами, директоромъ этой семинаріи, обратилась съ рядомъ вопросовъ о положеніи училищъ и учителей и ихъ нуждахъ къ самимъ учителямъ, чтобы такимъ образомъ ознакомиться съ дѣломъ и съ ихъ точкой зрѣнія.

Изъ 531 земскихъ школъ губерніи получено было 367 отвѣтовъ, такъ что, можно сказать, отвѣты получены по 69% всѣхъ такихъ училищъ. Отвѣты эти тоже были приняты губернской управой во вниманіе при составленіи программы вопросовъ, предложенныхъ на обсужденіе совѣщанія.

Сообщенія совѣщанія были переданы въ уѣзды, отъ большинства

---

[1]) Самыми крупными статьями расхода явились: вознагражденіе руководителямъ — 600 рублей, прогонныя деньги курсистамъ — 545 руб.; на продовольствіе же курсистамъ и прислугѣ пошло 466 руб. 90 коп.

которыхъ получены отзывы по различнымъ, возбужденнымъ на совѣщаніи, вопросамъ.

Если обратиться къ своду свѣдѣній о положеніи земскихъ школъ и средствъ по народному образованію, и пробѣжать сдѣланныя сообщенія, то главный недостатокъ, отъ котораго терпятъ наши школы, бросится въ глаза. Онъ можетъ быть выраженъ въ одномъ словѣ: безпризорность. Невелики расходы, употребляемые многими уѣздами на содержаніе училищъ, но это отразилось бы на количествѣ открываемыхъ школъ и на тяжелыхъ условіяхъ дѣятельности уже существующихъ училищъ.

Тяжело положеніе учителя, иногда семейнаго, вынужденнаго жить въ тѣсной каморкѣ при школьномъ зданіи, а иногда даже и на наемной квартирѣ, получая 15—20 рублей въ мѣсяцъ (за вычетомъ въ эмеритуру); но оно было бы сноснѣе, еслибы зданіе всегда, какъ слѣдуетъ, отапливалось, было бы во-время ремонтировано, такъ что не дуло бы въ стѣны, не стояли бы до глубокой осени невставленныя рамы, не распространялся бы угаръ отъ печи; еслибы можно было имѣть какое-либо свое хозяйство при училищѣ, располагая для того хотя какими-нибудь надворными постройками; еслибы всегда былъ при училищѣ сторожъ, который бы помогъ учителю исполнить самыя простыя работы по содержанію въ порядкѣ зданія и проч. Лучше шло бы и ученіе, еслибы потребности школы, начиная отъ отопленія и школьной мебели до учебныхъ принадлежностей включительно, всегда были исправны: еслибы ученики аккуратнѣе посѣщали школы и проч. Всѣ наши уѣзды, принявшіе за основаніе организаціи школьнаго дѣла содержаніе училищъ сообща съ сельскими обществами, для которыхъ училища устроиваются, и возложившіе на эти общества расходы и попеченіе по ремонту, отопленію и освѣщенію училищъ и проч.,—стоятъ лицомъ къ лицу съ неудобствами, вытекающими изъ своеобразнаго отношенія этихъ обществъ, по содержанію школы, къ выполненію принятыхъ на себя обязанностей.

Стараются бороться съ этими неудобствами различными способами: нѣкоторые уѣзды нанимаютъ особыхъ лицъ для надзора за хозяйственнымъ состояніемъ училищъ, которыя ѣздятъ и напоминаютъ населенію о томъ, что необходимо сдѣлать для училища. Это нѣсколько помогаетъ, но устранить всѣхъ недостатковъ все-таки не можетъ, ибо самый взглядъ на потребности училища у крестьянъ совсѣмъ другой. Обращаются и въ различныя учрежденія, къ попечителямъ, къ земскимъ начальникамъ. Но и этимъ путемъ невозможно добиться настоящаго успѣха въ дѣлѣ, основанномъ на добромъ согласіи населенія участвовать въ немъ. Понятно, что многіе учителя указываютъ на принятіе содержанія училищъ цѣликомъ на земство,

съ производствомъ отъ земства же всѣхъ расходовъ, какъ на единственный способъ добиться хорошихъ условій для дѣятельности заведенія. Къ сожалѣнію, губернское земство въ этомъ отношеніи ничѣмъ помочь уѣздамъ не можетъ. Еслибы даже было возможно, посредствомъ, напримѣръ, пособій отъ губерніи перевести по нѣскольку училищъ въ каждомъ уѣздѣ на полное земское содержаніе,—этимъ было бы еще немного достигнуто. Стоило бы содержаніе такихъ училищъ, конечно, много дороже, чѣмъ во что̀ обходится содержаніе нынѣшнихъ училищъ и земству, и крестьянскимъ обществамъ, вмѣстѣ взятымъ; а помощь, такимъ образомъ оказанная, была бы крайне неуравнительною для плательщиковъ различныхъ мѣстностей, которымъ такими училищами воспользоваться не придется.

О такой мѣрѣ со стороны губернскаго земства можно бы было серьезно говорить лишь въ томъ случаѣ, если бы была какая-нибудь надежда на возможность повсемѣстно открыть такія училища; да и то еще вопросъ, хозяйственно ли было бы браться за осуществленіе проекта всеобщаго образованія этимъ способомъ.

Положеніе земства по отношенію къ дѣлу народнаго образованія представляется въ совершенно другомъ видѣ. „Земству приходится ползти въ этомъ дѣлѣ на встрѣчу теченію, ежеминутно грозящему снести его внизъ, разрушивъ разомъ всѣ его усилія. И недостатокъ средствъ, и недостатокъ организаціи, наконецъ, предубѣжденіе и вліянія всевозможнаго рода, — все сложилось противъ этого дѣла. Когда видишь вокругъ себя изъ года въ годъ повторяющіяся голодовки, свидѣтельствующія о послѣдовательно идущемъ впередъ обѣднѣніи массы населенія то той, то другой мѣстности, когда встрѣчаешь случаи дѣйствительнаго недостатка въ пищѣ,—думать не хочется о какихъ бы то ни было мѣрахъ, требующихъ новыхъ жертвъ отъ этого населенія, новыхъ затратъ на что̀ бы то ни было, даже на дѣло образованія. Только отвлекшись на время отъ созерцанія такой нужды, пріобрѣтаешь способность вновь разсуждать и думать о какихъ-либо другихъ потребностяхъ и снова понимаешь, что дѣло народнаго образованія—такое, которое непремѣнно надо вести впередъ, хотя бы и цѣною неимовѣрныхъ усилій“...

Въ такомъ положеніи, нельзя не согласиться со взглядомъ, что въ этомъ дѣлѣ должны найти мѣсто совокупныя усилія всѣхъ, и крестьянскихъ обществъ, и частныхъ лицъ, и земства, и правительственныхъ и иныхъ учрежденій всѣхъ вѣдомствъ, и самого правительства. Ибо только совокупными усиліями всего общества можно разсчитывать двинуть впередъ это необходимое, но трудное дѣло.

Выше было обращено вниманіе на недостатки, вытекающіе для условій школьной жизни отъ плохого исполненія крестьянскими обще-

ствами и ихъ органами тѣхъ обязательствъ, которыя они приняли на себя предъ земствомъ въ отношеніи училищъ, содержимыхъ ими сообща, преимущественно же касательно ремонта школъ и школьной мебели, отопленія и освѣщенія училищъ, найма сторожа и выполненія необходимыхъ для правильнаго теченія преподаванія требованій учителей. Нѣтъ сомнѣнія, что ежели бы среди сельскаго населенія находились лица, способныя какъ слѣдуетъ оцѣнить вліяніе на дѣло обученія этихъ условій, то съ улучшеніемъ одной этой части была бы достигнута такая выгода, что успѣхъ училищъ среди данной мѣстности былъ бы обезпеченъ. Навѣрное, нашлись бы тогда среди самаго населенія и неожиданныя средства для школы, и люди, которые не пожалѣли бы трудовъ на такое дѣло, и уѣздному земству, съ своей стороны, можно было быть увѣреннымъ, что его затраты на училища не останутся непроизводительными. Тогда можно бы было уѣзду легче теперешняго рѣшиться, напримѣръ, и на такую мѣру, какъ принятіе оплаты учителей цѣликомъ на себя,—условіе, отсутствіе котораго служитъ въ настоящую пору въ нѣкоторыхъ уѣздахъ однимъ изъ важныхъ тормазовъ открытія новыхъ училищъ. Мы видимъ, что замѣнить такое участіе какими-либо иными мѣрами ни уѣздному земству, ни земскимъ начальникамъ невозможно. Земская волость въ качествѣ самостоятельной единицы земскаго самоуправленія—вотъ единственное средство, которое могло бы создать для нашихъ училищъ эти недостающія имъ теперь условія. Нельзя достаточно часто указывать на этотъ огромный пробѣлъ въ нашемъ законодательствѣ, дающій себя чувствовать всякій разъ, какъ земство пытается подойти къ нуждамъ населенія, къ удовлетворенію его существенныхъ потребностей. За отсутствіемъ такого учрежденія приходится, конечно, прибѣгать къ другимъ способамъ какъ-нибудь восполнить этотъ пробѣлъ, чѣмъ-нибудь замѣнить недостающій земству органъ. Въ числѣ средствъ къ тому было указываемо въ совѣщаніи на образованіе попечительствъ при школахъ и даже на образованіе такихъ же попечительствъ при земскихъ начальникахъ, но оба предложенія холодно встрѣчены совѣщаніемъ и еще холоднѣе—въ уѣздахъ. Нельзя поэтому не присоединиться къ предложенію рязанскаго уѣзднаго земскаго собранія, нашедшаго нужнымъ, въ видахъ большаго выясненія этого дѣла, дать отъ лица губернскаго земскаго собранія порученіе губернской управѣ вмѣстѣ съ особой коммиссіей тщательно разработать вопросъ объ устройствѣ мелкихъ земскихъ органовъ, съ тѣмъ чтобы затѣмъ въ порядкѣ ходатайства данъ былъ надлежащій ходъ этому серьезнѣйшему и важнѣйшему земскому вопросу.

Пока нельзя не рекомендовать вниманію уѣздныхъ собраній полезность назначенія отъ земства особыхъ наблюдателей за хозяйствен-

ными нуждами училищъ. Вездѣ, гдѣ такіе наблюдатели приглашались (за особую плату), мѣстное земство оставалось довольно ихъ дѣятельностью и признавало расходъ на ихъ содержаніе и разъѣзды производительнымъ. Содержаніе надзора за школами, аккуратно выплачиваемое жалованье учителямъ, всего лучше цѣликомъ принимаемое на земскую смѣту и, во всякомъ случаѣ, выдаваемое чрезъ посредство земства, и достаточное снабженіе училищъ учебными пособіями, признаются главными обязанностями уѣзднаго земства, желающаго, чтобы у него школьное дѣло шло хорошо.

Въ числѣ вопросовъ, поставленныхъ на обсужденіе совѣщанія, былъ предложенъ вопросъ объ участіи губернскаго земства въ общихъ расходахъ уѣздовъ по народному образованію, опредѣленнѣе формулированный такъ: признается ли цѣлесообразнымъ опредѣлить для уѣздовъ извѣстный размѣръ требованій или расходовъ по школьному дѣлу, выполненіе которыхъ давало бы уѣзду право на помощь отъ губернскаго земства на дальнѣйшіе расходы по народному образованію?

Хотя большинство совѣщанія и признало желательнымъ принятіе такой мѣры, признавъ необходимою выработку губернскою управою общей нормы, которая бы давала уѣзду право на помощь губерніи, но большинство уѣздныхъ собраній, сообщившихъ свое мнѣніе по этому вопросу, отнеслось несочувственно къ такой постановкѣ. Не высказались противъ этой мѣры или высказались, напротивъ, въ пользу ея только три уѣзда: рязанскій, спасскій и касимовскій, причемъ послѣдній уѣздъ сдѣлалъ оговорку, что выработать такія нормы будетъ очень трудно.

Собранія остальныхъ уѣздовъ, коснувшись этого вопроса, высказались противъ такого участія губерніи, причемъ два собранія, данковское и сапожковское, возражали даже противъ принятія губернскимъ земствомъ какихъ бы то ни было мѣръ въ дѣлѣ народнаго образованія, кромѣ содержанія учительской семинаріи.

Всего опредѣленнѣе высказалось данковское собраніе, согласившееся съ слѣдующимъ предложеніемъ гласнаго Лукинскаго:

„До сихъ поръ дѣло народнаго образованія находилось въ завѣдываніи уѣзда, губернское земство содержало только одну учительскую семинарію. Теперь, какъ видно, губернія хочетъ вмѣшаться въ эту отрасль уѣзднаго земскаго хозяйства, что̀ совершенно нежелательно, а потому онъ и предложилъ высказать желаніе, чтобы дѣло народнаго образованія попрежнему осталось всецѣло въ распоряженіи уѣзднаго земства, безъ всякаго вмѣшательства со стороны губернскаго земства въ это дѣло“.

Подробнѣе мотивировано это мнѣніе въ докладѣ егорьевской

управы своему собранію, въ которомъ проводится та мысль, что уѣзды производительнѣе могутъ употребить деньги, расходуемыя ими на народное образованіе у себя дома, чѣмъ проводя его черезъ губернскую смѣту, по распоряженію губернскаго собранія.

Нельзя не согласиться, что при теперешней постановкѣ училищнаго дѣла въ рязанской губерніи такой взглядъ имѣетъ много основательнаго, чѣмъ и объясняется дружный отпоръ, данный большинствомъ уѣздныхъ собраній этому предложенію. Вообще надо, чтобы губернія своимъ участіемъ давала что-нибудь такое, потребность въ чемъ ясно ощущалась бы въ уѣздахъ, но чего достигнуть уѣздному земству непосредственно или нельзя, или менѣе удобно, чѣмъ черезъ посредство губернскаго земства. Только такое участіе будетъ, и по мнѣнію губернской управы, желательно, а слѣдовательно—и полезно. Это будетъ не вмѣшательство губернскаго земства въ дѣло, самостоятельно веденное уѣздами, а содѣйствіе, оказываемое по желанію самихъ уѣздовъ. И такія мѣры есть. Онѣ указаны въ постановленіяхъ собраній шести уѣздовъ, доставившихъ свои заключенія по отдѣльнымъ предложеніямъ совѣщанія.

Мѣры эти слѣдующія:

По вопросу о содѣйствіи губернскаго земства къ улучшенію школьныхъ зданій совѣщаніемъ было предложено: во-первыхъ—установленіе губернскимъ земствомъ особаго ссуднаго капитала на постройку и перестройку школъ подъ ручательствомъ уѣзда, причемъ должны быть выработаны извѣстныя правила о порядкѣ пользованія ссудами изъ капитала со стороны уѣзднаго земства; во-вторыхъ, принятіе губернскимъ земствомъ на себя извѣстной доли въ безвозвратныхъ пособіяхъ, выдаваемыхъ уѣздами сельскимъ обществамъ.

Губернская управа, сообщая объ этомъ заключеніи совѣщанія уѣздамъ, съ своей стороны признавала возможнымъ осуществить это предложеніе открытіемъ уѣздамъ кредита изъ средствъ запаснаго капитала губернскаго земства въ опредѣленномъ для каждаго уѣзда размѣрѣ, напр. 5.000 руб. на каждый, въ случаяхъ, когда уѣзды установятъ способъ надзора за тѣмъ, чтобы возводимыя зданія дѣйствительно удовлетворяли своему назначенію,—срокомъ не свыше трехъ лѣтъ, безпроцентно, при своевременной уплатѣ уѣздами части, причитающейся въ возвратъ долга, и съ уплатою обычнаго процента на часть ссуды, неуплаченную своевременно, и съ пріостановкою дальнѣйшихъ ссудъ невыполнившему свои обязательства уѣзду, впредь до выполненія ихъ,—хотя наличныя средства запаснаго капитала не дозволяли бы широкаго примѣненія этой мѣры въ настоящее время.

Изъ всѣхъ уѣздовъ въ пользу этой мѣры рѣшительно высказались только егорьевскій, находившій, что удѣлить средства на постройку

школъ—губерніи легче, чѣмъ уѣзду, и рязанскій, примкнувшій вообще къ заключенію большинства совѣщанія, кромѣ немногихъ вопросовъ. Уѣзды зарайскій, касимовскій и раненбургскій отнеслись къ этой мѣрѣ безразлично, хотя одобрили предположенныя губернскою управою основанія выдачи помощи; собранія михайловское и спасское высказались противъ предложенія.

Въ пользу участія губернскаго земства въ постройкѣ школъ безвозвратными пособіями оказался только одинъ голосъ рязанскаго уѣзда, и четыре уѣзда высказались противъ такого участія.

Въ виду такого отношенія уѣздныхъ собраній къ этому предложенію, губернская управа полагала, что потребность въ учрежденіи при губернскомъ земствѣ особаго ссуднаго капитала для постройки школъ не настолько настоятельна, чтобы было необходимо принимать эту мѣру при теперешнемъ состояніи кассы губернской управы. Вопросъ же объ участіи губернскаго земства въ безвозвратныхъ пособіяхъ, выдаваемыхъ уѣздами на постройку школъ, не признано возможнымъ поддерживать вовсе.

По вопросу о созывѣ съѣздовъ учителей и устройствѣ педагогическихъ курсовъ совѣщаніе высказало: „Учительскіе съѣзды крайне полезны. Но устройство ихъ возможно и желательно въ уѣздахъ; въ виду же того, что въ настоящее время подобные съѣзды не дозволяются, необходимо возбудить ходатайство о разрѣшеніи ихъ. Педагогическіе курсы тоже очень полезны. Устройство ихъ удобнѣе пріурочить къ губерніи, съ отнесеніемъ всѣхъ расходовъ по организаціи курсовъ на губернскій счетъ“. При этомъ было выражено желаніе, чтобы въ теченіе извѣстнаго промежутка времени учителя всей губерніи прошли черезъ курсы, съ какою цѣлью долженъ быть выработанъ порядокъ пользованія курсами со стороны уѣздовъ. Справедливѣе всего представляется, чтобы уѣздъ посылалъ своихъ учителей на курсы сообразно общему числу ихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, во избѣжаніе затрудненій при устройствѣ курсовъ,—заключающихся, между прочимъ, въ необходимости представлять на утвержденіе министерства именной списокъ учителей, приглашаемыхъ на курсы, совѣщаніе высказалось за необходимость ходатайства объ измѣненіи этого порядка въ томъ смыслѣ, чтобы учителя назначались на курсы училищными совѣтами съ согласія инспекціи народныхъ училищъ, безъ представленія ихъ именного списка на утвержденіе министерства.

Объ устройствѣ книжныхъ складовъ и библіотекъ для чтенія, а также объ организаціи чтеній съ волшебными фонарями, заключенія совѣщанія были слѣдующія.

Устройство книжныхъ складовъ совѣщаніемъ признано болѣе удобнымъ отнести къ дѣлу уѣздныхъ земствъ, съ указаніемъ на крайнюю

полезность этой мѣры и на успѣшное ея развитіе въ тѣхъ уѣздахъ, гдѣ склады существуютъ (напр. скопинскій).

Относительно устройства библіотекъ для чтенія совѣщаніе высказалось, что было бы весьма полезно, еслибы губернское земство приходило въ этомъ отношеніи на помощь уѣздамъ, въ виду тѣхъ затрудненій, которыя, по заявленіямъ членовъ совѣщанія, встрѣчаются въ настоящее время при открытіи библіотекъ-читаленъ. Совѣщаніе точно также признало, что для устройства въ уѣздахъ чтеній съ волшебными фонарями весьма желательно содѣйствіе губернскаго земства. Помощь могла бы заключаться: 1) въ организаціи передвижныхъ фонарей съ картинами и разъѣздныхъ лекторовъ отъ губерніи съ цѣлью пропагандированія этихъ чтеній въ уѣздахъ; 2) въ устройствѣ при губернской управѣ склада картинъ для фонарей, для разсылки ихъ, какъ бы на прокатъ, по уѣздамъ; 3) въ принятіи губернскимъ земствомъ на себя посредничества при выпискѣ волшебныхъ фонарей, въ видахъ удешевленія ихъ стоимости и представленія большей возможности извлекать пользу изъ склада картинъ при условіи однородности фонарей по всѣмъ уѣздамъ.

Кромѣ того, признано необходимымъ возбудить ходатайство объ упрощеніи порядка открытія самыхъ чтеній въ томъ смыслѣ, чтобы разрѣшеніе на открытіе ихъ могло быть даваемо мѣстной дирекціей народныхъ училищъ.

Въ числѣ способовъ помочь матеріальному положенію училищъ и учащихся, было высказано желаніе пользоваться болѣе нынѣшняго надѣленіемъ училищъ землею на основаніи закона 12-го мая прошлаго года. Поэтому на губернскую управу было возложено даже порученіе выяснить, путемъ сношенія съ кѣмъ слѣдуетъ, какимъ способомъ можно облегчить пользованіе этою мѣрою. По этому вопросу, точно также какъ и по вопросу объ уступкѣ казеннаго лѣса на надобности училищъ, получены были лишь немногія свѣдѣнія отъ владимірско-рязанскаго управленія государственными имуществами. Оказывается, что какъ отпускъ лѣса, такъ и отводъ земли не носятъ обязательнаго характера для министерства, т.-е. законъ 12 мая не даетъ права пользоваться отводомъ земли или отпускомъ лѣса на училища при какихъ бы то ни было условіяхъ, но даетъ лишь право министру земледѣлія и государственныхъ имуществъ разрѣшать отпускъ или отводъ земли, когда это будетъ признано возможнымъ; впрочемъ, въ министерствѣ разработываются правила въ развитіе упомянутаго закона, которыми и имѣютъ быть ближайшимъ образомъ опредѣлены условія такого пользованія.

Кромѣ мѣръ для содѣйствія начальному образованію, совѣщаніе высказалось также и за оказаніе помощи уѣздамъ на устройство и

содержаніе среднеучебныхъ заведеній, а также за возбужденіе предъ правительствомъ ходатайства о выработкѣ новаго типа среднеучебнаго заведенія, отвѣчающаго вполнѣ нуждамъ населенія уѣздовъ. Такое заведеніе должно удовлетворять потребностямъ всѣхъ слоевъ населенія и соотвѣтствовать низшимъ классамъ существующихъ учебныхъ заведеній, дабы оно давало возможность продолжать образованіе: безразлично въ гимназіяхъ, реальныхъ училищахъ, корпусахъ, семинаріяхъ и проч.; ибо только при этихъ условіяхъ открываемыя заведенія будутъ въ состояніи удешевить среднее образованіе и сдѣлать его доступнымъ для всѣхъ тѣхъ, кто въ немъ нуждается.

Размѣры журнальной статьи не дозволяютъ намъ съ достаточной подробностью остановиться на другихъ докладахъ князя Н. С. Волконскаго, затрогивающихъ различные вопросы земской жизни; вопросы ставились и выполнялись широко, и въ лѣтописяхъ рязанскаго земства они оставятъ слѣдъ и намѣтятъ путь на долгое время. За время предсѣдательства князя Волконскаго, кромѣ упомянутаго уже совѣщанія по народному образованію, состоялось еще пять съѣздовъ, куда приглашались, помимо земскихъ представителей, спеціалисты по той или иной отрасли земскаго управленія, подлежащей обсужденію даннаго съѣзда,—медицинской, ветеринарной, страховой, бухгалтерской и, наконецъ, послѣдней, психіатрической при участіи извѣстныхъ психіатровъ, директора земской психіатрической больницы въ Воронежѣ, Н. Н. Баженова, директора психіатрической больницы московскаго земства В. И. Яковенко и друг.

Отмѣтимъ мимоходомъ, что вопросъ о правѣ губернскаго земства обращаться, въ случаѣ надобности, къ созыву совѣщаній врачей для обсужденія вопросовъ земской медицины восходилъ въ рязанскомъ земствѣ на разсмотрѣніе правительствующаго сената по жалобѣ губернской земской управы на постановленіе рязанскаго губернскаго по земскимъ и городскимъ дѣламъ присутствія, причемъ сенатъ пришелъ къ заключенію, что „организованныя рязанскимъ земствомъ совѣщанія не представляютъ собою тѣхъ съѣздовъ, открытіе которыхъ обусловлено разрѣшеніемъ министра внутреннихъ дѣлъ: согласно постановленію земскаго собранія отъ 22-го января 1893 года, въ составъ сихъ совѣщаній должны входить, кромѣ лицъ, непосредственно участвующихъ въ земскомъ представительствѣ, лишь по одному земскому врачу отъ уѣзда по назначенію управы; засѣданія оныхъ не должны происходить публично, и наконецъ, на обязанность ихъ возлагалось лишь предварительное обсужденіе вопросовъ, вносимыхъ за симъ на разсмотрѣніе медицинскаго бюро, разработывающаго окончательно всѣ вопросы земской медицины“ (Указъ 4-го января 1899 года, № 23).

Заключенія психіатрическаго совѣщанія, состоявшагося въ Рязани 23—25 октября 1900 года, какъ видно изъ доклада князя Волконскаго рязанскому губернскому земскому собранію въ декабрьскую сессію того же года, могутъ быть выражены въ слѣдующихъ положеніяхъ:

„Если земство желаетъ исполнить свой долгъ въ отношеніи населенія по призрѣнію душевно-больныхъ и признаетъ, что призрѣніе на счетъ общества есть право душевно-больныхъ, а не благотворительность, имъ оказанная, то прежде всего нѣтъ надобности устанавливать какія-либо нормы для психіатрически больныхъ, поступающихъ въ эти заведенія. Совѣщаніе прямо высказалось противъ ограниченія пріема больныхъ какою-либо нормою, ибо обязанность земства удовлетворять потребности населенія, а не содержать извѣстное заведеніе. Другое дѣло—норма естественная, вытекающая изъ числа лицъ, которыя по своему положенію могутъ потребовать призрѣнія. Чтобы стать твердо въ этомъ дѣлѣ и дѣйствовать планомѣрно, избѣгая ошибокъ отъ непредвидѣнныхъ случайностей, необходимо имѣть это число постоянно въ виду, чтобы съ нимъ сообразовать свои дѣйствія. Но чтобы достигнуть этого, надо его выяснить, а для этого всего вѣрнѣе произвести точное изслѣдованіе. Число и характеръ больныхъ въ каждой мѣстности свои, и какъ бы осторожно мы ни пользовались чужимъ опытомъ, увѣренными въ правильности нашего разсчета мы быть не можемъ. Эту увѣренность можетъ дать только свое изслѣдованіе. Но такое обслѣдованіе стоитъ довольно дорого. Наиболѣе обстоятельнымъ изъ произведенныхъ до сего времени обслѣдованій этого рода считается обслѣдованіе, произведенное московскимъ земствомъ.

Если, за неимѣніемъ собственныхъ свѣдѣній положиться на московскія, то, по мнѣнію г. Яковенко, въ рязанской губерніи, при населеніи въ два милліона человѣкъ, должно быть около пяти тысячъ душевно-больныхъ, изъ которыхъ отъ 700 до 800 человѣкъ относятся къ разряду больныхъ, требующихъ содержанія въ больницѣ.

Помѣщеніемъ такого числа больныхъ въ психіатрическихъ заведеніяхъ не исчерпывается, однако, все, что лежитъ на обязанности земства сдѣлать для посильнаго удовлетворенія душевно-больныхъ. Помимо больныхъ, которыхъ необходимо содержать въ больницахъ, есть цѣлый разрядъ лицъ, преимущественно хрониковъ, положеніе которыхъ можетъ быть значительно улучшено посредствомъ цѣлесообразнаго ухода, но которыхъ въ больницахъ можно и не держать. Опытъ показываетъ, что всего цѣлесообразнѣе переводить такихъ больныхъ въ болѣе привычную для нихъ и ближе стоящую къ обычнымъ условіямъ жизни въ обществѣ семейную обстановку, но не въ собственныя семьи, гдѣ прежде жили и дѣйствовали больные и гдѣ обыкно-

венно условія еще не таковы, чтобы больнымъ можно было безнаказанно въ нихъ возвращаться, а въ особыя, поставленныя подъ наблюденіе врача. Проживая здѣсь въ болѣе благопріятныхъ для нихъ условіяхъ, больные обыкновенно улучшаются, иногда приходя въ сознаніе, въ которомъ имъ можно уже вернуться къ обычной жизни въ обществѣ; притомъ ихъ содержаніе стоитъ значительно дешевле, чѣмъ въ больницѣ. Вотъ почему и у насъ, и за границей сдѣлано было въ настоящее время и теперь дѣлается много опытовъ организаціи такихъ особыхъ колоній посемейнаго призрѣнія душевно-больныхъ подъ надзоромъ врачей-психіатровъ. Въ Россіи починъ этого вида призрѣнія принадлежитъ Н. Н. Баженову, въ бытность его директоромъ психіатрической больницы рязанскаго земства. Но въ настоящее время такія колоніи существуютъ уже въ нѣсколькихъ мѣстностяхъ: въ Балахнѣ, нижегородской губерніи; въ екатеринославской губерніи, въ воронежской, будетъ и въ московской. Вездѣ этотъ способъ призрѣнія, какъ и всякое новое дѣло, пролагаетъ себѣ путь не безъ борьбы, но въ настоящее время уже успѣхъ есть на практикѣ, и этотъ видъ призрѣнія завоевываетъ себѣ все большее и большее число сторонниковъ, становясь необходимымъ звеномъ въ цѣпи психіатрическихъ заведеній земства. По мнѣнію г. Баженова, изъ числа нынѣшнихъ больныхъ, призрѣваемыхъ въ заведеніяхъ рязанскаго земства, до 200 человѣкъ могли бы бы переведены въ такую колонію, если бы она существовала. При такомъ числѣ больныхъ содержаніе ихъ обходилось бы земству не свыше 125 рублей. (Въ Балахнѣ, при меньшемъ числѣ больныхъ, больной обходится въ 125—135 рублей). Совѣщаніе признало устройство колоніи для призрѣнія больныхъ въ семьяхъ необходимымъ звеномъ психіатрической организаціи въ рязанской губерніи и выразило желаніе, чтобы на первое время была устроена такая колонія не менѣе какъ на 100 человѣкъ.

Другимъ способомъ призрѣнія хрониковъ, не требующихъ больничнаго ухода, является устройство земледѣльческихъ колоній при больницѣ. Такая колонія была въ распоряженіи г. Синани въ Новгородѣ и сейчасъ существуетъ у г. Штейнберга въ Саратовѣ. Этотъ способъ призрѣнія примѣняется и въ рязанскомъ земствѣ (Галенчино). Устройство такой колоніи, въ которой призрѣваемые работаютъ, имѣетъ двоякую цѣль: во-первыхъ, дать больнымъ занятіе, благотворно дѣйствующее на состояніе ихъ здоровья; а во-вторыхъ, удешевляетъ содержаніе больныхъ для земства посредствомъ оплаты части расходовъ ихъ же трудомъ. По удостовѣренію г. Штейнберга, содержаніе больного обходится саратовскому земству, благодаря колоніи, въ 156 рублей въ годъ.

Оба способа—призрѣніе въ семьяхъ и въ земледѣльческихъ коло-

ніяхъ—должны, по мнѣнію психіатровъ, взаимно дополнять другъ друга, составляя отдѣльныя звенья въ цѣпи земскихъ психіатрическихъ заведеній.

Въ практикѣ московскаго земства принято на-ряду съ помѣщеніемъ больныхъ въ психіатрическую больницу призрѣвать ихъ и въ собственныхъ или чужихъ семьяхъ на мѣстахъ, подъ надзоромъ участковаго земскаго врача. Семьямъ, содержащимъ такихъ больныхъ, выдается отъ земства пособіе отъ 2 до 5 рублей въ мѣсяцъ, изъ которыхъ половина уплачивается губернскимъ земскомъ, а половина—уѣзднымъ.

Совѣщаніе признало такой способъ призрѣнія душевно-больныхъ въ собственныхъ семьяхъ, при пособіи отъ земства, желательнымъ при непремѣнномъ условіи организаціи медицинскаго надзора и контроля.

Напротивъ, устройство для призрѣнія нѣкоторыхъ формъ хрониковъ уѣздныхъ пріютовъ-богаделенъ признало нецѣлесообразною мѣрою и несомнѣнно болѣе дорогою противъ другихъ способовъ призрѣнія. Есть полное основаніе думать, что подобные пріюты-богадельни стали бы разростаться въ самостоятельныя больницы.

Такимъ образомъ намѣтились всѣ заведенія психіатрической организаціи, которая, при теперешнемъ состояніи знаній по этому дѣлу, можетъ дать земству возможность исполнить лежащую на немъ, по отношенію къ этой потребности, обязанность къ населенію: психіатрическая больница съ земледѣльческой колоніей при ней, колонія для призрѣнія хрониковъ въ селеніяхъ и организація призрѣнія душевнобольныхъ въ собственныхъ семьяхъ при пособіи отъ земства и подъ надзоромъ земскихъ врачей".

Мы не станемъ останавливаться на подробностяхъ заключеній совѣщанія по нѣкоторымъ частнымъ вопросамъ, бывшимъ на его разсмотрѣніи, какъ, напримѣръ, о томъ, какъ поступать съ испытуемыми, алкоголиками и эпилептиками, или какъ обезпечить заведеніямъ надежный составъ служащихъ и проч.; точно также обойдемъ молчаніемъ и результатъ осмотра психіатрическихъ заведеній рязанскаго земства и предложенія нѣкоторыхъ неотложныхъ измѣненій порядковъ пріема и помѣщенія больныхъ, формулированныя въ весьма обстоятельномъ докладѣ доктора Н. Н. Баженова. Такія подробности, въ высшей степени интересныя, не укладываются, однако, въ рамки настоящей статьи.

Тотъ же недостатокъ мѣста препятствуетъ намъ подробно остановиться на докладахъ князя Волконскаго по дорожному дѣлу и по продовольствію населенія. Послѣдніе представляютъ особо выдающійся интересъ, будучи обоснованы на весьма поучительныхъ и цѣнныхъ цифровыхъ данныхъ. Такъ, между прочимъ, подъ наблюденіемъ князя Волконскаго осенью 1898 года произведено было статистическое обслѣ-

дованіе пяти волостей михайловскаго уѣзда, пострадавшихъ отъ неурожая 1897 и 1898 годовъ, и подъ его редакціей изданъ сборникъ, текстъ котораго написанъ имъ самимъ (см. „Результатъ обслѣдованія экономическаго состоянія селеній пяти волостей Михайловскаго уѣзда, Рязанской губерніи 1899 года"). „Не можемъ не остановиться,—пишетъ тамъ князь Волконскій,—на нѣкоторыхъ мысляхъ, невольно приходящихъ въ голову при обозрѣніи полученныхъ свѣдѣній. Принято думать, что, благодаря различнымъ принятымъ мѣрамъ наше крестьянство болѣе или менѣе обезпечено; надѣленіе землею спасаетъ его отъ безхлѣбія, сельская община—отъ возможности обратиться въ пролетаріевъ. И всѣми мѣрами стараются поддержать сельское населеніе въ этихъ условіяхъ: и запрещеніемъ продажи общественной земли, и круговою порукою, и вмѣшательствомъ администраціи во всякій неосторожный шагъ населенія, якобы опекаемаго ею. Вотъ мѣстность не особенная (т.-е. пять волостей михайловскаго уѣзда), а самая заурядная, обыкновенная; пролетаріатъ въ ней уже готовъ. Онъ охватываетъ почти половину крестьянскаго населенія, и цѣлая четверть, кромѣ того, готова попасть въ такое же положеніе при первомъ удобномъ случаѣ. Не спасла его отъ того ни община, ни крестьянскій банкъ, ни административная опека. Постепенно и вѣрно идетъ населеніе этой мѣстности къ этому результату. Крестьянскія поля, вслѣдствіе разстроеннаго хозяйства, перестали приносить такіе урожаи, какіе бывали прежде и какіе могли бы быть; постройки стали хуже, и люди въ нихъ живутъ скученнѣе, тѣснѣе; скотъ убываетъ; само населеніе останавливается въ приростѣ и вынуждено высылать изъ своей среды все, что подѣльнѣе и поэнергичнѣе, на сторону, но тоже, повидимому, безъ особыхъ выгодъ; а когда приходятъ неурожаи и голодовки, то приходится обдумывать, какъ бы прокормить его хоть до-живу. И это все—несмотря на нѣкоторое даже увеличеніе земли и, по всей вѣроятности, и посѣвной площади.

„Нельзя не спросить себя, точно ли наши представленія о совершающемся вокругъ насъ вѣрны, а наши дѣйствія цѣлесообразны? Съ какимъ явленіемъ мы имѣемъ дѣло? Составляетъ ли отмѣченный упадокъ крестьянскаго хозяйства и благосостоянія послѣдствіе роковыхъ, непреложныхъ причинъ, или онъ объясняется болѣе или менѣе случайнымъ стеченіемъ обстоятельствъ? Есть ли упадокъ этотъ общее свойство губерніи, или онъ распространяется только на эту и, можетъ быть, на многія другія мѣстности? Настоящее изслѣдованіе не въ состояніи дать отвѣта на всѣ эти вопросы; оно ихъ только поставило. Правда, многое можно предугадать. Изъ того, что отмѣченное явленіе происходитъ уже довольно долго, нѣсколько лѣтъ, можно заключить, что оно не случайное, а по всей вѣроятности обусловливается по-

стоянно-дѣйствующими органическими причинами. Мѣстность, повидимому, тоже ничѣмъ не отличающаяся отъ очень многихъ другихъ мѣстностей рязанской губерніи, можно сказать—самая заурядная въ ней. Значитъ, надо думать, что тѣ же условія дѣйствуютъ и въ другихъ мѣстностяхъ той же губерніи, приводя къ такимъ же послѣдствіямъ. Какъ давно продолжается сказанное явленіе, тоже не видно; видно, что оно происходитъ не первый годъ; можно думать, что оно не всегда было такимъ, но весьма возможно, что ходъ измѣненій въ крестьянскомъ быту имѣлъ прежде другое направленіе; но когда случилась перемѣна—неизвѣстно. Отвѣтить на эти вопросы, а съ тѣмъ вмѣстѣ выяснить болѣе надежнымъ образомъ истинное значеніе происходящаго вокругъ насъ, могло бы, можетъ быть, другое, болѣе обширное изслѣдованіе, которое охватило бы всю губернію и вынесло бы наружу факты изъ болѣе отдаленнаго времени. Рязанское земство располагаетъ довольно обширнымъ матеріаломъ для такой работы въ своемъ сборникѣ статистическихъ свѣдѣній и въ своемъ архивѣ; но главное, для этого нужно болѣе широкое обслѣдованіе мѣстности, съ поѣздками туда и непосредственнымъ ознакомленіемъ съ тѣмъ, что̀ дѣлается,—пріемы незамѣнимые въ дѣлѣ оцѣнки происходящихъ фактовъ".

Въ докладѣ губернскому собранію о продовольственной операціи 1897—1898 года князь Волконскій вновь возвращается къ тому же вопросу о хроническомъ обѣднѣніи крестьянскаго населенія [1]):

„Деревня Щекотово, правда, одна изъ самыхъ бѣдныхъ,—такъ заканчиваетъ князь Волконскій описаніе экономическаго положенія этой деревни, болѣе другихъ пострадавшей Токаревской волости, михайловскаго уѣзда.—Но вотъ другая, въ ряжскомъ уѣздѣ, уже въ волости, особенно сильнаго неурожая не испытавшей, Марчуковской, деревня Телешовка... Изъ 23 дворовъ этого общества лошади оказались только въ шести дворахъ, и въ одномъ изъ нихъ двѣ; коровъ всѣхъ восемь, но изъ нихъ двѣ взято изъ телятъ; тѣмъ не менѣе, только немногія семьи сдали свою надѣльную землю, тогда какъ большинство обработываетъ ее наймомъ само. Пять избъ оказались забитыми; хозяева выселились или разбрелись, кто на Кубань, кто въ Сибирь, а кто и просто невѣдомо куда. Мужское населеніе тоже на половину, по крайней мѣрѣ, отсутствуетъ, разошедшись по заработкамъ. Женское населеніе, правда, дома, ибо на югѣ губерніи не принято такъ разбредаться въ уходъ, какъ въ сѣверныхъ уѣздахъ. Оставшіяся тоже побираются. Изъ всѣхъ дворовъ арендуетъ землю на сторонѣ только одинъ.

Что̀ можно сдѣлать въ такомъ состояніи, какъ и чѣмъ помочь?

---

[1]) Стр. 29 Приложеній къ журналамъ Ряз. Губ. Земск. Собр. 1898—1899 г.г.

Само собой разумѣется, что дойти до такой степени нужды можно не въ одинъ годъ. Надобно, чтобы хозяйственныя условія продолжительное время были неблагопріятны; нужно продолжительное постоянное разореніе. Но когда оно есть, когда земству приходится считаться съ рядомъ селеній, находящихся въ такомъ или тому подобномъ положеніи, тогда продовольственное дѣло въ неурожайные годы становится дѣломъ совершенно особеннымъ, не предусмотрѣннымъ никакимъ уставомъ. И трудно придумать, какъ его вести".

Изслѣдуя тѣ или иныя явленія общественной жизни, князь Волконскій никогда не довольствовался одними теоретическими положеніями и цифровыми выкладками и данными. Лицомъ къ лицу становился онъ съ самой жизнью, лично самъ вникалъ во всѣ подробности изслѣдуемаго явленія и своимъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ исправлялъ недостатки теоретическихъ, апріорныхъ выводовъ и построеній. Однимъ штрихомъ, однимъ иногда словомъ онъ умѣлъ передавать слушателямъ или читателямъ свое настроеніе и впечатлѣніе; въ этомъ и заключается разгадка того захватывающаго интереса и той жизненной правды, которыми дышалъ каждый серьезный его докладъ или рѣчь.

„Когда видишь вокругъ себя изъ года въ годъ повторяющіяся голодовки,— говорилъ князь Волконскій, — свидѣтельствующія о послѣдовательно идущемъ впередъ обѣднѣніи массы населенія то той, то другой мѣстности, когда встрѣчаешь случаи дѣйствительнаго недостатка въ пищѣ,—думать не хочется о какихъ бы то ни было мѣрахъ, требующихъ новыхъ жертвъ отъ этого населенія, новыхъ затратъ на что̀ бы то ни было, даже на дѣло образованія. Только отвлекшись на время отъ созерцанія такой нужды,—пріобрѣтаешь способность вновь разсуждать и думать о какихъ-либо другихъ потребностяхъ"...

А. Еропкинъ.

Рязань.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 февраля 1902.

Государственная роспись на 1902-й годъ.—Закрытіе совѣщанія, учрежденнаго въ 1897 г. для выясненія нуждъ помѣстнаго дворянства.—Предполагаемое открытіе особаго дворянскаго отдѣла.—Ультра-сословное газетное прожектерство, не отступающее передъ „насиліемъ".—Сфера дворянскихъ ходатайствъ.—Возобновленіе пересмотра узаконеній о крестьянахъ.—Программа изслѣдованія причинъ упадка центральныхъ губерній.—Близкій конецъ работъ по составленію гражданскаго уложенія.—Отдѣленіе Кронштадта отъ петергофскаго уѣзднаго земства.

Государственная роспись на 1902-й годъ представляетъ собою, какъ и всѣ предшествующія ей, начиная съ 1891-го и въ особенности съ 1895-го года, значительное увеличеніе государственныхъ доходовъ и расходовъ. Общая сумма государственныхъ доходовъ, обыкновенныхъ и чрезвычайныхъ, составляла, по росписи на 1901-ый годъ—1.731.956 тыс. руб., превышая соотвѣтствующую цифру предъидущаго года на 136 милліоновъ; на 1902-ой годъ—общая сумма доходовъ опредѣлена въ 1.946.571.976 руб., т.-е. превышеніе составляетъ болѣе 214 милліоновъ. Обыкновенные доходы исчислены въ суммѣ 1.800.784.482, обыкновенные расходы—въ суммѣ 1.775.913.481 руб.; чрезвычайные доходы—въ 1.800.000, чрезвычайные расходы—въ 170.658.495 руб. На покрытіе разницы между чрезвычайными доходами и расходами предназначены, кромѣ избытка обыкновенныхъ доходовъ, 143.987.494 руб. изъ свободной наличности государственнаго казначейства, составлявшей на 1-ое января 1902-го года около 240 милл. руб. (благодаря полученію 127 милл. отъ реализаціи новаго выпуска 4% консолидированной ренты). Чрезвычайные расходы поглощаются почти всецѣло достройкой сибирской жел. дороги и сооруженіемъ другихъ желѣзныхъ дорогъ. Мы продолжаемъ думать, что какъ ни важно быстрое и широкое развитіе желѣзно-дорожной сѣти, оно не исчерпываетъ собою всѣ неотложныя надобности государства и народа. Съ небольшою, сравнительно, долею тѣхъ суммъ, которыя идутъ на по-

стройку желѣзно-дорожныхъ путей, можно было бы далеко подвинуть впередъ народное образованіе, низшее и высшее, общее и профессіональное. Крупный шагъ впередъ къ всеобщему обученію поднялъ бы производительныя силы народа не въ меньшей степени, чѣмъ новая желѣзно-дорожная линія. По словамъ самого министра финансовъ (въ всеподданнѣйшемъ докладѣ о росписи на 1899-ый годъ), „народное просвѣщеніе представляетъ собою существенный факторъ экономическаго преуспѣянія страны; распространеніе общаго образованія, даже элементарной грамотности, не можетъ не отразиться благотворно на хозяйственномъ бытѣ населенія". Правда, по смѣтѣ министерства народнаго просвѣщенія на 1902-ой годъ кредиты увеличены на 3,6 милл. руб. (съ 33 милл. до 36,6 милл. руб.), а всѣ расходы по образованію, вмѣстѣ взятые (т.-е. расходы на учебное дѣло во всѣхъ вѣдомствахъ, располагающихъ своими учебными заведеніями)—на 9,3 милл. руб.; за десять лѣтъ сумма расходовъ этого рода увеличилась вдвое (съ 37,4 до 74,8 милл. рублей). Это, конечно, шагъ впередъ, но очень недостаточный, тѣмъ болѣе, что на долю начальной школы приходится лишь небольшая часть суммы, расходуемой всѣми вѣдомствами на народное образованіе. Много для начальнаго обученія до сихъ поръ дѣлало земство—но дальнѣйшее увеличеніе земскихъ расходовъ до крайности затруднено закономъ о фиксаціи земскаго обложенія. Семьдесятъ пять милліоновъ равняются лишь четыремъ съ небольшимъ процентамъ обыкновенныхъ государственныхъ расходовъ. На душу населенія это составляетъ не болѣе 58 коп., а если принимать въ соображеніе одинъ бюджетъ министерства народнаго просвѣщенія—29 коп. Во Франціи, по разсчету проф. Свирщевскаго, расходы министерства народнаго просвѣщенія, распредѣленные по душамъ, выражались уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ цифрою 2 руб. 11 коп., въ Пруссіи—1 руб. 89 коп., въ Австріи—64 коп., въ Венгріи—55 коп. Наиболѣе отсталая изъ этихъ странъ тратила на народное образованіе, такимъ образомъ, почти вдвое больше, чѣмъ Россія. Между тѣмъ, и въ западной Европѣ значительная часть расходовъ на народное образованіе покрывается изъ мѣстныхъ средствъ, къ которымъ, особенно въ странахъ католическихъ, присоединяются еще средства духовенства. А сколько есть у насъ другихъ потребностей, удовлетворяемыхъ слабо или неудовлетворяемыхъ вовсе! Назовемъ, для примѣра, общественное призрѣніе и разные виды государственнаго страхованія.

При томъ постоянномъ превышеніи доходовъ надъ расходами, которое, въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ, составляетъ отличительную черту нашихъ финансовъ, возможны и цѣлесообразны, кромѣ увеличенія затратъ на важнѣйшія стороны народной жизни, реформы

въ системѣ налоговъ, направленныя къ облегченію народной массы (напр. пониженіе выкупныхъ платежей) или къ отмѣнѣ аномалій въ родѣ страховой пошлины. Ничего подобнаго всеподданнѣйшій докладъ министра финансовъ и въ нынѣшнемъ году не намѣчаетъ, хотя и признаетъ крайне тяжелое вліяніе неурожая на экономическое положеніе всей страны. По разсчету министра, покупательная сила земледѣльческаго населенія въ 1901-2-мъ сельско-хозяйственномъ году сократилась болѣе чѣмъ на 100 милл. рублей, по сравненію же съ годами благопріятныхъ жатвъ—на 250 милліоновъ. „Едва ли при подобномъ подсчетѣ"—читаемъ мы дальше—„будетъ преувеличеніемъ, если оцѣнить общую недовыручку населенія вслѣдствіе плохихъ сборовъ хлѣбовъ за послѣднія пять лѣтъ до милліарда рублей". Тѣмъ не менѣе министръ финансовъ приходитъ къ заключенію, что общее экономическое положеніе страны постепенно улучшается. Доказывается это съ одной стороны повышеніемъ потребленія нѣкоторыхъ продуктовъ (чаю, сахару, хлопчато-бумажныхъ издѣлій, керосина, желѣза и стали), съ другой—„отличнымъ исполненіемъ смѣтныхъ предположеній" въ 1901-мъ году. Нетрудно замѣтить, однако, что указанное въ докладѣ повышеніе весьма невелико само по себѣ (напр. чаю—съ 0,73 до 0,94 фунта, т.-е. менѣе чѣмъ на $^1/_4$ фунта), какъ невелики и абсолютныя цифры, до которыхъ оно достигаетъ (напр. сахару приходится у насъ на душу $11^1/_4$ ф., тогда какъ въ сѣв.-америк. штатахъ соотвѣтствующая цифра еще двѣнадцать лѣтъ тому назадъ была 57 фунт., въ Англіи—два пуда). Совершенно неизвѣстно, притомъ, какимъ образомъ получается повышеніе потребленія—равномѣрнымъ ли его ростомъ для всѣхъ слоевъ населенія, или увеличеніемъ его среди нѣкоторыхъ изъ нихъ, параллельно чему можетъ идти даже уменьшеніе его среди другихъ. Послѣднее въ особенности возможно въ такіе моменты народной жизни, когда, по выраженію доклада, нарушается „равновѣсіе въ распредѣленіи", совершается „перемѣщеніе матеріальныхъ благъ отъ однѣхъ экономическихъ группъ къ другимъ". Группы, благосостояніе которыхъ уменьшается, могутъ быть гораздо многочисленнѣе тѣхъ, въ которыхъ оно растетъ—и есть основаніе думать, что именно таково отношеніе между ними, у насъ въ Россіи, въ настоящее время. Если повышеніе потребленія происходитъ только въ одной, и притомъ меньшей части населенія, то оно, очевидно, не можетъ служить аргументомъ противъ облегченія массы плательщиковъ—массы, которую столько разъ постигали тяжелые удары неурожая. Изъ того, что эта масса, даже въ годины бѣдствій, выноситъ податное бремя, изъ того, что продолжаютъ исправно поступать и даже растутъ государственные доходы, еще не вытекаетъ увѣренность въ ближайшемъ будущемъ. Изъ того, что „спросъ на продукты добываю-

щей и обработывающей промышленности у насъ увеличивается", еще нельзя заключать, что онъ и впредь „будетъ увеличиваться". Оффиціально признанное „оскудѣніе центра", столь же несомнѣнная безпомощность крестьянской массы при первомъ же сколько-нибудь серьезномъ недородѣ, медленность, съ которою изглаживаются слѣды стихійнаго бѣдствія—все это идетъ въ разрѣзъ съ оптимистическимъ взглядомъ на народное благосостояніе и заставляетъ думать, что именно въ эпоху процвѣтанія государственныхъ финансовъ надлежало бы положить начало давно назрѣвшимъ реформамъ въ податной системѣ.

Высочайшимъ рескриптомъ, даннымъ 1-го января на имя статсъ-секретаря И. Н. Дурново, закрыто особое совѣщаніе, учрежденное въ 1897 г. „для выясненія нуждъ помѣстнаго дворянства и изысканія средствъ къ облегченію переживаемыхъ имъ затрудненій". „Дальнѣйшее упроченіе судебъ первенствующаго въ имперіи сословія" должно, по словамъ рескрипта, занять „приличествующее ему мѣсто въ текущей дѣятельности государственнаго управленія", о чемъ и преподаны Высочайшія указанія министру внутреннихъ дѣлъ. Во исполненіе этихъ указаній „министерство внутреннихъ дѣлъ приступило къ составленію предположеній объ учрежденіи въ его составѣ, на правахъ департамента, особаго отдѣла, въ которомъ было бы сосредоточено производство по дѣламъ, касающимся дворянскаго сословія и дворянскихъ сословныхъ учрежденій". Обнародованный въ то же время всеподданнѣйшій отчетъ статсъ-секретаря Дурново даетъ подробный обзоръ работъ, исполненныхъ совѣщаніемъ. Нѣкоторыя изъ нихъ привели къ законодательнымъ мѣрамъ, получившимъ уже осуществленіе: сюда относятся правила затрудняющія полученіе потомственнаго дворянства, законъ о временно-заповѣдныхъ имѣніяхъ, законъ о насажденіи частнаго землевладѣнія въ Сибири, законъ о содѣйствіи учрежденію дворянскихъ пансіоновъ-пріютовъ, учрежденіе для дѣвицъ-дворянокъ двухъ новыхъ институтовъ, увеличеніе числа дворянскихъ стипендій въ кадетскихъ корпусахъ. Разсмотрѣнію въ законодательномъ порядкѣ подлежатъ предположенія совѣщанія о расширеніи права выкупа родовыхъ имѣній, о преобразованіи дворянскихъ сословныхъ установленій и объ учрежденіи губернскихъ дворянскихъ кассъ взаимопомощи (съ воспособленіемъ изъ государственнаго казначейства).

Когда, въ декабрѣ мѣсяцѣ, въ печать проникла первая вѣсть о предстоящемъ закрытіи особаго совѣщанія, газета, провозглашающая себя хранительницей дворянскихъ интересовъ, поспѣшила назвать эту вѣсть *тревожною* и выразить сомнѣніе въ ея достовѣрности. „Развѣ особое совѣщаніе"—вопрошалъ г. В. Г. К. въ № 349 „Московскихъ

Вѣдомостей"—„уже выполнило всю свою задачу?... Заповѣдность имѣній на одно поколѣніе лишь отдаляетъ на сравнительно короткій срокъ окончательную ликвидацію дворянскаго землевладѣнія, да и что-то неслышно, чтобы этотъ законъ нашелъ примѣненіе. Дворянскіе пансіоны и вспомогательныя кассы не могутъ скоро не обратиться въ мертворожденныя учрежденія, за отсутствіемъ дворянскаго земельнаго имущества, сборъ съ коего шелъ бы на содержаніе пансіоновъ и пополненіе кассъ, а равно и за неимѣніемъ и самихъ дворянъ... Въ мѣрахъ, выработанныхъ особымъ совѣщаніемъ, преобладаетъ гуманитарный взглядъ на дворянскій вопросъ, и государственному значенію его не придано надлежащей силы". Исходя изъ этой мысли, сотрудникъ московской газеты считалъ необходимымъ, „хотя бы *вопреки самому дворянству*, путемъ *насилія* и перевоспитанія, съ возможнымъ для нѣкоторыхъ членовъ сословія ущербомъ, а для правительства—съ экономической жертвой, создать такой порядокъ дворянскаго строя, который обезпечивалъ бы государству достаточное для него число дворянъ". Чтобы остаться послѣдовательною, реакціонной газетѣ надлежало бы пролить нѣсколько слезъ надъ преждевременнымъ, съ ея точки зрѣнія, концомъ особаго совѣщанія; но она предпочла faire bonne mine à mauvais jeu. Противорѣча самой себѣ, она признаетъ, что „совѣщаніе, въ предуказанныхъ ему предѣлахъ, выполнило свою задачу и сдѣлало все что могло по соображенію совокупности государственныхъ обстоятельствъ, сопровождавшихъ его дѣятельность" [1]). „Дальнѣйшее рѣшеніе" дворянскій вопросъ найдетъ, по мнѣнію газеты, въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. „До сихъ поръ, какъ извѣстно",—читаемъ мы въ той же статьѣ,—„дворянство наше имѣло лишь губернскіе органы. Въ высшемъ государственномъ управленіи были лишь особыя установленія для крестьянства, даже для инородцевъ, дворянскіе же вопросы были раскиданы повсюду и не вѣдались никѣмъ. Несомнѣнно, съ организаціей въ вѣдѣніи министерства внутреннихъ дѣлъ особой попечительности о высшемъ служиломъ сословіи, нужды и потребности его, какъ чрезвычайныя, такъ и текущія, получатъ возможность болѣе правильнаго выясненія и болѣе полнаго удовлетворенія". Въ этихъ немногихъ словахъ очень много отступленій отъ дѣйствительности. Невѣрно, во-первыхъ, чтобы „дворянскіе вопросы" были раскиданы повсюду и не вѣдались никѣмъ; они всегда сосредоточивались въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, въ составѣ котораго департаментъ общихъ дѣлъ вѣдаетъ, между прочимъ, дѣла по дворянскимъ выборамъ и дѣла по вопросамъ о правахъ состоянія (св. зак. т. I ч. II Учр. Минист., ст. 372, пун. 4 и 5).

---

[1]) „Московскія Вѣдомости", № 3.

Невѣрно, во-вторыхъ, чтобы образованіе особаго отдѣла по дѣламъ дворянскимъ измѣнило нынѣ дѣйствующій порядокъ, въ силу котораго дворянство имѣетъ „лишь губернскіе органы“; только такіе органы оно будетъ имѣть и впредь. Никому не приходило и не приходитъ въ голову называть земскій отдѣлъ — органомъ крестьянства, департаментъ духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій — органомъ иновѣрныхъ церквей; точно также не будетъ *органомъ* дворянства административное учрежденіе, уполномоченное и обязанное охранять дворянскіе интересы. Оно будетъ дѣйствовать *ради* дворянства, но не *отъ имени* дворянства; наравнѣ со всѣми другими частями правительственнаго механизма, оно будетъ исключительно органомъ *власти*, даже еслибы въ его составъ и было введено нѣсколько лицъ по выбору дворянскихъ собраній... Едва ли, дальше, можно утверждать, что „*дворянскій вопросъ*“ переданъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ для „дальнѣйшаго рѣшенія“. Пока существовалъ нерѣшенный „дворянскій вопросъ“, существовало и особое совѣщаніе; закрытіе послѣдняго знаменуетъ собою разрѣшеніе перваго. „Упроченіе судебъ первенствующаго сословія“ вводится въ рамки „текущей дѣятельности государственнаго управленія“, т.-е. перестаетъ составлять чрезвычайную задачу, выдѣленную, вслѣдствіе ея важности и неотложности, изъ среды всѣхъ остальныхъ. Трудно, наконецъ, согласиться и съ тѣмъ, что степень вниманія къ той или другой сторонѣ государственной или общественной жизни зависитъ отъ степени обособленности завѣдующаго ею учрежденія. Отсутствіе особаго отдѣла или департамента по дѣламъ дворянскимъ не помѣшало тому, что въ теченіе восемнадцати лѣтъ законодательныя и административныя мѣры на пользу дворянъ и дворянства почти непрерывно слѣдовали одна за другою. Немного, наоборотъ, выигрываетъ крестьянство отъ того, что о немъ спеціально печется земскій отдѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ... Число административныхъ учрежденій въ послѣднее время постоянно растетъ, какъ растетъ и сфера дѣйствій администраціи. Проектируемый дворянскій отдѣлъ является новымъ звеномъ въ длинной цѣпи, которую куетъ увеличивающійся спросъ на административную работу и увеличивающееся довѣріе къ административной техникѣ.

Въ чемъ же заключаются, однако, тѣ задачи, которыя, по мнѣнію ультра-дворянской печати, должно было разрѣшить, но не разрѣшило особое совѣщаніе? Яснаго и прямого отвѣта на этотъ вопросъ статья, посвященная „тревожной вѣсти“,—какъ и другія, ближайшія къ ней по времени,—не даютъ; но если принять въ соображеніе, что новый „порядокъ дворянскаго строя“ предлагается создать „хотя бы вопреки самому дворянству, путемъ насилія и перевоспитанія“, то позволительно заключить, что главныя desiderata сословныхъ зилотовъ—*обя-*

зательное обращеніе дворянскихъ имѣній въ заповѣдныя и *обязательная* служба дворянъ на мѣстахъ, вознаграждаемая привилегированнымъ положеніемъ ихъ въ центральномъ управленіи. Болѣе осторожные изъ числа прожектеровъ примирились бы, повидимому, и съ привилегіями безъ обязательности — напр. съ назначеніемъ на губернаторскія должности исключительно или главнымъ образомъ бывшихъ земскихъ начальниковъ и предводителей дворянства; болѣе пылкимъ хотѣлось бы видѣть и въ государственномъ совѣтѣ, и въ правительствующемъ сенатѣ „премущественно людей знакомыхъ съ губернскою жизнью Россіи, вышедшихъ изъ дворянской среды и зарекомендовавшихъ себя своею исполнительностью и распорядительною дѣятельностью въ помѣстной службѣ". Нетрудно понять, во что̀ обратились бы, при осуществленіи этой мечты, высшія государственныя учрежденія. „Исполнительность", если она не переходитъ въ механическое повиновеніе всякому начальническому приказу, „распорядительность", если она сдерживается уваженіемъ къ закону и къ чужому праву—качества весьма цѣнныя во второстепенныхъ административныхъ агентахъ, но вовсе не желательныя въ участникахъ судебной или законодательной работы. Исполнительный судья—это contradictio in adjecto; по меньшей мѣрѣ не нужна распорядительность и въ обсужденіи законопроектовъ. Есть условія, при которыхъ полезны и молчалинскія свойства—умѣренность и аккуратность; но что̀ сказали бы мы о томъ, кто сталъ бы рекомендовать ихъ, какъ summum bonum, законодателямъ и судьямъ?... Полицейскихъ добродѣтелей недостаточно и для высшихъ представителей мѣстной администраціи: и они должны обладать чѣмъ-то другимъ и бо̀льшимъ, чѣмъ исполнительность и распорядительность. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что для нихъ весьма важно знакомство съ мѣстной жизнью; но развѣ оно пріобрѣтается только „помѣстной службой", только принадлежностью къ „служилому сословію"? Пріурочивать служебное повышеніе къ такимъ чисто внѣшнимъ признакамъ, значило бы забывать естественный ходъ вещей, все больше и больше выдвигавшій на первый планъ, въ служебной сферѣ, образованіе общее и спеціальное. Нельзя открывать двери высшихъ учебныхъ заведеній для всѣхъ сословій—и вмѣстѣ съ тѣмъ закрывать для большинства служащихъ доступъ къ цѣлой категоріи должностей, разсматриваемыхъ какъ достояніе привилегированнаго класса... „Правительство",—восклицаетъ наиболѣе прямолинейный ревнитель сословныхъ интересовъ,—„правительство должно состоять исключительно изъ лицъ дворянскаго сословія, допуская въ свою среду наименьшее число бюрократовъ, классъ коихъ по преимуществу отличается оппортунизмомъ, отсутствіемъ всякихъ твердыхъ принциповъ и идеаловъ, людьми карьеры и 20-го числа, и отнюдь не допу-

скать лицъ изъ такъ называемой интеллигенціи, мнящей исполнять роль руководителя въ государствѣ". Въ одномъ—и только въ одномъ—достоинствѣ этимъ словамъ отказать нельзя: они въ достаточной мѣрѣ откровенны. Съ вожделѣніями, въ нихъ выраженными, несовмѣстно пониманіе самыхъ простыхъ, самыхъ очевидныхъ истинъ. Если дворянство—сословіе служилое по преимуществу, то какимъ же образомъ можно противопоставлять его бюрократіи, въ составъ которой оно входитъ? Развѣ часть можетъ существенно отличаться отъ цѣлаго? Развѣ для служащихъ дворянъ *двадцатое число* имѣетъ меньшее значеніе, чѣмъ для чиновниковъ не-дворянскаго происхожденія? Безплатная служба дворянъ—исключеніе сравнительно рѣдкое. Безплатность, притомъ—не всегда синонимъ безкорыстія, жалованье—не единственная легальная выгода, которую можно извлечь изъ службы. Существуетъ еще разсчетъ на карьеру—разсчетъ тѣмъ болѣе вѣрный, чѣмъ шире привилегіи (фактическія или юридическія), сопряженныя съ занятіемъ извѣстной должности. Совершенно безнадежны, далѣе, попытки провести демаркаціонную черту между бюрократіей и „помѣстной службой". Земскіе начальники, и по способу назначенія ихъ и увольненія, и по мѣсту, занимаемому ими въ служебной іерархіи, и по свойству дѣятельности, ничѣмъ, рѣшительно ничѣмъ не отличаются отъ чиновниковъ. Болѣе своеобразно положеніе предводителей дворянства—но чѣмъ сложнѣе, чѣмъ шире роль, предоставляемая имъ въ уѣздномъ и губернскомъ управленіи, тѣмъ больше захватываетъ ихъ въ свое движеніе громадный административный механизмъ, соединяющій въ себѣ всѣ характерныя черты бюрократическаго строя.

Говоря о привилегіяхъ, мы отклонились отъ обязательности, составляющей послѣднее слово ультра-дворянскихъ мелодій — слово скорѣе подразумѣваемое, чѣмъ высказываемое прямо. И эта сдержанность вполнѣ понятна: слишкомъ чудовищна мысль о возвращеніи, хотя бы частичномъ, къ порядку, оказавшемуся устарѣлымъ еще въ XVIII вѣкѣ и отмѣненному дворянскою грамотою Екатерины II-ой. Слишкомъ странно было бы теперь, при постоянно растущей сложности административныхъ функцій, при увеличивающемся числѣ лицъ, способныхъ къ ихъ отправленію и готовыхъ взяться за нихъ добровольно, возлагать ихъ, принудительно, на тѣхъ, кто не чувствуетъ ни малѣйшаго призванія къ подобной дѣятельности. Едва ли кто-нибудь и рѣшится предложить прямое принужденіе: когда упадетъ завѣса, прикрывающая, до сихъ поръ, задушевныя пожеланія реакціонной печати, едва ли за нею окажется что-либо бо̀льшее *косвеннаго* понужденія—или побужденія,—выражающагося въ угрозѣ лишеніемъ тѣхъ или другихъ правъ или въ обѣщаніи тѣхъ или другихъ выгодъ. И эта смягченная форма воздѣйствія представлялась бы, однако,

крайне нежелательною: искусственно привлекая на службу людей къ ней не подготовленныхъ или не расположенныхъ, она неизбѣжно понижала бы умственный и нравственный уровень администраціи, а слѣдовательно и сумму услугъ, оказываемыхъ ею народу и государству... За обязательную неподвижность дворянскаго землевладѣнія, т.-е. за обязательную заповѣдность всѣхъ дворянскихъ имѣній (или, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыхъ ихъ категорій), газетные прожектеры выскажутся, по всей вѣроятности, гораздо рѣшительнѣе: ее-то они, должно быть, и имѣютъ, главнымъ образомъ, въ виду, когда говорятъ о созданіи новаго дворянскаго строя хотя бы и путемъ насилія, вопреки самому дворянству". Этими словами они произносятъ, сами того не замѣчая, рѣшительное, безповоротное осужденіе своему плану. Хорошъ былъ бы строй, воздвигнутый на перекоръ убѣжденіямъ и чувствамъ своихъ участниковъ! Что принципъ заповѣдности не можетъ получить у насъ широкаго примѣненія — это показываетъ съ полною очевидностью историческій опытъ, начиная съ Петровскаго указа о единонаслѣдіи. Не случайно же, въ самый разгаръ дворянскихъ притязаній, только одно дворянское собраніе возбудило ходатайство объ *обязательной* заповѣдности дворянскихъ имѣній, и то лишь при переходѣ ихъ по наслѣдству въ боковую линію; всѣ остальныя, касавшіяся этого предмета, стояли за заповѣдность факультативную, т.-е. за *право* владѣльца обращать свое имѣніе въ заповѣдное (помимо тѣхъ случаевъ, когда такое право существуетъ и въ силу дѣйствующаго закона). Какъ только вопросъ о заповѣдности былъ поставленъ въ высшихъ правительственныхъ сферахъ, онъ подвергся новому ограниченію: безсрочная заповѣдность уступила мѣсто срочной, временной, за которую еще раньше высказалось пензенское дворянство—и въ этомъ смыслѣ состоялся законъ 25-го мая 1899 года. „Если вся агитація нашихъ *заповѣдниковъ*"—говорили мы еще въ 1892 г. по поводу учрежденія коммиссіи Н. С. Абазы [1])—„приведетъ къ *разрѣшенію* объявлять имѣніе заповѣднымъ на два поколѣнія, то это будетъ доказательствомъ тому, какъ мало сродства между идеей заповѣдности и современной русской почвой... Невелико, по всей вѣроятности, будетъ число имѣній, объявленныхъ заповѣдными, еще меньше—число такихъ, которыя надолго сохранятъ это свойство".

Невѣроятность широкаго распространенія временно заповѣдныхъ имѣній была подчеркнута нами и два года тому назадъ, при разборѣ закона 25-го мая [2]). Дѣйствительность превзошла наши ожиданія: объ учрежденіи временно-заповѣдныхъ имѣній совсѣмъ не

---

[1]) См. Внутреннее Обозрѣніе въ № 6 „Вѣстника Европы" за 1892 г.

[2]) См. Внутреннее Обозрѣніе въ № 9 „Вѣстника Европы" за 1899 г.

слышно (что̀ не исключаетъ, конечно, возможности единичныхъ случаевъ этого рода)—и это, скрѣпя сердце, констатируютъ и „Московскія Вѣдомости". Никому, конечно, не придетъ въ голову утверждать, что препятствіемъ къ примѣненію закона служитъ срочность заповѣдности: кто не рѣшается связать руки себѣ и своему непосредственному наслѣднику, тотъ, очевидно, еще меньше сталъ бы думать о наложеніи узъ на свое отдаленное потомство. Стремленіе сохранить имѣніе за семьею исходитъ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, изъ заботы о ближайшемъ будущемъ; если эта забота не оказывается достаточнымъ мотивомъ къ учрежденію заповѣднаго имѣнія, то странно было бы возлагать надежды на другіе стимулы, гораздо менѣе сильные. Можно ли, затѣмъ, не считаться съ настроеніемъ, выразившимся столь ясно и опредѣленно? Можно ли не видѣть, что одно дѣло—произносить въ многолюдномъ собраніи громкія фразы о подъемѣ сословія, объ укрѣпленіи связи его съ землею, и совершенно другое—руководствоваться этими фразами въ практической жизни, отказываясь отъ свободы распоряженія имѣніемъ и обездоливая, въ пользу одного, всѣхъ остальныхъ своихъ наслѣдниковъ?.. Мыслимо, безъ сомнѣнія, и такое разсужденіе: законъ о временно-заповѣдныхъ имѣніяхъ, учреждаемыхъ по доброй волѣ владѣльца, остается мертвой буквой—слѣдовательно, нужно ввести обязательную заповѣдность, безсрочную или, по меньшей мѣрѣ, срочную. Мы едва ли ошибемся, однако, если скажемъ, что это было бы разсужденіемъ фанатика, а не государственнаго человѣка. Законъ оперируетъ не in anima vili, а съ живыми людьми; онъ не долженъ игнорировать чувства, глубоко коренящіяся въ ихъ природѣ. Немного выиграло бы и государство отъ того, что значительная часть землевладѣльцевъ обратилась бы въ propriétaires malgré eux, въ хозяевъ по неволѣ. Нетрудно представить себѣ положеніе дворянина, не имѣющаго ни малѣйшей тяги къ деревенской жизни, ни малѣйшей способности къ сельскому хозяйству, но прикованнаго къ своей усадьбѣ, какъ каторжникъ къ своей цѣпи. Кому и чему онъ можетъ быть полезенъ, гдѣ разумная причина удерживать его въ обстановкѣ, не соотвѣтствующей ни его способностямъ и вкусамъ, ни, можетъ быть, его средствамъ? Есть имѣнія, доходныя только при умѣломъ управленіи; есть и вовсе бездоходныя, требующія затратъ изъ другихъ источниковъ. Какою тягостью они станутъ для обѣднѣвшаго или постоянно отсутствующаго владѣльца, разъ что онъ будетъ лишенъ возможности передать ихъ въ другія руки! Какою потерей въ общемъ государственномъ хозяйствѣ отзовется непроизводительность имѣній, фактически остающихся безхозяйными! Въ концѣ концовъ жизнь найдетъ пути для обхода закона, идущаго въ разрѣзъ съ ея требованіями—и недостигнутою, несмотря на всѣ жертвы, останется

ближайшая его цѣль... Въ настоящую минуту, впрочемъ, едва ли и можетъ быть рѣчь о переходѣ отъ срочной и факультативной заповѣдности къ заповѣдности обязательной и безсрочной. Слишкомъ еще недавно установлена первая, установлена послѣ долгаго и тщательнаго обсужденія (сначала въ коммиссіи Н. С. Абазы, потомъ въ особомъ совѣщаніи)—и самымъ отчаяннымъ усиліямъ разочарованнаго прожектерства едва ли удастся вновь поднять вопросъ, только-что разрѣшенный.

Вмѣсто того, чтобы возбуждать или поддерживать стремленіе къ искусственному возвышенію одного сословія надъ другими, друзьямъ дворянства слѣдовало бы рекомендовать ему разумное, въ интересахъ общаго блага, пользованіе правами, принадлежащими ему на основаніи дѣйствующаго закона. На самомъ дѣлѣ мы видимъ нѣчто прямо противоположное: газета, столбцы которой всегда открыты для продуктовъ узко-сословнаго прожектерства, рѣшается утверждать [1]), что дворянство можетъ обращаться къ Государю съ всеподданнѣйшими ходатайствами только о *своихъ нуждахъ и пользахъ*. Это совершенно невѣрно: въ 1888 г., по ходатайству с.-петербургскаго дворянства, Высочайше повелѣно возстановить силу правила, исключеннаго изъ IX-го т. Св. Зак. въ изданіи 1876-го года—правила, по которому „представленія (дворянскаго собранія) губернскому начальству и высшему правительству о нуждахъ дворянства, о прекращеніи мѣстныхъ злоупотребленій или объ устраненіи неудобствъ, замѣченныхъ въ мѣстномъ управленіи, *хотя бы они происходили и отъ общаго какого-либо постановленія*, не считаются противозаконными, когда они изложены съ соблюденіемъ всѣхъ приличій“. Сообразно съ этимъ изложена, въ Продолженіи 1890 г., статья 163-я Св. Зак. о Состояніяхъ. Отсюда ясно, что право ходатайства, принадлежащеее дворянскимъ собраніямъ, вовсе не заключено въ столь узкія границы, какъ полагаетъ московская газета. Законный поводъ къ ходатайству существуетъ всякій разъ, когда неудобства постановленія, хотя бы и общаго, чувствуются *на мѣстѣ*; другими словами, нельзя ходатайствовать только объ устраненіи неудобствъ, испытываемыхъ въ другой мѣстности. Къ сожалѣнію, неправильнымъ толкованіемъ закона грѣшатъ не только газетные софисты, но и нѣкоторые представители дворянства, свободные отъ узко-сословныхъ взглядовъ. Во время послѣдней сессіи тверского дворянскаго собранія И. И. Петрункевичъ предложилъ ходатайствовать о дарованіи крестьянамъ общихъ гражданскихъ правъ, принадлежащихъ другимъ сословіямъ, и объ освобожденіи ихъ

---

[1]) См. передовую статью въ № 353 „Московскихъ Вѣдомостей“.

отъ позорнѣйшаго изъ всѣхъ наказаній—тѣлеснаго. Мотивировано это предложеніе было, между прочимъ, тѣмъ, что законодательство восьмидесятыхъ годовъ возстановило связь между крестьянствомъ и дворянствомъ, возложивъ на послѣднее заботу о крестьянскомъ населеніи,—а крестьяне въ теченіе сорока лѣтъ со времени освобожденія успѣли доказать, что они перестали быть рабами и сдѣлались гражданами. Губернскій предводитель дворянства, М. В. Всеволожскій, нашелъ, что возбужденіе такого ходатайства не входитъ въ кругъ правъ дворянскаго собранія, и призналъ предложеніе И. И. Петрункевича не подлежащимъ дальнѣйшему обсужденію. Намъ кажется, что въ основаніи такого взгляда лежитъ явное недоразумѣніе. Неполноправность крестьянъ—въ тверской губерніи, какъ и вездѣ—несомнѣнно влечетъ за собою множество „неудобствъ въ мѣстномъ управленіи" и, слѣдовательно, могла служить, безъ нарушенія закона, предметомъ ходатайства со стороны дворянскаго собранія.

Въ 1893 г. министерствомъ внутреннихъ дѣлъ былъ предпринятъ пересмотръ законоположеній о крестьянахъ. Поставленъ былъ цѣлый рядъ вопросовъ, разосланныхъ на заключеніе губернскихъ совѣщаній. Совѣщанія эти состояли, подъ предсѣдательствомъ губернатора, изъ должностныхъ лицъ, имъ приглашенныхъ. Замѣчанія совѣщаній были приведены въ систему, распубликованы во всеобщее свѣдѣніе и сдѣлались предметомъ обсужденія въ печати [1]). Дальнѣйшія подготовительныя работы были пріостановлены „вслѣдствіе возникшихъ предположеній относительно иного порядка направленія этого дѣла". Въ 1900 г.,—какъ видно изъ напечатаннаго на дняхъ правительственнаго сообщенія,—Высочайше повелѣно было министру внутреннихъ дѣлъ „представить соображенія о дальнѣйшемъ движеніи пересмотра узаконеній о крестьянахъ. По обсужденіи сего вопроса, признано необходимымъ задачею законодательной работы поставить измѣненіе, въ соотвѣтствіи съ дѣйствительными потребностями жизни въ сельскихъ мѣстностяхъ и пользами государства, лишь тѣхъ изъ существующихъ узаконеній о крестьянахъ, недостатки коихъ выяснены опытомъ, съ тѣмъ, чтобы пересмотръ этихъ узаконеній совершался на почвѣ основныхъ началъ Положеній 19-го февраля 1861 года и представлялъ собою дальнѣйшее ихъ развитіе. При этомъ порядокъ выполненія упомянутаго законодательнаго труда установленъ, согласно Высочайше преподаннымъ Государемъ Имиераторомъ министру внутреннихъ дѣлъ

---

[1]) См. Внутр. Обозрѣнія въ № 11 „Вѣстника Европы" за 1894 г., № 3—за 1895 г., №№ 2, 10 и 11—за 1897 г.

указаніямъ, на слѣдующихъ основаніяхъ: 1) Разработка законодательства о крестьянахъ возлагается на особыхъ должностныхъ лицъ центральнаго управленія министерства внутреннихъ дѣлъ и распредѣляется по слѣдующимъ четыремъ отдѣламъ: а) общественнаго крестьянскаго управленія; б) землепользованія и гражданскихъ правъ сельскихъ обывателей; в) общественнаго хозяйства крестьянъ и г) волостного суда. Обязанность означенныхъ отдѣловъ заключается въ составленіи подробныхъ по относящимся къ ихъ вѣдѣнію частямъ законодательства программъ и въ изготовленіи на основаніи этихъ программъ, по утвержденіи ихъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, соотвѣтственныхъ проектовъ узаконеній. 2) Указанные въ предшествующемъ пунктѣ программы и проекты подлежатъ предварительному разсмотрѣнію въ особой при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ редакціонной коммиссіи, въ составѣ лицъ по назначенію министра, подъ предсѣдательствомъ товарища министра, завѣдывающаго крестьянскими дѣлами. 3) Разсмотрѣнные редакціонною коммиссіею проекты, по докладѣ ихъ министру внутреннихъ дѣлъ и соотвѣтственномъ исправленіи, вносятся, съ разрѣшенія министра, въ особое при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ совѣщаніе, подъ предсѣдательствомъ министра. Министру внутреннихъ дѣлъ предоставляется приглашать къ участію въ означенномъ совѣщаніи губернаторовъ, губернскихъ и уѣздныхъ предводителей дворянства и иныхъ должностныхъ лицъ вѣдомства министерства внутреннихъ дѣлъ, а также всѣхъ тѣхъ лицъ, мнѣніе коихъ по дѣлу оказывалось бы полезнымъ выслушать въ совѣщаніи—по его, министра, избранію, должностныхъ же лицъ другихъ вѣдомствъ—по соглашенію съ подлежащими министрами. 4) По обсужденіи проектовъ въ особомъ совѣщаніи, исправленіи ихъ и дополненіи согласно указаніямъ министра внутреннихъ дѣлъ, проекты сіи облекаются по земскому отдѣлу въ форму законодательныхъ представленій и, по сношеніи съ подлежащими вѣдомствами, вносятся въ Государственный Совѣтъ съ Высочайшаго на то каждый разъ Его Императорскаго Величества соизволенія. 5) На Высочайшее благовоззрѣніе Его Императорскаго Величества подлежатъ представленію: а) программы, утвержденныя министромъ внутреннихъ дѣлъ для каждаго изъ указанныхъ въ пунктѣ 1 отдѣловъ — по мѣрѣ ихъ утвержденія, и б) всеподданнѣйшіе отчеты о ходѣ работъ отдѣловъ, редакціонной коммиссіи и особаго совѣщанія—по истеченіи каждаго полугодія, съ 1-го января 1902-го года".

По внѣшней обстановкѣ предпринимаемый нынѣ законодательный трудъ ничѣмъ существенно не отличается отъ такой же работы, происходившей въ 1893-97 гг. Вся разница между ними заключается въ томъ, что тогда предполагалось пересмотрѣть все во-

обще законодательство о крестьянахъ, а теперь подлежащими измѣненію признаны лишь тѣ узаконенія, недостатки которыхъ выяснены опытомъ. Утѣшительно было узнать, что пересмотръ этихъ узаконеній долженъ быть произведенъ „на почвѣ основныхъ началъ Положеній 19-го февраля 1861-го года", представляя собою дальнѣйшее ихъ развитіе. Къ числу такихъ основныхъ началъ принадлежитъ крестьянское самоуправленіе; можно надѣяться, слѣдовательно, что оно не только не подвергнется новымъ ограниченіямъ, въ родѣ тѣхъ, которыя усиленно рекомендуются реакціонною печатью, но получитъ болѣе твердыя и болѣе широкія основы, соотвѣтствующія подъему, за послѣднія сорокъ лѣтъ, умственнаго уровня крестьянства. Другое основное начало Положеній 19-го февраля—это уваженіе къ различнымъ формамъ землевладѣнія, выработаннымъ жизнью въ крестьянскомъ быту. Оставаясь ему вѣрнымъ, нельзя подвергать ломкѣ одну изъ этихъ формъ—общинное владѣніе; но ничто не мѣшаетъ положить конецъ тѣмъ стѣсненіямъ личной свободы, которыя соединены съ общиной лишь внѣшнею связью. Что касается до предположеннаго порядка дѣйствій, то къ нему примѣнимы въ полной мѣрѣ замѣчанія, сдѣланныя нами, въ 1894 г., по воводу перваго пересмотра положеній о крестьянахъ. Отличительную черту работы, начатой министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, мы видѣли тогда въ ея чисто-бюрократическомъ характерѣ. Сравнивая совѣщанія, установленныя министерствомъ, съ губернскими комитетами, учрежденными, въ 1857 и 1858 гг., для подготовки освобожденія крестьянъ, мы напоминали, что „бюрократическаго элемента въ составѣ этихъ комитетовъ не было вовсе; губернатору предоставлено было назначать двухъ членовъ комитета, но не изъ числа чиновниковъ, а изъ числа мѣстныхъ помѣщиковъ. Всѣ остальные члены комитета *избирались* дворянствомъ, и предсѣдательствовалъ въ немъ не губернаторъ, а губернскій предводитель. Само собою разумѣется, что въ настоящее время такой составъ совѣщанія или комитета, призываемаго къ продолженію или дополненію крестьянской реформы, былъ бы совершенно немыслимъ. Въ пятидесятыхъ годахъ у насъ была только одна организованная сила: дворянство, совпадавшее, притомъ, съ помѣстнымъ сословіемъ, отъ котораго правительство ожидало содѣйствія къ разрѣшенію крестьянскаго вопроса. Другая заинтересованная сторона—крѣпостное крестьянство—представляло собою безформенную массу, еще не пробужденную къ гражданской жизни. Не таково положеніе дѣлъ теперь, когда освобожденные крестьяне имѣютъ позади себя нѣсколько десятилѣтій самоуправленія и участія въ земской дѣятельности. Чѣмъ были, въ началѣ эпохи великихъ реформъ, губернскіе дворянскіе комитеты, тѣмъ могли бы явиться въ настоящее время общеземскія совѣщанія, въ ко-

торыхъ значительное мѣсто было бы обезпечено за элементомъ крестьянскимъ. Нельзя же полагать, что содѣйствіе общества, признававшееся—и оказавшееся—существенно важнымъ въ пятидесятыхъ годахъ, было бы излишнимъ теперь, когда Россія выросла изъ бюрократическихъ рамокъ. Организаціи перваго фазиса работъ должно было бы соотвѣтствовать и дальнѣйшее ихъ движеніе. Для пересмотра положеній 19-го февраля недостаточно было бы образовать при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ такую центральную коммиссію, какая учреждена при министерствѣ юстиціи для пересмотра судебныхъ уставовъ. Въ послѣдней работѣ преобладаетъ элементъ техническій; за исключеніемъ сравнительно немногихъ вопросовъ, она можетъ быть успѣшно исполнена спеціалистами—теоретиками и практиками. Въ пересмотрѣ крестьянскихъ положеній сторона техническая, наоборотъ, почти вездѣ отступаетъ на второй планъ, и наибольшую важность пріобрѣтаетъ знаніе и пониманіе крестьянскаго быта, разсматриваемаго, притомъ, безъ предубѣжденій и предвзятыхъ мыслей. Коммиссія, въ которой были бы представлены только однѣ административныя сферы, могла бы, въ лучшемъ случаѣ, создать нѣчто стройное по формѣ, но едва ли—нѣчто отвѣчающее реальнымъ требованіямъ жизни". Общеземскія совѣщанія, о которыхъ мы говорили семь лѣтъ тому назадъ, могли бы быть созваны и теперь, для пополненія и освѣщенія несомнѣнно односторонняго матеріала, представляемаго заключеніями губернскихъ административныхъ совѣщаній—заключеніями, которыя неизбѣжно должны сыграть видную роль и въ нынѣшней работѣ министерства внутреннихъ дѣлъ. Возможно и расширеніе состава совѣщанія, на разсмотрѣніе котораго будутъ внесены труды редакціонной коммиссіи. Самое названіе послѣдней—къ сожалѣнію, только одно названіе—невольно напоминаетъ о томъ учрежденіи, которому столь многимъ обязана Россія: о редакціонныхъ коммиссіяхъ, подготовившихъ крестьянскую реформу. Судя по газетнымъ сообщеніямъ, въ положеніи занимающаго насъ вопроса былъ такой моментъ, когда можно было ожидать возвращенія, по крайней мѣрѣ отчасти, къ традиціи пятидесятыхъ годовъ: предполагалось создать особую высшую коммиссію, внѣ вѣдомствъ, для выясненія нуждъ сельскаго населенія —и это предположеніе связывалось съ заявленіемъ покойнаго государственнаго контролера Т. И. Филиппова, что платежныя силы крестьянъ находятся въ чрезмѣрномъ напряженіи, особенно въ центральныхъ губерніяхъ. Учрежденіе коммиссіи не состоялось, веденіе дѣла осталось за министерствомъ внутреннихъ дѣлъ—но это еще не предрѣшаетъ послѣднихъ фазисовъ его движенія. Совѣщаніе, соотвѣтствующее его важности, можетъ быть созвано и послѣ внесенія его въ государственный совѣтъ.

Матеріалами для пересмотра положеній 19-го февраля могутъ послужить, отчасти, и тѣ данныя, которыя будутъ собраны коммиссіею для изслѣдованія вопроса объ экономическомъ упадкѣ центральныхъ губерній, въ связи съ условіями хозяйственной жизни другихъ частей имперіи. Коммиссія эта, учрежденная при министерствѣ финансовъ, поставлена нѣсколько шире, чѣмъ „редакціонная коммиссія" министерства внутреннихъ дѣлъ: въ ея составъ должны войти, кромѣ представителей вѣдомствъ, какъ спеціалисты-теоретики, такъ и *мѣстные дѣятели*, близко знакомые съ положеніемъ сельскаго хозяйства и промышленности. Довольно широка и программа изслѣдованія; она обнимаетъ собою: „1) успѣшность поступленія и движеніе недоимочности казенныхъ и земскихъ платежей. 2) Первоначальное надѣленіе крестьянъ, по разрядамъ и всѣхъ вообще, на одну ревизскую душу и разсчетъ на наличную душу въ 1880 г. и въ настоящее время. Степень соотвѣтствія надѣловъ рабочей силѣ и продовольственной потребности. 3) Движеніе арендъ на крестьянскую и частную владѣльческую землю: число случаевъ аренды, количество арендуемой земли и сумма аренды, по отдѣльнымъ видамъ угодій, при кратко- и долгосрочной арендѣ. Отношеніе аренды къ совокупности окладныхъ платежей въ разные періоды изслѣдуемаго времени. 4) Посѣвъ и сборъ хлѣбовъ: площадь подъ озимыми и яровыми отдѣльно и количество посѣва и урожая тѣхъ и другихъ—общее и на единицу площади и наличнаго населенія. 5) Движеніе цѣнъ на сельско-хозяйственные продукты, по уѣздамъ земледѣльческихъ губерній. 6) Мѣстные сельскохозяйственные заработки: потребное и дѣйствительное число рабочихъ, избытокъ и недостатокъ рабочихъ силъ, заработная плата—подесятинная, поденная, сроковая и годовая, и общая сумма заработка. 7) Отхожіе заработки: виды ихъ, мѣстности отхода и прихода, количество уходящихъ рабочихъ и приблизительный годовой заработокъ каждаго. 8) Мѣстные фабрично-заводскіе заработки: число рабочихъ и сумма заработка [1]). 9) Измѣненіе количества скота разнаго рода на десятину площади владѣемой земли и пашни и на единицу наличнаго населенія, всего и одного рабочаго; число дворовъ безъ лошадей и безъ всякаго скота. 10) Движеніе суммъ по сберегательнымъ кассамъ, по разрядамъ вкладчиковъ и срокамъ вкладовъ. 11) Поступленіе гербоваго сбора, по разрядамъ документовъ. 12) Потребленіе спирта, валовое и на единицу населенія. 13) Движеніе торгово-промышленныхъ оборотовъ вообще и особо по розничной торговлѣ товарами крестьянскаго потребленія. Обороты сельскихъ ярмарокъ. 14) По-

[1]) Нужно полагать, что подъ эту рубрику подойдутъ и кустарные промыслы, особо въ программѣ не упомянутые.

требленіе сахара. 15) Доходность крестьянскихъ земель. 16) Потребности крестьянскаго населенія и бюджеты. 17) Движеніе цѣнъ, по годамъ и пятилѣтіямъ, на землю по покупкамъ черезъ крестьянскій банкъ, по куплѣ-продажѣ имѣній, публикуемыхъ въ сенатскихъ объявленіяхъ, и по залогу въ земельныхъ банкахъ. 18) Частное землевладѣніе въ 1875 г. и къ 1901 г. по уѣздамъ; общее количество, съ выдѣленіемъ крестьянскаго и дворянскаго. Движеніе залоговъ всего частнаго владѣнія и въ томъ числѣ дворянскаго, а также отношеніе къ послѣднему имѣній дворянъ, назначавшихся въ продажу. 19) Движеніе въ распредѣленіи частно-владѣльческихъ хозяйствъ по способу веденія ихъ на три группы: а) ведущихъ исключительно своими средствами и инвентаремъ, б) исключительно чужими и в) смѣшанно—своимъ и наемнымъ инвентаремъ".

Нельзя не пожалѣть, что изслѣдованіе не коснется тѣхъ сторонъ сельскаго быта, которыя находятся въ тѣсной связи съ юридическимъ положеніемъ крестьянъ. Въ всеподданнѣйшемъ докладѣ о государственной росписи на 1899-ый годъ министръ финансовъ совершенно правильно призналъ отсутствіе въ крестьянской средѣ „прочнаго правопорядка" однимъ изъ главныхъ тормазовъ, задерживающихъ развитіе народнаго благосостоянія. Изслѣдованіе, направленное на выясненіе этого вопроса, могло бы значительно облегчить исполненіе задачи, возложенной на коммиссію тайнаго совѣтника Коковцева. Оно могло бы показать, напримѣръ, какую роль въ „оскудѣніи" центра играютъ стѣсненія, опутывающія личную и экономическую жизнь крестьянина (прикрѣпленіе къ обществу, круговая порука, паспортъ, законы о передѣлахъ и о семейныхъ раздѣлахъ), къ чему приводитъ неустойчивость общественныхъ приговоровъ и несамостоятельность сельскихъ и волостныхъ сходовъ, какъ отражается на народномъ правосознаніи дѣятельность зависимаго и несвѣдущаго волостного суда, въ чемъ и какъ проявляется вліяніе народной школы, общей и спеціальной (сельско-хозяйственной, ремесленной и т. п.). Распространенное въ этомъ смыслѣ, изслѣдованіе могло бы пополнить хоть отчасти пробѣлы матеріаловъ, имѣющихся въ распоряженіи министерства внутреннихъ дѣлъ, и создать болѣе прочную почву для пересмотра узаконеній о крестьянахъ... Замѣтимъ, мимоходомъ, что въ числѣ источниковъ, изъ которыхъ могутъ и должны быть почерпнуты данныя для работъ коммиссіи, программа, приведенная нами выше, нѣсколько разъ называетъ текущую земскую статистику и земскіе статистическіе сборники. Значеніе земской статистики, столько разъ подвергавшееся сомнѣнію и спору, признается, такимъ образомъ, оффиціально. Можно сказать, не впадая въ преувеличеніе, что по нѣкоторымъ пунктамъ (напр. доходность крестьянскихъ земель,

потребности и бюджеты крестьянскаго населенія) только земскія статистическія работы и могутъ дать коммиссіи необходимыя для нея свѣдѣнія. Безъ этого пособія ей слѣдовало бы взять на себя весь трудъ собиранія свѣдѣній—и оставить въ тѣни прошлое вопроса, т.-е. отказаться отъ сравненій, въ высшей степени важныхъ для правильнаго заключенія.

Мнѣніемъ государственнаго совѣта, Высочайше утвержденнымъ 29 декабря 1901 г., редакціонной коммиссіи по составленію гражданскаго уложенія поручено закончить всѣ остающіяся еще невыполненными работы по возможности въ теченіе 1902 г. и во всякомъ случаѣ не позднѣе первой половины 1903 года, а министру юстиціи предоставлено сообразить вопросъ о мѣрахъ, которыя должны быть приняты для довершенія вышеупомянутыхъ работъ. Со времени учрежденія коммиссіи прошло почти двадцать лѣтъ, но это едва ли можетъ служить основаніемъ къ обвиненію ея въ чрезмѣрной медленности. Составленіе гражданскаго уложенія—особенно въ такой странѣ какъ Россія, съ ея разноплеменнымъ населеніемъ, стоящимъ на самыхъ различныхъ ступеняхъ развитія—задача крайне сложная и трудная. Въ Германіи, при гораздо бо̀льшей разработанности науки права, при гораздо болѣе совершенныхъ гражданскихъ законахъ, между приступомъ къ составленію общегерманскаго гражданскаго уложенія и его окончательнымъ утвержденіемъ прошло двадцать два года (1874—96); вполнѣ понятно, что у насъ аналогичная работа потребуетъ еще болѣе продолжительнаго промежутка времени. Припомнимъ, что коммиссія по составленію проекта уголовнаго уложенія трудилась цѣлыхъ четырнадцать лѣтъ (1881—95)—а возложенное на нее дѣло было несравненно легче, чѣмъ составленіе гражданскаго уложенія [1]). Какъ бы то ни было, изготовленіе проекта гражданскаго уложенія быстро приближается къ концу; весьма возможно, что оно будетъ вполнѣ закончено къ назначенному для того сроку и что въ „довершеніи“ работъ министерствомъ юстиціи не встрѣтится надобности. Рѣшающее значеніе для успѣха предпринятаго дѣла будетъ имѣть дальнѣйшее его направленіе. Гражданское уложеніе, касаясь самыхъ различныхъ сторонъ общественной и частной жизни, опредѣляя права, пользованіе которыми входитъ, если можно такъ выразиться, въ составъ ежедневнаго обихода, нормируя отношенія, въ которыя почти неизбѣжно вступаетъ каждый изъ насъ,—менѣе чѣмъ какой бы то ни было другой законодательный актъ можетъ быть создано путемъ исключитель-

[1]) Для составленія и утвержденія сѣверо-германскаго уголовнаго уложенія, вслѣдъ за созданіемъ германской имперіи обращеннаго въ общегерманское, понадобилось не болѣе двухъ или трехъ лѣтъ.

ной кабинетной работы. Для его полноты и жизненности, для согласованія его постановленій съ потребностями и взглядами народа недостаточно провѣрки и пересмотра его тѣми инстанціями, черезъ которыя проходятъ у насъ обыкновенные законопроекты. Гражданское уложеніе, безукоризненное въ техническомъ отношеніи, свободное отъ недомолвокъ, противорѣчій и архаизмовъ десятаго тома, но ничѣмъ или почти ничѣмъ не отличающееся отъ него по существу, было бы пріобрѣтеніемъ весьма сомнительнаго достоинства; облегчая работу судовъ, оно не устранило бы глубокихъ недостатковъ дѣйствующаго права. Рискованными были бы и перемѣны, продиктованныя теоретическимъ стремленіемъ къ гармоніи между отдѣльными нормами, къ точности формулъ, обнимающихъ собою цѣлую сторону быта, къ предугадыванью и регламентаціи всѣхъ условій, при которыхъ можетъ возникнуть или видоизмѣниться то или другое правоотношеніе. Напрасно было бы ожидать, что пробѣлы или ошибки, зависящіе отъ способа составленія уложенія, будутъ пополнены или исправлены съ помощью отзывовъ и замѣчаній, заявленныхъ, оффиціально или путемъ печати, отдѣльными лицами и учрежденіями. Трудно будетъ разобраться въ этой массѣ отзывовъ, не освѣщенныхъ обмѣномъ мыслей между ихъ составителями; трудно или невозможно будетъ опредѣлить, какіе изъ нихъ, и насколько, отвѣчаютъ требованіямъ дѣйствительности. Повторяемъ еще разъ сказанное нами двадцать лѣтъ тому назадъ, при первой вѣсти о приступѣ къ составленію гражданскаго уложенія [1]): болѣе чѣмъ гдѣ-либо необходимо здѣсь участіе практиковъ, людей жизни или, по модному одно время выраженію, *земскихъ свѣдущихъ людей* [2])—земскихъ не только по имени, но и по способу избранія.

На дняхъ обнародованъ законъ, которымъ городъ Кронштадтъ отдѣленъ, въ земско-хозяйственномъ отношеніи, отъ петергофскаго уѣзднаго земства. Весьма можетъ быть, что по этому поводу раздадутся ликующіе возгласы нашихъ земствофобовъ; но на самомъ дѣлѣ для ликованія нѣтъ никакихъ поводовъ. Во-первыхъ, Кронштадтъ продолжаетъ входить въ составъ с.-петербургскаго губернскаго земства и посылаетъ двухъ гласныхъ (по выбору кронштадтскаго городского общественнаго управленія) въ спб. губ. земское собраніе;

---

[1]) См. Внутреннее Обозрѣніе въ № 8 „Вѣстника Европы“ за 1882 г., стр. 726.

[2]) Это выраженіе было пущено въ оборотъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, гр Н. П. Игнатьевымъ, произнесшимъ, въ 1881 г., знаменательныя слова: „земскіе свѣдущіе люди приглашаются для того, чтобы самые жизненные вопросы не были рѣшаемы безъ выслушанія мѣстныхъ дѣятелей, хорошо знакомыхъ съ дѣйствительнымъ положеніемъ дѣлъ“.

во-вторыхъ, завѣдываніе земскими дѣлами, до гор. Кронштадта относящимися, возложено не на администрацію, а на мѣстное городское общественное управленіе. Другими словами, Кронштадтъ поставленъ, по отношенію къ земству, въ положеніе вполнѣ аналогичное съ тѣмъ, которое занимаютъ, съ самаго введенія земскихъ учрежденій, С.-Петербургъ, Москва и Одесса. Нѣтъ, далѣе, основанія думать, что изъ состава уѣздныхъ земствъ будутъ выдѣлены и другіе, сколько-нибудь крупные города. Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что выдѣленіе Кронштадта состоялось не въ виду его населенности, а въ виду его изолированности и особаго состава его населенія, въ которомъ преобладаетъ элементъ военно-морской. Конечно, между Кронштадтомъ и петергофскимъ уѣздомъ, какъ сосѣднею частью материка, существовали постоянныя и оживленныя сношенія; но все-же связь между ними, вслѣдствіе островного положенія Кронштадта и близости его къ Петербургу, была гораздо менѣе тѣсна, чѣмъ между другими уѣздами и расположенными на ихъ территоріи городами. Матеріальная потеря, которую наноситъ петергофскому земству выдѣленіе изъ него Кронштадта, вознаграждается отчасти освобожденіемъ его отъ нѣкоторыхъ обязательныхъ расходовъ, принимаемыхъ на счетъ казны; сверхъ того имѣется въ виду назначить петергофскому уѣздному земству, начиная съ 1902-го года, ежегодное пособіе изъ средствъ казны.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 февраля 1902.

Рѣчи графа Бюлова въ германскомъ парламентѣ.—Оффиціальный патріотизмъ и внѣшняя политика Германіи.—Внутреннія дѣла въ Пруссіи.—Дѣло Кулемана въ прусской палатѣ депутатовъ.—Парламентскія пренія о польскомъ вопросѣ.

Нѣмецкіе патріоты, которые, какъ извѣстно, „никого не боятся, кромѣ Бога", имѣли въ послѣднее время много случаевъ рукоплескать своему канцлеру, графу Бюлову. Гордое сознаніе національнаго могущества, выражавшееся когда-то въ рѣчахъ Бисмарка, сдѣлалось ходячею монетою, которою щедро располагаетъ нынѣшній канцлеръ имперіи. Какъ парламентскій ораторъ, онъ пользуется большимъ успѣхомъ въ средней публикѣ, благодаря своему умѣнью играть на стрункѣ самодовольнаго націонализма, который все больше затемняетъ собою здравое пониманіе государственныхъ интересовъ въ разныхъ странахъ Европы.

Въ засѣданіи германскаго имперскаго сейма, 8 января (нов. ст.), консервативный депутатъ, графъ Штольбергъ-Вернигероде, высказалъ нѣсколько общихъ замѣчаній о политикѣ правительства, причемъ коснулся также существующихъ международныхъ отношеній, которыя кажутся ему вполнѣ благопріятными. „Особенно радуютъ насъ"—говорилъ онъ—„добрыя отношенія съ Россіею, и мы желаемъ, чтобы они оставались такими и въ будущемъ. Относительно тройственнаго союза замѣчаются попытки, направленныя къ подрыву или ослабленію его; но нужно надѣяться, что онѣ не будутъ имѣть послѣдствій,—такъ какъ этотъ союзъ основанъ не на искусственной политической комбинаціи, а на потребностяхъ соединившихся народовъ. Счастливое окончаніе китайской экспедиціи наполнило насъ чувствомъ удовлетворенія; наша армія блистательно выдержала испытаніе. Неосновательные упреки, въ родѣ тѣхъ, какіе заключались въ пресловутыхъ „письмахъ гунновъ", не измѣняютъ дѣла. Гораздо болѣе достойно сожалѣнія, что министръ чужого государства счелъ возможнымъ выставить противъ нашей арміи тяжелыя обвиненія, которыя возбудили сильнѣйшее негодованіе въ нѣмецкомъ народѣ".

Эти замѣчанія консервативнаго депутата дали графу Бюлову матеріалъ для широковѣщательной политической рѣчи, проникнутой обычнымъ оптимизмомъ. Канцлеръ счелъ нужнымъ прежде всего показать

свою солидарность съ общественнымъ мнѣніемъ въ дѣлѣ Чемберлена. „Предшествующій ораторъ“—такъ началъ свою рѣчь графъ Бюловъ—„упомянулъ о недавнемъ отзывѣ англійскаго министра по поводу поведенія нашихъ войскъ во время франко-германской войны. Я думаю, что мы всѣ согласны, и всѣ разумные люди въ Англіи также согласятся съ нами въ томъ, что когда министръ находитъ себя вынужденнымъ оправдываться,—а это вѣдь можетъ случиться,—онъ хорошо сдѣлаетъ, если оставитъ въ сторонѣ иностранныя державы. Если же онъ все-таки желаетъ ссылаться на чужіе примѣры, то ему слѣдуетъ дѣлать это съ величайшею осторожностью, ибо въ противномъ случаѣ онъ подвергается опасности не только быть невѣрно понятымъ, но и оскорбить чужія чувства,—помимо своей воли, какъ я предполагаю и долженъ предполагать послѣ данныхъ мнѣ увѣреній. Особенно прискорбно, когда это случается съ министромъ по отношенію къ странѣ, неизмѣнно поддерживавшей съ его отечествомъ дружественныя связи, сохраненіе которыхъ соотвѣтствуетъ интересамъ обѣихъ націй. Было вполнѣ естественно и понятно, что въ народѣ, столь крѣпко связанномъ съ своимъ побѣдоноснымъ войскомъ, поднялось общественное чувство противъ попытки—и даже противъ подобія попытки—извратить героическій характеръ и нравственныя основы нашей рѣшительной національной борьбы. Но германская армія стоитъ слишкомъ высоко и ея военный щитъ слишкомъ чистъ, чтобы ее могли затронуть чьи-либо кривые толки и несправедливыя сужденія. Объ этомъ можно сказать, что однажды выразилъ Фридрихъ Великій, когда ему сообщили о человѣкѣ, осуждавшемъ его лично и всю прусскую армію: —оставьте этого человѣка въ покоѣ и не возмущайтесь,—онъ грызетъ гранитъ“.

Нѣмецкая печать была очень довольна рѣзкою отповѣдью графа Бюлова по адресу Чемберлена, тѣмъ болѣе что оффиціальной политикѣ Германіи приписывались упорныя англофильскія тенденціи, противорѣчащія господствующему настроенію нѣмецкаго общества. Имперскій канцлеръ вдвойнѣ угодилъ патріотамъ: съ одной стороны онъ далъ политическій урокъ ненавистному нѣмцамъ британскому министру, виновнику бурской войны, а съ другой—обнаружилъ вполнѣ независимое и отчасти высокомѣрное отношеніе къ Англіи и ея правительству. Правда, „урокъ“ вышелъ слишкомъ поверхностнымъ и шаблоннымъ, да и мало основательнымъ по существу,—и вмѣсто того, чтобы смягчить раздраженіе противъ англичанъ или ввести его въ надлежащіе предѣлы, онъ только подчеркивалъ и оправдывалъ его мотивы, въ ущербъ тѣмъ интересамъ, о важности которыхъ говорилъ самъ канцлеръ. Между тѣмъ самые мотивы неудовольствія требовали разъясненія и критики. Почему ссылка на обычныя жестокости войны,

подкрѣпляемая примѣрами цѣлаго ряда военныхъ кампаній въ разныхъ частяхъ свѣта, показалась оскорбительною спеціально для германской арміи? Съ какой точки зрѣніи можно утверждать, что мысль о жестокости несовмѣстима съ „геройскимъ характеромъ и нравственными основами“ нѣмецкой національной борьбы 1870—71 годовъ? Геройскій характеръ войны выражается въ успѣшномъ взаимномъ истребленіи, которое не обходится безъ жестокости, а что касается „нравственныхъ основъ“, то ихъ никто еще не искалъ въ способахъ веденія военныхъ предпріятій. Цѣли и побужденія нѣмецкихъ участниковъ войны 1870—71 годовъ могли быть вполнѣ нравственны и даже возвышенны,—точно такъ же какъ и цѣли и побужденія французовъ, защищавшихъ свою родину отъ германскаго нашествія послѣ паденія имперіи; но именно подъ вліяніемъ этихъ нравственныхъ побужденій совершались съ обѣихъ сторонъ колоссальныя жестокости. Чѣмъ болѣе люди убѣждены въ своей правотѣ, тѣмъ сильнѣе склонны они поступать круто съ противниками, и самая справедливая война бываетъ часто и самою жестокою. Громкія фразы о „побѣдоносномъ войскѣ“, о высокомъ положеніи германской арміи и о безукоризненной чистотѣ ея „военнаго щита“ совершенно не отвѣчаютъ на вопросъ о томъ, насколько человѣколюбивы или, напротивъ, безчеловѣчны были славные подвиги этихъ военныхъ героевъ при разгромѣ непріятельской страны. Дѣло идетъ не о геройствѣ и военной славѣ германскихъ войскъ, а о жестокостяхъ, сопутствующихъ всякой войнѣ; въ этомъ отношеніи франко-прусская кампанія была, конечно, неизмѣримо богаче суровыми репрессаліями и крупными звѣрствами, чѣмъ трансваальская война,—уже въ силу своихъ грандіозныхъ размѣровъ сравнительно съ послѣднею. Изреченіе Фридриха Великаго о гранитѣ приведено было совсѣмъ некстати, если подъ гранитомъ разумѣть славу и могущество германской арміи; притомъ, какъ указано было однимъ нѣмецкимъ публицистомъ, это изреченіе принадлежитъ вовсе не Фридриху Великому, а Наполеону I, который писалъ на островѣ св. Елены: „мнѣ суждено быть пищей для памфлетистовъ, но я не боюсь сдѣлаться ихъ жертвою,—имъ придется грызть гранитъ“. Негодованіе нѣмцевъ по поводу отзыва Чемберлена о жестокостяхъ различныхъ войнъ и въ томъ числѣ франко-прусской—проистекало изъ ложнаго патріотизма и всего менѣе заслуживало поощренія со стороны такого опытнаго дипломата, какъ графъ Бюловъ. Въ качествѣ серьезнаго государственнаго человѣка, германскій канцлеръ имѣлъ благодарную тему для того, чтобы дать урокъ своимъ согражданамъ; однако, онъ предпочелъ быть простымъ выразителемъ ихъ непродуманныхъ патріотическихъ чувствъ и соблазнился возможностью удовлетворить на-

ціональное самолюбіе безполезною полемикою съ иностраннымъ министромъ.

Графъ Бюловъ говорилъ затѣмъ весьма пространно о тройственномъ союзѣ и объ общихъ задачахъ германской политики. По его словамъ, „существуютъ люди, проникнутые настойчивымъ желаніемъ похоронить тройственный союзъ; отъ времени до времени они объявляютъ союзъ умершимъ, а между тѣмъ онъ по прежнему пользуется наилучшимъ здоровьемъ". Съ тройственнымъ союзомъ повторяется то, что̀ бываетъ съ людьми, которыхъ ошибочно считали покойниками: ложные слухи о смерти предвѣщаютъ долговѣчность. „О характерѣ и сущности тройственнаго союза распространяются часто невѣрныя представленія. Тройственный союзъ есть товарищество страхованія, а не пріобрѣтенія. Это союзъ не для нападенія, а для обороны; цѣли его—не наступательныя, а въ высокой степени мирныя. Совершенно вѣрно сказалъ графъ Штольбергъ, что тройственный союзъ основанъ не на искусственной комбинаціи. Въ историческомъ смыслѣ онъ представляетъ собою примиреніе національныхъ результатовъ борьбы шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ съ тѣми принципами стойкости, которые послѣ наполеоновскихъ бурь обезпечили Европѣ полувѣковой миръ на основахъ вѣнскаго трактата. Тройственный союзъ соединяетъ прошлое съ настоящимъ и обезпечиваетъ будущее. Онъ не исключаетъ хорошихъ отношеній своихъ участниковъ къ другимъ державамъ. Я считаю неправильнымъ мнѣніе той—весьма незначительной, впрочемъ,—части нѣмецкой печати, которая обнаружила безпокойство по поводу недавнихъ франко-итальянскихъ соглашеній. Въ счастливомъ бракѣ супругъ не долженъ приходить въ волненіе, когда жена протанцуетъ лишній разъ съ постороннимъ кавалеромъ. Главное въ томъ, чтобы она отъ него не ушла совсѣмъ; она не уйдетъ отъ него, если и съ нимъ ей очень хорошо. Тройственный союзъ не налагаетъ на своихъ участниковъ никакихъ обременительныхъ обязательствъ; въ частности, ни одна изъ союзныхъ странъ не обязана держать свои сухопутныя и морскія военныя силы на опредѣленной высотѣ. Каждому изъ участниковъ тройственнаго союза предоставлено сокращать свои боевыя силы во всякое время и въ какой угодно мѣрѣ. Я полагаю даже, что безъ тройственнаго союза отдѣльные его участники, будучи изолированными, вынуждены были бы прибѣгнуть къ болѣе значительнымъ военнымъ усиліямъ и затратамъ, чѣмъ теперь, когда они состоятъ членами могущественной группы. Франко-итальянскія соглашенія относительно извѣстныхъ вопросовъ, касающихся Средиземнаго моря, вовсе не противорѣчатъ тройственному союзу; они вообще не касаются области тройственнаго союза. Въ остальномъ мы можемъ тѣмъ спокойнѣе относиться къ дальнѣйшему ходу дѣлъ, что

положеніе существенно измѣнилось съ 1879 года, со времени заключенія австро-германскаго договора, послужившаго основою тройственнаго союза. Тогда мы вели только европейскую политику. Политическія комбинаціи не выходили за предѣлы Средиземнаго моря. Теперь политика всѣхъ великихъ державъ обнимаетъ цѣлый земной шаръ. Я думаю, что съ тѣхъ поръ какъ существуетъ исторія, не было эпохи, когда одновременно существовало бы столько могущественныхъ государствъ. Отсюда образовалась, если можно такъ выразиться, система противовѣсовъ, которая естественнымъ путемъ, безъ особыхъ соглашеній, направляется къ сохраненію мира. Нѣтъ такой державы, которая, прежде чѣмъ начинать войну въ Европѣ, не должна была бы спросить себя: что произойдетъ въ это время за моею спиною? Ибо въ концѣ концовъ нельзя имѣть свои глаза повсюду. Въ 1879 году нашъ великій государственный дѣятель, князь Бисмаркъ, и нашъ великій полководецъ, графъ Мольтке, согласны были въ томъ, что Германія должна подготовиться на случай опасности,—быть можетъ, близкой тогда опасности великой европейской войны. Теперь положеніе является менѣе напряженнымъ. Это имѣетъ свои различныя причины. Прежде всего дѣйствовалъ успокоительно тотъ фактъ, что Германія въ продолженіе цѣлыхъ тридцати лѣтъ постоянно держалась миролюбивой политики. Тридцать лѣтъ тому назадъ было еще распространено мнѣніе, что германская имперія, созданная великими войнами, будетъ преслѣдовать воинственные планы, подобно тому какъ это дважды дѣлала наполеоновская имперія. Въ такомъ подозрѣніи заключалась уже извѣстная опасность войны. Болѣе непримиримые изъ нашихъ противниковъ могли пользоваться и нерѣдко дѣйствительно пользовались аргументомъ такого рода: если мы не постараемся напасть на Германію при благопріятныхъ для насъ обстоятельствахъ, то намъ будетъ грозить опасность, что германская имперія нападетъ на насъ въ удобный для нея моментъ. Этотъ аргументъ нельзя уже повторять въ настоящее время,—ибо за эти тридцать-пять лѣтъ мы не имѣли недостатка въ случаяхъ вести выгодныя войны и притомъ въ хорошей компаніи. Еслибы теперь кто-нибудь заговорилъ о воинственныхъ, наступательныхъ стремленіяхъ германской имперіи или германскаго императора, то подобная клевета уничтожилась бы сама собою. Всякій интересующійся политическими дѣлами знаетъ, что мы безусловно миролюбивы. Къ тому же, цѣли міровой политики простираются на области и предметы, очень далеко отстоящіе отъ границъ Германіи. Назову для примѣра побережье Африки, Персію и восточную Азію. Если вслѣдствіе этого существованіе тройственнаго союза не составляетъ уже абсолютной необходимости, то тѣмъ не менѣе онъ остается въ высшей степени цѣннымъ въ смыслѣ болѣе

прочной гарантіи мира, независимо отъ значенія его, какъ полезнаго связующаго элемента между государствами, которыя по своему географическому положенію и по историческимъ традиціямъ должны дорожить сохраненіемъ добрыхъ сосѣдскихъ отношеній. Что касается насъ, то мы обязаны и впредь поддерживать могущество Германіи, чтобы дружба наша была цѣнима всякимъ, какъ и теперь, и чтобы наша вражда ни для кого не была безразлична".

Изъ объясненій графа Бюлова трудно извлечь что-либо такое, чего не было бы извѣстно и раньше; тѣ же взгляды много разъ высказывались въ оффиціозной печати, и публика давно уже знаетъ, какъ смотритъ берлинское правительство на великую роль германской имперіи въ Европѣ. Но сдѣланный канцлеромъ историческій обзоръ международныхъ отношеній Германіи за послѣднее тридцатилѣтіе не лишенъ своеобразнаго интереса новизны: въ такой краткой и авторитетной формѣ не предлагалась еще новѣйшая исторія Европы съ оффиціально-германской точки зрѣнія. Изъ этого обзора мы видимъ, что великій Бисмаркъ и великій Мольтке были истинными миротворцами; они ограждали Германію отъ воинственныхъ замысловъ другихъ державъ, которыя только и думали о выборѣ подходящаго момента для нападенія на мирную нѣмецкую имперію. Даже знаменитая теорія предупредительныхъ войнъ, которую настойчиво проповѣдывали въ семидесятыхъ годахъ берлинскіе военные дѣятели и публицисты,— теорія, которую развивалъ и поддерживалъ тогда князь Бисмаркъ въ своихъ оффиціозныхъ органахъ,—была придумана будто бы врагами Германіи, въ качествѣ оправдательнаго аргумента въ пользу ихъ злокозненныхъ плановъ. Оказывается, что, напр., въ 1875 году не Германія собиралась добить побѣжденную Францію, а напротивъ, Франція хотѣла обрушиться на имперію Вильгельма I; если же тогдашнее французское правительство, для спасенія отъ берлинскихъ угрозъ, обращалось къ оффиціальному заступничеству Россіи, то это было лишь плодомъ недоразумѣнія: въ дѣйствительности, великій Бисмаркъ и великій Мольтке никогда никого не обижали, и сами нуждались въ заступничествѣ, которое и устроили себѣ въ видѣ постояннаго тройственнаго союза. Этотъ союзъ былъ долго источникомъ хронической тревоги и постоянныхъ международныхъ кризисовъ въ Европѣ. Положеніе стало менѣе напряженнымъ не потому, что всѣ убѣдились въ миролюбіи Германіи, а по другой, болѣе простой причинѣ: въ 1890 г. сошелъ со сцены князь Бисмаркъ, и съ тѣхъ поръ европейская политическая жизнь постепенно приняла спокойный характеръ. Пока Германія фактически господствовала въ Европѣ, опираясь на неизмѣнное содѣйствіе Россіи и Австріи, она не имѣла надобности воевать для достиженія своихъ цѣлей; а когда война была ей жела-

тельна, то встрѣчались преграды со стороны союзниковъ. Впослѣдствіи военная предпріимчивость Германіи останавливалась необыкновеннымъ усиленіемъ ея противниковъ и соперниковъ въ Европѣ—превращеніемъ ослабленной Франціи въ могущественную военную державу и послѣдовательнымъ стихійнымъ ростомъ Россіи. Общее международное положеніе не допускало спеціально-германскихъ войнъ, а европейская война, при современныхъ размѣрахъ вооруженій, была бы такимъ явнымъ безуміемъ, что ни одинъ отвѣтственный правитель не могъ бы думать о ней серьезно. Мы не говоримъ уже объ экономическихъ интересахъ, развивающихся повсюду съ поразительною энергіею и пріобрѣтающихъ все большее значеніе въ государствѣ,— интересахъ, которые безусловно требуютъ прочнаго и вполнѣ обезпеченнаго мира;—не говоримъ также о настроеніи народовъ и особенно трудящихся массъ, рѣшительно враждебныхъ всякому воинственному начинанію. Нѣмецкій рабочій классъ, организованный въ видѣ самостоятельной партіи, подъ руководствомъ талантливыхъ парламентскихъ вождей, становится все болѣе важнымъ элементомъ въ германской политикѣ, и съ нимъ приходится теперь считаться въ гораздо большей степени, чѣмъ въ семидесятыхъ или въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ. Такимъ образомъ, внѣшнее миролюбіе Германіи зависѣло не только отъ доброй воли Бисмарка и его преемниковъ, но и отъ условій и обстоятельствъ, болѣе могущественныхъ, чѣмъ отдѣльныя лица,—и видѣть въ этомъ особую заслугу нѣмецкихъ правителей нѣтъ основанія. Твердое сознаніе практической невозможности войны въ Европѣ побуждаетъ правительства съ большою легкостью предпринимать отдаленныя военныя экспедиціи для пріобрѣтенія новыхъ колоній и рынковъ; а министры могутъ чаще прежняго говорить о несравненномъ превосходствѣ отечественныхъ армій, внушающихъ неодолимый страхъ врагамъ, которые, вслѣдствіе этого, дѣлаются миролюбивыми и даже дружественными. Оффиціальные патріоты всегда предполагаютъ, что чувство спасительнаго страха свойственно только чужимъ народамъ и государствамъ; для себя и своей націи они признаютъ обязательнымъ только чистый, голый патріотизмъ. Графъ Бюловъ увѣренъ, что нѣтъ на свѣтѣ болѣе совершенной арміи, чѣмъ германская, что не было въ Германіи болѣе великаго человѣка, чѣмъ Бисмаркъ, и что не было и нѣтъ въ мірѣ болѣе великой и сильной націи, чѣмъ нѣмецкая;—и подобныя идеи онъ повторяетъ съ такимъ видомъ, какъ будто онѣ кажутся ему замѣчательно остроумными, новыми или оригинальными.

Занимая въ имперіи первый правительственный постъ послѣ императора, графъ Бюловъ, не имѣетъ, однако, возможности выдавать свои взгляды за единственные, допускаемые въ странѣ, и долженъ

по неволѣ выслушивать возраженія, иногда весьма убѣдительныя, хотя и неблагопріятныя для его личнаго самолюбія. При своей всегдашней находчивости онъ легко справляется съ противниками въ парламентѣ или, по крайней мѣрѣ, отдѣлывается отъ нихъ удачно подобранными аргументами и примѣрами, причемъ авторитетъ его канцлерскаго званія сохраняется въ полной неприкосновенности. Всякій чувствуетъ и понимаетъ въ Германіи, что публичныя дѣла не могутъ рѣшаться иначе какъ путемъ свободнаго публичнаго обсужденія, и никому не приходитъ въ голову сомнѣваться въ благотворности этой живой всесторонней критики для реальныхъ интересовъ государства. Между прочимъ, въ прусской палатѣ депутатовъ, въ засѣданіи 16-го января, извѣстный предводитель партіи свободомыслящихъ, Евгеній Рихтеръ, обратилъ вниманіе на элементъ случайности, играющій еще большую роль въ вопросахъ высшаго государственнаго управленія. „Лѣтомъ прошлаго года,—замѣтилъ Рихтеръ,—палата была закрыта внезапно, съ такою поспѣшностью, что даже необходимѣйшія работы едва могли быть закончены, а затѣмъ вдругъ исчезли три министра, которые, при закрытіи парламентской сессіи, пользовались еще полнымъ здоровьемъ. Кто могъ тогда думать, что этимъ тремъ дѣятелямъ уже доставленъ роковой шолковый шнурокъ,—что они такъ внезапно объявятъ себя больными и потеряютъ даже способность держать перо въ рукахъ? Они, пожалуй, завидуютъ теперь министрамъ, дѣйствующимъ при парламентской системѣ; по крайней мѣрѣ, когда тѣ уходятъ, причина ихъ удаленія всѣмъ извѣстна, а здѣсь никто не знаетъ, въ чемъ дѣло. У насъ министры подобны цвѣткамъ въ полѣ; подулъ надъ ними вѣтеръ—и нѣтъ ихъ, и даже нельзя отыскать ихъ слѣды, кромѣ развѣ тѣхъ случаевъ, когда ихъ назначаютъ оберъ-президентами. Но потребленіе министровъ идетъ теперь сильнѣе, чѣмъ оберъ-президентовъ“. Рихтеръ откровенно выражаетъ также свои недоумѣнія по поводу сдѣланнаго выбора: „Господинъ фонъ-Подбѣльскій (министръ земледѣлія) сказалъ, впрочемъ, что онъ не знаетъ своего будущаго, но что, какъ старый солдатъ, онъ слѣдуетъ приказу своего повелителя. Г. фонъ-Гаммерштейнъ попалъ въ министерство, неизвѣстно какъ и почему; но онъ принадлежитъ къ мекленбургской фамиліи. Прежде министровъ поставлялъ Ганноверъ; теперь эта роль, кажется, перешла къ Мекленбургу“. Только новый министръ финансовъ, фонъ-Рейнбабенъ, отчасти одобряется Рихтеромъ. Ядовитыя замѣчанія оппозиціоннаго оратора вызвали обстоятельный отвѣтъ графа Бюлова, какъ прусскаго министра-президента. Относительно новыхъ назначеній графъ Бюловъ ограничился, однако, чисто-формальнымъ доводомъ—ссылкою на конституцію, по которой выборъ и увольненіе министровъ предоставлены всецѣло королю. Само собою разумѣется, что

Рихтеръ не возбуждалъ вопроса о правѣ дѣлать извѣстныя назначенія; онъ указывалъ только на отсутствіе опредѣленныхъ политическихъ мотивовъ въ происшедшей министерской перемѣнѣ. Въ Пруссіи министры отвѣтственны только предъ короною и не зависятъ отъ парламента; судьба ихъ не связана съ тою или иною группировкою партій и не опредѣляется голосованіями палатъ, такъ что королевская власть не чувствуетъ себя стѣсненною въ своихъ дѣйствіяхъ. Этимъ устраняется антагонизмъ между короною и народнымъ представительствомъ, а возможныя неудобства такого порядка не имѣютъ большого значенія уже потому, что всякій министръ дѣйствуетъ открыто, подвергаясь постоянному контролю палатъ и печати: человѣкъ неспособный или малознающій не продержался бы на такомъ мѣстѣ и двухъ дней. Чѣмъ бы ни руководствовалась корона въ своемъ выборѣ, она во всякомъ случаѣ должна выбирать людей компетентныхъ и опытныхъ, обладающихъ между прочимъ даромъ слова, и дѣйствительно до сихъ поръ прусскіе и германскіе министры большею частью вполнѣ оправдывали свое назначеніе. То же самое слѣдуетъ сказать и о новыхъ прусскихъ министрахъ. Г. фонъ-Подбѣльскій, хотя и „старый солдатъ", показалъ себя не только отличнымъ знатокомъ сельскаго хозяйства и землевладѣнія, но и бойкимъ ораторомъ, и онъ весьма умѣло защищаетъ точку зрѣнія правительства въ жгучемъ вопросѣ о хлѣбныхъ пошлинахъ. Баронъ фонъ-Гаммерштейнъ, въ должности министра внутреннихъ дѣлъ, произноситъ дѣльныя и правдивыя рѣчи, которыя вызываютъ сочувствіе даже среди оппозиціи. Министерскимъ рѣчамъ соотвѣтствуютъ и распоряженія, когда дѣло идетъ объ исполнительныхъ мѣрахъ въ области администраціи или управленія. Въ этомъ отношеніи нѣмецкіе парламенты отличаются дѣловитостью и не теряютъ времени на теоретическіе или партійные споры, которымъ удѣляютъ такъ много вниманія парламентскіе дѣятели Франціи.

Насколько существенна роль прусскаго сейма въ охранѣ законныхъ правъ даже самыхъ скромныхъ обывателей, можно видѣть изъ недавнихъ преній по дѣлу нѣкоего Кулемана, торговаго агента, ошибочно арестованнаго властями. Арестъ былъ произведенъ судебными чиновниками, которые тщетно разыскивали мелкаго мошенника съ тою же фамиліею Кулемана; тутъ не было ни злоупотребленія, ни произвола, а произошла лишь ошибка въ лицѣ, причемъ задержанный провелъ только два или три дня въ тюрьмѣ. По поводу этого сравнительно ничтожнаго факта поднято было много шуму въ печати; въ прусской палатѣ депутатовъ, 20-го января, одинъ изъ представителей умѣренной національно-либеральной партіи обратился къ правительству съ подробно-мотивированнымъ запросомъ, въ которомъ выставлялъ на видъ опасную небрежность администраціи, непозволи-

тельныя безобразія провинціальныхъ тюремныхъ порядковъ и необходимость болѣе надежныхъ практическихъ гарантій для личной свободы гражданъ. Министръ юстиціи Шенштедтъ объяснилъ, въ какомъ видѣ представляется дѣло по произведенному имъ разслѣдованію, и обѣщалъ принять мѣры для предупрежденія подобныхъ ошибокъ въ будущемъ. Въ болѣе энергическомъ тонѣ говорилъ министръ внутреннихъ дѣлъ, фонъ-Гаммерштейнъ; онъ призналъ цѣлый рядъ неправильностей въ дѣйствіяхъ тюремныхъ служащихъ и сообщилъ палатѣ о строгихъ взысканіяхъ, наложенныхъ имъ на виновныхъ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ заявилъ, что для желательнаго улучшенія тюремнаго дѣла потребуются новыя денежныя средства, которыхъ пока еще не имѣется въ бюджетѣ министерства. Изъ-за Кулемана столько досталось провинившимся чиновникамъ, столько говорилось въ палатѣ и столько обѣщаній дано было министрами, что потерпѣвшій долженъ, кажется, считать себя вполнѣ удовлетвореннымъ. Нѣкоторыя нѣмецкія газеты, при обсужденіи этого инцидента, печатали грозныя статьи о необезпеченности свободы личности въ Пруссіи; самъ авторъ запроса счелъ нужнымъ въ палатѣ вспомнить о французскихъ „lettres de cachet" временъ Людовика XIV,—хотя въ данномъ случаѣ не могло быть и рѣчи о какой-либо параллели съ произвольными административными арестами, которыхъ вообще не бываетъ въ современной Германіи. Очевидно, нѣмецкая публика крайне чувствительна къ интересамъ личной неприкосновенности каждаго, и въ этомъ пунктѣ прусскіе министры обнаруживаютъ безусловную солидарность съ общественнымъ и народнымъ мнѣніемъ.

Горячія и продолжительныя пренія возбудилъ въ прусской палатѣ депутатовъ вопросъ о польско-нѣмецкихъ отношеніяхъ въ Познани, по поводу извѣстной школьной исторіи въ Врешенѣ. Въ засѣданіи 13 января внесены были одновременно два запроса по этому предмету: польская группа, въ лицѣ г. Яздзевскаго, требовала отмѣны несправедливыхъ мѣръ германизаціи познанскаго населенія, а національ-либералы, черезъ посредство депутата Гобрехта, предлагали, напротивъ, позаботиться объ охранѣ и укрѣпленіи нѣмецкаго элемента въ восточныхъ провинціяхъ, въ виду опасныхъ для государства политическихъ стремленій польской народности. Гобрехтъ указывалъ, между прочимъ на то обстоятельство, что употребленіе польскаго языка въ познанскихъ и верхне-силезскихъ школахъ приводитъ къ ополяченію нѣмецкихъ дѣтей, вынужденныхъ посѣщать эти школы, вслѣдствіе чего замѣчается постепенное систематическое усиленіе польской національности въ ущербъ нѣмецкой культурѣ. Депутатъ Яздзевскій, съ своей стороны, представилъ весьма рѣзкую картину безпощадной прусско-германской борьбы противъ поляковъ. Пріемы этой борьбы несовмѣ-

стимы, по его мнѣнію, съ конституціею и не могутъ быть названы иначе, какъ варварскими; „польскихъ дѣтей стараются онѣмечить при помощи палки и полицейскаго кулака, а естественное заступничество родителей наказывается тюрьмою до $2^1/_2$ лѣтъ,—позоръ для правосудія“! Министръ-президентъ, графъ Бюловъ, въ длинной отвѣтной рѣчи, категорически возражалъ противъ польскихъ обвиненій и настаивалъ на законности и необходимости энергической защиты нѣмецкихъ національно-государственныхъ интересовъ въ восточно-прусскихъ провинціяхъ, которымъ грозитъ искусственная полонизація. Правительство будетъ дѣйствовать „въ духѣ умѣренности, справедливости и терпимости“, разсчитывая главнымъ образомъ на мѣры культурнаго характера; тѣлесное наказаніе въ школахъ, какъ признаетъ графъ Бюловъ, совершенно нежелательно при религіозномъ обученіи, и оно больше не будетъ примѣняться. Представители католическаго центра находили, что по отношенію къ полякамъ нарушается принципъ равноправности: „поляки суть такіе же подданные, какъ и нѣмцы; они имѣютъ право на такое же доброжелательное отношеніе государственной власти, какъ и нѣмецкіе ихъ сограждане; они могутъ требовать сохраненія своего родного языка, и лишать ихъ этого права было бы преступленіемъ противъ божескихъ и человѣческихъ законовъ. Но и поляки должны отречься отъ агитаціи въ пользу возстановленія великопольскаго государства“. Ораторы центра осуждали вообще всякія „излишества патріотизма“, которыя на практикѣ приводятъ лишь къ обостренію племенной вражды, а „имѣть на границѣ отечественной территоріи спокойное и довольное населеніе было бы чрезвычайно важно въ минуту опасности“. Въ слѣдующемъ засѣданіи палаты, 14 января, депутатъ Чарлинскій нападалъ въ негодующемъ тонѣ на политику насилій и злобы, на холодныя стремленія къ „убійству цѣлаго народа“ подъ предлогомъ превосходства нѣмецкой культуры. „Не величайшее ли это безстыдство“—воскликнулъ онъ—„съ одной стороны подавлять насъ всѣми средствами могущества, а съ другой—увѣрять насъ, что этимъ оказываютъ намъ благодѣяніе? Наша агитація направлена лишь къ сохраненію польскаго языка, религіи и нравовъ. Мы были бы негодяями, еслибы не защищали этихъ важнѣйшихъ нашихъ благъ. Мы вовсе не относимся враждебно къ нѣмцамъ обоего пола; но прусскую систему мы ненавидимъ отъ глубины души“. Депутатъ Гловацкій напомнилъ о школьныхъ порядкахъ въ Силезіи, причемъ просилъ министра просвѣщенія не возлагать на народныхъ учителей обязанностей шпіоновъ относительно мѣстнаго католическаго духовенства. Министръ тутъ же отвѣтилъ, что никогда онъ подобныхъ распоряженій не дѣлалъ и не одобрялъ, и если ему

укажутъ случай, когда мѣстныя власти прибѣгали къ такимъ способамъ дѣйствія, то онъ немедленно положитъ конецъ злоупотребленію. Пренія закончились 15 января, и хотя они, конечно, не удовлетворили поляковъ, но все-таки не прошли безслѣдно для прусской политики въ польскомъ вопросѣ.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 февраля 1902.

— „Подъ знаменемъ науки". Юбилейный сборникъ въ честь Николая Ильича Стороженка, изданный его учениками и почитателями. М. 1902.

Недавно мы имѣли примѣръ „юбилейнаго сборника", какіе становятся у насъ почти обычаемъ—должно сказать, весьма симпатичнымъ; теперь передъ нами другой сборникъ того же рода, поводомъ котораго было уже истекшее сорокалѣтіе литературной дѣятельности Н. И. Стороженка. Во главѣ сборника поставленъ, какъ подобаетъ, обзоръ этой дѣятельности, который, кромѣ того, что даетъ біографію почтеннаго ученаго, является вмѣстѣ очень любопытнымъ эпизодомъ изъ исторіи нашей науки. Дѣло въ томъ, что Н. И. Стороженко былъ въ московскомъ университетѣ долгіе годы представителемъ каѳедры, основанной предпослѣднимъ университетскимъ уставомъ: каѳедры западныхъ европейскихъ литературъ; эти литературы не только за послѣдніе два вѣка, но, какъ теперь оказывается, и гораздо раньше, имѣли для нашей литературы свое историческое значеніе; ихъ вліяніе, сначала слабое и отдаленное, потомъ все болѣе сильное съ тѣхъ поръ, какъ русская жизнь пріобщилась къ западной культурѣ и наукѣ, становится наконецъ могущественнымъ факторомъ умственной и нравственной жизни нашего общества. Понятно изъ этого, что изученіе европейскихъ литературъ могло быть съ полнымъ правомъ поставлено въ университетскую программу, какъ предметъ спеціальнаго преподаванія. Западныя литературы, въ силу ихъ значенія, давно привлекали любознательность людей образованныхъ; но очевидно, что одной любознательности недостаточно для того, чтобы историческія наблюденія получили настоящую критическую опредѣленность; съ другой стороны, изученіе старыхъ періодовъ европейской литературы, т.-е. изученіе среднихъ вѣковъ, развилось въ послѣднее время въ громадные размѣры спеціальной науки. Основаніе новой каѳедры въ первый разъ

давало возможность удовлетворить этой несомнѣнной потребности русской науки. Результаты оказались очень скоро: въ прямой или косвенной связи съ установленіемъ новой университетской науки, явились у насъ, небывалые или крайне рѣдкіе прежде, самостоятельные труды по изученію европейской литературы. При каѳедрѣ Александра Н. Веселовскаго образовалась цѣлая школа, и научное общество „неофилологовъ“: его собственные труды, направленные въ особенности на средневѣковую старину, западно-европейскую и русскую, произвели цѣлый переворотъ въ опредѣленіи нашего народно-поэтическаго преданія. Далѣе, труды Жданова, Кирпичникова, Батюшкова, Дашкевича, Колмачевскаго, Халанскаго, Созоновича, Корелина и т. д. свидѣтельствуютъ о такомъ обладаніи матеріаломъ западно-европейскихъ историко-литературныхъ изслѣдованій, какое раньше было у насъ почти невѣдомо. Очевидно, что въ дальнѣйшемъ самыя изслѣдованія объ отношеніяхъ русской литературы къ западно-европейской должны будутъ пріобрѣсти гораздо бо̀льшую опредѣленность. На этомъ поприщѣ проходила и научная дѣятельность Н. И. Стороженка. Списокъ его многочисленныхъ трудовъ, приложенный къ біографическому очерку, указываетъ большое разнообразіе историко-литературныхъ интересовъ; главный трудъ Н. И. Стороженка направленъ былъ на изученіе Шекспира и его эпохи, но онъ касался также многихъ иныхъ характерныхъ явленій западной литературы, и приготовляемое изданіе его сочиненій дастъ чрезвычайно любопытную и поучительную книгу.

Авторъ біографическаго очерка замѣчаетъ въ концѣ: „Настоящій сборникъ,—мысль объ изданіи котораго встрѣчена была съ горячимъ сочувствіемъ,—служитъ доказательствомъ (того), какую признательность завоевала жизнь ученаго и человѣка, посвященная истинѣ и любви къ людямъ“. Фраза немного неловкая; но, дѣйствительно, сочувствіе къ „виновнику торжества“ вызвало цѣлую массу дружественныхъ откликовъ и собрало любопытнѣйшій рядъ статей и стихотвореній, объединяемыхъ (почти безъ исключенія) именно историко-литературнымъ интересомъ: здѣсь найдутся отголоски разныхъ европейскихъ литературъ, древнихъ и новыхъ, и русской также, въ живыхъ очеркахъ, разнообразіе которыхъ привлекательно.

— Иванъ Ѳедоровичъ Горбуновъ. Сочиненія. Подъ редакціею и съ предисловіемъ А. Ѳ. Кони. Съ портретомъ-геліогравюрой И. Ѳ. Горбунова и одною изъ его мимическихъ сценъ. Спб. Изданіе А. Ф. Маркса (1901). Два тома.

— Отзвуки разсказовъ И. Ѳ. Горбунова. 1883—1895. Гр. Павелъ Шереметевъ. Спб. 1901.

Происхожденіе и составъ изданія „Сочиненій" такъ объяснены въ предисловіи издателя: „Послѣднее изданіе „сценъ и разсказовъ" Ивана Ѳедоровича Горбунова, вышедшее въ 1881 году, далеко не обнимаетъ собою всего, что было написано высокоталантливымъ художникомъ, и онъ самъ, предъ смертью, началъ подготовлять матеріалы для новаго, болѣе полнаго, изданія. Осуществляя его намѣреніе, мы предлагаемъ читателямъ настоящее собраніе сочиненій И. Ѳ. Горбунова, въ которое вошли оригинальныя его произведенія, появившіяся въ печати до конца 1900 года. Изъ нихъ устранены лишь тѣ, коимъ онъ самъ не придавалъ никакого значенія, даже не подписывая ихъ своимъ именемъ. Нѣкоторые его разсказы сохранились лишь въ изустной передачѣ. Желая собрать ихъ, семья покойнаго просила, черезъ посредство газетъ, лицъ, запомнившихъ эти разсказы, о письменномъ сообщеніи ихъ. Къ сожалѣнію, на этотъ призывъ откликнулось лишь одно лицо — и такимъ образомъ не представляется возможности сличить и взаимно провѣрить содержаніе нѣсколькихъ записей, возстановить одинъ общій, приблизительный текстъ. Въ раздѣленіи книги на отдѣлы—принята терминологія автора. Значительная часть „отрывковъ изъ воспоминаній" и нѣкоторыя изъ „подражаній старинной письменности" появляются въ печати въ первый разъ. Къ очерку жизни и дѣятельности Горбунова присоединенъ его некрологъ, написанный нынѣ покойнымъ глубокимъ знатокомъ народной жизни и русскаго языка—Тертіемъ Ивановичемъ Филипповымъ, печатаемый съ любезнаго разрѣшенія его сына С. Т. Филиппова.

„Изданіе посвящается памяти одного изъ знаменитѣйшихъ артистовъ московской драматической труппы—Прова Михайловича Садовскаго. Благоговѣйныя воспоминанія Горбунова о Садовскомъ и сильное вліяніе послѣдняго на его художественное развитіе и судьбу—достаточно объясняютъ это посвященіе".

Здѣсь не находимъ извѣстія о томъ, въ чемъ состояло подготовленіе самимъ Горбуновымъ матеріаловъ для болѣе полнаго изданія его сочиненій. Говорили, что Горбуновъ, собирая вновь свои разсказы, между прочимъ прибавлялъ къ нимъ извѣстнаго рода комментарій, указывавшій время и обстоятельства ихъ происхожденія, — что, безъ сомнѣнія, было бы чрезвычайно любопытно; но говорили также, что по его смерти эти матеріалы были затеряны однимъ его пріятелемъ

(также нынѣ умершимъ). О томъ, отыскались ли эти его матеріалы, не было слышно, и не находимъ о томъ указаній ни въ предисловіи издателя, ни въ біографіи; любопытно было бы по крайней мѣрѣ знать—отъ тѣхъ, кто могъ видѣть эту работу Горбунова, — какой былъ планъ и пріемъ этого комментарія.—Далѣе, въ предисловіи последнее изданіе „сценъ и разсказовъ" Горбунова отнесено къ 1881-му году; это было шестое изданіе г. Суворина въ Петербургѣ (на книгѣ поставлено собственно два года: на оберткѣ — 1880, на заглавномъ листѣ—1881); но въ каталогахъ значится еще другое *шестое* изданіе, Ступина, въ Москвѣ, 1883 года. Эта путаница могла бы быть объяснена въ изданіи, какъ надо было ожидать здѣсь указаній и на то, когда вообще разсказы Горбунова появлялись въ печати.

Разсказъ г. Кони о Горбуновѣ извѣстенъ читателямъ „Вѣстника Европы". Мы встрѣтили, между прочимъ, очень строгій критическій отзывъ объ этомъ разсказѣ, въ которомъ указывалось преувеличеніе значенія Горбунова, осуждалось повтореніе сюжетовъ, находящихся въ самой книгѣ, и т. п. Что касается послѣдняго, то указать тотъ или другой разсказъ могло быть нужно просто для ясности, когда критикъ хотѣлъ ярче выставить извѣстную особенность разсказа, характерную черту наблюденій Горбунова, и т. п. Мы не находили бы, чтобы и въ оцѣнкѣ Горбунова было преувеличеніе. Не говоря о томъ, что въ чисто литературныхъ работахъ его было далеко не заурядное знаніе русской жизни въ самыхъ разнообразныхъ слояхъ ея, и тонкое знаніе бытовой старины, его исполненіе сценъ, какъ разсказчика, представляло собой дѣйствительно нѣчто необычайное. Профессія разсказчика имѣетъ такую же неблагодарную сторону, какъ профессія актера, пѣвца, музыканта: достоинства ихъ исполненія, какъ бы ни были высоки, исчезаютъ съ моментомъ исполненія, не оставляютъ слѣда, не могутъ быть объяснены не видавшимъ и не слыхавшимъ, и пропадаютъ для исторической реставраціи. Остается одно—чтобы видѣвшіе и слышавшіе передали съ возможной точностью то художественное дѣйствіе, какое производили эти исполнители. Это и сдѣлалъ очень старательно г. Кони. Трудъ подобнаго рода имѣетъ свою историческую цѣнность въ томъ, что даетъ понятіе о художественныхъ интересахъ общества и эпохи, создавшихъ и самый матеріалъ разсказовъ, и исполнителя этой силы и направленія. Очень характерно и имѣетъ историческій смыслъ то, что первая дѣятельность Горбунова совпадала съ оживленіемъ общественной жизни въ пятидесятыхъ годахъ и съ періодомъ реформъ; эта дѣятельность продолжалась около сорока лѣтъ и имѣетъ свою историческую заслугу въ художественномъ истолкованіи русской жизни.

Книга гр. П. С. Шереметева внушена такою же высокою оцѣн-

кой своеобразнаго дарованія Горбунова и прибавляетъ новыя черты къ его произведеніямъ и къ его біографіи.

Тѣмъ, кто несклоненъ признавать эту художественную цѣнность Горбунова, кажется, что его сочиненія, какъ и его исполненіе своихъ разсказовъ, могутъ имѣть только случайное анекдотическое значеніе.

Этому противорѣчитъ то, что уже въ прежнее время книга его разсказовъ дошла до шестого (или двухъ шестыхъ) изданія. Мы слышали, что оба изданія, посвященныя теперь Горбунову, хотя напечатанныя въ значительномъ числѣ экземпляровъ, уже разошлись. Надо думать, что такой успѣхъ вызванъ не однимъ анекдотическимъ интересомъ.

— В. Шенрокъ. П. А. Кулишъ. Біографическій очеркъ. (Оттискъ изъ журнала „Кіевская Старина"). Кіевъ, 1901.

Пантелеймонъ Александровичъ Кулишъ былъ столь замѣтнымъ лицомъ въ русской литературѣ и, особенно, крупнымъ дѣятелемъ въ литературѣ малорусской, что подробная біографія его, безъ сомнѣнія, является очень желательной. Авторъ настоящаго очерка, какъ біографъ Гоголя, достаточно извѣстенъ обстоятельностью своихъ изслѣдованій, и въ книгѣ о Кулишѣ онъ собралъ не мало интересныхъ матеріаловъ; но свою работу онъ считаетъ все-таки далеко не завершенною. На первыхъ вводныхъ страницахъ г. Шенрокъ говоритъ: „Приступая къ описанію жизни извѣстнаго патріота и писателя Пантелеймона Александровича Кулиша, мы сознаемъ всю трудность взятой на себя задачи—въ виду, съ одной стороны, ея важнаго значенія, а съ другой—необычайно разностороннихъ дарованій и дѣятельности покойнаго. Мы далеки отъ самоувѣренной надежды дать въ нашемъ очеркѣ полное воспроизведеніе его духовнаго облика, и въ то же время намъ кажется желательнымъ и умѣстнымъ позаботиться о своевременномъ сохраненіи существующихъ данныхъ для изученія жизни этого, во всякомъ случаѣ, замѣчательнаго дѣятеля, имѣющаго несомнѣнное и притомъ многостороннее историческое значеніе. Покойный Кулишъ по многимъ причинамъ особенно заслуживаетъ вниманія, и притомъ вовсе не со стороны однихъ только малороссовъ,—уже потому, что это былъ рѣдкій подвижникъ умственнаго труда, труда неустаннаго, самоотверженнаго и согрѣтаго пламенной любовью къ родинѣ. Какъ понималъ Кулишъ призваніе всей своей жизни и дѣлалъ ли ошибки, выполняя это призваніе,—это вопросъ весьма трудный и сложный, по поводу котораго неизбѣжно и долго будутъ возникать разногласія. Но теперь, когда его дѣятельность отошла уже въ исторію, невозможно отказать его кипучей энергіи въ значитель-

ной дозѣ чистаго идеализма. Это былъ дѣятель, несмотря на многія свои достоинства и заслуги, въ концѣ своей жизни въ значительной степени неоцѣненный и забытый. Причиной этому было, главнымъ образомъ, его раннее, въ силу обстоятельствъ, отстраненіе отъ широкой общественной литературной арены, обособленность его научныхъ работъ послѣднихъ лѣтъ и погруженіе въ отдаленномъ хуторѣ въ трудовую отшельническую жизнь".

Авторъ указываетъ далѣе, что для полной біографіи Кулиша должны бы быть сдѣланы многія предварительныя работы; необходимо привести въ извѣстность и издать его сочиненія, переводы, письма и разобраться въ громадной массѣ его литературнаго труда; затѣмъ исполнить еще другія предварительныя работы, „которыя, не говоря о томъ, что онѣ требуютъ многихъ лѣтъ, пока невозможны еще вслѣдствіе множества затрудненій" (?),—и тогда только, вооружившись этимъ историко-литературнымъ и біографическимъ аппаратомъ, „можно было бы представить всестороннюю оцѣнку и полный обзоръ дѣятельности Кулиша и обрисовать вполнѣ его личность и значеніе для украинской и русской литературъ". Такой трудной задачи авторъ на себя не беретъ.

„Не задаваясь такой обширной цѣлью,—говоритъ г. Шенрокъ,—мы считаемъ желательнымъ въ нашемъ очеркѣ по крайней мѣрѣ приблизительно показать, какую замѣчательную личность и умственную силу представлялъ собой покойный, показать высоту его стремленій и идеаловъ, предоставляя другимъ оцѣнку его такъ называемыхъ „увлеченій", наконецъ дать представленіе о томъ, какъ, несмотря ни на какія обстоятельства, Кулишъ вѣчно трудился и не зарылъ по собственной винѣ ни одного изъ многихъ данныхъ ему природой талантовъ, хотя многіе изъ нихъ, быть можетъ, не проявились вполнѣ—по винѣ общественныхъ и другихъ внѣшнихъ условій. Желательно было бы, наконецъ, вызвать дальнѣйшія работы по изученію и изданію трудовъ Кулиша, чтобы не заглохли безплодно брошенныя имъ сѣмена, не погибли его оригинальные труды и переводы на малороссійскомъ языкѣ многихъ капитальнѣйшихъ произведеній всемірной литературы, и не остался въ неизвѣстности и забвеніи и самоотверженный подвигъ всей жизни этого несомнѣнно талантливаго идеалиста".

Во всемъ этомъ есть не мало неточностей, которыя самъ авторъ могъ бы устранить, еслибы говорилъ не общими словами, а фактическими примѣрами. Что Кулишъ былъ человѣкъ талантливый и „вѣчно трудился", этого никто не оспаривалъ; но „идеализмъ" требуетъ объясненій—въ чемъ онъ состоялъ и къ чему стремился: здѣсь, какъ упомянемъ, были большія неясности. Авторъ упоминаетъ дальше „всевозможныя нападенія и интриги періодической печати извѣстной

фракціи", которыя мѣшали его труду и смущали его мирное существованіе,—но въ „біографическомъ очеркѣ" не находимъ объясненія этихъ нападеній и интригъ;—между прочимъ, касаясь „нападеній", не надо было бы забыть тѣ нападенія, какія самъ Кулишъ совершалъ въ ближайшемъ кругу его дѣятельности—въ украинской исторіи и литературѣ. Онъ самъ былъ вовсе не изъ мирныхъ людей. Если Кулишъ представляется автору „неоцѣненнымъ и *забытымъ*", это опять требовало объясненій. Послѣдніе труды Кулиша по исторіи Малороссіи были таковы, что могли своимъ характеромъ производить прямо отталкивающее впечатлѣніе, и даже не только въ средѣ малорусскихъ читателей; Кулишъ, нѣкогда одинъ изъ главнѣйшихъ начинателей украинофильства, въ своихъ послѣднихъ работахъ по исторіи Малороссіи, обрушился на историческія преданія этой Малороссіи, на самыя популярныя имена малорусской литературы, грубо (и, главное, несправедливо) нападая на Костомарова и Шевченка. Быть можетъ, малорусскимъ читателямъ, цѣнившимъ старыя заслуги Кулиша, казалось, что ради этихъ заслугъ было бы лучше *забывать* объ его послѣднихъ твореніяхъ...

Въ біографіи не находимъ достаточнаго объясненія этихъ отношеній, а безъ того, автору было бы лучше воздержаться отъ обвиненія современниковъ и единоплеменниковъ Кулиша, что они его „не оцѣнили" и „забыли". Характеръ и складъ дѣятельности Кулиша были очень сложны, и для опредѣленія ихъ недостаточно говорить о немъ, какъ „подвижникѣ умственнаго труда", объ его „кипучей энергіи": то и другое было,—но оставался еще вопросъ, какъ направлены были этотъ трудъ и энергія. Многимъ именно кажется, что направлены они были далеко не всегда вѣрно. Авторъ какъ будто съ пренебреженіемъ упоминаетъ о „такъ называемыхъ увлеченіяхъ", какія ставили въ вину его герою,—но, на самомъ дѣлѣ, эти увлеченія были не только такъ называемыя, но самыя настоящія... Біографія Кулиша, конечно, еще нуждается во многихъ изслѣдованіяхъ, но сочиненія его напечатаны, и авторъ не сполна воспользовался и тѣмъ, что было уже въ печати.

Въ книгѣ г. Шенрока есть прекрасное намѣреніе выставить лучшія стороны и стремленія писателя, но біографія еще нуждается въ болѣе точныхъ опредѣленіяхъ и личнаго характера, и дѣятельности Кулиша.—А. П.

— Иванъ Щегловъ. Новое о Пушкинѣ. Спб. 1902.

Авторъ смотритъ на свою книгу съ особой точки зрѣнія. Какъ видно изъ предисловія, онъ „позволилъ себѣ озаглавить настоящій

трудъ—„Новое о Пушкинѣ“, дабы нѣсколько отдѣлить попытку живого изслѣдованія отъ легіона общихъ книжныхъ разсужденій, выпущенныхъ въ свое время подъ тѣмъ же юбилейнымъ флагомъ“. Въ свое время, т.-е. года два съ половиной назадъ, когда общество было подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ чествованія поэта, разсказы г. Щеглова о Пушкинскихъ дняхъ въ провинціи, о Пушкинскихъ уголкахъ, о старухѣ, знавшей Пушкина, и т. д., были интересны, и соединеніе газетныхъ статей автора въ книжечку имѣло бы значеніе иллюстраціи переживаемаго событія. Теперь это значеніе потеряно,—общество готовится къ новымъ торжествамъ, и на книгу г. Щеглова приходится смотрѣть съ исторической, или вѣрнѣе—историко-литературной точки зрѣнія, сопоставляя ее съ фактами юбилейной литературы, нѣсколько заносчиво называемой авторомъ „легіономъ общихъ книжныхъ разсужденій“. Тамъ, очевидно, мертвечина, отвлеченность, сухость; у г. Щеглова—„живое изслѣдованіе“: просятъ не смѣшивать... Ни въ какомъ случаѣ.

Живость и сама по себѣ прекрасная вещь, а въ ученомъ изслѣдованіи—цѣна ей двойная... конечно, если, кромѣ усиленнаго обмѣна веществъ у изслѣдователя, она приноситъ и плодотворные результаты въ той области труда, къ которой она прилагается. Къ сожалѣнію, въ трудѣ г. Щеглова мы нашли весьма мало дѣйствительно новаго о поэтѣ, хотя нельзя не отдать должнаго энергіи автора, съ какой онъ путешествовалъ за этимъ „новымъ“ по градамъ и весямъ нашего отечества, то отыскивая могилу няни Пушкина,—которой, однако, не нашелъ,—то описывая усадьбы и дома, гдѣ поэтъ жилъ или бывалъ, впрочемъ давно уже описанные прежними живыми и мертвыми изслѣдователями. Наиболѣе интересны страницы, посвященныя уясненію отношеній Баратынскаго и Пушкина и гипотезѣ о томъ, что Баратынскій, этотъ „сомнительный другъ“, послужилъ прототипомъ Пушкинскаго Сальери; по этому поводу авторъ высказалъ нѣсколько цѣнныхъ соображеній и остроумныхъ замѣчаній, съ которыми нельзя не считаться, но въ общемъ эта гипотеза недостаточно доказана. Въ самомъ дѣлѣ, если даже согласиться съ предположеніемъ г. Щеглова о Сальери, то трудно допустить, чтобы Пушкинъ могъ изобразить въ Моцартѣ себя: какъ умный человѣкъ—поэтъ сознавалъ свои заслуги, какъ геній—онъ былъ удивительно скроменъ и тактиченъ, и никогда не возвелъ бы себя на высоту поэтической идеализаціи. Еще слабѣе обставлены догадки г. Щеглова о томъ, что прототипами Инезы и Лауры изъ „Каменнаго гостя“ были знаменитыя Ризничъ и Кернъ: авторъ останавливается на слишкомъ мелкихъ чертахъ совпаденія, объясненіе которыхъ лежитъ всецѣло въ границахъ поэтическаго обобщенія. Любопытны разысканія автора о священникѣ Шкодѣ, но стремленіе видѣть

въ „Шкодихѣ“, его дочери, прототипъ барышни-крестьянки, потому только, что въ молодости она была красива и ходила съ поэтомъ „по грибы“, приводитъ прямо къ курьезному заключенію, что Пушкинъ и не видалъ другихъ красивыхъ дѣвушекъ, поповъ и монаховъ и т. д., кромѣ тѣхъ, которыхъ судьба берегла многіе годы, или едва-едва не сберегла, спеціально для г. Щеглова.

Гораздо болѣе „новаго“ въ книжкѣ о самомъ г. Щегловѣ и о томъ, какъ онъ путешествовалъ. Но для насъ это вопросъ менѣе интересный и, во всякомъ случаѣ, къ Пушкинской юбилейной литературѣ не относящійся.—Е. Л.

Въ январѣ мѣсяцѣ 1902 г., въ Редакцію поступили нижеслѣдующія новыя книги и брошюры:

Абрамовъ, Ив.—Въ культурномъ скиту. Среди неплюевцевъ: Воздвиженская школа.—Колыбель братства.—Братская колонія. Спб. 902. Ц. 75 к.

Акифьевъ, И.—На далекій сѣверъ за золотомъ. Изъ дневника кругосвѣтнаго путешествія 1900 года. Съ 37 рис. Спб. 902. Ц. 1 р.

Анненковъ, К.—Система русскаго гражданскаго права. Т. VI: Право наслѣдованія. Тип. М. Стасюлевича. Спб. 902. Ц. 3 р. 50 к.

Аріанъ, П. Н.—Первый женскій Календарь на 1902 годъ. Спб. 902. Ц. 1 р.

Бакалейникъ, П.—Исповѣдь милліонера. Памяти Солодовникова. Спб. 902. Цѣна 1 руб.

Бальдвинъ, Дж. Максъ.—Введеніе въ психологію. Общій обзоръ науки о душѣ. Съ англ. п. р. Н. Н. Спиридонова. М. 902. Ц. 1 р.

Барятинскій, кн. В. В.—Разсказы. Мысли и замѣтки. Спб. 901. Ц. 1 р.

Бахметевъ, Н. Н.—Стихотворенія. М. 901. 2-е изд. Ц. 80 к.

Брусянинъ, Вас.—Разсказы. М. 902. Ц. 1 р.

Буланина, Елена.—Стихотворенія. М. 901. Ц. 1 р. 50 к.

Бутовскій, А.—Добровольный кадетскій корпусъ въ Австраліи и военные отряды въ англійскихъ школахъ. Спб. 902.

Быковъ, А.—Разсказы изъ исторіи Ирландіи. Съ XII вѣка до нашихъ дней. Съ портретомъ Парнелля и О'Коннеля. Спб. 902. Ц. 80 к.

Веберъ, К. К.—Успѣхи молочнаго дѣла. 1897—1900 г.г. Дополненіе къ руководствамъ проф. Флейшмана, проф. Кирхнера и др. Съ 57 рис. Спб. 902. Цѣна 2 рубля.

Виленкинъ, Григорій.—Финансовый и экономическій строй современной Англіи. Спб. 902 г. Ц. 2 р. 50 к.

Водовозовъ, В.—Изслѣдованіе г-на Тарле по соціальной исторіи Англіи. Спб. 901. Ц. 30 к.

Гай-Сигайдачная, Ек.—На чужой квартирѣ. Водевиль въ 1 д. Харьк. 901. Ц. 15 к.

——— Спасемъ Ниночку. Ком. для дѣтей въ 3 д. Харьк. 902. Ц. 30 к.

Галина, Г.—Стихотворенія. Спб. 902. Ц. 1 р.

Гарфильдъ, Сергѣй.—Изъ пѣсенъ земли и моря. Стих. и разсказы. Т. I. Спб. 902. Ц. 1 р. 50 к.

Головнина, Ю. Д.—На Памирахъ. Записки русской путешественницы. М. 902. Ц. 1 р. 50 к.

Головинъ, К. (К. Орловскій). Полное собраніе сочиненій. Т. I: „Медовый мѣсяцъ", романъ.—Живая загадка, повѣсть. Спб. 902.

Гольцъ, фонъ-деръ, проф.—Аграрный вопросъ и аграрная политика. Съ нѣм. Д. Флексора. Спб. 902. Ц. 2 р.

Горбъ-Ромашкевичъ, проф., Ѳ.—Поземельный налогъ въ практикѣ з.-европ. континентальныхъ государствъ. Варш. 901. Ц. 50 к.

Градовскій, А. Д.—Собраніе сочиненій. Т. V. Спб. 902. Ц. 3 р.

Гребнеръ, В., и *Добровольскій*, А.—Практика бывшаго 4-го и Судебнаго Департаментовъ и Второго Общаго Собранія Правительствующаго Сената съ 1889 г. по 1901 г. включ.: Судопроизводство по исковымъ дѣламъ.—Администрація.—Несостоятельность.—Векселя. Изд. 2-е. Спб. 902. Ц. 3 р.

Гретцъ, Г., проф.—Исторія евреевъ. 1029—1205. Съ нѣм. п. р. А. Я. Гаркави. Спб. 902. Ц. 2 р. 50 к.

Гротъ, К. Я.—Къ біографіи И. И. Дмитріева. Неизданныя письма и замѣтки, относящіяся ко времени его кончины 3 окт. 1839 г. Спб. 902.

Гурвичъ, О. Я.—Живая мораль или Сокровищница талмудической этики. Вильна, 901. Ц. 1 р.

Денисовъ, С. К.—Описаніе торжественнаго празднованія двухсотлѣтія существованія горнаго вѣдомства. Спб. 901.

Джемсъ, В.—Стоитъ ли жить? Съ англ. К. К. С. 2-е изд. М. 901. Ц. 20 к.

Джемсъ, Уильямсъ.—Психологія въ бесѣдахъ съ учителями. Съ англ. В. Н. Ивановскій. М. 902. Ц. 50 к.

Дмитріевъ-Мамоновъ, А. И.—Путеводитель по Великой Сибирской желѣзной дорогѣ. 1901—1902 г. Ц. 3 р. 50 к.

Екатерина II, Императрица. — Сочиненія. На основаніи подлинныхъ рукописей и съ объяснительными примѣчаніями акад. А. Н. Пыпина. Изд. Имп. Академіи наукъ. Т. VII: Антидотъ. Т. VIII: Труды историческіе. Записки касательно Россійской исторіи. Ч. I и II. Т. IX: Ч. III и IV. Т. X: Ч. V и VI. Спб. 901. Ц. за т. т. VII—X—7 р. 50 к.

Ермоловъ, А.—Народная сельско-хозяйственная мудрость въ пословицахъ, поговоркахъ и примѣтахъ. I. Всенародный мѣсяцесловъ. Спб. 901. Ц. 3 р.

Желэ, д-ръ.—Преобразуемость живыхъ организмовъ. Съ франц. В. Ранцовъ. Спб. 902. Ц. 1 р. 25 к.

Зудерманъ, Г.—Собранія сочиненій. Т. I-й. П. р. К. Бальмонта. М. 902. Ц. 1 р. 50 к.

Казанскій, П., проф.—Отвѣтъ проф. Л. Петражицкому о преподаваніи на юридическихъ факультетахъ. Спб. 901.

Кеннингемъ, В. — Западная цивилизація съ экономической точки зрѣнія. Древній міръ. Съ англ. П. С. Когана. Съ 5 карт. Т. I. М. 902. Ц. 1 р. 20 к.

Коропчевскій, Д. А.—Прежде и теперь. Очерки домашней жизни въ старое и въ наше время. Спб. 901. Ц. 1 р.

Куно Фишеръ.—Исторія новой философіи. Т. VIII: Гегель, его жизнь, сочиненія и ученіе. Съ нѣм. Н. О. Лосскій. Спб. 901. Ц. 3 р. 50 к.

Куракинъ, кн. Ѳ. А.—Архивъ. Кн. IX. П. р. В. Н. Смольянинова. Астрах. 901. Ц. 4 руб.

Лависсъ, Э., и *Рамбо*, А.—Исторія французской революціи 1789—1799 г.г. Съ франц. М. Іолшинъ. Спб. 901. Ц. 1 р. 50 к.

Лавриченко, Н.—Вѣра въ жизнь. Шестидесятые годы. Ром. въ 2 ч.

Лаффартъ, Ж.—Практическое руководство для электротехниковъ. Электрическія установки и управленіе ими. Съ франц. Ѳ. Александровъ. Спб. 902. Цѣна 2 р. 75 к.

Лебедевъ-Одинокій, Ив.—Въ тревогѣ и борьбѣ. Записки погибавшаго и стихотворенія. М. 902. Ц. 75 к.

Левансонъ-Лессингъ, Ф. Ю., проф.—Основныя проблемы физической зоологіи. Рѣчь, читанн. въ общ. собраніи русск. естествоисп. и врачей 26 дек. 1901 г. Спб. 902.

Любовичъ, Н.—Статистическій методъ въ приложеніи къ исторіи. Варш. 901.

Любомудровъ, И. М.—Предохранительный Скотолечебникъ, или Руководство къ правильному содержанію и предохраненію домашнихъ животныхъ отъ заразныхъ и спорадическихъ болѣзней. Для сельскихъ хозяевъ. М. 902. Ц. 30 к.

Мадзини, Іосифъ.—Объ обязанностяхъ человѣка. Перев. Л. Никифорова. М. 902. Вып. 12-й Этико-художественной Библіотеки. Ц. 25 к.

Маминъ-Сибирякъ, Д. И.—Разсказы и сказки. Т. II. Съ рис. М. 902. Цѣна 1 руб.

Мережковскій, Д.—Любовь сильнѣе смерти.—Наука любви. Двѣ итальян. новеллы XV-го вѣка.—Микель-Анжело.—Святой Сатиръ, флорентинская легенда. М. 902. Ц. 1 р. 35 к.

Мижуевъ, П. Г.—Вопросъ о реформѣ средней школы во Франціи. Спб. 902. Ц. 80 к.

Модестовъ, В. И., проф.—Введеніе въ Римскую исторію. Вопросы до-исторической этнологіи и культурныхъ вліяній въ до-Римскую эпоху въ Италіи и начало Рима. Ч. I, съ 35 фототип. табл. Спб. 902.

Нейштубе, С. Т.—Все живое во вселенной получаетъ жизнь изъ яйца. Съ 3 рис. Спб. 902. Ц. 20 к.

Немировичъ-Данченко, В. И.—За далекихъ братьевъ. Повѣсть изъ послѣдней турецкой войны. Съ 22 рис. Спб. 902. Ц. 80 к.

Новгородцевъ, П.—Кантъ и Гегель въ ихъ ученіяхъ о правѣ и государствѣ. М. 901.

Папковъ, А.—Церковно-общественные вопросы въ эпоху Царя-Освободителя, 1855—1870. Спб. 902. Ц. 1 р. 50 к.

Позднѣевъ, А. М.—Извѣстія Восточнаго Института, п. р. Директора Института. Т. II: 1900—01 академич. годъ. Вып. 3-й. Владивостокъ. 901.

Покровская, ж.-вр. М. И.—Врачебно-полицейскій надзоръ за проституціей способствуетъ вырожденію народа. Спб. 902. Ц. 60 к.

Рёскинъ, Дж.—Сочиненія. Сельскіе листья. Отрывки изъ современныхъ живописцевъ. Перев. Л. Никифорова. М. 902. Серія 1-ая, кн. 7.

Сабанинъ, В. В.—Систематическая роспись книгамъ, вышедшимъ въ Россіи за 1899 г. Т. I: янв.—іюнь. Вып. I: Книга на русскомъ языкѣ. Ц. за годъ (4 вып.) 6 руб.

Саловъ, В. В.—Отчужденіе недвижимой собственности для государственной и общественной пользы. Спб. 902. Ц. 80 к.

Свѣшникова, Е.—Ледяной домъ. По роману И. И. Лажечникова. 2-е изд. М. 901. Ц. 30 к.

Свирскій, А. И.—Преступникъ. Записки арестанта и разсказы. Спб. 902. Цѣна 1 руб.

Сергѣенко, П.—Сократъ. Драматич. хроника въ 4 д. М. 902. Ц. 40 к.

Стасюлевичъ, М.—Исторія среднихъ вѣковъ въ ея писателяхъ и изслѣдо-

ваніяхъ новѣйшихъ ученыхъ. I. Періодъ первый: Отъ паденія западной Римской имперіи до Карла Великаго (477—771 г.). Третье изданіе. Спб. 902. Ц. 2 р.

Трубецкая, кн. О.—Матеріалы для біографіи кн. В. А. Черкасскаго. Т. I: Кн. В. А. Черкасскій и его участіе въ разрѣшеніи крестьянскаго вопроса. Переписка съ Самаринымъ, Катеневымъ, И. С. Аксаковымъ и др. Кн. 1-я. Ч. первая (1824—1858 г.г.). Первые проекты освобожденія и литературная дѣятельность. Ч. вторая: Кн. Черкасскій и крестьянское дѣло въ губернскихъ комитетахъ. М. 901. Ц. 2 р. 50 к.

Чайковскій, М.—Жизнь Петра Ильича Чайковскаго. Т. II: 1877—1884 г. Вып. 13. М. 902. Ц. вып.—40 к.

Чеховъ, Ант.—Сочиненія. Т. IX: Разсказы. Спб. 902. Ц. 1 р. 50 к.

Шевченко, Т. Г.—Повѣсти. Т. I и II. Кіевъ, 901. Ц. 80 к.

Шенбахъ, Ант.—Чтеніе и образованіе. Совѣты читающимъ. Перев. съ нѣм. Ю. Говсѣева. Кіевъ, 902. Ц. 40 к.

Шенрокъ, В.—П. А. Кулишъ. Біографическій очеркъ. Кіевъ, 901.

Шерръ, I.—Всеобщая исторія литературы. 2-е изд. Вып. 1. Книга 1-я: Востокъ. Подъ редакціей П. Вейнберга. М. 902. Въ 2-хъ томахъ, ц. 5 руб.

Шопенгауэръ, Арт.—Полное собраніе сочиненій. Перев. съ нѣм. п. р. Ю. И. Айхенвальда. Вып. VI: Міръ, какъ воля и представленіе. М. 902. Въ 4-хъ томахъ, ц. 8 руб.

Юнгъ, Ч. А.—Уроки астрономіи, со включеніемъ въ текстъ описанія созвѣздій (уранографія). Краткій вступительный курсъ, безъ математики. Съ англ. П. Я. Морозовъ. Спб. 902. Ц. 1 р. 50 к.

Якобзонъ, Л. Я.—Календарь для матерей на 1902-й годъ. П. р. проф. Н. П. Гундобина. Съ рис. въ текстѣ. 2-й годъ изданія. Спб. 901.

Ѳедоровъ-Давыдовъ, А. А.—Въ досужій часъ. Дѣтскій альманахъ. Сказки, разсказы, пьесы, стихотворенія, басни, очерки, шутки, занятія, игры, шарады, ребусы, загадки и пр. Съ 147 рис. въ текстѣ. М. 902.

Eichhorn, C. — Die Geschichte der St. Petersburger Zeitung. 1727—1902. St.-Petersb. 902.

Moszynski, George.—Lettre ouverte à Monsieur le comte Pierre Golénistchew-Koutousow au sujet de la liberté de conscience en Russie. Cracovie. 902.

Scarzynski, L.—Le Progrès social à la fin de XIX-me siècle. Préface de M. Léon Bourgeois, ancien Président du Conseil des Ministres. Par. 901. Ц. 4 фр. 50 сант.

— Библіотека „Всходовъ“: 1) В. Бизантъ, Два пути, ц. 30 к.; 2) де-Нусанъ, Замокъ чудесъ, ц. 50 к.; 3) Г. Вудъ. Семейство Чаннинговъ, ром., въ передѣлкѣ для дѣтей, А. Анненковой, ц. 60 к.; 4) Д. Пахомовъ, На развалинахъ стараго царства; путевые очерки Кавказа, ц. 75 к.; 5) Лори, Дядя изъ Чикаго, очерки школьной жизни въ Америкѣ, ц. 30 к.; 6) Свирскій, Рыжикъ, приключенія маленькаго бродяги, ц. 80 к. Спб. 902.

— Библіотека „Дѣтскаго Чтенія“: 1) Изъ далекаго прошлаго, воспомин. Д. Мамина-Сибиряка, ц. 1 р. 2) У камелька, разсказы К. С. Баранцевича, съ рис., ц. 30 к. 3) Соколиныя гнѣзда, В. Немировича-Данченко, съ рис., ц. 50 к. 4) О жизни Н. В. Гоголя и его безсмертныхъ сочиненіяхъ, ц. 10 к. 5) Свѣшникова, Князь Серебряный, сокращ. изъ романа гр. А. К. Толстого, 6-е изд. ц. 15 к. 6) Друзья, разск. Н. А. Соловьева-Несмѣлова, съ рис., ц. 5 к. 7) Подъ небомъ Африки, В. Немировича-Данченко, ц. 60 коп. 8) Къ свѣту, пов. Баран-

цевича, ц. 25 к. 9) Портной Ерошка и тараканы, быль въ стихахъ, В. Гиляровскаго, ц. 5 к. 10) Рыцарь слова и жизни. Сервантесъ и его Донъ-Кихотъ, Ив. Ив. Иванова, ц. 50 к. 11) Ловкій башмачникъ, сказка А. Ѳедорова-Давыдова, ц. 20 к. М. 901.

— Екатеринославское Научное общество. Сент.—нояб. 1901 г. Екатеринославъ. 901.

— Опытъ изслѣдованія измѣненій въ хозяйствѣ 14 селеній Повѣнецкаго уѣзда, Олонецкой губерніи, за періодъ 1895—1899—1901 г.г. Петрозаводскъ, 901.

— Отчетъ по лѣсному управленію Мин. Землед. и Госуд. Им. за 1890 г. Спб. 901.

— Отчетъ 18-ый Попечительства Имп. Маріи Александровны о слѣпыхъ за 1900 годъ. Спб. 901.

— Отчетъ по выкупной операціи за 1899 годъ Мин. Финансовъ, Департ. Окладн. Сборовъ. Спб. 901.

— „Подъ знаменемъ науки". Сборникъ въ честь Николая Ильича Стороженка, изданный его учениками и почитателями. М. 902. Ц. 2 р.

— Сборникъ узаконеній о крестьянскихъ и судебныхъ учрежденіяхъ, образованныхъ по закону 12 іюля 1889 г. Изд. Земскаго Отдѣла Мин. Внутр. Дѣлъ 1901 года. Въ 2 частяхъ. Ц. 4 руб.

— Сельско-хозяйственный обзоръ Нижегородской губерніи за 1897—99 г.г. Текстъ. Вып. 1. Н.-Новг. 901.

— Статистическій Ежегодникъ Вятской губерніи за 1899 годъ. Вятка, 901.

— Статистическій Сборникъ по Ярославской губерніи. Вып. 10-й. Яросл. 901.

— Труды Коммиссіи по вопросу объ алкоголизмѣ, мѣрахъ борьбы съ нимъ и для выработки нормальнаго устава заведеній для алкоголиковъ. П. р. М. П. Нижегородцева. Вып. VI. Спб. 901. Ц. 1 р.

— Труды съѣзда дѣятелей агрономической помощи мѣстному хозяйству. 10—19 февр. 1901 г. М. 901.

— Тысяча-девятьсотъ-первый годъ въ сельско-хозяйственномъ отношеніи по отвѣтамъ, полученнымъ отъ хозяевъ. Вып. V. Съ картой. Спб. 901. Изд. Мин. Землед. и Госуд. Имущ.

— Учительская Библіотека: — Ломоносовъ, Ив. Ив. Иванова, ц. 15 к.— Уголовное право и уголовный судъ. Элементарный очеркъ В. А. Гольцева, ц. 15 к. — Волостное правленіе и волостной старшина, Н. П. Дружинина, ц. 20 к. М. 901.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I.

Gerhart Hauptmann. Der rote Hahn. Tragi-Komödie. Berlin. 1901.

Новая пьеса Гауптмана, траги-комедія „Красный пѣтухъ", имѣла при своемъ появленіи на сценѣ сравнительно слабый успѣхъ. Авторъ „Ганнеле", „Потонувшаго колокола" и другихъ поэтическихъ и психологическихъ драмъ въ послѣднее время нѣсколько разочаровываетъ даже своихъ убѣжденныхъ поклонниковъ. Недостатокъ Гауптмана заключается въ его чрезмѣрной склонности къ экспериментамъ въ области драматическаго творчества. Каждая его пьеса является попыткой построить драматизмъ дѣйствія на какомъ-нибудь новомъ психологическомъ мотивѣ. То онъ сплетаетъ сказочныя чудеса съ рѣзкимъ до грубости изображеніемъ реальной нужды и будничныхъ заботъ, какъ въ „Ганнеле", то пишетъ соціальную драму, героемъ которой выставляетъ не отдѣльную личность, а толпу, которая, при всемъ многообразіи составляющихъ ее людей, дѣйствуетъ какъ органическое цѣлое,—на этомъ построенъ драматизмъ „Ткачей"; или же, какъ это было въ началѣ его дѣятельности, онъ писалъ чисто-психологическія драмы, исходя изъ теоріи наслѣдственности, или изъ психологіи людей, одаренныхъ чрезмѣрно-чуткой индивидуальностью,—во всякомъ случаѣ, каждая изъ его пьесъ представляла интересъ и по новизнѣ идеи, и по новизнѣ техническаго исполненія. За послѣдніе годы попытки новаторства не всегда удавались Гауптману. Не хороша была слишкомъ растянутая историческая драма „Флоріанъ Гейеръ"; въ ней сюжетъ Гётевскаго „Гетца фонъ-Берлихингенъ" разработанъ въ духѣ „Ткачей". Нельзя также назвать вполнѣ удачной его попытку написать фарсъ въ старинномъ вкусѣ, гдѣ весь замыселъ исчерпывается комизмомъ положеній и дѣйствія, и гдѣ нѣтъ внутренняго идейнаго замысла. Такова его комедія „Schluck und Jau", написанная на мотивъ пролога къ Шекспировскому „Укрощенію строптивой". Она имѣла успѣхъ на сценѣ, потому что Гауптманъ съ большимъ мастерствомъ возсоздалъ грубоватый юморъ фарса въ духѣ Мольера, или даже средневѣковой „Farce du Maître Patelin". Но все же „Schluck und Jau" ниже его прежнихъ оригинальныхъ драмъ.

Новая его комедія, „Красный пѣтухъ", тоже лишена идейнаго за-

мысла. Это—натуралистическое изображеніе нравовъ и психологіи берлинскаго простонародья; она сдѣлана по нынѣ устарѣвшему рецепту натуралистической школы, считавшей, что изображать жизненную правду значитъ изображать людей какъ можно болѣе низменными и порочными, и показывать торжество порока въ жизни. Пьеса Гауптмана напоминаетъ произведенія натуралистической школы еще и тѣмъ, что въ ней мало дѣйствія. Все вертится вокругъ неинтереснаго происшествія: жена сапожника поджигаетъ свой домъ, чтобы получить страховую премію, и, благодаря своему искусному интриганству, совершенно безнаказанно совершаетъ свой проступокъ и достигаетъ цѣли. Вокругъ этой незамысловатой фабулы сгруппированъ цѣлый рядъ типовъ, стоящихъ приблизительно на томъ же нравственномъ уровнѣ, какъ и хитрая поджигательница вмѣстѣ съ ея придурковатымъ мужемъ, и въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ, въ разговорахъ, ссорахъ и примиреніяхъ рисуется, въ общемъ, весьма неприглядная бытовая картина. Лѣтъ пятнадцать тому назадъ „Красный пѣтухъ" имѣлъ бы несомнѣнный успѣхъ, такъ какъ тогда увлекались „фотографіей дѣйствительности", а въ этомъ смыслѣ Гауптманъ въ своей новой пьесѣ—такой же мастеръ, какъ и прежде: всѣ дѣйствующія лица чрезвычайно жизненны, изображены съ мрачнымъ юморомъ, и низменность ихъ натуръ представлена съ большой простотой; это, въ сущности, не порочные люди, не нарушители нравственнаго закона, потому что у нихъ нѣтъ сознательнаго отношенія къ этому закону; дѣйствіями ихъ руководитъ только борьба за существованіе.

Достоинство траги-комедіи Гауптмана заключается также въ колоритности языка дѣйствующихъ лицъ. Авторъ, какъ и всегда, не обобщаетъ разговорную рѣчь своихъ героевъ общимъ литературнымъ языкомъ. Пьеса его написана на берлинскомъ діалектѣ, причемъ каждое изъ дѣйствующихъ лицъ отражаетъ свою индивидуальность и въ характерѣ своей рѣчи. Это дѣлаетъ пьесу не совсѣмъ удобочитаемой для того, кто незнакомъ съ говоромъ берлинскаго простонародья и съ жаргономъ берлинской интеллигенціи, но характерность и колоритность діалога очень отъ этого выигрываютъ. Несмотря на эти достоинства, пьеса Гауптмана гораздо ниже его прежнихъ произведеній. Она слишкомъ поверхностна. Недостаточно рисовать, хотя бы очень талантливо, дѣйствительность—нужно, чтобы картина жизни отражала какую-нибудь нравственную истину, чтобы, въ ней выяснялся смыслъ явленій. Рисуя уродство жизни, авторъ долженъ или указывать исходъ, или оправдывать дѣйствительность во имя какихъ-либо сознательныхъ идей. Нужно, чтобы обличенію нравовъ противопоставлялась отвлеченная правда, которая нарушена въ жизни. Однимъ только пессимизмомъ нельзя создать гармоніи, нужной для истинно-художественнаго

произведенія. Слабость „Краснаго пѣтуха"—въ томъ, что Гауптманъ ничего не доказываетъ, не дѣлаетъ никакихъ выводовъ, а только рисуетъ торжество мелкаго мошенничества въ разныхъ жизненныхъ обстоятельствахъ. Это представлено очень смѣшно, но читатель совершенно не видитъ смысла представленныхъ событій, не знаетъ, въ чемъ состоитъ правда, которую ищетъ авторъ. Его мелкіе плуты, въ сущности, совершенно не интересны, такъ какъ ихъ понятіе о нравственности находится еще на той ступени, на которой самая пошлая буржуазная мораль уже кажется идеальнымъ совершенствомъ. Въ пьесѣ нѣтъ внутренняго драматическаго конфликта, сложность котораго была бы ясна и намъ, и поэтому, при всей талантливости правдиваго изображенія быта, интересъ пьесы—совершенно внѣшній.

„Красный пѣтухъ"—до нѣкоторой степени продолженіе одной изъ лучшихъ комедій Гауптмана, „Biberpelz". Главныя дѣйствующія лица—тѣ же, описываемые нравы—такіе же; только тамъ шла рѣчь о покражѣ бобровой шубы, здѣсь—о поджогѣ дома. Изъ двухъ комедій первая безконечно выше и по блестящему юмору діалога, и по сатирическому замыслу. Въ ней любопытна параллель, проведенная между судейскимъ чиновникомъ и ловкой плутовкой-прачкой; при всемъ различіи соціальныхъ положеній, чиновникъ и прачка представляютъ одинъ и тотъ же типъ карьеристовъ, занятыхъ устроеніемъ своей судьбы. Судейскій чиновникъ настолько занятъ угодничествомъ высшему начальству, что забываетъ изъ-за этого свои ближайшія обязанности, и потому его чрезвычайно легко обмануть. Прачка Вольфенъ, укравшая шубу,—карьеристка въ плебейскомъ смыслѣ слова и составляетъ pendant къ буржуазному карьеристу. Она настолько же хитра, насколько онъ въ сущности глупъ, и также прикидывается честной, насколько онъ прикидывается проницательнымъ. Она трудолюбива и заботится исключительно о благѣ своей семьи; онъ—лѣнивъ и эгоистиченъ. Поэтому они отлично обдѣлываютъ сообща свои дѣла во вредъ недальновиднымъ честнымъ людямъ. Сатирическая идея комедіи заключается въ обличеніи общаго порядка вещей, при которомъ воры всегда защищены. Гауптманъ намѣренно изображаетъ два воровства въ своей комедіи—кражу дровъ и кражу шубы, причемъ въ обоихъ случаяхъ слѣдователь одинаково попадаетъ въ просакъ; этимъ авторъ хочетъ сказать, что воръ не случайно выпутался изъ бѣды, а что дѣло—въ общихъ условіяхъ и порядкахъ общественнаго строя. Сатира—настолько яркая, и юморъ въ изображеніи лицъ и происшествій—такой блестящій, что нѣкоторые критики сравниваютъ комедію Гауптмана съ „Ревизоромъ" Гоголя.

Въ „Красномъ пѣтухѣ" главное дѣйствующее лицо—та же бывшая прачка Вольфенъ, которая, овдовѣвъ, вышла замужъ за сапожника

Филица, и по прежнему занята честолюбивыми замыслами объ увеличеніи своего благосостоянія, и даже не своего собственнаго, а своего зятя, архитектора Шмаровскаго; она готова на всякія продѣлки, чтобы доставить ему нужныя деньги. Она увѣрена въ томъ, что ему предстоитъ блестящая карьера, и гордится его успѣхами. Своего второго мужа, сапожника, она ни въ грошъ не ставитъ; но такъ какъ безъ его участія не можетъ осуществить своихъ замысловъ, то всячески ухаживаетъ за нимъ, соблазняетъ его картинами будущаго блаженства въ случаѣ удачи ихъ предпріятія, и, такимъ образомъ, одерживаетъ побѣду надъ слабой волей придурковатаго мужа. Онъ болѣе честенъ, чѣмъ жена, и мысль о преступленіи пугаетъ его; но у него есть слабости, которыми жена его ловко пользуется: ему хочется имѣть новую удобную мастерскую, и, главное, повѣсить въ ней часы съ маятникомъ,—перспективу этого блаженства жена рисуетъ ему въ самыхъ заманчивыхъ краскахъ. Планъ обогащенія, который она придумываетъ, заключается въ томъ, чтобы поджечь ихъ ветхій домикъ, застрахованный въ семь тысячъ марокъ, и затѣмъ отдать эти деньги Шмаровскому. Для исполненія своего замысла она пользуется сыномъ ихъ сосѣда, отставного жандарма, идіотомъ Густавомъ. У Густава манія поджигательства, его радуетъ видъ огня, и стоитъ ему увидѣть спички, чтобы тотчасъ же, съ упорствомъ безумца, что-нибудь зажечь. Это очень на руку хитрой сапожницѣ. Она собирается уѣхать на слѣдующій день рано утромъ съ мужемъ въ Берлинъ, но въ то же время подъ какимъ-то предлогомъ велитъ Густаву придти къ ней, не сообщая ему о своемъ отъѣздѣ. Когда Густавъ приходитъ, хозяевъ нѣтъ дома, но изъ окна чердака торчитъ приготовленная старухой Филицъ солома и другой горючій матеріалъ, а на полу валяются спички. Густавъ пользуется удобнымъ случаемъ, чтобы доставить себѣ развлеченіе, поджигаетъ солому, и домъ быстро сгораетъ, потому что хозяева все подготовили для удобнаго распространенія огня. Себя же они огородили отъ подозрѣнія тѣмъ, что пожаръ случился въ ихъ отсутствіе, и что всѣмъ хорошо извѣстна страсть идіота Густава къ поджигательству. Весь юморъ пьесы заключается въ разслѣдованіи о причинахъ пожара. На сценѣ опять тотъ же фонъ-Верханъ, какъ и въ комедіи „Biberpelz". Со свойственной ему безтолковостью онъ ведетъ слѣдствіе самымъ непроизводительнымъ образомъ. Ему важнѣе всего раскрыть какія-то соціалистическія козни, и поэтому онъ заподозриваетъ въ поджогѣ неповинныхъ людей только потому, что они непочтительно говорятъ съ начальствомъ. Вмѣсто того, чтобы вникнуть въ дѣло, онъ произноситъ длинныя рѣчи о безнравственности и безбожіи населенія, о людяхъ, мутящихъ народъ и глумящихся надъ законами. Его возмущаетъ количество пожаровъ въ его округѣ,

но вмѣсто того, чтобы приписать ихъ корыстнымъ цѣлямъ домовладѣльцевъ, онъ во всемъ видитъ происки неблагонамѣренныхъ людей. Главная причина этой близорукости, конечно, въ глупости Верхана, къ которой присоединяется еще его желаніе выслужиться передъ начальствомъ своей зоркостью къ политической неблагонадежности. Въ дѣлѣ Филица онъ всецѣло на сторонѣ пострадавшихъ, по его мнѣнію, домохозяевъ; онъ вѣритъ и причитаніямъ старухи Филицъ, которая, вернувшись изъ Берлина, съ плачемъ врывается въ камеру судьи и жалуется на свое несчастіе; онъ вѣритъ тому, что во время пожара погибли, будто бы, оставленныя въ домѣ деньги, и старается всячески успокоить убитую горемъ женщину и ея мужа, говоритъ торжественныя слова о необходимости уповать на Бога, и т. д. Филицы ему симпатичны, потому что онъ увѣренъ въ ихъ благонамѣренности. Зять старухи, Шмаровскій, въ лучшихъ отношеніяхъ съ пасторомъ и клерикальной партіей, ораторствуетъ на религіозныхъ собраніяхъ, и ему поручена постройка новой церкви,—значитъ, и Филицы честные люди, надъ которыми стряслась бѣда. Всѣ сосѣди Филицовъ, вызванные Верханомъ въ камеру, отлично понимаютъ, что старуха играетъ комедію, и что она—истинная виновница пожара; одинъ только Верханъ, ведущій слѣдствіе, безконечно далекъ отъ истины. Онъ арестуетъ идіота Густава, несмотря на протесты доктора, говорящаго, что во всякомъ случаѣ Густавъ—больной, а не преступникъ. Филицовъ Верханъ отпускаетъ, напутствуя ихъ словами утѣшенія, а отцу Густава, который безпомощно возстаетъ противъ ареста сына, онъ говоритъ прочувствованныя слова о правосудіи, о вѣчномъ Судіѣ, который требуетъ наказанія преступника, и о томъ, что всякое преступленіе непремѣнно въ концѣ концовъ обнаружится. Такимъ образомъ, слѣдствіе заканчивается полнымъ торжествомъ виновныхъ. Въ четвертомъ актѣ рисуется дальнѣйшая судьба замѣшанныхъ въ исторію поджога лицъ, причемъ оказывается, что выигралъ во всемъ этомъ дѣлѣ только наиболѣе несимпатичный человѣкъ изъ всей компаніи—Шмаровскій. Онъ закончилъ постройку церкви, и его чествуютъ какъ героя торжества, устроиваемаго по случаю окончанія постройки. На деньги Филицовъ онъ построилъ себѣ домъ и продолжаетъ требовать отъ тещи все больше и больше денегъ, совершенно не обращая вниманія на протесты старика Филица, которому въ новомъ домѣ даже не оставлено предполагаемаго помѣщенія для мастерской. У старухи Филицъ увеличились только заботы послѣ совершеннаго ею для зятя преступленія. Она должна ублажать мужа для того, чтобы онъ, въ своей злобѣ на Шмаровскаго, не разсказалъ правды на банкетѣ въ честь ея зятя. Она всячески ублажаетъ также и отца Густава, который не перестаетъ надѣяться на оправданіе сына и искать доказательствъ виновности

самой Филицъ. Она опаиваетъ отставного жандарма, пользуясь его слабостью къ вину, и въ дружеской бесѣдѣ искренно говоритъ ему, что, въ сущности, она больше всѣхъ пострадала въ этой исторіи, потому что обрушившіяся на нее заботы окончательно подорвали ея здоровье. Пьеса заканчивается смертью старухи, и смертью очень жалкой, потому что никому какъ-то нѣтъ дѣла до нея; мужъ ея, слабоумный и всецѣло занятый собою, совершенно равнодушно относится къ словамъ доктора о томъ, что старуха замолкла навсегда. Только у ея дочери вырывается крикъ ужаса,—а издали слышны крики, которыми гости привѣтствуютъ героя торжества, строителя церкви—Шмаровскаго.

Сатирическій замыселъ пьесы смягчается драматизмомъ смерти старухи Филицъ, которая хотя и обманывала всю жизнь кого могла, но дѣлала это не ради самой себя, — ея собственная жизнь заключалась въ непрерывномъ трудѣ и борьбѣ,—а во имя ложно понятаго долга относительно семьи. Ея страданія и смерть поэтому вовсе не кара за преступленіе, а очень вѣрный, въ житейскомъ смыслѣ, финалъ обыденной человѣческой судьбы. Человѣкъ живетъ всякими правдами и неправдами, ставитъ выше совѣсти непосредственное благо близкихъ ему людей, и этотъ болѣе широкій эгоизмъ дѣлаетъ его жертвой того же насажденнаго имъ въ другихъ эгоизма. Старуха Филицъ все дѣлала для своихъ, и считала себя по своему правой. Ей удавалось всегда достигать желаемаго, всѣхъ провести, все раздобыть для нуждъ своей семьи. Погибаетъ же она вовсе не потому, что проступки ея раскрыты,—передъ другими, передъ начальствомъ, даже передъ невинными жертвами своихъ эгоистическихъ замысловъ, передъ Густавомъ и его отцомъ, она умѣетъ очиститься и примирить ихъ съ собою. Безпощадны къ ней лишь тѣ „свои", ради которыхъ она жила: зять, которому она достала деньги, совершивъ поджогъ, и мужъ, о благѣ котораго она заботилась. Они—виновники тревоги, подкосившей ея надломленное вѣчнымъ трудомъ и вѣчными заботами здоровье. Она умираетъ, не сознавая, чья она въ сущности жертва,—но дѣло не въ этомъ сознаніи, а въ той правдѣ, которая сказывается въ непосредственныхъ фактахъ дѣйствительности, очень логичныхъ, несмотря на свою кажущуюся случайность.

Таковъ психологическій замыселъ пьесы, облагороженной очень жизненнымъ трагизмомъ судьбы героини. Но, все-же, главное содержаніе сводится къ сатирѣ нравовъ, къ изображенію торжества хитрости и практичности однихъ, поддерживаемыхъ глупостью и близорукостью другихъ. Обще-человѣческаго интереса пьеса не представляетъ, потому что изображенная въ ней среда носитъ слишкомъ ужъ узкій мѣстный характеръ и нравы слишкомъ исключительны.

II.

Arthur Schnitzler. Lebendige Stunden. Vier Einakter. Berlin, 1902. Стр. 160.

Артуръ Шницлеръ еще молодой писатель, но уже съ вполнѣ опредѣлившейся индивидуальностью. Это блестящій, колоритный и пикантный разсказчикъ и драматургъ. Онъ всегда занятъ мыслью о противорѣчіи между обыденнымъ теченіемъ человѣческой жизни и высшими вопросами человѣческаго существованія. Только моменты напряженнаго душевнаго состоянія, когда вдругъ выясняется все спавшее и несознанное въ мысляхъ и чувствахъ, Шницлеръ называетъ жизнью; все остальное—бездумное, растительное существованіе. Скрытая правда души раскрывается иногда лишь на одинъ моментъ, съ тѣмъ, чтобы снова смѣниться однообразнымъ теченіемъ будничной дѣйствительности, но этотъ моментъ и есть жизнь, въ немъ—весь ея смыслъ. Богатая художественная фантазія Шницлера всецѣло направлена на созиданіе положеній, въ которыхъ жизнь людей загорается огнемъ правды. Его интересуютъ только минуты напряженія душевной жизни, и поэтому ему менѣе всего удаются большія повѣсти и романы, или цѣльныя драмы; въ нихъ нужно представить назрѣваніе чувствъ, развитіе характеровъ, т.-е. будничную дѣйствительность, кажущуюся ему безцѣльнымъ прозябаніемъ. Но зато онъ мастеръ въ области коротенькихъ психологическихъ очерковъ и сжатыхъ одноактныхъ пьесъ, въ которыхъ сразу вспыхиваетъ трагизмъ, освѣщая затаенную сторону жизни. Въ центрѣ каждаго изъ его разсказовъ стоитъ какой-нибудь трагическій случай; онъ производитъ переворотъ въ душѣ героя или героини, причемъ все предшествующее катастрофѣ намѣчается совершенно вскользь. Характеристика индивидуальной личности его не интересуетъ—ему важно показать, что будитъ въ типичной человѣческой душѣ внезапно врывающійся въ нее трагизмъ, и какъ несознаваемая среди будничнаго спокойствія правда вдругъ выступаетъ наружу, все мѣняя и въ чувствахъ, и въ дѣйствіяхъ. Каждая изъ короткихъ повѣстей Шницлера представляетъ какъ бы психологическій экспериментъ, рисующій пробужденіе души подъ вліяніемъ роковыхъ обстоятельствъ.

Въ разсказахъ Шницлера на первомъ планѣ стоитъ всегда драматическій моментъ, какая-нибудь катастрофа, кореннымъ образомъ мѣняющая ходъ жизни; совершенно естественно поэтому, что, начавъ свою литературную дѣятельность съ короткихъ разсказовъ, онъ постепенно сосредоточился на драматическомъ творчествѣ. Но пьесы Шницлера—совершенно особаго рода. Онъ написалъ нѣсколько ко-

медій обычнаго типа, гдѣ дѣйствіе развивается въ теченіе трехъ актовъ, гдѣ характеры и фабула разработаны съ логической послѣдовательностью. Таковы „Сказка“, „Завѣщаніе“, „Liebelei“, „Freiwild“ и др. Но и въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, въ особенности въ „Liebelei“, Шницлеръ пренебрегаетъ цѣльностью дѣйствія и предпочитаетъ давать рядъ отдѣльныхъ сценъ, т.-е. опять-таки намѣчать моменты, когда особенно сильно высказывается чувство, освобожденное отъ тисковъ условности, когда душа взволнована какимъ-нибудь внѣшнимъ событіемъ.

Наиболѣе самобытенъ, блестящъ и даже глубокъ Шницлеръ въ своихъ серіяхъ одноактныхъ пьесъ. Это совершенно новая форма драматическаго творчества, возникшая въ литературѣ сравнительно недавно. Она создана была не Шницлеромъ — до него написаны знаменитые „Morituri“ Зудермана; три отдѣльныя пьесы, обобщенныя идеей о томъ, какъ отражается на человѣкѣ и на окружающихъ его возможная близость его смерти. Во Франціи тоже въ послѣднее время очень процвѣтаетъ писаніе одноактныхъ комедій и драмъ, но тамъ это вызвано особенными причинами. Парижская публика не имѣетъ терпѣнія слушать длинныя пьесы, длящіяся цѣлый вечеръ—она предпочитаетъ сборныя представленія изъ отдѣльныхъ короткихъ вещей, дающихъ возможность, пробывъ въ театрѣ какой-нибудь часъ, вынести цѣльное впечатлѣніе; поэтому тамъ ставятся въ одинъ вечеръ короткія пьесы разныхъ авторовъ, не имѣющія между собою ничего общаго. Одноактныя пьесы Шницлера -въ другомъ родѣ, и подходятъ скорѣе къ типу „Morituri“. Это серіи пьесъ, объединенныхъ общностью не содержанія, а идейнаго замысла. Въ характерѣ всего творчества Шницлера лежитъ своего рода отрывчатость, умѣнье схватывать отдѣльные яркіе моменты, а не развивать со строгой логичностью одно какое-нибудь положеніе. Фантазія и художественная интуиція преобладаютъ въ немъ надъ разсудочностью, и поэтому ему гораздо легче освѣтить свою мысль множествомъ мѣняющихся образовъ, чѣмъ сосредоточиться на одномъ мотивѣ и углубить его до конца. Эта манера имѣетъ и свои слабыя стороны, но и очень большія художественныя преимущества. Слабость ея въ томъ, что мысль автора лишь слегка намѣчена. Онъ какъ бы только даетъ толчокъ зрителю или читателю его пьесы, обращаетъ его вниманіе на извѣстнаго рода дилемму, на роковое противорѣчіе кажущагося и дѣйствительнаго, на невозможность отдѣлить истинное отъ притворнаго, постоянное отъ преходящаго въ душѣ людей—и, освѣтивъ своимъ блестящимъ вымысломъ эти роковыя противорѣчія, отходитъ, не дѣлая никакихъ выводовъ; онъ—только созерцатель, который со свойственной ему проницательностью видитъ даже то, что скрыто отъ взо-

ровъ менѣе воспріимчивыхъ людей, испытываетъ при этомъ или грусть, или отраду, но не углубляетъ своихъ настроеній, не дѣлаетъ никакихъ заключеній. Но въ художественномъ отношеніи манера Шницлера стоитъ чрезвычайно высоко. Онъ необыкновенно блестящъ въ подыскиваніи положеній, освѣщающихъ его мысль, съ огромнымъ психологическимъ чутьемъ подмѣчаетъ самое болѣзненное, самое роковое въ тревожныхъ контрастахъ жизни, и затѣмъ съ поразительнымъ драматизмомъ изображаетъ трагическое сцѣпленіе обстоятельствъ. Сжатость дѣйствія усиливаетъ яркость драматическаго элемента, тѣмъ болѣе, что Шницлеръ всегда пишетъ въ легкомъ, полу-шутливомъ тонѣ, въ который мощнымъ аккордомъ вливается внезапно вспыхивающій скрытый трагизмъ. Такова серія отдѣльныхъ сценъ подъ заглавіемъ „Анатоль", гдѣ рисуется веселая жизнь безпечнаго свѣтскаго человѣка, его мимолетныя интриги со столь же легкомысленными женщинами, какъ и онъ, и наконецъ завершеніе его холостой жизни женитьбой. Въ этихъ картинкахъ безпечнаго, легкаго отношенія къ жизни всегда звучитъ грустная нота. И Анатоль, и его друзья, и его веселыя подруги всегда чувствуютъ какую-то грустную правду, испытываютъ болѣзненное желаніе заглянуть въ нее, испытать прочность своихъ радостей—и всегда боятся момента, когда правда можетъ открыться, и живутъ на тонкомъ рубежѣ между весельемъ и отчаяніемъ, въ сознаніи контрастовъ своей жизни, съ боязнью углубить и понять ихъ. Съ наибольшимъ блескомъ талантъ Шницлера проявился въ пьесахъ, составляющихъ трилогію „Зеленый попугай". Въ ней задѣтъ одинъ изъ самыхъ глубокихъ вопросовъ, волновавшихъ многихъ великихъ писателей прежнихъ временъ, — вопросъ о тѣсномъ сплетеніи кажущагося и дѣйствительнаго въ жизни. Этотъ мотивъ геніально разработанъ Кальдерономъ въ „Жизнь есть сонъ", намѣченъ Шекспиромъ въ „Венеціанскомъ купцѣ", въ исторіи трехъ шкатулокъ, предлагаемыхъ Порціей искателямъ ея руки. Шницлеръ не вноситъ большой глубины въ свой сюжетъ, но поражаетъ богатствомъ и разнообразіемъ очень жизненныхъ, ярко освѣщенныхъ положеній и образовъ. Онъ подступаетъ къ иллюстраціи своей мысли съ самыхъ различныхъ сторонъ. Въ первой пьесѣ смерть становится голосомъ правды, раскрывая мужу внезапно умершей женщины всю праздность его самоотверженнаго отношенія къ святынѣ ея чувствъ, къ ея любви къ молодому доктору. Изъ намековъ пріятельницы его умершей жены и изъ оставшихся послѣ нея писемъ вдовецъ узнаетъ, что онъ напрасно возводилъ въ святыню пустую, легкомысленную интригу скучавшей отъ бездѣлья женщины. Его иллюзія, доставлявшая ему большія нравственныя муки, все-же была ему безконечно дорога, и правда, развѣнчавшая его мнимую „подругу жизни", мучительнѣе для него, чѣмъ самая ея

смерть. Во второй пьесѣ, „Зеленый попугай", та же мысль освѣщена антитезой перваго положенія; вмѣсто истины, обличающей притворство, здѣсь намѣренное притворство оказывается истиной, скрытою для самихъ притворяющихся. Актеры, въ угоду извращенному вкусу аристократической публики, разсказываютъ о себѣ небылицы; увѣренный въ своей женѣ мужъ выдумываетъ исторію ея измѣны—а измѣна эта въ дѣйствительности совершена; въ то время какъ разсказчикъ играетъ роль, описывая, какъ онъ убилъ своего соперника, всѣ увѣрены въ правдѣ его словъ; потому что всѣ, кромѣ него, знаютъ о поведеніи его жены. Притворство и истина неразрывно сплетаются, приводя къ катастрофѣ, причемъ параллельно съ загадочностью судьбы отдѣльныхъ людей идетъ и спутанность грозныхъ историческихъ событій. Публика въ своего рода cabaret artistique думаетъ, что актеры разыгрываютъ сцены народнаго бунта, и апплодируетъ удачному представленію, а на самомъ дѣлѣ происходитъ взятіе Бастиліи, и шутка стала грозной дѣйствительностью. Наивный юноша аристократъ, пришедшій изъ любопытства въ странный кабачокъ, тщетно пытается разобраться въ томъ, что онъ видитъ, не понимая, кто изъ присутствующихъ—актеры, кто—публика, которая изъ женщинъ—fille de brasserie, которая—маркиза, когда говорятъ правду, когда притворяются,—до того все и всѣ сливаются въ общую кошмарную картину. Его наивные вопросы выражаютъ въ нѣсколько сатирическомъ свѣтѣ отношеніе самого автора къ неразгаданности событій жизни,—и только конечная катастрофа ставитъ ясную грань между игрой и дѣйствительностью. Въ третьей пьесѣ, „Парацельзій", Шницлеръ вводитъ для новой иллюстраціи своей мысли элементъ гипнотизма. Рѣчи женщины, которая подъ гипнозомъ сознается въ несовершенныхъ ею, но вполнѣ возможныхъ въ дѣйствительности проступкахъ, и съ другой стороны раскрываетъ истины, которыя всѣ знали, но не рѣшались высказать, окончательно спутываютъ предѣлы дѣйствительнаго и воображаемаго и приводятъ автора къ изреченію, резюмирующему весь смыслъ трилогіи: „вся жизнь—игра; мудрецъ—кто это знаетъ".

Въ настоящее время вышла новая серія одноактныхъ пьесъ Шницлера, подъ общимъ заглавіемъ: „Живые часы" („Lebendige Stunden"). Четыре пьесы разнаго содержанія опять служатъ разнороднымъ освѣщеніемъ общей основной мысли. На этотъ разъ сюжетъ Шницлера—болѣе узкій. Въ немъ нѣтъ общечеловѣческой вѣчной истины, а взята психологія опредѣленной группы людей и показано отношеніе ихъ къ живой дѣйствительности. И въ этихъ пьесахъ Шницлера интересуетъ контрастъ между выдуманною дѣйствительностью, которую создаютъ себѣ эти люди, и живой жизнью съ ея непосредственными ощущеніями. Эти люди, внутреннюю жизнь которыхъ Шницлеръ противопоставляетъ

живой дѣйствительности,—писатели или художники. Онъ занимается психологіей профессіональнаго творчества, которою въ свое время занимались Гонкуры, но, въ противоположность французскому романисту, онъ не идеализируетъ эгоизмъ художниковъ, готовыхъ пожертвовать всѣмъ міромъ для своей работы, а напротивъ того, съ легкой ироніей отмѣчаетъ суетность самообольщенія художника, показывая, насколько каждый „живой часъ“ выше, содержательнѣе и значительнѣе для души, чѣмъ все, что̀ можетъ создать художникъ. Основная мысль всѣхъ четырехъ пьесъ—превосходство живой дѣйствительности надъ искусствомъ. Тема эта, какъ и всѣ, затрогиваемыя Шницлеромъ,—не новая. Изъ новѣйшихъ писателей ее развиваетъ Ибсенъ въ послѣдней своей драмѣ: „Когда мы мертвые пробуждаемся“, и вкладываетъ всю силу своей угрюмой сѣверной фантазіи въ изображеніе трагическаго конфликта между требованіями искусства и требованіями жизни. Шницлеръ только намѣчаетъ контрасты, останавливается на отдѣльныхъ моментахъ этой розни и создаетъ картинки жизни, очень грустныя и очень художественно написанныя. Каждая изъ короткихъ пьесъ сводится къ бесѣдѣ между нѣсколькими лицами; драматическое дѣйствіе почти совершенно отсутствуетъ въ пьесахъ, но онъ такъ искусно выбираетъ положенія, въ которыхъ бесѣда происходитъ, беретъ такія характерныя отношенія между бесѣдующими, что въ словахъ ихъ ясно вырисовывается психологическій вопросъ, интересующій автора.

Первая пьеса носитъ названіе „Живые часы“ и заключается въ разговорѣ между старымъ человѣкомъ, у котораго умерла любимая имъ женщина, и сыномъ этой женщины. Отношенія этихъ двухъ людей такъ драматично намѣчены, что читателю становится страшно за то, что̀ можетъ выйти изъ этой бесѣды. Чувствуется, что имъ лучше не говорить другъ съ другомъ, потому что тотъ или другой скажетъ непоправимыя слова и выяснитъ ту трагическую правду, которую лучше не знать, потому что, узнавъ ее, трудно жить. Въ этомъ умѣньѣ изображать психологическіе моменты, когда душа человѣческая рвется наружу, на пагубу самой себѣ, и заключается мастерство Шницлера. Дѣйствія нѣтъ, ничто не мѣняется, но люди поставлены въ такое положеніе, что они заглядываютъ въ смыслъ своего прошедшаго и своего настоящаго, и высказываютъ то, что̀ должно быть скрыто. Теченіе ихъ внѣшней жизни отъ этого, быть можетъ, не измѣнится, но въ душу входитъ отрава, мутящая источники жизни. Старикъ тихо скорбитъ объ умершей подругѣ, которую онъ узналъ и полюбилъ уже не будучи молодымъ, когда она осталась одна съ ребенкомъ, брошенная любимымъ ею человѣкомъ. Сынъ ея привыкъ къ старому другу своей матери, знаетъ объ ихъ любви, и теперь, когда мать умерла, пріѣзжаетъ къ старику въ его загород-

ный домикъ, чтобы и его утѣшить, и поговорить о своемъ собственномъ горѣ. Старикъ нѣсколько холодно и иронически говоритъ съ молодымъ человѣкомъ; онъ боится бесѣды съ нимъ, боится открыть мучащую его тайну—онъ знаетъ, отчего умерла его подруга; но юноша, съ безпечнымъ эгоизмомъ своего возраста, касается самыхъ больныхъ мѣстъ въ душѣ старика, и тотъ, не выдержавъ, открываетъ ему правду. Юноша—писатель, поэтъ; творчество для него важнѣе всего на свѣтѣ. Онъ говоритъ о томъ, какъ тяжела ему смерть матери, но даетъ понять, что самымъ тяжелымъ для него была ея долгая болѣзнь, мѣшавшая ему работать. Онъ съ легкостью говоритъ о томъ, что, по мнѣнію докторовъ, она могла бы прожить еще нѣсколько лѣтъ, но среди безконечныхъ страданій, и видно, что юноша не жалѣетъ о томъ, что смерть случилась раньше, и что болѣзнь матери перестала быть для него препятствіемъ для работы. Тогда старикъ, возмущаясь его безсознательнымъ эгоизмомъ, изливаетъ всю горечь, накопившуюся въ душѣ. Онъ говоритъ, что не вѣритъ въ скорбь сына о матери, потому что достаточно знаетъ, какова психологія писателей и художниковъ, не умѣющихъ даже страдать, потому что и скорбь для нихъ только предлогъ для утѣшающаго ихъ творчества. Юноша старается найти оправданіе этой психологіи, говоритъ, что, все равно, нужно мириться съ неизбѣжнымъ, и что если художникъ извлекаетъ даже изъ печали пользу для своей души, для своего творчества, то это нельзя ставить ему въ вину. Но его философія еще болѣе возмущаетъ старика, и въ порывѣ негодованія онъ говоритъ юношѣ, что именно эта его писательская психологія и послужила причиной смерти его матери. Она чувствовала, что служитъ помѣхой сыну, знала, что для него важнѣе всего его творчество, и чтобы не отвлекать его годами отъ дѣла, отравилась, объяснивъ причину своей смерти въ письмѣ къ другу. Живая жизнь принесена въ жертву призрачному творчеству, и сынъ косвенно сталъ какъ бы убійцей матери. Онъ не долженъ былъ этого знать, такъ какъ она просила друга навсегда скрыть ея письмо, и тѣмъ, что онъ нарушилъ ея волю, онъ уничтожилъ значеніе ея подвига. Это юноша и ставитъ ему въ упрекъ. Но старикъ не раскаивается. Пусть художникъ знаетъ, что въ своемъ самообольщеніи онъ убиваетъ жизнь, и что это—глубокая несправедливость. „Ты съ этимъ горемъ справишься,—говоритъ онъ ему.—Черезъ нѣсколько дней тебѣ даже покажется, что она только исполнила свой долгъ. Развѣ я не правъ, развѣ не всѣ вы похожи другъ на друга? Всѣ вы—гордецы,—всѣ вы, отъ великаго до малаго. Что ты, со всѣмъ твоимъ писаніемъ, даже еслибы ты былъ величайшимъ геніемъ, въ сравненіи съ однимъ часомъ, съ однимъ живымъ часомъ, когда твоя мать сидѣла здѣсь въ креслѣ и говорила съ нами или

даже молчала—но была здѣсь, была жива"?! Въ этихъ словахъ о „живомъ часѣ", который выше всего созидаемаго искусства, и заключается идея всѣхъ пьесъ. Молодой поэтъ протестуетъ, говоритъ, что искусство длитъ воспоминаніе о живыхъ часахъ, но авторъ—на сторонѣ старика, т.-е., въ сущности, онъ, по обыкновенію, не дѣлаетъ окончательнаго вывода, а только указываетъ на глубокую рознь между психологіей художника и непосредственнымъ чувствомъ человѣка, для котораго жизнь есть все. Онъ съ грустью отмѣчаетъ трагизмъ этой розни и предоставляетъ читателю рѣшить, кто правъ.

Во второй пьесѣ: „Женщина съ кинжаломъ", Шницлеръ возвращается къ той же темѣ, трактуя ее при помощи чисто фантастическаго вымысла. Дѣйствіе происходитъ въ картинной галереѣ, въ Италіи, передъ старой картиной, изображающей женщину съ кинжаломъ въ поднятой рукѣ: она глядитъ на землю, какъ бы видя передъ собой убитаго ею человѣка. Картину разсматриваетъ влюбленная парочка, ведущая оживленный разговоръ. Молодой человѣкъ, Леонардъ, страстно говоритъ своей спутницѣ, Полинѣ, о любви къ ней, убѣждаетъ ее покинуть мужа, знаменитаго драматическаго писателя, и уѣхать съ нимъ. Онъ говоритъ объ унизительности ея положенія, о томъ, что ея мужъ, не щадя святыни ея чувствъ, изображаетъ въ своихъ пьесахъ всю интимную сторону ихъ семейной жизни; Леонардъ говоритъ, что его непосредственная любовь дастъ ей больше счастья, чѣмъ любовь мужа, слишкомъ поглощеннаго своимъ творчествомъ для того, чтобы сохранить для жены полноту чувствъ. Молодая женщина почти согласна съ этимъ, тѣмъ болѣе, что страстная любовь юноши возбудила въ ней отвѣтное чувство,—но она колеблется, противится своему влеченію и отказывается придти вечеромъ на свиданіе. Но тогда передъ глазами Полины и Леонарда происходитъ странное видѣніе. Не даромъ она говорила о томъ, что женщина на картинѣ похожа на нее. Въ фантастическомъ видѣніи она оказывается этой самой женщиной, итальянкой Паулой, женой художника Ремигіо. Онъ пишетъ съ нея картину, которая стоитъ на мольбертѣ еще незаконченною—поднятой руки съ кинжаломъ еще на картинѣ нѣтъ. Ремигіо уѣхалъ, и въ его отсутствіе Паула увлеклась его ученикомъ Леонардо, отдалась ему, но, понимая, что это былъ капризъ, и по прежнему любя мужа, она его прогоняетъ и глумится надъ его чувствомъ. Леонардо не успѣваетъ уйти до возвращенія учителя, и гордая Паула сразу сознается во всемъ мужу. Леонардо требуетъ, чтобы учитель считался съ нимъ за оскорбленіе, но Ремигіо чувствуетъ къ нему только презрѣніе, и просто гонитъ его вонъ. Леонардо грозитъ все открыть и опозорить учителя, и тогда Паула, выхватывая кинжалъ, убиваетъ его. Тогда въ Ремигіо просыпается художникъ. Онъ уви-

дѣлъ движеніе, нужное ему для картины, и ему кажется, что вся драма произошла только для того, чтобы дать ему то, что ему нужно для его творчества. Паула понимаетъ, что мужъ ея—только художникъ, и что нѣтъ въ немъ живыхъ непосредственныхъ чувствъ. Видѣніе исчезаетъ; Полина и Леонардо—снова въ картинной галереѣ передъ картиной, и не знаютъ, что съ ними въ сущности произошло; но Полина, поглядѣвъ на картину и потомъ на юношу, съ твердостью говоритъ ему, что придетъ къ нему вечеромъ на свиданіе. Искусство и жизнь исключаютъ другъ друга, и молодая женщина уходитъ туда, куда ее влечетъ жизнь.

Болѣе трагическій оттѣнокъ носитъ освѣщеніе той же мысли въ третьей пьесѣ: „Послѣднія маски". Озлобленный неудачей писатель Радемахеръ умираетъ въ больницѣ. Онъ проситъ доктора не скрывать отъ него безнадежности его положенія, потому что у него есть долго таившееся въ его душѣ желаніе, которое онъ можетъ исполнить лишь тогда, когда будетъ навѣрное знать, что умираетъ. Докторъ колеблется, но, не говоря ничего рѣшительнаго, все-таки совѣтуетъ ему исполнить его желаніе. Тогда Радемахеръ проситъ призвать къ нему его бывшаго товарища, нынѣ знаменитаго писателя Вейгаста, и позволить ему побесѣдовать съ нимъ четверть часа. Докторъ хотя и понимаетъ странность этого желанія, но берется исполнить его, тѣмъ болѣе, что знаменитый писатель—его знакомый. До прихода Вейгаста, Радемахеръ объясняетъ своему больничному пріятелю-актеру, зачѣмъ ему понадобилось свиданіе съ его бывшимъ товарищемъ. Актеръ, тоже неудачникъ, понимаетъ психологію умирающаго, и предлагаетъ ему сдѣлать репетицію свиданія. Онъ беретъ на себя роль Вейганда, и озлобленный писатель высказываетъ ему всю злобу и горечь, накопившуюся у него противъ счастливаго товарища, низводитъ его славу, доказываетъ, что онъ ничего не стоитъ, доказываетъ свое превосходство, злословитъ о личной жизни Вейганда, и даже говоритъ о томъ, что жена Вейганда измѣняла мужу и была возлюбленной его самого, жалкаго, умирающаго теперь Радемахера. Но сцена свиданія разыгрывается совершенно не такъ, какъ предполагалъ умирающій. Вейгандъ пришелъ съ добрымъ чувствомъ къ старому товарищу, и вмѣсто того, чтобы слушать его, искренно говоритъ о себѣ, о своей жизни; о своихъ кажущихся успѣхахъ и дѣйствительныхъ заботахъ; о мелочахъ, отравляющихъ его жизнь; о своихъ надеждахъ; и этотъ разсказъ какъ-то странно успокоиваетъ умирающаго. Счастье знаменитаго писателя уже не кажется завиднымъ Радемахеру, а его профессіональные интересы и заботы кажутся ему, стоящему на порогѣ смерти, только суетными. Онъ примиренно прощается со своимъ товарищемъ, не сказавъ ему ни слова изъ того,

что̀ хотѣлъ сказать. Когда актеръ приходитъ къ нему, чтобы узнать о результатѣ свиданія, Радемахеръ, почти не слыша разспросовъ актера, говоритъ: „Какъ жалки люди, которые должны жить и завтра"! Актеръ настаиваетъ на разспросахъ, напоминаетъ Радемахеру о его желаніи, но Радемахеръ говоритъ теперь совсѣмъ иное: „Что̀ мнѣ за дѣло до него? Что̀ мнѣ за дѣло до его счастья, до его заботъ? Намъ, въ сущности, не о чемъ было разговаривать; у меня нѣтъ ничего общаго съ людьми, которые завтра еще будутъ жить на свѣтѣ". Вся важность писательской психологіи поблѣднѣла, высказанная передъ лицомъ приближающейся смерти. Шницлеръ опять съумѣлъ изобразить такой глубокій психологическій моментъ, когда контрасты дѣйствительно рокового и призрачнаго выступаютъ особенно ярко и, опять-таки, заставляютъ задумываться о томъ, гдѣ правда—на сторонѣ ли призрачнаго міра художника, или трагизма дѣйствительности.

Послѣдняя изъ четырехъ пьесъ, „Literatur", болѣе шутливаго содержанія. Писательница выходитъ замужъ за спортсмена, свѣтскаго человѣка, презирающаго ея бывшую профессію. Она увѣряетъ его, что все, что̀ она прежде писала, всѣ ея страстные стихи, были чистой фантазіей, не имѣющей ничего общаго съ ея собственными переживаніями. На самомъ дѣлѣ это не такъ. Литература для нея была переплетена съ жизнью, и она воспѣвала любовь къ одному изъ своихъ сотоварищей. Несмотря на свое обѣщаніе отказаться отъ литературы, она написала теперь большой романъ, въ которомъ, подъ предлогомъ выдумки, изобразила дѣйствительныя происшествія, и даже помѣстила переписку съ бывшимъ своимъ возлюбленнымъ,—она всегда сохраняла черновыя своихъ собственныхъ писемъ. Женихъ настаиваетъ на уничтоженіи романа до появленія въ печати, она не соглашается, и готова лучше разстроить бракъ. Женихъ уходитъ, и въ его отсутствіе является бывшій возлюбленный писательницы, герой ея романа. Оказывается, что и онъ написалъ романъ, касающійся ихъ общихъ воспоминаній, и тоже помѣстилъ переписку, такъ какъ сохранялъ черновики. Все дѣло въ томъ, что для этихъ людей мысль о литературѣ всегда убивала непосредственность чувствъ. Писательница въ ужасѣ, и когда женихъ ея возвращается, она объявляетъ, что готова уничтожить романъ. Женихъ ея объясняетъ, что онъ только-что самовольно далъ это распоряженіе издателю, и принесъ съ собой единственный экземпляръ для себя. Но писательница, боясь, чтобы женихъ, прочтя ея романъ и романъ ея бывшаго пріятеля, не понялъ правды, бросаетъ единственный экземпляръ въ огонь, говоря жениху, что это дѣлается во имя любви къ нему. Вся эта сценка—легкая сатира на психологію и нравы нѣмецкихъ литератур-

ныхъ кружковъ и еще одна иллюстрація мысли о торжествѣ жизни надъ искусствомъ.—З. В.

III.

Ratzenhofer, Gustav. Positive Ethik. Leipzig, 1901.

Въ исторіи бывали примѣры, хотя и не частые, что военные увлекались философіею. Такъ, „генералъ" Ксенофонтъ увлекся философіей Сократа и написалъ о немъ воспоминанія. Раймундъ Люллій былъ, какъ кажется, почти военнымъ; лордъ Гербертъ Шербюри, бросивъ военную службу, написалъ книгу объ истинѣ; наконецъ, въ наши дни, Э. Гартманнъ сначала занимался артиллеріей, а потомъ, съ успѣхомъ,—философіей. Но все-же явленіе весьма рѣдкое, чтобы лицо, носящее столь высокій военный чинъ, какъ „K. K. Feldmarschall-leutenant",—занялось философіей; Ксенофонтъ и Раценгоферъ—другихъ примѣровъ мы не знаемъ.

О военныхъ сочиненіяхъ г. Раценгофера мы не будемъ говорить: они—обширны и разнообразны. На ряду съ сочиненіями: „Мольтке и Гамбетта" и „Принцъ Евгеній", которыя представляютъ, по всей вѣроятности, интересъ и для штатскихъ, г. Раценгоферъ писалъ сочиненія и по тактикѣ, напр.: „Die Staatswehr". Философскими вопросами фельдмаршалъ-лейтенантъ увлекся лишь недавно, но успѣлъ уже выпустить въ свѣтъ четыре сочиненія, изъ коихъ одно, „Wesen und Zweck der Politik", состоитъ изъ трехъ томовъ. Болѣе философскаго интереса представляетъ сочиненіе: „Der Positive Monismus", въ которомъ Раценгоферъ излагаетъ свое философское profession de foi, и „Die Sociologische Erkenntniss", въ которомъ онъ обращается къ вопросамъ соціологіи. Наконецъ, сочиненіе только-что вышедшее, заглавіе котораго значится въ началѣ нашей статьи, разсматриваетъ вопросы этики. Этическіе вопросы и ихъ рѣшеніе связаны у Раценгофера съ его общими воззрѣніями, которыя онъ самъ характеризуетъ названіемъ „позитивнаго монизма" и считаетъ за нѣчто вполнѣ новое. Въ дѣйствительности же новаго и оригинальнаго въ основныхъ воззрѣніяхъ весьма мало, за исключеніемъ развѣ той смѣлости, съ которою онъ ихъ высказываетъ. Его воззрѣнія настолько мало новы, что они могутъ быть сопоставлены съ гилозоизмомъ древнихъ грековъ. Несмотря, однако, на заблужденіе почтеннаго автора, въ силу котораго онъ самое древнее считаетъ за самое новое, въ разсужденіяхъ его много свѣжести и много такого, что заслуживаетъ вниманія. Оставимъ въ сторонѣ его „Urkraft", которая сама непостижима, но развивается по законамъ природы, вполнѣ постижимымъ для человѣка;

оставимъ также на совѣсти автора его утвержденіе, что этическіе законы суть не что̀ иное, какъ тѣ же законы природы, и признаемъ, что въ детальномъ разсмотрѣніи этическихъ вопросовъ у него много вѣрнаго, хотя философское обоснованіе ихъ и слабо. Понятіе „долженствующаго быть“ (d. sein Sollende), по мнѣнію Раценгофера, есть не что̀ иное, какъ согласное съ природою и родовою жизнью (d. Artgemässe). На этическихъ воззрѣніяхъ автора отразилось вліяніе эволюціонной теоріи и, въ спеціальности, соціологическихъ мнѣній Гумпловича. Раценгоферъ утверждаетъ, что только Макіавелли и Гумпловичъ схватили сущность политики. Эволюціонный процессъ „верховной силы“ ведетъ человѣчество путемъ наслѣдственности и пріобрѣтенія новыхъ свойствъ къ физическому, интеллектуальному и нравственному совершенствованію. Нравственное и духовное развитіе человѣка ведетъ его отъ господства природныхъ индивидуальныхъ влеченій къ признанію того, что̀ объективно полезно, и потому разумно и согласно съ понятіемъ долженствованія въ сферѣ единичной и соціальной жизни. Источникъ всякой нравственной дѣятельности и нравственнаго развитія заключается въ прирожденномъ *интересѣ*, который проявляется въ сферѣ индивидуальной какъ физіологическое стремленіе къ тѣлесному развитію, а въ сферѣ родовой—какъ психофизіологическое стремленіе къ поддержанію рода и въ любви къ родственникамъ. Индивидуальный „интересъ“ облагораживается въ стремленіи къ нравственному совершенству; родовой интересъ—въ стремленіи къ созданію разнообразныхъ соціальныхъ союзовъ, согласныхъ съ указаніями разума. Наконецъ, потребность къ постиженію проблемы жизни создаетъ трансцендентальный интересъ, который находилъ себѣ прежде удовлетвореніе въ религіозныхъ представленіяхъ, теперь же—въ постиженіи порядка дѣятельности „верховной силы“.

Идеалъ нравственнаго совершенства состоитъ въ наивозможно полномъ и всестороннемъ согласіи интересовъ (Interessenübereinstimmung), нами только-что перечисленныхъ. Корень нравственной доктрины Раценгоферъ видитъ въ совѣсти;—совѣсть для него есть нѣкоторая сложившаяся постепенно и укрѣпившаяся, благодаря наслѣдственности, способность отдавать предпочтеніе предъ эгоистическими мотивами увѣщаніямъ (Mahnungen) разума, въ которыхъ выражается то, что̀ должно осуществиться (das relativ sein Sollende). Когда совѣсть становится опредѣленною способностью, тогда люди забываютъ о происхожденіи ея увѣщаній и считаютъ ее чѣмъ-то божественнымъ.

Вторая половина книги (главы V, VI и VII) описываетъ проявленія совѣсти въ различныхъ областяхъ дѣятельности человѣка, и въ нихъ обнаруживается несомнѣнный талантъ автора. Его философскія воззрѣнія не провѣрены критически, онъ игнорируетъ теорію позна-

нія и ея требованія; нравственный эволюціонизмъ точно также недостаточно оправданъ, и ежели первая половина книги разочаруетъ критически настроеннаго читателя, то во второй части онъ найдетъ удовлетвореніе. Особенно цѣнна, на нашъ взглядъ, глава пятая, въ которой авторъ говоритъ о половыхъ отношеніяхъ, о семьѣ, школѣ, работѣ, объ экономическихъ отношеніяхъ, о совѣсти въ политикѣ, наукѣ и искусствѣ: „Не безъ намѣренія,—говоритъ Раценгоферъ,—я поставилъ во главѣ своей философской системы изслѣдованія о сущности политики, ибо мнѣ уже давно стало яснымъ, что всѣ стремленія людей, въ концѣ концовъ, сводятся къ участію въ политической дѣятельности, что въ особенности этика только тогда можетъ осуществлять положительныя цѣли, если она признаетъ въ политической дѣятельности главный элементъ къ осуществленію долженствованія“ (стр. 241). Очень любопытны тѣ страницы, которыя Раценгоферъ посвящаетъ политическимъ заблужденіямъ. Необходимое условіе всякой политики, согласной съ нравственностью, это—„страсть къ истинѣ“. Источникъ всякой лжи въ политикѣ—это предпочтеніе личныхъ интересовъ интересамъ общественнымъ и замѣна реальныхъ обязанностей (нѣмцы называютъ ихъ весьма удачно „sachliche Pflichten“) личными обязательствами. Защищая патріотизмъ, какъ нравственную идею, и оспаривая, съ этой точки зрѣнія, ученія Л. Н. Толстого, Раценгоферъ высказываетъ слѣдующій, не лишенный значенія, взглядъ на войну: „Безъ сомнѣнія, индивидуальное страданіе, вызванное войною, и велико, и заслуживаетъ состраданія; но еще больше и глубже то зло, которое впиталось въ самую кровь и плоть народа, благодаря которому онъ вымираетъ культурно въ состояніи безнравственности. Соціологическое ученіе, что отъ судьбы индивида зависитъ развитіе рода, особенно ярко выражается въ войнѣ; поэтому защитники идеи мира должны осуждать не войну, но безнравственность, состояніе, когда заглохла совѣсть, ибо оно и есть источникъ войнъ“.

Чтеніе книги Раценгофера производитъ двойственное впечатлѣніе: его догматизмъ не можетъ нравиться читателю, получившему философское образованіе, хотя и въ этомъ отношеніи автору можетъ служить извиненіемъ та безплодность философской мысли, которая замѣчается нынѣ и объясняется, вѣроятно, увлеченіемъ теоріей познанія, обнявшей собою всю философію. Съ другой стороны, Раценгоферъ несомнѣнно обладаетъ тонкой наблюдательностью въ области нравственныхъ явленій и умѣньемъ комбинировать понятія, долженствующія служить къ объясненію нравственности. — Э. Р.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 февраля 1902.

Значеніе яслей въ голодные годы.—Поучительный опытъ.—Пироговскій съѣздъ врачей.—Судъ надъ тифлисскимъ городскимъ управленіемъ.—Юбилей „Гражданина".—Возобновленіе занятій коммиссіи по преобразованію средней школы.—Э. Д. Нарышкинъ, И. В. Мушкетовъ, Н. И. Цухановъ и А. В. Плетнева †.

Чѣмъ меньше появляется въ печати свѣдѣній о положеніи дѣлъ въ мѣстностяхъ, пострадавшихъ отъ неурожая 1901-го года, тѣмъ бо́льшую цѣну пріобрѣтаютъ сообщенія, касающіяся недавняго прошлаго и могущія бросить отраженный свѣтъ на настоящее. Къ числу такихъ сообщеній принадлежитъ статья г-жи А. Померанцевой: „Ясли въ елизаветградскомъ уѣздѣ", напечатанная въ №№ 11 и 12 „Вѣстника Благотворительности", издаваемаго центральнымъ управленіемъ дѣтскихъ пріютовъ вѣдомства императрицы Маріи. И раньше уже занимавшаяся устройствомъ яслей въ голодающихъ деревняхъ (въ губерніяхъ самарской и бессарабской), госпожа Померанцева, весною прошлаго года, поѣхала съ тою же цѣлью въ елизаветградскій уѣздъ (херсонской губерніи), по порученію правленія общества борьбы съ заразными болѣзнями, состоящаго подъ покровительствомъ принцессы Евгеніи Максимиліановны Ольденбургской. Во многихъ деревняхъ этого уѣзда свирѣпствовалъ тифъ, какъ одно изъ послѣдствій неурожая, разразившагося, въ 1900-мъ году, надъ юго-западомъ Россіи. При такихъ условіяхъ, по истинѣ незамѣнимой формой помощи являются ясли, не только дающія дѣтямъ пріютъ, уходъ и здоровую пищу, но и развязывающія руки матерямъ въ дѣлѣ пріисканія работы. Это очень скоро поняли жители деревень, которыя посѣтила г-жа Померанцева—и, что̀ весьма замѣчательно, бо́льшую часть средствъ на устройство и содержаніе яслей она получила отъ зажиточныхъ крестьянскихъ домовъ, разбросанныхъ, какъ оазисы въ степи, среди голодающаго населенія. Вотъ, напримѣръ, что̀ разсказываетъ г-жа Померанцева о селѣ Казанкѣ. Пріѣхавъ туда, она обратилась къ земскому начальнику съ просьбою созвать крестьянъ и дать ей возможность поговорить съ ними о содѣйствіи, которое они могутъ оказать устройству яслей.—„Ничего они вамъ не дадутъ",—отвѣчалъ, смѣясь, земскій начальникъ;—„просили тутъ у нихъ недавно на одну общественную потребность, и хоть бы кто плюнулъ! Ни одинъ! Камен-

ные"! Созвать крестьянъ онъ, однако, не отказался. При первыхъ словахъ г-жи Померанцевой „на лицахъ у многихъ выразился настоящій ужасъ"; но когда она закончила свои объясненія, крестьяне одинъ за другимъ стали вручать ей деньги, къ великому изумленію земскаго начальника. Жертвовали не только богачи, по нѣскольку рублей, но и бѣдняки, по двугривенному, по пятачку, по копѣйкѣ. „Вотъ на ребятъ мое прими"—говорилъ, напримѣръ, изможденный мужикъ среднихъ лѣтъ, сгорбленный, блѣдный, повидимому только-что переболѣвшій тифомъ. „Не поскучай! Хоть и копѣйка, а тоже деньги! Нонѣ, матушка, копѣйка-то рубль! Богъ не далъ, вишь"! Въ с. Лозоваткѣ оказался только одинъ богатый мужикъ, но за то онъ отвелъ подъ ясли свой домъ. Гдѣ богатые упрямились, тамъ ихъ увѣщевали бабы, напоминая имъ о смертномъ часѣ. Изъ числа крестьянокъ многія готовы были помогать устройству яслей личнымъ трудомъ. Большое сочувствіе и содѣйствіе госпожа Померанцева встрѣтила и со стороны духовенства (за однимъ только исключеніемъ), врачей, землевладѣльцевъ, городскихъ жителей. Письма, разосланныя ею знакомымъ, доставили ей въ 9—10 дней около 1.500 рублей. Елизаветградское отдѣленіе общества Краснаго Креста ассигновало въ ея распоряженіе 300 рублей и постановило испросить у окружного правленія общества еще 1.000 рублей.

Въ очень короткій промежутокъ времени ясли были открыты въ трехъ пунктахъ (на 330 дѣтей); совершенно готовы къ открытію и обезпечены средствами—въ шести, и намѣчены еще въ четырнадцати, всего на 3.000 дѣтей—но здѣсь выступаютъ на сцену „непредвидѣнныя препятствія" и „независѣвшія" отъ г-жи Померанцевой обстоятельства, остановившія дальнѣйшее развитіе добраго дѣла. Въ чемъ они заключались—въ статьѣ г-жи Померанцевой не объяснено; но въ газетахъ, въ свое время, была напечатана телеграмма о запрещеніи херсонскимъ губернаторомъ, въ іюнѣ прошлаго года, госпожѣ Успенской—оказывать продовольственную помощь, а госпожѣ Померанцевой—устроивать ясли для дѣтей въ мѣстностяхъ, пораженныхъ тифомъ.

Чтобы оцѣнить всю важность потери, понесенной, вслѣдствіе этого распоряженія, елизаветградскимъ уѣздомъ, необходимо припомнить, какъ велика у насъ дѣтская смертность даже въ обыкновенное время, при нормальныхъ условіяхъ, и какимъ могучимъ орудіемъ противъ нея являются именно ясли. Обѣ стороны вопроса освѣщены съ большою яркостью въ недавно вышедшей брошюрѣ гг. Соколова и Гребенщикова: „Смертность въ Россіи и борьба съ нею". И общая и спеціально дѣтская смертность въ Россіи значительно выше, чѣмъ въ другихъ западно-европейскихъ государствахъ; сравнительно съ Нор-

вегіей, напримѣръ, число умирающихъ у насъ (въ процентномъ отношеніи къ общему числу жителей) вдвое больше (15,3 и 31,5 на тысячу). Изъ 1.000 родившихся умираютъ, не достигнувъ пятилѣтняго возраста, *четыреста тридцать два* [1]). Главныя причины колоссальной дѣтской смертности (помимо невысокаго вообще уровня народнаго здоровья, народнаго развитія и народнаго благосостоянія)—непосильная работа матерей во время беременности и вслѣдъ за родами, негигіеническая обстановка крестьянскихъ жилищъ, отсутствіе ухода за дѣтьми и плохое ихъ питаніе. Соотвѣтственно этому намѣчаются авторами и ближайшія, сравнительно легко осуществимыя мѣры къ пониженію дѣтской смертности: широкое распространеніе въ народѣ гигіеническихъ свѣдѣній и *устройство въ деревняхъ лѣтнихъ пріютовъ-яслей*. По наблюденіямъ, сдѣланнымъ, напримѣръ, въ симбирской губерніи, смертности въ бо̀льшей части яслей не было вовсе, а гдѣ она и была, то столь незначительная, что понизила общій процентъ смертности въ данной деревнѣ. Это тѣмъ знаменательнѣе, что обыкновенно смертность достигаетъ максимальныхъ размѣровъ именно въ лѣтнее время.

Нужно ли объяснять, затѣмъ, что̀ значатъ ясли въ голодную годину и какъ отзывается на населеніи всякое противодѣйствіе ихъ устройству? Что̀ должно было передумать и перечувствовать населеніе тѣхъ деревень, гдѣ все было готово для открытія яслей —и оно тѣмъ не менѣе не состоялось? Какой вредъ могла причинить эта форма помощи голодающимъ, предпринимаемой съ вѣдома властей, руководимой хорошо извѣстными имъ мѣстными жителями (отъ г-жи Померанцевой шла только первоначальная иниціатива; завѣдывать яслями въ двадцати различныхъ мѣстахъ она, очевидно, не могла)?.. Значеніе движенія, такъ быстро распространившагося въ елизаветградскомъ уѣздѣ не исчерпывалось, притомъ, непосредственными его результатами. Говоря словами г-жи Померанцевой, оно вызывало „подъемъ духа, при которомъ и съ малыми средствами сдѣлаешь много“. Оно пробуждало хорошія чувства, слишкомъ часто заглушаемыя житейской суетой; оно соединяло въ одномъ общемъ дѣлѣ богатыхъ и бѣдныхъ, помѣщиковъ и крестьянъ, священниковъ и торговцевъ, заставляя забыть хоть на время жестокую, черствую формулу, слишкомъ хорошо знакомую русскимъ людямъ: „моя хата съ

[1]) Поразительныя цифры по тому же вопросу приведены въ рѣчи д-ра Долженкова, произнесенной на послѣднемъ Пироговскомъ съѣздѣ. Изъ 1.000 дѣтей умираютъ до достиженія пятилѣтняго возраста въ Швеціи—63, въ херсонской губерніи—207 До одного года не доживаютъ изъ 1.000 дѣтей въ Норвегіи—96, въ пермской губерніи—454!

краю, ничего не знаю"... Разсказомъ г-жи Померанцевой подтверждается еще разъ опытъ прошлаго десятилѣтія—опытъ, доказавшій наглядно незамѣнимость, въ эпохи народныхъ бѣдствій, частной, ничѣмъ не стѣсненной иниціативы [1].

Рядомъ съ вопросомъ о степени простора, который можетъ быть предоставленъ личному почину, въ неурожайные годы всегда возникаетъ вопросъ о размѣрахъ помощи, при чемъ нерѣдко проводится мысль о необходимости ограничить ихъ какъ можно больше, чтобы не избаловать крестьянина, не привить ему привычку жить на чужой счетъ. Мы видѣли недавно [2], какъ сильно проявляется такое стремленіе въ вятской губерніи, принадлежащей къ числу тѣхъ, которыя пострадали отъ неурожая 1901-го года. Весьма поучительно, поэтому, взглянуть на результаты „ограничительной" политики въ той же вятской губерніи, въ неурожайный 1898—99 годъ. Знакомитъ насъ съ ними статья г. Казанскаго, напечатанная въ одной изъ прошлогоднихъ книжекъ журнала: „Народное хозяйство". Три года тому назадъ сохранялъ еще свою силу старый продовольственный уставъ, но на самомъ дѣлѣ въ вятской губерніи—или, по меньшей мѣрѣ, въ малмыжскомъ уѣздѣ, которому посвящена статья г. Казанскаго—былъ примѣненъ уже тогда порядокъ совершенно аналогичный тому, который установленъ временными правилами 1900-го года. Веденіе продовольственнаго дѣла было, de facto, почти изъято изъ рукъ земства и передано земскимъ начальникамъ, подъ руководствомъ уѣзднаго продовольственнаго совѣщанія; были учреждены и участковые продовольственные попечители. Въ октябрѣ 1898-го года уѣздная земская управа и земскіе начальники опредѣляли количество хлѣба, необходимаго для продовольствія населенія, почти одинаково; цифра, выведенная послѣдними (778 тыс. пуд.), была даже нѣсколько выше той, на которой остановилась первая (733 тыс. пуд.). Губернское собраніе уменьшило это количество до 584 тыс. пуд.—и въ такихъ размѣрахъ продовольственная ссуда была разрѣшена правительствомъ; выдано было, однако, только 372 тыс. пуд., т.-е. на двѣсти тысячъ пуд. меньше. Большія сокращенія были произведены и въ количествѣ хлѣба на обсѣмененіе яровыхъ полей (назначено 840, выдано 542 тыс. пуд.), и въ количествѣ кормовыхъ средствъ для лошадей (назна-

---

[1]) Во избѣжаніе недоразумѣній, спѣшимъ прибавить, что отсутствіе *стѣсненій* вовсе не равносильно отсутствію *контроля*.

[2]) См. Внутреннее Обозрѣніе въ январьской книжкѣ „Вѣстника Европы".

чено 90 тыс. пуд. ржи и 100 тыс. пуд. сѣна, выдано 76½ тыс. пуд. ржи и 37 тыс. пуд. сѣна).

Первымъ толчкомъ къ этому понижательному движенію послужили слова бывшаго вятскаго губернатора, сказанныя 12-го октября, въ засѣданіи уѣзднаго продовольственнаго совѣщанія [1]): „желательно возможно бо̀льшее сбереженіе выдаваемой ссуды на продовольствіе... Малѣйшее отклоненіе крестьянъ отъ обыденнаго строя жизни (напр. отказъ отъ работы) можетъ вызвать лишеніе ссуды. При всякомъ удобномъ случаѣ надо стараться внушать населенію, что ссуда на продовольствіе—ссуда срочная и будетъ взыскиваться впослѣдствіи за круговою порукою общества, и притомъ деньгами. При провѣркѣ списковъ нуждающихся земскій начальникъ имѣетъ *безапелляціонное* право вычеркивать изъ списка тѣхъ, которыхъ онъ признаетъ ненуждающимися". Въ то же самое время земскимъ начальникамъ было объявлено, что „добросовѣстное и умѣлое отношеніе ихъ къ продовольственнымъ операціямъ послужитъ какъ бы искусомъ ихъ работоспособности". Съ этихъ поръ взгляды земскихъ начальниковъ на степень нужды перестаютъ совпадать со взглядами земской управы. Въ январѣ мѣсяцѣ одинъ изъ земскихъ начальниковъ пишетъ въ управу: „уменьшеніе выдаваемыхъ ссудъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ достигается благодаря тому обстоятельству, что, завѣдуя лично выдачей ихъ, я принимаю мѣры, чтобы крестьяне брали ссуду лишь въ самомъ крайнемъ случаѣ, уговаривая ихъ отсрочивать, по возможности, время полученія ссуды и уменьшая (съ согласія нуждающихся семей) число ѣдоковъ". Изъ числа ѣдоковъ исключались сначала малолѣтки до пяти лѣтъ; только 1-го марта продовольственное совѣщаніе признало за ними право на ссуду. Попытки управы провѣрять, вслѣдствіе жалобъ населенія, цифры, установленныя земскими начальниками, встрѣчали иногда такой отпоръ, что по одному участку управа должна была отъ нихъ совершенно отказаться. Избѣгать самостоятельныхъ провѣрокъ управу заставляло и неблагосклонное отношеніе къ нимъ губернатора. Сокращенія происходили и въ области прокормленія лошадей: распродажа ихъ, за недостаткомъ кормовъ, началась еще въ декабрѣ—а земскіе начальники утверждали, что ссудъ на прокормленіе лошадей не понадобится вовсе или нужда въ нихъ возникнетъ не раньше февраля. Въ концѣ концовъ результаты всяческихъ сокращеній оказались слѣдующіе: въ февралѣ и мартѣ 1899-го года въ уѣздѣ распространилась эпидемія тифа, особенно сильная въ тѣхъ

---

[1]) Весьма близко къ этимъ словамъ подходитъ объявленіе, которымъ бывшій вятскій губернаторъ открылъ нынѣшнюю продовольственную кампанію.

мѣстностяхъ, гдѣ всего больше уменьшались ссуды; въ маѣ въ четырехъ волостяхъ уѣзда появилась цынга, раньше здѣсь неизвѣстная; средства на покупку хлѣба зимой 1898—99 г. получались крестьянами, по удостовѣренію половины корреспондентовъ статистическаго бюро, отъ продажи скота и другого имущества; 18 тыс. десятинъ въ яровомъ полѣ остались незасѣянными; число безлошадныхъ хозяйствъ увеличилось на 1.334; вообще крестьянское хозяйство, только-что начинавшее поправляться, снова опустилось до уровня, на которомъ оставилъ его неурожайный 1891—92 годъ. Всѣ эти факты и цифры настолько краснорѣчивы, что не требуютъ комментарія; можно только пожелать, чтобы они не были упущены изъ виду при пересмотрѣ *временныхъ* правилъ 12-го іюня 1900-го года.

Чѣмъ полнѣе равнодушіе — быть можетъ, впрочемъ, болѣе кажущееся, чѣмъ дѣйствительное,—съ которымъ русское общество относится къ бѣдствію, постигшему значительную часть имперіи, тѣмъ отраднѣе было узнать, что его принялъ къ сердцу Пироговскій съѣздъ врачей, засѣдавшій на дняхъ въ Москвѣ. Врачебно-продовольственная помощь населенію, пострадавшему отъ неурожая, была организована еще раньше, по иниціативѣ казанскаго съѣзда врачей. Въ Казани былъ учрежденъ съ этою цѣлью особый комитетъ, который, по постановленію Пироговскаго съѣзда, переведенъ въ Москву. Въ видахъ доставленія средствъ для его дѣятельности рѣшено открыть подписку между членами съѣзда, передать въ комитетъ деньги, вырученныя отъ продажи книги д-ровъ Жбанкова и Яковенко: „Тѣлесныя наказанія", сдѣлать въ общихъ и спеціальныхъ газетахъ воззваніе о пожертвованіяхъ и снарядить, затѣмъ, врачебно-продовольственные отряды, для отправленія въ наиболѣе нуждающіяся мѣстности. Нужно надѣяться, что благой починъ съѣзда не встрѣтитъ никакихъ затрудненій... Занятія Пироговскаго съѣзда имѣютъ, вообще, не только научный характеръ; они касаются, сплошь и рядомъ, практическихъ вопросовъ, тѣсно связанныхъ съ народными нуждами и требованіями жизни. Отсюда недоброжелательство, съ которымъ смотритъ на съѣздъ реакціонная печать—но именно отсюда, съ другой стороны, живой интересъ, возбуждаемый, въ широкихъ кругахъ, трудами съѣзда. На этотъ разъ, напримѣръ, онъ поручилъ правленію съѣзда выработать основныя положенія санитарно-врачебной части въ городахъ и высказался за популяризацію здравыхъ понятій по гигіенѣ, за допущеніе женщинъ въ университеты, за возобновленіе ходатайства объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній. Газетнымъ обскурантамъ очень хотѣлось бы доказать, что двѣ послѣднія

темы вовсе не могли подлежать обсужденію съѣзда. Чтобы убѣдиться въ противномъ, стоитъ только припомнить съ одной стороны вліяніе тѣлесныхъ наказаній на здоровье, вліяніе далеко не всегда опредѣлимое заранѣе и именно потому особенно опасное, съ другой—явное несоотвѣтствіе между числомъ врачей и потребностью въ врачебной помощи, устранить или уменьшить которое въ ближайшемъ будущемъ можетъ лишь быстрый ростъ числа женщинъ-врачей, недостижимый съ помощью однихъ женскихъ медицинскихъ институтовъ. Въ средѣ самого съѣзда предложеніе возобновить ходатайство объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній возбудило нѣкоторыя сомнѣнія, касавшіяся не существа этого ходатайства, а его своевременности. Докторъ Нижегородцевъ полагалъ, что именно теперь повтореніе его было бы не только безполезно, но и вредно; въ правительственныхъ сферахъ скоро, быть можетъ, возникнетъ вопросъ объ освобожденіи крестьянъ отъ тѣлеснаго наказанія, и ходатайство съѣзда могло бы замедлить естественный ходъ дѣла и затормазить желательное его разрѣшеніе. Предсѣдатель съѣзда, профессоръ Капустинъ, также рекомендовалъ нѣкоторую осторожность, предлагая уполномочить правленіе съѣзда на избраніе момента, удобнаго для возбужденія ходатайства; но, повидимому, оба оппонента не настаивали на своихъ возраженіяхъ, такъ какъ рѣшеніе съѣзда о повтореніи ходатайства состоялось *единогласно*. И это вполнѣ естественно: нельзя же допустить, что мнѣніе, подтверждающее цѣлесообразность извѣстной мѣры, можетъ помѣшать ея осуществленію. Что отмѣна тѣлесныхъ наказаній, налагаемыхъ волостнымъ судомъ, не заставитъ ждать себя слишкомъ долго, на это указываютъ два признака: предполагаемое, судя по газетнымъ свѣдѣніямъ, учрежденіе при главномъ штабѣ особой коммиссіи „для всесторонняго выясненія вопроса объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія въ войскахъ“ и возбужденіе министромъ юстиціи вопроса о совершенной отмѣнѣ тягчайшихъ тѣлесныхъ наказаній—прикованія къ телѣжкѣ, плетей и лозъ [1]),—которымъ, по закону, могутъ подлежать ссыльные (на самомъ дѣлѣ наказанія эти, въ послѣднее время, не были приводимы въ исполненіе, съ особаго на то каждый разъ Высочайшаго соизволенія). Когда исчезнутъ тѣлесныя наказанія, назначаемыя по закону, тогда, быть можетъ, наступитъ конецъ и для тѣлесныхъ наказаній, налагаемыхъ внѣ закона и вопреки закону.

---

[1]) Пересмотръ карательныхъ мѣръ, опредѣляемыхъ уставомъ о ссыльныхъ, не коснется, повидимому, розогъ, примѣненіе которыхъ допускается, при извѣстныхъ условіяхъ, и въ обыкновенныхъ тюрьмахъ—допускается, къ сожалѣнію, не только у насъ, но и въ нѣкоторыхъ западно-европейскихъ государствахъ.

Много шуму надѣлало въ свое время, не только на Кавказѣ, но и вездѣ, гдѣ интересуются общественными дѣлами, обвиненіе тифлисскаго городского головы и членовъ тифлисской городской управы въ неправильныхъ дѣйствіяхъ по службѣ. Враги самоуправленія ликовали, предвкушая ударъ ненавистному имъ институту; узкіе „націоналисты" готовились праздновать побѣду надъ „инородцами" (армянами), забравшими въ свои руки центральный пунктъ закавказскаго края. Самый процессъ представляетъ особенности, рѣдко встрѣчающіяся въ нашей административной и судебной практикѣ. Издавна шедшая въ Тифлисѣ борьба между армянами и грузинами обостряется въ 1897 г., съ одной стороны подъ вліяніемъ торжества армянъ на городскихъ выборахъ [1]), съ другой—вслѣдствіе образа дѣйствій новой редакціи „Кавказа", обратившей оффиціозную газету въ органъ грузинской думской партіи. На ея страницахъ появляются обвиненія городской управы въ самоуправствѣ, во взяточничествѣ, въ хищеніяхъ. Это ведетъ къ назначенію административной ревизіи, поручаемой лицу, незадолго передъ тѣмъ переведенному на Кавказъ изъ западныхъ губерній. Безъ истребованія объясненій устраняются отъ должности два члена городской управы. Русское телеграфное агентство, представителемъ котораго состоитъ редакторъ „Кавказа", сообщаетъ во всѣ концы Россіи вѣсть объ открытіи въ городскомъ управленіи Тифлиса крупныхъ злоупотребленій. Ревизія продолжается цѣлый годъ, но не подтверждаетъ ни одного изъ первоначальныхъ предположеній: противъ управы предъявляется только одно серьезное обвиненіе—въ служебномъ подлогѣ, выразившемся въ представленіи губернатору невѣрной справки,—а все остальное сводится къ небрежному и неумѣлому завѣдыванію городскими дѣлами. Совѣтъ главноначальствующаго, не потребовавъ объясненія отъ обвиняемыхъ, постановляетъ предать ихъ суду. Главноначальствующій, находя, что къ неправильному веденію городского хозяйства были причастны и городская управа прежняго состава, и городская дума, и что несправедливо, поэтому, было бы привлекать къ суду однихъ только обвиняемыхъ, высказывается за прекращеніе дѣла Высочайшимъ повелѣніемъ, съ возложеніемъ, однако, на обвиняемыхъ отвѣтственности за убытки, причиненные городу ихъ дѣйствіями или бездѣйствіемъ. Съ предположеніемъ главноначальствующаго не соглашаются министры юстиціи и внутреннихъ дѣлъ, и дѣло получаетъ дальнѣйшее направленіе въ законномъ порядкѣ. Изъ допроса у су-

[1]) По словамъ газеты „Право" (№ 1), изъ которой мы заимствуемъ всѣ послѣдующія свѣдѣнія, армяне составляютъ въ Тифлисѣ большинство домовладѣльцевъ и купцовъ, вслѣдствіе чего побѣда ихъ на выборахъ, при нынѣ дѣйствующемъ избирательномъ строѣ, представляется вполнѣ естественною.

дебнаго слѣдователя городской голова и члены городской управы узнаютъ впервые, въ чемъ собственно ихъ обвиняютъ; до тѣхъ поръ они могли только догадываться о томъ, руководствуясь частными слухами, статьями „Кавказа“ и корреспонденціями „Новаго Времени“. Во время слѣдствія скоропостижно умираетъ городской голова (Г. Г. Евангуловъ)—и память его торжественно чествуется не только городомъ, но и высшими представителями администраціи. Въ обвинительномъ актѣ идетъ рѣчь уже только о нерадѣніи, медленности и недостаточномъ надзорѣ за подчиненными. Во время судоговоренія ни разу даже не произносится слово: *злоупотребленіе*. Всѣ свидѣтели, какъ со стороны защиты, такъ и со стороны обвиненія, говорятъ съ величайшей похвалой о полезной дѣятельности, о колоссальной работѣ членовъ городской управы—и судебная палата, при участіи старшаго ея предсѣдателя, произноситъ по отношенію ко всѣмъ подсудимымъ оправдательный приговоръ. Болѣе поучительнаго процесса мы давно не припомнимъ. Онъ иллюстрируетъ, прежде всего, опасность отступленій отъ обычнаго хода правосудія. Представимъ себѣ, что тифлисское дѣло было бы прекращено безъ суда, какъ о томъ ходатайствовалъ главноначальствующій. Съ обвиняемыхъ не было бы снято пятно, оказавшееся теперь совершенно незаслуженнымъ; неразрѣшеннымъ остался бы вопросъ о томъ, какъ функціонировало въ дѣйствительности тифлисское городское управленіе; отвѣтственность за несуществующія неправильности была бы возложена на людей ни въ чемъ неповинныхъ. Обнаруживается, далѣе, со всею ясностью и другая опасность—опасность поспѣшнаго примѣненія дискреціонной власти. Устраненныхъ въ 1898-мъ году членовъ городской управы не вознаградитъ за все потерянное ими оправдательный приговоръ, состоявшійся въ 1901-мъ году; трудно вознаградимымъ окажется, быть можетъ, и замѣшательство, внесенное въ городскія дѣла внезапнымъ удаленіемъ двухъ полезныхъ тружениковъ. Въ яркомъ свѣтѣ выступаетъ вредъ газетной травли, обостряющей давнишнюю рознь національностей и поддерживающей ее тамъ, гдѣ ей вовсе не должно быть мѣста. Получается, наконецъ, новый и весьма сильный аргументъ противъ избирательной системы, созданной городовымъ положеніемъ 1892-го года: не даромъ же однимъ изъ мотивовъ къ ходатайству о прекращеніи дѣла послужило для главноначальствующаго несовершенство дѣйствующей организаціи избирательнаго права, благодаря которой въ гласные думы попадаютъ, въ большинствѣ, „представители купечества, слишкомъ радѣющіе о своихъ нуждахъ и узко смотрящіе на общественные интересы“... Независимый и гласный судъ еще разъ сослужилъ двоякую службу, возстановивъ нарушенную спра-

ведливость и раскрывъ одну изъ слабыхъ сторонъ общественнаго строя.

Въ минувшемъ мѣсяцѣ исполнилось тридцать лѣтъ со времени основанія „Гражданина". Что̀ представляла и представляетъ собою эта газета, какъ она относилась и относится къ важнѣйшимъ вопросамъ русской жизни—это хорошо извѣстно нашимъ читателямъ. Въ чествованіи кн. Мещерскаго, какъ юбиляра, участвовали, если мы не ошибаемся, представители одного только о̀ргана русской печати—„Московскихъ Вѣдомостей". Къ этой особенности *литературнаго* юбилея присоединяются и другія, не менѣе характерныя. Адресъ кн. Мещерскому—кромѣ написаннаго его друзьями и поклонниками (болѣе $1^1/_2$ тыс. подписей),—былъ поднесенъ только одинъ: отъ калмыковъ, благодарящихъ его за то, что онъ поддерживалъ ихъ въ ихъ борьбѣ „за уголокъ счастья и *свободы*". Похвальна, конечно, поддержка чьей бы то ни было свободы [1]; но не знаменательно ли, что сочувствіемъ кн. Мещерскаго пользуется только свобода калмыковъ—свобода, имѣющая очень мало общаго съ широкимъ, великимъ значеніемъ этого слова?.. Не только юбилейный нумеръ „Гражданина", но и нѣсколько послѣдующихъ пестрятъ поздравительными телеграммами и письмами, подписанными, за весьма немногими исключеніями, именами лицъ совершенно неизвѣстныхъ. Такихъ поздравленій получаетъ, вѣроятно, немало всякій юбиляръ — но мы что-то не помнимъ, чтобы они такъ неукоснительно были доводимы до всеобщаго свѣдѣнія. Что такого-то писателя уважаетъ и цѣнитъ г. А. или г. Б.—это частное дѣло ихъ обоихъ, ни для кого, кромѣ нихъ самихъ, не интересное. Менѣе чѣмъ гдѣ-либо количество можетъ здѣсь замѣнить качество... Рядомъ съ поздравленіями идутъ, въ юбилейномъ нумерѣ „Гражданина", хвалебныя по адресу кн. Мещерскаго статьи его сотрудниковъ. Это—также нововведеніе, которое едва-ли привьется въ нашей литературѣ. Автору одной изъ такихъ статей „модный современный писатель, именующій себя либераломъ", сказалъ недавно: „мы отлично понимаемъ, что кн. Мещерскій — сила, что онъ уменъ и талантливъ, но *мы не имѣемъ права* (курсивъ въ подлинникѣ) признать это публично". Отчего бы не назвать писателя, выразившаго столь оригинальное мнѣніе? Тогда было бы видно, въ какой степени онъ призванъ говорить

---

[1]) Справедливость заставляетъ насъ признать, что газетѣ кн. Мещерскаго не чуждо понятіе о вѣротерпимости, по крайней мѣрѣ въ примѣненіи къ восточнымъ окраинамъ Россіи. Мы отмѣтили, въ свое время, прекрасныя статьи кн. Ухтомскаго въ защиту бурятъ, помѣщенныя именно въ „Гражданинѣ" и составляющія значительную часть скуднаго его актива.

отъ имени „либераловъ“ и въ какой степени серьезна его ссылка на „правоограниченіе“, которое наложила на себя, будто бы, цѣлая общественная группа...

Яркій контрастъ съ многочисленными письмами незнакомцевъ, восхищающихся дарованіями и гражданскою доблестью кн. Мещерскаго, образуютъ два письма, появившіяся одновременно съ юбилеемъ „Гражданина“. Первое изъ нихъ, подписанное тамбовскимъ уѣзднымъ предводителемъ Петрово-Соловово, является прямымъ отвѣтомъ на циркулярное посланіе кн. Мещерскаго къ предводителямъ дворянства; второе, подписанное семью предводителями (кн. Долгоруковымъ, гр. Шереметевымъ, гр. Олсуфьевымъ, гр. Гейденомъ, Новосильцовымъ, М. Стаховичемъ и Шереметевымъ), адресовано на имя г. Петрово-Соловово, къ мнѣнію котораго авторы письма безусловно примыкаютъ.

„Подводя итоги вашей тридцатилѣтней дѣятельности на почвѣ публицистики“,—говоритъ г. Петрово-Соловово, обращаясь къ кн. Мещерскому,—„вы съ горькимъ чувствомъ признаете полное равнодушіе къ вамъ русскаго дворянства. Но, сами того не подозрѣвая, въ вашихъ сѣтованіяхъ вы воздаете ему величайшую хвалу. Въ самомъ дѣлѣ, если къ тѣмъ идеямъ и убѣжденіямъ, которыя вы неуклонно проводили, русское дворянство относилось несочувственно, то это значитъ, что въ немъ не заглохли тѣ высокіе идеалы, съ которыми оно, обновленное реформами 60-хъ годовъ, выступило на открывшееся ему новое поприще общественной дѣятельности; это значитъ, что эпоха великихъ реформъ твердо опредѣлила путь, по которому оно должно идти, несмотря на всѣ усилія его ложныхъ друзей своротить его съ этого пути; это значитъ, что, несмотря на долголѣтнюю реакцію, проводникомъ которой вы такъ долго и такъ усердно служили, въ русскомъ дворянствѣ не угасло безкорыстное стремленіе въ живомъ общеніи и при полной ревноправности съ остальными сословіями русской земли трудиться надъ постепеннымъ водвореніемъ того порядка вещей, который составляетъ необходимое условіе нормальнаго общественнаго и государственнаго роста нашего отечества. А если иногда и можно было отмѣтить желательныя съ вашей точки зрѣнія исключенія, то вѣдь это только проявленія спеціальнаго атавизма, который не является тормазомъ въ общемъ органическомъ развитіи. Вы ошибаетесь, усматривая только холодность и равнодушіе къ вамъ русскаго дворянства. Нѣтъ! Негодованіе и протестъ вызывала не только въ передовыхъ его представителяхъ, но и въ громадномъ его большинствѣ ваша проповѣдь узко-сословныхъ тенденцій, ваша апологія дореформенныхъ порядковъ въ видѣ розги и административнаго произвола, ваша защита не духовныхъ интересовъ дворянства, какъ вы

ошибочно полагаете, а низменныхъ побужденій кастоваго эгоизма. Ваша тридцатилѣтняя работа, въ безплодности которой вы сами сознаетесь, могла бы, кажется, достаточно убѣдить васъ, что идеи, которымъ вашъ журналъ служитъ выраженіемъ, не соотвѣтствуютъ стремленіямъ и надеждамъ Россіи XX столѣтія. Итакъ, не ждите отъ насъ сочувствія, на которое вы, повидимому, все еще продолжаете надѣяться".

Какъ же отвѣчаетъ кн. Мещерскій на эту по истинѣ громовую отповѣдь? Онъ пытается увѣрить своихъ читателей, что относится къ „почтеннымъ протестантамъ" съ „добродушнымъ смѣхомъ", что ихъ „комичный протестъ" направленъ противъ того, чего въ „Гражданинѣ" никогда не было—противъ присвоенія себѣ „Гражданиномъ" „званія органа дворянскаго". „Гражданинъ"—восклицаетъ кн. Мещерскій—„есть органъ всѣхъ любящихъ свою родину русскихъ людей (!), за исключеніемъ *огромнаго большинства дворянъ россійской имперіи* (курсивъ въ подлинникѣ), не взирая на то, что онъ постоянно ратовалъ за дворянскіе интересы". Зачѣмъ же, въ такомъ случаѣ, „Гражданинъ" такъ усердно рекомендовалъ самого себя предводителямъ дворянства, такъ настойчиво домогался ихъ сочувствія и вниманія [1])? Если огромное большинство дворянства (чему мы желали бы вѣрить) не имѣетъ и не желаетъ имѣть ничего общаго съ „Гражданиномъ", то къ чему же эти неутомимые поиски подписчиковъ именно среди представителей дворянскаго сословія? Не ясно ли, что „Гражданинъ" хотѣлъ и хочетъ во что бы то ни стало если не быть, то слыть органомъ дворянства, привилегированнымъ истолкователемъ его „идеаловъ, преданій и завѣтовъ"? Не ясно ли, что подобное притязаніе должно было вызвать отпоръ со стороны тѣхъ, для кого невыносима мысль о какой бы то ни было солидарности съ „Граждa-

---

[1]) Вотъ текстъ циркулярнаго посланія кн. Мещерскаго къ предводителямъ дворянства, приведенный буквально въ открытомъ письмѣ г. Петрово-Соловово: „Послѣ тридцатилѣтія изданія мною газеты-журнала „Гражданинъ", неуклонно служившаго истолкователемъ и защитникомъ интересовъ духовныхъ и матеріальныхъ русскаго земельнаго дворянства, мнѣ грустно въ видѣ главнаго итога удостовѣрить тотъ печальный фактъ, что именно оно, это дворянство, всегда отвѣчало равнодушіемъ на мои усилія честно служить вышесказанной цѣли и всегда въ моей одинокой борьбѣ съ врагами дворянскихъ завѣтовъ оставляло меня безъ защиты подъ непрерывавшимися 30 лѣтъ ударами злобы и ненависти. Тѣмъ не менѣе, ради *30-ти-лѣтія* „Гражданина" считаю своимъ долгомъ, какъ бы слаба ни была надежда на успѣхъ, еще разъ попытаться обратить на свое изданіе благосклонное вниманіе тѣхъ гг. предводителей, которые рѣшились бы органъ печати, 30 лѣтъ самостоятельно отстаивавшій идеалы, преданія и завѣты русскаго дворянства, удостоить своимъ сочувствіемъ хотя бы въ силу поговорки: „лучше поздно, чѣмъ никогда".

ниномъ"?... Драгоцѣнно, во всякомъ случаѣ, признаніе кн. Мещерскаго, что противъ него *огромное большинство* русскихъ дворянъ. Побѣдоносно —въ нравственномъ смыслѣ—идти въ разрѣзъ съ большинствомъ, лучше, чѣмъ оно, понимать его интересы, видѣть свѣтъ, когда оно погружено во тьму—значитъ стоять на высотѣ, доступной лишь для немногихъ, значитъ обладать необыкновенными качествами ума и воли. И кн. Мещерскій хочетъ кому-то доказать, что таково его положеніе относительно большинства дворянъ?.. Мы сильно сомнѣваемся, чтобы онъ могъ убѣдить въ этомъ даже самого себя. На чьей бы сторонѣ ни было, впрочемъ, большинство дворянъ, правда, безспорно, на сторонѣ тѣхъ изъ нихъ, кто отворачивается съ негодованіемъ отъ „проповѣди" узко-сословныхъ „началъ", отъ „апологіи до-реформенныхъ порядковъ, отъ „защиты низменныхъ побужденій кастоваго эгоизма".

На-дняхъ мы прочли въ газетахъ о возобновленіи занятій коммиссіи по преобразованію средней школы. Выработанныя ею въ іюнѣ прошлаго года основныя положенія были разосланы по учебнымъ округамъ, а также министрамъ и главно-управляющимъ, въ вѣдѣніи которыхъ находятся учебныя заведенія. Ближайшей задачей коммиссіи является теперь обсужденіе полученныхъ замѣчаній; затѣмъ ей предстоитъ составленіе окончательнаго проекта устава средней школы. Если коммиссія будетъ работать съ такою же быстротою, какъ минувшимъ лѣтомъ, то проектъ устава можетъ быть внесенъ на разсмотрѣніе государственнаго совѣта еще въ теченіе настоящей сессіи. Въ составѣ коммиссіи осталось большинство прежнихъ членовъ (въ томъ числѣ академики П. В. Никитинъ и А. Н. Пыпинъ, профессора А. И. Кирпичниковъ и С. Ф. Платоновъ); къ нимъ присоединены представители заинтересованныхъ вѣдомствъ и еще нѣсколько педагоговъ, отчасти въ качествѣ постоянныхъ, отчасти въ качествѣ временныхъ членовъ (послѣдніе—для участія въ обсужденіи вопросовъ, касающихся ихъ спеціальности). Между новыми членами коммиссіи выдается Л. Л. Марковъ, бывшій директоръ первой тифлисской гимназіи, которому она обязана многими полезными нововведеніями.

Скончавшійся недавно оберъ-камергеръ Э. Д. Нарышкинъ принадлежалъ къ числу тѣхъ рѣдкихъ у насъ людей, которые, еще при жизни, удѣляютъ значительную часть своего состоянія на общеполезныя предпріятія. Главнымъ предметомъ заботливости покойнаго было народное образованіе. Онъ основалъ въ Тамбовѣ, на свои средства, учительскій институтъ и пожертвовалъ обществу для устройства

народныхъ чтеній въ городѣ Тамбовѣ и тамбовской губерніи обширное зданіе, съ народной читальней, богатой библіотекой и историческимъ музеемъ. Печально было прочесть въ газетахъ, почти одновременно съ извѣстіемъ о смерти Э. Д. Нарышкина, сообщеніе о кризисѣ, переживаемомъ тамбовскимъ обществомъ народныхъ чтеній. Причины этого кризиса извѣстны нашимъ читателямъ [1]: уставъ общества подвергся, въ 1899 г., измѣненіямъ, обратившимъ его въ полу-оффиціальное учрежденіе и лишившимъ его всѣхъ главныхъ его работниковъ. Въ новомъ своемъ составѣ общество скоро почувствовало себя безсильнымъ. Выбранная имъ ревизіонная коммиссія пришла къ убѣжденію, что оживить дѣятельность общества можно только предоставленіемъ нѣсколько большихъ правъ общимъ собраніямъ, открытіемъ болѣе свободнаго доступа въ члены общества и замѣною правленія на половину назначеннаго правленіемъ всецѣло выборнымъ. Общее собраніе согласилось съ мнѣніемъ коммиссіи; были составлены два проекта реформы, для разсмотрѣнія которыхъ созвано было на 24-ое ноября новое общее собраніе—но оно не состоялось за неприбытіемъ достаточнаго числа членовъ. Тамбовскій корреспондентъ „Россіи“ (№ 936) объясняетъ эту неудачу индифферентизмомъ большинства теперешнихъ членовъ общества. Прекрасное дѣло, задуманное и начатое Э. Д. Нарышкинымъ и быстро принявшее широкіе размѣры, обречено, такимъ образомъ, на застой, отъ котораго только одинъ шагъ до упадка. Нужно надѣяться, что министерство народнаго просвѣщенія, въ новомъ своемъ составѣ, исправитъ ошибку предшествовавшаго управленія. Примѣръ тамбовскаго общества, сопоставленный съ аналогичными явленіями въ обществахъ грамотности, петербургскомъ и московскомъ, показываетъ съ полною ясностью, что избытокъ регламентаціи и отсутствіе простора несовмѣстны съ успѣшною дѣятельностью общественныхъ учрежденій.

Въ лицѣ И. В. Мушкетова, скончавшагося въ полномъ расцвѣтѣ силъ, въ полномъ разгарѣ работы, тяжелую потерю понесла не только русская наука: русское общество лишилось въ немъ одного изъ лучшихъ своихъ членовъ. Это чувствуется уже теперь и будетъ сознаваться все больше и больше, по мѣрѣ раскрытія тѣхъ сторонъ жизни И. В., которыя до сихъ поръ были извѣстны лишь немногимъ. „Силы этого богатыря“—пишетъ о немъ Д. А. Клеменцъ—„были подточены еще до болѣзни. Постоянно волнуясь за горячо любимыхъ студентовъ,

---

[1]) См. Общественную Хронику въ № 10 „Вѣстника Европы“ за 1899 и № 12 за 1900 г.

отдавая каждый свободный часъ разносторонней общественной и научной дѣятельности, покойный не щадилъ себя—и въ критическій моментъ воспаленія легкихъ силы его сердца оказались подорванными на столько, что оно перестало работать... Съ нимъ осиротѣли тѣ сотни обездоленныхъ и обиженныхъ, которые находили у него и ласковый привѣтъ, и сердечное участіе, и разнообразную поддержку". Будущій лѣтописецъ горнаго института разскажетъ нашему потомству, какую роль игралъ И. В. во время студенческихъ волненій 1899 и 1901 г.г., съ какою настойчивостью, съ какимъ самоотверженіемъ онъ оберегалъ своихъ учениковъ и, косвенно, студентовъ другихъ учебныхъ заведеній. Это былъ рѣдкій въ наше время типъ профессора, живущаго одною жизнью съ своими слушателями, всецѣло преданнаго не только интересамъ науки, но и интересамъ высшей школы. Во всякій трудъ, который онъ бралъ на себя — а онъ не отказывался отъ участія въ общественномъ дѣлѣ, съ какой бы стороны оно ему ни предлагалось,— онъ вносилъ всю свойственную ему энергію, всю добросовѣстность человѣка, которому прежде всего и больше всего дорога истина. Такимъ мы видѣли его, напримѣръ, въ судѣ чести бывшаго союза взаимопомощи русскихъ писателей, безсмѣннымъ членомъ котораго онъ былъ въ послѣдніе годы его существованія; такимъ онъ останется въ памяти всѣхъ, на чью долю выпадали хотя бы мимолетныя съ нимъ встрѣчи.

Въ глубоко интересныхъ воспоминаніяхъ М. Ѳ. Громницкаго, печатаемыхъ, подъ заглавіемъ: „Изъ прошлаго", въ „Русской Мысли", съ замѣчательнымъ искусствомъ обрисована небольшая группа судебныхъ дѣятелей, которые, вступивъ въ жизнь въ первую, счастливую эпоху новаго суда, остались навсегда вѣрными лучшимъ ея завѣтамъ. Таковы были умершіе недавно въ Москвѣ М. Н. Лопатинъ и Э. Н. Сумбулъ, о которыхъ говоритъ М. Ѳ. Громницкій; такимъ былъ и скончавшійся въ концѣ прошлаго года Н. И. Цухановъ, около двадцати лѣтъ сряду занимавшій должность товарища предсѣдателя с.-петербургскаго окружного суда. По свидѣтельству лицъ близко его знавшихъ [1]), это былъ идеальный предсѣдатель, безпристрастный, неутомимый, удивительно хорошо умѣвшій разъяснять присяжнымъ—среди которыхъ, во время уѣздныхъ сессій, сплошь и рядомъ преобладаютъ крестьяне—самые сложные юридическіе вопросы. Оставивъ службу, онъ усердно работалъ въ юридическихъ журналахъ и въ юридическомъ обществѣ, постоянно выступая на защиту своихъ любимыхъ судебныхъ уставовъ. Одна изъ послѣднихъ рѣчей его въ юридиче-

---

[1]) См. № 86 „Юридической Газеты".

скомъ обществѣ, энергичная и убѣдительная, была направлена противъ проектируемаго института участковыхъ судей, именно въ виду его несовмѣстности съ нѣкоторыми изъ основныхъ началъ судебной реформы.

29-го декабря 1901 г. скончалась въ Петербургѣ, послѣ тяжкой и продолжавшейся не менѣе десяти лѣтъ мучительной болѣзни, Александра Васильевна Плетнева—въ тотъ самый день, когда, 36 лѣтъ тому назадъ, умеръ въ Парижѣ ея мужъ Петръ Александровичъ, занимавшій постъ ректора петербургскаго университета безпрерывно въ теченіе почти двадцати лѣтъ, въ 40-хъ и 50-хъ годахъ. Домъ П. А. Плетнева, гдѣ покойная являлась хозяйкою, служилъ въ ту эпоху центромъ, около котораго вращались первоклассныя литературныя силы той эпохи: Жуковскій, Пушкинъ, Гоголь—этотъ литературный тріумвиратъ—были самыми близкими друзьями въ домѣ Плетнева; въ концѣ 40-хъ и въ началѣ 50-хъ годовъ Жуковскій и Гоголь еще здравствовали, хотя уже не жили болѣе въ Петербургѣ. Плетневъ, женившись, въ 1849 г., вторично (онъ овдовѣлъ еще въ 1839 г.) на своей бывшей ученицѣ, Александрѣ Васильевнѣ (княжна Щетинина-Ростовская), заочно познакомилъ съ нею своего ближайшаго друга, В. А. Жуковскаго, и писалъ ему о ней: „Она принадлежитъ болѣе міру души своей, нежели свѣту. Ея постоянное стремленіе—совершенствовать всѣ стороны умственнаго и нравственнаго бытія своего. Съ давнихъ лѣтъ она ведетъ свой журналъ, родъ исповѣди предъ собою, и вмѣстѣ родъ лѣтописи минутъ, въ которыя она сильно что-нибудь чувствуетъ. Тутъ я вижу и убѣждаюсь, что истина и свобода даютъ мысли все, чѣмъ дорожимъ мы въ нашемъ писательскомъ искусствѣ“... Жуковскій, вскорѣ послѣ того, писалъ Плетневу: „Мнѣ бы еще много хотѣлось написать вамъ, особенно объ отрывкѣ, вами для меня переписанномъ изъ журнала милой, геніальной жены вашей (которой дружески поклонитесь отъ меня и жены моей). Но о такомъ предметѣ надобно писать свѣжее письмо“... П. А. Плетневъ, какъ оказалось, весьма вѣрно охарактеризовалъ тогда свою молодую жену, говоря, что „она принадлежитъ болѣе міру души своей, нежели свѣту“;—такою она оставалась всю жизнь, и потому тѣмъ болѣе могли цѣнить ея высокія душевныя качества тѣ, которые имѣли преимущество знать ее близко и составляли ея общество. Въ небольшой замѣткѣ, посвященной памяти А. В. Плетневой [1]), авторъ ея, г. К. Г., очевидно, давно и близко знавшій покойную, весьма справедливо замѣчаетъ: „Она отличалась замѣчательною скромностью и нѣкоторою замкнутостью своихъ духовныхъ интересовъ;

---

[1]) „Новое Время“, 31 дек. 1901 г.

она никогда не искала блеска въ свѣтѣ; не влекло ее къ общественной дѣятельности, къ пріобрѣтенію вліянія и роли, что при ея способностяхъ и рѣдкой обаятельности ея личности было бы для нея не трудно. Но вмѣстѣ съ тѣмъ она была въ высшей степени отзывчива на все доброе и высокое, на правду во всемъ, на истинныя достоинства въ людяхъ, на нужду и горе ближнихъ, и много дѣлала добра, много проливала кругомъ себя свѣта и теплоты изъ изумительнаго, неистощимаго запаса своихъ душевныхъ силъ"...

Еще какихъ-нибудь два-три мѣсяца, и А. В. Плетнева могла бы дожить до чествованія полувѣковой памяти дня кончины ближайшихъ друзей ея мужа, Гоголя и Жуковскаго, который, какъ мы видѣли, читая ея журналъ, высоко оцѣнилъ въ высшей степени симпатическія качества ея души. Она, дѣйствительно, принадлежитъ къ числу тѣхъ, о комъ Жуковскій сказалъ въ своемъ „Воспоминаніи":

„Не говори съ тоской: ихъ нѣтъ!—
„Но съ благодарностію:—были"!

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

ИЗВѢЩЕНІЯ

Отъ городской Коммиссіи по народному образованію.

Коммиссія по народному образованію, состоящая при С.-Петербургской городской Думѣ, согласно состоявшемуся постановленію ея о чествованіи памяти Н. В. Гоголя и В. А. Жуковскаго, по случаю исполняющагося въ 1902-мъ году 50-ти-лѣтія со дня смерти этихъ великихъ писателей, приступивъ въ настоящее время къ печатанію Сборника избранныхъ ихъ сочиненій, для раздачи оканчивающимъ курсъ ученія въ начальныхъ народныхъ училищахъ г. С.-Петербурга, считаетъ долгомъ сообщить:

1) печатаемый, подъ наблюденіемъ Коммиссіи по народному образованію, съ разрѣшенія цензуры, означенный Сборникъ избранныхъ сочиненій и изъ нихъ извлеченій, доступныхъ дѣтскому пониманію, составленный педагогомъ-литераторомъ В. П. Острогорскимъ, подраздѣленъ, по содержанію сихъ произведеній, на отдѣлы съ объяснительными къ нимъ статьями и приложеніемъ біографическихъ очерковъ великихъ писателей;

2) Сборникъ изданъ будетъ, по образцу Сборника изъ сочиненій А. С. Пушкина, выпущеннаго въ 1899 г.,—двумя изящными книжками въ переплетѣ, форматомъ въ 1/8 долю листа, объемомъ около 45 печатныхъ листовъ, съ 15—20 помѣщенными внѣ текста, соотвѣтствующими Сборнику портретами и видами;

3) согласно постановленію городской Думы, остающіеся отъ раздачи окончившимъ курсъ ученія въ начальныхъ училищахъ г. С.-Петербурга экземпляры издаваемаго городомъ Сборника поступятъ въ продажу, причемъ цѣна Сборника назначена въ 75 коп. за экземпляръ, безъ пересылки; печатаніе Сборника закончено будетъ: одной части къ 21 февраля, а другой части—къ 12 апрѣля 1902 года и тогда же будутъ выданы подписчикамъ на Сборникъ;

4) при выдачѣ подписчикамъ первой части Сборника, обнимающей собою сочиненія Н. В. Гоголя, будетъ выданъ билетъ на полученіе

другой части Сборника, заключающей въ себѣ сочиненія В. А. Жуковскаго.

Обращаться съ требованіями можно въ Канцелярію Коммиссіи по народному образованію въ С.-Петербургѣ, въ зданіи городской Думы (по Думской ул., 3-ьи ворота отъ Невскаго пр.).

ПОПРАВКИ:

Въ январьской книгѣ слѣдуетъ исправить:

Стран.:	*строч.*	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ:*
368	21 сн.	1894	1889
374	11 „	по два рубля	по пяти рублей
377	8 св.	А.	Л.

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. Стасюлевичъ.

СОДЕРЖАНІЕ
ПЕРВАГО ТОМА

Январь.—Февраль. 1901.

Книга первая. — Январь.

стр.

Портретъ Н. М. Карамзина и факсимиле обертки первой книжки журнала „Вѣстникъ Европы", имъ основаннаго, вышедшей въ Москвѣ, въ январѣ 1802 года . . . . . II-III

Исповѣдники.—Повѣсть.—I-IX.—П. Д. БОБОРЫКИНА 5
Послѣдніе годы жизни Байрона.—1818-1824 гг.—АЛЕКСѢЯ ВЕСЕЛОВСКАГО. 80
По Манчжуріи.—1900-1901 г.—Воспоминанія и разсказы. — I-IX.—А. В. ВЕРЕЩАГИНА 103
Деревенскія сцены. — Три разсказа. — I. Бобыль. — II. Быка покупаютъ. — III. Мама! дззя!—А. И. НОВИКОВА 149
И. С. Тургеневъ и П. В. Анненковъ.—Н. ГУТЬЯРА. 177
Жизнь Томаса Трука. — Романъ. — Felix Holländer, Der Weg des Thomas Truck.—Часть первая: I-XVII.—П—НЫ С—ВОЙ 196
Въ лѣсной Башкиріи.—Разсказы изъ жизни на лѣсныхъ промыслахъ.—I-VII.—ВАС. БРУСЯНИНА 246
Стихотворенія.—I. Баллада, изъ Казиміра Глинскаго.—II. Наброски.—МИХ. ГЕРБАНОВСКАГО 283
Крестьянское дѣло въ юго-западномъ краѣ. — 1865-68 гг.—I-II.—Ѳ. Ѳ. ВОРОПОНОВА 289
Хроника.—По вопросу о задачахъ губернскаго земства. — I. — АП. В. ЕРОПКИНА. 319
Внутреннее Обозрѣніе. — Первый годъ новаго вѣка. — Противорѣчія въ административной практикѣ по вопросу о „мелкой земской единицѣ".—Отношеніе къ нему различныхъ земствъ.—„Мелкіе съѣзды", какъ подготовка къ земскому собранію.—Постановленіе орловскаго губернскаго земскаго собранія.—Общеземскій періодическій органъ.—Продовольственное дѣло въ вятской губерніи. — Разъясненіе товарища министра народнаго просвѣщенія по вопросу о четырехклассныхъ „городскихъ" училищахъ . . 341
По поводу статьи Л. Буха о винной монополіи.—Письмо въ Редакцію —А. СКАРЖИНСКАГО 366
Иностранное Обозрѣніе.—Политическія событія истекшаго года.—Общее международное положеніе и китайскій вопросъ. — Война въ южной Африкѣ и британская политика. — Возможная перемѣна министерства въ Англіи. —Колоніи и внѣшніе союзы.—Германскій проектъ таможеннаго тарифа въ парламентѣ.—Печальный прусско-польскій инцидентъ. — Внутреннія дѣла въ другихъ государствахъ 378
Литературное Обозрѣніе. — Письма Н. В. Гоголя. Редакція В. И. Шенрока. Въ 4-хъ томахъ. Изд. А. Ф. Маркса. — „На трудовомъ пути", лит.-худож. сборникъ. —А. П.— Мандельштамъ, проф., О характерѣ Гоголевскаго стиля.—Е. Л.—Новыя книги и брошюры. 392
Новости Иностранной Литературы.—I. Louis Bertrand. La Cina.—II. Max Messer. Moderne Essays.—З. В 405
Изъ Общественной Хроники.—„Вѣстникъ Европы" сто лѣтъ тому назадъ.— Старые и новые земцы. — Земство и печать. — Три громкихъ земскихъ имени: Б. Н. Чичеринъ, Д. Ѳ. Самаринъ (†), Д. Д. Дашковъ (†).— Систематическое извращеніе истины въ „Моск. Вѣд."—Десятилѣтіе кассы взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ.—Чествованіе П. И. Вейнберга и Н. И. Стороженко.—P.-S. Правительственныя сообщенія . . . 420
Извѣщенія. —I. Отъ городской Коммиссіи по народному образованію.—II. Извлеченіе изъ Положенія о Всероссійскомъ Пожарномъ Съѣздѣ. . . . 436
Библіографическій Листокъ.
Объявленія.—I-IV; I-XII стр.

Книга вторая. — Февраль.

стр.

Послѣдніе годы жизни Байрона.—1818-1824 гг.—Окончаніе.—АЛЕКСѢЯ ВЕСЕЛОВСКАГО 441
Исповѣдники.—Повѣсть.—X-XVIII.—П. Д. БОБОРЫКИНА 482
Исправительныя заведенія въ С.-Американскихъ Штатахъ. — А. ГОЛЬДЕНВЕЙЗЕРА 552
По Манчжуріи.—1900-1901 гг.—Воспоминанія и разсказы. — X-XVIII.—А. В. ВЕРЕЩАГИНА 573
Изъ жизни Харьковскаго Университета въ началѣ XIX-го вѣка.—I-VI.—Д. И. БАГАЛѢЯ 628
Будущимъ біографамъ Н. В. Гоголя.—Замѣтки.—I.—А. КОЧУБИНСКАГО . . 650
Жизнь Томаса Трука. — Романъ. — Felix Holländer, Der Weg des Thomas Truck.—Часть вторая: I-VIII.—Пер. П—НЫ С—ВОЙ. 676
Крестьянское дѣло въ юго-западномъ краѣ.—1865-68 гг.—III-V.—Окончаніе.—Ѳ. Ѳ. ВОРОПОНОВА 733
Стихотворенія. - I. Дубрава. - II. Русская пѣсня.—И. П. 772
Хроника.—По вопросу о задачахъ губернскаго земства.—II.—Окончаніе.—АП. В. ЕРОПКИНА. 774
Внутреннее Обозрѣніе.—Государственная роспись на 1902-й годъ. — Закрытіе совѣщанія, учрежденнаго въ 1897 г. для выясненія нуждъ помѣстнаго дворянства. — Предполагаемое открытіе особаго дворянскаго отдѣла.—Ультра-сословное газетное прожектерство, не отступающее передъ „насиліемъ“.—Сфера дворянскихъ ходатайствъ.—Возобновленіе пересмотра узаконеній о крестьянахъ. — Программа изслѣдованія причинъ упадка центральныхъ губерній.—Близкій конецъ работъ по составленію гражданскаго уложенія.—Отдѣленіе Кронштадта отъ петергофскаго уѣзднаго земства 801
Иностранное Обозрѣніе. — Рѣчи графа Бюлова въ германскомъ парламентѣ.—Оффиціальный патріотизмъ и внѣшняя политика Германіи.—Внутреннія дѣла въ Пруссіи. — Дѣло Кулемана въ прусской палатѣ депутатовъ.—Парламентскія пренія о польскомъ вопросѣ. 821
Литературное Обозрѣніе. — „Подъ знаменемъ науки“, юбил. сборникъ въ честь Н. И. Стороженка. — Сочиненія И. Ѳ. Горбунова, п. р. и съ предисл. А. Ѳ. Кони.—Отзвуки разсказовъ И. Ѳ. Горбунова, гр. П. Шереметеви.—П. А. Кулишъ, В. Шенрока. —А. П.— Новое о Пушкинѣ, Ив. Щеглова.—Е. Л.—Новыя книги и брошюры 833
Новости Иностранной Литературы. — I. Der rote Hahn, v. G. Hauptmann.—II. Lebendige Stunden, v. Arthur Schnitzler.—З. В.—III. Positive Ethik, v. G. Ratzenhofer.—Э. Р. 846
Изъ Общественной Хроники.—Значеніе яслей въ голодные годы. — Поучительный опытъ.—Пироговскій съѣздъ врачей. — Судъ надъ тифлисскимъ городскимъ управленіемъ. — Юбилей „Гражданина“.—Возобновленіе занятій коммиссіи по преобразованію средней школы.—Э. Д. Нарышкинъ, И. В. Мушкетовъ, Н. И. Цухановъ и А. В. Плетнева †. 864
Извѣщенія.—Отъ городской Коммиссіи по народному образованію 881
Библіографическій Листокъ.—Отчужденіе недвижимой собственности для государственной или общественной пользы, В. В. Салова.—Кантъ и Гегель въ ихъ ученіяхъ о правѣ и государствѣ, П. Новгородцева. — Стихотворенія кн. Д. Н. Цертелева. — Руководство къ физическому образованію дѣтей школьнаго возраста, П. Лесгафта.—Путеводитель по Великой Сибирской желѣзной дорогѣ, А. И. Дмитріева-Мамонова. — Учебные годы стараго барчука, Евг. Маркова. — Повѣсти, сказки и разсказы Кота-Мурлыки, т. III.
Объявленія. — I-IV; I-XII стр.

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

3p